

Министерство
образования и науки
Российской
Федерации

«**ИНОЦЕНТР**
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д. и
Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ, «ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

В. Л. Васильев

**АРХАИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИЯ
НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ
(Древнеславянские
деантропонимные образования)**

Великий Новгород

2005

Рецензенты:

доктор филологических наук *С. А. Мызников*

кандидат филологических наук *Н. В. Попова*

Печатается по решению Совета научных кураторов программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»

Васильев В. Л.

В 19 Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантопонимные образования) / НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2005. – 468 с. (Серия «Монографии»; Вып. 4.).

ISBN 5-98769-006-4

Монография представляет собой первую часть научной трилогии, посвященной топонимическим древностям центральных районов средневековой Новгородской земли. В книге всесторонне трактуется большое количество топонимов, появившихся на основе древнеславянских и отчасти христианских личных имен; исследуются происхождение, эволюция и словообразовательная типология географических названий, оставленных славянским населением центральных районов Новгородской земли в период политической независимости Новгорода. Анализ новгородских топонимических древностей дан на широком общеславянском фоне.

Книга будет интересна не только специалистам-филологам, но и историкам, археологам, географам, краеведам и всем тем, кто не безразличен к прошлому Новгородской земли.

ББК 81.411.2-316

Книга распространяется бесплатно.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
(проекты № 04-04-00030а и № 05-04-04120а).*

ISBN 5-98769-006-4

- © Новгородский государственный университет, 2005
- © Новгородский межрегиональный институт общественных наук, 2005
- © В. Л. Васильев, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Введение	10
<i>Глава 1. Йотово-посессивная топонимия от личных имен</i>	34
Топонимическая *-jъ-модель и типология антропонимов (общая характеристика).....	34
Названия от древнеславянских личных имен-композитов.....	42
Названия от древненовгородских прозвищ-композитов.....	75
Названия от древнеславянских префиксально-корневых имен.....	81
Названия от древнеславянских суффиксально-корневых, гипокористических и деапеллятивных имен	94
Топонимия от христианских личных имен	114
<i>Глава 2. Этимологическая и этноисторическая разработка топонимии с элементами -гощ/-гост-</i>	123
<i>Глава 3. Топонимия с -ов-/-ев-, -ин- суффиксацией от древнеславянских личных имен</i>	169
<i>Глава 4. Посессивно-патронимическая топонимия на -ичи/-ицы</i>	229
Общая характеристика.....	229
Названия с основами древнеславянских полных личных имен	237

Названия с основами древнеславянских имен-гипокористик	245
Названия с основами деапеллятивных личных имен и апеллятивов с личным значением	263
Названия от христианских личных имен	277
Деантропонимная топонимия на <i>-ица, -еи</i>	281
<i>Глава 5. Топонимия катойконимического типа</i>	285
Названия на <i>-ичи/-ицы</i> (общая характеристика и отдельные этюды)	285
Названия на <i>-^сане, -цы</i> (общая характеристика и отдельные этюды)	309
<i>Глава 6. Топонимия, равная личным именам</i>	318
<i>Глава 7. Названия улиц средневекового Новгорода XI–XV вв.</i>	335
Краткие выводы	369
Источники и литература	375
Сокращения	398
Индекс топонимов	402
Индекс имен и обозначений лиц	436
Summary	458
Zusammenfassung	461

Предисловие

В книге подробно анализируется большое количество географических названий, оставленных славянским населением центральных районов Новгородской земли с первых веков славянского освоения окрестностей Ильменя до утраты Новгородом политической независимости.

Новгородская земля, особенно территория вокруг озера Ильмень и по течению рек Ловати, Пола, Мсты, Шелони, Луги, Волхова, по праву считается исторической. Значение этой территории велико в культурно-историческом отношении, поскольку она охватывалась центральными провинциями Великого Новгорода – одного из центров древнерусской государственности. Историко-лингвистическую значимость региону придает яркая специфика архаических новгородских говоров, а Приильменье справедливо считается главным очагом северного наречия современного русского языка.

В целом древняя Новгородская земля подвергалась недостаточному, спорадическому, разрозненному топонимическому изучению. В поле зрения немногочисленных авторов, писавших о новгородской топонимии, попали единичные названия рек, озер, поселений, как правило, крупных и хорошо известных по письменным источникам, причем часть предложенных толкований в свете новых фактов требует пересмотра либо может быть дополнена, подкорректирована свежими данными. До сих пор не существует целостного исследования, посвященного топонимии древней Новгородской земли, проведенного на значительном, статистически показательном и системно организованном материале, да и подобная задача еще никогда не ставилась. Нужен серьезный, комплексный, квалифицированный подход, основанный на

лингвистических интерпретациях, а не спорадические, от случая к случаю, апелляции к топонимическому источнику, зачастую ради иллюстрирования при помощи подходящих названий неких априорных схем. Скудость и бессистемность достижений новгородской топономастики особенно очевидна в виду успешных научных результатов, достигнутых на смежных путях исторического изучения региона. Историками и археологами уже давно ведется целенаправленная и последовательная работа по историко-археологическому изучению Новгорода и Новгородской земли, а новгородские грамоты на бересте, фонд которых ежегодно пополняется, успешно изучает акад. А.А.Зализняк. Думается, топономастические изыскания придали бы комплексный, более широкий характер познанию истории столь важного региона. Квалифицированные истолкования значительной суммы географических названий, подавляющее большинство которых будет введено в научный оборот впервые, равно как и систематизация связанных с названиями ономастических и общезыковых явлений, во многих случаях могли бы дополнить, откорректировать или продублировать выводы историков, археологов, лингвистов, а в целом (и это главное для науки) – расширить источниковую базу древней Новгородской земли.

Предлагаемая книга задумана как первая часть научной трилогии о топонимических древностях средневековой Новгородской земли. Она посвящена историко-этимологическому обоснованию значительного ряда древнеславянских названий, образованных в подавляющем большинстве от личных наименований (т. н. древнеславянская деантропонимная топонимия). Следующая часть трилогии ставит своей целью анализ архаических славянских топонимов, появившихся на базе нарицательной лексики с неличным значением (т. н. древнеславянская деапеллятивная топонимия); кроме того, во второй части планируется широкое ареальное обобщение рассмотренных деантропонимных и деапеллятивных топонимических образований в связи со спецификой славянского заселения Новгородской земли. В третьей части будет всесторонне проанализирована новгородская топонимия дославянского происхождения: древнефинские, древнебалтийские и «древнеевропейские» географические названия.

Настоящее исследование было поддержано Российским гуманитарным научным фондом, которому автор выражает признательность. Были использованы результаты работы по финансируемым РГНФ проектам: «Архаическая топонимия Приильменя (проблемы лингвоэтнической стратификации)» (грант № 04-04-00030а); «Топонимическая архаика Новгородской земли. Историко-этимологическое и лингвоэтническое исследование» (грант № 05-04-04120а).

Автор глубоко благодарен своим рецензентам – С.А.Мызникову и Н.В.Поповой, а также Л.Я.Петровой за ценные замечания по тексту рукописи. На всех этапах создания книги самое деятельное участие в ее судьбе принимала Н.Н.Вихрова: начиная от сбора новгородского топонимического материала и заканчивая составлением топонимического и антропонимического указателей; без этой непосредственной поддержки книга еще не скоро увидела бы свет. Отдельное спасибо – З.И.Рубцовой, любезно предоставившей необходимую литературу и источники из личной библиотеки. Автор признателен сотрудникам Новгородского МИОНа: В.В.Грохотовой и И.А.Ушановой за редактирование английского и немецкого переводов резюме и особенно Е.В.Горбачевой, проделавшей огромную работу по подготовке к печати обширного и сложного текста данной монографии.

Введение

В воле читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово; малейшая черта древности дает повод к соображениям...

Н. М. Карамзин

Изучаемое топонимическое пространство ограничено пределами средневековой Новгородской земли. Под этим устоявшимся словосочетанием в настоящем исследовании принято понимать область бывших новгородских пятин: Водской, Шелонской, Деревской, Бежецкой и Обонежской (в последней только ближайшая к Новгороду юго-западная часть) (см. рис. 1). Хотя эта область не охватывала всех древних владений Новгорода, а сам термин «пятина» принадлежит сравнительно поздним источникам уже московского периода новгородской истории, пользоваться терминологией пятинного административно-территориального устройства удобно при изучении средневековой новгородской истории в целом. Здесь важно то, что пятинны очерчивали наиболее близкие к Новгороду районы, т. н. «пригородные», или – иначе – «внутренние земли» Новгорода (термин К.А.Неволина [Неволин 1853, 55]). Речь, следовательно, идет о центральной (коренной, исконной) новгородской территории, сложившейся как единое целое задолго до покорения Новгорода Москвой. По современному административно-территори-

альному делению исследуемый регион приблизительно охватывает всю Новгородскую область, южную половину Ленинградской области (примерно до широты Санкт-Петербурга) и небольшую юго-западную часть Вологодской, восточные и северо-восточные районы Псковской области, граничащие с Новгородской и Ленинградской областями, и примыкающие к Новгородской северные и особенно северо-восточные районы Тверской области. В плане естественной гидрографии это преимущественно площадь озерно-речного Ильмень-Волховского бассейна (окрестности оз. Ильмень и течения крупных рек Ловати, Шелони, Полы, Мсты, Волхова) с прилегающими бассейнами Луги, Плюссы и Оредежа на северо-западе, верховьями Мологи и Сяси на востоке и северо-востоке.

Обрисованная территория, довольно обширная, имеет глубокие исторические корни. Южные и восточные границы ее в общих чертах соответствуют пределам расселения летописных ильменских словен, как они устанавливаются по погребальным памятникам – новгородским сопкам VIII–IX вв. «Сопочный ареал, – пишет Е.Н.Носов, – поразительно совпадает в ряде мест с позднейшими территориальными пределами Новгородской земли» [Носов 1992, 12]. Западный фланг области новгородских пятин определяется пограничьем с исторической Псковской землей, а также границами с Пусторжевской землей, принадлежавшей издревле Новгороду, но не вошедшей после присоединения к Москве в пятинное деление. О Псковской земле нужно сказать особо. Традиционно ее считают органическим продолжением Новгородской земли, предполагая позднее выделение Пскова из владений Новгорода – в XIV–XV вв. Однако не так давно было показано, что уже начиная с 1137 г. Псков не обнаруживает даже малейших признаков политической зависимости от Новгорода [Янин 1992; 2004, 254–266]. Не углубляясь сейчас в существо вопроса об истоках этнодиалектного своеобразия территории Причудья и бассейна р. Великой, можно согласиться с В.В.Седовым в том, что Псковская земля стала формироваться как отдельная территориально-этнографическая единица уже во 2-й пол. I тыс. н. э. [Седов 1999, 235]. Об этом говорят хотя бы исконно заложенные на этой территории тенденции самостоятельного развития, приведшие к ее обособлению уже в раннедревнерусское время.

Заметим, что топонимический источник тоже показывает заметные различия между Новгородской и Псковской землями. Приведем один пример. Топонимический ландшафт бассейна р. Великой (южнее Пскова, вокруг Острова, Опочки, Пушкинских Гор, Пустошки, Новоржева, Идрицы, Себежа и др.) маркирован значительным присутствием географических названий на *-и/-ы*: *Кузнецы, Жуки, Марченки, Артамоны,*

Кожуры и т. п. Напротив, в целом на Новгородчине и на севере, северо-востоке Псковской области, т. е. на территории бывшей Новгородской земли и современных новгородских говоров или говоров, тяготеющих к ним, тип родовых ойконимов на *-и/-ы* является маргинальным, соответствующие названия представлены в разительно меньшем объеме. Можно найти и другие различия топонимического, а также диалектного ландшафтов исторических Новгородской и Псковской земель.

Наиболее схематично обозначаются исследователями северные пределы центральных районов Новгородской земли, что, пожалуй, связано с непрерывным расширением этих пределов к северу и северо-востоку начиная с первых веков появления славянского этноса на Ильмене. В настоящем исследовании северная граница изучаемого топонимического пространства условно проведена на 60 градусе северной широты.

При известной схематичности границ, маркирующих порой весьма отдаленные периферии, исследуемый регион обладает отчетливо выделяемым центром. Диалектно-этнографическим ядром коренной Новгородской земли выступает Приильменье (ближайшие окрестности оз. Ильмень), где расположен Новгород, главный город летописных ильменских словен, ставший политической и культурной столицей региона. Существенно, что Приильменье является одновременно и географическим центром, поскольку оз. Ильмень собирает воды с большей площади очерченной территории. К Ильменю сходятся реки и широтного, и меридионального направлений, которые, как хорошо известно, являлись в древности главными нитями коммуникаций и летом, и зимой. Все крупные реки Ильмень-Волховского бассейна были связаны на водораздельных участках системой волоков с реками иных бассейнов. Реки и озера служили путями славянского расселения и, что не менее важно, местами первичного славянского хозяйственного освоения, поскольку берега водоемов были наиболее удобны для пашенного земледелия [Носов 1999, 160]. Благодаря обилию рек центральная Новгородская земля предстает информационно проницаемым пространством, что, несомненно, явилось естественно-географической предпосылкой к формированию этнодиалектной и политической целостности региона.

Говоря об исторической целостности центральных районов древней новгородской территории, нельзя не отметить яркого своеобразия древненовгородского диалекта (в широком смысле), внешнее, социолингвистическое, и внутреннее описание которого дано А.А.Зализняком [Зализняк 1995; 2004] преимущественно на основе анализа берестяной письменности. Констатируя постепенное сближение западных и восточных говоров Новгородской земли, исследователь подчеркивает: «Если

бы древненовгородское государство продолжало самостоятельное существование, этот процесс должен был бы привести к формированию особого восточнославянского языка, подобно, например, белорусскому или украинскому. Таким образом, с историко-лингвистической точки зрения, в XI–XV вв. совокупность местных идиомов Новгородской земли (№ 3–5) образовывала пучок диалектов, развитие которого в самостоятельный язык было прервано с концом новгородской независимости и включением Новгородской земли в состав Московского государства (т. е. это своего рода «предъязык», которому не суждено было развиваться дальше этой фазы)» [Зализняк 2004, 7]. Изучение лингвистических особенностей берестяных грамот привело к пониманию того, считает А.А.Зализняк, что внутри восточнославянской зоны имелось очень древнее противопоставление по крайней мере двух диалектов – древненовгородского (прановгородско-псковского) и южного (или юго-восточного). Впоследствии древненовгородский и центрально-восточный диалекты явились главными компонентами будущего великорусского языка [Зализняк 2003, 221–222]. Эта идея изначальной гетерогенности восточнославянской зоны встретила серьезную критику со стороны исследователей, отстаивающих традиционный тезис о гомогенности происхождения восточнославянских языков; см. прежде всего работы: [Трубачев 1997, 17–18; 2002, 275–278; 2002а, 22–23; Крысько 1994а; 1994б; 1998]. Как бы ни трактовались истоки, судьбы и структура новгородского «предъязыка», ясно одно: берестяные источники открыли перед исследователями специфические факты живой древненовгородской речи со множеством диалектных черт, ранее не знакомых ни палеорусистике, ни даже славистике в целом. Анализ конкретных фонетических, грамматических и лексических изоглоссов древненовгородского диалекта на широком общеславянском фоне, строгий учет соотношения в них архаизмов и инноваций, не подтверждает, на наш взгляд, преждевременных выводов ни о западнославянском генезисе древненовгородского диалекта, ни об особом западнославянско-новгородском (западнославянско-севернокривичском) родстве. На современном этапе исследований более надежно пока констатировать только повышенную степень архаичности древненовгородских говоров. «Здесь перед нами как бы периферия периферии, то есть сугубая периферия», – замечает О.Н.Трубачев [Трубачев 2002, 275]. На этой периферии длительное время сохранялась «значительная часть праславянских архаизмов и развивались – как на их основе, так и независимо от них, порой, может быть, под влиянием контактирующих автохтонных языков – собственные инновации» [Крысько 1998, 85]. Ранее на основе статистического анализа

лексических связей А.Ф.Журавлев тоже пришел к сходному заключению об особой архаичности севернокривичских диалектов, легших в основу древненовгородского диалекта [Журавлев 1994, 193].¹

Разумеется, эта отдаленная северная окраина восточнославянского мира лучше сохраняла не только общезыковые пережитки, но и пережиточные элементы отчуждаемого языкового фонда – ономастические. Действительно, ономастическое изучение Новгородской земли обнаруживает значительное количество топонимических и антропонимических древностей, относящихся к позднепраславянскому и древнерусскому времени (йотово-посессивные топонимические образования, антропонимические композиты и простые личные имена, зафиксированные в древних антропонимиконах западно- и южнославянских областей и т. д.). Об относительной самости и обособленности древненовгородских говоров свидетельствует большое количество архаических ономастических черт, характерных только для Новгородской земли (к примеру, выдающаяся концентрация топонимии с элементами *-гощ/-гост-*, повышенная функциональность древней антропонимии на базе корней **něg-* **red-* и др.). В целом удельный вес тех ономастических элементов, возникновение которых допустимо ограничивать ранневосточнославянским временем, в Новгородской земле, по-видимому, превышает плотность таких же элементов на всех остальных территориях проживания русского народа (даже если сделать немаловажную поправку на лучшее, сравнительно с иными областями, состояние источниковой базы в исследуемом регионе).

Материалы по современному диалектному членению русского языка показывают сложный состав диалектных объединений на территории бывших новгородских пятин. Согласно сводной диалектологической карте русского языка 1965 г. (см. [Захарова, Орлова 1970]), северо-восточная часть исследуемого топонимического пространства занята сегодня Ладого-Тихвинской группой говоров северного наречия, центр (Приильмень) и северо-западная часть (бассейны Луги и Плюссы) относятся к ареалу Новгородских говоров, южные пределы охвачены Псковской группой и Селигеро-Торжковскими говорами. Восточные окраины бывшей Новгородской земли преимущественно совпадают с восточным пограничьем ареала Селигеро-Торжковских и Ладого-Тихвинских говоров (если пренебречь незначительным пересечением

¹ Подробнее о перипетиях острой широкой дискуссии, посвященной проблематике древненовгородского диалекта, см. [Крысько 1998].

восточных окраин Бежецкой пятины с западным пограничьем ареала межзональных Белозерско-Бежецких говоров и одной из подгрупп Владимирско-Поволжской группы). Обрисованный современный лингвогеографический ландшафт, специфика которого в конечном итоге была задана наличием двух древних центров – Новгорода и Пскова, разумеется, существенно преобразован по сравнению с древним состоянием. С исторической точки зрения граница между севернорусскими ладоготихвинскими и среднерусскими новгородскими говорами не носит принципиального характера (заметим, кстати, что в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» 1915 г. данная граница вовсе не проведена): эти соседние диалектные объединения очень близки и отражают развитие собственно древненовгородских говоров. Главные различия этих диалектных объединений определяются тем, что говоры исторического ядра региона вокруг Новгорода и Ильменя и особенно восточнее Ильменя (ближайшей метрополии) в силу различных перипетий исторической судьбы (среди которых, наверное, не последнюю роль сыграл фактор вывода новгородцев и привоза крестьян с центральных территорий Московского государства в конце XV – нач. XVI вв.) к настоящему времени оказались более разрушенными, чем говоры к северо-востоку от Новгорода, продолжением которых явилась современная Ладого-Тихвинская диалектная группа, очень однородная в языковом отношении. Территорию этой группы, соответствующую преимущественно Обонежской и северной окраине Бежецкой пятины, в меньшей степени затронули прямые перемещения населения, что, видимо, и обеспечило более полную сохранность здесь древних новгородских черт, практически забытых в современных западных среднерусских говорах [ОСНиСГ, 283–285]. Более выраженная диалектная граница проходит к югу от Приильменя. Она отделяет современные новгородские говоры от существенно отличной Псковской и Гдовской групп говоров (последняя, впрочем, разделяет ряд общих черт с новгородскими). Надо полагать, многие отличительные особенности Псковской группы сформировались на базе древнепсковского диалекта, соотносимого с ядром древней Псковской земли. Основные черты древнепсковского диалекта, как показывают письменные данные, встречались раньше в Приильменье и даже восточнее Ильменя, хотя, очевидно, здесь они обнаруживаются более разреженно. В целом формирование северной и восточной границ Псковской и обособление Гдовской группы говоров авторы ОСНиСГ соотносят со сравнительно поздним периодом XV–XVIII вв., в связи с чем любопытно отметить, что эти границы в том виде, как они даны картой диалектного членения 1965 г., в грубом приближении соот-

ветствуют западным и юго-западным пределам изучаемой нами области новгородских пятин. Современные Селигеро-Торжковские говоры, перекрывающие только северной частью своего ареала бывшие южные уезды Деревской и Бежецкой пятин, не выделяются пучками изоглосс как единое образование в пределах западных среднерусских говоров и не характеризуются единством языковой структуры, заключая черты сопредельных диалектных объединений [ОСНиСГ, 414].

Исследование северо-западного лингвогеографического ландшафта не только по фонетико-грамматическим, но в особенности по лексическим данным позволило выявить на территории Новгородской, Псковской и Ленинградской областей немало новых диалектных зон и микрозон, прочертить новые линии диалектных изоглосс (подр. см. [Герд 1996; 2001; 2001а; 2001б]). По этим данным выделяется одна из самых важных для изучаемого региона границ, имеющая глубокий исторический характер: граница по Волхову – Ильмену – Ловати, разделяющая два основных массива новгородских говоров – Западноновгородскую и Восточноновгородскую диалектные зоны.

* * *

Новгородская топонимия, прикрепленная к обозначенной выше области бывшего пятинного деления, спорадически попадала в поле зрения отечественных и зарубежных исследователей. Обычно авторы ставили и решали частные топонимические задачи, основываясь на скромной сумме географических названий, локализованных на отдельных небольших частях обширной новгородской территории и Русского Северо-Запада в целом. Из наиболее значимых работ с относительно широким охватом материала и территории стоит назвать интересную книгу исследователя севернорусской и финно-угорской топонимии А.И.Попова [Попов 1981], которая раскрывает происхождение и историю названий отдельных крупных селений и водоемов Ленинградской, Псковской и Новгородской областей (т. н. Озерный край). Написанная просто и увлекательно, эта маленькая книга, изданная большим тиражом в серии научно-популярной литературы, стала общедоступным пособием для всех, интересующихся топонимикой (см. рецензию на нее [Матвеев 1982]), как, впрочем, и более ранняя книга указанного автора – «Географические названия» [Попов 1965], тоже основанная в значительной мере на материалах Русского Северо-Запада. Для исследовательского стиля А.И.Попова характерно привлечение значительных ис-

торико-географических сведений о названии и его объекте, широкий учет данных из исторических письменных источников; вместе с тем он порой не очень доверяет собственно лингвистической стороне изучения топонимов.

Не менее весомый вклад в топонимическое изучение Русского Северо-Запада внесла Р.А.Агеева. В 1970–1980-е гг. появился ряд трудов этого автора по гидронимии частей Новгородской (преимущественно Шелонская и Деревская пятины) и Псковской земель, см. [Агеева 1973; 1974; 1977; 1980а; 1980б] и нек. др. Особенно важна обобщающая монография [Агеева 1989], в которой водные названия новгородско-псковской территории освещаются под углом заключенной в них культурно-исторической информации. Р.А.Агеева умело использует формально-этимологический и словообразовательный анализы, учитывает выводы археологии. С ее именем связано открытие на Русском Северо-Западе широкого слоя названий древнебалтийского происхождения.

В беглом обзоре новгородской топонимической историографии нельзя оставить без упоминания содержательные статьи о северо-западных географических названиях с элементами *-гост/-гощ-* [Микляев 1984], о топонимии на *-ля/-ль* [Агеева, Микляев 1979], о гидронимических балтизмах в новгородско-псковских землях [Топоров 1995; 1999]. Но иногда априорно заданное стремление найти топонимические следы какого-либо дославянского народа на новгородской территории не приводило к успеху. В этой связи оставляют широкое поле для сомнений настоячивые поиски чудско-литовских элементов в новгородских пятинах [Трусман 1898], скифских следов на Северо-Западе России [Соболевский 1923], абсолютизация идей о том, что все реки и озера на Русском Севере, Северо-Западе и в центре Европейской России носят финские названия, а все селения, народы и местности поименованы по рекам [Орлов 1907]; к такому же типу предвзятых этимологических разработок следует отнести неправомерное возведение даже очевидных славянских топонимов в районе Новгорода (к примеру, *Людогоща, Славно, Перынь*) к мерянским, вепским и иным прибалтийско-финским источникам [Яйленко 1989; 1990; 1993]. Использование топонимов *Межа, Межник* при изучении территориально-политических границ Новгородской, Псковской и Смоленско-Полоцкой земель в связи с расселением восточнославянских племен [Алексеев 1968] не кажется нам удачным прежде всего потому, что данные топонимы не относятся к типу архаических, древнеславянских: они возникали в различные эпохи, в том числе и поздние периоды вплоть до настоящего времени, а следовательно, в целом не показательны для интерпретации раннедревнерус-

ских процессов. Напротив, интересна предпринятая географом В.С.Жекулиным попытка использовать топонимы в качестве свидетельств изменения природы Новгородской области за историческое время [Жекулин 1967], топонимический подход оказался плодотворен при изучении древних водно-волоковых путей Верхней Волги [Иванов 1962]. Новгородский диалектолог В.П.Строгова рассмотрела происхождение отдельных названий Новгорода и его ближайших окрестностей [Строгова 1993; 1994]. В 1950–1960-е гг. появилось несколько кандидатских диссертаций, посвященных описанию исторической и современной топонимии Новгородской земли и сопредельных территорий [Лебедева 1952; Подольская 1956; Никитин 1967; Полковникова 1970], новгородской исторической антропонимии [Мирославская 1955]. Хотелось отметить показавшееся нам наиболее интересным исследование А.В.Никитина о названиях рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской областей, дополненное несколькими крупными статьями в 1960-е гг. [Никитин 1962а; 1962б; 1966]. Ономастика, преимущественно антропонимия новгородских берестяных грамот изучалась в работах: [Подольская 1977; 1979; Строгова 1995; Мельникова 1999; Шилов 2002; Хелимский 2000, 344–348; Baeklund 1956]. Были созданы небольшие топонимические словари и серия заметок об отдельных названиях на территории Ленинградской [Кисловской 1968], Псковской областей [Мельников 1984], Верхнего Поореджья [Рябов 1995], которые носят скорее характер любительских и отчасти поверхностных опытов.

Нужно сказать, что в последние годы изучение древней топонимии Новгородской земли несколько активизировалось, отчасти благодаря и нашим усилиям. Свидетельством этого являются изданная недавно книга об истории названия гор. Старая Русса [Агеева, Васильев, Горбаневский 2002], целый ряд наших статей, посвященных как славянской, так и дославянской топонимии Новгородской земли [Васильев 1994; 1994а; 1997; 1998а; 2000; 2000а; 2001а; 2001б; 2001в; 2002; 2002а; 2002б; 2002в; 2002г; 2002д; 2002е; 2003; 2003а; 2003б; 2004; 2004а; 2004б; 2004в; 2004г; Васильев, Северинов 1999; 2001; 2004], а также сборник по итогам международной топонимической конференции в Великом Новгороде [Топ. и диал. лексика 2001], содержащий работы известных специалистов по ономастике и диалектной лексикологии.

Зарубежные исследователи останавливались обычно на некоторых новгородских названиях, преимущественно на гидронимах, не выделяя их из контекста всей восточнославянской (или славянской) топонимии или обращались к этимологической интерпретации отдельных топонимов при характеристике Русского Северо-Запада как контактной области индоев-

ропейского и финно-угорского населения. Наиболее существенными в этой связи представляются не потерявшие актуальности исследования М.Фасмера 1930-х – нач. 1940-х гг., который широко привлекает топонимию при разработке этноисторической проблематики севернорусских, в т. ч. новгородских территорий [Vasmer 1931; 1933; 1941; Vasm. VZHVO]. Некоторые новгородские гидронимы и ойконимы (*Волхов, Ловать, Шелонь, Луга, Оредеж, Веренда, Велегощи, Уницы* и др.) в числе прочих севернорусских этимологически затрагивались в свете русско-финских языковых отношений в трудах финских ученых Микколы [Mikkola 1938] и Я.Калимы [Kalima 1935; 1944]. Отдельные новгородские водные названия оказались учтены Я.Развадовским в его значительной работе, трактующей славянскую гидронимию на широком общеевропейском фоне [Rozwadowski 1948]. В свете проблематики «норманнского вопроса» шведским славистом Р.Экбломом рассматривалась топонимия Новгородской губернии, производная от этнонимических корней *rus-* и *vareg-* [Ekblom 1915]. Для обоснования древнего скандинавского присутствия новгородские топонимические материалы привлекались немецким историком и лингвистом Г.Шраммом [Schramm 1982; Шрамм 1994], который, на наш взгляд, склонен некоторые названия типично славянского облика неоправданно выводить из северогерманских языков.

Свежих, недавно появившихся работ зарубежных авторов по новгородской топонимии почти нет. Следует указать, однако, статью [Ambrosiani 2002] о взаимодействии ряда смежных лимнонимов и ойконимов на территории севернее Новгорода и книгу [Sosnowski 2002], широко привлекающую новгородские данные при описании русской ойконимии XVI в.

Из совокупности работ, так или иначе освещающих географические названия Новгородской земли, обрисовывается сложная картина региональной топонимии, которая включает языковые напластования различных эпох и народов. В новгородской топонимии прослеживаются географические имена по происхождению: 1) древнефинские, оставленные по преимуществу прибалтийскими финнами, отчасти, возможно, и саамами; не исключено присутствие и более архаического слоя названий, имеющих обобщенные финно-угорские (уральские) языковые соответствия на весьма широких территориях; 2) «древнеевропейские», по терминологии немецкого исследователя Х.Краэ, а точнее говоря, древнеиндоевропейские, находящие соответствия в разных регионах Европы, но определяемые без конкретизации по отдельным индоевропейским языкам; 3) древнебалтийские, как выяснилось, весьма здесь многочисленные, оставленные языковыми предками литовцев, латышей, пруссов и

др.; 4) архаические славянские (позднепраславянские, древнерусские), обладающие своими специфическими чертами, но иногда с трудом дифференцируемые от древнебалтийских; 5) старорусские и русские, наиболее многочисленные, образующие преимущественно ойконимический фон; многие из них отражают узкорегиональные, сугубо новгородские языковые явления и местные культурные реалии; 6) древнескандинавские, появившиеся в силу известной по письменным источникам деятельности варягов в новгородских землях. В более поздние исторические эпохи на новгородской территории возник довольно многочисленный слой карельских названий, благодаря массовому переселению карел в XVII веке, а в XIX веке ряд названий был оставлен переселившимися в Приильмень эстонцами и латышами. Древние дославянские, субстратные и субсубстратные, географические названия преимущественно являются гидронимами, но иногда также названиями поселений и урочищ, причем не перенесёнными, не дублирующими смежные гидронимы, что позволяет в ряде случаев в более очевидной, «локализующей» версии судить не только о расселении дославянских этносов, но и о местах обитания оставленных ими археологических древностей.

* * *

Целью проводимого исследования является историко-этимологическое обоснование новгородских топонимических древностей славянского происхождения – географических названий, связанных возникновением с позднепраславянским и древнерусским временем. В настоящей монографии предмет исследования ограничен географическими названиями, производными от личных собственных наименований и реже от обозначений лиц, или – в целом – деантропонимной (отантропонимной) топонимией, локализуемой в обрисованной выше области бывших пятин Великого Новгорода. К основным задачам относятся: отбор названий по ряду критериев и их локализация, идентификация старых и новых форм названий с учетом тождества именуемых объектов, словообразовательные, этимологические и ареальные интерпретации названий на общеславянском фоне. Общая методика заключается в поиске архаических славянских географических названий, их этимологической (или словообразовательной) расшифровке, ареальной разработке и классификации.

Нет особой нужды доказывать, что апелляция к славянской топонимической архаике существенно расширяет наши знания о ранней языковой и этнической истории славян. Постепенное выявление и научное

освоение древнейшей славянской топонимии на различных территориях приближает нас к системному изучению праславянского ономастического и отчасти диалектно-лексического фондов, углубляет знания о диалектном членении праславянского языка позднего периода, дает материал к уточнению специфики ранних языковых изменений. Учет межтерриториальных соответствий архаической славянской топонимии (архаических топоизоглосс) преимущественно ценен при изучении путей и областей расселения славян раннеисторического времени, направлений главных племенных миграций.

Этимологическое рассмотрение древней топонимии, несмотря на всю привлекательность ее в качестве исторического источника, не относится к числу популярных, достаточно апробированных, а главное – теоретически разработанных тем. Такое положение дел связано не в последнюю очередь со специфическими сложностями анализа архаических топонимов, многие из которых «извечно» дискуссионны, с укоренившимся мнением о недостаточной показательности топонимии в плане хронологической стратификации, откуда проистекает известное недоверие к диагностическим возможностям топонимии вообще (которое, надо заметить, «подпитывается» постоянной профанацией топонимического источника в силу часто появляющихся поверхностно-дилетантских опытов истолкования географических имен). Поэтому и основательных работ, посвященных архаической топонимии, в том числе славянской, сравнительно немного. В частности, среди исследователей, регулярно разрабатывавших разноплановую проблематику древнеславянской топонимии и ономастики в целом, хотелось бы в первую очередь назвать О.Н.Трубачева [Трубачев 1968; 1978; 1982; 1988; 1994; 2002; Трубачов 1971] и С.Роспонда [Роспонд 1972; Rospond 1957; 1958; 1968; 1983]. Не потеряла своего ориентирующего значения, главным образом при изучении гидронимической архаики, классическая книга «Лингвистический анализ гидронимии Верхнего Поднепровья» [Топоров, Трубачев 1962]. Существенный интерес для нас в методологическом плане, в основном применительно к тематике изучения древнерусской и старорусской деантропонимной топонимии, представляют также работы: [Бірыла, Лемцюгова 1973; Железняк 1987; Казлова 1994; Карпенко 1996; Купчинський 1981; Купчинский 1980; Мароевич 1997а; 1997б; Матвеев 1987; Никонов 1968; Рубцова 1980; Селищев 1968; Худаш 1986; Худаш, Демчук 1991; Чайкина 1987; 2005, 93–107; Чумакова 1992; Шульгач 1998; Arumaa 1956; Šmilauer 1958; 1960; 1970; Sosnowski 2002].

Географические названия любого региона составляют совокупность разновременных разнокачественных образований. К исследуемой топо-

ними, определяемой как «архаическая», «древняя», «ранняя», мы относим такие названия, которые маркированы наличием каких-либо древнеславянских (древнерусских) черт структуры, явно пережиточных и непродуктивных с точки зрения изменившихся реалий современного языка. В плане ареального выражения непродуктивность топонимии может быть конкретизирована как неспособность к спонтанному возникновению тождественных топонимических форм на сопредельных территориях (межтерриториальных параллелей) на базе новых общеязыковых (лексико-семантических, грамматических, фонетических) и собственно ономастических, главным образом антропонимических, ресурсов окружающего диалектного массива. Черты непродуктивности, нерегулярности топонимической формы безусловно ассоциируются с ее архаичностью, хотя можно спорить о хронологической подоплеке таких черт и по-разному оценивать степень их непродуктивности.

К слою архаической топонимии не имеют отношения поздние случаи иррадиации архаических топонимических форм на близлежащие топообъекты в окрестной территории (к таким случаям относится, например, появление в конце XIX в. ойконимов *Нащинский пос.*, *Нащи 1-е* и *Нащи 2-е* ж. д. ст. поблизости от архаического ойконима *Нащи* дер. к западу от Новгорода).

Исследуя славянскую топонимию, отмеченную чертами непродуктивности (архаичности, нерегулярности) структуры, целесообразно ввести хронологические ограничения. Применительно к Новгородской земле приблизительную верхнюю границу появления топонимии, которая рассматривается как архаическая, будем относить ко времени последней четверти XV в. Это оправдано прежде всего внешним, социолингвистическим комплексом событий, отчетливо разделивших две принципиально разные эпохи. Культурно-историческая ситуация Новгородской земли в указанный период меняется радикальным образом. Новгород утрачивает политическую самостоятельность, а его земли включаются в состав Московской Руси. Согласно традиционной схеме периодизации русского языка, закатом древнерусского периода обычно считают XIV в., что же касается XV в., то его рассматривают в рамках уже старорусского (великорусского) периода как начальный этап формирования русской народности; см.: [ЛЭС, 429; Филин 1972, 3; Хабургаев 1980, 13–18]. Однако по отношению к языковым реалиям Новгородской земли, периферийной и сравнительно поздно подключенной к центральным областям сложения великорусского языка, предпочтительнее, на наш взгляд, говорить о XV в., по крайней мере о его первой половине, как о еще позднедревнерусском этапе развития. Подобным образом квалифицируется XV в. и в связи с хро-

нологизацией новгородских берестяных грамот [Зализняк 2004, 227–228]. Прав Л.Н.Гумилев, который пишет о том, что с падением Новгорода в 1478 г. «закончилась история последнего этнического осколка Древней Руси, включенного в состав нового этноса» [Гумилев 1992, 168]. Принятие последней четверти XV в. за верхний хронологический рубеж нашего исследования удобно и по собственно источниковедческим соображениям: с конца XV в. появляются писцовые книги, которые являются самым ценным, полновесным источником древней ойконимии Новгородской земли. Новгородские берестяные грамоты, иллюстрирующие качественно иную эпоху новгородской независимости, напротив, исчерпываются приблизительно этим же временем.

Нижнюю хронологическую границу исследования новгородских славянских топонимических древностей целесообразно отнести ко времени начального освоения славянами Ильмень-Волховского бассейна. «Жесткой» датировки здесь нет, но вряд ли мы особенно погрешим против истины, приняв VII–VIII вв. н. э. за время относительно устойчивого расселения славян и закрепления славянской речи в центральных районах Новгородской земли (опираясь в первую очередь на известные археологические выводы о сложении культур псковско-боровичских длинных курганов и новгородских сопок)¹.

В пределах обозначенного периода, довольно значительного – от первых веков славянского освоения Северо-Запада до последней четверти XV в., состояние диалектной восточнославянской речи, разумеется, менялось. Столь большой временной промежуток нельзя принять за бытие одного языка, хотя термин «древнерусский» зачастую как раз и используется обобщенно при указании на восточнославянское этническое и языковое единство приблизительно в отмеченных выше временных пределах [Хабургаев 1980, 14]. В зависимости от тех или иных целей и аспектов изучения языковой истории, можно и нужно выделять стадию обособления и распространения восточнославянских диалектов (восточнославянский период), ранне- и позднерусский этапы. Но при этом полезно учитывать известный тезис о значительной близости ранних славянских языков. Различия между молодыми славянскими языками I – нач. II тыс. н. э. по сути дела не выходят по своему масштабу за рамки междиалектных различий внутри любого современного периода. Столь высокая мера общеславянского в отдельных славянских языках

¹ Обстоятельный обзор отечественной исторической и археологической литературы, рассматривающей вопросы славянской колонизации Русского Северо-Запада, дан в статье: [Конецкий 1998].

позволила, например, А.А.Зализняку обозначить древненовгородский диалект, хотя бы на ранних стадиях его письменной фиксации, просто как диалект позднего праславянского языка, входящий в группу восточнославянских диалектов [Зализняк 2004, 7]. Восхождение по оси времени, разумеется, дает все больше оснований рассуждать о древненовгородском как диалекте древнерусского языка, однако с точки зрения внутренней логики языкового развития речь идет лишь о постепенном замещении одного качества другим и четких разделительных линий просматривается немного.

Конкретизация хронологических границ, существенная для темы поиска и анализа славянских топонимических древностей Новгородской земли, позволяет уточнить базовое понятие топонимического архаизма. В принятом нами понимании славянский топонимический архаизм – это географическое название, охарактеризованное пережиточными, непродуктивными чертами своей структуры (мотивационными, деривационными, фонетическими), исчерпавшее к концу древнерусского периода потенциал возникновения в континууме окружающих диалектов. Топонимические архаизмы генетически связаны не с настоящим, а с предшествовавшим языком-источником (или предшествовавшими языками-источниками) и, будучи реликтами позднепраславянского и древнерусского времени, сравнительно немногочисленны на фоне остальной современной топонимии региона, хотя, разумеется, с углублением исследований число их будет возрастать. В целом топонимические архаизмы повышено значимы со стороны своих референтов, поскольку многие из них прикреплены к древним значительным поселениям и сравнительно крупным водоемам. Как правило, специфична ареальная дистрибуция топонимических архаизмов: для них характерны рассеянные локализации-вкрапления в несмежных, отдаленных диалектных зонах одного языка, но чаще нескольких языков (отдаленные «кросс-диалектные» и «кросс-языковые» связи), хотя не исключены и единичные, изолированные локализации в пределах одного диалектного массива. Спорадичность, широкая межславянская территориальная рассеянность топонимических архаизмов обусловлена разнообразными процессами распространения ближайшеразродственных славянских диалектов и языков в далеком прошлом. Эти названия – осколки ареалов, в древности, надо полагать, более плотных и очерченных, а позднее размытых и разрушенных. Славянская топонимия, сохранившая, усилившая или получившая потенциал спонтанного возникновения после распада древнерусского языка, репрезентирует уже генетически русский (старорусский и позднерусский) слой географических названий. Такую топоним

мию имеет смысл назвать «фоновой»: она наиболее многочисленна и в силу этого качества во многом определяет специфику современного топонимического, преимущественно ойконимического и микротопонимического, ландшафта региона, его интегральный фон.

Понятие топонимического архаизма, разумеется, приложимо не только к названиям славянского происхождения. Древнейшие субстратные дославянские топонимы (преимущественно гидронимы) являются реликтовыми остатками вымерших диалектов и языков и архаичны уже по определению. В Новгородской земле обнаруживается также немало количество фактов т. н. новейшего, неархаического субстрата – преимущественно карельской, эстонской и летто-литовской микротопонимии XVII–XIX вв.

Несколько забегая вперед отметим, что новгородская славянская топонимия, охарактеризованная пережиточными чертами языка, в значительной массе случаев показывает широкие межтерриториальные соответствия, часто на Западе Славии, реже по всей Славии или в пределах одного восточнославянского диалектного континуума. Топонимию (и антропонимию) с отдаленными межъязыковыми линиями связей, уходящими за пределы восточнославянской области, предпочтительно называть «общеславянской» или «(поздне)праславянской»; последний термин, применительно к специфике нашего топонимического исследования, кажется более удачным, поскольку подчеркивает важный фактор времени и не столь строг к тому, что касается территориальных ограничений. Онимы, ограниченные восточнославянской областью распространения, допускают квалификацию в качестве «восточнославянских» или «древнерусских» (по соображениям хронологии и следуя традиции, имеет смысл чаще использовать второй из этих терминов, точнее конкретизирующий эпоху). Но чаще по ходу исследования, при отсутствии особой необходимости в разграничении указанных понятий, мы будем пользоваться термином более широкого значения – «древнеславянский», который замещает всю перечисленную выше терминологию. Наконец вполне оправданным кажется применение термина «древненовгородский», которым мы характеризуем диалектные факты, не выходящие за пределы древней Новгородской земли.

Процедура поиска славянской топонимической архаики на новгородской территории базируется в целом на принципах, которые ранее были сформулированы О.Н. Грубачевым при изучении древней топонимии восточных славян. По мысли исследователя, категорию ранней восточнославянской топонимии составляют названия, которые: 1) образованы от антропонимических или апеллятивных основ, неизвестных в свободном

употреблении в восточнославянских языках; 2) являются собой, с точки зрения восточнославянского языкового материала, собственно топонимические образования по особым древним словообразовательным моделям; 3) находят преимущественно в западнославянских языках (польский и чешский) полные и точные соответствия с той характерной особенностью, что западнославянские параллели не ограничиваются топонимией, но имеют надежные западнославянские языковые источники как в антропонимии, так и в лексике [Грубачов 1971, 16].

Вместе с тем, применительно к задачам настоящего исследования, необходимо принять в расчет территориально-хронологические ограничения. В данном случае речь идет не о широкой восточнославянской территории вообще, а о диалектном пространстве Новгородской земли. При этом мы ориентированы на более четкую верхнюю хронологическую границу появления новгородской деантропонимной топонимии славянского происхождения, рассматриваемой в качестве архаической, – эту границу мы относим к последней четверти XV в. Следовательно, к интерпретации как правило привлекаются топонимы от тех личных имен и обозначений, которые вышли из употребления в Новгородской земле к концу XV в., но могли оставаться популярными и в дальнейшем не только у южных и западных славян, но и в некоторых зонах восточнославянского ареала: преимущественно в пространстве украинского и белорусского языков, редко – на отдельных русских территориях, отдаленных от Новгородской земли. Рассматриваются также топонимические образования по общеславянским деривационным моделям, утратившим продуктивность на новгородской территории к исходу древнерусского периода. Обычно к изучаемым новгородским названиям обнаруживаются межтерриториальные топонимические соответствия в различных разрозненных зонах не только западно-, но и восточно- и южнославянского языковых пространств, преимущественно на землях раннего славянского расселения (I – нач. II тыс. н. э.), редко на землях более позднего русского заселения; кроме того, вне пределов Новгородской земли искомым соответствий может вообще не оказаться.

Выделение слоя архаической славянской топонимии порой сопряжено с немалыми трудностями. Имеется категория отчетливо классифицируемых случаев. Так, геогр. *Будогощь* по всем показателям относится к бесспорным топонимическим архаизмам: мотивировавшее его личное имя *Будогость* давно утрачено всеми славянами, деривационная модель, оформившая это название, потеряла продуктивность в древнерусский период, новг. геогр. *Будогощь* находит точные соответствия в топонимии и антропонимии восточных и западных славян. Напротив, названия

на *-иха* (*Блазниха, Агафониха*), на *-щина* (*Санаковщина, Василевщина*) сохранили и даже увеличили потенциал образования в XVI в. и значительно позднее; такие ойконимы наиболее многочисленны в собственно русских областях¹. Древний общеславянский тип названий на *-ичи/-ицы* сохранял продуктивность в Новгородской земле еще в XVI в., однако начиная с этого столетия, а возможно, и раньше продуктивность таких названий резко идет на убыль. Новых названий на *-ичи/-ицы* возникает после XVI в. уже немного: большинство современных топонимов этого типа являются лишь продолжениями названий, которые фиксирует писцовая документация XV–XVI вв. Выделение топонимических архаизмов на *-ичи/-ицы*, следовательно, в значительной мере будет основываться на хронологической квалификации топооснов. Выясняется, что довольно часто топоосновы таких названий отсылают к древнеславянским антропонимам, вышедшим или почти вышедшим из обихода в XVI в.

Обнаруживается большое количество конкретных топонимических фактов, которые, судя по характеру основ и формантов, сохраняли потенциал возникновения на протяжении всего средневековья. К ним, например, относятся многие названия, производные с *-ов/-ев-, -ин-* суффиксацией от личных имен и апеллятивов, функционировавших, судя по отражениям в письменных источниках, на протяжении почти всей русской истории. Такие факты, разумеется, не входят в число древнеславянских топонимических архаизмов. Квалификация их с точки зрения делимитации древнерусских и старорусских элементов совершенно неотчетлива. Рассмотрим один из примеров. В свое время геогр. *Пестово* было указано среди ранних восточнославянских топонимов, находящихся параллели в западнославянской области; ср. рус. *Пестово*, чеш. геогр. *Pístov* (с XIV в.), польск. *Piastowo, Piastów*; апеллятивная первооснова этих названий известна преимущественно западным и восточным славянам, см. [Трубачов 1971, 16]. На первый взгляд, факт отнесенности геогр. *Пестово* к раннему слою славянских топонимов не вызывает сомнений, однако более подробный обзор источников показывает, что мотивировавшее такую ойконимию личное имя не утратило популярности в Новгородской земле и других русских

¹ Общим вопросам образования этой поздней, собственно русской, реже – восточнославянской, ойконимии, географии распространения и хронологии отдельных ее типов и моделей посвящен значительный ряд публикаций. Отметим лишь некоторые: [Азарх 1981; Бирьла, Лемшгова 1973; Витов 1967; Власова 1971; Карпенко 1966; Кучкин 1973; Лемтюгова 1983; Лопатин 1981; Никонов 1959; Селищев 1968; Чайкина 1987; 2005, 93–107; Sosnowski 2002].

землях и после XV в. См. относительно поздние данные об употреблении этого имени: Якуш *Пест*, Прокош *Пест*, Мартемьяник *Пест*, крестьяне в Дер. пят. 1495 г., Василий Павлов сын *Пест*, чердынский крестьянин 1605 г., отчества (или фамилии) *Пестов*, *Пестовы* из актов письменности XV–XVII вв. в районах Твери, Коломны, Каширы, Белозерска, Шенкурска и др. (по [Туп. СДЛСИ, 358, 746; Вес. Он., 243]); эти свидетельства следует дополнить еще современной фамилией *Пестовы*, сложившейся в старорусский период (см. [Унбегаун 1989, 157]), и современным прозвищным апеллятивом *пест* – ‘невежда’ (костром.), ‘упрямый человек’ (вят.), ‘глупый, тупой человек’ (костром.), ‘высокий, тонкий парень’ (новг., р. Мста) [СРНГ 26, 308]. Следовательно, сохранялся потенциал образования геогр. *Пестово* уже в старорусское время; об этом красноречиво свидетельствует и огромное количество (до полутора сотен) ойконимов с основой *Пест-*: *Пестово*, *Пестова*, *Пестовка*, *Пестовцы* и др., которые локализируются на всей европейской территории проживания русского народа, включая регион Среднее и Нижнее Поволжье и др., см. материалы, собранные в [Vasm. RGN VI 3, 675–677]. В данном случае речь идет, разумеется, не столько о древнеславянской, сколько о собственно русской топонимии, особенно с учетом наличия поздних деривационных моделей (типа *Пестовка*) и характерного, почти полного, отсутствия геогр. *Пестово* в украинских и белорусских землях.

Имеет смысл сосредоточиться на фактах, отмеченных и дискретностью ареалов, и более «узкой» ранней хронологией, отчетливее отсылающих, судя по показаниям письменных сообщений и по ареальным характеристикам, к древнерусскому (resp. к древнеславянскому, раннеславянскому) времени. Наше исследование преимущественно ограничено анализом топонимов, которые показывают архаический характер деривации (в основном это йотово-посессивные названия) и/или производны от древнеславянских личных имен, полностью или почти полностью вышедших из обихода на новгородской территории к концу XV столетия (чаще всего это антропонимические композиты и не менее архаические префиксально-корневые имена). Некоторая часть изученных нами новгородских географических названий сохраняла, очевидно, ограниченную способность к спонтанному репродуцированию и после хронологического рубежа XV–XVI вв., но таких примеров наберется сравнительно немного; эти примеры чаще описываются нами «короткой строкой» (кроме названий улиц средневекового Новгорода: ради полноты картины мы сочли необходимым рассмотреть весь комплекс новго-

родских урбанонимов XI–XV вв., некоторые из которых явно не охарактеризованы «узкой», собственно древнерусской хронологией или вовсе не являются деантропонимными производными).

Топонимы, образованные от личных наименований, составляют значительный массив славянских географических названий Новгородской земли с пережиточными чертами структуры. Массовость деантропонимных образований сочетается с высокой надежностью во многих случаях их историко-этимологических интерпретаций, что, естественно, повышает достоверность результатов исследования, увеличивает показательность топонимического источника для этноисторических обобщений. Подавляющее большинство деантропонимных названий являются ойконимами – названиями населенных пунктов. Однако в данном случае исследование не ограничивается только ойконимией. В книге получают трактовки и гидронимы, если они относятся к деантропонимным образованиям. Впрочем, гидронимия, содержащая в этимологическом исходе личные имена, немногочисленна и, как правило, вторична – перенесена из смежной ойконимии.

Существенным обстоятельством является то, что гидронимы связаны с естественными объектами, а ойконимы – с искусственно созданными. Из данного факта проистекают, между прочим, некоторые важные следствия, касающиеся общих принципов естественно-географического, с одной стороны, и социально-культурного (антропологически ориентированного) отражения мира древним сознанием. Вообще говоря, популярное при изучении ономастических древностей сосредоточение только на гидронимии удобно (гидронимы легко вычленимы из регионального топонимикона, обычно на определенной территории количественно обозримы, а главное – весьма архаичны), но неизбежно создает качественно невосполнимую лакуну в плане содержательных приоритетов, а в собственно лингвистическом ракурсе дает мало возможностей показать взаимодействие двух основных категорий топонимов – названий вод и названий селений.

Микротопонимы – названия небольших болот, горок, полей, рощ и прочих малоизвестных объектов – не представляют для данной работы значимого интереса из-за своего как правило молодого возраста (в пределах нескольких столетий). В целом это самый многочисленный, массовый слой названий, молодых и, следовательно, в подавляющем большинстве очевидных, «прозрачных» по своему генезису, собранных неравномерно и недостаточно. Современные микротопонимы требуют отдельных исследований со своей специфической проблематикой. Поэтому микротопонимы привлекаются в весьма ограниченной мере,

только те из них, которые отмечены чертами значительной древности (нельзя забывать, что отдельные «микроназвания» могут сохраняться практически без изменений многими столетиями или даже тысячелетиями). Значительно шире, однако, может использоваться историческая микропонимия, древняя благодаря факту своей ранней исторической фиксации. Так, микропонимы, почерпнутые из новгородских писцовых книг XV–XVI вв. (названия пожен, урочищ, мельчайших озер и ручьев), разумеется, сохраняют больше архаики, чем современные. К сожалению, лишь единичные памятники письменности фиксируют средневековые «микроназвания» в достаточно полном объеме.

* * *

При поиске топонимических древностей Новгородской земли к категории главных исторических источников относятся прежде всего Новгородские писцовые книги конца XV–XVI вв. [НПК], содержащие массовый топонимический материал – преимущественно названия селений. В настоящее время материал НПК пополняют регулярно выходящие в свет издания под заголовком «Писцовые книги Новгородской земли» [ПKNЗ], которые включают не публиковавшиеся ранее тексты писцовых книг 1496–1500-х гг. по всем новгородским пятинам. Существенной источниковедческой ценностью обладают памятники письменности древнерусского и старорусского периодов: новгородские летописи XI–XVI вв. (особенно [НПЛ]) и актовые материалы XII–XVI вв. (особенно [ГВНП]). Широко привлечены материалы берестяных грамот из Новгорода и Старой Руссы, поскольку для нашего исследования особую значимость имеет обилие содержащейся в берестяных документах древнеславянской антропонимии. Берестяные грамоты прокомментированы А.А.Зализняком наиболее полно в фундаментальной книге «Древненовгородский диалект» (первое издание появилось в 1995 г., второе, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг., – в 2004 г.; это, последнее издание широко используется и цитируется нами при изучении новгородской топонимии).

Из поздних источников наиболее значимы Списки населенных мест Новгородской губернии нач. XX в. [СНМНГ], которые содержат самое полное на сегодняшний день собрание новгородской ойконимии новейшего времени. Во 2-й пол. XIX в. были опубликованы Списки населенных мест Российской империи [СНМРИ], материалы которых тоже широко привлекаются нами главным образом для межтерриториальных

сопоставлений. Учесть все эти огромные и разрозненные материалы в должном объеме было бы практически трудной задачей без опоры на многотомный «Russisches geographisches Namenbuch» [Vasm. RGN], в котором систематизирована ойконимия из СНМРИ и других письменных материалов по Европейской России. Таковы главные источники, которыми, однако, далеко не исчерпывается фактографическая база нашего исследования.

Для уточнения географической привязки сельских населенных пунктов (обычно с сокращенными указаниями на современную сетку районов, сельсоветов или сельских администраций) широко привлекаются справочники современного административно-территориального деления [АТД Новг. обл.; АТД Лен. обл.; АТД Пск. обл.; АТД Твер. обл.] и современные топографические карты различного масштаба; ссылки на эти материалы за редкими исключениями не приведены.

Топонимы, содержащиеся в памятниках письменности, подвергаются порой серьезным искажениям, сведения о них зачастую разрозненны и отрывочны, носят случайный характер. Эти обстоятельства полезно учитывать при эксцерпции исторической топонимии из средневековой документации. Исходя из общих соображений, можно предположить, что современные составители карт и списков в целом точнее передают географические названия, чем переписчики и составители прошлых эпох. Существенно и то, что современная форма названия, используемая местными старожилами, нередко оказывается ближе к искомой, этимологизируемой форме названия, нежели древнее написание, сохраненное средневековым источником. Кроме того, порой непросто решается проблема соотнесения конкретного названия с тем или иным топографическим объектом. Привлечение разнообразных сведений об одном и том же названии, извлеченном из источников, хронологически различных, необходимо, поскольку рассматриваемый топоним бывает искажен настолько, что поиски исходных форм неизбежно приведут к ложному результату, если опираться на один только источник. Поэтому опора на несколько источников является в большинстве случаев обязательным условием интерпретации топонимов.

Общие принципы топономастического исследования Новгородской земли, нашедшие применение в книге, заключаются в следующем.

Всестороннее, подробное, относительно полное и системное рассмотрение новгородских топонимов на широком этноязыковом и лингвогеографическом фоне (привлечение межтерриториальных топонимических, антропонимических и апеллятивных соответствий, взятых в самом широком пространственном охвате).

Опора в подавляющем большинстве случаев на надежно квалифицируемые с точки зрения этимологии и словообразования топонимические факты, отказ от шатких, гипотетических конструкций, не находящихся точных соответствий или основанных на переборе внешне равноценных этимонов.

Внимание к названиям в тесной связи их с типологией и историей поименованных объектов; строгая локализация названий; идентификация исторических форм названий с современными формами на основе тождества объектов.

Надежные историко-этимологические трактовки – главное при изучении языковой архаики. Целесообразно углубление топонимического исследования: существенны не только трактовки собственно топонимии, но в определенной мере слов-мотиваторов, в данном случае – антропонимии, мотивировавшей названия.

Топонимический источник только тогда представляет существенный интерес для познания лингвистической и этнической истории региона, если он интерпретирован лингвистическими методами. Убедительность и полнота конкретных лингвистических интерпретаций – залог надежности дальнейших этноисторических выводов. Этноисторические схемы не довлеют над материалом, а производны от конкретного материала.

Некоторых пояснений требуют используемые в книге элементы оформления и терминология. Значительная доля исследования приходится на небольшие историко-этимологические этюды и комментарии, сгруппированные преимущественно по типологии образующих антропонимов и деривационных моделей. Топонимы Новгородской земли, сопровождаемые указаниями на тип объекта и местоположение и снабженные ссылками на источники, маркированы полужирным курсивом. При наличии «букета» смежных названий на узкой микротерритории, закреплённых путем переноса общей топонимической формы на близлежащие объекты (например, дер. *Видогощь* рядом с деревнями *Жилая Видогощь* и *Базловская Видогощь* при р. *Видогощь*), полужирным курсивом помечено только одно название из нескольких. Диахронные и синхронные варианты одного названия даются обычным курсивом.

С помощью определений «древнеписьменный» и «старописьменный» (применительно к источникам, фиксациям, именам, названиям) условно обозначается отнесенность письменных фактов ко времени соответственно до или после появления первых московских описаний Новгородской земли (конец XV столетия). Синонимичные определения «новый», «позднейший», «современный» характеризуют топонимию и источники, ограниченные эпохой XIX–XX вв. Терминологическое вы-

ражение «парадигма географического названия» обозначает совокупность всех зафиксированных вариантов одного названия, исторических и современных, связанных с одним и тем же топообъектом. Словосочетание «межтерриториальные параллели» (или «параллельные топонимы») применяется к топонимам на разных территориях, совпадающим по основе и средствам деривации (*Радогоща – Радогощи – Радугошь*)¹, «межтерриториальные топонимические эквиваленты» (или «эквивалентные топонимы») подразумевает совпадение разноместных названий только по производящей основе (*Полюдово – Полюжа – Полюдичи*), более широкий термин «межтерриториальные топонимические соответствия» («топосоответствия») замещает указанные словосочетания, если нет нужды в уточнениях понятий.

Ономастический материал как правило приводится в том виде, в каком был извлечен из исторической документации или из словарей и прочих работ по ономастике. Однако в записи онимов, сохраненных новгородскими писцовыми книгами и другими поздними русскими источниками, нами приняты современные правила употребления букв «ъ» и «ь»: буква «ъ» в середине и на конце слов опускается, а «ь» используется как мягкий знак. Личные наименования, восстановленные по географическим названиям, равно как реконструкции исходных топонимических форм, записываются с отражением сильных и слабых редуцированных *ъ* и *ь* во всех позициях. Антропонимы или апеллятивы, обусловившие названия, даны кириллицей; астериск (*) при них ставится в том случае, если самостоятельные письменные фиксации имени оказались нам не известны. Латинским шрифтом записываются примеры из славянских языков, использующих латиницу, а также ономастические и лексические факты, реконструируемые как праславянские; при них астериск – обязательный элемент. Знак равенства (=) иногда применяется для указания на приравнивание (отождествление) названий и топообъектов, плюс (+) означает присоединение, двоеточие (:) факультативно используется с целью обозначить соотносительность родственных форм, с помощью знака слэш (/) даются варианты фонем и морфем, иногда имен и названий, символы > и < обозначают направление морфологической деривации или фонетического развития.

¹ Принятое в данном исследовании понимание «параллельных топонимов» существенно отличается от дефиниции, изложенной в словаре ономастической терминологии Н.В.Подольской: «Параллельные имена – имена, не связанные между собой, но относящиеся к одному объекту номинации» [Подольская 1988, 120].

Глава 1.

Йотово-посессивная топонимия от личных имен

*Топонимическая *-jь-модель и типология антропонимов (общая характеристика)*

Йотовая топонимическая модель (*-jь-модель), как уже неоднократно отмечалось исследователями, принадлежит к числу классических деривационных моделей, имевших высокую продуктивность в раннеславянское время. Топонимия Новгородской земли и многих других областей славянства показывает значительное число образований по данной модели. При этом хронологически весьма показательно, что в качестве производящих преимущественно выступают основы композитных личных имен, порой уходящих корнями в индоевропейскую древность. Сочетание дохристианского (языческого) антропонима с сугубо архаической йотовой суффиксацией, позволяет составить уверенное заключение прежде всего относительно верхней хронологической границы топонимии на *-jь. Заметим, что используемое нами выражение «йотовая суффиксация» удачно передает суть явления, но включает элемент условности, поскольку для эпохи конца I-го – нач.

II-го тыс. н. э. праславянский суффикс **-j-* являлся лишь выражением закономерной мены согласных на конце производящей основы¹.

Для оценки продуктивности топонимической **-jь-* модели в древне-новгородских говорах необходимо учесть свидетельства новгородских берестяных грамот, рожденных в стихии народно-разговорной речи. Самыми продуктивными посессивными суффиксами, согласно материалам берестяной письменности, являлись, как и сегодня, суф. *-ов/-ев-, -ин-*, суффикс же **-j-* был третьим по распространенности способом образования притяжательных прилагательных [Зализняк 2004, 201–203]. Конечно, грамоты преимущественно фиксируют срезы языка в период угасания суф. **-j-*, но топонимия с основой на **-jь*, несомненно, возникала и в первые века II тыс. н. э., о чем говорит ее ограниченное присутствие даже на отдаленных территориях к северо-востоку от Приильменя, заселенных сравнительно поздно. Почти все встретившиеся в берестяной письменности притяжательные прилагательные с суф. **-j-* относятся к документам, которые датируются XI–XIII вв. [Зализняк 2004, 203]. На протяжении XI–XIV вв. они постепенно замещались прилагательными с посессивными суф. *-ов/-ев-*, реже – *-ин-*. У нас нет достаточных оснований полагать, что в топонимической сфере языка хронология была существенно иной, поскольку прилагательные с суф. **-j-* формировали и йотово-посессивную топонимию. Из этого следует, что верхняя хронологическая граница топонимической **-jь-* модели принадлежит примерно XIII в.; к данной эпохе обычно приурочивают исчезновение этой модели и другие исследователи [Агеева 1989, 175–176; Фролова 1973, 270; Prinz 1969, 40; Rospond 1983, 6]. Прослеживаемые порой по письменным источникам йотово-посессивные географические названия с более поздней вероятной хронологией возникновения целесообразно отнести к пережиточным, реликтовым (здесь не имеются в виду нередкие переносы соответствующих названий – они не в счет).

С другой стороны, эволюция топонимической **-jь-* модели, естественно, определялась функционированием древнеславянской антропонимии, с которой теснейшим образом данная деривационная модель была связана. Здесь опять же бесценным источником выступают новгородские грамоты на бересте, которые содержат массовый антропонимический материал, позволяющий проследить динамику процессов в сфере новгородских

¹ Аналогичным образом исследователи постоянно оперируют, например, понятием праславянских **-a-, *-o-, *-i-* именных основ при описании явлений старославянской или древнерусской морфологии, – это принимаемый всеми удобный и привычный анахронизм.

личных имен с XI по XV вв. По классификации А.А.Зализняка [Зализняк 2004, 204, 216], среди дохристианских личных имен (неусеченных) выделяется «архаический пласт», который включает: а) имена двусосновые (*Добромысль*, *Милогость* и др.), б) приставочно-корневые (*Нажирь*, *Полюдъ* и др.), в) равные или морфологически подобные причастиям (*Боянь*, *Обидѣнь* и др.), г) равные нечленным формам прилагательных (*Деснивь*, *Миль* и др.). Неусеченные имена архаического пласта отмирают быстрее других: по показаниям берестяных грамот, они используются только до XIV в., причем в XIV в. они носят уже характер реликтов. Несколько труднее проследить по берестяной письменности судьбу усеченных суффиксальных имен архаического пласта (типа *Нѣжата*, *Гостята*, *Нѣгочь*, *Будота*) главным образом потому, что одно и то же гипокористическое имя может быть образовано от разных исходных полных имен. Усеченно-суффиксальные имена выходят из употребления вслед за полными, однако вряд ли будет ошибкой полагать, что для них XIV в. – эпоха исчезновения. Личные имена, совпадающие с нарицательными лексемами (типа *Баба*, *Вороньць*, *Лодыга*, *Стукъ*, *Щюка*), наиболее многочисленные, не относятся к архаическому пласту: они продолжают существовать в XIV–XV вв. и значительно позже.

Намеченная по данным берестяных грамот типология новгородских личных имен может иметь ориентирующее значение при хронологизации соответствующих посессивных разрядов новгородской деантропонимной топонимии. Но существенно подчеркнуть, что речь идет именно о типологической схеме, причем следует различать уровень типологии и уровень конкретных, отдельно взятых личных имен. Относительно конкретных имен действуют узальные нормы функционирования, приводящие к тому, что некоторые имена далеко переживают типы, к которым принадлежат. Так, в архаическом пласте новгородского «берестяного» антропонимикона отмечены среди прочих двусосновые личн. *Домажирь*, *Сьновидь*, однако позднедревнерусские и старорусские источники свидетельствуют о *Домажир* / *Доможир* как о повсеместно употребительном имени даже в XVII в. (см. ниже материал в связи с геогр. *Домажирово*); имя *Сновид*, пусть и в составе фамилии, зафиксировано на Северо-Западе в конце XVI в.: *Сновидов* Иван Иванович 1585 г., Псков [Вес. Он., 99, 294], следовательно, могло быть употребительным и в старорусский период; довольно поздно встречаются отнесенные к новгородскому архаическому пласту личн. *Хотѣнь*, *Невѣрь*, *Некрась*; ср. *Хотен* Юрьевич Дубровский, казненный в Новгороде в 1570 г., или

старорусские фиксации личн. *Невер*, *Некрас* [Вес. Он., 214, 217, 342]¹. Немаловажно учитывать каждый раз и территориальный аспект функционирования конкретных древнеславянских личных имен. В частности, в рамках общего тезиса о лучшей сохранности языковых архаизмов на языковой периферии [Porowska-Taborska 1986] полезно иметь в виду, что личные имена, потерявшие употребительность на землях метрополии, могут получить «вторую жизнь» на новоосвоенных территориях. К примеру, очень популярное древненовгородское имя *Полюдь*, практически забытое в Приильменье к XV в., еще долго держалось на Русском Севере, особенно в Прикамье, где нередки деревни *Полюдово*, бытует фамилия *Полюдов* [Матвеев 1987, 73], имеется ороним *Полюдов кряж* – западный отрог Северного Урала (Пермская обл.). Ясно, что хронологизация и классификация деантропонимной топонимии напрямую зависит от общих процессов в сфере личных имен, определяющих существо топонимической *-jъ-модели. Но в любом случае при поиске и разработке архаических названий методологически необходима оценка узуальных норм употребления конкретных антропонимов в более поздние исторические эпохи путем сверки материалов берестяного письма с материалами письменности XVI–XVIII столетий.

Ранее исследователи указывали, что топонимическая функция *-jъ-модели является первичной по отношению к гидронимической [Топоров, Трубачев 1962, 127; Чумакова 1992, 56]. Об этом свидетельствует большинство географических наименований, но имеются спорные случаи, когда определить, что первично: топонимическая (герс. ойконимическая) номинация или гидронимическая, – сложно. Относительно протяженных объектов – рек – лучше исходить из вторичности потамонимов на *-jъ, подразумевая перенесенность их из смежной ойконимии. Однако небольшие озера скорее носят первичные названия по этой модели, поскольку по сравнению с реками они точечные объекты, способные в силу локальной ограниченности иметь владельческую принадлежность.

Топонимическая *-jъ-модель в ее классическом виде – это модель с антропонимическим композитом. В составе йотово-посессивной топонимии Новгородской земли именно образования от архаических двусосновных

¹ Вообще говоря, личн. *Невѣръ*, *Некрасъ* вкупе с др.-рус. *Незнанъ*, *Нежданъ*, *Нехорошь* и подобными именами с отрицанием относятся к особой группе охранительных (апотропеических) имен, в целом сохранявших популярность в старорусский период, см. [Унбегаун 1989, 164–165]. Об этом свидетельствуют отражения апотропеических имен в составе современных русских фамилий: *Неверов*, *Невежин*, *Некрасов*, *Нелюбин*, *Незванов*, *Незванов*, *Немиров* и др.

личных имен наиболее многочисленны и достоверны. Такие названия относительно легко опознаваемы, поскольку как правило отчетливо заметен сложный характер их структуры с сохранением шипящих или мягких согласных в исходе сложений. Только отдельные названия претерпели глубокие фонетические преобразования, затемнившие исходную этимологизируемую форму. Их внешняя стереотипность параллельна стандартизованности смысловых мотивировок: все они в исходе – посессивные адъективы, выражавшие владельческую принадлежность. Важная составляющая в рассмотрении названий с основами на **-jь* – это изучение стоящей за ними архаической антропонимии. Поэтому ниже путем трактовки ряда географических названий исследуются и моменты собственно антропонимические относительно осмысления внутренней формы имен, их ареала, раритетности или фреквентативности, хронологизации, экспрессивной наполненности и функционального статуса.

Принято считать, что двуосновные имена носили люди с высоким социальным статусом. Б.О.Унбегаун пишет: «Этот тип имен за редким исключением имел отношение только к князьям, и поэтому часто назывался княжеское имя» [Унбегаун 1989, 12]. Следовательно, можно думать, топонимы, отражающие эти имена, выступали наименованиями центров осваиваемых территорий. Есть предположение, что названия на **-jь* были связаны с центрами родовых общин [Купчинский 1980, 49]. А.И.Попов обратил внимание на то, что двуосновные имена бытовали достаточно долго у местного боярства в Новгороде, которое, как известно, обладало большими земельными богатствами [Попов 1981, 111–112]. Видимо, соответствующие топонимы маркировали применительно к ситуации Новгородской земли землевладельческие центры в период первоначальной славянской колонизации этой территории. Строгая посессивность рассматриваемых наименований как бы указывает на «за столбление» впервые осваиваемых участков.

Любопытен сам факт устойчивой, жесткой связи композитное личное имя + йотовая суффиксация, хотя в конце I тыс. н. э. и особенно в начале II тыс. йотовый суффикс испытывал усиливавшуюся конкуренцию со стороны изосемантических суффиксов *-ов/-ев*, *-ин-*. Топонимических образований типа *Ратмирово* дер. Ясеновичского пог. Дер. пят. [НПК I, 39, 47], *Домажирowo* дер. Жабенского пог. Дер. пят. [НПК I, 614], *Будимеровo* дер. Тесовской вол. Вод. пят. [Селин 2003, 431] буквально единицы, и они не ослабляют общей закономерности, так как

определяющие их композитные антропонимы явно пережили свой типологический класс.¹

В жесткости связи композитный антропоним + суф. **-jь*, конечно, сказались зрелость данной топонимической модели, высокая продуктивность ее в раннеславянское время, вылившаяся в широкий массив соответствующих географических названий по всей Славии, а в плане реализации обусловившая инерционность самой модели, приводящую к ситуации некоторого хронологического несоответствия возникающих топонимических структур изменившимся деривационным процессам в языке. Вместе с тем в этой жесткости можно ощутить момент социально обусловленной знаковости, своеобразное топонимическое выражение высокого социального статуса носителей двуосновных личных имен как владельцев селений, номинация которых отмечена **-jь*-моделью. Если взять аналогии из антропонимии (сферы законченной ономастической знаковости), то характер номинации селений названиями на **-jь* напоминает в некотором роде известное в XVI–XVII вв. право ношения патронимов на *-вич*, которым пользовались только высокие социальные классы.

Названия, образованные по йотовой модели, характеризуются различными формантами: *-а* жен. р. (*Пустопержа, Видогоща*), *-о, -е* ср. р. (*Нудогоща, Воиславле*), нулевым формантом *-∅* (< *-ь*) муж. р. (*Всевижь, Домославль*) или *-и* мн. ч. (*Хотовижи, Гонежи*). Эти форманты нужно обозначить как исконные: они изначально принимали участие в создании йотово-посессивного топонима. К исконным иногда присоединялись вторичные форманты, оформлявшие названия в более поздние хронологические периоды, к примеру *-ское/-ская/-ский* (*Видимирское < Видимирь*), *-ье* (< *-ьjь*) (*Теребонижье < *Теребонъжь*),

¹ Так, личн. *Доможирь* (только вост.-слав. [ЭССЯ 5, 69]) имело хождение во всю эпоху средневековья; ср. *Доможир*, новгородский иконописец 1230 г., *Доможир* Иванович Кучецкий (1572 г., Новгород), Анкудин *Доможир* (1638 г., Москва), Константин *Доможиров* (1476 г., Новгород), Гавриил Матвеевич *Доможиров*, волостель (1539 г., Балахна), *Доможировы* (XVI в. и позже, Нижегородский уезд) [Вес. Он., 93]; данное имя использовалось и в поздней украинской антропонимии [Бучко 1994, 115]. Функциональность композита связана, очевидно, с превращением имени в расхожий диалектный апеллятив, давший немало дериватов: арх., перм. *доможир* ‘домосед’, ‘скопидом, скряга’, ‘запасливый хозяин’, олон. *доможирка* ‘небольшое хозяйство’, арх. *доможирко* ‘домосед’, ‘домовой’, олон. *доможирник* ‘домовой’, *доможирный* ‘трудолюбивый’, сев.-рус. *доможирить*, *доможирничать*, *доможировать* ‘вести свое домашнее хозяйство’ и др. [СРНГ 8, 122]. Встречалось и старорусское *Будимерь*, ср. фамилию *Будимеров* Тимофей Кондратов, стрелец 1624 г., Калуга (Там же. С. 52).

-ина (*Сорогошина* < ? **Суроугоща*) и др. Большинство йотово-посессивных названий, впрочем, сохранилось без осложнения своей структуры, т. е. с исконными формантами, которые, однако, варьировали между собой, будучи изначально адъективными флексиями, характеризующимися словоизменительной подвижностью. Разнообразие и вариативность формантов характерны для йотово-посессивной ойконимии (колебания муж. и жен. р., ед. и мн. ч.), тогда как гидронимические названия в большей степени сохраняют грамматическую зависимость от родовых терминов *река* жен. р. и *озеро* ср. р. (*Видогоща* река, *Гостелюбле* озеро). Это связано, пожалуй, с тем, что ойконимы, в отличие от гидронимов, имели меньше шансов найти грамматическую опору в родовых терминах хотя бы потому, что сами денотаты их исторически изменчивы (село может становиться деревней, деревня превращается в пустошь, на которой возникает новая деревня, или погост становится рядком, а далее селом и т. д.), кроме того, ойконимы зачастую перемещаются на смежные социально осваиваемые участки пространства (отсюда характерная иррадиация одних и тех же названий, прикрепленных к комплексу соседних объектов – селу, деревне, погосту, усадьбе, пожне). Допустимо считать, что многие ойконимы переживали стадию «предойконимов», т. е. период становления, когда был эксплицирован или, быть может, только подразумевался опорный родовой термин, при котором ойконим либо выполнял функцию согласованного адъектива, либо уже был субстантивом, но четко ориентированным по грамматической форме на некий термин. Постепенно грамматическое (по роду) согласование йотовых ойконимов посессивной семантики с опорными терминами – обозначениями поселений (земель, владений и т. п.) потеряло всякую актуальность. Обнаруживаются буквально единичные (не исключено, что случайные) примеры грамматического согласования ойконим – термин, которое обычно проявляется в ср. р.: *Воиславле* село, *Быславле* сельцо, но см. там же *Быславле* деревня [НПК III, 847, 856; II, 74; I, 7]. Но большинство йотово-посессивных ойконимов не охарактеризовано флексиями *-o (-e)* ср. р., несмотря на то, что исконный праславянский поселенческий термин *село* принадлежит к среднему роду. Часть ойконимов оформилась по парадигме мн. ч. (*Хотовижи*, *Тигощи*).

Важным для нас исследованием, суммирующим теоретические результаты предшественников и объединяющим топонимы, образованные по **-jъ*-модели от дохристианских личных имен на разных территориях, служит работа польского ономаста С. Роспонда [Rospond 1983]. Материалы этой работы мы широко привлекаем для сопоставлений, особенно с западно- и южнославянскими фактами. В то же время обнаруживается,

что новгородские географические названия на *-jъ были использованы Роспндом в весьма ограниченной, недостаточной мере. В любом случае нужно признать, что широкая каталогизация йотово-посессивных топонимов, прежде всего в России, на Украине и в Белоруссии, далека от завершения. Для межславянского антропонимического сравнения нами используются фундаментальные материалы многотомного «Словаря древнепольских личных имен» (SSNO), а также богатые собрания древних личных имен из работ Я.Свободы, Г.Шлимперта, О.Кронштейнера, В.Ташицкого, Й.Заимова, М.Морошкина, Н.Тупикова, М.Гркович и др.

Йотово-посессивная топонимия Новгородской земли (как, впрочем, и топонимия иных моделей деривации) состоит из образований, восходящих не только к древнеславянским композитным антропонимам, но и к другим категориям личных имен. Элементы антропонимической классификации применяются нами для классификации анализируемой деантропонимной топонимии в целом. Кратко охарактеризуем эти элементы, которые учитываются при исследовании названий. По типу образования важно традиционное противопоставление двух основных классов личных имен: полные (неусеченные, несокращенные) и усеченные, или гипокористические – имена, подвергшиеся усечению из полных с последующей суффиксацией (иногда встречаются гипокористики без суффиксации или без усечения) и обладающие (или обладавшие при своем возникновении) коннотациями уменьшительности, увеличительности, ласкательности, фамильярности, эмоциональной оценочности. Что касается полных имен, будем исходить из подразделения их на композитные, префиксально-корневые, образованные с помощью префикса от корня (*Завидъ, Перенѣзь, Неугодъ*), суффиксально-корневые, образованные с помощью суффикса непосредственно от корня (*Милость, Смолизь, Сухына*). Перечисленные разряды имен вместе противопоставлены именам, которые мы называем деаппеллятивными; последние, часто выступающие как прозвища, перенесены из нарицательной лексики и равны или паронимичны существительным, прилагательным и причастиям в краткой или полной форме и этнонимам (*Туръ, Турко, Бързь, Лють, Хотѣнь, Ляхъ*). Наконец релевантно деление антропонимии на дохристианские, или древнеславянские (последний термин используется нами особенно часто) и христианские личные имена; доля имен иного происхождения: прибалтийско-финских, балтийских, скандинавских и др. – в рассматриваемом материале невелика. Такова общая

классификационная схема, в которую укладывается большинство личных имен, мотивировавших новгородские топонимы¹.

Названия от древнеславянских личных имен-композигов

Как уже отмечалось, в целом новгородские йотово-посессивные топонимы от древнеславянских двусловных антропонимов сравнительно легко опознаются благодаря тому, что сохраняют характерный облик композигов. Их успешная этимологизация зависит от знания базового корпуса древнеславянской композитной антропонимии. Такие названия в цельном виде либо по отдельно взятым элементам обычно находят более или менее точные антропонимические соответствия в разных уголках Славии. Приведем далее историко-этимологические этюды и этимологические комментарии к новгородским названиям этого типа (см. размещение их на рис. 2). Композитные топонимы с основами на *-гощ-/гост-* не даны: они подробно анализируются в отдельной главе.

Ладомири: *Старые Ладомири 1-е дер., Старые Ладомири 2-е дер., Новые Ладомири дер., Ладомири ус.* – смежные пункты Луцкой вол. Дем. у. нач. XX в. [СНМНГ II, 40–43], до настоящего времени дожила лишь дер. *Старые Ладомири* Тарасовск. Дем., а смежная с ней дер. *Новые Ладомири* практически исчезла. Пункты стояли на пр. пр. Полю – рч. *Ладомирке* (по [Шан. РЛЮ, 368] – *Ладомерка*), название которой произведено от ойконима *Ладомири* (вар. *Ладомиры* демонстрирует позднее отвердение $p' > p$). Геогр. *Ладомири* в свою очередь базируется на посессивном йотовом адективе от личн. *Ладомиръ* / *Ладомѣръ*, семантически ‘деревня Ладомира / Ладомѣра’. Среди межтерриториальных топоними-

¹ Разумеется, всегда находятся трудные, переходные случаи морфологического разграничения личных имен, не позволяющие однозначно трактовать деривацию того или иного конкретного имени и его место в антропонимической системе. Чаще это относится к гипокористикам. К примеру, личн. *Тишько* допускает тройное качество своей производности: от композита *Тихомиръ*, от деапеллятивного имени *Тихъ, Тихый* или от христианского личн. *Тихонъ*. Личн. *Ярышь*, подобно др.-польск. *Jaroszy*, можно считать гипокористикой, соотносимой с полными именами *Ярославъ, Яромиръ* и др. (ср. усеченно-суффиксальное гипокористическое *воробыш*, производное от *воробей*), или же *Ярышь* выступает независимым от композита самостоятельным полным именем, образованным от адективного корня *яр-* с помощью суф. *-ышь* (ср. применительно к этой возможности *малыш, глупыш, коротыш* и подобные им образования от прилагательных). Анализ подобных частных моментов не связан с задачами нашей работы, однако по ходу исследования мы иногда останавливаемся и на них.

ческих соответствий известны: геогр. *Ладомер* оз. в Казаринской вол. Торопецкой земли, согласно материалам писцового описания 1540/41 г. [ПКНЗ 4] (= оз. *Ладымирово* в Неворожской вол. Торопецкого у. нач. XX в. [Шкапский 1912, 120]), *Ладомир* пос. Игуменского у. бывшей Минской губ., *Ладомировка* слобода по рч. Вшивая в Воронежской губ. близ гор. Валуйки; сюда же названия двух селений Словакии близ границы с Украиной: *Ladomirova* (укр. диал. *Lademerova*) сел. в округе Строкков и *Ladomirov* сел. в округе Снина [Vasm. RGN V 1, 39]; причем последний пункт обозначен в источнике 1321 г. как *Ladomer* [Худащ, Демчук 1991, 76]. Исходный антропоним относится к общеславянским, использовавшимся в княжеско-боярской среде. В древненовгородских источниках само по себе, вне ойконимии, это имя, как будто, не зафиксировано, видимо, став достаточно редким в письменную эпоху. У древних западных славян оно имело хождение, хотя и ограниченное: моравское личн. *Ладимир* 1197 г. [Мор. СИ, 109], др.-польск. патроним *Ladomirowicz* [SSNO III, 307]. Я.Свобода, впрочем, отказывает данному имени в праве на существование, сводя к чеш. *Vladimir* [Svoboda 1964, 77], так же полагает О.Кронштейнер, рассматривая фиксацию личн. *Ladimar* в древненемецкой грамоте 995 г. как отражение славянского *Vladimirь* [Kronsteiner 1981, 207]. Новгородский топонимический материал явственно свидетельствует о реальности личн. *Ладомирь* / *Ладомирь*, которое выступает композитом с элементом *-мирь* или *-мирь*, частотным в постпозиции (ср. рус. *Владимир*, др.-рус. *Володимѣрь*, *Яромирь*, *Добромирь*, *Видимирь* и т. п.), и с элементом *Лад-* в качестве первого члена сложения. Ср. активно функционировавшие в древнерусском языке лексемы *ладь* ‘согласие, порядок, мир’, ‘лад, строй’, *ладный* ‘равный, одинаковый’, ‘подобный’, *лада*, *ладо* ‘любимый, возлюбленный’, *ладити* ‘мирить’ и т. д. [СлРЯ XI–XVII 8, 160–161], ст.-рус. личн. *Лада*, *Ладень*, *Ладной*, *Ладенок* [Туп. СДЛСИ, 279]. Личн. *Ладомирь* / *Ладомирь* выглядит скорее сложением с именной основой (: прасл. **lada*, **ladьль(jь)*), поскольку с глагольной основой (: прасл. **laditi*) было бы вариантное *Ладимирь*.

Думается, особенности как раз такой вариантной структуры антропонима раскрывает ойконим *Ламерье* дер. Китовской вол. Кр. у. [СНМНГ IV, 48], сегодня – дер. Новорахинск. Кр. на восточном берегу оз. *Ламерского*, 94 га, поименованного по деревне. Это название восходит через адъектив с йотовой суффиксацией и посессивным значением к личн. *Ладимирь*. Исчезновение слога в топооснове *Ламер-* (: *Ламерье*) по сравнению с исходной антропоосновой объяснимо на фонетической почве новгородских говоров. Материал грамот на бересте показывает во многих случаях отпадение гласного звука на конце первого компонента сложных

личных имен – это одна из черт, сближающая древненовгородские говоры преимущественно с древними языками западных славян (ср., например, чеш. *Vaclav* = рус. *Вячеслав*). Иллюстрации явления довольно многочисленны: это извлеченные из новгородских источников личн. *Станьмиръ*, *Лудьславъ*, *Сольмиръ*, *Моиславъ*, *Ратьмиръ* и т. д., а фонетически – [*Станмиръ*, *Лудславъ*, *Солмиръ*, *Мојславъ*, *Ратмиръ*], на фоне «наддиалектных» *Станимиръ*, *Лудиславъ*, *Солимиръ*, *Моеславъ*, *Ратимиръ*, имевших фонетический исход на гласные *-e-*, *-i-* в первой части сложений (подр. см. [Зализняк, 2004, 69]). Что касается ойконима *Ламерье*, его следует возвести к личн. *Ладимѣрь* именно в таком, диалектно преобразованном виде: *Ладмѣрь*. Позднее в консонантном сочетании утратился смычный *д*; ср. похожую серию изменений, обусловивших современную форму *Легоща* (*Люгоща*) названия улицы в Великом Новгороде (< *Людгоща* < *Людъгоща*, к **Людъгость*). Фонема «ять» закономерно перешла в *e*, и основа ойконима приобрела современный облик.

Вместе с тем не исключено, что исконная форма антропонима была не *Ладимѣрь*, а **Ладѣмѣрь*, из которой после падения редуцированных закономерно следует *Ладмѣрь*, давшее ойконом *Ламерье*. Дело в том, что слово *ладъ*, основа которого является первым компонентом сложного имени, могло, очевидно, в праславянском языке изменяться и по склонению на *-*ǫ* (отсюда форма *Ладомѣрь*, поскольку **ǫ* > *o*), и по склонению на *-*ǫ*, откуда **Ладѣмѣрь*, поскольку **ǫ* > *ь*. Ср. аналогичные варианты *Мирославъ* в новг. бер. гр. № 334, 603, 747 и *Мирославъ* (раннее *-ръс-*) в бер. гр. № 502, 17; причем последний вариант трактуется двояко: это правильное отражение древнего **Миръславъ*, где *-ь-* из *-*ǫ*- (слово *тиръ* принадлежит к *-*ǫ*-склонению) или результат утраты гласной в первой части имени *Мирославъ* [Зализняк 2004, 406].

Итак, приведенные топонимические данные обуславливают вероятность того, что в древненовгородской диалектной среде синхронно функционировали различные морфологические варианты двусосновного имени: *Ладомѣрь* и *Ладомиръ*, *Ладимѣрь* и *Ладимиръ*, **Ладѣмѣрь* и, соответственно, **Ладѣмиръ*, причем эта вариантность может уходить корнями как в древнерусский, так и в более ранний, праславянский периоды.

Домославль дер. Дрегельск. Люб. к северо-востоку от пос. Любытино, в нач. XX в. обозначена как дер. *Долгославля* Жуковской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 46–47]. За исходный антропоним, мотивирующий название деревни, следует принять все-таки не окказиональное **Долгославъ*, а хорошо известное др.-рус. личн. *Домославъ* / *Домаславъ*; такое имя зафиксировано в новг. бер. гр. № 155 (60–90-е гг. XII в.) [Зализняк 2004, 381] и на стене новгородского Софийского собора в надпи-

си 2-й пол. XII в. – 1-й пол. XIII в. [Медынцева 1978, 140, надп. 195]. На юго-восточной периферии бывшей Новгородской земли, у границы Беж. и Дер. пят., лежит еще одна дер. *Домославль* у пос. Спирово, р. ц. Твер. обл., по спискам селений XIX в. – *Домославля* Вышневолоцкого у. [СНМРИ 43, № 3815]. За пределами исследуемой территории полные топонимические соответствия многочисленны. Это геогр. *Домословие* ус. близ Витебска, *Домословье* дер. в бывшей Виленской губ. недалеко от гор. Вилейка к северо-западу от Минска; к более поздним деривационным моделям принадлежат геогр. *Домославка* близ гор. Калязин, *Домославское* в Буйском у. Костромской губ. [Vasm. RGN III 1, 73]. Прочие топосоответствия-ойконимы уходят на запад славянства: *Domoslav* в Чехии, *Domozlo* дважды в Венгрии (< др.-словац. **Domaslavjъ*), геогр. *Domaslaw* (вар. *Domislaw*) в Польше, *Damslaff* в Германии (< полаб.) [Rospond 1983, 69], патронимические *Domoslavice* и *Domoslavice* в Чехии [Svoboda, Šmilauer 1960, 159–160] и др. (см. рис. 4). Имя *Domaslav*, а также *Domoslav*, *Domislaw* хорошо знакомо разным славянским языкам: чеш., польск., полаб., сербохорв., болг., см.: [Svoboda 1964, 75; SSNO I, 504–505; Kronsteiner 1981, 206; Schlimpert 1978, 43; Заим. БИ, 92]; оно входит в целый ряд прасл. имен с компонентом *Dom-* ‘дом’: **Domatyslъ*, **Domazirъ*, **Domatirъ*, **Domaradъ* и др.

Видимирское оз., 492 га, к югу от пос. Хвойная Хв. Первое упоминание *Видимирского* озера обнаружено в документе значительной древности – новг. гр. № 579, относящейся к 3-й четверти XIV в. Приведем фрагмент грамоты: «...Дайте коницка до *Видомиря* вѣрѣ ци до Мстѣ» (‘Дайте лошадку под клятвенное слово до *Видомиря* или до Мсты’). Уже отмечалось, что «*Видомире* или *Видомирь* – очевидно, древнее название нынешнего *Видимирского* озера (в Бежецкой пятине сравнительно недалеко от Мсты) или стоявшего на его берегу *Видимирского* погоста» [Зализняк 2004, 570]. Более поздние источники дают иные варианты этого названия: *Видемер* оз. и смежная вол., согласно писцовой книге дворцовых земель Беж. пят. 1498/99 г. [ПКНЗ 3, 240]; позднее – *Видимирское* («Озеро *Видимирское*, вокруг одного суходол, а устьем впадает речка Жировка, а вытекает речка Олеховка, в нем рыба разных родов») в материалах Ген. меж. 1785 г. под № 1862 и, по МОЗУ 1914 г., – оз. *Видимерье* оз. [Карт. Гарн.]; *Видимирь* – смежные дер., оз. и пог. Миголощской вол. Бор. у. [СНМНГ VI, 64–65], здесь же озеро обозначено еще формой *Видимир*.

Имея в виду нахождение на берегах озера средневекового погоста, вопрос об исконности названия следует решить в пользу ойконима, а не гидронима, следуя типологии топонимических переносов. Взаимовлияни-

ем смежных названий озера и поселения объяснимо расхождение топоформантов: *Видимирье* / *Видимирь* / *Видимир* / *Видимирское*; что касается отвердения мягкой *р'*, то этот процесс спорадически встречается в новгородских диалектах. Самая ранняя письменная форма названия – *Видомирь* – является йотовым посессивом и прямо выводится из др.-рус. личн. *Видомирь*, которое продолжает ряд *Ладомирь*, *Добромирь*, *Славомирь* и подобных имен, имевших чаще отношение к древнерусской знати. За пределами древней Руси отмечены полаб.-помор. *Vedemer* 1325 г. [Schlimpert 1978, 152]¹, серб. *Видомир* [Грк. РЛИКС, 53], болг. *Видимир*, жен. *Видимира* [Займ. БИ, 49]. Обращает на себя внимание вариантность гласных антропоосновы: *Видомир-* / *Видемер-* / *Видимир-*. Если колебания второго компонента, хорошо знакомые на материале многих имен на *-мирь*, *-мѣрь* (ср. хотя бы известное соотношение *Владимир* и др.-рус. *Воллодимѣрь* или рассмотренное выше *Ладомирь* и *Ладомѣрь*), обусловлены взаимной аттракцией фонетически подобных, хотя и гетерогенных основ², то неустойчивость гласных на стыке компонентов зависит отчасти от того, какая исходная основа – именная или глагольная – была использована при создании антропонима. Именную **-ǫ-*основу (к **vidъ*) показывает личн. *Видомирь*, глагольную (к **viděti*) – личн. *Видемирь*, *Видимирь*. Поэтому историческая вариантность топоосновы геогр. *Видимирское* в определенной мере может быть обусловлена притяжением древнего топонима к разным бытовавшим вариантам исходного личного имени. Топоним как бы намекает на функционирование всех указанных разновидностей антропонима в древненовгородских говорах.

Параллельными к названию оз. *Видимирское* являются далее новг. ***Выдомирь*** 1-я и *Выдомирь* 2-я деревни на р. Пола Моисеевской вол. Дем. у. нач. XX в. [СНМНГ II, 44–45], сегодня – дер. Новодеревенск. Мар. Указанным близлежащим пунктам соответствует средневековая

¹ Впрочем, Г.Шлиперт исходит из реконструкции одиночной полабско-поморской фиксации *Vedemer* в виде **Vēdomer*: с компонентом *Vēd-* ‘знать’. Учет новгородской топонимии позволяет восстановить имя с первым компонентом *Vid-* ‘видеть’, тем более что под немецким влиянием был весьма вероятен переход *i > e*, о котором пишет и сам автор [Schlimpert 1978, 179].

² Подобное сближение взаимодействующих элементов постепенно привело к окончательному вытеснению элемента *-мѣрь* в употребительных донные отдельных двуосновных именах на *-мир*, выступающих в современном русском именнике как древнеславянское наследие или как новые образования (*Владимир*, *Казимир*, *Ратмир*, *Скоромир*, *Спасимир*, *Славомир*, антропонимы-советизмы *Ревмир*, *Новомир* и т. п.). Аналогичный процесс сближения с *мир*, *мирный* испытали лексемы *мирный*, *смиренный*, преобразованные из др.-рус. *смѣрный*, *смѣренный* (к *мѣра*, *мѣриту*).

дер. *На Выдомеръ* Моревской вол. Устьморевского десятка Дер. пят. 1490-х гг. [НПК II, 723], она же в XVI в. называлась еще *Выдомеръ* [ПKNЗ 5, 384]. Еще одна топонимическая параллель находится на юго-восточной периферии бывшей Новгородской земли: твер. геогр. *Выдумерь* дер. на р. Мологе у оз. Берестово близ Бежецка. Ойконимы «затемнены» отверждением слога *ви-* > *вы-*, но это явление хорошо знакомо ономастике, ср. колебания личн. *Давид* / *Давыд*, а из топонимии ср. хотя бы вариант *Выдогощь* в парадигме новгородского гидронима *Выдогощь* (см.), геогр. *Выдовичи* дер. в Молвятицкой вол. Дер. пят. [ПKNЗ 5, 408, 411] наряду с *Видовичи* дер. близ Пскова (< личн. *Видь*, *Видовь*), геогр. *Выдобыч* в Киеве, восходящее, согласно [Rospond 1972, 34], к личн. **Vidobyтъ*. На Украине отмечались геогр. *Видомир*, оз., лес и поле в Ровенской обл., но и ойконим *Выдымиръ* на территории Вольнской обл. близ гор. Луцк, к ним еще добавляется ойконим *Vidmirić* в Сербии [Шульгач 1998, 309].

Туховежи дер. Тесовской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 84], сейчас – деревня Ям-Тесовск. Луж. Ойконим прослежен начиная со 2-й пол. XVI в.: *Туховижа* дер. Тесовской вол., по списку с писцовою книги Вод. пят. 1568 г.; позднее документация по Тесовской и Полянкой волостям дает варианты: *Туховижи* 1573–1578 и 1582 гг., *Туховижа* 1584 г., *Тоховижа* 1620, 1629 гг., *Туховежи* 1612, 1546, 1669, 1674–1678, 1709, 1718, 1748 гг., *Туховежа* дер. 1788 г., см. [Селин 2003, 139, 145, табл. 9, 11]. Восходит к редкому дохристианскому имени **Туховидъ*, компоненты которого в различных сочетаниях знакомы общеславянскому антропонимикону.¹ Данное имя, с одной стороны, принадлежит к той же модели, по которой образованы др.-чеш. антропонимические композиты **Tuchomír*, **Tuchomyšl*, **Tuchorad*, прослеживаемые в ойконимии Чехии (геогр. *Tuchoměřice*, *Tuchomyšl*, *Tuchoraz*) [Svoboda, Šmilauer 1960, 557], сюда же полаб. личн. **Tuchobad*, давшее нем. геогр. *Tucheband* к востоку от Берлина [Rospond 1983, 140]; с другой стороны, личн. **Туховидъ* входит в ряд польск. личн. *Lubowid*, чеш. *Dobrovid*, *Snovid*,

¹ Современная форма *Туховежи*, в сущности, не исключает выбора между антропонимическими компонентами *-видъ* и *-вѣдъ* (к прасл. **věděti* ‘знать’) во второй части сложения. Элемент *-вѣдъ* семантически абсолютно допустим (**Туховѣдъ* – ‘надежду знающий’), хотя он практически не подтверждается параллелями препозитивного употребления, где всегда только *Вид-* (ср. *Видомиръ*, *Видогость*, *Видославъ*), и, вероятно, реже, чем *-видъ*, известен в постпозиции (таковы др.-польск. *Niegowiad*, *Voguwiad*, *Niewiad* [Males 1971, 121], др.-чеш. *Zlověd* [Svoboda 1964, 98]). Колебание *Туховижи* / *Туховежи* (см. выше еще геогр. *Радовеж*: личн. **Радовидъ*) следует отнести на счет легкой взаимозаменяемости фонем *ѣ*, *и* в древних новгородских говорах.

Závid [Svoboda 1964, 91], др.-новг. *Сновидь, Завидь* в берестяной письменности [Зализняк 2004, 739, 800], сюда же композитная антропонимия на *-видь*, реконструируемая по новг. геогр. *Радовеж, Вховеж, Любовижа* (см.). В памятниках западно- и южнославянской письменности отмечены: др.-чеш. личн. *Tuchota, Tuchoň, Tuchom, Tušim*, др.-польск. *Tuch, Tuchola*, болг. *Тухо, Тухол*, др.-луж. *Tuš*, обычно рассматриваемые в качестве гипокористик, производных от композитов [Rospond 1983, 140; SSNO V, 486; Svoboda 1964, 306, 307; Schlimpert 1978, 148; Заим. БИ, 226, 227; Мор. СИ, 195]; см. еще ономастический материал в связи с новг. геогр. *Тухомичи, Тушемля* (подр. в гл. 4). Первый компонент композита **Туховидь* имеет четкие ареальные признаки: он соотносится с польск. *otucha* ‘надежда, упование, бодрый дух; доброе предзнаменование’, др.-чеш. *odtucha* ‘то же’, польск. *tuszyc* ‘вселять надежду’, чеш. *tušiti* ‘надеяться’, – эти лексемы, родственные прасл. **tušiti* ‘тушить (огонь); успокаивать’, **tixъ(jь)* ‘тихий’, прус. *tusnan* ‘тихий’, развили особое значение удовлетворения, надежды, упования и ограничены лишь западнославянским ареалом. Данная семантическая инновация, отметил О.Н.Трубачев, объединяет перечисленные славянские лексемы с индоиранскими, ср. авест. *tušni* ‘молчаливый’, *Tušnā. maitiš* – название божества, букв. ‘удовлетворенный ум’ [Трубачев 1967, 61–62]. Следовательно, ойконом *Туховежи* «высвечивает» своим препозитивным компонентом отчетливую новгородско-западнославянскую топоизоглоссу. Максимально близким межтерриториальным соответствием к нему выглядит геогр. *Тиховиж* р. в Ровенской обл. Украины; этот гидроним рассматривался среди деапеллятивных образований с суфф. *-иж* [Гідронімія України 1981, 203], однако, на наш взгляд, его лучше возводить к личн. **Тиховидь*, которое коррелирует с др.-новг. личн. **Туховидь*, репрезентируя иной вариант общего корня.

Постпозитивный антропонимический компонент *-видь* (: прасл. **viděti*) в ареальном аспекте представляет определенный интерес тем, что репрезентирующие его топонимы концентрируются обычно к западу от Ильмена и на псковских землях; ср. географию старописьменных новг. геогр. *Хотовижи, Вховеж, Любовижа, Радовеж* (подробный анализ всех перечисленных ойконов дан ниже), пск. геогр. *Обижа* дер. на р. *Абижа* близ Пскова (к личн. *Обидь* < ? прасл. **Obvidь*; ср. др.-чеш. *Obida, Obyd* [Miklosich 1927, 83]), *Литовиж* (< **Лютовижь*, к *Лютовидь*) дер. на южном побережье Псковского оз., *Будовиж* (к личн. **Будовидь*) дер. на острове Псковского оз. в Печорском р-не, *Видовичи* дер. близ Пскова, *Явидово* (к личн. *Явидь*, такое

имя носил новгородский воевода 1245 г. [НПЛ, 79, 304]) дер. к юго-западу от Торжка на территории псковской группы говоров.

Дорогобуж дер. Воронинск. Бат. в верхнем течении Луги, ранее входила в Черновскую вол. Новг. у. [СНМНГ I, 96]. Указана в писцовой книге Вод. пят. 1500 г.: дер. *Дорогобуж* Успенского Сабельского пог. [НПК III, 183]. Форма *Дорогобуж* возникла путем йотовой суффиксации от дохристианского личного имени *Дорогобудъ*, прасл. **Dorgobodъ*, семантически – ‘поселение Дорогобуда’. Это сложное имя, составленное из компонентов *Дорог-* (к прасл. **dorgъ(jь)* ‘дорогой, любимый’) и *-будъ* (прасл. **bod-*) и означавшее буквально ‘будь дорогим; будет дорогим’, имело популярность в разных уголках древней Славии. Ср. личн. *Дорогобудъ*, отраженное, вероятно, новг. бер. гр. № 398 XIII в. [Зализняк 2004, 509], наряду с др.-чеш. личн. *Drahobud* [Svoboda 1964, 75], др.-серб. *Драгобуд* [Грк. РЛИКС, 81]. В старейших новг. бер. гр. № 607/562 и 526 содержатся антропонимы *Жизнобудъ*, *Житобудъ* подобной структуры. Параллельная топонимия имеет общеславянское распространение (см. рис. 3). Помимо дер. *Дорогобуж* в верховьях Луги, на новгородской территории был отмечен руч. **Драгобуш**, впадающий в Шарью, пр. пр. Оскуи, пр. пр. Волхова [Шан. РЛЮ, 62]: этот гидроним передает либо первичную форму **Дорогобужь* с обычным восточнославянским полногласием, либо **Дрогобужь* с др.-новг. диал. рефлексом типа *trot* (< *tort*, ср. новг. геогр. *Дорогинино*, но *Дрогини* и т. п., см. [Зализняк 2004, 40–41]). Вне Новгородской земли издревле известны: др.-рус. *Дорогобужь* гор. на Вольни, впервые упомянутый Лаврентьевской летописью под 1084 г., и *Дорогобужь Смоленский* гор., отмеченный под 1300 г. Суздальской летописью (сегодня – гор. *Дорогобуж* Смоленской обл.); древнерусские факты дополняются топонимами *Дорогобужа* сел. близ Минска, *Dorohobuzzka* в Слонимском у. бывшей Гродненской губ., *Drahobuz* и *Drahobudice* – сел. в Чехии, *Dargobaz* сел. на северо-западе Польши у Щецинского залива, древнеписьменным нем. геогр. *Dargebende* (из полаб. **Dargobadjь*) на северо-востоке Германии, нем. *Darsband* (из полаб. *Daržbądz*) на острове Рюген, *Dragobuzhd* в Македонии, р. *Драгобушка* и сел. *Драгобужде* в Сербии; по материалам: [Rospond 1972, 34; 1983, 69; Трубачев 1971, 4; ЭССЯ 5, 75; Vasm. RGN III 1, 80; Prof. MJ I, 401–402; Svoboda 1964, 75; Павл. ХС; Нерознак 1983, 68–69].

Жидобужи дер. Озерковск. Ок., по источнику 1911 г. [СНМНГ VI, 130–131] – дер. Шегринской вол. Бор. у. на р. Шегринке в 20 верстах от Боровичей. Идентифицируется с дер. *Житобуж* в Шегринском пог. Дер. пят. конца XV и 1-й пол. XVI в. [НПК II, 215; ПКНЗ 4, 75]. В Ген. меж. 1785 г. пункт указан под № 598: «дер. *Жедобужи* реки Шегринки

на левом берегу» [Карт. Гарн.]. Исходная посессивная форма **Житобужь* отражает древнеславянское имя владельца *Житобудь* (прасл. **Žitobŭdъ*) и архаическую модель словообразования, свидетельствующие о появлении селения до XIII в. Данное композитное имя (в нем *Жит-* того же корня и значения, что и слово *жизнь*) содержится в одной из старейших новг. бер. гр. № 526 (2-я треть XI в.), где говорится о рушанине по имени *Житобудь* [Зализняк 2004, 241]. В отличие от рассмотренного выше личн. *Дорогобудь*, вне новгородского ареала это имя и базирующиеся на нем топонимы нам не известны, однако элемент *-žit-* знаком древнеславянскому антропонимикону как в препозиции, так и в постпозиции, ср. хотя бы древнее рус., хорв., словен. личн. *Žitomirъ / Žitimirъ* (оно дало, в частности, посессивное название украинского города *Житомир*), а также словен. личн. *Dragožit, Dobrožit*, сербохорв. *Tihožit* [Svoboda 1964, 93]. С течением времени основа *жит-* новгородского топонима *Жидобужи* претерпела небольшие изменения (сближение со словом *жид*?).

Надо полагать, современный ойконим *Жидобужи* находит межтерриториальную параллель в старописьменном геогр. *Житовож* дер. Курского присуда Устьянского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 634]¹. Последнее название легко свести к «правильной» топонимической форме **Житобужь* (если допустить искажения внешнего облика, в сущности, незначительные) и далее к личн. *Житобудь*. Уточнению локализации средневековой дер. *Житовож*, о которой позднее нет никаких сведений, отчасти способствует упоминание в НПК о принадлежности данного пункта к волостке Микифора Хмелева, память о котором до сих пор сохраняется дер. *Хмелево* Юрьевск. Парф. на правом берегу Ловати в 7–8 км. ниже пос. Парфино, р. ц. Новг. обл.

Значительные метаморфозы претерпел ойконим *Добросли*, связанный с дер. Жирковск. Дем. на р. Явонь, пр. пр. Полю. Этот пункт отождествляется с дер. *Доброславль* (или, по другой записи того же источника, – «Дер. в *Доброславле*») Демонского пог., в книгах Дер. пят. конца XV в. [НПК II, 526, 527] и 1538/39 г. [ПKNЗ 4, 245]. Согласно материалам Ген. меж., в конце XVIII столетия деревня носила название *Доброселье*, относилась к Ст. у., на уездном плане пункт числится под № 483 (по [Фролов 2002а, 89, 93]). В XIX в. название дер. *Доброселье*, входившей уже в Дем. у., воспроизводилось на разных картах, оно присутству-

¹ Этот ойконим по случайным причинам не отражен Указателем географических названий к НПК.

ет, в частности, на десятиверстной специальной Карте Шуберга и на карте-трехверстке Генштаба. Однако уже в сер. XIX в. местные жители использовали современное название *Добросли*; см. описание этой деревни в [Новг. сборник 1865, 5]. По источнику нач. XX в. [СНМНГ II, 38–39], *Добросли* – дер. Луцкой вол. Дем. у. из 48 дворов, в 2 верстах от города Демянска при слиянии рек Явони и Чернорученки.

Ранняя, исконная форма – *Доброславль* – притяжательное образование от личн. *Доброславъ*, прасл. **Dobroslavъ*, очень популярного композитного имени, издревле употребительного до сих пор в чеш., польск., болг., хорв., словен. и других именниках, см. [Rospond 1983, 67; Svoboda 1964, 74; Schlimpert 1978, 43; Kronsteiner 1981, 210; Заим. БИ, 88 90], реже оно встречалось в др.-рус. именнике [Туп. СДЛСИ, 185; Суп. СРЛИ, 170]. С данным антропонимическим композитом связаны такие топонимы, как блр. *Доброславка* дер. и ус., в окрестностях Пинска, укр. *Доброславовка* сел. на р. Ворскла в Харьковской губ., *Dobroslava* (венг. *Dobroszló*) сел. в Словакии, округ Стропков [Vasm. RGN III 1, 41], *Dobroslawicy* сел. в Польше [Rospond 1983, 67], *Доброславици* сел. в Болгарии [Заимов 1967, 220], *Добриславица* р. в Сербии [Павл. ХС]. Новг. геогр. *Доброславль* как указание на участок (поселение) *Доброслава* появилось, очевидно, значительно раньше первого упоминания писцовой книгой, сама запись «Дер. в *Доброславле*» предполагает скорее всего, что деревня XV в. появилась на пустоши, т. е. на месте заброшенного, более древнего поселения. С течением времени притяжательный смысл *Доброславль* утратился, появилась возможность переосмысления ойконима. Была переосмыслена вторая часть композита, которую сблизили со словом *село*, что дало вариант *Доброселье*, воспринимаемый как положительная оценка: ‘доброе’ (т. е. ‘хорошее’) село; ср. многочисленные названия населенных пунктов типа *Доброе*, *Доброе село*.

Современное *Добросли* очевидным образом связано с обоими историческими вариантами – *Доброславль* и *Доброселье*, хотя не является закономерным развитием ни первой, ни второй формы. Для воссоздания полной картины изменений недостает некоторых звеньев, но есть мнение, что *Добросли* – результат скрещивания вариантов *Доброславль* и *Доброселье*, длительное время, очевидно, употреблявшихся в качестве параллельных наименований деревни. По иной допустимой версии, *Добросли* – это незакономерная модификация одного из двух приведенных вариантов, устоявшаяся в речи местных жителей.

Жирослав оз., 11 га, Парф. и **Жирослов** оз., 16 га, Ст., оба водоема расположены в пойме оз. Ильмень на устье Ловати [Истомина, Яковлев 1989, 130]. К одному из этих озер имеет непосредственное отношение пожня

Жирославль в дельте Ловати, о которой известно по «Плану земель, принадлежащих Старорусскому Городскому Обществу» (опубликован в книге М.И.Полянского [Полянский 1885] в качестве приложения); см. локализацию этой пожни под № 40 на плане, приложенном к статье [Чернов 1985] об исторической географии Взвядского погоста. Название пожни здесь явно позаимствовано у близлежащего водоема – оз. **Жирославль*, которое сейчас носит слегка упрощенное название *Жирослав* (*Жирослов*). Основа и суффиксация геогр. *Жирославль* отсылают к раннедревнерусской эпохе. Грамматический род гидронимов заставляет думать, что они первоначально относились не к озеру (поскольку *озеро* – ср. р., ожидалось бы **Жирославле*), а к некоторым смежным объектам, которые были обозначены словом муж. р., например, к рыболовному заколу на озере (др.-рус. *кол, закол*). После падения редуцированных произошло упрощение финального сочетания *вл*¹, аналогичное диал. *журав, рупь* (из *журавль, рубль*). «Посессивная» версия, впрочем, не единственная при объяснении данных лимнонимов, если учесть способность незначительных водоемов порой напрямую именоваться антропонимом, без опосредования прилагательным, ср. руч. *Моглогость* басс. Луги (подр. об этом типе онимов см. в гл. 6), но в любом случае древность геогр. *Жирослав, Жирослов* не вызывает сомнений. Двусловное личн. *Жирославь* было популярным среди древненовгородской аристократии; отметим хотя бы посадника *Жирослава*, бояр новгородских *Жирослава* Дорогомиловича, *Жирослава* Давыдовича, Бориса и Юрия *Жирославичей* в период расцвета Новгородской республики [НПЛ, 570, 577, 594]. Имя имело хождение также на других древнерусских территориях (ср. патроним *Жирославичь* в наименованиях бояр XI–XII вв. по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям [Туп. СДЛСИ, 604]) и на западе славянства: польск. *Żyrosław*, чеш. *Žiroslav* [SSNO V, 79–80; Svoboda 1964, 313]¹. Топонимические соответствия уходят на восток и юго-восток от Приильменя: геогр. *Жерославль* дер. на р. Крапивка в Корчевском у. Твер. губ., костромск. *Жирославль* дер. близ Нерехты, *Жирославка* ус., *Жирослево* дер. на р. Ламса в окрестностях Солигалича, *Жирославское* дер. на р. Мурноге в Юрьевском у. Владимирской губ., но отмечены и на северо-востоке Польши: геогр. *Żerosławka* в Сувалкии [Vasm. RGN III 2, 298]. Надо полагать, что на территорию древней Ростово-Суздальской земли личн. *Жирославь*, обусловившее указанную ойконимию, проникло с новгородской территории. Нахождение в

¹ Графика западнославянских источников не исключает смешения его с реконструируемыми **Sirosław*, **Sierosław*.

пределах Ловатской дельты двух одноименных озер *Жирослав*, *Жирослов* – вероятное свидетельство того, что в прошлом их номинация была связана с одним и тем же человеком. Название еще одного озера, лежащего в устье Ловати, – *Жирохлицкого* (см.), тоже включает модификацию полн. личн. *Жирославъ*.

Новгородская гидронимия на базе личн. *Жирославъ* дополняется сопредельным ойконимом *Жересло* дер. Мануйловской вол. Ст. у. в низовьях Ловати нач. XX в. [СНМНГ III, 74–75], = *Жиросло* дер. в Курском присуде в Петровском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 630]. Особый облик этого названия объясняется незакономерным усечением йотово-посессивной формы **Жирославъ* (или даже асуффиксальной топонимической формы **Жирославъ*, см. гл. 6), напоминающим усечение геогр. *Доброславъ* > *Добросли* (см.).

Теребонижье дер. Усадищенск. Волх. на р. Лынна в среднем течении Волхова, в сер. XIX в. – дер. Новолодожского у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 3049]. Идентифицируется со средневековой *Теребоньсье* дер. в пог. Михайловском на Волхове XVI в. [ПKNЗ 2, 67]. Ойконим через посессивную йотовую форму **Теребонѣжь* отсылает к исходному личн. *Теребонѣзь*. Последнее засвидетельствовано немецкой документацией у древних альпийских славян на территории современной Австрии записью «*Trebenge*» 1217 г. (= *Trebiněgъ*) [Kronsteiner 1981, 211]. Вост.-слав. основа *Терб-*, зап.-слав. *Treb-*, прасл. **Terb-* расширяется в данном случае скорее не в земледельческом значении ‘корчевать, расчищать лес’ (ср. чеш. *třibiti* ‘очищать’, польск. *trzebić* ‘корчевать’, др.-рус. *теребити* ‘то же’), типичном при создании деапеллятивной топонимии, а с семантикой нужности, пользы, необходимости, ср. чеш. *třeba*, польск. *trzeba*, нижн.-луж. *trjeba je* ‘нужно, необходимо’, чеш. *potřebovatí*, польск. *potrzebować* ‘нуждаться в чем-л., в ком-л.’, как и рус. *требовать*, заимствованное из старославянского [Черн. ИЭССРЯ II, 259; Фасм. ЭСРЯ IV, 96]. Второй компонент *-нѣзь*, родственной прасл. **něga*, рус. *нега*, *нежить*, обычен в древнеславянской композитной антропонимии. По ряду географических названий, прикрепленных к области расселения западных славян, восстанавливаются архаические личные имена-компози́ты с препозитивной основой *Trěb-* (< прасл. **Terb-*): **Trěbogostъ*, **Trěbovidъ*, **Trěbobadъ*, **Trěboradъ* и др. [Rospond 1983, 139–140]. Из антропонимии ср. еще др.-польск. личн. *Trzebiemir*, *Trzebiemiar*, *Trzebiemysł*, *Trzebiebor*, *Trzebost* [SSNO V, 478–480], др.-чеш. оттопонимные реконструкты **Třěbohost*, **Třěborad*, **Třěbovit* и др. [Svoboda 1964, 89], там же словен. личн. *Trebegoj*, *Trebemer*, *Trebebor*, *Trebibrat*, сюда же древние полаб.-помор. и альпослав. *Trebomirъ*,

Trěbivitz [Schlimpert 1978, 147; Kronsteiner 1981, 211]. См. далее старописьменное новг. геогр. *Теребовижа*, см. ниже.

Гославль дер. Селигерск. Дем. к востоку от северного (Полновского) плеса оз. Селигер, по источнику нач. XX в., – дер. *Гослав* Рабежской вол. Валд. у. [СНМНГ V, 68–69]. Идентифицируется с парой смежных средневековых деревень, именовавшихся *Гославль*, в Полновском пог. в Демонском присуде Дер. пят. конца XV в. [НПК II, 561]; документация 1539/40 г. застает здесь дер. и пуст. *Гославль* [ПКНЗ 4, 259–261]. Ойконим возник на базе личн. *Гославъ*, которое было популярным на западе славянства: польск. личн. *Goslaw*, чеш. *Hoslav*, полаб.-помор. *Goslav* [SSNO II, 172–173; Svoboda 1964, 76; Schlimpert 1978, 49]; исследователи считают это имя усеченным и преобразованным из прасл. **God(o)slavъ* или **Gost(i)slavъ*; на наш взгляд, не исключена и модификация из личн. **Gojъslavъ*, зафиксированного у западных и южных славян (см. ниже геогр. *Ганежи*). Из соответствующей топонимии см. геогр. *Гославицина* и *Дарево-Гославицина* – селения в окрестностях гор. Слуцк и Новогрудок в Белоруссии [Vasm. RGN II 3, 522], полаб. геогр. *Goslav'* (откуда нем. *Gotzlow*) дважды в Германии, геогр. *Gostaw* четырежды в Польше и там же с другим формантом геогр. *Gostawice*, гидроним *Goseljsko Jezero* в Словении, засвидетельствованное как *Goslauis* под 1050 г. [Rospond 1983, 75; Miklosich 1927, 49].

Ганежи ур. Сланц. Лен. в среднем течении р. Луги, = *Гонеж* (*Гонежи*) дер. Гд. у. бывшей Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 1051], = *Гонежи* дер. Сумерского пог. Шел. пят. 1-й пол. XVI в. [НПК V, 420, 424]. К личн. **Гоинъгъ*, сложенному из *Гои-*, к прасл. **goj-* ‘быть сильным, здоровым’ (ср. др.-рус. *гоило* ‘половой член’ [СлРЯ XI–XVII 4, 59]) + *-нъгъ*. Относительно препозитивного компонента ср. композитные чеш. личн. *Hojslav*, словен. *Gojmir*, альпослав. *Gojъslav*, серб. *Gojucas* [Svoboda 1964, 76; Kronsteiner 1981, 207; Грк. РЛИКС, 65].

Гостиниж дер. на р. Медведице близ гор. Кашин Твер. губ. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 43, № 6247], = *Гостнъж* дер. «поставлена на двое» в Спасском Клинецком пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 107]. Название обусловлено вост.-слав. личн. **Гостънъгъ* / **Гостинъгъ*, которое репрезентирует еще пара восточнославянских ойконимов: новг. геогр. *Госнъж* дер. в Никольском Удомельском пог. Беж. пят. под 1499 и 1545 гг. [НПК VI, 254; ПКНЗ 1, 165], появившееся по асуффиксальной модели (см. подр. в гл. 6), и укр. геогр. *Госніжичі* в верхнем течении Западного Буга [Купчинський 1981, 190].

Хотнежа дер. Хотнежск. Волос., ранее это название относилось к двум смежным пунктам на р. Лемовжа при впадении в Лугу: *Хотнежа*

Большая и Хотнежа Малая – дер. Ямбургского у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 4891, 4892]. Идентифицируется со средневековой дер. *Хотнѣж* на р. Лемовже в Ястребинском Никольском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 773]. Обусловлено личн. **Хотънѣзь* / **Хотонѣзь*, компоненты которого хорошо знакомы общеславянскому антропонимикону. Топонимические соответствия есть в Верхнем Поднепровье: геогр. *Хотняжи* – два хутора на руч. *Хотняж*, лев. пр. Сожи близ гор. Мстиславля на Могилевщине, *Хотнежицы* дер. в окрестностях Ельни на Смоленщине, см.: [Vasm. RGN IX 3, 531; Топоров, Трубачев 1962, 123].

Кочебуж гора в истоках р. Псковы к западу от р. ц. Струги-Красные Пск. обл., = *Кочебужа* дер. Быстреевского пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 476, 482]. К личн. **Кочебудъ* ‘будь твердым, сильным’ (подр. см. геогр. *Кочегоще*).

Милодеж дер. Приозерн. Луж., ранее – *Милодежь* дер. на р. Оредеж Тесовской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 82–83]. В средневековье этот пункт, относившийся к Тесовской вол. Вод. пят., фиксируется под вариантными названиями: *Молодежи* 1584 г., *Молодеж* 1620 г., позднее *Милодежи*, *Милодеж*, *Милодежь*, см. [Селин 2003, 141, табл. 9]. Название по происхождению йотовый possessiv от личн. *Милодѣдь*, ср. др.-польск. *Milodziad* [SSNO III, 512]. Ситуацию, однако, усложняет особая, но созвучная топонимическая форма *Миложад* 1568 г., которую тоже связывают с этой деревней [Селин 2003, 141]. По-видимому, она не имеет самостоятельного деантропонимического образования (хотя бы потому, что личн. **Миложадь* не фиксируется), а переделана из исконной формы *Милодеж*.

Люботеж дер. Середкинск. Пск., ранее относившаяся к Гд. у. бывшей Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 1619]. Скорее всего обосновывается личн. **Люботѣзь*, которое дало первоначальную топонимическую форму **Люботѣзь*, позднее «подогнанную» под структуру названий на -еж типа *Милодеж*. Ср. польск. геогр. *Lubociesz*, возводимое к **Ljubotěch-jь* [Rospond 1983, 88]. Однако в качестве производящего имени допускается и личн. **Любодѣдь*, незафиксированное, но по смыслу напоминающее др.-польск. *Milodziad* (см. геогр. *Милодеж*).

Любочажье дер. Осьминск. Луж., ранее – *Любочажа* (*Любочажи*) дер. на рч. Сабе Луж. у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 2062]. Отождествляется со средневековой *Любочажа* дер. Дремяцкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 491]. Обосновывается личн. **Любочадь*, по буквальному смыслу – ‘любимое чадо (= дитя)’, ср. семантически и структурно подобное имя, реконструируемое по геогр. *Дорогачиж* (см.). Элемент -*čed-* (> -*чад-*) лучше известен в препозиции: сербохорв. личн. *Čedomir*,

Āedomil, болг. *Чедомир* [Заим. БИ, 242], хотя в болгарском встречается и постпозитивное его употребление в термине родства: болг. *братучед* – ‘сын брата, племянник’.

Чернобожье дер. Должицк. Дн. на р. Полонка, ранее указывалась в Порх. у. Пск. губ. [СНМРИ 34, № 11301]. Пункт несколько раз упомянут документацией конца XV–XVI вв. при описании Порховского окологорья и пог. Михайловского на Полоной к востоку от Порхова: *Чернобыш* 1498 г., *Чернобуж* 1539 и 1576 гг. [НПК IV, 317; V, 264, 576]. Ойконим, вероятно, восходит к личн. **Чърнобудъ* (< прасл. **Сърнобудъ*); данное имя самостоятельно, как будто, не зафиксировано, но первый компонент хорошо известен в разных антропонимических сложениях, ср. хотя бы ст.-рус. *Черногуз*, *Черногуб*, *Чернобаев*, *Чернобровкин*, *Чернобесов* и др. [Вес. Он., 352], а из более архаических имен ср. др.-чеш. **Ārnhost* (из топонима), сербохорв. *Crnobrat*, *Crnomir*, *CrnomuŹ* [Svoboda 1964, 73].

Уномерь дер. Передольск. Бат. на руч. *Уномерке* басс. Шелони, ранее – дер. на рч. *Уномерь* Медведевской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 42–43], = дер. «*въ Вунемере*» под 1498 г., позднее, в 1-й пол. XVI в., – дер. *Уномерь* Косицкого пог. Шел. пят. [НПК V, 152, 153, 352]. Производно от др.-слав. личн. *Унѣмѣрь* / *Унѣмиръ* (в первой части компаратив со значением ‘лучше’), которое зафиксировано самостоятельно в ранних зап.-слав. источниках (польск. личн. *Uniemir* 1203 г., полаб.-помор. *Unĕmer* 1260 г. [Rospond 1983, 142–143; Schlimpert 1978, 149]) и в составе йотово-посессивных топонимов на территории России: геогр. *Унимерь* дер. на р. Которость близ Ярославля [Vasm. RGN IX 1, 293], в Чехии: геогр. *Unĕmĕř*, позднее *Umĕř* [Prof. MJ IV, 1183], а также в Сербии [Miklosich 1927, 183], см. еще материалы о смежных зап.-слав. личн. *Unieslaw*, *Unegost*, *Unewit* и др. в трудах указанных выше исследователей.

К Косицкому погосту относится также геогр. *Нумерье* [НПК V, 353], которое явно следует трактовать в качестве одного из обособившихся вариантов ойконима *Уномерь*. На тождество средневекового *Уномерь* = *Нумерье* указывал ранее А.М.Андряшев [Андряшев 1914, 169]. Появление последней формы было связано с давней утратой начальной гласной у.

Хотобужа дер. Самокражской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I, 70–71], идентифицируется со средневековыми пунктами Сабельского пог. Шел. пят.: дер. *Хотобужа* 1571 г., рядом с которой значится в это время смежная деревня с производным названием *Хотобужцы-Огурково* [НПК V, 513, 514]; эти пункты, в свою очередь, являются продолжениями более ранних деревень: *Хотубожа* и *Хотубожа Другая*, описанных в 1498 г. [НПК V, 157]. Параллельное название носит урочище, локализуемое близ

сел. Копорье Лен. обл., – *Готобужси*, хранящее указание на бывшие дер. *Гатобужси* (*Готубужси Большие*) и *Гатобужси* (*Готубужси Малые*) на р. Воронка Петергофского у. Петерб. губ. сер. XIX в. [Vasm. RGN II 2, 325–326; СМРИ 37, № 3767, 3765], более ранние сведения о которых нам не известны. Существенно подчеркнуть, что в данном топониме *z* выступает вторичным вариантом *x*, ср. применительно к этому случаю *Хотчино* село Богородицкого Дягиленского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 683, 689], известное сегодня как гор. *Гатчина*, или геогр. *Хутчеево* дер. на р. Тосне Ильинского Тигодского пог. 1568 г., превратившееся, согласно Ген. меж. 1788 г., в *Гутчева* пуст. [Селин 2003, 224, табл. 19]. Геогр. *Хотобужси* и *Готобужси* соотносятся с личн. *Хотобудъ* / *Хотѣбудъ* (< прасл. **Хотободъ* / **Хотобудъ* или **Хотѣбодъ* / **Хотѣбудъ*), которое хорошо засвидетельствовано у западных славян: чеш. *Chotěbud*, польск. *Chociebad*, полаб.-помор. *Chotibad* и там же, на западе славянства, присутствует производная от этого имени йотово-посессивная топонимия (см. рис. 3): неоднократно геогр. *Chotěbadz* у полабских славян на территории Северо-Восточной Германии (в окрестностях гор. Варен, Шверин, Ораниенбург и Мальхин), польск. *Chociebadz*, позднее *Cocobadz*, село в Тешинском повете, *Chotěbiz* у лужицких славян (откуда название немецкого гор. *Котбус*), геогр. *Chcebuz* и *Chotěbuz* (диал. *Косубуыц*) – сел. в Чехии, сюда же гидроним в Словении, известный по историческим источникам как *Chatbuesch* (*Godowusch* и др.); см. материалы: [Rospond 1983, 54; Svoboda 1964, 76; Schlimpert 1978, 34; Prof. MJ II, 8]. К перечисленным посессивам нужно добавить еще отпатронимное геогр. *Chotěbudice* сел. в Чехии [Prof. MJ II, 36]. Кроме того, к указанному личному имени явно возводится верхнеднепровский гидроним *Ходобужска* (вар. *Худобушка*, *Фудобишка*) пр. пр. Вотри, пр. пр. Вопи, пр. пр. Днепра, который В.Н.Топоров и О.Н.Трубачев [Топоров, Трубачев 1962, 222], считают темным; на этой речке стоит дер. *Ходобуже* Духовщинского у. Смоленской губ. [Vasm. RGN IX 3, 499]. Озвончение *m > d* в гидрониме вызвано предвосхищением звонкости следующих согласных и находит аналогию в новг. геогр. *Жидобужси* из личн. *Житобудъ* (см.). В постпозиции ряда личных имен на *-будъ* (*Хотобудъ*, *Радобудъ* и др.) этимологически не исключается элемент *-bud-* (а не *-bad-*), соотносимый с прасл. **buditi*, рус. *будить* и чаще проявляющийся в препозиции.

Радовеж дер. Косицкой вол. Новг. у. на р. Луге [СНМНГ I, 26–27]. К личн. *Радовидъ* (отмечено у болгар до XII в. [Займ. БИ, 143]), менее вероятно – к **Радовѣдъ*. Указаны семь йотово-посессивных топонимов, образованных от личн. *Радовидъ* (см. рис. 3): дважды *Radowiz* у лужицких

сербов на территории Германии (нем. *Radewiese*), остальные на Балканах: в Македонии, Сербии, Греции [Rospond 1983, 117].

Раслово дер. в верховьях Шелони в бывшем Порх. у. Пск. губ. [СНМРИ 34, № 10667], идентифицируется с дер. *Расловль* Дегожского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV, 268]. Старописьменная форма ойконима – йотово-посессивное производное от личн. *Раславъ* с усеченным первым компонентом (из *Радславъ* < *Радославъ* либо *Ратьславъ* < *Ратиславъ*) или, что менее вероятно, от личн. *Рославъ* (из *Родславъ* < *Родиславъ* либо *Ростъславъ* < *Ростиславъ*). Ср. личн. *Ратьславъ* или *Радславъ* в новг. бер. гр. № 260 и 262 (XIV в.) [Зализняк 2004, 604–605, 609] наряду с др.-рус. *Радъславъ* («дворъ *Радъславль*» в Киеве 1161 г., Иванъ *Радъсваличъ*, посол 1164 г.) [Туп. СДЛСИ, 388, 775], др.-польск. *Raslaw, Radslaw* [SSNO IV, 421–422], чеш. *Radslav* [Svoboda 1964, 83]. Др.-новг. личн. *Рославъ* 1404 г. зафиксировано Софийской 1-й летописью [Мор. СИ, 169]. См. на новгородской территории также отпатронимное геогр. **Расловици**, прикрепленное к двум близлежащим деревням Красноборской вол. Тихв. у. нач. XX в. [СНМНГ VII, 66–67]. На других территориях географических названий с тождественными или максимально близкими топономами обнаруживается немало: *Раслово* дер. в Борисоглебском у. Ярославской губ. + дер. близ Костромы на р. Межа + дер. в Зубцовском у. Тверской губ. + сел. в Тотемском у. Вологодской губ., *Расловля* (вар. *Раславлево*) дер. в окрестностях Бежецка, *Расловлево* дер. близ Романова-Борисоглебска и Ростова в Ярославской губ., *Расловка* дер. в Бежецком у. Тверской губ., *Расловский* пог. на р. *Расловка* Грязовецкого у. Вологодской губ., укр. *Раславка* сел. на Волини и нек. др. [Vasm. RGN VII 3, 536]. Не менее хорошо представлена близкая ойконимия с огласовкой *о* первого слога: *Расловская* дер. под 1540/41 г. в Збудской переваре Торопецкой земли [ПКНЗ 4, 555], *Раславль (Расловль)* гор. к юго-востоку от Смоленска + сел. Болховского у. на Орловщине, *Рысловль* в окрестностях Гомеля, *Раславлево* – пункты в Подмосковье, под Костромой и под Весьегонском, *Расловици* под Киевом, *Расловка* под Суражем Черниговской губ. и нек. др., см. [Vasm. RGN VII 536, 651–652; XIII 1, 19]. Перечисленные топонимические факты с очевидностью показывают, что личные имена *Раславъ, Рославъ* праславянского происхождения были очень употребительны во многих русских землях, причем задержались на довольно продолжительное время. Они смешивались друг с другом и, вероятно, со ст.-рус. личн. *Росльий, Росляк* [Вес. Он., 271], а также знали метатезу гласных первого и второго слогов.

Редбуж дер. Передольск. Бат., = *Рядбуж* дер. Никольского Передольского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 421]; позднее в источниках:

дер. *Радбуж* 1539/40 г. и 1718 г., пуст. *Редбуж* 1582 г., дер. *Редбужа* 1791 г. и даже ? *Жеребуж* 1748 г. [Селин 2003, 171, табл. 15], в сер. XIX в. – дер. *Редбуж* Луж. у. [СНМРИ, № 1953]. Вторая новг. дер. *Рядбуж* локализуется в Среднем Поволховье: она относилась к Рождественскому Солецкому пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 421] и под 1540 г. записана как дер. *Радбуж*, под 1582 г. – как пуст. *Радбуж*, «что была деревня» [Селин 2003, 258, табл. 26], дальнейшие следы этого пункта теряются. Ойконимы мотивированы исходным личн. **Рядъбудъ* /**Рядобудъ* (< **Rędobudъ*). По средневековой документации это имя не фиксируется, но препозитивный компонент *Ряд-* (< *Ręd-*) в антропонимии известен (см. *Рядятина* ул.). Вариант *Радбуж* появился благодаря пересечению с созвучной топонимией от личн. *Радобудъ* (< **Radobudъ* с иным компонентом), получившей широкое распространение у разных групп славян.

Миронеж ур. на правом берегу Ловати на северной окраине гор. Холма Новг. обл. Рядом течет *Миронежский* руч., впадающий в Ловать. В списке селений 1907 г. по Холм. у. не значится, но отождествляется с дер. *Миронъжская Лука* Холмского пог. Дер. пят. 1495 г., которая «съла на лготъ на погостьей землѣ» [НПК II, 827]. Фонетическая слегка измененная параллельным ойконимом является геогр. *Меренеж* – дер. Яжелобичского пог. Дер. пят., известная по писцовой документации 1495, 1539 и 1551 гг. неподалеку от оз. Великий Двор и близ оз. У Игнатцова Кста [НПК I, 819, 820; ПКНЗ 4, 132; 5, 218], а немного к юго-востоку от нее, в окрестностях Торжка Твер. губ., значится по спискам селений сер. XIX в. дер. *Миронежи* [СНМРИ 43, № 7525]. Перечисленные ойконимы обусловлены др.-слав. личн. *Миронъгъ*; ср. такое имя у одного из новгородских посадников XII в. [НПЛ, 70], как и др.-польск. личн. *Mironieg*, популярное в польско-литовском государстве [SSNO III, 522], др.-чеш. *Mironěha* [Svoboda 1964, 81], древнее альпослав. «*Miren-gen*» = *Mironěgъ* [Kronsteiner 1981, 208]), сербохорв. *Mironěg*, *Mironig* [ЭССЯ 19, 54].

О значительной популярности в древнерусскую эпоху данного имени в Новгородской земле свидетельствует, помимо геогр. *Миронеж* и *Меренеж*, еще целый ряд эквивалентных старописьменных топонимов, образованных по различным деривационным моделям. Почти все они оказались забыты к настоящему времени. Это геогр. *Миронози* дер. в Холмском пог. в Муравьевском десятке 1495 г. [НПК II, 871], *Миронегово* дер. в Никольском Любонском пог. Беж. пят. 1498 г. [ПКНЗ 3, 243], *Солто Миронегова* пуст. 1551 г. и *Меренога* дер. 1495 г. рядом с оз. *Меренога* (в XVIII в. – оз. *Миронегога*, в XIX в. – оз. *Миронегское*, сегодня – оз. *Ельчинское* близ Валдая по данным Ю.Н. Поведского [Поведский

1997, 75]) – все в Городенском пог. Дер. пят. [ПКНЗ 5, 326; НПК I, 291, 296]; неподалеку от них, в соседнем Еглинском пог., отмечены р. *Меренога* и дер. *Миронъ* 1551 г. [ПКНЗ 5, 218; НПК I, 904] (= *Миронъги* дер. на рч. Гремячке Зимогорской вол. Валд. у. в нач. XX в. [СНМНГ V, 40–41], сегодня – *Миронег* дер. Яжелбицк. Валд.) и опять же поблизости от этих пунктов и водоемов дер. *Миронозека* Яжелобицкого пог. 1495 г., там же дер. *Меренеж* [НПК I, 819, 820, 871]. Сосредоточение в трех соседних погостах нескольких названий от личн. *Миронъгъ*, надо полагать, не случайно: это скорее всего говорит о том, что сопредельные селения и угодья в окрестностях Валдая некогда принадлежали одному владельцу. В этот топонимический контекст входит еще геогр. *Мирони* пуст. в Еглинском пог. 1551 г.: «обжа, а запустела 30 лет» [ПКНЗ 5, 220], = ? совр. дер. *Миронушка* Зимогорск. Валд. Последнее название обусловлено личн. *Миронъ*, которое в свете изложенных топонимических фактов является, очевидно, не христианским, а усеченным из *Миронъгъ*. Колебания гласных в геогр. *Миронез* / *Меренеж* такие же, как в геогр. *Жиросло* / *Жересло* (см.), формы *Меренога*, *Мереножка* явно осложнены ремотивацией – сближением со словом *нога*.

Мирославье дер. Красностанской вол. Кр. у. на восточном побережье Ильменя [СНМНГ IV, 54–55], = *Мирославль* дер. Сытинского пог. в книгах Дер. пят. конца XV в. [НПК II, 480, 482, 487] и 1530–40-х гг. [ПКНЗ 4, 215]. Вторая новг. дер. *Мирославль* значилась по писцовой книге Вод. пят. 1500 г. в пог. Ильинском на Волхове; правда, в более поздней документации этот пункт именуется существенно иначе: *Мересаха* дер. 1568 г., *Мересика* пуст. 1582 г., *Мереслан* дер. 1678 г., *Мереслона* дер. 1709 г. [Селин 2003, 290, табл. 30] (что не исключает в данном конкретном случае квалификации варианта *Мирославль* и как результата др.-слав. освоения некой дославянской формы). Ойконим возводится к личн. *Мирославль*, которое использовалось не только в раннедревнерусский, но и в позднедревнерусский и старорусский периоды [Вес. Он., 199; Худаш, Демчук 1988, 63]. Женское имя *Мирослава* выбито на каменном кресте XII в., найденном близ дер. Воймирицы Вычеремск. Люб. Данный антропоним издревле хорошо известен всему славянскому миру. Многочисленна, особенно у восточных славян, топонимия на базе этого имени (см. рис. 4). Списки населенных мест Российской империи XIX в. дают до двух десятков ойконимов, наиболее архаичные из которых (*Мирославль*, *Мирславль*, *Мирослав*) приурочены к территории Псковщины, Белоруссии, украинской Волыни и Курской губ. [Vasm. RGN V 3, 574, 575]; соответствующая топонимия неоднократно встречается также в Чехии (геогр. *Miroslav*, трижды), Польше (*Mirolaw*, дважды) и на Бал-

канах: сербохорв. геогр. *Mirosav*, макед. *Mirosavlje*, греч. *Μοροσκλαβον* (из др.-слав.) [Rospond 1983, 94], болг. *Μιροσλαвици* [Займов 1967, 222].

Добромыш мыс на западном берегу северного (Полновского) плеса оз. Селигер [Истомина, Яковлев 1989, 103]. Восходит через промежуточную топонимическую форму **Добромышль* к личн. *Добромышль*. Имя встретилось в одной из старейших новг. бер. гр. № 526 (2-я треть XI в.) и имело хождение в древних польск., чеш. [Malec 1971, 80; Svoboda 1964, 74], полаб.-помор., сербохорв. [Schlimpert 1978, 41], словен. [Kos 1886, 116] языках и диалектах. Межтерриториальные топонимические соответствия многочисленны: это локализуемое на юго-западной периферии области новгородских пятин геогр. *Добромысел* дер. на оз. Бросно Холм. у. Пск. губ., далее к юго-западу от Новгородской земли геогр. *Добромышль* ус. в Витебской губ. и почти полтора десятка преимущественно йотово-посессивных топонимических образований от данного имени на территориях Белоруссии (в окрестностях гор. Ново-Александровск Каунасской губ., Борисов Минской губ., Бобруйск Слонимской губ., Орша, Режица Витебской губ., Ошмяны Виленской губ.), Западной Украины (Тернопольская обл.), Польши, отчасти Литвы и Восточной Германии, судя по материалам: [Vasm. RGN III 1, 40–42; Rospond 1983, 66; Schlimpert 1978, 41; Худаш, Демчук 1991, 65–66; Бучко 1994, 114].

Остронезжское оз. в Зимогорской вол. Валд. у. [СНМНГ V, 39]. Лимноним обусловлен личн. **Остронѣзь*, не зарегистрированным письменностью, которое совпадает первой частью с именем *Остромирь* новгородского посадника XI в. (подр. о личн. *Остромирь* см. в геогр. *Остромково*). Общий препозитивный компонент показывают, в частности, гидроним *Острогоща* р. в басс. Дона, пр. Тихой [Агутаа 1960, 160] (к личн. **Острогость*) и зап.-слав. (др.-польск., полаб.) личн. *Ostrobod* [SSNO IV, 152; Schlimpert 1978, 97] (второй компонент Шлимперт связывает с корнем прасл. **bosti*, рус. *бодать*).

Волокславский пог. Анисимовской вол. Тихв. у. на р. Чагоде-Чагодоше [СНМНГ VII, 10–11; ВСОРИ, 10], в XVI в. – село *Волок Хотславль*, центр пог. *Никольский Волокохотславль* Обон. пят. [ПКНЗ 2, 141, 159], или иначе – *Никольской Гослав волок* [ПКОП III, 17–22]. Селение находилось при древнем волоке, соединявшем Воложбу бассейна Сяси с Чагодой бассейна Волги. Составной ойконим содержит посессив от личн. *Хотславль* (< **Хотѣславль*) и семантизируется как ‘волок Хотслава’. Данное имя было популярным на новгородской территории в XII в., судя по тому, что его показывают несколько грамот на бересте: *Хотѣславль* в гр. № 35 из Старой Руссы (20–50-е гг. XII в.), *Хотѣславко* (или *Хотѣславецъ*) в новг.

бер. гр. № 654 (сер. 1150-х – нач. 1210-х гг.), *Хотославъ*, которое выводится из притяжательного прилагательного во фрагменте «*Хото(сла)[в]лю [з]емлю*» из бер. гр. № 805 (последняя треть XII в.) [Зализняк 2004, 388–389] (там же предполагается, что *Хотославъ* гр. 805 и *Хотѣславко* гр. 654, вероятно, одно и то же лицо). Ср. еще др.-польск. личн. *Chocieslaw*, *Chocslaw* [SSNO I, 322], др.-чеш. *Chotislav* [ЭССЯ 8, 85]. Село с названием *Хотславль*, *Полнышево* тож в окрестностях Вязьмы указывает жалованная грамота московскому Новодевичьему монастырю 1662 г. [АИ IV, 316]. Отметим еще смоленское геогр. *Хотеславичи* (*Хотиславичи*) сел. Духовщинского у., *Хотислав* дер. неподалеку от гор. Брест Гродненской обл., *Chocislaw* ж. д. ст. в Восточной Польше [Vasm. RGN IX 3, 531]. Максимально подобное новгородскому название есть на сопредельной вологодской территории: *Волокославинское* дер. в Кирилловском у. Новг. губ. при оз. Благовещенском, рядом значились в нач. XX в. Благовещенский и Никольский *Волокославинские* погосты [СНМНГ X, 26, 30]. По-видимому, вологодский ойконим появился вторично: как «отзвук» новг. *Волокославского* пог. к югу от Тихвина.

Андромер дер. близ оз. Песно Запольск. Пл., ранее – дер. Луж. у. Петерб. губ. на оз. Килешницы [СНМРИ 37, № 2333], = дер. *Ондромир* Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 120]. Полагаем, название производно от гибридного антропонима **Андромирь* / **Андромѣрь*, который составлен из усеченной основы *Ондр-* христианского личн. *Андрей* (или *Андромах*, *Андрон*, *Андроник*, *Абрам*) и устойчивого в постпозиции компонента *-мир-* или *-мѣрь-* древнеславянских антропонимов-композигов. Гипокористическое личн. *Ондрь* имело хождение на древней новгородской территории (ср., к примеру, геогр. *Ондров Конец* дер. на руч. Безымянном Тихв. у. [СНМНГ VII, 66–67]); оно имело возможность получить расширение при помощи частотного элемента *-мирь*, воспринимаемого в поздний период в качестве суффикса. Подобного типа композитные гибриды иногда отмечаются у разных групп славян, характеризую позднюю стадию развития двуосновной антропонимии. Ср., к примеру, др.-польск. личн. *Jurgebog* [SSNO II, 505], которое состоит из основы христ. *Jurgi* = *Георгий* и др.-слав. антропонимического компонента *-bogъ* (ср. др.-чеш. личн. *Milboh*, др.-польск. *Modlibog*), болг. *Михослав*, *Никослав* [Заим. БИ, 194, 156] с элементами христ. *Михаил*, *Николай*, др.-чеш. *Petrumila* [Svoboda 1964, 96], соотносимое с христ. *Petr*. Ср. ярославское геогр. *Андронез* дер. в окрестностях Ростова [Vasm. RGN I 1, 123], которое тоже жидется на антропонимическом композите **Андронѣрь*, подобном личному имени **Андромирь*. Неясно, можно ли доверять созвучию первых компонентов

личн. **Андромирь*, **Андронѣзь* и личн. *Андрогость*: последнее – имя предводителя славян 583 г. – извлечено М.Морошкиным [Мор. СИ, 3] из средневекового латинского источника.

Буславля дер. неподалеку от Вышнего Волочка Твер. губ. во 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 43, № 4067], достаточно уверенно идентифицируемая со средневековой дер. *Быславле* Заборовского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I, 7], + параллельное геогр. *Быслав* дер. Климентовского Тесовского пог. Вод. пят. 1500 и 1568 гг. [НПК III, 74; Селин 2003, 121, табл. 8]. Ойконимы мотивируются либо личн. *Буславъ* (ср. др.-новг. отчество *Буславль* из двинской грамоты XV в. [ГВНП, 261, гр. № 249], *Буслав*, имя помещика в Михайловском пог. на Узе Шел. пят. 1576 г. [НПК V, 663], др.-польск. личн. *Buslaw* [SSNO I, 287; VII, 24] – из *Bud(o)slaw*), либо личн. **Быславъ*, где *Бы-* – вероятная основа глагола **byti*. Впрочем, известные славянским языкам антропонимические композиты связаны первыми компонентами скорее не с **byti*, а с префиксальными глаголами **sъbyti*, **ubyti*, **pribyti* (ср., к примеру, польские имена типа *Zbysław*, *Ubyślaw*, *Przybyślaw*), тогда как личн. **Буславъ*, кажется, не зафиксировано. Новгородская ойконимия дополняется ойконимом *Быславль* дер. в окрестностях Владимира [Vasm. RGN I 3, 595], польскими гидронимами *Bysławskie* и *Male-Bysławskie* – озера в басс. Вислы [HW, 298–299], сербским гидронимом *Бислав* [Павл. XC]. Чаше, однако, подобные названия встречаются в иной огласовке: *Буславль* дер. Дмитровского у. в Подмосковье, а также без йотовой суффиксации геогр. *Буслава* близ Гжатска, *Буславец* недалеко от Твери, *Буславка* на Смоленщине и в Минской губ., *Буславцево* близ Весьегонска [Vasm. RGN I 3, 595]. В целом целесообразнее возводить новг. геогр. *Быславле*, *Быслав* все же к антропонимическому композиту *Буславъ*, имея в виду возможность фонетической модификации *Бу-* > *Бы* первого слога; ср. хотя бы геогр. *Быдгоица* (< *Будгоица*, см. *Будгоиць*), диал. *быдто* (< *будто*).

Хотя отдельные из сохранившихся до сего дня йотово-посессивных топонимов от древнеславянских личных имен-композитов не попали по разным причинам в новгородские писцовые книги, в целом средневековые документы дают значительно большее количество таких топонимов, нежели современные источники. Высокая степень их сохранности в писцовых книгах обусловлена преимущественно тем, что эпоха московских земельных описаний конца XV – сер. XVI вв. на новгородской территории была хронологически ближе эпохе живого функционирования *-*ь*-модели по сравнению с современным периодом. Со временем многие йотово-посессивные топонимы, указанные документами XV–XVI вв., оказались забыты главным образом потому,

что многие старые деревни превратились в пустоши (это хорошо показывают, в частности, материалы Ген. меж. конца XVIII в.) и затем исчезли. Ниже даны этимологические комментарии к ряду извлеченных из НПК названий Новгородской земли, современная географическая привязка которых либо не существует, либо осталась нам не известной.

Велбуже оз. в Никольском пог. на Вышнем Волочке Беж. пят. сер. XVI в. (рядом упомянуты оз. Щучье, Крачино) [НПК VI, 42, 44, 53, 54, 340]. Из личн. **Вел(е)будъ*, антропонимического пожелания быть великим: др.-рус. *велий* ‘большой, великий’. Отмечены еще два йотово-посессивных топонима на основе этого личного имени: геогр. *Velebądz* (нем. *Villebanse*) у полабских славян и *Veľebužd* в Болгарии, ср. еще геогр. *Veľebudice* сел. в Чехии [Rospond 1983, 145].

Витенеж дер. Лядского пог. Шел. пят. 1571 г., пожни которой находились «на реки на Плюсе» [НПК V, 553], к концу XVIII в. – пуст. *Videnež* в даче дер. Дубской, согласно Ген. меж., № 1582 [Андрияшев 1914, 93]. К личн. **Витонѣзь*, которое принадлежит к кругу древних общеславянских имен **Vitoslavъ*, **Vitomirъ*, **Vitogostъ* и др. Геогр. *Witoniż* (в польской транслитерации) известно еще как село на р. Стоход в Луцком у. Вольнской губ. [Vasm. RGN II 1, 108]. На новгородской территории с препозитивным элементом *Vumo-*, соотносимым с прасл. **vīt-* ‘жить, обитать’ или с **vītъ* ‘господин, имеющий власть’ (обзор мнений дан в [Svoboda 1964, 91]), обнаруживаются еще композитные геогр. *Витогауц* (см.), *Витославлицы* (см.).

Воиславле сел. Вод. пят. 1500 г. в пог. Богородском Врудском, в Копорском у., принадлежало до XVI в. новгородскому Юрьеву монастырю [НПК III, 847, 856]. К личн. *Воиславъ*, которое, судя по разным источникам, было известно почти по всей Славии и зафиксировано также новг. бер. гр. № 531 конца XII – 1-й пол. XII в. [Зализняк 2004, 416]. Из топонимических соответствий отметим *Wojslawice* сел. у р. Буг в Галиции + сел. близ гор. Хелм в восточной Польше [Vasm. RGN II 1, 141], польск. *Wojslawka* р. басс. Вислы [HW, 304, 438], болг. *Воиславци* сел. [Займов 1967, 218].

Всеславле дер. в Бологовском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 896]. Мотивировано личн. *Вьсеславъ* с местоименным компонентом. По-видимому, это имя использовалось только у восточных славян: его носили, в частности, полоцкий (1044 г.) и витебский (1175 г.) князья [Туп. СДЛСИ, 154]. См. еще геогр. *Всеславль* (*Сеславль*) сел. Козельского у. Калужской губ. [Vasm. RGN II 1, 216].

Вховеж дер. Дубровенского пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V, 671], к концу XVIII в. превратившаяся в пуст. *Вховежи*, показанную межевными

материалами к юго-западу от Дубровны [Андрияшев 1914, 431]. Ойконим возводится к уникальному др.-новг. личн. **Въховидь*, первый компонент которого представлен диалектным местоимением *въхо* ‘все’ без эффекта третьей палатализации для **х*, см. [НГБ из раскопок 1977–1983, 116; Зализняк 2004, 45–46]. Этот же ойконим фигурирует в писцовой документации также в «стандартном» древнерусском облике *Всевиж* 1498 г. [НПК IV, 197]. Семантически личн. **Въсевидь* – ‘все видящий, все знающий’; ср. по первому компоненту личн. *Въсеславъ*, выше.

Городолюбское оз. в Коломенском пог. Дер. пят. северо-западнее Вышнего Волочка [НПК I, 83; ПKNЗ 4, 106]. Скорее всего перед нами осложненная суф. *-ск-* йотовая форма **Городолюбле* от личн. **Городолюбъ*. Ср. в Словении исторические топонимические варианты *Grosłupp*, *Grazłup*, *Glosłupp* и др., известные с 860 г., которые рассматривались как модификации исходной формы **Gradiljubъ* [Rospond 1983, 73–74] на базе прасл. личн. **Gordil'ubъ*.

Гостелюбле дер. в пог. Михайловском в Тростных Беж. пят. сер. XVI в. [ПKNЗ 3, 117; НПК VI, 189]: к личн. **Гостелюбъ* / **Гостилюбъ*. Ср. параллельные польск. геогр. *Gościlib* в окрестностях Ленчицы, *Golubie* (упрощенное из **Gostiljubъ*) в поветах Тчев и Карпузы, геогр. *Κωστέλοπ* в Греции [Rospond 1983, 74].

Гостивици дер. Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 210], обозначенная в источниках 1539/40 и 1585 гг. как дер. *Гостивицы* или *Гостеневицы* [Селин 2003, 156, табл. 13], более поздние сведения о пункте отсутствуют. Со значительной степенью вероятности трактуется как йотово-посессивный ойконим от композитного личн. *Гостивитъ*. Такое имя отложилось в др.-чеш. документации: личн. *Hostivít* [Svoboda 1964, 76] (см. в [Мор. СИ, 57] также зап.-слав. *Гастовтъ*), там же, на территории Чехии, наличествует геогр. *Hostivice*, которое было объяснено в связи с указанным антропонимическим композитом [Svoboda, Šmilauer 1960, 556]. Новг. геогр. *Гостивици* несет печать мягкого цоканья: слог *-ци* отсылает к исходному *-чи* (**Гостивичи*). Квалификация последнего в качестве образования с суф. *-ичи/-ицы* от некоего личн. **Гостивъ*, усеченного, быть может, от композитного *Гостивитъ* (которое реконструируется, в частности, из йотово-посессивного геогр. *Гостивель* дер. Речицкого у. Минской губ. [Vasm. RGN II 3, 523]) тоже допустима, но имеет меньше шансов при наличии зап.-слав. *Hostivít*.

Доброжирь дер. 1) Коломенского и 2) Ужинского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I, 81, 372]. Следует обусловить архаическим композит-

ным антропонимом (очевидно, только др.-новг.) **Доброжирь*, который не обнаружен по источникам.

Дорогачиж поч. в Спасском Егорьевском пог. во Млеве Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 352]. Название, по-видимому, восходит к др.-новг. личн. **Дорогочадъ* ('дорогое чадо'), семантически равному личн. **Любочадъ*, см. выше геогр. *Любочажье*.

Любобуж дер. Дегожского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV, 276]. К личн. **Любобудъ* ('будет любимым'), ср. структурно и семантически подобные чеш. *Drahobud*, польск. *Milobađ* и др., см. ниже также геогр. *Милебуж*.

Любовижа дер. Быстреевского пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 481, 486], к концу XVIII в. превратившаяся в одноименную пустошь в Гдовском у. [Андрияшев 1914, 75], + *Любовижа* руч., приток р. Тигоды, лев. пр. Равани, пр. пр. Волхова [Шан. РЛЮ, 48]. Название мотивировано личн. *Любовидъ*, которое удостоверяют др.-польск. личн. *Lubowid* и многочисленные йотово-посессивные топонимы на базе данного имени на территории Польши (*Lubowidz* применительно к трем пунктам), Чехии (*Liboviz*), Македонии, Сербии [Rospond 1983, 88], сюда же гидроним *Любовижа* в Верхнем Поднепровье, указанный в связи с *Хотовижа* [Топоров, Трубачев 1962, 198].

Мелечажо дер. в Егорьевском Лусском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 44], позднее – дер. *Мелечаж* 1568 г., *Мелечажа* 1582 г. и 1748 г. (в сер. XVIII в. указана как «новопоселенная»), *Мелечажи* пуст. 1788 г. [Селин 2003, 110, табл. 6], дальнейшие сведения отсутствуют. Ойконим, очевидно, произведен от личн. **Милочадъ*, которому семантически равны личн. **Дорогочадъ* и **Любочадъ*, реконструированные выше.

Милебуж дер. Еглинского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 822]. К личн. *Милобудъ*; ср., по [ЭССЯ 19, 36–37; Svoboda 1964, 79; Rospond 1983, 93], чеш. личн. *Milobud*, польск. *Milobađ* и производные от этих имен ойконимы *Milobuz* в Чехии, *Milobađz* в Польше, *Milobuz* (нем. *Mölbis*) в районе проживания лужицких славян в Восточной Германии. Согласно ободной грамоте Кирилло-Белозерского монастыря 1556 г., на Вологодчине (Белозерье) некогда значилось сел. *Милобудово*: «Да в *Милобудове* починок новцо Власово» [АСЭИ 2, № 316]; СМРИ XIX столетия это селение не указывают.

Милонѣж дер. Семеновского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 802, 804]. К личн. *Милонѣжъ*, которое является, по всей вероятности, только др.-новг. именем: оно фиксируется бер. гр. № 320/337 нач. XIV в. [Зализняк 2004, 527] и указано как имя новгородцев под 1177 и 1185 гг. [Туп. СДЛСИ, 307; Мор. СИ, 124].

Меробужской дер. Еглинского пог. Дер. пят. 1496 г. [ПКНЗ 1, 63]. Вероятно, с поздним формантом *-ской* от первоначального йогово-посессивного ойконима **Меробужь* из личн. *Мѣробудь* или *Миробудь*; ср. зап.-слав. (луж.) *Мербуд* [Мор. СИ, 121]. Пожелательное имя ('пусть будет славным, мирным'), параллельное по образованию личн. *Милобудь*.

Нѣговичи дер. Никольского Передольского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 172], последний раз отмеченная документом 1539/40 г. [Селин 2003, 170, табл. 15]. Вероятны две интерпретации данного ойконима. Во-первых, допустимо сравнение с личн. *Нѣговить*, которое дважды встречено в древненовгородской берестяной письменности: бер. гр. Ст. Р. 19 (1-я пол. XII в.) и новг. гр. № 761 (последняя треть XIII в.) [Зализняк 2004, 336, 500]. Другие славянские источники личн. *Нѣговить*, как будто, не знают, хотя композиты на *-вить* (прасл. **vit-* 'жить, обитать') известны; ср. по новг. бер. гр. № 526, 246 личн. *Добровить*, *Жировить* [Зализняк 2004, 733, 739], др.-чеш. *Hostivít, Sěmovít, Dobrovít*. Ср. топоним *Niegowić* в Польше, который был истолкован на базе др.-польск. личн. *Niegowit, Niegowiad* [Lubaś 1967, 203-208]. Во-вторых, не менее предпочтительно считать новг. геогр. *Нѣговичи* образованием от патронима на *-ович*. В пользу второй версии свидетельствуют многочисленные межтерриториальные соответствия: геогр. *Негово* хут. в Могилевской губ. близ гор. Климовичи, *Niechowice (Nihowice)* и *Niegowce* – сел. в Галиции, *Нягів (Нягово)* пункт в Прикарпатье, *Ňagov* сел. в Словакии [Vasm. RGN VI 1, 115, 153; VII, 318], ойконимы *Неговци* в Болгарии [Заимов 1967, 251], *Negovac* и *Negovec* в Сербии и Хорватии, *Negova* в Словении [Imenik mesta 1956, 304] – эти данные скорее предполагают исходным личное имя типа др.-серб. *Нег* XI–XVI вв. [Грк. РЛИКС, 144], др.-болг. *Нягой* XV в. [Заим. БИ; Мор. СИ, 140].

Радомерь дер. Молвятицкого пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I, 662], более поздние книги Дер. пят. 1538/39 и 1582–1583 гг. знают здесь дер. *Радомер* и рч. *Радомерку*, при которой стояли дер. Сычев Конец, Ивашково, а также «селцо Язвово, а Мачна тожь», см.: [ПКНЗ 4, 217, 292; Неволин 1853, 277 прил.]. Кроме того, была известна средневековая дер. **Радомерь** в Березском пог. на р. Ситне 1501 г. [НПК V, 307], идентифицированная с позднейшей дер. *Радомелье* на р. Черной в среднем течении Шелони к западу от гор. Сольцы и к северу от гор. Дно [Андрияшев 1914, 46]. Названия обусловлены общеславянским личн. *Радо-мѣръ / Радомиръ*, которое знакомо многим славянским языкам и диалектам: польск., полаб.-помор., чеш., болг., сербохорв., словен. Соответствующая ойконимия регистрировалась на территории Чехии (два сел. *Radiměř*), Польши (сел. *Radzimierz* в повете Бабимост, рр. *Radomirka*,

Radomierza в басс. Вислы), в Восточной Германии (нем. геогр. *Rahmer See* в окрестностях Бранденбурга, наследующее полаб. *Radomer*'), в Болгарии (гор. *Radomir* вблизи Софии по средневековым источникам, сел. *Радомирици*), в Македонии (геогр. *Радомир* по греческим источникам), в Сербии (гидроним *Радмировац*), в Албании; см. материалы: [Schlimpert 1978, 112–113; Rospond 1983, 116; Miklosich 1927, 91–92; Prof. MJ III, 519; Заимов 1967, 224; Павл. ХС; НВ, 393]. Однако у восточных славян фиксации имен и топонимов, кроме новгородской территории, по-видимому, отсутствуют. Преобразование новг. *Радомерь* в Березском пог. в *Радомелье* зависело либо от дистантной диссимилиации $p \sim p > p \sim л$, либо, что не менее вероятно, от морфологического колебания на уровне исходных антропонимических баз: полное *Радомѣрь*, осознаваемое в составе названия, могло быть замещено своей гипокористикой *Радомь-а*. Ср. аналогичный случай с названием укр. гор. *Житомир*, которое имеет исторические варианты *Житомирь* («в граде *Житомири*», 1433 г.) и *Житомель*, который дан летописным списком городов конца XIV в. (материал по [Нерозак 1983, 73]).

Радонеж дер. 1) Турского и 2) Муσειцкого пог. Шел. пят. 1498 и 1552–1553 гг. [НПК IV, 68, 551]: к личн. **Радонѣзь*, которое, очевидно, встречалось только у восточных славян. Ср. в бер. гр. № 688 2-й пол. XII в. «*Радонежь* воноуке» – «*Радонегов* внук» [Зализняк 2004, 384]. Укажем еще геогр. *Радонеж* в Подмосковье, *Радонежское* дер. Череповецкого у. Новг. губ. [СНМНГ IX, 42–43] + дер. вблизи гор. Невозыбкова и Орла [Vasm. RGN VII 3, 504] (впрочем, ойконимы на -ское могли появиться вторично, благодаря известному названию сел. *Радонеж*, с которым связано имя преподобного Сергия Радонежского).

Радословле дер. Щепецкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 451, 452], отмечена межевой документацией конца XVIII в. как дер. *Родослав*, а списками селений 2-й пол. XIX в. – как дер. *Радоселье* на рч. *Радосельке* [Андрияшев 1914, 107]. К личн. *Радославъ*, которое отразили три грамоты на бересте: № 50, 213 и Ст. Р. 35а [Зализняк 2004, 790]. Это имя, наряду с вариантным *Радиславъ*, хорошо засвидетельствовано восточно-, западно- и южнославянскими источниками: рус., польск., чеш., болг., сербохорв., словен. [Svoboda 1964, 83], личн. *Радислав* отмечает и ст.-укр. источник XVII в. [Худаш, Демчук 1988, 63]. Ср. более поздний вариант данного имени, обусловивший новг. геогр. *Паслово* (см.). Из параллельной топонимии отмечались геогр. *Radoslaw* или *Raclaw* в Польше, *Rathsleben* и *Radensleben* в Германии (< полаб. **Radoslav*'), *Radoslav* в Болгарии, *Radoslavlja* в Хорватии [Rospond 1983, 117]. Развитие вариантов новг. *Радословле* > *Радоселье* эквивалентно преобразованию

геогр. *Доброславль* > *Доброселье*, о котором говорилось выше (см. *Добросли*).

Ратмер дер. в Среднем Помостье Никольского Шереховичского пог. Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 888]. Название соотносится с личн. *Ратъмѣръ* (< *Ратимѣръ*); ср. проявление личн. *Ратъмьрь* в Новг. 1-й летописи под 1200 г. [НПЛ, 45, 239]), в новг. бер. гр. № 334 и 346 XIII в. [Зализняк 2004, 791]. Эти ономастические факты дополняются др.-польск. личн. *Racmierz*, *Racimiar*, др.-чеш. *Ratmír*, полаб.-помор. *Ratmer* [Svoboda 1964, 83; Schlimpert 1978, 115–116]; сюда же несколько соответствующих вост.-слав. и зап.-слав. топонимов: др.-рус. геогр. *Ратъмьря дуброва* – пункт в Посемье в Черниговской земле под 1127, 1128 гг. [Насонов 2002, 207], польск. геогр. *Racimierz* в повете Легница, полаб. *Ratimir* (отсюда нем. *Rottmersleben*) в Саксонии [Rospond 1983, 118–119]. См. еще с иной суффиксацией новг. геогр. **Ратмирово** дер. Ясеновичского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I, 39, 47], = ? совр. *Ратмирово* дер. Вышневолоцкого у. Твер. губ. [СНМРИ 43, № 4051]. На восточнославянской территории отмечены также геогр. *Ратмир* (*Ратъмьрь*) дер. на р. Москве под Колодной, *Ратмирово* дер. Борисоглебского у. Ярославской губ., *Ратмировский* пог. на р. Ивадеж в окрестностях Устюга Вологодской губ., там же рядом *Ратмеровско-Богородский* и *Ратмеровско-Троицко-Ильинский* погосты, *Ратмировичи* дер. под Бобруйском Минской губ., видимо, и *Ратмарово* дер. Кирилловского у. Вологодской губ. + дер. под Владимиром [Vasm. RGN VII 3, 541] (форма *Ратмарово*, вероятно, из-за из смешения со ст.-рус. личн. *Ратман*). Отдаленные фиксации в басс. Северной Двины указывают на то, что соответствующий антропонимический композит был употребителен в Северной Руси и после XIII в.

Роздомьрь дер. Сабельского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 161]. К личн. **Роздамиръ*, самостоятельные фиксации которого не известны. В первой части сложения, по-видимому, префиксальная глагольная основа глагола *роздати*, прасл. **orzdati*. Ср., что касается структуры имени, польск. личн. *Niedamir*, отсылающее к прасл. **ne dati*.

Сеславль путь – дорога из Новгорода в XVI в. [ПКНЗ 1, 314, 330, 346, 348]. Обосновывается личн. *Сеславъ* или (что, на наш взгляд, не столь вероятно) *Сѣславъ*. Ср. др.-польск. личн. *Seslaw*, др.-чеш. *Sěslav* (и геогр. *Seslavky* в Чехии), полаб.-помор. личн. *Seslav*, др.-болг. *Сеслав* [Svoboda 1964, 84; Schlimpert 1978, 124; Заим. БИ, 198; Rospond 1983, 123, 125]. Параллельные названия зарегистрированы к югу от Новгородской земли. Среди них гидроним *Сеславль* (исторические вар. *Селнов*, *Суслов*, *Суловец*, *Сеслава*, *Сослова*, *Суслава*) руч., лев. пр. Свапы, пр.

пр. Сейма [Топоров, Трубачев 1962, 126; Ященко 1974, 96–97] (трактовка этого водного названия по связи с глаголом **sluti*: **slovu* [Шульгач 1998, 18] не кажется нам убедительной), ойконимы *Сеславль* (*Всеславль*) дер. на руч. Синеговка Козельского у. Калужской губ. + дер. на рч. *Сеславка* и *Островенка* Рославльского у. Смоленской губ., *Сеславле* дер. при впадении р. Прянская в Волгу Старицкого у. Твер. губ. К более поздним образованиям, пожалуй, относятся геогр. *Сеславино* – пункты в окрестностях Ярославля, Ржева и подмосковного Можайска, *Сеславино Старое* и *Новое* дер. у гор. Козлов Тамбовской губ., *Сеславка* пункты под Нерехтой Ярославской губ., *Сеславское* дер. на рч. Вздерышка близ Владимира [Vasm. RGN VIII 2, 249]. Относительно трактовки первого компонента исходного личного имени, который повторяется в целом ряде композитов (ср. личн. *Сежирь* из надписи № 18 на штукатурке новгородской Софии [Медынцева 1978, 42], чеш. *Sebor*, *Semil*, *Sechut*, *Sel'ub*), среди исследователей славянской антропонимии нет единства. С. Роспанд предполагает в большинстве случаев исходное *Sě-* < **sě-* ‘сиять, блестеть’, но скорее правы те, кто соотносит с корнем местоимения, возвратного (сравнивая попарно чеш. *Seslav* – *Soběslav*, *Sebor* – *Seběbor*) или указательного **сь*, **sego*; есть и иные мнения, подр. о которых см. [Svoboda 1964, 84; Rospond 1983, 123, 125].

Сенежье дер. в Никольском пог. в Шереховичах на Белой Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 907], наряду с бессуффиксным геогр. **Сенѣ** дер. Велильской вол. Дер. пят. (см. гл. 6), где локализуется и селище *На Сенѣ* [НПК II, 739, 740; ПKNЗ 5, 365, 375] (позднее – дер. *Сеняга* на р. Поле в Велильской вол. Дем. у. [СНМНГ II, 20–21], сегодня – ур. *Сенега* Мар. на границе с Андреапольским р-ном Твер. обл.). Ойконимы обусловлены личн. **Сенѣ* или **Сѣнѣ*, которое самостоятельно не отмечалось. К обоснованию первого компонента *Се-* или *Сѣ-* данного антропонимического композита см. выше геогр. *Сеславль* путь. Новгородские факты дополняются на иных территориях топонимами *Сенеж* дер. на оз. *Сенежском* недалеко от подмосковного гор. Клин, блр. *Сенеж* сел. у гор. Быхов южнее Могилева, *Сенежицы* сел. у гор. Новогрудок Минской губ., *Сенигов* (польск. *Sieniów*) сел. близ Новоград-Волынского на Украине, возможно, *Сеняж* руч. и дер. близ Саранска Пензенской губ., *Сенек* хутор на одноименной речке в Харьковской губ. близ Купянска [Vasm. RGN VIII 1, 214, 222]. Перечисленные названия, очевидно образованные от общего древнеславянского имени, бывают созвучны явно неславянским топонимами, тяготеющим к северо-востоку от Москвы и, надо полагать, по происхождению финно-угорским; ср. *Сеньга-Лазарьково* дер. на Клязьме близ Покрова Владимирской губ., там же

Сеньго-Озеро дер., там же дер. *Сенег-Покров* на рч. *Сеньга*, *Сеняг-Ручей* у Вытегры, *Синега* дер. на Северной Двине и нек. др., подр. см. [Vasm. RGN VIII 1, 214, 219; VIII 2, 279, 286]. О.Н.Трубачев считает подмосковное геогр. *Сенеж* архаическим славянским названием, в котором выделяет суф. *-еж* [Трубачев 1971, 10], что вряд ли убедительно.

Твердомир дер. Илеменского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 163]. Йотово-посессивное образование от личн. *Твьрдомирь* с дальнейшим отвердением мягкой конечной *p'* после падения редуцированных. Ср. др.-польск. личн. *Twardomir* [SSNO V, 493], др.-чеш. *Tvrđmír*, а также др.-словен. личн. «*Turđumere*», указанное в [Svoboda 1964, 90].

Теребовижа дер. Щирского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 115], сохранявшаяся до конца XVIII столетия: дер. *Теребовижа* на руч. Панащборовском, по материалам Ген. меж., № 1461 [Андрияшев 1914, 60], более поздних сведений нет. К личн. **Теребовидь*, ср. йотово-посессивные топонимы на базе данного личного имени в Польше (геогр. *Trzebowidz*) и Чехии (геогр. *Třebiz*) [Rospond 1983, 140]. В самостоятельном использовании отмечено сходное имя: др.-польск. *Trzebowit* [SSNO V, 478], альпослав. *Trebwit* XII в. [Kronsteiner 1981, 211]. См. также *Теребонижье*, выше.

Хотовижи дер. Успенского Сабельского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 107, 119], позднее *Хотовижа* 1568 и 1582 гг. [Селин 2003, 174, табл. 16], далее по источникам не прослеживается. Обусловлено личн. **Хотовидь*, которое не зафиксировано, но восстанавливается по нескольким топонимическим архаизмам. Среди них блр. геогр. *Хотовиж* дер. в Могилевской обл. Белоруссии, стоящая на р. *Хатовижска* (*Хотовижска*), лев. пр. Осетра, лев. пр. Сожи. Данный гидроним В.Н.Топоров и О.Н.Трубачев [Топоров, Трубачев 1962, 221–222] считают неясным, однако антропонимические композиты с элементами *-хот-* и *-вид-* в различных комбинациях хорошо известны. Сюда же *Фотовиж* р. в басс. Десны на территории Сумской обл. Украины (авторы монографии [Гідронімія України 1981, 203–204] видят в этом гидрониме универбат словосочетания *Хотова вежа*, что, на наш взгляд, неприемлемо) и *Фотивиж* дер. на руч. Смолянка неподалеку от Севска в бывшей Орловской губ., согласно [Vasm. RGN IX, 428]: данные названия, по всей вероятности, территориально смежные, тоже образованы на основе личн. **Хотовидь* / **Хотивидь*. Переход $x > \phi$ в начале слова регулярен; ср. варианты новг. геогр. *Хутынь* / *Футынь* (см.), *Хотина* / *Фотина* сел. в окрестностях гор. Белый (см.), а также геогр. *Фатеж* гор. в Курской обл., явно продолжающее первоначальное др.-рус. **Хотежь* (здесь нашлось еще южнорусское аканье) и т. п.

Ченежо дер. в Спасском Орлинском пог. Вод. пят. 1500 г. [ПКНЗ 1, 103] и **Чанеж** дер. в Которском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 119], а в конце XVIII в. пуст. *Чамежа* по межевой документации [Андрияшев 1914, 151]. Названия обусловлены личн. **Чанѣзь* или **Ченѣзь* с препозитивными *Ча-*, *Че-*; ср. прасл. варианты **čakati* и **čekati* ‘ожидать’, прослеживаемые по разным славянским языкам: болг. *чекам* и *чакам*, сербохорв. *чекати* и устар. *чакати*, чеш. *čekati* и устар. *čakati* ‘ожидать’ [Фасм. ЭСРЯ IV, 325]. Родственным препозитивным элементом охарактеризованы также личн. **Чабудь*, омонимичное геогр. *Чабуд* дер. Петровского Борисоглебского пог. в Боровичах Беж. пят. 1564 г. (см. подр. анализ данного композита в гл. 6), и личн. *Чагость* (см. геогр. *Чагоша*, там же дополнительный материал о начальных *Ча-*, *Че-*). Межтерриториальными параллелями к новг. *Ченежо*, *Чанеж* выступают укр. геогр. *Чаніж* село близ гор. Буск северо-восточнее Львова и там же рядом *Чаніжка* р. в междуречье Западного Буга и Стыра, а также *Ченіж* ур. у сел. Кречив Иваничского р-на Волынской обл. [Шульгач 1998, 57; Худаш, Демчук 1991, 210]. Вряд ли к данным фактам имеет отношение геогр. *Ченежская* (вар. *Ченижская*) сел. на р. Водле в Пудожском у. Олонецкой губ. [Vasm. RGN X 1, 69]: оно скорее соотносится с приб.-фин. гидронимией типа *Ченжа*, *Чонжа*, см. в той же Олонецкой губ. оз. *Ченже-Кескозеро* (Там же).

Чесловле дер. Щепецкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 449], позднее, по Ген. меж. № 885, – пуст. *Чеслова*, *Буслова* тож на р. Рожне при впадении руч. Морозова [Андрияшев 1914, 106]. Ср. оформленное суффиксом *-ица* геогр. **Часловица** дер. Жабенского пог. Дер. пят. [НПК I, 645]. Ойконимы мотивированы личн. *Чеславъ* или максимально сходным с ним личн. *Чаславъ* – хорошо известными, употребительными у разных славян антропонимами. По формообразованию личн. *Чеславъ* скорее всего сокращение прасл. **Čьstьslavъ* [Milewski 1969, 201], с другой стороны, не исключается структурное подобие его и особенно вариантного личн. *Чаславъ* с указанным выше **Чанѣзь* / **Ченѣзь*, **Чабудь*. Ср. блр. личн. *Часлав* [Бірыла 1982, 126], древние и современные польск. *Czaslaw* и *Czeslaw*, чеш. *Čáslav* и *Čěslav*, аналогичные имена есть в др.-луж., др.-болг., сербохорв. именниках, см. [SSNO I, 393, 407–408; Svoboda 1964, 73; Schlimpert 1978, 28–29; Заим. БИ, 242; Грк. РЛИКС, 209]. Вненовгородские топонимические соответствия нередки: геогр. *Часлова* дер. Касимовского у. Рязанской губ., *Чеславово* в Минской и Виленской губ., *Чеславин* сел. близ гор. Ровно на Волыни, *Числавль* дер. близ гор. Александров и *Числовские Городищи* близ гор. Юрьев Владимирской губ. [Vasm. RGN X 1, 48, 130, 152], *Часлівці* сел. в Ужгородской обл. Украины [Худаш, Дем-

чук 1991, 210], ойконимы *Čáslav* (трижды), *Čáslavky* (дважды) и *Čáslavsko* в Чехии [Prof. MJ I, 265–266], *Czastaw* в Польше, *Chászló* дважды в Венгрии (< словац.), *Cislau* в Румынии недалеко от гор. Плоешти (< др.-слав. **Časlavъ*) [Rospond 1981, 59].

Йотово-посессивные названия, образованные от имен на *-славъ*, часто испытывают колебания формантной части. Нередкая утрата эпентетической *л'* позволяет стабилизировать название в рамках иных деривационных моделей, см. рассмотренные выше геогр. *Чеслова*, *Жирослов*, *Жиросло*, *Гослав*, *Радослав*, *Мирославъе*, *Раслово*, *Добросли* как поздние устоявшиеся варианты ранних йотово-посессивных названий, удостоверяемых письменностью. При отсутствии письменных свидетельств приходится полагаться на аналогии, которые достаточно надежны. Так, геогр. **Будослово** дер. Бельского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК II, 414] выступает явным результатом модификации, состоящей из фонетической утраты *л'*, переразложения и «подгонки» под продуктивную посессивную модель на *-ово/-ево* первоначальной йотово-посессивной топонимической формы **Будославъ*, *-а*, *-е*, ср. зафиксированные *Расловъ* > *Раслово*, *Чеслове* > *Чеслова* (см.). Такая модификация встречается с достаточной регулярностью, причем не только в производной топонимии, но и в производной антропонимии. Ср. белорусскую параллель к новгородскому ойкониму – геогр. *Будислово* дер. на р. Западная Двина Витебской губ., далее геогр. *Мирослово* дер. Костромской губ. близ Нерехты (из притяжательной формы **Мирославъ*, *-а*, *-е*), *Твердислово* дер. на р. Светица недалеко от Солигалича Костромской губ. (из ранней формы **Твердиславъ*, *-я*, *-е*, к др.-рус. личн. *Твьрдиславъ*), *Вячеслово* дер. близ Переславля Владимирской губ., *Вечеслово* дер. близ Кадникова Вологодской губ. [Vasm. RGN I 3, 561; II 2, 281; II 1, 84; IX 1, 33], как и патронимическое наименование *Вячесловы*: Ефантий *Вячеслов* из Суздаля сер. XV в., Илья Иванович *Вечеслов*, губной староста 1608 г. в Вологде [Вес. Он., 67, 76] (из притяжательного **Вячеславъ*). В основе рассматриваемого новгородского названия лежит личн. *Будославъ* / *Будиславъ*, которое, как показывают материалы [Svoboda 1964, 72; Schlimpert 1978, 13, 25; Грк. РЛИКС, 47; Заим. БИ, 40], было в ходу практически по всей древней Славии: польск. *Budzislaw* с 1136 г., чеш., хорв. *Budislav*, болг. *Бъдислав*, серб. *Будислав*, полаб.-помор. *Bqdislav*, др.-луж. *Budislav*; на периферийной восточнославянской территории личн. *Будиславъ* сохранялось продолжительное время, ср. *Будислав* Едигеев в Угличе 1589 г. [Туп. СДЛСИ, 29; Вес. Он., 52, 107]. Нередки йотово-посессивные топонимы на базе данного антропонима, в котором, как показывают отдельные фиксации, слились два праславянских имени – **Bqdislavъ* и **Budislavъ*: геогр. *Budislav* дважды в Чехии [Prof. MJ I, 227],

Budzisław дважды в Польше и там же (повет Млава) средневековое геогр. *Będzislaw*, сегодня – *Bonislaw*, геогр. *Budislav* в Словакии, *Budiszlo*, *Bogyszlo*, *Bogyszlo* на территории Венгрии, *Budisava*, *Budisavlje* в Хорватии недалеко от Мостара [Rospond 1983, 41, 51]. Ср. геогр. *Будогощъ* (см.).

Рассмотренные выше топонимы базируются на архаических личных именах, компоненты которых в различных комбинациях, в препозиции или постпозиции известны в большей или меньшей степени общеславянскому антропонимикону или присутствуют «в связанном виде» в повторяющейся славянской топонимии. Такие антропонимические компоненты допустимо обозначить как «прецедентные»: многие из них активно участвуют в славянском имяобразовании, обладают высокой валентностью, организуя многочисленные модели сложных антропонимов. Например, общеславянские элементы *-slav-*, *-mъr-* стандартно занимают вторую позицию, сочетаясь с большим кругом иных элементов (*-žir-*, *-vort-*, *-voj-*, *-dom-*, *-l'ub-*, *-gost-*, *-dobr-* и т. п.), редко первую; напротив, элементы *-dobr-*, *-jar-*, будучи частотными в препозиции, почти не знают постпозиции. Избегая подробного анализа моделей и свойств древнеславянских сложных антропонимов, хотелось бы, тем не менее, затронуть некоторые аспекты их общеславянского и регионального функционирования. Разумеется, здесь особенно важен момент прецедентности или уникальности антропонимической единицы. Так, по мнению польского исследователя К. Рымута, праславянскими композитными именами следует считать только такие, которые зафиксированы не менее чем в двух славянских языках, или же такие, компоненты которых повторяются в разных именах и в разных языках [Rymut 1993, 21–30]. Многие из таких имен лишены региональных черт и, будучи принадлежностью общеславянского антропонимического фонда, маркируют этноязыковое единство древних славян. Базирующаяся на них новгородская топонимия находит точные соответствия в различных уголках славянского мира, но обычно чаще, как видно, у западных славян, подчеркивая большую выделенность новгородско-западославянских сходжений. Новгородская топонимия, построенная по **-jъ-* модели, в подавляющем большинстве обнаруживает как раз фонд прецедентных композитных имен, повторяющихся у славян, т. е. имеющих (по Рымуту) статус праславянских. Немалое количество таких названий в Новгородской земле говорит о значительной доле развитого праславянского наследия в языке того населения, которое заселило некогда побережья Ильменя, Ловати, Мсты, Шелони, Волхова. Но уже к началу I тыс. н. э. доля позднепраславянского резко пошла на убыль, и в собственно новгородской колонизации земель к востоку и северо-востоку от Приильменя участие

славянских двусловных имен в сложении севернорусской топонимии оказалось минимальным, как, впрочем, и само использование праславянской *-*jь*-модели в географических названиях, например, Присвирья, см. [Муллонен 2002, 72].

Древнеславянские двусловные антропонимы, восстанавливаемые по новгородской топонимии, демонстрируют варианты, разные по структурным типам и, очевидно, по времени возникновения. В сущности, по форме они разнятся преимущественно отглагольным или отыменным образованием начальных компонентов. В аспекте хронологии имена с отглагольными компонентами были отнесены к старшему, более архаическому типу, а имена с отыменными компонентами – к младшему типу [Мароевич 2000, 99]. Однако новгородская топонимия зачастую позволяет заключить, что исконная дифференциация отглагольное / отыменное уже нарушилась, поскольку деантропонимные композитные топоосновы показывают взаимозаменяемость гласных в исходе первого компонента. Вышеописанная ситуация с реконструкцией антропонимических вариантов *Ладимѣрь* / *Ладомѣрь*, *Видимирь* / *Видомирь*, наряду с проявлением преимущественно севернославянской фонетико-морфологической черты усечения гласной в исходе первого компонента (**Ладмѣрь*, *Хотславъ*, **Любжирь*, **Хотнѣзь*, **Рядбудь*), достаточно показательна: притяжение первого компонента антропонимов то к именной, то к глагольной лексической основе подразумевает, между прочим, нерелевантность старшего и младшего типов личных имен для славян, осваивавших бассейн Ильменя. Данная ситуация, надо полагать, вообще характеризует позднепраславянский период развития языка.

Названия от древненовгородских прозвищ-композигов

Рассмотренные выше топонимы базируются на внутрисемейном антропонимиконе, т. е. на собственно личных именах, даваемых при рождении (первых именах). Особо остановимся на топонимических образованиях по *-*jь*-модели от древних двусловных имен явно прозвищного характера, которые обычно присваиваются социумом в качестве второго имени.

Помимо прецедентных (праславянских, или – точнее – позднепраславянских) личных имен, новгородская топонимия отражает сложные имена с уникальными для славянского антропонимикона компонентами или по крайней мере раритетными. Изолированные качеством одной или двух составных частей композитные антропонимы вряд ли целесо-

образно считать праславянскими (если понятие праславянского считать смежным с понятием общеславянского), лучше исходить из того, что они сложились на местной, в данном случае на древненовгородской, почве.¹ Будучи творческими новациями диалектных групп населения, они представляют значительный интерес для исследователей. Подчеркивая сохраняющуюся продуктивность праславянской модели композитных антропонимов, такие прозвищные имена заключают узкорегionalные особенности языка и культуры. Образующие на их основе новгородские топонимы практически не находят межтерриториальных то-посоответствий за пределами Новгородской земли.

По-видимому, ярче окрашенным экспрессивно выглядит двуосновное имя, если оно изолировано от общеславянского «классического» антропонимикона не столько первым, сколько вторым компонентом. Уникальность первой части заставляет увидеть в антропониме региональную черту, не меняющую его статуса «ортодоксального» личного имени, даваемого человеку при рождении; изолированность же второй части придает имени отчетливую выразительность, фокусирует внимание на факте изоляции не столько одного из компонентов, сколько всего композита в целом. Такое личное имя заставляет сомневаться в наличии у него статуса внутрисемейного, оно выглядит как прозвище, «прозвание», данное человеку социумом². Все это, между прочим, означает, что постпозитивный компонент сложного антропонима обладает большей функционально-семантической нагрузкой, нежели препозитивный. Композитный антропоним, имеющий очевидную экспрессивность (оценочность), как бы теряет хронологическую привязку к праславянскому периоду, поскольку создание сложных имен-

¹ Впрочем, на настоящем этапе изученности общеславянской антропонимической архаики говорить о соотношении общеславянского / регионального нужно с большой осторожностью: появляющиеся все новые и новые оттопонимные реконструкции сложных имен увеличивают репертуар составных частей и могут вывести имя из разряда узко-местных на простор более обширного диалектного славянского континуума.

² Доказать, истинное личное имя перед нами или все-таки прозвище, - во многих случаях практически невозможно. В средневековой Руси одни антропонимы (как правило, деапеллятивного происхождения), не различающиеся ни морфологически, ни экспрессивно, предпочитались чаще в качестве личного имени (скажем, *Волк, Олук, Суморок, Томлю*), другие - в качестве прозвища (*Баран, Зуб, Орел, Рагоза*), иначе говоря, второго, более позднего имени. Вместе с тем в разных обстоятельствах одни и те же антропонимы могли чередовать статус имени / прозвища. Картину могло бы отчасти прояснить широкое обследование всего корпуса древнерусских письменных источников, однако для дописьменных эпох возможна только экстраполяция с более позднего времени.

экспрессивов продолжает оставаться живым процессом по сей день (ср. относительно новые номинации людей *дуболом, саморуб, самострел, короед* и др.). Следовательно, географические названия, построенные на антропонимах, слабо дифференцируемых по статусу внутрисемейного имени или внесемейного прозвища, в плане хронологии маркированы не столько основной, сколько формантной частью – принадлежностью к **-jъ-* модели. Ниже анализируются новгородские топонимы обозначенного «экспрессивно-прозвищного» ряда, которые до настоящего времени практически не «дожили» и почти все фиксируются в средневековой письменности. Не в последнюю очередь это связано с тем, что деревни, носившие негативно окрашенные названия, нередко подвергались переименованиям и переосмыслениям.

Самокража дер. Ракомской вол. Новг. у. на берегу оз. Ильмень в Поозерье [СНМНГ I, 66–67], сегодня – дер. *Ильмень* Новг. Первая фиксация пункта – в писцовых книгах Шел. пят. конца XV – сер. XVI вв. под названием *Самокраж* [НПК V, 290, 171, 565]. На 3-верстной и 10-верстной картах XIX в. дано только *Самокража*, как и в описании П.И.Якушкина, путешествовавшего в 1848 г. по Ильменскому Поозерью [Якушкин 1986, 51]. В 60-е гг. XX в. дер. *Самокражу* из-за мнимого неблагозвучия переименовали в нейтральное *Ильмень*, но местные поозерья придерживаются искомого названия.

Данный ойконим повторяется еще несколько раз, преимущественно в ближайшей новгородской округе. Известно геогр. **Самокража**, связанное с селом, центром Самокражской вол. Новг. у. при руч. Рыкун басс. Луги (= совр. дер. *Нива* Озеревск. Бат., переименование советской эпохи); рядом с этим селом находились одноименные поселок, усадьба и старинный погост [СНМНГ I, 70–71]. История названия прослеживается с 1500 г.: **Самокража** дер. Успенского Сабельского пог. Вод. пят. [НПК III, 116, 120], позднее многократно упоминаемая в письменной документации как сельцо или село [Селин 2003, 176, табл. 16]; кроме того, поблизости, в Никольском Передольском пог. Вод. пят., Список с писцовой книги письма Григория Валуева 1539/40 г. указывает отдельным пунктом сопредельную дер. **Самокража** [Селин 2003, 172, табл. 15]. Из писцовой книги Шел. пят. узнаем далее о средневековой дер. **Самокражье** в Илеменском пог. 1498 г. (среднее течение Шелони к северо-востоку от Порхова) [НПК V, 171], = **Самокража** пуст. на р. Ситне, согласно Ген. меж. конца XVIII в. [Андрияшев 1914, 207]; материалы XIX–XX вв. об этой пустоши уже не сообщают. Следующая по счету дер. **Самокража** значилась в Лядском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 565], – она отождествляется с позднейшей дер. *Самокраж* (*Самокраш*)

у оз. *Самокрайского* в Гд. у. к северо-западу от сел. Ляды [СНМРИ 37, № 1357], а также [Андрияшев 1914, 207]. Наконец еще пара пунктов, именуемых *Самокража*, находились к востоку от Новгорода: один из них, погост на р. Мсте, значится по спискам нач. XX в. в Бронницкой вол. Новг. у. [СНМНГ I, 18–19] (его следует отождествить с совр. дер. *Манкошево* Частовск. Новг.); другой пункт, деревня, находился на берегу р. Волмы, лев. пр. Мсты, и относился к Заручевской вол. Кр. у. [СНМНГ IV, 28–29] (ранние исторические сведения об этих двух селениях у нас отсутствуют).

Нелегко сказать, связаны ли взаимностью возникновение перечисленные селения, называвшиеся *Самокража* (*Самокражье*, *Самокраж*), имел ли здесь место перенос на ойконимическом уровне либо перед нами все-таки независимые образования от некогда популярного в узком ареале личного имени. Прикрепленность ойконима к историческим территориям (Поозерье, Верхняя Луга), к традиционным погостам, а главное – очевидное образование по *-*жь*-модели говорят о том, что перед нами архаическое, до XIII в., посессивное наименование. В основе его лежит др.-новг. личн. **Самокрадь*, композитное имя владельца (или первопоселенца) с внешне очевидной негативно-иронической экспрессивностью и посему кажущееся прозвищным¹.

Второй компонент (-*крадь*) данного антропонима мог заключать и негативно-оценочное значение воровства, кражи, и значение скрытности или хитрости, если учесть др.-рус. *крадомь* ‘тайным образом’, *крадьба* не только ‘кража’, но и ‘хитрость, обман’ [СлРЯ XI–XVII 8, 6], рус. *украдкой*, диал. *крадом*, *крадком*, *крадко* ‘то же’ [СРНГ 15, 160–161]; следовательно, при таком понимании **Самокрадь* скорее характеризует скрытного, замкнутого человека. Модель композитных личных имен или прозвищ с местоименным компонентом *Само-* в препозиции хорошо знакома обще-

¹ Яркая выразительность ойконима *Самокража* обусловила не только советские переименования соответствующих пунктов, но и появление народных переосмыслений. По одной из бытующих топонимических легенд, в Поозерье однажды появилась страшная болезнь, мор, косивший людей. Люди, не дожидаясь смерти, рыли могилы, которые называли *самоклажи*, поскольку сами укладывались в эти ямы; отсюда, якобы деревня стала именоваться *Самоклажей*, а со временем *Самокражей*. Любопытна реминисценция этой поозерской легенды в Новгородском областном словаре, в котором появились фантомные лексемы *самоклажа* (*самоклада*) и *самокража* со значением ‘общая могила’: «Самокража, а была самокрада: вымирал народ, сам клал себя в гроб, раньше ложился в гроб на доску, чтоб потом скатиться в яму. Самоклада, самокража»; или: «Посередь деревни вырыта яма была, которая называлась самоклажа. Холера ходила, и людей кидали в одну яму» (новг.) [НОС 10, 7].

славянскому именьнику; ср. др.-слав. личн. **Samogostь*, польск. *Samobor*, чеш. *Samosul*, *Samoděl*, сербохорв. *Samobor* [Rospond 1983, 121] или др.-чеш. геогр. *Samoplesy*, *Samosoly*, восходящие к коллективным прозвищам такой же структуры [Prof. MJ IV, 10–11]. Относительно компонента *-крадь* ср. еще старописьменный новг. ойконим **Окрадово**, локализующийся в Деманском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 550].

Структурно-семантически с геогр. *Самокража* обнаруживает большое сходство новг. геогр. **Самостраж** дер. в Боженском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 440], мотивированное личн. **Самострадь*. Такое имя (прозвище) нигде не отмечено, однако имеет общеславянские параллели не только к первому, но и ко второму компонентам; ср., к примеру, зап.-слав. личн. *Stradomъ*, сербохорв. *Страдославъ* и др.

К кругу географических названий, созданных по йотово-посессивной модели на базе двусловных экспрессивно окрашенных прозвищ, принадлежат далее северо-западные старописьменные геогр. **Бокотеръж** дер. Городенского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 270] (к личн. **Бокотъръжъ* – 'терзающий бок'); **Хотережа** дер. («съла ново: дохода нѣтъ») в вол. Стерж Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 701], = *Селище на Котереже* пуст. («запустела от поветрея и от дороги»), согласно Писцовой книге Торопецкого присуда Дер. пят. 1539/40–1540/41 гг. [ПКНЗ 4, 321] (возможно, к прозвищу **Хоторѣзь* / **Хотѣръѣзь* – 'хотящий резать; охотно режущий', хотя здесь вероятно и фонетическая модификация первоначальной топонимической формы ойконима **Хотеража* от др.-слав. личн. **Хотѣрадь*; ср. чеш. *Chocerad*, польск. геогр. *Choradz* из **Chotěradz* [Rospond 1982, 55], а также пск. геогр. *Большой Хатраж* ур. к юго-востоку от Гдова); **Жинорежа** – дер. Фроловского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 47], которую Андрияшев [1914, 32] отождествил с дер. *Свинорѣжи* на рч. *Свинорѣжке*, пр. Хотынки басс. Шелони¹ (вероятно, все-таки исходным прозвищем было **Свинорѣзь*); **Пустотържа** из новг. бер. гр. № 23 конца XIV в. («...на Пустотържи») [Зализняк 1995, 23; 2004, 647], = ? *Пустопержа* дер. («пуста <...> а в писмѣ была обжа») в Которском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 124]. Форма последнего топонима предполагает др.-слав. личн. **Пустотърдь*, препозитивная часть которого повторяется во многих прозвищах (ср. хотя бы ст.-рус. личн. *Пустоцвет*, *Пусторосль*, фамилии *Пустобояров*, *Пустоселов* [Вес. Он., 262] и реконструкты **Пустолѣзь*, **Пусторадь* по новг.

¹ В советскую эпоху эта деревня ради благозвучия была переименована в *Светлая* Мелковичск. Бат., однако старое *Свинорежи* местное население до сих пор еще помнит.

геогр. *Пустолѣсов* поч. Пажеревицкого пог. Шел. пят. 1539 г., *Пусто-радово* дер. в Курском присуде в Налючском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК IV, 405; II, 683]), второй же компонент соотносится с прасл. **pyrděti*, рус. *пердеть* (см. также [НГБ из раскопок 1977–1983, 183–184]). Вряд ли новг. *Пустопержа* предполагает иные мотивы происхождения. По фонетическому облику к нему очень близко геогр. *Пустомержа*, связанное с сопредельными пунктами Вод. пят. 1500 г. к востоку от гор. Яма (совр. Кингисепп) и Ивангорода: селцом в Кипенском пог., деревней в Григорьевском Лыешском пог. и селом в Егорьевском Радчинском пог. [НПК III, 650, 811, 945] (ср. совр. дер. *Пустомержа Большая* и *Пустомержа Малая* на р. Нейма бывшего Ямбургского у. Петерб. губ., сегодня – в Кингисеппском р-не Лен. обл.). Данный ойконим имеет в этимологическом исходе прозвище **Пустомързь* (ср. рус. *мерзнуть*) или даже **Пустомердъ-а* (букв. ‘пустая мерда’, где др.-рус. *мерда* ‘рыболовная снасть, мерда, верша’ [СлРЯ XI–XVII, 9, 95]).

Обособленную, неоднозначно трактуемую группу составляют древненовгородские ойконимы, образованные при помощи суф. *-j- на базе прозвищных антропонимов на -ѣдъ. В Приильменье к этой группе относится название дер. *Любоѣжа* Ракомской вол. в Ильменском Поозерье неподалеку от Новгорода [СНМНГ I, 64–65] (по источнику сер. XIX в. [Якушкин 1986, 51] – *Либоежа*), сегодня – *Любоежа* дер. Серговск. Новг. при впадении руч. *Любоежа* (*Любоежский*) в р. Веряжу. Этот пункт продолжает средневековую дер. *На усть Любоежи на Веряже* или смежную с ней дер. *Любоежа* (*Любоежа*) в пог. Корецком (Курицком) и Васильевском в Паозерье 1499 г. [НПК V, 292, 296]. Территориально близкой параллелью выступает геогр. *Любоежа* дер. на рч. Шилинке Порх. у. [СНМРИ 34, № 11471], которая отождествляется с дер. *Любоежина* «на рѣкѣ на Щеленкѣ» в пог. Михайловском на Полоной 1539 г. [НПК IV, 309]. Оформление названия формантом *-ина* здесь следует признать вторичным. Антропонимической базой перечисленных ойконимов видится композитное личн. **Любоѣдъ*, вторая часть которого находит соответствия только в прозвищном общеславянском именнике, первая же часть (*Люб-*) проявляется во всех классах имен, ср. известные др.-слав. личн. **L'ubomirь*, **L'ubotěxъ* и др. Разумеется, нельзя для отдельных случаев отрицать и вероятность прозвища *Любоѣдъ* в качестве мотивирующего антропонима для отмеченной ойконимии (см. выше наличие вар. *Любоежа*): именно на такой базе квалифицировалось, в частности, чеш. геогр. *Lubojeďu*, наименование леса по исчезнувшему селению, а первоначально – ‘люди, едящие луб (кору)’ [Prof. MJ II, 686; ЭССЯ 16, 156]. Авторы ЭССЯ относят к праславянской древности дан-

ное слово, которое поддержано еще рус. диал. (смол.) *лубоядний* ‘нечистый (о воде, в которой мочили лыки)’ [СРНГ 17, 173]. Близость фонетических оболочек *Любоѡжа* и *Лубоѡжа* способствовала переосмыслению одной формы через другую, поэтому сказать со стопроцентной уверенностью, какая из них этимологически первична, не представляется возможным. Остальные композитные новгородские ойконимы со вторыми компонентами *-ѡж-*, *-ѡд-* извлекаются преимущественно из НПК: геогр. *Доброѡжа* Сабельского пог. Шел. пят. 1571 г. [V, 517] (< личн. **Доброѡдъ*); *Едоѡжа* Дремяцкого пог. Шел. пят. 1571 г. [V, 495] (< личн. **ѡдоѡдъ*); *Мироѡжа* дер. в пог. Никольский в Шереховичах Беж. пят. 1501 г. [VI, 8], = *Мироежа* дер. Любыгинской вол. Бор. у. нач. XX в. [СНМНГ VI, 62–63] (< личн. **Мироѡдъ*, ср. диал. *мироед* ‘должностное лицо, живущее на средства общины, мира’, ‘тунеядец, бездельник, живущий на чужой счет’ [СРНГ 18, 172]), сюда же в более привычной суффиксации *Мироѡдово* Беж. пят. 1545 г. [VI, 428]; *Сухоѡжа* Илеменского пог. Шел. пят. 1498 г. [V, 167] (< личн. **Сухоѡдъ*); *Удоѡжа* в Спасском Молодиленском пог. Беж. пят. 1564 г. [VI, 1054] (< личн. **Удоѡдъ*, др.-рус. *удъ* – ‘кусок; часть тела, член’).

К номинативной модели на *-ѡдъ* еще с праславянской эпохи относятся, как правило, слова-экспрессивы. Нередко это иронически окрашенные коллективные прозвища типа *козоеды*, *молокоеды*, *хлебоеды*, *гушцееды* (прозвище новгородцев). Подобные коллективные прозвища поселенцев или жителей вполне могли обусловить перечисленную йотово-посессивную ойконимию, хотя индивидуально-личные прозвищные имена в этимологическом исходе таких названий тоже вероятны.

Названия от древнеславянских префиксально-корневых имен

Йотовой суффиксацией часто отмечены географические названия простой структуры, производные от древнеславянских префиксально-корневых личных имен. Такие названия ранее, как будто, не выделялись в особую группу, по крайней мере в трудах исследователей они обычно получают трактовки в составе более широкой «классической» группы топонимов от двусловных имен. Префиксально-корневые личные имена не имеют принципиальных отличий от антропонимических композитов. Они тоже относятся к классу архаических имен общеславянского распространения, находящихся широкое отражение в йотово-посессивной топонимии, а с историко-

морфологической точки зрения рассматриваются как унаследованные из индоевропейского праязыка архаические сложения с неизменяемым словом в функции первого компонента [Milewski 1969, 113–120]. Названия, мотивированные префиксально-корневыми именами, на новгородской территории встречаются реже, чем названия от композитных имен, и обнаружение таких топонимов не лишено трудностей. Рассмотрим далее конкретный топонимический материал.

Налючи дер. Новодеревенск. Парф. на правом берегу р. Полы. Селение впервые упомянуто под 1200 г. при описании набега литовцев на Южное Приильмень: «Ловоть взяша Литва и до *Налюця*» (так по Син. сп.; по Ком. сп.: «...до *Налюча*») [НПЛ 45, 239]. Далее пункт фигурирует в завещании 60-х гг. XV в. новгородца Федора Остафьевича Своеземцова, в котором сыну Василию отходит среди прочего земля «на Поле в *Начюце*» (искажено, надо: *Налюце*) [ГВНП 169, гр. № 111; Янин 1990, 229]; позднее земля «на Поли рѣкъ в *Начючкомъ* погостѣ» указана в любовной раздельной грамоте Василия Федоровича и его «братана» Василия Степановича [ГВНП 277, гр. № 278]. *Налючской (Налюцкой)* пог. или село *Налючи* в Курском присуде Дер. пят. многократно отмечают писцовые книги конца XV – сер. XVI вв. [НПК II, 600, 601, 604, 623, 638, 641, 644, 647, 648, 652, 654, 657, 660, 663–667, 669–672, 678–768, 770, 889; ПКНЗ 4, 141, 212, 299, 302, 303, 463, 467, 481–487, 494; 5, 299, 346, 347], упоминание об этом пункте содержится в жалованной грамоте Вологовскому монастырю 1500 г. [АИ I, 165]. Очевидно, данное село, поставленное на древнем Селигерском пути через Полу в Волгу, искони играло значимую роль в системе водных коммуникаций Великого Новгорода. На «Столистой карте» 1800–1801 гг. оно обозначено как пог. *Налючи* на правом берегу Полы, на более поздней Карте Шуберта указаны уже два смежных пункта: пог. *Большая Корельская Налюча* на правом берегу и дер. *Малая Корельская Налюча* на левобережье Полы; согласно спискам селений Новг. губ. 1-й пол. XIX в., двум этим пунктам соответствуют село *Налюча* и дер. *Малая Налюча* Дем. у. [Неволин 1853, 177]. В нач. XX в. *Налючи* (вар. *Налюча*) – крупное село на рр. Пола и Лоринка, центр Налючской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 88–89].

Приильменский ойконим *Налючи* не одинок, есть еще геогр. **Налючи** – местность в Бежецком Верхе (Березовский стан, Городецкий уезд) [ПКНЗ 3, 204], = *Налючи* пог. на р. Лоховиж Вельегонского у. Твер. губ. сер. XIX в. [СНМРИ 43, № 2651]. Название достаточно хорошо объясняется как посессивный йотовый адъектив от др.-слав. личн. **Налютъ*. Основа *-l'ut-* (к **l'utъ(jь)* 'суровый, лютый') активно использовалась в общеславянском, преимущественно западнославянском, антропоними-

коне, не только в препозиции (чеш. *Ljutbor*, *Ljutobor*, польск. *Lutobor*, чеш. *Ljutohněv*, польск. *Lutogniew*, чеш. *Ljutohost*, *Ljutomil*, чеш., польск., хорв., словен. *Ljutomir*, *Lutomir*, чеш., луж. *Ljutomysl*, *Ljutorad*, *Ljutslav*, польск. *Lutosław*), но и в постпозиции: чеш. *Boljeljut*, *Želiljut*, *Sbyljut*, польск. *Zbylut* и т. п. [Rospond 1983, 90]. По структуре личн. **Налють*, отложенное в *Налючи*, принадлежит к ряду префиксально-корневых имен с префиксом *На-* (ср. др.-новг. личн. *Надѣи*, *Нажирь*, *Намѣсть*, *Насиль*, *Наславъ*, извлеченные из берестяных грамот [Зализняк 2004, 204]). Вместе с тем, с одной стороны, оно весьма напоминает личн. **Улють*, реконструируемое по геогр. *Улюч* сел. в Прикарпатье (*Ulucz* в польском источнике 1373 г.) [Худаш, Демчук 1991, 205], а с другой стороны, – личн. **Налюдь*, которое допустимо извлечь из геогр. *Naluže* сел. на р. Серет близ Трембовли в Галиции [Vasm. RGN VI 1, 84].

Намещи дер. Шишковск. Дем., ранее – дер. Луцкой вол. Дем. у. при оз. Скобовском на руч. Котов в 6 верстах от Демянска [СНМНГ II, 41–42]. Вероятно, следует отождествить с деревней, упоминаемой писцовой книгой 1495 г. под названием *Мецца* Демонского пог. Дер. пят., принадлежавшей некоему Дмитрию Матвееву Деревяжкину [НПК II, 545]. По материалам Ген. меж. конца XVIII в. – дер. *Намещи* Ст. у., указанная на уездном плане под № 499 (1780–1785 гг.). В сер. XIX в. отмечается современная форма названия: *Намещи* [Новг. сборник 1865, 42].

Ойконом является притяжательным наименованием, возникшим при помощи йотовой суффиксации из др.-рус. личн. *Намѣсть*, семантически – ‘деревня Наместа; Наместово село’. Запись *Мецца* в писцовой книге 1495 г. неточно передает название деревни (квалификация префикса в качестве предлога). Личн. *Намѣсть* – дохристианское префиксально-корневое имя, идентичное по структуре целому ряду древних имен с начальным *На-*: *Надѣи*, *Нажирь*, *Насиль*, *Наславъ*, **Налють*; можно предположить, что корень *мѣст-* реализует в нем древнейшее значение проживания, пропитания (ср. лит. *maištas* ‘питание’). Следовательно, при таком понимании *Намѣсть*, являясь пожелательным именем, семантически особенно близко сходится с личн. *Нажирь* (у древних полабско-поморских славян отмечено похожее личн. *Bezmet* [Schlimpert 1978, 15], очевидно, негативно-охранное имя). Личн. *Намѣсть* дважды фиксируют новгородские источники XIII–XIV вв.: бер. гр. № 2 2-й пол. XIV в. [Зализняк 2004, 69] и летопись, упоминающая новгородца *Наместа*, 1240 г. [НПЛ, 77, 294]. Архаичность деривационной модели и самого антропонима – яркое свидетельство тому, что дер. *Намещи* появилась очень давно: в XII–XIII вв. либо ранее. Среди восточнославянских ойконимов – эквивалентов новг. *Намещи* – известны: геогр. *Наместово* дер.

на р. Тиновка Грязовецкого у. Вологодской губ. + дер. на р. Московка Вязниковского у. Владимирской губ., *Намесково* (из **Наместково*: личн. **Намѣстько*) дер. на р. Крупа Бежецкого у. Тверской губ. [Vasm. RGN VI 1, 85].

Оклюжье ур. в Шим. р-не Новг. обл. к югу от оз. Врево и Черемнецкое, ранее, в XIX в., – дер. близ р. Поляны Луж. у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 2223], которая отождествляется с одной из двух смежных дер. *Оклиж* во Фроловском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 38]. Йотово-посессивное производное от личн. **Оклюдь*, к смысловому обоснованию которого ср. рус. диал. *клюдь* ‘порядок, приличие; красота’, *оклюживаться* ‘одеваться’, *уклюжий*, *клюжий* ‘хороший, ловкий; видный, статный, красивый’ [СРНГ 13, 318; 23, 128; Даль СЖВЯ 4, 483] и противоположные по смыслу прил. *неуклюжий*, личн. *Неклюд*, распространённое в XVI в. [Вес. Он., 216] и давшее фамилию *Неклюдов*. Указанное имя мотивирует также название пог. *Оклюдницы* в Деманицкой засаде средневековой Псковской земли [Янин 1998, 123] (позднее – дер. на р. Дубина в Псковском у.) и, быть может, геогр. *Клюдово* дер. Ужницкого пог. Дер. пят. 1551 г. [ПКНЗ 5, 159], хотя последнее столь же оправданно возводится к личн. **Клюдь*, состоящему из одного корня.

Пробужа ур. недалеко от р. ц. Любытино Новг. обл. (местные жители выделяют ударением последний слог). В нач. XX в. *Пробужа* – ус. барона Винекена Лъзичской вол. Бор. у. [СНМНГ VI, 58–59], в конце XVIII в. – село, согласно Ген. меж. 1785 г., № 1947 [Карт. Гарн.], по писцовой книге 1564 г. – *Пробужа* дер. в пог. Богородицком на Белой Беж. пят. [НПК VI, 1072]. Ойконим образован от личн. **Пробудь* (к **byti*: *bǫdetь*; семантически – ‘пусть будет?’), которое весьма близко к личн. *Непробудь* («*Ньпробужа* воноука»), извлеченному из новг. бер. гр. № 630 1-й пол. XII в. [Зализняк 2004, 296]: эти имена коррелируют как «позитивное» и «негативно-охранное», ср. др.-рус. и ст.-рус. *Хорошь* и *Нехорошь*, *Ждань* и *Неждань* и т. п. Др.-рус. личным именам **Пробудь*, *Непробудь* соответствуют (правда, с иным, хотя и близким префиксом) др.-польск. личн. *Przebąd*, *Nieprzebąd*, *Przezbąd* [SSNO I, 113], др.-чеш. *Přěbud* [Svoboda 1964, 102], болг. *Пребъд* XII в. [Заим. БИ, 182]. К межтерриториальным соответствиям ср. вологодское геогр. *Пробудово* дер. на р. Шексне при оз. Ивицком Кирилловского у. Новг. губ. [СНМНГ X, 38–39] (= ? ур. *Пробудово*, упоминаемое в Купчей преподобного Кирилла Белозерского 1427 г. [АЮ, 119, гр. № 72]), *Пробужка* хут. на р. *Пробужка* Гадячского у. Полтавской губ., быть может, *Probużna* пункт в Галиции [Vasm. RGN VII 2, 395].

Прибуж дер. Черневск. Гд. на левом берегу р. Плюссы, ранее относившаяся к Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 1241], = *Прибуш* сел. по Карте Шуберта 1-й пол. XIX в. [Неволин 1853, 152–153]; отождествляется со средневековым сел. *Прибуж*, центром одноименного погоста Шел. пят. [НПК IV, 394; V, 14, 15]. Ойконим восходит к личн. *Прибудъ*; ср. сербохорв. личн. *Pribud*, указанное в [Rospond 1983, 112]. Среди топонимических соответствий: блр. *Прибузье Старое*, *Прибузье Новое* – пункты на р. Гольша рядом с пунктом Чаусы восточнее Могилева [Vasm. RGN VII 2, 364], луж. геогр. *Prībuz* (= нем. *Priebus*) сел. на востоке Германии у лужицких сербов [Rospond 1983, 112], сербохорв. ойконим *Pribudić* [Svoboda 1964, 102].

Корневые личные имена с отрицанием *не-* образовали целый ряд географических названий в Новгородской земле. Среди них *Несуж* дер. Озеревск. Бат., ранее – село, относившееся к Самокражской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 68–69]. Идентифицировано с дер. *Несуши* Успенского Сабельского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 122], в более поздних документах значитс: *Несуши* 1539/40 г., *Несуци* 1568 г., пуст. *Уша* 1582 г., «что была деревня», дер. *Несужо* 1709 г., «что была пустошь», дер. *Несуж* 1718 г., *Несужа* 1748 г., *Несуж* 1788 г. [Селин 2003, 177, табл. 16]. Полагаем, что наиболее авторитетна современная форма ойконима и ее следует брать за исходную, тогда как ранее документированные формы *Несуши*, *Несуци*, *Уша*, существенно колеблющиеся, отражают всякого рода переосмысления под влиянием корня *суш-/суц-*. Таким образом, геогр. *Несуж* – посессивное название с йотовой суффиксацией от личн. *Несудъ*, раскрывающее первоначальную принадлежность поселения некоему *Несуду*. Ср. др.-польск. личн. *Niesqd* [SSNO V, 21]. Перед нами дохристианское славянское имя префиксально-корневой структуры, по буквальному смыслу – ‘не осуждающий’ или ‘не осуждаемый’, безразличное в отношении залога. Ему соответствует ряд древнеславянских имен с частицей *не-*, извлеченных из новгородских грамот на бересте: *Невидъ*, *Невѣръ*, *Некрасъ*, *Непробудъ*, *Несуль*, *Несѣда*, о которых [Зализняк 2004, 204].

В свете изучаемого типа названий проясняется загадочное геогр. *Неболчи* пос. Люб. р-на Новг. обл. Издревле это название относилось к погосту, территориальному центру: пог. Егорьевский в *Неболчах* Обон. пят. на р. Мде, пр. пр. Мсты, впервые отмечен писцовыми книгами Новгородской земли под 1564, 1574 и 1583 гг. [ПКНЗ 2, 143, 144, 160; Неволин 1853, 184]. С XVIII в. до 20-х гг. XX в. погост относился к Тихвинскому у. На Карте Шуберта 1-й пол. XIX в. обозначен как пог. *Неболицкой* [Неволин 1853, 163], в списках селений нач. XX в. значитс как пог. *Неболочи*

Жуковской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 48–49]. С 20-х гг. XX в. в 5 км севернее заброшенного погоста на новопостроенной железной дороге возникла ж. д. ст. *Неболчи*, ставшая крупным поселком Новг. обл.

Ойконим *Неболчи* кажется изолированным, внешне не имеющим топонимических или апеллятивных соответствий. На наш взгляд, его предпочтительнее трактовать как йотовое производное от личн. **Небълкъ,-о* (> **Неболкъ,-о*) или скорее **Небълтъ,-а* (> **Неболтъ,-а*); структура корня, содержавшего редуцированную гласную, позволяет объяснить диалектный вариант названия, знакомый местному произношению: *Неболочи*, с отражением «второго полногласия». Личные имена с отрицанием *не-*, как выше уже говорилось, составляют неотъемлемую часть общеславянского антропонимикона, а прасл. морфема **bьlk-* и родственная ей, но с другим расширением корня – **bьlt-*, образуют разветвленную сеть дериватов в славянских языках и диалектах. Среди них рус. диал. *болкать* ‘говорить, болтать, сказать невольно’, *болкать* ‘качать, делать движения из стороны в сторону или взад и вперед’, чеш. диал. *blkatì* ‘полюхаться (о пламени)’, словац. *blkat* ‘пылать, полюхаться’, польск. (редко) *belkać* ‘болтать жидкость’, словац. *blk* ‘огонь, пламя, пожар, вспышка’, ст.-польск. *belk* ‘водоворот’, ‘вспышка’; к основе **bьlt-* см. рус. *болтать*, укр. *бовтати*, блр. *бовтатъ* ‘приводить в движение жидкость’, но и ‘пустословить’, польск. *beltać*, словац. диал. *beltac* ‘мешать, мутить’ и др. [ЭССЯ 3, 117–121]. Семантика дериватов позволяет приписать реконструкциям **Небълкъ,-о*, **Небълтъ,-а* смыслы ‘невспыльчивый, спокойный’ или ‘неболтливый человек’. Антропонимическая трактовка геогр. *Неболчи* существенно поддерживается присутствием личных имен от **bьlt-*, **bьlk-* в вост.-слав., в частности в новг. материале (ср. имя новгородца *Оболта* Данило до сер. XVI в. [Вес. Он., 225]), и в древнепольских источниках: личн. *Belt*, *Beltaczka*, *Beltek* [SSNO I, 119–120]. Укажем далее известные по древне- и старорусской письменности имена лиц: Ивашко *Болта*, крестьянин Рютинского пог. Новгородской земли 1495 г. [Туп. СДЛСИ, 115], *Болта* Танеев, вотчинник в Ростове XV в., Василий Юрьевич *Болта* Меликов нач. XVI в., *Болтины* в XVI в. и позже в Арзамасе [Вес. Он., 45]; ср. также антропонимические базы таких новгородских ойконимов, как *Болтино*, *Болтово*, наконец *Болчино* (подр. рассмотрены в 3 гл., см.). С основой **bьlk-* отмечены др.-рус. и ст.-рус. патронимические образования *Болковъ*, *Болкошынь*, *Болкуновъ* [Туп. СДЛСИ, 539] (< личн. *Болко*, *Болкоша*, *Болкунъ*). К вероятности обозначенного здесь соотношения антропонимов негативного / позитивного планов при тождестве корня (**Неболта* и *Болта*, **Неболко* и

Болко) ср. др.-рус. *Непробудъ* и **Пробудъ* (см. геогр. *Пробужа*), *Нежданъ* и *Жданъ*, *Нехорошъ* и *Хорошъ* и др.

К новг. геогр. *Неболчи* максимально близким по образованию и структуре оказывается название летописного города, отмеченного древнерусским списком городов конца XIV в. на территории Великого Княжества Литовского, – *Оболчи* [НПЛ, 476], по Воскресенской летописи – *Обольче* [ПСРЛ VII, 241]. Оно оптимальным образом трактуется как йотово-посессивное производное от др.-рус. личного имени *Оболта*, ранее – *Обълта*. Это имя, являющееся префиксально-корневым в ряду, например, др.-чеш. личн. *Omysl, Ozrak, Ostup*, словен. *Oslav* и др., зафиксировано новгородской письменностью (ср. указанное выше *Оболта* Данило) и извлекается из ойконимии на *-ино*: геогр. *Оболтино* дер. на оз. Магское Вышневолоцкого у. Твер. губ. + дер. на р. *Талица* Рыбинского у. Ярославской губ. [Vasm. RGN VI 2, 327].

Недомысли ус. Селогорской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I, 74–75], находившаяся вблизи совр. пос. Тесово-Нетыльский Новг. обл. По писцовым книгам Вод. пят. 1500, 1540, 1568 и 1582 гг. указана как дер. *Недомышьль* Егорьевского Лусского пог., но в материалах Ген. меж. 1788 г. фигурирует уже современное название – *Недомысли* пуст. [Селин 2003, 109]. Первоначальная форма *Недомышьль* – йотовый посессив от личн. *Недомысль*. Такое имя ранее отмечалось у западных славян, ср. польск. *Niedomyśl*, чеш. *Nedomysl* [Rospond 1983, 98; Svoboda 1964, 101], кроме того, экспрессивно окрашенные антропонимы с начальным *Недо-* хорошо известны по старорусской письменности: *Недомолва, Недосека, Недоступка, Недошив, Недошивка, Недовесков, Недопузин, Недорезов, Недошибин* [Вес. Он., 215]. С личн. *Недомысль* коррелирует личн. **Немысль*, извлекаемое из гидронима *Немышля* р. в басс. Дона (указан по [Трубачев 1968, 260]).

Неважи (*Неважа*) дер. Новоладожского у. Петерб. губ. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37, № 2708]; этот исчезнувший к настоящему времени ойконим явно связан с сопредельными гидронимами Нижнего Поволжья: *Неваж* руч., пр. Оломны, и *Неважа* (иначе – *Чашенка*) рч., впадающий в Волхов [Шан. РЛЮ, 38, 42]. Эти названия выводятся из личн. *Невадъ*, такое имя содержится в др.-серб. источнике 1330 г. [Грк. РЛИКС, 144]. Соотносимое по корню с др.-рус. *вадити* ‘звать, приглашать’ [СлРЯ XI–XVII 2, 9], это имя имеет буквальный смысл ‘незванный’ и, следовательно, семантически аналогично ст.-рус. личн. *Незван*, давшему совр. фамилию *Незванов*. Межтерриториальные топонимические соответствия преимущественно новгородско-псковские: *Невадино* дер. Шел. пят., отмеченная под 1498 и 1576 гг.

[НПК IV, 174, 176, 177; V, 685, 689, 690] (= *Невадино* дер. на рч. Степеринка Порх. у. Пск. губ. 2-й пол. XIX в.) и *Невадицы* дер. на р. Череха в Пск. у. [СНМРИ 34, № 11132 и 68], сегодня – дер. *Большие Невадицы* Карамышевского р-на Пск. обл. Похоже, по антропооснове к ним примыкает геогр. *Невадьево* пог. на Окуловских озерах недалеко от Мурома [Vasm. RGN VI 1, 110], которое отсылает к личн. **Невадий*: последнее можно квалифицировать как «обработанное» под влиянием христианских имен на *-ий* (*Дмитрий, Парфений* и др.) личн. *Невадь*. Ср. еще гидроним *Невадска* в Сербии [Павл. ХС].

Немия слободка в Никольском пог. в вол. Сорогошино Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 443]. Название обусловлено личн. *Немиль* с апотропеическим смыслом; ср. рядом с ним личн. *Немилка* (жен.) в документации Юго-Западной Руси 1570 г. [Туп. СДЛСИ, 518], др.-чеш. личн. *Nemil, Nemilek* [Svoboda 1964, 103, 284], др.-польск. *Niemila* (жен.), производное *Немилов* сер. XVII в., гор. Ржев [Вес. Он., 217]. Йотово-посессивные топонимические параллели к новг. геогр. *Немия* уходят к западным славянам: *Nemily, Nemile* (ранее *Nemil*) – сел. в Чехии, *Nemil* – ныне исчезнувшее селение близ Кракова, геогр. *Nemil* (позднее – нем. *Niemehn*) на западе Польши [Rospond 1983, 99]; к ним добавляются в иной суффиксации геогр. *Nemilów* сел. в Галиции неподалеку от Каменки Струмиловой, вероятно, и *Немия* (вар. *Rudnia Niemylnia*) слобода недалеко от Ровно и *Немильня* сел. у Новограда-Волянского Волянской губ., *Немильна* дер. у гор. Чериков на Могилевщине [Vasm. RGN VI 1, 134]. Перечисленная ойконимия от личн. *Немиль* дополняется новг. геогр. **Немилково** дер. Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 105, 114], исходный антропоним которого особенно близок к чеш. личн. *Nemilek*.

Завижа дер. Грузинской вол. Новг. у. нач. XX в. на р. Оскуя, пр. пр. Волхова [СНМНГ I, 22–23], ранние исторические сведения о пункте отсутствуют. На новгородских землях обнаруживаются далее: **Завижа** дер. в Щирском пог. в вол. Сковородка Шел. пят. 1498 г. (позднее – *Завезье* пуст. на руч. *Завезском*, известная по материалам Ген. меж. конца XVIII в. под № 1294 [Андрияшев 1914, 59]), **Завижье** дер. в Локоцком пог. Дер. пят. 1495 г. + дер. Обон. пят. 1564 г. [НПК V, 110; II, 53; ПKNЗ 2, 74]; последняя – **Завижье** Обон. пят. – причислялась к Богоявленскому пог. на р. Сяси и, следовательно, не отождествляется с позднейшей дер. *Завижа* на р. Оскуе. Все названия обусловлены личным именем *Завидь*, которое активнейшим образом функционировало на древненовгородской территории. Достаточно отметить, что оно содержится в целой дюжине новгородских грамот на бересте: № 103, 156,

228, 293, 433, 644, 665, 736а (?), 798, 818, 824, Ст. Р. 36 (*Завижая* – ‘жена Завида’), в надп. 25 («*Завижь* гръбнь»), см. [Зализняк 2004, 739–740]; согласно летописи, это имя носили три знатных новгородца: посадники *Завид* Димитриевич и *Завид* Неревинич, боярин *Завид* Негочевич [НПЛ, 577]. Вне новгородской территории отмечались: др.-рус. личн. *Завидь*, боярин киевский во 2-й пол. XII в. [ПСРЛ XXV, 76], ст.-укр. личн. *Завид* под 1448 г. [ССМ I, 372], др.-серб. *Завид*, жен. *Завида* [Грк. РЛИКС, 95], хорв. *Zavidič*, фамилия [LISRH, 745], др.-польск. *Zawid*, 1153 г. [SSNO VI, 278], др.-чеш. *Závid* [Svoboda 1964, 98]. Ср. с посессивным суф. -ов- также новг. геогр. **Завидово** дер. Никольского Пидебского пог. под Новгородом Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 14], **Завидова** дер. Никольского Будковского пог. Вод. пят., указанная документацией 1582 и 1791 гг. [Селин 2003, 204, табл. 18], + «пожня Точища у **Завидова**» близ р. Веряжи у Новгорода 1539 г. [ПКНЗ 1, 362]. Большое количество соответствующих ойконимов (*Завидово*, *Завидовка*, *Завидичи* и др.) обнаруживается также на других обширных территориях раннего русского заселения (не южнее Курска и Тамбова, не восточнее правобережья Средней Волги), много в Карпатах и Прикарпатье, реже в других районах Украины и в Белоруссии, судя по материалам [Vasm. RGN III 2, 349–350; Худаш, Демчук 1991, 108–109], – все это несомненно свидетельствует о широкой популярности др.-рус. личн. *Завидь* даже после XIII–XIV вв. Отметим еще йотово-посессивное геогр. *Zawidz* к северо-западу от Варшавы, *Zawidów* к западу от Вроцлава в Польше.

Бездежа дер. «на реке на Семушки» в пог. Пречистенском на Тихвине Обон. пят. 1564 г. [ПКНЗ 2, 104], позднее дер. упоминалась в жалованной грамоте Лжедмитрия Тихвинскому Успенскому монастырю 1605 г. (*Бездѣжа*) [АИ II, 74]; + **Бездеж** дер. Беж. у. Твер. губ. в сер. XIX в. [СНМРИ 43, № 1756] на юго-восточной периферии бывшей Новгородской земли. Соотносится с личн. *Бездѣдь* (‘не имеющий деда’), которое встретилось в новг. бер. гр. № 788 последней четверти XII в. и, кроме того, присутствует в древних антропонимиконах западных славян: чеш. *Bezded*, жен. *Bezdeda*, польск. *Biezdziad*, *Biezdziadko*, словац. *Bezded*, помор. *Bezdzad* [Rospond 1983, 42; SSNO I, 163; Svoboda 1964, 101; Schlimpert 1978, 13], сюда же примыкает ст.-рус. производное – патроним *Бездедов* Дмитрий, 1534 г. [Вес. Он., 31]. Топонимические соответствия довольно многочисленны: др.-рус. геогр. *Бездѣжь* поселение на Дону, **Бездеж** дер. бывшего Новоржевского у. Пск. губ. + дер. у р. Ясельды Кобринского у. Гродненской губ. (совр. Брестская обл.), *Бездедовичи* (польск. *Bezdziedowicze*) сел. в окрестностях гор. Лепель Витебской губ., **Бездедово** дер. на р. Клязьме Богородского у. Московской губ.

+ дер. на р. Уводь в окрестностях гор. Шуя бывшей Владимирской губ.
+ дер. между гор. Себеж и Опочка Псковской губ., *Бездедьков* сел. Роменского у. под Полтавой [Vasm. RGN I 2, 306]; у западных славян известны пункты *Biezdiedza*, *Biezdziadowo* в Польше, полаб. *Bisdede* в Германии, *Bezďez*, *Bezďedice* в Чехии, *Bezdedov* в Словакии, см. материалы: [Фасм. ЭСРЯ I, 144; SP I, 219; Prof. MJ I, 75; Nieckula 1971, 27].

Збуж дер. в бывшем Беж. у. Твер. губ. сер. XIX в. [СНМРИ 43, № 1374], = *Збужа* – средневековое сельцо в Городецком стане в Бежецком Верхе, указанное дозорной книгой церковных приходов сер. 1570-х гг. [ПКНЗ 3, 229]. К личн. *Събудь* (> *Сбуд*, *Збуд*) или *Избудь*, ср. др.-чеш. *Zbud*, *Izbud*, др.-польск. *Zbađ*, словац. *Zbud* [Svoboda 1964, 101]. Межтерриториальной параллелью выступает геогр. *Збуж* сел. на р. Горынь в окрестностях Ровно бывшей Волынской губ. [Vasm. RGN III 3, 481]. О былой употребительности антропонима *Събудь* в новгородском ареале свидетельствует несколько эквивалентных названий: посессивное геогр. **Збудово** дер. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 516] (в XIX в. – дер. Васьегонского у. Твер. губ.), геогр. **Збудки** дер. в Илеменском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 171], относящиеся к модели родовых ойконимов, наконец т. н. асуффиксальный ойконим **Збут** дер. Хрединск. Стр.-Кр., = *Збуд* дер. Луж. у. Петерб. губ. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37, № 2379], = *Збуд* дер. Боротенского пог. Шел. пят. 1-й пол. XVI в. [НПК V, 312] (подр. об этом типе названий см. гл. 6). За пределами бывшей Новгородской земли отмечены: *Збудско* оз. в средневековой Торопецкой земле [ПКНЗ 4, 559–561], *Сбудово* дер. на р. Рыбинка Моложского у. Ярославской губ., *Збудово* сел. в Галиции недалеко от Львова [Vasm. RGN III 3, 481; XVIII 1, 117], *Збудин*, *Збудів* – села во Львовской обл. Украины [Худаш, Демчук 1991, 124–125].

Невижи (вар. *Невежецы*) дер. на рч. *Невиженке* Луж. у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 2184], сегодня – дер. *Невежицы* Скребловск. Луж. немного южнее гор. Луга. Была отождествлена [Андрияшев 1914, 146] со средневековой *Непѣжи* дер. Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 94]. Исконна скорее все же форма *Невижи*, образованная, очевидно, от др.-рус. личн. *Невидь*, которое осмысляется безотносительно к залогу как ‘невидящий’ или ‘невидимый’. Антропоним фиксирует новг. бер. гр. № 663 сер. 50-х гг. XII – нач. 1210-х гг. [Зализняк 2004, 399]. Йотово-посессивные топонимические соответствия обнаруживаются в основном в Словакии близ Братиславы и в примыкающих к ней землях Венгрии (геогр. *Neved*, *Nyived*, *Nevegy*, *Niveg*), а также в Болгарии (геогр. *Neviš* и *Nevižda* близ Ботевграда) [Rospond 1983, 100–101]. Что касается фиксации новг. *Непѣжи*, то это, вероятно, описка, искаженная запись геогр. *Невѣжи* или *Невижи*. С другой стороны, позволительно думать, что

появление *Непѣжи* не случайно: его, в свою очередь, можно сопоставить с укр. геогр. *Небиж* (вар. *Nebiza*) в окрестностях Житомира [Vasm. RGN VI 1, 110] и обосновать др.-рус. личн. **Небѣдь* (букв. ‘небедный’) с последующим оглушением *б*.

К ойкониму *Невижи* очень близко по антропонимической базе старописьменное геогр. *Невеш* дер. Молвятицкой вол. в писцовых книгах Дер. пят. 1490-х и 1530-х гг. [НПК I, 679, 682; ПКНЗ 4, 286], по книге 1551 г. – дер. *Неवेशа* [ПКНЗ 5, 409]. Здесь *ш* скорее всего заменяет первоначальную *ж* благодаря наконечному оглушению либо диалектному спорадическому смешению глухих и звонких фонем. Допустимо возводить к личн. *Невидь* или к **Невѣдь* ‘неведающий’, хотя вторая версия несколько ослабляется тем, что **Невѣдь* не знакомо источникам и, кроме того, буква «ѣ» в писцовых книгах редко смешивается с «е». Но ср. геогр. *Невеж*, имеющее вар. *Невяжа*, дер. близ гор. Рославль, *Неведино* (вар. *Невидино*) дер. на рч. Лещинка близ Ельни на Смоленщине [Vasm. RGN VI 1, 111] и особенно показательное для этого случая польск. геогр. *Niewiadowo* (*Niewiadów*), известное с 1283 г. [Niecukla 1971, 142]: последнее уверенно свидетельствует о существовании зап.-слав. личн. **Nevěďь*, равного новгородскому реконструкту. К перечисленным ойконимам не имеет этимологического отношения верхнеднепровский гидроним *Невежа* р. в басс. Сожа, обнаруживающий полные соответствия с водными названиями *Nevėža*, *Nevėžis* в Литве [Топоров, Трубачев 1962, 197].

Нероже дер. Демонского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 554]. Восходит к личн. *Неродь*, -а, о котором свидетельствуют производное *Неродов* Борис Собакин, новгородский вотчинник 1539 г. [ПКНЗ 1, 358], ст.-укр. личн. *Нерода* из документа 1665 г. в Юго-Западной России [Туп. СДЛСИ, 331] и чеш. личн. *Neróda* [Svoboda 1964, 284], или к имени *Нерадь*, которое проявляется очень широко в древней антропонимии русских, чехов, словаков и южных славян (др.-рус. личн. *Нерадьць* 1086 г., чеш. *Nerad*, польск. *Nierad* и др. [Svoboda 1964, 103; Туп. СДЛСИ, 330; Мор. СИ, 137]) и отложилось в целом ряде западнославянских йотово-посессивных ойконимов: *Neradz* сел. в Словакии, *Nyarád*, *Nyarág(y)* в Венгрии (из словац.), польск. *Nieradz* и др. [Rospond 1983, 99]; ср. еще гидронимы *Нерадовска*, *Нерадовачка* в Сербии [Павл. ХС]. На восточнославянской территории присутствуют, во-первых, геогр. *Неродино* дер. Духовщинского у. Смоленской губ., *Нероды* близ гор. Орша, во-вторых, – геогр. *Нераж*, связанное с селениями во Владимирской, Киевской, Могилевской, Виленской губ. [Vasm. RGN VI 1, 41, 142], укр. *Нерадовка* р. в басс. Горыни [Трубачев 1968, 258].

Перевизжа дер. на руч. Греметица Волоцкой вол. Бор. у. нач. XX в. [СНМНГ VI, 22–23], отождествляется с дер. *Великая Перевѣжа* 1501 г. [НПК VI, 27], позднее – *Перевѣжа* в погосте Волок Держков Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 989, 990]. Параллельный ойконим локализован в Нижнем Поволховье: **Перевезж** дер. Порожской вол. Вод. пят. 1582 г., позднее – *Перевезж* пуст на р. Волхов 1620 г., дер. *Перевезжа* 1709 г., *Перевязжа* 1718 и 1748 гг., *Перевезж* 1791 г. [Селин 2003, 318, табл. 34]. К личн. **Перевидь* ‘все видящий’ (как и личн. **Вьсевидь*; префикс *Пере-* означает здесь высокую степень состояния) или **Перевѣдь* ‘все знающий’. Антропонимы с начальным прасл. **Per-* (> вост.-слав. *Пере-*) известны: др.-рус. *Перенѣжъ*, польск. *Przemysl, Przebor*, чеш. *Přebor, Přemysl*, см. [Taszycki 1925, 36; Svoboda 1964, 102], еще больше имен такой структуры восстанавливается на материале славянской топонимии. Межтерриториальными топосоответствиями являются геогр. **Перевизье** дер. на оз. *Перевизье* вблизи гор. Городок севернее Витебска, быть может, геогр. *Перевизский* хут. на балке *Перевизская* недалеко от Екатеринослава (совр. Днепропетровск) [Vasm. RGN VI 3, 638].

Перенѣжье дер. в вол. Чайковичи Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 218]. Название соотносится с личн. *Перенѣжъ*. Данное имя, только восточнославянское, зафиксировано «Русской Правдой» нач. XI в. [НПЛИ, 177, 489] и перечислено среди имен должников берестяной грамотой № 36 из Старой Руссы (1-я пол. XII в.) [Зализняк 2004, 332]. На других территориях обнаруживаются топонимические параллели и эквиваленты: название местности *Перенѣж* в рязанских грамотах XVI в. [Чумакова 1992, 63], *Перенезья* дер. на р. Ужать Мосальского у. Калужской губ., *Pereniža* (вар. *Poreniža*) близ гор. Себеж Витебской губ., *Перенегово* дер. в окрестностях Вилейки Виленской губ. [Vasm. RGN VI 3, 649], *Перениж* село в Львовской обл. Украины [Худаш, Демчук 1991, 173].

Перестражье дер. в Тухольском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 710]. Следует возвести к личн. **Перестрадь*, которое в источниках не найдено. Ср. новг. геогр. *Самостраж* (см.), возводимое нами к личн. **Самострадь*, и ряд имен с компонентом *Strad-* (чеш. *Stradomir*, польск. *Stradoslaw* и др.) из западно- и южнославянских источников. Среди вероятных межтерриториальных топонимических параллелей – геогр. *Перестраж* дер. на рч. *Перестражка* близ гор. Козельска Калужской губ. + дер. на р. Зуша Новосильского у. Тульской губ. [Vasm. RGN VI 3, 654].

Полюжье – две дер. Беж. пят. 1545 г.: в пог. Никольском на Вышнем Волочке и в пог. Богородицком в Залазне [НПК VI, 42, 129]. Название соотносится с личн. *Полюдь*. Это префиксально-корневое имя (по смыслу, видимо, ‘сборщик дани’, ср. др.-рус. *полюдь* ‘сбор дани’) было

очень популярным в древненовгородских землях XI–XIII вв., судя по его многократному проявлению на страницах летописи [НПЛ, 26, 54, 64, 86, 211, 253, 268, 317, 446], в берестяных грамотах № 350, 710, 793, 878 [Зализняк 2004, 782] и в надписи на штукатурке Софийского собора Новгорода [Медынцева 1978, 125]. Многочисленны межтерриториальные топонимические эквиваленты: геогр. *Полужье* дер. близ гор. Мышкина Ярославской губ., *Полудова* – два или три пункта в Пермской губ., *Полудово* дер. на рч. *Полудовка* Никольского у. Вологодской губ. + дер. на рч. Беловке близ гор. Галич Костромской губ. + дер. на р. Кленовице близ Кинешмы + дер. в Жиздринском у. Калужской губ. + дер. близ Орши севернее Могилева, *Полюдята* в Оханском у. Пермской губ., *Полудовичи* дер., ус. и хут. на р. Нача в окрестностях гор. Лепель на Витебщине [Vasm. RGN VII 1, 240]. Новгородская территория является очагом соответствий на Русском Северо-Востоке, где имя *Полудь* держалось продолжительное время.

Утеше дер. Дубровенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 201], которая по описанию 1576 г. фигурирует еще раз как дер. *Утуши* «пуста и льсомъ поросла» [НПК V, 674]. Ойконим *Утеше*, по-видимому, мотивируется именем, равным чеш. личн. *Utěch*, польск. *Uciech*, *Huciech*, болг. *Утеха*, *Утяхо*, серб. *Утех* [SSNO V, 517; Svoboda 1964, 307; Заим. БИ, 229; Мор. СИ, 198; Грк. РЛИКС, 209], сюда же др.-рус. и ст.-рус. *Утеха*, *Утеи* [Вес. Он., 334]. Семантику данных личных имен раскрывают прасл. **utěxa*, рус. *утеха*, *утешать*. Эквивалентных топонимов немало, многие из них могут быть сравнительно поздними. Особо отметим геогр. *Утехово* – селения в окрестностях городов Ростов Ярославской губ., Рославль Смоленской губ., Весьегонск Твер. губ., *Утешикино* близ Москвы, *Утешиково* близ Мосальска Калужской губ. [Vasm. RGN IX 1, 345], *Утиховичи*, *Утишків* на Львовщине [Худаш, Демчук 1991, 206, 207]. Более поздний вариант ойконима – *Утуши* – тоже, вероятно, обосновывается антропонимом, который находит подтверждение в др.-чеш. личн. *Utuch* [Svoboda 1964, 100]. Это имя содержит характерный зап.-слав. корень **tux-* со значением надежды, упования (трактовку его см. в связи с *Туховежу*), а по структуре аналогично, например, чеш. личн. *Utěch*, *Ubor*, *Ul'ub*, *Ustoj*, *Umysl*, *Uhost* и др. В связи с данным именем стоит отметить еще новг. геогр. **Утушкино** дер. Медниковской вол. на р. Полисти под Старой Руссой [СНМНГ III, 84–85]: оно, быть может, восходит к личн. **Утушка*, выступающему в качестве гипокористики от *Утухъ*. Принимая в расчет личн. *Утухъ*, не обязательно объяснять различие топонимических вариантов *Утеше* / *Утуши* случайной фонетической модификацией старописьменного новг. названия: это различие

может быть обусловлено еще дотопонимическим смешением на уровне личных имен *Умѣхъ* и *Умухъ*, параллельно мотивировавших один из двух вариантов ойконима.

Названия от древнеславянских суффиксально-корневых, гипокористических и деапеллятивных имен

В данном разделе анализируется ограниченное количество новгородских географических названий на базе древнеславянских личных имен, которые являются либо усеченно-суффиксальными дериватами от антропонимических композитов, либо прямыми суффиксальными образованиями от корня, либо возникли путем антропонимизации кратких причастий, прилагательных и существительных. Разумеется, приведенные ниже случаи не исчерпывают всей новгородской йотово-посессивной топонимии, базирующейся на таких именах. Вместе с тем существуют объективные предпосылки к определенной ограниченности рассматриваемого материала. Во-первых, далеко не всегда такого рода названия интерпретируются с достаточной надежностью в плане своего происхождения, во-вторых, йотовая суффиксация действительно не являлась для соответствующих личных имен, особенно деапеллятивных и гипокористических, преимущественным средством их топонимического освоения и закрепления. Для них была характерна не йотовая, а *-ов/-ев-, -ин-*суффиксация. Новгородская письменность XI–XV вв. засвидетельствовала лишь единичные примеры прилагательных, образованных при помощи суф. **-j-* от древнеславянских антропонимов указанных разрядов (как, впрочем, и от христианских личных имен). Немногочисленные факты легко перечислить: *Твьрьдячь* – от др.-слав. гипокористики *Твьрьдята* из надписи № 212 на штукатурке новгородской Софии 2-й пол. XII – 1-я пол. XIII в. [Медынцева 1978]; *Тѣхонь* – от суффиксально-корневого личн. *Тѣхонь* (см. фрагмент из новг. бер. гр. гр. № 926 1-й пол. XIII в.: «на Т[ѣ]хони кони» – ‘за Техонова коня’); *Хонь* – от имени *Хонь* неясной этимологии или от христ. *Хома / Фома*, см. в новг. бер. гр. № 112 конца XII – 1-ой пол. XIII в.: «*Хоня* жена» (материал дан по [Зализняк 2004, 203, 411–412, 443–444, 842]). Можно предположить, что топономастическая сфера в том, что касается удельного веса йотовых дериватов среди посессивных образований от перечисленных разрядов личных имен, не имеет принципиальных расхождений с показаниями письменных источников относительно нетопонимической лексики.

Многие топонимы с исходом на *-ань/-аня/-ани*, *-онь/-оня/-они*, *-унь/-уня/-уни*, *-ень/-еня/-ени*, *-инь/-иня/-ини* оптимально, на наш взгляд, трактуются как архаические йотово-посессивные производные от др.-слав. антропонимии на *-ань*, *-онь/-он'ь*, *-унь*, *-ень/-ен'ь/-ѣнь/-ѣн'ь*, *-инь*. Общий архаический характер этой топонимии подчеркивается и особенностями территориальной дистрибуции: почти все восточнославянские топонимы с финалью *-нь* сосредоточены в границах русских княжеств XII в., а юго-западная зона восточных славян является центром их распространения в русские области [Рубцова 1980, 139]. В целом в славянских языках данные суффиксы, как показал Ф.Славский [Sławski ZSP I, 120, 128–135], особенно характерны для личных имен и апеллятивов с личным значением. Показательно, что существенная часть такого рода географических названий находит однозначные корреляции среди хорошо известных антропонимов; ср., к примеру, геогр. *Ждани*, *Жданье* – личн. *Ждань*, геогр. *Чудини* – личн. *Чудинь*, геогр. *Хотень* – личн. *Хотѣнь*, геогр. *Ходунь* – личн. *Ходунь*, геогр. *Воинь* – личн. *Воинь*. Несколькo труднее обстоит дело с этимологической интерпретацией топонимии, имеющей исход на *-ынь/-ыня/-ыни*. Разные славянские языки знают немало лексем абстрактного значения с суф. *-ын'и*, *-ын'ь*, как правило, отадективных, реже отсубстантивных, часто подверженных конкретизации в названия мест [Sławski ZSP I, 139–141]. Следовательно, весомая доля топонимии на *-ынь/-ыня/-ыни* генетически может быть связана с апеллятивной лексикой. Вместе с тем письменные источники сохранили достаточное количество архаических личных имен, прозвищ и обозначений лиц с суф. *-ыня/-ына*, характерных главным образом для восточнославянской территории; ср. известные из др.-рус. письменности личн. *Благыня*, *Борыня*, *Годыня*, *Бѣлына*, *Горбыня*, *Добрыня* / *Добрына*, *Плоскыня* / *Плоскына*, *Сухына* и др. или такие лексемь, как новг. диал. *долыня* – ‘высокий худошавый человек’, *простынница* – ‘добрый, не жадный человек’ [НОС 2, 93; 9, 50] (от *простыня* с близким значением лица) и др. На основе такой антропонимии нередко возникали йотово-посессивные топонимические архаизмы, внешне тождественные или максимально сходные с мотивировавшими их именами: личн. *Борыня* – геогр. *Борыни* или *Борыня*, личн. *Годыня* – геогр. *Годыня*.

Обратимся далее к анализу конкретного материала.

Ходыни дер. на левом берегу Ловати к юго-востоку от Старой Руссы Ляховичск. Ст., в нач. XX столетия самая крупная дер. (83 двора) в Шотовской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 118–119]. Относится к числу тех немногих древних селений Новгородской земли, которые освещены памятниками письменности древнерусского времени. Очевидно, именно этот

пункт упомянут Новг. 1-й летописью под 1210 г. в связи со знаменательным разгромом литовцев: «Новгородьци угонивъше Литву въ *Ходыницихъ*, избиша съ князьмъ Володимиромъ и с посадникомъ Твердиславомъ» [НПЛ, 51 (Син. сп.)] (по Ком. сп. НПЛ: «в *Ходыницѣхъ*», с. 249)¹. Идентификацию указанного летописью пункта с совр. *Ходынями* на Ловати предполагает также В.Л.Янин [Янин 1998, 75]. Сел. *Ходыни* (*Ходыня*, *Ходынь*) неоднократно фигурирует в актовой письменности эпохи новгородской независимости. В Духовной грамоте новгородца Остафия Ананьевича 1398–1410 гг.² читаем: «...Отцына моя и дѣдина на Ловоти, земля и вода, и пожне, и лѣсы, въ *Ходыни*, и в Дроздинѣ и в Селской лукѣ» [ГВНП, 166, гр. 110] (Дроздино и Сельская Лука – дер. неподалеку от Ходыней, сохранившиеся до наших дней). По грамоте, Остафий Ананьевич завещал половину этих угодий сыну Федору Остафьевичу; тот же в свою очередь «рукописаньем» 60-х гг. XV в. передавал их своему наследнику – сыну Степану: «Животь свои и села свои: на Ловоти въ *Ходыняхъ* половину, и землю и лѣсъ, по отца моего рукописанью и по моему, и пожни, а то приказываю сыну Степану в отдѣль усто» [ГВНП, 169, гр. 111]. Связь одного и того же новгородского боярского рода с *Ходынями* на Ловати прослеживается документально и далее. Так, согласно акту 70-х гг. XV в., Василий Степанович, сын вышеупомянутого Степана Федоровича, совершил вместе со своим дядей Василием Федоровичем, сыном Федора Остафьевича, полюбовный раздел земельных угодий, в результате которого «досташетца Василью Степановичю земля и села, отцина его и дѣдина: на Ловотѣ в *Ходыняхъ* села» и другие владения [ГВНП, 277, гр. 278].

¹ В XIII в. Литва совершала неоднократные набеги в новгородские земли южнее Ильменья. Так, к примеру, под 1200 г. летопись сообщает: «Ловоть възьяша Литва и до Налюця» [НПЛ, 45], где *Налюць* (= совр. *Налючи*, см.) – село поблизости от Ходыней. Литовцы, продвигаясь вдоль берега Ловати, неизбежно оказывались в Ходынях, откуда пути вели далее к Налючам, к Русе и другим пунктам Южного Приильменья. В районе Ходыней локализуется древнее перекрестье дорог (о чем напоминает даже схема современной дорожной сети), через которое литовцы в начале XIII столетия прошли с северо-востока (с Налючей) на северо-запад (к селу Доворец), как можно заключить о данном событии из сообщения летописи [НПЛ, 45, 239]. Кстати, «именно на этой широте наиболее целесообразным представляется маневр резкого поворота набега» литовцев от Налючей к Доворцу, поскольку севернее Налючей начинается обширное и труднопроходимое болотное пространство [Янин 1998, 74-75].

² Здесь и ниже при ссылках на ГВНП датировки актов №№ 110, 111 и 278 даны по [Янин 1990, 217, 220, 229].

Пункты на Ловати с интересующим нас названием часто упоминаются в писцовых книгах Шел. пят. XVI в. Писцовая документация отмечает на Ловати дворцовую вол. *Ходыня* в Черенчицком пог. 1539 г. [НПК IV, 464, 468, 469] и связанные с ней дер. *Ходыня* [НПК IV, 340, 362] и село *Ходыни*, в котором дворы некогда принадлежали землевладельцам Тимофею Грузову и Мите Бестужеву [НПК V, 221, 222]. Со временем роль данных селений в административном устройстве Южного Приильменя явно уменьшилась. Геогр. *Ходыня* как наименование волости исчезает из позднейшей документации, а материалы Ген. меж. конца XVIII в. знают в составе Ст. у. только дер. *Ходыни* на Ловати, которая под этим же названием значится на старых картах XIX в. (3-верстка, 10-верстка) и в более поздних материалах.

Ранняя летописная фиксация – «въ *Ходыницихъ*» («въ *Ходынициѣхъ*») – предполагает в прямых падежах наименование *Ходыници* муж. р. мн. ч., морфологически идентичное многочисленным географическим названиям на *-ичи*, которые возводятся обычно к патронимам на *-ичь*. Поэтому в данном случае за исходную форму наименования точнее будет взять *Ходыничи*, подвергшееся древненовгородскому цоканью. Оно может представлять собой либо ранний вариант геогр. *Ходыни*, либо, что не менее вероятно, выступать катойконимом, производным от ойконима: не исключено, что *ходыничи* в приведенном летописном контексте – это жители *Ходыней* (о функциональном пересечении ойконимов и катойконимов в подобного рода контекстах см. в гл. 5, разд. 1). По более поздним материалам древнеписьменная форма *Ходыничи* уже не прослеживается.

Новг. геогр. *Ходыни* лаконично интерпретировано в ЭССЯ как архаическое производное с суф. *-уни* от **ходъ* [ЭССЯ 8, 52], т. е., надо полагать, в собственно апеллятивном осмыслении. Правда, апеллятивов, омонимичных новгородскому ойкониму, не обнаружено, что, естественно, снижает качество предложенной версии, обуславливающей появление названия произволом суффиксации. Вместе с тем наши материалы свидетельствуют, что новгородское название не одиноко. Рядом с ним оказываются геогр. *Ходыни* сел. в бывшей Галиции, *Ходыни Близкие* дер. вблизи Вятки, *Ходынино* дер. на р. Вожа в окрестностях Рязани, *Ходыничи* дер., сел. и ус. близ р. Тростяница Кобринского у. Гродненской губ. и, по всей вероятности, геогр. *Ходыницы* дер. Угличского у. Ярославской губ. [Vasm. RGN IX 3, 499, 501–502]; разумеется, сюда же относится гидроним *Ходынь* (*Ходынка*, *Ходыня*?) рч. в Подмосковье [Смол. ГБО, 107–108] (по [КБЧ, 56, 121, 182] – р. *Ходынка*), по этой реке

названы широко известные *Ходынское* поле (*Ходынский* луг) и *Ходынская* ул. в Москве.

Отмеченные факты говорят об устойчивой древнерусской топооснове *Ходын-*, которая по происхождению является первоначальной антропоосновой. Судя по всему, речь должна идти о личном имени *Ходыня* / *Ходына*, давшем посессивные геогр. *Ходыни*, *Ходынино*, отпатронимное *Ходыниччи*. Реальность реконструируемого антропонима удостоверяет, очевидно, фрагмент из древнерусского «Слова о полку Игореве» в прочтении и переводе Д.С.Лихачева. Цитируемый ниже отрывок «Слова...» содержит интересующее нас имя, связанное с одним из легендарных песнотворцев: «Рекъ Боян и *Ходына* Святославля ꙗ҃снотворца старо҃го времени Ярославля, Ольгова ко҃ганя хоти»; перевод: «Сказали Боян и *Ходына*, Святославовы песнотворцы старо҃го времени Ярослава, Оле҃гакнязя любимцы» [Лихачев 1984, 58, 77]¹.

Восточнославянскому личн. *Ходына* / *Ходыня* структурно близки южнославянские антропонимы: др.-болг. *Ходин* (муж.), *Ходина* (жен.) [Заим. БИ, 232], др.-серб. *Ходина* XV в. [Грк. РЛИКС, 203]. Рассматриваемое имя относится к кругу архаических имен на *-ыня/-ына*, далеко не полно засвидетельствованных письменностью. Отметим, что ст.-блр. документ сохранил производное *Ходынич* (Останок *Ходынич*, крестьянин в Мозыре, из акта 1552 г. [Туп. СДЛСИ, 863]), источником которого служит либо личн. *Ходыня*, либо соответствующее деантропонимное название типа *Ходынь*. Корневой элемент *ход-* в архаической антропонимии нередок, его содержат, например, ранние др-рус. личн. *Ходота* – имя вятицкого князя [Skulina 1974, 153], *Ходъко*, *Ходута*, давшее патроним *Ходутиничь* из Свинцовой гр. № 1 конца XI – 1-й трети XII в. [Зализняк 2004, 261] и фамилию *Ходутины* XVII в., Устюг [Вес. Он., 340], а также более поздние личн. *Ходыка*, *Ходырь*, *Хода* и др., получившие наибольшее распространение в старорусский период; ср. еще чеш. личн. *Chodata*, *Chod*, польск. *Chodko*, серб. *Chodiša* [Miklosich 1927, 109]. К раннему древнерусскому времени относится, очевидно, и личн.

¹ Д.С.Лихачев, комментируя текст «Слова о полку Игореве», пишет о неоднозначности предлагаемой им трактовки. «Место это настолько испорчено, что не позволяет сколько-нибудь уверенно его исправить. Удовлетворительнее всего объясняется текст, если принять предложенное И.Е.Забелиным прочтение *Ходы на* (так в издании 1800 года и в Екатерининской копии) как «Ходына» и предположить в этом Ходыне певца вроде Бояна <...>. Это прочтение и принято нами в переводе. Слова Бояна и Ходыны противопоставлены разговору («стрекотанию») Гзы и Кончака» [Лихачев 1984, 204].

Ходула, отраженное новгородским геогр. **Ходулино** дер. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 325], дер. *Ходулино* Осташковского у. Твер. губ. сер. XIX в. [СНМРИ 43, № 8937], а также *Ходулиха* дер. Бельского у. Смоленской губ., блр. *Ходулы*, *Ходулово* на Витебщине [Vasm. RGN IX 3, 501], подтвержденные древнеписьменным антропонимом *Chodula* из польских источников [SSNO I, 326]. Не менее древним, чем *Ходына*, *Ходула*, оказывается личн. *Ходунь* – имя, оставившее следы почти исключительно в топонимии, в том числе йотово-посессивной. Ср. новг. геогр. **Ходуново** дер. Жабенского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I, 620] (= *Ходуново* дер. Жабенской вол. Валд. у. [СНМНГ V, 36–37]) вместе с блр. *Ходуны* дер. на Витебщине в окрестностях Дриссы и *Ходунь* дер. на р. Остер Климовичского у. Могилевской губ., укр. *Ходуня* ус. на р. *Ходуня* Глуховского у. Черниговской губ. [Vasm. RGN IX 3, 501], геогр. *Chodouň*, *Chodouny* сел. в Чехии, отмеченное с 1271 г., производное от др.-чеш. личн. **Chodún* [Prof. MJ II, 28]; сюда же др.-польск. личн. *Chodun*, согласно Роспонду [Rospond 1983, 53]. Современным апеллятивным «отзвуком» этого архаического имени является, быть может, новг. диал. *ходуница* ‘непокойный ребенок’ [НОС 12, 19].

В Новгородской земле наблюдается большое количество топонимических архаизмов деантропонимного происхождения, содержащих корневой элемент *хот-/хоч-*. Из них к кругу йотово-посессивных деантропонимных образований, показывающих практически общеславянское распространение, принадлежит, по нашему мнению, геогр. **Хотыня**, связанное с дер. Турского р. Шим. на р. *Хотынка* (вар. *Хотынька*, иначе – *Лютинка*, лев. пр. Мшаги, лев. пр. Шелони [Истомина, Яковлев 1989, 77]), обозначенной в списках населенных мест 2-й пол. XIX в. в составе Луж. у. [СНМРИ 37, № 2229]. Кроме того, при устье этой же р. *Хотынки* писцовою книгой Шел. пят. 1498 г. отмечена дер. *Усть-Хотина* Турского пог. [НПК IV, 57], = *Ускотина* пуст. на рр. Мшаге и Хотынке в материалах Ген. меж. конца XVIII в., = *Ускотины* (*Ускотыня*) дер. на р. Мшаге Луж. у. в XIX – нач. XX в., см. [Vasm. RGN IX 1, 316; Андрияшев 1914, 35]. Древность перечисленных смежных ойконимов и гидронимов не подвергается сомнению, причем «смягченная» топонимическая форма *Хотина* по отношению к «твердой» *Хотыня* здесь, судя по всему, вторична. Параллельный ойконим зафиксирован документацией XVI–XVII вв. в бывшей Тесовской вол. Вод. пят.: **Хотыни** дер. на р. Оредеже (1573–1578, 1584, 1620 гг.), затем – дер. *Хотыня*, а *Усадище* тож (1629 г.), дер. *Усадища Хотыни* тож (1669 г.), далее только под названием *Усадище* [Селин 2003, 135, табл. 9], сегодня – *Усадищи* дер. Приозерн. Луж. Геогр. *Хотыня* / *Хотыни* сближается с

др.-слав. личным именем, которое подтверждено др.-польск. письменностью: личн. *Chotyна*, *Chotyuko* [SSNO I, 336], *Chotyuka* из акта 1442 г. в Речи Посполитой [Демчук 1988, 84], вероятно, сюда же альпослав. «*Chotuna*» из немецкого акта 1043 г. [Kronsteiner 1981, 206] (= личн. *Chotyна* или *Chotuna*). На новгородской территории сохраняется также эквивалентный ойконим патронимического облика *Хотыницы* дер. на р. *Хотынка* (басс. Луги) Ямбургского у. Петерб. губ. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37, № 4903], сегодня – дер. Каложниц. Волос. у истоков р. Хревица, пр. пр. Луги; данный пункт отождествляется со средневековым селцом *Хотыновичи* в Григорьевском Лъешском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 796, 801, 804, 807, 812]. Остальные восточнославянские топонимы сосредоточены вне пределов Новгородской земли, на территориях раннего восточнославянского заселения (западнорусские области, Поочье, Белоруссия, Волинь, Галиция): геогр. *Хотынь* (*Хатыни*) дер. в Духовщинском у. Смоленской губ., блр. *Хотынь* (польск. *Chatyń*) дер. в окрестностях Борисова Минской губ. + дер. на руч. Теревинец близ Орши на Могилевщине и там же р. *Хотынь* басс. Днепра, укр. *Хотынь* (польск. *Chatyń*, *Chatyn*, *Chateń*) дер. на р. Случь в окрестностях Ровно Волынской губ., *Хотыня* хут. неподалеку от гор. Речица Минской губ., *Хотыново* (*Хотеново*) дер. неподалеку от гор. Борисов Минской губ., блр. *Хотынич* (укр. *Хотеничи*) сел. недалеко от Пинска, *Хотынец* (*Хотынец Малый*) сел. в Карачевском у. Орловской губ., *Хотынец* (*Хотынской*) пр. пр. Жиздры, *Хотынка* пр. пр. Угры в Верхнем левобережном Поочье и *Хотынка* среди левых притоков Клязьмы, *Хотынец* дер. в окрестностях пункта Ярослав в Галиции; сюда же относятся фонетически измененные (благодаря переходу $x > \phi$ и аканью) блр. геогр. *Фатынь*, *Фатынка*, *Фатыновка* – сел. в окрестностях гор. Полоцк и Лепель; материал по: [Vasm. RGN IX 1, 368; 3, 533; Смол. ГБО, 35, 47, 205; ЭССЯ 8, 85]. Восточнославянские факты дополняют геогр. *Chotyń* дважды в Чехии, *Chotyń* в Польше, *Hotinja* в Словении [Prof. MJ II, 46–47; Svoboda, Šmilauer 1960, 185].

На все из перечисленных названий непосредственно генетически соотнесены с личн. *Хотына* / *Хотына*. В целом такого типа топонимические архаизмы подвержены варьированию формантной части и в отдельных случаях могут являться исконными образованиями либо от др.-слав. личн. *Хотунь* (см. ниже геогр. *Хотунь*), либо от личн. *Хотинь*, *Хотынь*. Применительно к последней возможности весьма показательна вариантность *Хотыново* / *Хотеново*, *Хотынич* / *Хотеничи*, *Хотынь* / *Chateń*, ср. также наличие вар. *Хотыни* в парадигме старописьменного новг. геогр. *Хотыновичи* (см.).

Анализируя йотово-посессивную топонимию с начальным элементом *Хот-*, не стоит оставлять без внимания новг. геогр. *Хочени* дер. Озеревск. Бат. в верховьях р. Луги. В нач. XX в. этот ойконим распространялся на несколько близлежащих пунктов Самокражской вол. Новг. у.: село на руч. Безымянном и два ближайших к нему выселка [СНМНГ I, 70–71]. Пункт известен с 1500 г. как *Хоченя* сельцо Успенского Сабельского пог. Вод. пят. [НПК III, 113], позднее – *Хочени* (1539/40, 1709, 1748, 1788 гг.), *Хоченя* (1568, 1582 гг.), *Хочен* (1612 г.), *Хоченье* (1646, 1678, 1718 гг.), см. [Селин. 2003, 175, табл. 16]. За пределами Новгородской земли имеются блр. геогр. *Хочень* – два хутора неподалеку от Бобруйска + дер. у р. Ствига в окрестностях Мозыря [Vasm. RGN IX 3, 537]. Перечисленные ойконимы хорошо объяснимы как йотовые производные от вост.-слав. личн. *Хочень* севернославянского ареала. Ср. др.-польск. личн. *Chocian* [Taszycki 1925, 158], др.-чеш. *Chocen* [Svoboda 1964, 158, 269] и там же, в Чехии, топонимические образования: йотово-посессивное геогр. *Chocej* сел. – параллель к новг. *Хочени*, патронимическое *Chocenice* (дважды) [Prof. MJ II, 25]. Антропоним *Хочень* кажется вариантом (йотированным, палатализованным) более распространенного у славян личн. *Хотѣнь* (подр. о котором см. в геогр. *Хотѣнковичи*). Не совсем ясно, относится ли к этому ряду новг. геогр. *Хоченье*, дер. Любанской вол. Новг. у. нач. XX в. на р. Тигоде, лев. пр. Волхова [СНМНГ I, 36–37], которое приравнивается к первоначальной префиксальной топонимической форме с ориентирующим значением *Нахотченье* дер. 1500 г. в Ильинском Тигодском пог. Вод. пят., позднее – *Хоченье* (1539/40, 1568 гг.), *Хоченье*, *Хочение*, *Хоченья* (1585, 1615, 1646, 1678, 1709, 1718, 1748, 1788 гг.), *Хочин* (1669 г.); рядом с *Нахотченье* значилась дер. *Подхоченья* (1539/40, 1568, 1585, 1646, 1678, 1709, 1718, 1748 гг.), см. [Селин 2003, 216, табл. 19] (сегодня остался руч. *Подхоченский*, пр. пр. Тигоды немного ниже гор. Любань Лен. обл.).

Хотунь дер. в Сабельском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 155], = *Хотня* дер. «обжа пуста» под 1571 г. [НПК V, 516], отмеченная в Ген. меж. конца XVIII в. как пуст. *Хотня* к северу от оз. Глухого [Андрияшев 1914, 172]. Параллельное новг. название локализуется в Среднем Помостье: *Хотуни* дер. у р. Мсты Волоцкой вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ VI, 24–25], в конце XVIII в. на месте этой деревни была пуст. *Хотуни*, № 647 по Ген. меж. [Карт. Гарн.]. Ойконимы, обосновываются как йотовые производные от личн. *Хотунь* (по деривации, – *nomen agentis* от прасл. **xotěti*), удостоверяемого фиксацией др.-чеш. личн. *Chotún* в источнике 1436 г. [Prof. MJ II, 44–45; Svoboda 1964, 270], болг. *Хотун* до XIV в. [Заим. БИ, 233]. К данному антропониму возводится далее

древнеписьменный новг. ойконим *Хотуничи* неясной локализации, отмеченный договорной грамотой Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем 1268 г.: «А что еси, княже, отымь у Кюрили *Хотуниче*, даль еси попу святаго Михила, а городискимь попомь не пошло дани имати на новгородскомь погосте, вдаи опять» [ГВНП, 13, гр. 3; Янин 1990, 147–150]. За пределами Новгородской земли топонимические соответствия довольно часты: геогр. *Хотунь* дер. на р. Рядке в окрестностях Дорогобужа и *Хатуни* дер. на р. Вопь Духовщинского у. Смоленской губ., *Хатунь* дер. на р. Лопасня неподалеку от Серпухова Московской губ., *Хотуничи* дер. близ Городни Черниговской губ., *Фатуново* дер. при оз. Долгое в Кадниковском у. Вологодской губ. [Vasm. RGN IX 1, 368; 3, 467, 532] (последнее выступает фонетически измененным *Хотуново*), три ойконима *Chotouň* в Чехии, записанные с XIII–XIV вв. [Prof. MJ II, 44–45, 336], полаб. геогр. *Chotuhí*, откуда нем. *Gothun* в окрестностях гор. Варен в северо-восточной части Германии [Rospond 1983, 56].

Личн. *Хотунь* имело «мягкий» вариант **Хочюнь* (по-видимому, с проявлением презенсной основы др.-рус. *хотѣти*; ср. аналогичную корреляцию личн. *Хотѣнь* и *Хочень*), отраженный в двух соседящих географических названиях Успенского Сабельского пог. Вод. пят.: *Хочюня*, по источнику 1568 г. [Селин 2003, 175, табл. 16], ранее отмеченное писцовой книгой 1500 г. с искажением – *Хочюзя* [НПК III, 114], и *Хочюнюя* дер. 1500 г. [НПК III, 132], позднее – *Хочюнец* дер. 1568 г., *Хочюнец* пуст. 1788 г. [Селин 2003, 178, табл. 16], = *Хочюни* дер. + ус. на руч. Безымянном Самокражской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I, 70–71]. Ср. укр. геогр. *Хоюнь* сел. в Любешевском р-не Вольнской обл. [Шульгач 2001, 144].

Хотуча дер. Прусыногорск. Волх., ранее – дер. *Хотуча* (*Хетуча*) Новолодожского у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 3051]. Следует возвести к личн. **Хотута*, которое письменностью не зафиксировано, но легко прогнозируемо; ср., с одной стороны, имена на *-ута* (*Борута*, *Славута*, *Ходута* и др.), с другой, – многочисленные др.-слав. имена с начальным *Хот-*. Личн. **Хотута* оставило топонимические следы, среди которых блр. геогр. *Хатуча* дер. Речицкого у. Минской губ., являющееся параллелью к новгородскому ойкониму, геогр. *Хотутичи* сел. в окрестностях Ошмян Виленской губ., сюда же *Хотути* дер. на р. Медведица Беж. у. Твер. губ. на окраине бывшей Беж. пят., наконец явно позднее *Хотутинино* дер. Кинешемского у. Костромской губ. [Vasm. RGN IX 3, 532].

Котюши дер. Лоцицк. Пл. на правом берегу р. Лютой, лев. пр. Плюсы, = *Котюши* (*Котыши*) применительно к двум смежным дер. Гд. у. Петерб. губ. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37, № 1626 и 1627; Vasm. RGN IV 3, 481]. Пункт идентифицируется со средневековой дер. *Хотющи* Лоциц-

кого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 502]. Рядом, в этом же погосте, тоже под 1571 г. обозначены дер. *Хотоши*, *Конец в Хотошах* и *Хотоши-Загорье* [НПК V, 505, 506, 507, 510]; на месте последнего пункта в конце XVIII в. материалы Ген. меж. указывают пустоши *Хотяши* и *Загорье* на руч. Грязном [Андрияшев 1914, 85]. Приведенные данные позволяют говорить об этимологическом тождестве *Котоши* = *Хотоши* = *Хотоци*. Из этих форм наиболее авторитетной выглядит последняя, поскольку *Котоши* поздно появляется в источниках, а *Хотоши*, возможно, отражает достаточно регулярное изменение *щ* > *ш*, известное например, по названиям с элементом *-гош-* (из *-гощ-*). Ойконим *Хотоци* отсылает, как будто, к личн. **Хотость*; последнее прогнозируется в виду наличия антропоосновы *Хот-*, активно формировавшей др.-слав. имена, и архаической антропомодели на *-ость*. Ср. др.-польск. личн. *Milost, Jarost, Witost*, прасл. **Dobrość* (см. геогр. *Добрости*), возможно, **Lьgость* (см. геогр. *Легоща*).

Витонь (*Большая* и *Малая*) – близлежащие дер. Веряжск. Шим. у юго-западного берега оз. Ильмень, которые в нач. XX в. принадлежали Подгоческой вол. Ст. у. [СНМНГ III, 102–103]. Отождествляются со средневековыми пунктами Коростынского пог. Шел. пят.: с селцом *Витони* 1524 г., которое книгой 1499 г. письма Матвея Ивановича Валуева обозначено искаженно – *Востони*, на что обращает внимание сам переписчик, и с дер. *Витонце Меньшое* [НПК V, 394, 412]. Образовано от личн. *Витонь*; см. древнее польск. *Witoń* [SSNO VI, 133], чеш. *Vitof* с конца XII в. [Svoboda 1964, 161; Prof. MJ IV, 563]), полаб.-помор. *Viton* или *Vitof* [Schlimpert 1978, 156], серб. *Витон, Витоня* [Мор. СИ, 40]; из топонимии ср. *Витонева* дер. в окрестностях Торжка, блр. геогр. *Витон* в окрестностях Витебска [Vasm. RGN II 1, 106] и указанные А.Профусом и Я.Свободой польск. геогр. *Witonia* р. басс. Вислы, сербохорв. *Vitonja* в качестве соответствий к геогр. *Vitonice* сел. в Чехии [Prof. MJ IV, 563]. Исходной антропонимической базой новг. геогр. *Витони* почти столь же уверенно может считаться также личн. *Витань*, известное еще шире в славянском мире. Ср. др.-рус. производное *Витановичь* нач. XIII в. (патроним боярина в Галицко-Волыньском княжестве [Туп. СДЛСИ, 559]), польск. *Witan*, чеш. *Vitan* [Svoboda 1964, 157], ниж.-луж. *Witan* [Schlimpert 1978, 155], альпослав. *Vitanь* [Kronsteiner 1981, 21], серб. *Витан* [Грк. РЛИКС, 53]; из топонимии: геогр. *Witan* (< **Vitanь*) в Баварии (XIII в.) наряду с блр. геогр. *Витаны* дер. на р. Орвта Свенчанского у. бывшей Виленской губ., *Витанишки* (лит. *Vyteniškių*) дер. на белорусско-литовском пограничье, польск. *Witanowiszczynna* близ Кобрин [Vasm. RGN II 1, 106], польск. *Witanowice* [Rospond 1983, 148]

и *Witaniow* сел. [Nieskula 1971, 223], сел. *Vitanovice* в Чехии, сел. *Witanovice* в Нижней Лужице, сел. *Витановци* в Болгарии, согласно [Prof. MJ IV, 558]. Топонимические производные, обусловленные приведенными близкими именами, в некоторых случаях бывают неразличимы.

Видони дер. Вшельск. Сол. на месте одной из смежных дер. *Большие Видони* и *Малые Видони* бывшего Луж. у. Петерб. губ. 2-й пол. XIX в. [Vasm. RGN II 1, 89]. В конце XV – 1-й пол. XVI в. – дер. *Видони* (*Видонья*) Боротенского пог. Шел. пят. [НПК V, 74, 78, 312]. Обусловлено личн. *Видонъ*, ср. др.-чеш. личн. *Vidoň* [Svoboda 1964, 169] (серб. личн. *Видан* [Грк. РЛИКС, 52], по-видимому, иного, отпричастного типа). Чешский ареал дополняют еще йотово-посессивное геогр. *Vidoň* и патронимическое *Vidonice* сел. в Чехии [Prof. MJ IV, 540–541], польск. *Wudon* оз. в Повисленье [HW, 441]. Об употребительности данного антропонима в Новгородской земле отчетливо свидетельствует также геогр. **Видонково** дер. Спасского Зарецкого пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 748]: к личн. *Видонъко* < *Видонъ*.

Мстонь дер. Веряжск. Шим. на юго-западном берегу оз. Ильмень, ранее – дер. Коростынской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 68–69]. Идентифицируется с селцом *Мстоня* Коростынского пог. Шел. пят. 1499 г. (по описанию 1524 г. – селцо *Мстоня*), или, иначе, *Мстон*: «Коростыньские-жь волости крестьяня косять <...> во *Мстону* 2 пожни, да лугъ на усть Шелони реки» [НПК V, 324, 393, 397, 398, 411, 414]. К др.-новг. личн. *Мстонъ*, равному др.-чеш. *Mstoň* [Miklosich 1927, 9; Мор. СИ, 131], которое образовано глаголом **mьstiti* и суф. *-онь* (близким именем является чешское же *Mstěn*, см. [Miklosich 1927, 8]). Межтерриториальные топонимические параллели к новг. геогр. *Мстонь* не выявлены.

Велени дер. Стр.-Кр. на юго-восток от р. ц. Струги-Красные Пск. обл. По спискам селений 2-й пол. XIX и нач. XX в., – дер. *Велени* (*Вилени*, *Велены*) близ оз. *Вилени* (*Веленское*) Луж. у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 2430]. Отождествляется с селцом *Велъни* Логовецкого пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 95]. Считаю йотово-посессивным производным от личн. *Велънь*, ср. др.-чеш. личн. *Velen* (из моравского источника) и *Velena* (жен.), болг. *Велен*, *Велена*, *Велян* [Заим. БИ, 46; Илчев 1969, 106], сербохорв. *Veljan*, *Veljana* [Miklosich 1927, 8]. На новгородской территории этот антропоним отразился еще в посессивно-патронимическом названии смежных, стоявших на правом берегу Мсты деревень – **Веленицы** (*Старые* и *Новые*) вместе с ус. *Веленицы* в Лъзичской вол. Бор. у. нач. XX в. [СНМНГ VI, 54–55, 58–59] (сегодня – дер. *Виленицы Старые* и *Виленицы Новые* Вычеремск. Люб.). Данные пункты идентифицируются со средневековой дер. *Веленица* (*Воленицы*) в

пог. Богородицком на Белой Беж. пят. 1528 г. [ПКНЗ 3, 3], она же – *Веленицы* (*Велиницы*) по писцовой книге Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 855], *Веленицы* в материалах Ген. меж. 1785 г. [Карт. Гарн.]. Третий старописьменный новг. ойконим, образованный от личн. *Велѣнь*, локализуется в Жабенском пог. Дер. пят.: **Велѣницы** дер. конца XV в. [НПК I, 645], иных сведений об этом пункте у нас нет. За пределами Новгородской земли обнаруживаются: геогр. *Велени* (*Нижние* и *Горние*) – близлежащие селения в Поречьевском у. Смоленской губ., блр. *Велень* (польск. *Wieleń*) дер. и хут. Игуменского у. Минской губ. [Vasm. RGN II 1, 24], укр. *Велень* село Коростенского р-на Житомирской обл. [Гідронімія України 1981, 101], чеш. *Veľeň* сел. и там же, в Чехии, поссесивно-патронимическое *Velenice*, связанное с двумя разными пунктами [Prof. MJ IV, 489–490], *Wieleń* сел. в Польше к северо-западу от Познани и польское же геогр. *Wielenino* (*Wielenin*) сел., известное с 1290 г., см.: [Neckula 1971, 323; Rospond 1983, 146]. К этим ойконимам близко примыкает польск. геогр. *Wieluń* пункт к юго-западу от Лодзи: к др.-слав. личн. **Velunъ*, коррелирующему с *Велень*; ср. соотношение личн. *Хочень* / *Хотѣнь* и **Хочюнь*, см. геогр. *Хочюня*.

Др.-чеш. личн. *Velen* сравнивают с прасл. **vel-* (: **velikъ*, **velьbъ* ‘большой’) [Svoboda, Šmilauer 1960, 594], не отделяя от многочисленных гипокористик типа чеш. *Veľek*, *Velik* [Svoboda 1964, 308], польск. *Wilon*, *Wielec*, *Wielko* [SSNO VI / 1, 57–63] и др., соотносимых с композитами **Velimirъ*, **Velislavъ* и т. п. (см. также материал в связи с геогр. *Велилы*, ниже). На наш взгляд, предпочтительнее считать др.-чеш. личн. *Velen*, как и др.-новг. *Велѣнь*, отпричастными антропонимами, возникшими на базе прасл. **velēti*, др.-рус. *велѣти* ‘велеть, хотеть, желать’; ср. чеш. личн. *Volen*, жен. *Nezvolena* [Miklosich 1927, 8], отражающие апофонию данного глагольного корня.

Велилы сел. Велильск. Мар., ранее – крупное волостное село *Велилы* с одноименным погостом на рч. Руне Дем. у. [СНМНГ II, 12–13]. Под этим же названием село обозначено также источником нач. XIX в., см. [Неволин 1853, 178]. Впервые о данном пункте узнаем из летописного обзора древнерусских городов, составленному, по мнению исследователей, в конце XIV в.: *Велиль* в перечне «градов Залесских» по Комиссионной рукописи Новг. 1-й летописи [НПЛ, 477], или *Велил* по Воскресенскому списку летописи [ПСРЛ VII, 241]. Ясно, однако, что это укрепление на бывшем новгородско-литовском пограничье старше своей

письменной фиксации¹. В XV в. данный пункт, по-видимому, входил в волость Морева, которая платила налог («черную куну») в литовскую казну [Янин 1998, 12], позднее, в 1495 г., «волость великого князя *Велиля*» Дер. пят. описывалась отдельно, см. [НПК II, 736–784]. Деревни «*Велилской* волости» (или «въ *Велильѣ*») указаны далее писцовой книгой Торопецкого присуда 1540/41 г. [НПК II, 736–784], платежной книгой 1542/43 г. и обыскной книгой Дер. пят. 1562 г. [ПКНЗ 4, 332, 339, 491–494, 499; ПКНЗ 5, 365–375]. Под 1542/43 г. впервые отмечен *Велильский ям* [ПКНЗ 4, 492] с вероятной датой его учреждения в 1540 г. (ср. в обыскной книге 1562 г.: «... царь князь велики ямы отставил тому двадцать два года» [ПКНЗ 5, 368]); в настоящее время это дер. *Ям*, фактически представляющая собой часть современных Велил.

В парадигме не находящего межтерриториальных параллелей ойконима *Велилы* наиболее авторитетными для этимологического решения следует признать ранние варианты с мягкостью второй *л'* (*Велиль* из НПЛ, *Велиля* везде в НПК), остальные «твердые» варианты (*Велил*, *Велилы*) легко объяснимы спорадическим отвердением *л' > л*, которое после падения редуцированных прослеживается особенно интенсивно среди псковских и смоленских говоров (прекрасной иллюстрацией процесса являются, к примеру, написания в псковских рукописях XIV–XVI вв. лексем *король* вместо *король*, *того дѣла* вместо *того дѣля* ‘дья’, см. [Колесов 1980, 150]). Современное *Велилы* мн. ч. обусловлено поздней плюрализацией, прослеживаемой по многим ойконимам Новгородской земли. Первичные формы ойконимов – *Велиль*, *Велиля* – достоверно трактуются как йотово-посессивные производные от личн. *Велиль*, -о, -а. Фактическая реальность исходной антропонимической базы удостоверяется др.-болг. личн. *Велил*, жен. *Велила* [Заим. БИ, 46]. Исходное имя, в свою очередь, выступает гипокористикой, осложненной суфф. -ил- (как др.-рус. *Добрило*, *Жидило*, *Радило*, *Гостиль* и др.), на базе композита с начальным *Вел-* (к прасл. **veljъ* ‘большой, многий’); ср. засвидетельствованные польск. личн. *Wielislaw*, полаб.-помор. *Velgost*, болг. *Velegost*, польск. *Wielobor*, *Wielemyśl*. Личные имена с элементом *Вел-* были знакомы древненовгородским говорам, ср. хотя бы новг. геогр. *Велбуже* (см.) или гипокористическое личн. *Велько* из новг. бер. гр. № 475 последней четверти XIV в. [Зализняк 2004, 640].

¹ Косвенно на значительную древность Велил намекает большое количество археологических объектов близ села: две сопки, селище, жальник, курганная группа VI–IX вв. [Пам. истории и культуры Новг. обл., 123].

Йотово-посессивные топонимические образования на базе личных имен на *-илъ*, *-ило*, *-ила* нельзя признать характерными для изучаемой территории, тем не менее сомневаться в реальности их нет никаких оснований. Деривационный контекст для *Велиля* (*Велиль*) создает, в частности, такой архаический ойконим, как новг. геогр. *Радиля Гора* дер. во владыченской вол. Белой в Никольском пог. Беж. пят. 1501 г. [НПК VI, 5]. Этот ойконим Беж. пят., вкупе с новгородскими ойконимами иных деривационных моделей: *Радилово* – пункты в Свинорецком, Хмерском и Дубровенском пог. Шел. пят. конца XV–XVI вв. [НПК V, 119, 122, 158, 671, 678] и бессуффиксным геогр. *Радило* дер. Дубровенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 202] (впоследствии *Радилово* дер. у оз. *Радиловского* Порх. у. [Андрияшев 1914, 435]), – мотивирован др.-рус. личн. *Радиль*, *-о*, *-а*. Разные варианты этого имени засвидетельствованы берестяной письменностью (*Радила* в новг. бер. гр. № 442 и № 924, датированных XIII в. [Зализняк 2004, 520]) и летописями XII в.: *Радила*, боярин киевский, *Радило*, тысяцкий в Вышегороде [Туп. СДЛСИ, 388; Skulina 1974, 210]; к древнерусским данным добавляются др.-польск. личн. *Radzil* [Taszycki 1925, 58], др.-чеш. *Radil* [Svoboda 1964, 170], др.-болг. *Радил* XIV в. [Заим. БИ, 185], полаб.-помор. *Radela* и там же, в среднем течении Эльбы близ Бранденбурга, геогр. *Rädel* (< полаб. геогр. **Radiljъ*), фиксируемое с 1193 г. [Schlimpert 1978, 112]. Соответствующая восточнославянская ойконимия, известная по спискам селений XIX–XX вв., показывает свою преимущественную локализованность на Русском Северо-Западе, реже в центральных областях: новг. геогр. *Радилово* дер. Обринской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 100–101] + дер. Холм. у. Пск. губ., *Радилово* – селения Корчевского и Торжковского у. Твер. губ. + дер. на р. Яхреньга Кадниковского у. Вологодской губ. + дер. у гор. Романов-Борисоглебск Ярославской губ., *Радилы* дер. неподалеку от гор. Олонец, *Радилова* дер. Судогодского у. Владимирской губ., наконец *Радиловичи* дер. и хут. в окрестностях Мозыря Минской губ.; материал по [Vasm. RGN VII 3, 501]. Добавим к этому, что гор. Городец на Волге неподалеку от Нижнего Новгорода, основанный в сер. XII в., именовался по летописям *Городец Радилов* [Русская ономастика 1994, 49–51].

Особым вариантом новг. ойконима *Радилово* в средневековом Свинорецком пог. выступает *Радлово* дер. под 1498 г. [НПК V, 37]. Эта форма возникла благодаря синкопе заударной гласной *и*, которая реализовалась в условиях устойчивого, неподвижного ударения на основе *рад-* (ср. геогр. *Братиловичи* > *Братловичи*, см. *Бракловицы*).

Радуля дер. Свинорецкого пог. Шел. пят. 1552–1553 гг. [НПК IV, 557], ставшая к концу XVIII в. пустошью *Радули* Новг. у., согласно

материалам Ген. меж. [Андрияшев 1914, 189]. Ср. личн. *Радул* (дважды) в материалах Юго-Западной Руси 1613 г. [Демчук 1988, 79–80], др.-серб. *Радул, Радула, Радуле* [Грк. РЛИКС, 168], болг. *Радул* [Мор. СИ, 164]. Интересно, что немногим ранее, в 1539 г., дер. *Радуля* отмечена под названием *Радулово*¹, суффиксация которого более отчетливо отсылает к личн. *Радуль*. Колебание в сущности синхронных ойконимических вариантов, пожалуй, намекает на то, что в описываемую эпоху ощущалась еще живая деривационная связь данного ойконима с образовавшим его антропонимом. Кроме того, А.М.Андрияшев [Андрияшев 1914, 189] отождествляет дер. *Радулово* 1539 г. с дер. *Радилово* (*Радлово*) конца XV в. в Свинорецком пог. (см. выше); если это отождествление верно, оно отражает притяжение ойконима к разным исходным личным именам, близким фонетически и структурно. Есть еще рч. *Радуля*, лев. пр. Отни, пр. пр. Мсты, текущая из оз. *Радуля* недалеко от пос. Любытино Новг. обл., на ней дер. *Радуля* Шереховичск. Люб. Эквивалентные названия сосредоточены в украинских и белорусских землях: *Радулин* недалеко от гор. Новоград-Вольнский, *Радулина* дер. на р. Супрасль в окрестностях Соколки Гродненской губ., *Радуловичева* сел. у Александрии Херсонской губ., *Радуловка* (*Радоловка*) болгарская колония в Таврии недалеко от Бердянска, *Радуль* слобода на Днепре в окрестностях Городни Черниговской губ. [Vasm. RGN VII 3, 505], ср. также гидронимы *Радулова, Радуловачка, Радуловачки* в Сербии [Павл. ХС].

Легоща (*Легощ*) оз., 44 га, в среднем течении Мсты Турбинск. Ок., ранее отмеченное в [Шан. РЛЮ, 235] и книгами Дер. пят. конца XV–XVI вв. [НПК I, 586; ПКНЗ 4, 92; 5, 20, 21]. Топонимические параллели неоднократны в бассейне Оки: трижды *Легоща* (*Легощ*) – реки в Рязанской и Орловской обл. и на них одноименные села [Смол. ГБО, 48, 50, 184], кроме них, есть блр. гидроним *Легощ* р. поблизости от Минска и ойконим *Легоща* (*Легощ*) где-то недалеко от Пскова, см. [Агумаа 1960, 157]. Названия сопоставлялись с личн. *Легоста*, известным из Новг. 2-й летописи

¹ О том, что это один и тот же пункт, свидетельствуют данные о его владельцах. Из писцовой книги явствует, что дер. *Радулово*, Взгляди и несколько других соседящих пунктов числились в 1539 г. за сытником Игнатом Бужениновым. Согласно же описанию, проведенному через 13 лет, в 1552–1553 гг. «тѣ деревни у Игната взяты и отдѣлены Лукѣ да Злобѣ Ивановымъ дѣтемъ Карпова зѣ братьею послѣ писцовъ, лета 7051 (т. е. в 1543 г. – В.В.); и Данило съ сыномъ у Карповыхъ тѣ деревни вымѣнили противъ своихъ обежъ и владѣють по мѣновнымъ записемъ: деревня Веретя, дер. Згладово, дер. *Радуля*, дер. Городокъ» [НПК IV, 556–557].

[Агеева 1977, 215], или с личн. *Легость* [Чумакова 1992, 59]. Структуру личн. *Легость* объясняли по-разному: либо из **Льстьгость* путем сокращения первого компонента [Чумакова 1992, 59], либо соединением прасл. преф. **lě-* ‘на роу’ + *gost* [Rospond 1983, 85]. По нашему мнению, этот антропоним оптимальным образом трактуется как суффиксально-корневое прасл. **Lьgostь*, образованное с помощью суф. *-ostь* от корня **lьgь-*; ср. подобной структуры зап.-слав. (др.-польск.) личн. *Milost, Jarost, Radost, Witost* и др. [Taszycki 1925, 57]. Трактовка данного имени в соотношении с праславянскими адъективами **lьgь(jь), *lьgьkь(jь)* (в славянских языках их континуанты имеют значения ‘легкий’, ‘скорый, быстрый’, ‘приветливый, приятный’ и т. п. [ЭССЯ 17, 69, 75–79]), позволяет включить в один деривационно-этимологический ряд с геогр. *Легоицо* (*Легоица, Легоиц*) ойконим *Ильгоици*¹ дер. к северо-западу от Твери на р. Медведице, а также *Льгоша* р. в Смоленской обл., хотя последнее название авторы этимологического словаря [ЭССЯ 17, 67] считают производным с суф. *-oša* от основы прилагательного **lьgь(jь)*. Все перечисленные топонимы, полагаем, образованы от одного имени **Lьгость* / **Легость* (< прасл. **Lьgostь*), различия огласовок и появление протезы обусловлены ударностью / безударностью редуцированной гласной. Компонент **lьgo-* обнаруживается в сложениях прасл. **lьgosьrdьjь*, др.-рус. *льгосьрдый* ‘незлопамятный’, прасл. **lьgostajь*, рус. диал. *легостай* ‘ленивец; озорник; слабый, худой человек’ и др. [ЭССЯ 17, 65, 67], последнее использовалось как прозвище; ср. *Легостаевы* Несвитай и Некрас, 1596 г. [Вес. Он., 179]. Среди личных прозвищ также известны новг. *Легота, Легкой*, относившиеся к крестьянам конца XV в. в Полоновском пог. Дер. пят. и в Турском пог. Шел. пят. [НПК II, 580; IV, 61], др.-чеш. *Lhán, Lhyš* [Svoboda 1964, 278], характеризовавшие беззаботного, ленивого человека (ср. новг. диал. *лега* ‘лентяй’ [НОС 5, 11]). Особенно интересно для рассматриваемого случая личн. **Легость*, извлекаемое из отчества (патронима) *Легостин* Тимофей 1613 г., крестьянин в гор. Соль Вычегодская [Вес. Он., 179]. Показательны и новг. геогр. *Легоишково* (вар. *Леготково*) дер. Новоладожского у. Петерб. губ. 2-й пол. XIX в., *Легоишкино* дер. на р. Тагоща Бельского у. и *Легоишевский* (*Легоиши*) сел. в Глазовском у. Смоленской губ. [Vasm. RGN V 1, 89], – данные ойконимы обусловлены гипокористиками **Легоишко, *Легоишка, *Легоиша*. Учитывая способность отвле-

¹ С. Роспонд [Rospond 1983, 77] возводит это название к гибриднему антропонимическому композиту; в первой части которого *l-* основа христианского личн. *Илья*, во второй части – др.-слав. элемент *-gostь*.

ченных существительных порой становятся обозначениями конкретных лиц – носителей соответствующих качеств (ср., к примеру, ст.-рус. *злоба* > прозвище *Злоба*, откуда фамилия *Злобин*), легко допустить, что **Легость* – обыкновенное прозвище, идентичное апеллятиву, ср. рус. диал. *лёгость* ‘легкость, облегчение’ [СРНГ 16, 315]. Но равным образом можно предполагать и более глубокие, праславянские истоки личн. **Легость*, объединяя его с тем архаическим суффиксально-корневым именем **Льгость* / **Легость*, которое, на наш взгляд, восстанавливается по йотово-посессивным топонимическим архаизмам *Легоща*, *Легощ*, *Ильгощи*.

Теоретически имеет право на существование еще одна версия, трактующая личн. **Легость* / **Льгость*, давшее геогр. *Легоща*, как сокращение вероятного прасл. композита **Льгogostь*, неизбежное в силу усеечения гласной в исходе первого компонента или гаплогонии. Эта версия существенно ослабляется отсутствием элемента **lbg-* в классическом базовом корпусе древнеславянской композитной антропонимии.

Боручье местность Вод. пят. в Рождественском Солецком пог. на Волхове 1500 г., к которой относится дер. Медведевское Заречье на рч. Оломне [НПК III, 438, 493]; + **Боручье** оз., 150 га, Ок., расположенное между Валдаем и Окуловкой, райцентрами Новг. обл. [Истомина, Яковлев 1989, 119]. Названия являются йотово-посессивными образованиями от др.-рус. личн. *Боруть*, -а, удостоверяемого памятниками письменности. Ср. несколько раз прослеживаемые по ст.-укр. и ст.-блр. источникам XVI в. личн. *Борута*, *Borutha*, *Boruta* [Демчук 1988, 66]; далее у западных славян: полаб.-помор. личн. *Borut(a)* XIII в. [Schlimpert 1978, 21], др.-польск. *Borut*, *Boruta* [SSNO I, 224]; у южных славян: др.-словен. *Borut* [Kos 1886, 11]; весьма сходны с этим именем др.-чеш. личн. *Vořut*, *Vořuta* [Svoboda 1964, 166]. О популярности личн. *Боруть*, -а на новгородской территории в древнерусское время свидетельствуют, помимо **Боручье**, несколько эквивалентных топонимов. Среди них **Борутницы** местность на Ладоге недалеко от устья Волхова, указанная писцовыми книгами 1496 г. [ПКНЗ 1, 97] и 1551 г.: «Да на озере на Ладожском царя великого князя места вешние, ловят на них лещи и всякую рыбу, а ловят на них на всякую весну в *Борутницах* с осми мест» [ПКНЗ 2, 19], а также в жалованной несудимой грамоте Ладожскому Васильевскому монастырю 1624 г. [АИ III, 200]. Сюда же геогр. **Борутино** – две дер. в Дер. пят. конца XV в. (погосты Михайловский и Жабенский) [НПК I, 163, 648] и две дер. в Беж. пят. 1564 г. (погосты Петровский Борисоглебский и Волок Держков) [НПК VI, 953, 989]. Очевидно, ни одну из этих средневековых деревень не продолжает дер. **Борутино** Васильевской вол.

Тихв. у. нач. XX в. на р. Пчевже, лев. пр. Волхова [СНМНГ VII, 34–35], ранних сведений о которой мы не знаем. Кроме того, деревня с тождественным названием отмечена на юго-восточной периферии бывшей Новгородской земли – в Беж. у. Твер. губ. [СНМРИ 43, № 1199], а в средневековой Пусторжевской земле, входившей в новгородские владения, значилось, согласно писцовой книге Пусторжевского уезда 1582/83 г., село **Баруты** близ р. *Борутница* в *Боруцком* стане (по [Янин 1998, 145, рис. 6]), = пог. *Барута* на р. *Барута* в Новоржевском у. Пск. губ. 1885 г. [СНМРИ 34, № 4575]. За пределами Новгородской земли топонимические соответствия не часты: геогр. *Борутиха* дер. и *Борютино* дер., оба пункта в Кинешемском у. Костромской губ., *Баруткины* и *Баруткинской* – близлежащие пункты неподалеку от Котельнича Вятской губ. [Vasm. RGN I 2, 280; 3, 511, 515] (последние ойконимы явно позднего происхождения, полученные по фамилии *Баруткины* от уменьш. *Борутка*). Костромские факты имеют истоки, надо полагать, на новгородской территории. В Чехии есть геогр. *Borutov* [Miklosich 1927, 36], в Польше гидронимы *Boruczka* р., *Borucin* и *Borucińskie* (*Boruckie*) озера в басс. Вислы [HW, 295].

Подобно *Боручье* трактуется новг. геогр. **Борочь** дер. Карачунского пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V, 599]: на базе личн. *Борота*, удостоверяемого древними южн.-слав. антропонимиконами, ср. болг. личн. *Борота* [Заим. БИ, 30], сербохорв. *Борота* [Грк. РЛИКС, 43; LISRN, 60–61].

Чернячи дер. Полищенского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК II, 242, 267, 283]. Название является йотово-поссесивным образованием от личн. *Чернята*, которое отражается также в новг. геогр. **Чернятино** дер. Посонского пог. Дер. пят. [НПК II, 887; VI, 224, 444, 482] + пуст. в Беж. пят. [НПК VI, 502]. Удостоверяется чеш. личн. *Āernata* [Miklosich 1927, 12], ст.-укр. *Чернята*, *Черната* [Демчук 1988, 84], производным *Чернятин* Алешка, крестьянин 1642 г., Тихвин [Вес. Он., 352]. Судя по изложенным данным, имя имело хождение и в старорусский период, о чем свидетельствует и многочисленная ойконимия *Чернятино*, *Чернятин*, *Черняты*, *Чернятинская* и т. п., которая рассеяна по просторам Европейской России, Украины и Белоруссии, как следует из материалов [Vasm. RGN X 1, 123–124].

Мышлячье дер. Засыпенской вол. Бор. у. [СНМНГ VI, 40–41], сейчас – дер. Починно-Сопкинск. Бор. Название отражено материалами Ген. меж. 1780–1785 гг., № 1098 [Карт. Гарн.], но писцовая документация XVI в. его не знает. Тем не менее, топонимическая форма отсылает к отдаленной древности: по-видимому, это йотово-поссесивное производное на базе личн. *Мыслята*. Оно удостоверяется, во-первых, др.-новг.

патронимом *Мыслятиниць* в надписи № 210 (2-я пол. XII – 1-я пол. XIII в.) на штукатурке новгородского Софийского собора [Медынцева 1978, 153], во-вторых, др.-чеш. личн. *Myslata*, серб. *Mysleta* [Miklosich 1927, 80-81]. Ойконимические соответствия: *Мыслятина* дер. Корчевского у. Твер. губ., *Мышлятина* дер. в окрестностях Торжка, укр. *Мыслятин* сел. в Тарашинском у. Киевской губ. + дер. на р. Горынь Заславльского у. Вольнской губ., *Myślatycze* дер. в Галиции [Vasm. RGN VI 1, 28, 33].

Раиуча дер. Дубовицкой вол. Ст. у. на руч. Чернец, впадающем в оз. Ильмень [СНМНГ III, 52-53], сейчас – дер. Наговск. Ст. Писцовыми книгами данное название, как будто, не зафиксировано, тем не менее оно не является поздним: перед нами йотово-посессивное производное от личн. **Раиуча*. Эквивалентным ойконимом выступает название дер. **Раиутино** Боровенковск. Ок., ранее – Заозерской вол. Кр. у. [СНМНГ IV, 18-19] (= дер. *Раиутино* Черньчевицкого пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 130]) при оз. *Раиутино* и рч. *Раиутенке*¹, о которых [Шан. РЛЮ, 224]. Личное имя **Раиуча* (ср. максимально сходные с ним др.-чеш. личн. *Rachut* [Svoboda 1964, 293], др.-серб. *Рахут*, *Раиета* [Грк. РЛИКС, 171-172]) легко находит свое место среди дериватов от личн. *Рахъ*, *Раиа*, хорошо засвидетельствованных др.-слав. письменностью (подр. о них см. в связи с новг. геогр. *Рахово*, *Раишково*). Прочие межтерриториальные топонимические соответствия отмечаются у границ средневековой Новгородской земли: *Раиутино* (*Жилино*) дер. Устюженского у. Новг. губ. + дер. Старицкого у. Твер. губ. 2-й пол. XIX в. [Vasm. RGN VII 3, 550].

Борже дер. в Холмском пог. в Лазоревском стане Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 827]. Ср. личн. *Бързь* в новг. бер. гр. № 850 около XII в. и новгородские прозвища XV в. *Борзик*, *Борзой*, *Борзун* и нек. др. [Вес. Он., 45; Туп. СДЛСИ, 116] (к др.-рус. *бързыи* – ‘быстрый’); сюда же др.-польск. личн. *Barz*, *Barzu* с XII в. [SP I, 427], др.-чеш. личн. *Bržak*, *Bržoň* [Svoboda 1964, 260], болг. *Бързой*, *Бърза*, *Бързен* [Заим. БИ, 41], др.-серб. *Брз* [Грк. РЛИКС, 46]. Более поздний характер образования показывает новг. геогр. **Борзово** – дер. Дер. и Беж. пят. [НПК I, 452; VI, 165]. Геогр. **Борзово** дер. Дер. пят. [НПК I, 387] скорее всего модифицировано из первоначальной формы **Бързѣво* и восходит к архаическому личн. *Бързѣи*, ср. болг. *Бързей*, др.-серб. *Брzej* [Заим. БИ, 41; Грк. РЛИКС, 46].

Менюша сел. на рч. Струпенке Шимской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I, 110-111] (в списке отдельными пунктами значатся 1-я и 2-я половины этого села), сегодня – дер. *Менюша* Горноверетьевск. Шим.

¹ В [СНМНГ IV, 18-19] указано ошибочно: дер. *Раиутино* при оз. *Рамушено*.

Средневековая писцовая документация по Шел. пят. данный пункт, очевидно, не зафиксировала. Зато дер. *Менюши* Старопольск. Сланц. на рч. *Менюшке*, пр. пр. Долгой, лев. пр. Луги, северо-западнее оз. Самро, которая в XIX в. относилась к Гд. у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 998], отождествляется с одним из пунктов *Менюша* в Сумерском пог. Шел. пят. Такое название носили в 1498 г. сразу несколько деревень вдоль рч. *Менюша* на территории данного погоста; ср. там же и дер. *Пелеш на Менюше* [НПК V, 139]. Топоним выглядит первоначальным прилагательным, образованным от др.-рус. *мънюхъ* ‘рыба налим’; ср. современные обозначения налима: *менюх* в северо-западных говорах (смол., пск., твер., калин.), а также близкие *мень*, *менёк*, *ментуз*, *мёнух*, *мёнуш*, *мёньш*, *ментус*, *ментюг*, *ментюк*, *ментюх*, *ментик* в новг. и других говорах [НОС, 5, 81–82; СРНГ, 18, 100–112]. Однако вероятно двоякая семантическая трактовка топонима: по отношению к рыбе либо в связи с антропонимом; в зависимости от этого различной следует считать и суффиксацию. Если видеть в *Менюша* производное от обозначения рыбы, то название осмысляется как ‘налимья’, ‘налимье’: речь должна идти о старом прилагательном с суф. *-ь* относительного значения, указывавшем на речное место, где когда-то хорошо ловились налимы. Данную гипотезу, подразумевающую скорее гидроним, существенно усиливает название рч. *Менюшка (Менюша)*, которое, кстати говоря, ранее уже осмыслялось в связи с *мень* ‘налим’ [Попов 1981, 88]. Однако не менее вероятно видеть в *Менюша (Менюши)* закономерное йотово-посессивное образование от др.-рус. личн. **Мънюхъ*, раскрывающее былую принадлежность места некоему владельцу или поселенцу. Личное имя (прозвище) **Мънюхъ* (> *Менюх*) абсолютно прогнозируемо, поскольку в русских диалектах обозначение налима регулярно переносится на сонного, ленивого, малоподвижного человека. Ср. новг. диал. *мень*, *менёк* ‘налим’, но и ‘неповоротливый, ленивый человек’ [НОС, 5, 81–82]; *мень*: о неповоротливом, неуклюжем человеке (пск., новг., арх.), о ленивом человеке (пск.), о большеголовом человеке (олон.); *ментюх*: о каком-либо неповоротливом, ленивом [СРНГ, 18, 110–111], сюда же разговорное *ментюх* ‘неповоротливый, ленивый человек’. Подобная ситуация переноса, приводящая к выработке соответствующих прозвищ, имела место и в древности. По актовой письменности сер. XVI в. известен *Менюк* Гаврилов, целовальник [Туп. СДЛСИ, 305], имеется совр. новг. фамилия *Менюхов*, образованная от прозвища *Менюх*. Писцовые книги отмечают новг. ойконимы *Ментюхин*, *Менюкова Копнино* тож в Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 361, 366, 484]. Новгородский материал дополняют геогр. *Менюхов* – два хутора в окрестностях гор. Новоград-Вольнский Вольнской губ., *Менюхова* дер. Камышловского у.

Пермской губ., *Ментихи* дер. под Угличем Ярославской губ., *Мнюхи* сел. в Диснинском у. Виленской губ., возможно, и некоторые другие названия с начальным *Мен-*, см. [Vasm. RGN V 3, 525, 527, 630].

Топонимия от христианских личных имен

После христианизации Руси в 988 г. среди восточных славян стали распространяться христианские календарные личные имена. В народно-разговорной среде они подвергались фонематической и фонотактической адаптации, образуя немало вариантов, порой существенно различающихся от древнецерковных оригиналов. Процесс популяризации христианских имен и, следовательно, вытеснения языческих имен происходил длительно, в течение нескольких столетий.

Антропонимический материал новгородских берестяных грамот позволяет проследить на протяжении XI–XV столетий постепенное возрастание удельного веса христианских имен. Широкое обобщение фактического материала показывает рост примерно 20 % за столетие. Если, скажем, взять усредненные показатели доли христианских имен среди разных категорий населения, то выясняется, что в интервале XI – 1-й четверти XII в. христианские имена составляли немногим более четверти «берестяного» антропонимикона, на интервал примерно с 1125 по 1220 гг. приходится более 40 %, с 1220 по 1300 гг. – около 60 %, на XIV в. – более 80 % христианских имен (усредненные цифры получены по данным таблицы 10, приведенной А.А.Зализняком [Зализняк 2004, 213]). Процесс христианизации имен быстрее происходил в группе лиц с высоким социальным статусом (авторы и адресаты берестяных писем); среди этой категории на хронологические интервалы, обозначенные выше, приходится соответственно 41 %, 46 %, 75 % и 89 % носителей христианских имен (Там же). Произведенную выше статистическую картину допустимо считать отражением в общих чертах реальных процессов в антропонимии центральных (приильменских) древненовгородских земель.

Ранее на основе изучения древнерусских граффити Софийских соборов Киева и Новгорода было констатируется, что процесс вытеснения дохристианских личных имен и усвоения христианских происходил быстрее в Киеве, чем в Новгороде [Вуйтович 1981, 220]. Надо полагать, относительно медленный процесс христианизации именика в Новгороде связан с общей периферийностью новгородской территории, по сравнению с киевской.

Динамика христианизации древненовгородского именника в данном случае нас интересует применительно к архаической топонимии на *-jь, сложившейся до XIII–XIV вв. на базе христианских имен.

Топонимический тип личное имя христианское + *-jь представляет собой тот редкий случай, когда хронологические рамки функционирования названий определяются отчетливо – приблизительно три столетия. Нижней хронологической границей, очевидно, нужно признать конец X в., когда была введена практика давать ребенку при крещении официальное календарное христианское имя, первоначально выступавшее дополнением к языческому мирскому имени¹. Верхней границей появления таких названий служит XIII в., когда йотовая притяжательная суффиксация уходит в прошлое.

На фоне топонимии на *-jь от древнеславянских имен, композитных и префиксально-корневых, йотовые географические названия от христианских имен представлены в Новгородской земле сравнительно немногочисленными примерами. Они нередко соотнесены не столько с поселениями, сколько с атрибутами поселений (монастырь, улица, перекресток дорог, город как укрепление); йотовые посесивы выступают здесь как прилагательные, сохраняющие атрибутивную функцию, не ставшие субстантивами. Во всем этом прослеживается недооформленность подобных наименований, отчасти их случайный характер, объяснимый условиями, когда старая деривационная модель быстро теряла актуальность, а модель с суффиксацией -ов-/-ев-, -ин- становилась почти всеобъемлющей для христианских имен. Как случайные и исключительные характеризует соответствующие названия и С.Роспонд [Rospond 1983, 415]. Единичность *-jь-топонимов от христианских личных имен заметно расходится с цифровыми показателями последовательного возрастания доли христианских имен на новгородской территории в XI–XIII вв.

Рассмотрим топонимию с йотовой суффиксацией при христианских именах.

¹ Один из ранних примеров двойного имянаречения содержит известная приписка к Остромирову евангелию, написанному в Новгороде в 1056–1057 гг., в которой обозначены имена новгородского посадника: «в крещении Иосифъ, а мирьскы Остромиръ». В этом видится отзвук древнерусской диглоссии, которая со временем была преодолена применительно к антропонимической формуле тем, что во второй позиции языческое имя функционально переродилось (или – чаще – заменилось) прозвищем; ср. характерные для XIV–XV вв. стандартные антропонимические формулы типа *Иван Постник*, *Степан Зуб*, *Давыд Прибыша* и т. п.

Игначь крест – легендарное древнее урочище на Новгородской земле, место, до которого добрались татары в походе на Новгород весной 1238 г.: «Тогда же гаяшася оканьнии безбожници от Торжку Серегѣрьскимъ путем оли и до *Игнача креста*, а все люди съкуше акы траву, за 100 верстѣ до Новагорода» [НПЛ, 76, 286], но дальше к Новгороду не пошли: «...и они безбожнии въспятишася у *Игнача креста*» (по Новг. 4-й летописи). Местоположение *Игнача креста* установлено точно: урочище находилось в Яжелобицком пог. Дер. пят., о чем свидетельствует озеро с «говорящим» названием *У Игнатцова Кста*, отмеченное под 1495 г. [НПК I, 819] неподалеку от села Яжелбицы. В приправочной книге 1551 г. письма В.И.Калитина озеро обозначено как *Игнатцово во Кстах* [ПКНЗ 5, 98, 99], на современной карте – это место в Валдайском р-не, в 5 км к западу от Яжелбиц у р. Поломь, рядом находятся дер. Поломь, Кувизино, Великий двор¹. Исходный смысл топонима понятен: *Игначь крест* – ‘Игнатов крест’, позднее утвердился более привычный синонимический вариант с притяжательным суф. -ов-: *У Игнатцова Кста*. Полагают, что название указывало на каменный крест, поставленный у дороги задолго до татарского нашествия в 1238 г. Это был один из многих крестов, которые стояли в древности или еще стоят в новгородско-псковских землях [Попов 1981, 154]. Сейчас к этому можно добавить только одно: топоним явно указывал на крест, поставленный у развилки важнейших дорог. Здесь, по всей видимости, Селигерский путь от Торжка до Новгорода встречал ответвление отходящей в сторону дороги, вероятно, на юго-запад к городку Демону (причем современное шоссе от Яжелбиц до Демянска главной своей траекторией может проходить как раз по этой древней дороге), а крест служил своего

¹ Впервые точное местонахождение летописного *Игнача креста* было определено в 1914 г. Н.Мятлевым [Мятлев 1914, 338–339]. Но были и другие мнения по поводу его локализации: *Игначь крест* соотносили то с пос. *Крестцы*, уездным центром Новг. губ. (историки Татищев, Карамзин, Соловьев), то с дер. *Игнатицы* Дем. на р. Поле, то с дер. *Игнашовка* в верховьях р. Щеберехи, пр. пр. Полю в верхнем течении, то наконец с дер. *Татары* Мар. и ур. *Думова Гора* (сейчас пос. *Первомайский*) близ села Молвотицы Мар. (относительно *Думовой Горы* среди окрестного населения даже укоренилась топонимическая легенда о том, что на ней некогда остановились татары и думали, идти дальше к Новгороду или нет). Все эти мнения сейчас окончательно отвергнуты, поскольку только локализация у Яжелбиц подтверждена письменными материалами. Ср., кроме приведенных выше данных, еще упоминание оз. *Игнатцово* в материалах Ген. меж. конца XVIII в. (последнее письменное свидетельство дано по докладу А.А.Фролова «О местонахождении легендарного Игначь-креста», прочитанного на заседании Новгородского общества любителей древности 6 апр. 2003 г.). Подр. об *Игначь кресте* см. также: [Попов 1981, 154–156; Янин 2004, 205–215].

рода дорожным ориентиром или местом поклонения (первое, впрочем, не исключает второго). Превращение топонима *Игначь крест* в гидроним *Игнатцово во Кстах*, подчеркивающий местоположение озера возле «кстов», тоже намекает на перекресток; ср. в этой связи использование рус. диал. *крест, кресты, креста*, др.-рус. *крѣстьци, крѣстьць* для обозначения не только креста, но и дорожного перекрестка [СРНГ 15, 225; НОС 4, 144–145; Мурз. СНГТ 1, 311–312; СлРЯ XI–XVII 8, 41], а также многочисленные топонимы, такие как новг. геогр. *Крестцы* пос., р. ц. Новг. обл. (см.), *Кстечки, Кстищи* и др., которые обозначали селения, возникшие на развилках дорог¹.

Скнятинский (*Скнетинской*), или *Скнятин*, пог. на Шелони, многократно упоминаемый писцовыми книгами Шел. пят. конца XV–XVI вв. [НПК IV, 151, 489, 491–502, 508, 536, 538–549, 557; V, 27, 39, 40, 43, 159–162, 165, 188] и отождествленный с позднейшим пог. *Шнетин* на Шелони [Андрияшев 1914, 199], по «Столистой карте» 1800–1801 гг. – пог. *Шинятин* на правом берегу Шелони в Порх. у. [Неволин 1853, 114]. Погост находился у речного порога; ср. упоминание Введенского *Скнятинского* монастыря, «что на *Скнятинѣ* порозѣ» [НПК V, 40]. Следовательно, возникновение данного пункта, надо полагать, было продиктовано необходимостью заложить поселение, контролирующее участок, трудный для судоходства, в те времена, когда благодаря волокам Шелонь была частью водного пути от Пскова к Новгороду.

Наименования *Скнятин* погост, *Скнятин* порог скорее всего преобразованы из йотового поссесива **Скнятинь* (*Къснятинь*), который выражал принадлежность лицу по имени *Скнятинь* / *Къснятинь*; последнее является не чем иным, как устойчивой древнерусской народной формой христианского личн. *Константинъ*, греч. *Κωνσταντῖνος*, лат. *Konstantinus*. Насколько широко популярным являлось это имя в древнерусском языке (популярность его, помимо прочего, может объясняться вероятностью раннего, еще до официальной христианизации Руси, вхождения в древнерусский антропонимикон), настолько значительно оно варьировало и варьирует до сих пор своим фонетическим обликом (так, в [Суп. СРЛИ, 212] собрано до полутора десятков только совре-

¹ В древности кресты ставили еще в устьях рек для указания направления, по которому нужно следовать к волоку, или для предупреждения порогов и прочих опасностей. Может быть, в этом ряду номинаций стоит название реки *Панин крест* опять же в Валд. р-не, т. е. на территории, сопредельной с древним *Игначь крестом*. О нем говорится следующее: «Напротив Габы река в озеро впадает, *Панин Крест* называется, на крѣс-то она не похожа, не знаю, почему так называется» (валд.) [НОС 4, 144].

менных его вариантов). Вариант *Къснятинъ* (*Коснятинъ*) активно использовался среди древнерусской знати. В частности, Новг. 1-я летопись указывает пять знатных новгородцев – носителей данного имени (с. 582); фиксируют его также новг. бер. гр. № 241, 397, 411, 531, причем грамота № 397 конца XII – нач. XIII вв. дает особенно интересующий нас в данном случае йотовый посессив «*Къснятиня грамота*» [Зализняк 2004, 453, 751]. Отверждение конечной согласной *н* в названии погоста (**Скнятинъ* > *Скнятинъ*) легко объясняется «подстраиванием» под продуктивную модель ойконимов на *-ин*, таких как *Кошкин* городок близ верховьев р. Узы в Шел. пят., *Микулин* гор. и т. п. Из топонимических соответствий на иных территориях издревле известны два летописных ойконима: геогр. *Къснятинъ* (вар. *Костятинъ*, *Константинъ*, *Коснятинъ*, *Скнятинъ*), гор. в Суздальской земле, зафиксированный первый раз летописью под 1134 г. и отождествленный с позднейшим сел. *Скнятин* на Волге при устье Нерли в Калязинском у. Твер. губ. (по [Vasm. RGN VIII 2, 307], – пог. и дер. *Скнятино*, или *Рождественский*, при впадении Нерли в Волгу); геогр. *Кснятинъ* (вар. *Къснятинъ*), гор. на правом берегу р. Сулы в Среднем Поднепровье, упомянутый впервые в 1096 г., позднее ставший селом *Скнятин* в Полтавской губ., см. подр. [Роспанд 1972, 45; Нерознак 1983, 100–101]. Как Роспанд, так и Нерознак полагают, впрочем, что названия древнерусских городов на Суле и на Нерли образованы не от личн. *Къснятинъ*, а от личн. **Къснята* при помощи суф. *-инъ*. Против этого возражает Р.Мароевич, указывая в рецензии на книгу В.П.Нерознака, что вариант **Къснята* в древнерусских источниках нигде не засвидетельствован [Мароевич 1988, 185], см. еще [Мароевич 1997б, 156–157]. Стоит, однако, вспомнить имя киевского воеводы *Коснячко* в известном летописном памятнике «Русская правда» (см. [НПЛ, 582, 587]), которое, похоже, выступает гипокористической модификацией полного личн. *Къснятинъ*, предполагая способность последнего к усечению и суффиксальному оформлению. Что же касается данного конкретного наименования *Скнятина* погоста, для нас все же предпочтительнее этимологическая ориентация на исходное полное личн. *Къснятинъ* как на авторитетный, многократно засвидетельствованный вариант. Оно, в частности, со всей очевидностью извлекается также из геогр. *Скнятиново* дер. на руч. Попов и Телятник в Ростовском у. бывшей Ярославской губ. [Vasm. RGN VIII 2, 307]. Ср. еще смежные данные в связи с новг. геогр. *Скнятина* (см.).

Аркажь монастырь Успения Богородицы под Новгородом, иначе *Оркажь*, *Аркадиевский*, *Аркажский*, упоминаемый многими средневековыми источниками [НПЛ; НПК; ПКНЗ и др.], в нач. XX в. – дер. *Ар-*

кажская слобода со смежным пог. *Аркажа* Троицкой вол. [СНМНГ I, 86–87], сегодня – *Аркажи* в черте Новгорода. Название сер. XII в. от христианского имени *Аркадь* (*Аркадий*) основателя монастыря: «Съруби *Аркадь* игумень церковь святыя Богородиця Успение и състави собе манастырь» под 1153 г. [НПЛ, 29].

Бориша ул. в Русе: «...а половина того двора Васкова Смолкова з *Боришы* улицы» 1497/98 г. [ПКНЗ 1, 122] – старая «йотовая» форма от личного имени *Борисъ*. Не исключено, что *Борисъ* в данном случае имеет отношение скорее не к первопоселенцу, а к церкви в честь русских мучеников *Бориса* и *Глеба*, с которыми связано и устойчивое наименование *Боришь день* – день поминовения этих святых (см. в [НПЛ, 83]: «на канунѣ *Бориша* дни»).

Лучье Ржище дер. Ситенского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I, 587]: здесь посевив *Лучье* (переоформленный из **Луче* по типу посевсов с суф. -*ьѣ*) базируется на христианском личном имени *Лука*.

Многokrратно проявляется в топонимии йотовый суффикс при христианском личн. *Яковъ*: *Яковле* – дер. Дер. пят. [НПК I, 44, 274, 446, 463, 541, 570, 788, 882; II, 49, 61, 406, 585, 629], Шел. пят. [IV, 225], Беж. пят. [VI, 148, 183, 190, 255, 275], **Яковльская Нива** Беж. пят. [НПК VI, 368], **Яковльское** [НПК VI, 183, 416, 462], *Яковля курья* местность в Двинской земле [ГВНП, 189, 217], *Яковля* ул. в Новгороде (поздний вариант – *Яковлева*), отмеченная в древних новгородских летописях XII–XV вв. (подр. см. в гл. 7). Нужно заметить, что йотовый посевив *Яковль*, очевидно, был устойчив и в позднюю, старорусскую эпоху, а «дважды посевивная» форма *Яковлев* стабилизировались в качестве одной из самых распространенных русских фамилий.

Ивань вымол место в Новгороде, известное по Уставу Ярослава князя «о мостѣхъ» 2-й пол. XIII в. [НПЛ, 507–508]. *Ивань* – посевив от личн. *Ивань*, *вымол* (*вымоль*) – употребительный в древнем Новгороде топографический термин (см. по тому же источнику: *Немецкий вымол*, *Алфердов вымол*, *Будятин вымол*, *Матвеев вымол*) в одном из значений: ‘любое место, возвышающееся над низиной, используемое в качестве межевого знака’ или ‘намытая водой возвышенность у реки’ [СЛРЯ XI–XVII 3, 223], новг. ‘исады, пристань’ (устар.), влад. ‘яма, ров, овраг’ [СРНГ 5, 313; Мурз. СНГТ 1, 140]. Имя *Ивань*, одно из самых распространенных, имеет многочисленные йотово-посевивные отражения в топонимии славян. Таковы новг. геогр. **Иванье** дер. Нерещкого пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I, 341], а среди вненогородских параллелей: *Ивань* гор. Вольнской земли, известный по летописному перечню русских городов конца XIV в. [НПЛ, 476] (в более позднем списке, встав-

ленным в текст Воскресенской летописи, дан вариант с отвердением: *Ивань* гор. на Стыри [ПСРЛ VII, 241]); *Ивань* – сел. в Муромском и Суздальском у. Владимирской губ. и дер. на р. Сосне Малоархангельского у. Орловской губ.; *Ивань* – древний погост, бывший в низовьях Северной Двины (по данным [Насонов 2002, 93, 95 + карта]); *Ивань* – дер. и село в районе Слуцка и хут. в окрестностях Мозыря в Белоруссии; *Иванье* – пункты на Волыни неподалеку от гор. Кременец и Дубно и в Галиции [Vasm. RGN III 3, 585]; сюда же гидронимы: *Ивань* – оз. басс. Мологи, впадающее в р. *Ваня* (!) [Шан. РЛЮ, 198] + оз. в верховьях Дона: «Река Дон вытекла из *Иваня* озера» [КБЧ, 77, 118, 120]¹. В Чехии, согласно данным [Rospond 1983, 77], отмечены йотово-посессивные ойконимы *Ivaň* (дважды), *Ivaneč*.

Почти морфологическим анахронизмом выглядит геогр. *Иваньгород* гор. Новгородской земли на устье р. Наровы, = совр. *Ивангород* Лен. обл. Летописи свидетельствуют, что город был заложен весьма поздно – в 1492 г.: «Тое же весны, повелѣниемъ великого князя Ивана Васильевича, заложиша градъ камень на Нѣмецкомъ рубежи против Ругодива города Нѣмецкого, на рѣцѣ, на Наровѣ, на Дивичьи горѣ, на Слудѣ, четвероуголень; и нарече имя ему *Иваньградъ* въ свое имя» [ПСРЛ 4, 299]. В источниках XVI–XVII вв. город обычно именуется *Иваньгород* со складением обеих частей сложения, ср.: «Ивашка Холопца с *Ываня-города*», «на *Иванегородской* дороге у Вяжищъ» [ПKNЗ 1, 114, 318], «от Великого Новагорода до *Иванягорода* 150 верст», «От *Иваня* ж *города* 10 верст город Яма» и т. п. [КБЧ, 153, 154]. Если город возник в конце XV в., как трактовать сугубо архаический облик его названия, содержащего йотовую суффиксацию, которая утратилась еще в XIII столетии? Нельзя, конечно, исключить функционирования посессива *Ивань* и позднее XIII в., но здесь гораздо важнее то, что перед нами образец искусственной топонимической номинации, вообще нередкой применительно к городам. В данном случае видится искусственное использование специализированной раннедревнерусской модели на *-городъ*² с при-

¹ На самом деле из *Ивань-озера* (*Иван-озера*) вытекает не Дон, а р. Шат, пр. пр. Упы, пр. пр. Оки. Однако в старину представление об этом озере как об истоке Дона было настолько устойчивым, что повлияло на фольклорное именование последнего в казачьих песнях: *Дон Иванович* [Отин 1994, 92–94].

² В церковнославянском фонетическом «обличье» *-град* эта модель стала продуктивной в искусственной номинации городов новейшей истории: *Петроград*, *Волгоград*, *Дмитровград*, *Зеленоград* и т. п.

влечением йотового оформления *Ивань-*, авторитетного уже в силу своей былой продуктивности при именовании крупнейших древнерусских центров по именам князей (*Ярославль, Владимир, Переяславль* и др., в эту же группу входит и упомянутый *Ивань* на Волынской земле). Возможно, название города в устье Наровы имело хождение и в более привычной для старорусского периода *-ов-*суффиксации, ср. обозначение его на старинной западноевропейской карте 1695 г. в виде *Iuanogorod* ou ('или' – *B.B.*) *Ianovgorod* [Nova Scand. tab.].

Наици дер. Ермолинск. Новг., которая в досоветский период входила в Черновскую вол. Новг. у. [СНМНГ I, 98–99], рядом с деревней при железной дороге Новгород – Луга стоял пос. *Наицинский* (*Наици 2-е*), появившийся со строительством дороги в конце XIX столетия. В советскую эпоху вырос второй одноименный пос. *Наици* на 10 км ближе к Новгороду. Местные жители для различения этих пунктов именуют ближайший к Новгороду поселок *Наици 1-е*, а более отдаленный остановочный пункт – *Наици 2-е*. Ойконим *Наици* предположительно обосновывается как йотово-посессивный дериват на базе личн. *Настъ, Наста*; семантически – 'деревня Наста; принадлежащая Насту'. Имя *Настъ* следует считать одним из усеченных вариантов полного муж. *Анастасий*, старокалендарного *Анастасо*. Усечение до базиса *Наст-* хорошо знакомо в современном женском варианте данного имени: *Анастасия* > *Настя*. Сходным образом элемент *-ас-* пропадает и в муж. *Афанасий*, давшем, помимо прочих, хорошо известное усеченное *Афоня* (< *Афанас*). См. др.-польск. личн. *Nastka* [SSNO VII, 162], др.-чеш. *Nasta* [Svoboda 1964, 284], болг. муж. *Насте, Насто* XVI в., сокращенные из *Анастас* [Заим. БИ, 164], *Настка* по источнику 1150–1374 гг. («История Венгрии и ее соседей») [Мор. СИ, 134]. С этим антропонимом связаны еще новг. геогр. **Настино** дер. и особенно геогр. **Настовица** поч., известные по книге Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 378, 493]. Проявление «йотовой» замены *st* > *ц* в *Наици* свидетельствует о значительной древности названия и связанного с ним поселения. Дело, однако, осложняет наличие старописьменной фиксации пункта «в *Наицах* в *Заверяжье*» 1498 г. [НПК IV, 1], с которым отождествляется совр. дер. *Наици* [Андрияшев 1914, 6]. Но эта неясная форма нигде более не проявляется, изолирована на широком фоне межтерриториальных соответствий, что дает право объяснить ее появление ошибочным написанием.

Йотовая суффиксация, исчезнувшая в XIII в. как способ деривации, обусловила закрепление отдельных прилагательных от нарицательных обозначений лиц, таких как *епископль, посадничь, сокольничь, княжь*, давших современные историзмы *посадничий, сокольничий, княжий*.

Данные посессивы хорошо отражены древней и новой топонимией новгородских земель: *Пискупля* (*Епископля, Епископская*) ул. в древнем Новгороде, указанная впервые под 1049 г. (см.), *Посаднича Гора* (есть и *Посадникова Гора*), *Посадниче* дер., *Посадничы* оз. [НПК I, 549, 651, 652; V, 94; VI, 553], *Сокольнича* пуст. Шел. пят. [НПК V, 298], *Сокольниче* сельцо Дер. пят. [НПК II, 454, 468], *Ключничь Двор* дер. в Пречистенском Тихвинском пог. Обон. пят. 1605 г. [АИ II, 74], очень многочисленные по писцовой документации геогр. *Княжа Гора, Княже, Княжо, Княжий, Княжий Остров, Княж Стан* (перечислены по [НПК. Указ. ГН, 145]), современные новг. *Княжее Село* близ пос. Любытино, р. ц. Новг. обл., *Княжий Бор* Добротск. Кр., *Княжево* Ивантеевск. Валд., *Княжово* Яжелбицк. Валд. и др. Следует отметить, что перечисленные географические названия могут иметь весьма широкую, не только древнерусскую, но и старорусскую хронологию, поскольку основаны на устоявшихся йотово-посессивных лексемах, употребительных вне хронологии своего способа деривации.

Глава 2.

Этимологическая и этноисторическая разработка топонимии с элементами *-гощ/-гост-*

Повышенный интерес к топонимии с основами на *-гощ/-гост-* проявляли многие исследователи: [Агумаа 1960; Топоров, Трубачев 1962, 127–128 + карта 13; Загоровский 1975; Подольская 1983, 139–141; Микляев 1984; Агеева 1989, 177–181]. Знакомая всем славянским языкам, топонимия этого типа реализована в подавляющем большинстве случаев в рамках йотовой деривационной модели. Если обратиться к составу соответствующих названий на Русском Северо-Западе, выясняется следующее распределение: до 85 % названий здесь возникли по **-jь-* модели (их опознавательный признак – элемент *-гощ-*, редко *-гош-*: *Мирогоща*, *Уторгош*), остальные – по модели на *-ичи/-ицы* или путем неморфологической топонимизации (они содержат элемент *-гост-*: *Радгостицы*, *Милогость*). Целесообразно в силу значительной специфики данного класса названий на новгородской территории, рассмотреть их отдельно от иных композитных топонимов.

Среди древнеславянских антропонимических сложений личные имена со вторым компонентом *-гост-* занимают особое место. Они являются одними из самых архаических и вместе с тем частотных имен в древнеславянском антропонимиконе. В отличие от многих других структурных антропонимических моделей, модель композитов с постпозитивным *-гост-* часто включает узкоместные, изолированные элементы сла-

вянского или даже неславянского происхождения. Такие сложения отсылают к эпохе индоевропейской древности: известно, что и.-евр. **ghostis* является имяобразующим в германской, греческой и кельтской языковых семьях [Топорова 1996]. Как таковая основа *-гост-* относится к типовым, широко используемым в славянской ономастике [Šmilauer 1970, 70; Подольская 1983, 139–141].

Мощное скопление географических названий на *-гощ/-гост-* – характерная черта топонимического ландшафта центральных районов Новгородской земли. «Концентрация, не повторяющаяся нигде более во всей Европе!» – подчеркивает А.М.Микляев, посвятивший специальную статью названиям этой категории на Северо-Западе России [Микляев 1984, 27]. Составленная им карта распространения топонимов на *-гощ/-гост-* показывает выразительную кучность их к северо-западу от Ильменя, в верхнем течении Луги и Плюссы, отчасти по течению Шелони и в Южном Приильменье, небольшое скопление наблюдается в Среднем Помостье. По восточнославянским данным П.Арумаа, в Новгородской земле насчитывается 80 таких топонимов, тогда как в Поочье и на Верхнем Дону – 29, на территории бывших Ростово-Суздальской и Смоленской земель – 30, на Украине – 28, в Белоруссии и Литве – 43 названия [Arumaa 1960, 153–169].

Плотный топонимический ареал *-гощ/-гост-* требует в первую очередь этноисторического обоснования. Вместе с тем некоторые исследователи выразили сомнение в самом этимологическом единстве географических названий на *-гощ/-гост-*, предполагая неоднозначность их возникновения. Так, Н.В.Подольская [Подольская 1983, 141] пишет: «Лишь в некоторых случаях можно считать, что эти топонимы – производные от антропонимов на *-гость*, зафиксированных в памятниках, например, *Воигоща* от *Воигость*, *Радогоща* от *Радогость* <...> Материал позволяет заключить, что большая часть топонимов-композиит на *-гощ-* возникла самостоятельно в топонимии. Возможно, что первоначально эти названия были связаны или с постоянными (заезжими) дворами или с гостинными дворами, т. е. поселениями, где были торги или постоянные торговые ряды [Даль I, 387], т. е. *-гощ-* ‘гостевой’, ‘гостинный’». Р.А.Агеева также считает, что далеко не все топонимы с элементом *-гост/-гощ-* могут быть объяснены как происходящие из славянских личных имен [Агеева 1989, 179]. Одна из причин, заставляющих сомневаться в антропонимическом происхождении таких названий, обусловлена отсутствием в большинстве случаев однозначного соответствия между топонимами и зафиксированными письменностью исходными личными именами. Однако такого соответствия нельзя ожидать уже хотя бы потому, что основной корпус

письменных источников у славян начинает формироваться примерно с XII в. и позднее, когда большинство личных имен со вторым *-гост-*, активно функционировавших в I тыс. н. э., уже вышло или выходило из употребления; кроме того, письменность по определению не способна охватить всего многообразия проявлений языка, а письменные памятники, как известно, донесли до нас лишь мелкие осколки древней языковой мозаики. Поэтому не только многие названия на *-гощ/-гост-*, но и немалое количество очевидным образом квалифицируемых йотово-посессивных топонимов, бесспорно берущих начало от древнеславянских композитных имен, не находят точных антропонимических подтверждений в письменности¹, тем не менее никто не рискнет видеть в них апеллятивы, а не личные имена. Более оправданно для подкрепления ономастических этимологий перейти с уровня антропонимических композитов на уровень антропонимических компонентов. Базовые (прецедентные) основы древнеславянских личных имен комбинируются в разных сочетаниях друг с другом и способны с большей или меньшей свободой занимать и первую, и вторую позиции в антропонимическом сложении. В сущности, абсолютно достаточный контекст реконструируемому личному имени со вторым элементом *-гост-* составляют подобные композитные имена с общей первой частью. К примеру, известные у славян *Мирославъ*, *Миронегъ*, *Мирозаръ*, *Миролобъ* вполне доказывают былое существование личн. **Мирогость*, извлеченного из геогр. *Мирогоща*; при этом наличие топонимических параллелей на других территориях свидетельствует о широком функционировании личн. **Мирогость* у разных групп славян. В топонимии на *-гощ/-гост-* названия с прецедентными базовыми антропонимическими компонентами в препозиции сложений составляют большинство (по крайней мере на территории Русского Северо-Запада) и, будучи таковыми, они никак не выделяются на фоне всего остального массива йотово-посессивных топонимов от древнеславянских композитных имен.

Однако налицо и языковая специфика антропонимов, реконструируемых из топонимии на *-гощ/-гост-*: в целом они все же чаще, чем другие древнеславянские имена, содержат изолированные препозитивные компоненты, порой этимологически неоднозначные или неясные.

¹ Даже если взять, к примеру, такие «классические», самоочевидные деантропонимные названия на *-славъ*, как *Солославъ* сел. близ Ярославля, *Иеславъ* и *Ижеславъ* в Почье, выясняется, что они не поддержаны зафиксированными личн. **Солославъ*, **Ижеславъ*; последнее лишь весьма осторожно соотносят с известным по письменности личн. *Изяславъ* [Чумакова 1992, 58].

Хочется подчеркнуть: речь идет об этимологическом обосновании только антропонимов, а не топонимов. Очевидно, антропонимическая модель с постпозитивным *-гост-* обладала повышенной имяобразующей валентностью, была способна осваивать новые именные и глагольные аппеллятивные основы, в чем видится некое приближение таких личных имен к статусу индивидуализирующих прозвищ; но, в отличие от прозвищ, они, по-видимому, всегда были истинными (первыми) именами, которые давались при рождении. Собственно антропонимическая проблематика не входит в наше рассмотрение, ограничимся лишь кратким наблюдением, важным для дальнейших выводов. Способность данной модели принимать не только базовые антропонимические компоненты, но также новые аппеллятивные основы, на наш взгляд, связана со зрелостью, «обкатанностью» самой этой модели, которая, как уже отмечалось, считается одной из самых архаических. По-видимому, элемент *-гост-*, будучи в постпозиции, являлся семантически опустошенным и, по сути дела, выполнял прежде всего строевую функцию, благодаря чему препозитивный элемент нес на себе основную смысловую нагрузку. Лексические значения первых элементов были повышено актуализованы, теснее ассоциированы с носителями имен, что потребовало в конечном счете расширения круга лексических основ, привлекаемых для имянаращения. Иначе говоря, модель со вторым *-гост-* была в значительной мере окостеневшей структурой, приближаясь по типологии к моделям простых личных имен, а элемент *-гост-* превращался в суффикс, хотя и не стал им окончательно. Сходная мысль о суффиксации ранее высказывалась в отношении модели с постпозитивным элементом *-слав-*, к которому тоже с достаточной легкостью присоединялись специфические основы, но преимущественно в западнославянском антропонимиконе¹. Несколько иной ситуация была с другими моделями древнеславянских двусловных имен (в том числе с моделью с начальным *Гост-*: *Гостомысль*, *Гостимѣрь* и др.), которые показывают меньший набор привлекаемых лексических основ. В них семантическая нагрузка скорее равноправно приходилась на оба элемента, соответственно, смысловое содержание таких моделей было более конкретным, а структура более подвижной; это практически не требовало поиска но-

¹ Так, например, в польских личн. *Grzymisław*, *Rudzisław* (< *Rudolf*) элемент *-sław* рассматривался именно как суффикс, тогда как в распространенных (базовых) древнепольских личных именах типа *Stanisław*, *Bronisław* он считается полнозначным лексическим компонентом, см. [Роспанд 1962, 13 (со ссылкой на П.Зволинского)].

вых лексических ресурсов: хватало и устоявшихся базовых элементов, которые, относительно свободно комбинируясь в препозиции и постпозиции, создавали большое количество разнообразных имен. Имена типа **Любегость* (< геогр. *Любегоща*, см.) и **Гостелюбь* (< геогр. *Гостелюбле*, см.), хотя и различались внешне только местом общих компонентов, имели, на наш взгляд, существенное смысловое различие: если первое обозначало просто 'любимого' человека, то второе – человека, 'любимого гостями' или 'любящего гостей'. Таким образом, имена со вторым *-гост-* в кругу древнеславянских антропонимических композитов были семантически маркированы: они, в отличие от всех остальных, обладали более широким и общим смысловым содержанием. Включавшая нередко изолированные от базового антропонимического фонда славян лексические элементы модель личных имен со вторым *-гост-*, естественно, выглядит наиболее открытой для индивидуального имятворчества; сам подбор этих изолированных элементов не случаен: в нем чувствуется творческий замысел имядателей, направленный обычно на возвеличивание, прославление человеческих достоинств.

До сих пор нет окончательной ясности касательно оформления личных имен с постпозитивным компонентом *-гост-*: они относились к парадигме склонения муж. р. на *-*ǫ* или на *-*ĭ*? В памятниках письменности и в трудах исследователей наблюдается разноречивость в написании второго компонента. Традиционно большинство исследователей исходит из морфологического единства всех антропонимических композитов муж. р.: изменяясь по *-*ǫ*-склонению, в начальной форме они оканчивались на -*ь*, и в этом плане имена со вторым *-гост-* не составляли исключения. Однако многие письменные факты упрямо свидетельствуют об исходе *-гость* наряду с *-гость*. Ср. в древнерусских летописях написания *Воигость* 1115 г. [НПЛ, Син. и Ком. сп.], но и *Воигость* [НПЛ, Акад. и Толст. сп.], *Доброгость* Галичанин 1211 г., но и *Доброгость* Нарбутович 1497 г. (последние два примера по [Агеева 1989, 178]). Стоит отметить еще один из недавно открытых новгородских фактов: «Отъ *Домагости* къ Хотъноу» в бер. гр. № 902 конца XI – нач. XII в. [Зализняк 2004, 247] – здесь форма Род. ед. однозначно отсылает к *Домагость* *-*ĭ*-склонения; ср. также новг. геогр. *Вогостино* (подр. см. в *Вогоща*), образованное на базе композита на *-гость*, а не на *-гость*. Учитывая подобного рода свидетельства, Р.Мароевич [Мароевич 1997а, 81; 1997б, 159], например, вообще считает неправильным реконструировать *-гость* и настаивает на *-гость*, полагая, что такие имена изначально относились к основам на *-*ĭ* муж. р. Обращение, в частности, к древнепольским материалам тоже дает несколько противоречивую картину, так, многочис-

ленные фиксации популярного личн. *Dobrogost* показывают обычно исходным *-*ǫ*-склонение (ср. падежные формы *Dobrogost*, *Dobrogosta*, *Dobrogostowi*, дериваты *Dobrogostowa*, *Dobrogostow* и т. д.), но иногда отсылают к *-*ĭ*-основе; ср. *Dobrogoszcz*, *Dobrogostii*, *Dobrogościus* [SSNO I, 487–489]. На наш взгляд, двойственное «обличье» таких имен связано с процессами их переосмысления. Практически нет сомнения в том, что этимологически они не были изначально обособлены от остальной массы композитных имен, второй компонент которых, независимо от качества тематической основы, всегда оформлялся по *-*ǫ*-склонению (изначально было **Dobro-gostь*, как и **Dobro-myslь*, несмотря на **gostь*, **myslь* *-*ĭ*-склонения); только таким путем можно трактовать письменные факты типа *Доброгость*. Однако очень рано, еще в позднепраславянский период, личные имена со вторым *-gost-* подверглись влиянию употребительного сущ. **gostь*, включаясь таким образом в парадигму *-*ĭ*-склонения. О принципиальной вероятности подобного рода «подгонки» (хотя уже не под сущ. *гость*, а под модель христианских личных имен на *-ий* типа *Димитрий*) свидетельствует, к примеру, личн. *Доброгостий*, имя литовского воеводы 1399 г., или др.-польск. *Dobrogostii*, см. выше. По-видимому, ко времени появления старейших письменных памятников на древненовгородской территории господствовали уже вторично преобразованные композитные имена с «мягким» исходом на *-гость*, ибо только они практически и отражены письменностью. Поэтому, принимая в расчет соображения скорее хронологические, нежели этимологические и преследуя цель единообразия, далее будем давать оттопонимные реконструкции таких имен с исходом на *-гость*. Праславянские же прототипы др.-новг. имен будут восстанавливаться с исходом на *-gostь*, в соответствии с этимологией.

Обратимся далее к лингвистическому анализу топонимии с *-гоуц/-гост-* и антропонимии, стоящей за ней. Количество таких названий в изучаемом регионе Новгородской земли и на сопредельных территориях Северо-Запада исчисляется десятками, а не сотнями, поэтому целесообразно так или иначе вовлечь в краткое рассмотрение по возможности весь массив этих любопытных древних образований. Полезным в данном случае является список названий на *-гоуц/-гост-* на Северо-Западе России, приведенный в статье [Микляев 1984], в существенной мере нами дополненный и исправленный. Вначале рассмотрению подвергаются географические названия от личных имен, которые либо засвидетельствованы в самостоятельном употреблении у славян, либо содержат препозитивные основы базового древнеславянского антропонимического фонда, повторяющиеся в других славянских именах. Прецедентность препозитивных

компонентов создает для реконструируемого антропонима необходимый структурно-типологический контекст, не позволяющий считать антропоним актом произвольного имятворчества.

Хотигоици дер. Городецк. Вол. при р. Псиже на южном побережье Ильменя, ранее – *Хотигоица* дер. Городецкой вол. Ст. у. [СНМНГ III, 36]. Восходит к личн. **Хотѣость* с глагольной основой (прасл. **хотѣти*), активно участвовавшей в создании др.-слав. антропонимии; ср. чеш. *Chotěbud*, польск. *Chotibądz*, чеш. *Chotěbor*, польск. *Chociebor*, польск. *Chociemir*, *Chocieslaw*, чеш. *Chotěmir*, *Chotimir*, чеш. *Chotěmysl*, *Chocerad* и др. Межтерриториальными параллелями выступают геогр. *Chotohošť* в Чехии, др.-луж. *Chotehošć* (> нем. *Kordigast*) в окрестностях Лихтенфельса к северу от Нюрнберга, полаб. геогр. *Chotegošć* (сегодня – *Kirhsee*) к северу от Гамбурга и *Chotegošć* (сегодня – *Gadegast*) сел. в Северо-Восточной Германии, см. материалы: [Rospond 1983, 54–55; Агумаа 1960, 156; Мор. СИ, 201]. Скорее всего к этому ряду примыкает и геогр. *Котогоиць* (с заменой *х* на *к*) – р. в Среднем Поочье, при которой стоит село *Катагоици* Захаровского р-на Рязанской обл. [Смол. ГБО, 172; Чумакова 1992, 60–61].

Тожественную или максимально близкую антропонимическую базу содержит также геогр. **Ходгостицы** дер. Дягиленского пог. Вод. пят. на Ижорском плато [НПК III, 687; ПКНЗ 1, 102], восходящее к личн. **Хотѣость* или даже **Хотогость* с именной основой; в данном случае проявилось характерное для новгородской языковой области усечение первого члена антропонимического сложения.

Велегоици дер. Вольногорск. Бат. в истоках Луги, в нач. XX в. – дер. Тесовской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 78]. Первое упоминание под 1568 г. – *Велегоица* дер. Климентовского Тесовского пог. и Полянской вол. Вод. пят., по более поздней документации XVI–XVIII вв. прослеживаются также варианты *Велегоиц*, *Велигоици*, *Велегоици*, *Велииоца*, *Вегоица* [Селин 2003, 131, 144, табл. 8, 11]. Параллельный топоним в Новгородской земле локализуется в Южном Приильменьи, на юге бывшего Ст. у.: геогр. **Вельгоиш** [Пылаев 1929, 37], или *Вельгоишка* [Шан. РЛЛО, 138], – руч., лев. пр. Хобольки, пр. пр. Рогатки, пр. пр. Ловати. Названия возводятся к личн. *Велегость* (: прасл. **veljъ* ‘большой, великий’). Ср. личн. *Velegost* из документации поморских и полабских славян [Schlimpert 1978, 152] и др.-болг. *Велегост*, *Велигост* [Заим. БИ, 45–46], наряду с однотипными польск. *Wielomysl*, *Wielislaw*, *Wielobor* и т. д. К межтерриториальным параллелям на восточнославянской территории относятся еще *Вельгоица* р. в притоках Снова басс. Десны, *Вильгоиць* дер. близ Твери, *Вильгоица* / *Вельгоиц* сел. близ Луцка на Волини, *Велегоица* р. басс.

Оки в Подмоскowie, вероятно, *Велеговиши* дер. на Оке близ гор. Алексин Тульской обл. На западе и юге славянского мира известны: полаб. геогр. *Velegošć*, откуда нем. *Vehlgast* – два пункта на северо-востоке Германии, польск. *Wielgoszcz* оз. в басс. Вислы и там же *Wilgoszcza / Wilkoszcza* сел., *Velihost' (Vlhost')* – два пункта в Чехии, *Велгошти* оз. в Македонии близ Охрида, геогр. *Velagošti* в Албании, *Βελγώστης* (< слав. **Veligost-jь*) в Греции на полуострове Пелопоннес; по материалам: [Rospond 1983, 144–145; Агумаа 1960, 167; Топоров, Трубачев 1962, 217; HW, 257; Мор. СИ, 34; Смол. ГБО, 111; Купчинский 1981, 149; Чумакова 1992, 59].

Быть может, к личн. *Велегость* возводится также геогр. **Вылгощ** (вар. *Вилгош*) сел. на р. Медведице в Иногостицкой вол. в Каменском стане в Бежецком Верхе сер. 1570-х гг. [ПКНЗ 3, 230]. Впрочем, особенности данной топонимической формы не позволяют утвердиться в выборе исходного, мотивирующего антропонима. Скорее все-таки название соотносится с другим антропонимическим композитом: *Вол(е)гость / Вол(у)гость* (с основой прасл. **voliti* ‘велеть’ или **vol'a* ‘воля’), который утратил конечную гласную препозитивного элемента. Ср. засвидетельствованное письменностью личн. *Volgost* в области расселения полабских и поморских славян и там же наличие географических названий: *Wologoszcz* сел. на северо-западе Польши, нем. *Wolgast, Walksfelde* на северо-востоке Германии (< полаб. **Volegošć*), гидроним *Volegošć* у лужицких славян, согласно данным: [Schlimpert 1978, 159; Rospond 1983, 149]. Вместе с тем не исключено, что перед нами отчасти искаженное название, представленное сегодня в более точном облике *Ильгощи*: так именуется современный населенный пункт, тоже локализуемый на р. Медведице (подр. об *Ильгощи* см. в связи с новг. геогр. *Легоща*, гл. 1).

Мирогоща дер. Взвэдск. Ст., ранее Дубовицкой вол. Ст. у. [СНМНГ III, 50–51]. В 1501 и 1561 гг. на месте деревни писцовые книги упоминают пожню *Мирогоща* на протоке Перемять у южного берега Ильменя [Андрияшев 1914, 276]. Параллельное геогр. **Мирогоща** отмечалось в басс. р. Мологи книгой Беж. пят. 1545 г.: «д. Круглое: <...> съна на Мологе на *Мирогоще* 50 копень» в вол. *Мирогожская Дуброва* в Петровском пог. [НПК VI, 494]; в XIX в. здесь был указан пог. *Мирогожский-Покровский* (вар. *Покров Коноплино*) Весьегонского у. Твер. губ. [СНМРИ 43, № 2986]. Ойконимы восходят к личн. **Мирогость*, первый компонент которого со значением ‘мир, мирный’ продолжен в др.-рус. *Миронѣзь*, польск. личн. *Mironieg*, польск. *Mirognëv*, хорв. *Miroslav* и др. Вне новгородской территории известны: геогр. *Мирогощъ* сел. на Волыни (дважды) близ гор. Дубно и Кременец, блр. *Мирогощъ* вблизи гор. Кричев на Могилевщине, *Мирогостово* дер. Ярославской губ. в Рома-

нов-Борисоглебском у. [Vasm. RGN V 3, 571]; сюда же следует отнести геогр. *Μικροϋόζι* в Греции близ гор. Салоники (греч. *Μικρο-* «народно-этимологически» заменило слав. *Miro-*) [Rospond 1983, 94], см. еще материалы: [Agutaa 1960, 159; Мор. СИ, 126; ЭССЯ 19, 54]. Топонимический ареал раскрывает преимущественно восточнославянскую принадлежность исходного личн. **Μιρογοστъ*.

Тожественную или по крайней мере фонетически «пересекающуюся» антропонимическую базу обнаруживает геогр. *Μερογοισα* руч., лев. пр. Змейки, лев. пр. Веронды близ деревень Богданово, Кшентицы, Видогощ Новг. р-на. Название восходит если не к личн. **Μιρογοστъ*, то к личн. **Μῆρογοστъ*, которое генетически связано с прасл. **mῆr-* ‘славный’ (: герм. *mar-*) или с **mῆra* – ‘мера’. Компонент *-mῆr-*, как уже говорилось, трудно отличить от *-мир-*, однако он тоже явным образом присутствует не только в постпозиции, но и в препозиции. Ср. хотя бы польск. личн. *Mierosław*, в котором видят **mῆr-* [Rospond 1983, 92], или новг. геогр. *Μερεбужской*, *Μερεнеж*, *Μερεножка* дер. Дер. пят., соотносимые с вероятными личн. **Μῆροбудъ*, **Μῆρονῆζъ* и др. (см.).

Нежгостицы (вар. *Нежговицы*) – дер. и ус. на р. Быстрице южнее гор. Луга Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 2167, 2168], которые отождествляются с дер. *Нежгостици* в Петровском пог. Шел. пят. 1501 г. [НПК V, 341], по книге Шел. пят. 1581–1582 гг. – *Негостицы* [Неволин 1853, 79 прил.], по материалам Ген. меж. конца XVIII в. – дер. *Нежгостицы* [Андрияшев 1914, 164]. К личн. **Нῆж(и)гоств* с основной прасл. **nῆžiti*, др.-рус. *нῆжити* ‘содержать в неге’. Композитные имена с *-нῆж-/нег-* были очень популярны в древненовгородской среде; ср. др.-новг. личн. *Нῆжебудъ* в бер. гр. № 16 из Старой Руссы 1-й пол. XII в. (основа *Нῆже-* в этом имени, вероятно, отражает компаратив [Зализняк 2004, 333]), *Нῆгорадъ*, *Нῆговитъ*, *Нῆгосѣмъ*, *Нῆгожиръ* (с основной сущ. *нῆга*), не считая многочисленных гипокористик; см. материалы словоуказателя в [Зализняк 2004, 767–768].

Негоша рч., пр. пр. Веряжки, пр. пр. Веряжи, к юго-западу от Новгорода, по спискам селений нач. XX в. [СНМНГ I, 65, 67] – рч. *Негоша*; рядом в том же источнике (с. 65) дано геогр. *Ниговщина* руч., производное от *Негоща*. Гидроним многократно фиксируется отписными и оброчными книгами пригородных пожен Новгородского дворца 1535–1540 гг. в виде *Негоща*, реже *Ногоща* и даже *Гоща* [ПКНЗ 1, 322, 325, 340–342, 352, 353, 362]: «пожня за Веряжею на речке на *Негоще*» (с. 322); «пожня за *Негощею*» (с. 326); «пожня за Веряжею жар под *Ногощею* Головинская» (с. 352); «пожня Головинская в жару под *Гощею*» (с. 353), – последний вариант обусловлен случайным пропуском

на письме легко вычленяемой частицы *не-*. Кроме того, под 1498 г. писцовые документы упоминают смежную с отмеченным водоемом дер. *Ногоща* в Паозерье в Васильевском пог. Шел. пят. [НПК IV, 9; V, 292, 296, 319], с которой идентифицируется *Негоща (Воробейка)* ж. д. ст. Ракомской вол. нач. XX в. [СНМНГ I, 66], = совр. *Воробейка* дер. Григоровск. Новг. Перед нами ситуация переноса по смежности, вектор которого не вполне ясен: ойконим → гидроним или наоборот?

Вблизи Новгорода название не единично: известны еще *Негоща* ж. д. ст. севернее Новгорода, в Подберезской вол. нач. XX в. [СНМНГ I, 52–53] и *Негоща* дер. восточнее Новгорода, в Бронницкой вол. Согласно [СНМНГ I, 16–17], последняя стояла на руч. *Безьянном*, который, однако, в [Шан. РЛЮ, 216] обозначен как руч. *Негоша* пр. Мсты. Что касается р. *Нугоща*, указанной А.М.Микляевым в качестве лев. пр. Веренды [Микляев 1984, 35], то, по-видимому, здесь вкралась ошибка, поскольку все крупномасштабные карты и письменные источники по этому району знают только *Негоща (Ногоща)* рч. басс. Веряжи. Следует указать, что на периферии Новгородской земли – в Михайловском погосте в Тросных Беж. пят. – в XVI в. зафиксирована еще одна р. *Негоша* басс. Мологи [ПКНЗ 3, 116, 122].

Колебание исторических вариантов *Негоща / Ногоща* требует поиска исходной формы. Р.А.Агеева, учитывая вар. *Ногоща*, рассматривает возможность балтийской основы с префиксом *нио-* и балто-славянским корнем **gost-* (типа *Nuo-gastis*), не исключает и привлечения лит. *Negãščius* р. [Агеева 1989, 180]; последнее, впрочем, считается неясным по происхождению и словообразованию [Vanagas 1981, 226]. На наш взгляд, вар. *Ногоша* вторичен: он отражает лишь орфографическую реакцию на великорусский переход *e > o* и ударение на первом слоге, т. е. *Ногоща* = [*Н'огоща*], показательно здесь и современное произношение гидронима – *Нёгоша*. Ср. появление в берестяных грамотах написаний «*межу нобомъ и землю*», «*к ному*» (гр. № 10), «*от ного*» (гр. № 370) [Зализняк 2004, 617, 558], где слог [*н'о-*] передан буквосочетанием «*но*». Подобные примеры нестабильности орфографии легко умножить. Исходная же форма гидронима – *Негоща* – древнеславянская, восходящая, по всей вероятности, к зафиксированному личн. *Негость*, ср. др.-польск. *Niegost*, данное в словаре со знаком вопроса [SSNO I, 174], и ст.-рус. производное *Негостев*, фамилия или отчество кольского вотчинника в акте 1607 г. [АИ IV, 548]. Имя построено по известной антропонимической модели с отрицанием: чеш. личн. *Nedrah, Nelepa, Nechval* и др., польск. *Niegrod, Niemoj, Nierad* и др., др.-новг. *Несуль, Несьда, Невидь*, к ним примыкают геогр. *Несуж, Неболчи* от личных

имен с началом *He-*, см. соответствующие этюды. Из топонимических эквивалентов к новг. *Негоща* следует указать новгородское же геогр. *Некость* (= личн. *Негость*) – протока между озерами Малым и Большим Клобутицкими в верховьях Плюсы к юго-западу от гор. Луга (по карте-километровке Лен. обл.). Ранее приводились также *Негосто* оз. в басс. Шексны, *Негостово* дер. Белозерского у. Новг. губ., геогр. *Negošt'* (= нем. *Negast*) в Польше [Arutaa 1960, 159; Rospond 1983, 98]. Новг. гидроним *Некость*, как и волог. геогр. *Негосто*, согласованное в ср. р. с *озеро*, – асуффиксальная топонимизация личного имени¹.

Вторая возможность истолкования геогр. *Негоща* – возведение к др.-слав. личн. **Нѣгость*, которое дало затем **Нѣгость* (> **Негость*) в результате гаплогонии. Др.-слав. личные имена с начальным *Nĕgo-* (: прасл. **nĕga*, рус. *нега*) хорошо известны: польск. *Niegostaw*, болг. *Nĕgoslav*, чеш. *Nĕgomir*, как и образованные от них композитные топонимы, указанные в [Rospond 1983, 101], ср. и др.-новг. личн. **Нѣгость*, реконструированное по геогр. *Нежгостицы* (см.).

Будогощь пос. Кириш. на р. Пчевжа, пр. пр. Волхова; в нач. XX в. на месте современного поселка значились дер. *Большая Будогоща* и *Малая Будогоща* Васильковской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 34–35]. По-видимому, идентифицируется с дер. *Быдовца* в пог. Петровском на Пшоже Обон. пят. сер. XVI в. [ПКНЗ 2, 138]. Кроме того, на р. Пчевжа к востоку от пос. *Будогощь* ранее существовал еще один пункт с близким названием – *Бидогоща* ус. Недащевской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 86–87]. Представляется, что оба пункта некоторым образом исторически связаны, а их названия сводятся к одному личн. *Будогость*. Последнее скорее всего содержит основу прасл. **buditi*, рус. *будить* и восходит к прасл. **Budigostь*. Ср. др.-чеш. личн. *Budihost* и с другими апофоническими вариантами этого же корня – личн. *Bdihost*, *Bed(i)host*, др.-польск. *Bedgost*, *Bdzigost* (к прасл. **bъdĕti*), см. материалы: [Svoboda 1964, 72, 94; SSNO I, 115]². Среди межславянских топонимических параллелей отме-

¹ В русских диалектах встречаются лексемы *негость*, *негостья* ‘свой, семьянин, близкий человек в дому’ [Даль СЖВЯ 2, 510] – вероятные результаты апеллятивизации древнеславянского антропонима. Учитывая данный факт, геогр. *Некость*, *Негосто* можно одновременно квалифицировать и в качестве образований от этих нарицательных диалектных лексем, не обязательно относящихся к раннему времени.

² Нельзя не обратить внимания также на указанное исследователями полаб. личн. *Bandegast* [Svoboda 1964, 72], наряду с полаб.-помор. *Bqdislav*, польск. *Bedomir*, *Bqdzieciech* и др. [Schlimpert 1978, 13; SSNO I, 131]. Эти личные имена заключают основу буд. вр. **bъdĕtь*, рус. *будет*. Поэтому не исключено, что оттопонимный реконструкт **Будогость* (по геогр. *Будогощь*) генетически связан с разными корнями, которые после утраты носовых фор-

чаются: геогр. *Будагоц* под Оршей, Белоруссия, *Будагоца* (*Будоговици*) близ Тулы, *Будогоць* между Орлом и Брянском, геогр. *Budihošt* (нем. *Budigast*) у лужицких сербов, *Bedihošt'* в Чехии, *Bydgoszcz* гор. в Польше, *Bietegast* в Германии (< полаб. **Byd̥gost-jь*), *Budihošt'* в Словении (сравнительный материал по: [Агумаа 1960, 153–154; Rospond 1983, 51–52; Vasm. RGN I 3, 563; Жучкевич 1974, 40]). Расхождение финальных гласных первых компонентов, отраженное перечисленными топонимами и антропонимами, имеет, как будто, ареальный характер: на востоке славянства обычно наблюдаем *Будо-*, на западе – *Budi-* (но ср. в Чехии геогр. *Budihostice* с вариантом *Budohostice* [Prof. MJ I, 200–201]). Возможно, *o* – новая тематическая гласная, развившаяся после усечения *i*, или здесь проявляется изначальное различие образующих сложение именной и глагольной основ.

Радогоша рч., один из притоков Осьмы, пр. пр. Волхова. Упомянута в погосте Коломенском на Волхове Обон. пят. 1564 г.: «Да у Вяжиско деревни угодя за *Радогошею* рекою Сухая нива» [ПКНЗ 2, 66]. К личн. *Радогость*, встреченному и в новг. бер. гр. № 571 XII в. [Зализняк 2004, 454]. В древности являлось очень популярным именем среди всех групп славян. Помимо новгородского ареала, самостоятельные фиксации антропонима имеются в др.-чеш. (*Radohost*, *Radhost*), а также в альпослав., сербохорв., словен., болг. языках [Svoboda 1964, 83; Kronsteiner 1981, 209; Заим. БИ, 186], имя фигурирует в греческом источнике VI в.: Ἀρδαγαστος [Мор. СИ, 4] (= прасл. **Ordogostь*). Среди географических названий от этого имени в древненовгородских землях, в частности, перечислим еще: **Радогоще** дер. и оз. в пог. Егорьевском в Колгушах Обон. пят. [ПКОП, 49], = ? *Радогоца* дер. и оз. Боровщинской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 30–31], сегодня – *Радогоць* (*Радогоца*) сел. Радогощинск. Бокс. в истоках Явосьмы, лев. пр. Паши; **Радогостицы** – дер. на оз. Черное Городенск. Бат., указанная ранее писцовой книгой Вод. пят. 1500 г. в Дмитриевском Городенском пог. [НПК III, 199] (по более поздней документации прослеживаются иные варианты этого ойконима: *Радогостицы* 1582 г., *Радогостье* 1709 г., *Радоговицы* 1791 г. [Селин 2003, 154, табл. 13], *Радогосцы* сер. XIX в., *Радогостица* нач. XX в. [Vasm. RGN VII 3, 498]). Отметим еще геогр. **Радогошь** ур. в истоках р. Луги близ дер. Дубровка Вольногорск. Бат. [Личн. зап., 2004]. Не отождествляется ли это последнее с пустошью

мально унифицировались. Исторические топонимические варианты со слогом *Бы-* (*Быдовца*, *Бидогоца*, к ним и польск. *Быдогци*), как кажется, позволяют еще увереннее говорить о корне **ьod-*, знающем такое колебание, ср. *будто* и диал. *быдто*.

Радогощ, известной по источнику 1791 г. на территории Никольского Будковского пог., которая, в свою очередь, идентифицируется с дер. *Корпово-Радголье* 1500 г. [Селин 2003, 191, табл. 18]?

Указанную новгородскую топонимию дополняет очень многочисленная (более трех десятков) йотово-посессивная топонимия на базе прасл. личн. **Radogostь*, сосредоточенная на восточнославянской (Белоруссия, Северная Украина, Орловская, Брянская, Калужская, Тульская обл.) и западнославянской территории, чаще в бывшей области проживания полабских славян (см. рис. 5). Изложим сначала имеющиеся у нас восточнославянские материалы, почерпнутые в основном из публикаций [Vasm. RGN III 3, 503–504; Arumaa 1960, 162–163; Rospond 1983, 114–115; Топоров, Трубочев 1962, 126; Смол. ГБО, 34; Нерознак 1983, 145–146; Мікратопанімія 1974, 208; Шульгач 1998, 233]: геогр. *Радогощ* дер. на р. Нерусса Севского у. Орловской губ., *Радогощ (Радогощи)* дер. на р. Пина в окрестностях гор. Кобрин Гродненской губ., *Радогощ Большая и Радогощ Малая* – близлежащие пункты на притоке р. Вилии вблизи гор. Ровно и Острог Волынской губ., *Радогоща* (вар. *Редогощ*) сел. под гор. Кромы Орловской губ., *Радогоща* дер. на р. Невда неподалеку от гор. Новогрудок Минской губ. + дер. в окрестностях гор. Овруч на Волыни, *Радогощ* дер. в Карачевском у. Орловской губ. на р. *Радогощ* басс. верховой Оки, *Спас-Радогожская* пункт Дмитровского у. Орловской губ., *Радогощская Буда* (польск. вар. *Radohoszczyńska Buda*) дер. неподалеку от Овруча Волынской губ., *Радугощи (Радугощь)* дер. на р. Малая Колодня Одоевского у. Тульской губ., *Радогоще* р., пр. Брени в Галиции, *Радогощ*, или *Радогост*, *Радощ* – бывшее, еще в XVII в., название города Погар в Стародубском у. Черниговской губ. (сегодня – Брянская обл.), *Радогоще* р. в окрестностях Пинска (Белоруссия), *Радогощ* или *Рагодач* (< *Радогоща*) р. неподалеку от Калуги, *Радогоща* р., лев. пр. Ясельды в округе гор. Гродно, *Радогощ* пр. пр. Свапы, пр. пр. Сейма, лев. пр. Десны, лев. пр. Днепра и наконец, вероятно, блр. *Радохоч*, название леса в районе гор. Береза между Брестом и Барановичами. В западнославянской языковой области, по данным [Rospond 1983, 114–115; Prof. MJ III, 517–518], присутствуют такие интересующие нас топонимы, как *Radichošť* и *Radhošť* в Чехии, *Radogoszcz* четырежды в Польше, слав. *Radogošč* и др. (= нем. *Radegast*, *Rodegast*, *Radias* и др.) на территории Северной и Восточной Германии (из полаб., др.-луж., всего восемь названий), словен. *Radigošť*, откуда нем. *Tradigist*, а также словен. или чеш. **Radogostjь* (> нем. *Raabs*) на территории Австрии, наконец геогр. *Radogoš* в Албании.

Перечисленным названиям созвучно геогр. **Редогоща** дер. Сеглинского пог. Дер. пят. [НПК I, 456; ПКНЗ 5, 198] (верховья Мсты). Ойконим обосновывается личн. *Рядогость* (прасл. *Ředogostь*), находящим подтверждение в др.-чеш. личн. *Řědhost*. На разных славянских территориях обнаруживаются несколько параллельных топонимов, некоторые из них показывают пересечение с названиями типа *Редогоща*: геогр. *Редогощ* с вар. *Редогоща* дер. на р. Свапа в окрестностях гор. Кромы Орловской губ., скорее всего *Рядовошь (Редовица)* и *Редовоцинский* – смежные рч. и впадающий в нее овраг в Среднем правобережном Поочье [Смол. ГБО, 144], *Redhoszcz* сел. 1203 г. в Чехии [Prof. MJ III, 549–550], *Redgoszcz* (из прежней формы *Radogoszcz*) сел. в Польше [Rospond 1983, 114].

Миголоци дер. Миголошинск. Хв., ранее – сел. *Миголоца*, волостной центр Бор. у. [СНМНГ VI, 68–69], с которым были смежны одноименные погост и ручей; в материалах Ген. меж. 1780–1785 гг. под № 2074 значится как *Миголоцкая пустынь*, 20 дворов, на левом берегу р. *Миголоци*, это же название повторено в МОЗУ 1914 г. [Карт. Гарн.]. В НПК пункт не фиксируется. Название, затемненное метатезой *-лого- > -голо-*, восходит к личн. *Милогость*; последнее обнаружено в новг. бер. гр. № 320/337 нач. XIV в. [Зализняк 2004, 527] и хорошо известно по древним западно- и южнославянским памятникам письменности: польск. *Milogost, Milgost*, чеш. *Milihost*, полаб.-помор. *Milegost*, сербохорв., болг. *Милогост, Милгост*, см. [SSNO III, 512; VII, 154; Svoboda 1964, 79; Schlimpert 1978, 86; Заим. БИ, 152; Грк. РЛИКС, 132; Мор. СИ, 122]. Любопытно, что существует параллельный ойконим – *Миголоци* дер. на р. Медведице Кашинского у. Твер. губ. [СНМРИ 43, № 6040], охарактеризованный точно такой же слоговой метатезой. На Русском Северо-Западе личн. *Милогость* топонимически отражено также в названии руч. **Милогость** (по Ген. меж. конца XVIII в. – *Милогост*), пр. пр. Ояти в нижнем течении [СГЮВП, 67; Шан. РЛЛО, 280]. Среди неновгородских топонимических соответствий к новг. *Миголоци, Милогость* именуются: гидроним *Милогощь* пр. Пильни, пр. пр. Болвы, лев. пр. Десны [Arumaa 1960, 159; Топоров, Трубачев 1962, 124], геогр. *Milhošť* дважды в Чехии, *Milogoszcz* дважды в Польше, полаб. *Milogošě* (> нем. *Mallies*) в Германии, словац. *Mil(o)gošť* (> венг. *Miglész*) в Венгрии, *Milogošča* на востоке Балкан [Rospond 1983, 93].

Витогоци дер. на р. Хотынке, лев. пр. Мшаги, лев. пр. Шелони, упоминается во Фроловском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 37]; позднее на месте этого пункта материалы Ген. меж. конца XVIII в. под № 1096 показывают деревню со слегка видоизменившимся названием *Витогоци* на р. Хотынке [Андрияшев 1914, 30]. К личн. *Витогость*, такое имя

М.Морошкин [Мор. СИ, 41] находит в одном западнославянском (чешском?) источнике. Неподалеку от Киева отмечалось геогр. *Vitogoŕcъ* дер., а на бывшей территории полабских славян – геогр. *Vitogošć*, или нем. *Vietgast*, см. [Агумаа 1960, 167; Rospond 1983, 147].

Вогоща р., лев. пр. Тишенки, лев. пр. Шелони, фиксируется под 1539 г. [НПК IV, 245]. Правы А.И.Попов [Попов 1981, 112] и П.Арумаа [Агумаа 1960, 168], выводящие гидроним из личн. *Воегость* / *Воигость*; новгородец с таким именем упоминается летописью под 1115 г. [НПЛ, 20, 204]. Антропонимия с препозитивным компонентом прасл. **voj-* (значение ‘воин’) присутствовала в древненовгородской диалектной области; ср. личн. *Воеславъ* / *Воиславъ* в бер. гр. № 50, 509, 531 [Зализняк 2004, 720], а также личн. реконструкты *Воинѣзь*, *Воимѣрь*, обусловившие новг. геогр. *Вонѣжица* р., *Вонижицы* дер., *Воимеричи* дер. (подр. анализ этих топонимов дан в гл. 4). Личн. *Воегость* / *Воигость* далее следует извлечь из ойконима **Вогостицы** дер. Ясенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 156], = *Вагостицы* дер. и ус. в басс. Шелони Порх. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34, № 11701, 11702]; слог *Во-* в этом названии (впоследствии *Ва-* благодаря псковскому аканью) иллюстрирует сокращение препозитивного компонента: *Воје-* > *Вој-* > *Во-*, какое наблюдается и в геогр. *Вогоща* (< **Воигоща*). На оз. Селигер, на стыке Кривотынского и Волоховицкого плесов (к северу от Осташкова), лежат остров и рядом полуостров **Вайгоши**, или *Войгож* (согласно краеведческому изданию [Иванов 2003, 36]): данный ороним, очевидно, тоже обосновывается на базе личн. *Воигость*. Без всякого сомнения соотнесем с данной антропонимической базой также геогр. **Вагошика** дер. на оз. Которское Гд. у. [СНМРИ 37, № 990]. Нужно далее указать название дер. **Вогостино** Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 260] (позднее – поч. *Богоскин* 1539/40 г., пуст. *Погоскина* 1791 г. [Селин 2003, 163, табл. 13]), оформленное не характерным для имен на *-гость* притяжательным *-ин-* более поздней эпохи, – это вероятный показатель длительного употребления личн. *Воегость* на новгородской территории. Характерный для новгородских земель антропоним нашел слабое отражение в топонимии остальных частей славянского мира, где известны лишь геогр. *Воегошь* (вар. *Воегоща*, *Воегощенка*) р., лев. пр. Амоньки басс. Сейма, и на ней дер. *Воегоща Верхняя* и *Воегоща Нижняя* Рьльского у. Курской губ., укр. *Воегоще* сел. близ гор. Ковель на Волини, известное с сер. XVI в., см. [Агумаа 1960, 168; Топоров, Трубачев 1962, 126; Vasm. RGN II 1, 131; Шульгач 2001, 28; Яценко 1974, 19–20].

Любопытное личное имя на *-гость* лежит в основе названия руч. **Моглогость** басс. Оредежа к северу от пос. Ям-Тесово Луж. Данный

гидроним смежен со средневековым ойконимом *Моглогост* дер. Спасского пог. Вод. пят. на р. Оредеж 1500 г. [НПК III, 93, 97], позднее – *Моглогостье* пуст., по Ген. меж. 1788–1791 гг. [Селин 2003, 147, табл. 12]. Реконструируемое личн. **Моглогость*, по всей вероятности, отражает др.-новг. фонетический переход *dl > gl*, следовательно, исходным видится прасл. **Modlogostь*, в котором первый компонент соотносится с прасл. **modliti*, рус. *молить*. Основа **Modli-* присутствует в др.-чеш. личн. *Modliboh*, польск. *Modlibog*, др.-рус. *Молибог*, рядом с которым Роспонд видит и антропонимическую базу геогр. *Моглогость* [Rospond 1983, 95]. При корневом тождестве начальных частей прасл. личн. **Modlibogь* и **Modlogostь*, между ними налицо различие структурное: в первом композите глагольная, императивная основа (отсюда семантически – ‘пусть молит бога’), во втором – именная. Препозитивный компонент личн. **Modlogostь* родственен прасл. **modla* – термину языческого культа (ст.-чеш. *modla* ‘идол, истукан’, чеш. ‘изваяние, статуя; храм’, словац., верх.-луж. *modla* ‘идол, кумир’, ст.-польск. *modla* ‘жертвоприношение’ [ЭССЯ 19, 85]) и прослеживается в многочисленных зап.-слав. простых именах: др.-польск. личн. *Modleťa, Model, Modlo, Modlik, Modul* [SSNO III, 541–542; VII, 157]; подобные антропонимы есть также в серболужицких и чешском языках. При таком понимании семантики исходного личного имени новгородский топоним *Моглогость* выглядит реминисценцией отдаленных времен язычества.

Стогоица дер. на р. Хотынка, пр. пр. Мшаги, пр. пр. Шелони, писанная во Фроловском пог. 1498 г. [НПК IV, 38; Андрияшев 1914, 30]. Из личн. **Стоигость* (: прасл. **stojati*) с дальнейшим сокращением компонента: *Stoje-* > *Stoj-* > *Sto-*, которое наблюдается и в подобных композитных образованиях; ср. севернорусский ойконим *Стонѣгова* в документе конца XVI в. [АЮ, 295], восходящий к личн. *Стоинѣзь*, зафиксированному новгородской берестяной письменностью XII в. (гр. № 384 и Ст. Р. 36) [Зализняк 2004, 802], а также модификации личн. *Stojgněv* > *Stogněv* на поморско-полабском материале, то же в др.-польск. [Schlimpert 1978, 132], др.-чеш. *Stojmír* > *Stomír* [Svoboda 1964, 86]. Кроме того, нельзя полностью исключать и реконструкции личн. **Stagostь*, где первая часть – основа прош. вр. прасл. **stati*. В защиту такой версии говорит наличие зап.-слав. композитов: полаб.-помор. личн. *Stamer*, чеш. *Stamír*, польск. *Staslaw* [Svoboda 1964, 86; Schlimpert 1978, 131; Malec 1971, 115] (с основой наст. вр. выступают личн. *Stanimer, Stanislav*).

Людогоица ул. в Новгороде: обусловлено личн. **Люд(о)гость* (подр. см. в главе 7).

Кромегоща дер. в Заверьяже в Люболядах Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 5]. Локализована у истоков р. Веронды к северо-западу от Ильмена путем идентификации с дер. *Кромы* Черновской вол. Новг. у. [Андрияшев 1914, 5], сегодня – дер. Вольногорск. Бат. Недалеко от *Кромегоща*, в сопредельном Косицком пог. на Луге Шел. пят. 1501 г., был отмечен еще один пункт – дер. **Коромегоща** [НПК V, 348; Андрияшев 1914, 167]. Оба названия восходят к др.-слав. личн. **Кромъгость* с предложным элементом *кромъ* ‘вне, кроме’ в первой части. Ср. пересекающееся с этим именем др.-чеш. личн. *Kroměžír*, осмысляемое как ‘отдельно, снаружи живущий’ [ЭССЯ 13, 5], наряду с геогр. *Kromežiř* (сегодня – *Kroměříž*) сел. в Чехии, а также оттопонимные реконструкты: личн. **Kroměmírъ* (по нем. геогр. *Krümmel*, продолжающему древнее йотово-посессивное **Kroměmírъ* полабских славян) и личн. **Kroměžda* [Svoboda 1964, 101; Rospond 1983, 83]. Смысл личн. **Кромъгость* угадывается нечетко, однако сомневаться в былом существовании этого имени нет оснований. Преобразование *Кромегоща* в совр. *Кромы* обусловлено переразложением и усечением ойконима и сближением первой части с диал. *крема* ‘опушка леса’, ‘кромка’.

Угощи дер. Доворецкой вол. Ст. у. [СНМНГ III, 44–45] на р. Колошке, пр. пр. Шелони, сегодня – дер. *Угоща*, сливающаяся с селом Выбити Сол. Упомянута в источнике 1581–1582 гг. (*Угоща*) [Андрияшев 1914, 147]. От личн. *Угость*, префиксально-корневого имени, ср. чеш. личн. *Uhost* [Svoboda 1964, 103], а также польск. *Uciech*, чеш. *Utěch*, *Umysl* тождественной структуры. Среди межтерриториальных параллелей названия рек *Угоща*, пр. Сожа, и *Угость*, пр. пр. Десны [Agutaa 1960, 166; Топоров, Трубачев 1962, 124, 221], ойконимы и гидронимы *Ugoszcz* в трех поветах Польши [Rospond 1983, 142; HW, 429], геогр. *Úhošt’* в Чехии, с которым сравнивают раннесредневековое *Wogastisburg* в германизированной форме, засвидетельствованное латинской хроникой под 631 г. [Prof. MJ IV, 422–424; Svoboda, Šmilauer 1960, 287].

Угощи дер. Которского пог. Шел. пят. в верхнем течении Плюсы, упоминаемая в 1498 г. [НПК IV, 96], = пуст. *Уюгоща* на р. Плюссе в материалах Ген. меж. конца XVIII в. под № 1014 [Андрияшев 1914, 147]. Соотносится с личн. **Уегость*, в первой части которого основа прасл. **ujъ* ‘дядя по матери’. Этот элемент реализован в западнославянской антропонимии, хотя, в отличие от **Уегость*, обычно занимает вторую позицию; ср. польск. *Czawuj*, *Mściwuj*, *Zdziewuj*, чеш. *Bezuj*, *Milouj* и др. [Svoboda 1964, 90]. К антропонимическим сложениям с препозитивными компонентами, обозначающими родственников, ср. еще др.-новг. личн. *Братонъгъ*, *Братонъгско*, усеченно-суффиксальные *Братята*,

Братыша, известные по новг. бер. гр. № 745, 421, 410 и в бер. гр. 36 из Старой Руссы [Зализняк 2004, 714].

Антропонимом **Уегость* / **Уигость* мотивировано, по всей вероятности, также геогр. **Югостицы** – пункт Скребловск. Луж. близ оз. Черемнецкое в верховьях Луги, идентифицируемый с одноименной дер. Городенского пог. Шел. пят. [НПК V, 345]. Форма *Югостицы* модифицирована из первоначальной **Уигостицы* путем метатезы фонем начального слога *uj-* > *ju-*.

Иногоща дер. Озерковск. Ок., к юго-востоку от р. ц. Окуловка и к северу от ж. д. ст. Угловка при оз. *Иногощенском*, ранее – дер. *Иногоща* при оз. *Иногощо* Шегринской вол. Бор. у. [СНМНГ VI, 130–131]. В данной местности в конце XV – 1-й пол. XVI столетия указано только оз. *Иногоще* в Шегринском пог. Дер. пят. [НПК II, 181, 186, 224; ПКНЗ 5, 10, 11, 15], но материалы Ген. меж. 1785 г. на берегу озера уже обозначают одноименную деревню под № 540 [Карт. Гарн.]. Название идет от личн. **Иногость*, которое, кроме того, положено в основу наименования средневековой **Иногостицкой** волости в Каменском стане в Бежецком Верхе [ПКНЗ 3, 209] и гидронима **Иногощ** р., пр. Волги [НПК VI, 1058]. Из территориально отдаленных параллельных топонимов указывалось *Inogošt(a)* (вар. *Vinogošt*) сел. в Сербии [Агумаа 1960, 156; Rospond 1983, 77]. Из антропонимии известны композиты с начальным *Ино-*: др.-серб. *Иносав*, *Инослав* [Грк. РЛИКС, 100; Мор. СИ, 95], ст.-рус. *Инозем* (*Инозем* Ухов, губной староста в 1597 г. в Костроме) [Вес. Он., 128]; ср. еще оттопонимные реконструкции: личн. **Инобогъ* по геогр. *Инобож* (*Инопаж*) неподалеку от Углича Ярославской губ. и личн. **Inowłodъ* по геогр. *Inowłodź* в Польше [Rospond 1983, 141]. Учитывая вариантность приведенного выше серб. геогр. *Inogošt(a)* / *Vinogošt* (сближено с обозначением вина?), допустимо рассматривать и геогр. *Виногощье* оз. в верхнем течении Западной Двины в качестве производного от **Иногость*. По нашему мнению, первый компонент соотносится не с местоимением *иной*, а с прасл. **itъ* – ‘один’; тогда личн. **Иногость* расшифровывается в смысле ‘единственный; единственно рожденный’, ср. близкую семантику др.-рус. *иночадный* ‘единородный’, *инородец* ‘единственно рожденный’ [СлРЯ XI–XVII 6, 242, 244].

Ирогощ дер. Петергофского у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 3815], сегодня – дер. *Ирогощи* Копорск. Лом.; впервые отмечена под 1500 г.: *Ирогоще* дер. в Копорском у. в Каргальском пог. Вод. пят. [НПК III, 252]. Справедливо возведение к личн. **Ярогость* [Попов 1981, 114]. Элемент **jar-* ‘ярый, сильный, крепкий’ привычен в др.-рус. композитных именах *Ярославъ*, *Ярогълкъ*, *Яромиръ*, последнее нашло отражение в новг. бер.

гр. № 548 [Зализняк 2004, 822]. Преобразование начального слога в геогр. *Ирогощи* (< **Ярогость*) обусловлено двумя последовательными сев.-рус. переходами *ja > je* и *je > i*; к иллюстрации последнего ср. колебания топонимических вариантов *Егрейка / Игрейка, Еглино / Иглино* и т. п.

Желегоща р., пр. пр. Мсты близ Вышнего Волочка. К др.-слав. личн. *Желѣгость / Желегость*, первый компонент которого соотносится с прасл. **želēti* ‘желать, хотеть’, др.-рус. *желѣти* ‘то же’ и ‘скорбеть, оплакивать’, *желя* ‘печаль, скорбь’ [СлРЯ XI–XVII 5, 84, 87]. Имя отражено источниками: др.-польск. *Żelgościc* (патроним), др.-луж. *Żalgost* (в источнике 1381 г. *Salgast*), болг. *Желигост*, см. [SSNO VI, 361; Schlimpert 1978, 162; Заим. БИ, 104]. Не редкость межтерриториальные топосоответствия к новг. геогр. *Желегоща*, к которым относятся: ойконимы *Żeligoszcz* в окрестностях гор. Гостынин и *Żelgoszcz* близ гор. Старогард-Гданьский в Польше, а также польск. гидронимы *Żelgoszcz* оз., *Żelgoszczek* оз. и *Żelgoszczówka* р. в басс. Вислы, нем. *Sallgast* (< луж. *Żeligošt*) сел. близ пункта Луккау в Германии, геогр. *Żeligošt* славянско-го происхождения на территории Греции (давнее греч. *Ζηλεόστ*), см. [Rospond 1984, 154; HW, 445]. Каталог гидронимов Поочья [Смол. ГБО, 55] дает еще *Залегощ* (*Залегощенка*) р. близ Орла и на ней села *Верхний* и *Нижний Залегощ* (из первоначального геогр. **Жалегощ* / **Желегощ*).

Уторгоши пос., ж. д. ст. Шим. на р. Мшаге, к западу от станции расположены дер. *Большая Уторгоши* и *Малая Уторгоши*¹ Городищенск. Шим. на р. Черной, лев. пр. Мшаги. Исконными пунктами являются деревни на Черной, тогда как одноименная станция на Мшаге возникла в нач. XX в. в связи с прокладкой железной дороги Петербург-Витебск, кроме того, рядом с дер. *Большая Уторгоши* раньше числилась еще почтовая станция *Уторгоши* (карта-трехверстка). По спискам селений XIX – нач. XX в. значатся дер. *Уторгоши Большая (Уторгоши Большой)*, *Уторгоши Малая (Уторгоши Малый)* и пог. *Уторгощи*, которые относились тогда к Луж. у., см. [СНМРИ 37, № 2351 и 2354; Vasm. RGN IX 1, 347–348]. В конце XV – нач. XVI вв. писцовые книги многократно упоминают название в формах *Утрогощ*, *Утрогоще*, *Вутрогоца*, *Вутрогоще*. Эти топонимические варианты именовали то целую местность в пределах Турского пог. Шел. пят., тянувшуюся от истока р. Пакошти к устью р. Черной (ср.: «въ Турьском же погосте въ *Вутрогоще*» или «великого

¹ Закрепилось официальное написание ойконима *Уторгоши* (*Большая* и *Малая*) без мягкого знака, вопреки орфографической норме литературного языка, требующей лексемы жен. р. обязательно маркировать знаком мягкости.

князя деревни Юркиньские Захарова сына Финеева въ *Вутрогоще*»), то погост-место («Великого князя погость *Утрогощъ* на Варварской земле»), то деревню («Дер. *Утрогощъ* вопче великому князю своеземцомъ съ Демюю Захаровымъ») [НПК IV, 54, 57, 59, 60, 65, 66, 551; V, 4, 5, 74]. А.М.Андряшев, конкретизируя идентификацию средневековой дер. *Утрогощ* из [НПК IV, 57, 66] с позднейшей дер. *Малая Уторгош*, а дер. *Утрогощ* из [НПК IV, 59; V, 74] с дер. *Большая Уторгош*, вместе с тем указывает, ссылаясь на исследование Неволина, что и сама рч. Черная, на которой стояли данные населенные пункты, в древности тоже называлась *Утрогоща* [Андряшев 1914, 35, 38].

Материалы показывают, что геогр. *Уторгош* следует из раннего варианта *Утрогощъ*, который выступает онимизированным посессивным адъективом от антропонима **Утрогость*. Подобным образом трактует название пос. *Уторгош* ('принадлежащее Утрогостью') также А.М.Попов [Попов 1981, 113]. К личн. **Утрогость* имеются западнославянские соответствия. Первый компонент этого имени со значением 'утро' содержат др.-польск. личн. *Jutrowaj, Jutrowuj, Utrosz* [SSNO II, 511; V, 533], польск. *Jutrocha, Jutrosz*, др.-чеш. *Jutroň, Jutroš* [Svoboda 1964, 272; Miklosich 1927, 17]; что касается межтерриториальных параллелей к новг. *Утрогощъ*, см. геогр. *Gütergoz* (< др.-слав. **Jutrogošĕ*) на бывшей территории расселения полабских славян в Германии (рядом с Берлином) и геогр. *Jutrogoszcz*, сейчас – *Witrogoszcz* в Польше [Rospond 1983, 80, 143]. Ойконим отражает непротезированное *у* в начале слова – признак восточнославянского происхождения; ср. рус. *утро*, но польск. *jutro*, чеш. *jitro*, словен. *jútro*, сербохорв. *jutro*. Модификация *Утрогощъ* в *Уторгош* носит факультативный характер, обусловлена историческим изменением производительных норм: метатеза *-ро-* > *-ор-* реализована после появления редукции заударных гласных, преобразование конечной *щ* > *ш* является одной из черт новгородского диалектного консонантизма.

Видогощъ дер. Ермолинск. Новг. (иногда *Видогощъ* в местном произношении). В нач. XX в. в этой местности значились четыре близлежащих пункта: дер. *Базловская Видогощъ* (*Базловка*), дер. *Видогощъ* (*Боровая*), дер. *Жилая Видогощъ* и выселок *Видогощъ*, все они относились к Трясовской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 92–93]. Пункты смежны с одноименной рч. *Видогощъ* (по [Шан. РЛЮ, 506] – *Видогоща*), лев пр. Веряжи, которая впадает в оз. Ильмень. Речка указана в книге прибылых оброчных пожен Великого Новгорода 1539–1540 гг.: «Григорьевская Савкина пожня Чайцы промеж Спаских пожен с *Видогощи* реки, против *Видогощской* дороги» [ПКНЗ 1, 353] и неоднократно в двух новгородских актах, датированных 1389–1391 гг. [Янин 1991, 215]. Так, в акте

№ 107 сообщается, что земли по р. *Видогоще* и рыбные угодья отданы частично в собственность Спасскому Верендовскому монастырю: «А паозеричанамъ і веряжанам без игумена повелѣнья в *Видогощу* реку не вѣъзжати запаса добывати. А что Есифа посадника земля, и лѣсъ, і пожни его участокъ или иныхъ нашей братьи боярь по *Видогоще* реки, а в то ся чернцамъ не вступатца» [ГВНП, 164]. Права монахов Верендовского монастыря на часть угодий по р. *Видогоща* подтверждены и грамотой № 109 [ГВНП, 165–166]. О церкви «Преображение Господне на *Видогощи*» упоминает Новг. 3-я летопись в сообщении под 1407 г. [НЛ, 251]; под 1561 г. летопись сообщает: «горѣло на *Вѣдогоши* монастыри» [НЛ, 93]¹. Первоначально название *Видогоща* в данной местности могло относиться не только к реке или участку реки, например к рыбным ловищам, но и к земельным угодьям некоего владельца. Второй новгородский гидроним *Видогоща* руч. локализуется на южном побережье оз. Ильмень – в Коростынской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 69], более ранних сведений о нем нет. Помимо гидронимии, отмечены средневековые новгородские ойконимы: *Видогоща* дер. Дретонского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 250] (юго-западнее гор. Старая Русса) + дер. в Деманском у. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 552], которая, судя по описанию сопредельных пунктов, стояла поблизости от современного пос. Демянск Новг. обл.

Перечисленные географические названия обусловлены архаическим личн. *Видогость*, зафиксированным самостоятельно у западных славян: польск. *Widogost*, чеш. *Vidhost*, которое находится в ряду антропонимических композитов с начальным элементом **Vid-* (*Vidomirь*, *Vidoslavь* и др.). Топонимические параллели есть на других территориях (см. рис. 5): геогр. *Видогоща* дер. и оз. в районе Твери, Корчевский у., *Видогощ* р. басс. Свислочи близ Минска [Агумаа 1960, 167], геогр. *Vidhošť* и *Vidhostice* в Чехии, *Widogoszcz* (*Wydgoszcz*) сел. в Польше к юго-западу от Лодзи, луж. *Vidogošć* (нем. *Wedegast*) в Германии недалеко от Магдебурга [Rospond 1983, 147; Svoboda 1964, 91; Prof. MJ IV, 538–539].

Домагоща водоем в верховьях Лиди, лев. пр. Чагоды, при котором стояла дер. «на *Домогоще* на бору» Егорьевского пог. в Койгушах

¹ Приправочная книга 1551 г. при описании Рютинского пог. Дер. пят. (территория близ оз. Пирос к югу от гор. Боровичи) сообщает о пунктах *Видогощи* («А земля в том поместье в дву деревнях в *Видогощах* добра»), принадлежавших Дербышу и Федку Отяевым [ПКНЗ 5, 207]. Эта же книга страницей ранее указывает, что Дербыш и Федко Отяевы владели поместьями не только в Рютинском, но и в Сутоцком погосте Шел. пят. (Там же, с. 206). Следовательно, надо полагать, упомянутые *Видогощи* скорее имеют отношение именно к Сутоцкому погосту, где локализируются р. *Видогощ* и одноименные деревни, хорошо известные по целому ряду других исторических документов.

Обон. пят. конца XV – 1-й пол. XVI в. [ПКОП, 51]; под этим же названием указывалось еще озеро в басс. Мологи [Неволин 1854, 256]. К архаическому личн. *Домагость*, которое удостоверяет новг. бер. гр. № 902 конца XI – нач. XII в. [Зализняк 2004, 733] и зап.-слав. письменный источник: др.-чеш. *Domahost* [ЭССЯ 5, 67]. Ср. др.-рус. геогр. *Домагошь* гор., упоминаемый Ипатьевской летописью под 1147 г. [ПСРЛ II, 342] (по мнению некоторых исследователей, это др.-рус. поселение следует локализовать неподалеку от Брянска и Карачева, см. [Насонов 2002, 203]). Согласно П.Арумаа, топоним *Домагошь* известен еще в Тульской губ. [Арумаа 1960, 155].

Диговоци дер. на р. Ямнице Рахинской вол. Кр. у. нач. XX в. [СНМНГ IV, 88–89]; в настоящее время считается исчезнувшей, однако сохранилось название смежного с бывшей деревней руч. *Диговоца*, пр. пр. Ямницы, пр. пр. Поломети, пр. пр. Полы. Идентифицируется с парой близлежащих средневековых деревень, именуемых *Дивогоца* и описанных в Листовском пог. Дер. пят. книгой 1538/39 г. [ПKNЗ 4, 147]. Писцовая книга Дер. пят. конца XV в. знает еще дер. *Дивогоца* в сопредельном Локоцком пог., лежавшем к северо-востоку от Листовичей [НПК II, 38]. Название, испытавшее метатезу срединных слогов, образовано от др.-слав. личн. **Дивогость*. Первая часть антропонима, связанная с корнем **div-* (*дивный*), находит контекст в др.-польск. личн. *Dziviogor*, *Dziwislaw* [SSNO I, 576], чеш. (морав.) *Divislav* [Мор. СИ, 70] (от основы глагола **diviti* ‘удивлять’), др.-рус. *Дивей* [Суп. СРЛИ, 167].

Коегоца дер. Сушанск. Бор. на р. Мсте под гор. Боровичи, в нач. XX в. числилась в Новоселицкой вол. [СНМНГ VI, 90–91]. Идентифицируется с дер. *Коегоц* Петровского Борисоглебского в Боровичах пог. Беж. пят. сер. XVI в. [НПК VI, 930, 944], рядом с дер. значится оз. *Коегоц* [ПKNЗ 5, 43]. Эти названия позволяют реконструировать личн. **Коегость*, к первому компоненту которого ср. личн. *Kou* – имя или прозвище новгородца сер. XVI в. в бер. гр. № 263 (в источнике: «оть Терѣнтея оть *Коя*» – ‘от Терентия *Коя*’ [Зализняк 2004, 609]). Среди инославянских соответствий нужно прежде всего указать др.-чеш. антропонимический композит *Kojeslav*, из простых личных имен известны др.-чеш. *Koj*, полаб.-помор. *Kojt*, др.-польск. *Koya*, *Koyan*, *Koyasz*, *Koyek*, южн.-слав. *Kojata*, *Kojan*, серб. *Kojić*, болг. *Койка*, *Койко*, *Койна*, *Койнак*, чеш. геогр. *Kojetice* и др., см. материалы: [Svoboda 1964, 49; SSNO III, 45; Schlimpert 1978, 63; Илчев 1969, 262; Мор. СИ, 101; Miklosich 1927, 66; Бучко 1994, 117]. Перечисленные имена продолжают основу прасл. глагола-каузатива **kojiti* ‘успокаивать, унимать’, соотносимого с рус. *почить*, *покой* и т. д., см. [SP I, 56–57; II, 329; Славский 2000, 153–157].

Чагоша дер. Березского пог. Шел. пят. 1501 г. к северу от Порхова [НПК V, 307], = *Чагищи* пуст. конца XVIII в. на р. Черной, согласно Ген. меж., № 298 [Андрияшев 1914, 46]. А.И.Попов [Попов 1981, 114] возводит *Чагоша* к личн. **Чаегость*, но скорее нужно к *Чагость*, которое удостоверяется др.-болг. личн. *Чагост*, известным с VI в. [Заим. БИ, 241–242]. Данное имя соотносится по первому компоненту с др.-чеш. *Četysl*, др.-болг. *Чаславъ* и др., которые в [ЭССЯ 4, 10, 16, 27] считаются композитами с корнем глагола **čajati* ‘ждать, ожидать’. В Новгородской земле максимально близким названием выглядит геогр. **Цехоща** пуст. Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 271], которое можно обосновать первоначальной топонимической формой **Чегоща*, испытавшей цоканье и смешение согласных *z* / *x*; вопрос, правда, отчасти усложняет название пуст. **Шахоща** в этом же погосте [НПК III, 246], если рассматривать его вариантным к *Цехоща*. За пределами новгородской территории имеются: геогр. *Чагоща* дер. в Подмосковье недалеко от Можайска [Агумаа 1960, 154], *Čagošt* у лужицких сербов, *Čagošča* в Албании; сюда же отнесены геогр. *Čihošt'* (дважды) и *Čahostice* в Чехии, отражающие вариантность общего прасл. корня **ča-* / **čě-* (> чеш. **či-*) в исходном личном имени [Rospond 1983, 58; Prof. MJ I, 260]. Заметим, что колебание корневого элемента *Ча-* / *Че-* показывает и новгородская топонимия, знающая не только *Чагоща*, но и *Цехоща* / **Чегоща*, не только *Чанеж* дер. Шел. пят. [НПК V, 119], но и *Ченежо* дер. Вод. пят. [ПKNЗ 1, 103], отсылающие к личн. **Чанѣзь*, **Ченѣзь* (см). Видимо, это колебание в определенной мере определяется наличием вариантов прасл. **čakati* и **čekati* ‘ждать’, несмотря на то, что этимологическое родство этих глаголов с **čajati* отрицается [ЭССЯ 4, 13, 36].

Чagodоща р., лев. пр. Мологи, протекающая на восточной периферии рассматриваемого нами региона. По М.Фасмеру [Фасм. ЭСРЯ IV, 310], – темное слово. Однако следует учесть историческую форму данного гидронима – *Чадогощь*, сохраненную писцовой документацией Беж. пят. [НПК VI, 1071, 1072]; последняя заставляет думать о том, что совр. *Чagodоща* было получено путем метатезы из раннего *Чадогоща*, которое, на наш взгляд, приемлемо объясняется на базе архаического слав. композитного имени **Чадогость* (прасл. **Čędogostь*, к **čędo* – ‘дитя, infans’). Первый компонент находит др.-слав. антропонимические подтверждения: болг. личн. *Чедомир* и усеченное от него *Чедо* XVI в. [Заим. БИ, 242], сербохорв. *Čedomil*, *Čedomir*, чеш. *Čadek*, *Čád(a)*, польск. *Czada*, *Czadera*, *Czadkowic* [Svoboda 1964, 73; Rospond 1983, 58]; ср. также оттопонимные реконструкты: др.-новг. личн. **Любочадъ*, **Милочадъ*, **Дорогочадъ* (см. выше комментарии к новг. геогр. *Любочажжа*, *Мелечажжа*, *Дорогачижж*).

Трактовка гидронима *Чагодоца* на базе архаического личн. **Чадогость* отчасти затруднена наличием смежного и созвучного гидронима *Чагода*, лев. пр. *Чагодоци*. Уверенных этимологических решений для геогр. *Чагода* пока не находится, деривационная связь его с *Чагодоца* далеко не очевидна; вместе с тем не исключено, что метатеза *Чадогоць > Чагодоца* была спровоцирована именно наличием смежного *Чагода*. Отметим, что геогр. *Чагодоца* находит межтерриториальную параллель в Среднем Поволховье, где источник 1540 г. единожды фиксирует «поч. Дружев на рч. **Чагодошии**» в Рождественском Солецком пог. Вод. пят. [Селин 2003, 264, табл. 26].

Тягуце дер. Ясковск. Дед. в верховьях Шелони. Предполагаем в исходе личн. **Тягость*, которое могло стать результатом развития прасл. **Tegogostь* (если с основой имени, ср. прасл. **teгь*, **teга*, рус. *тяга*) или **Tegagostь* (если с основой глагола, ср. **teгати*, рус. *тягать*). Сокращение антропонимического композита в подобных случаях закономерно, оно прослеживается на материале ряда географических названий на *-гоц/-гост-* (см. *Дорогощцы*, *Легоцо* и др.) и обусловлено характерным др.-новг. усечением конечной гласной в первой части сложения или простой гаплогонимией *-гого-* > *-го-*. На базе личн. **Тягость*, думаем, нужно трактовать также сопредельный с *Тягуце* ойконим **Тигоици** (из **Тягоци*, к личн. **Тягость*), который прикреплен к двум деревням в Бежаницком и Локнянском р-нах Пск. обл. Иначе интерпретируют ойконим *Тигоици* П.Арумаа, а за ним С.Роспонд: они видят за ним композитное имя **Тихогость* (ориентируясь на распространенные у южных славян *Tichomir*, *Tichomil*, *Tichodrag*), откуда геогр. **Тихогоци* и далее путем сокращения – *Тигоици* [Арумаа 1960, 165; Rospond 1983, 138]. Не исключено, что данную антропонимическую базу заключает еще геогр. **Тъзосца** дер. в Михайловском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I, 170]: через промежуточную форму **Тягостьца* его допустимо возвести к личн. **Тягость* (хотя здесь возможны и иные объяснения).

Прасл. личн. **Tegogostь* (> **Тягость*), реконструируемое по геогр. *Тягуце*, *Тигоици*, обнаруживает по препозитивному компоненту ближайшие аналогии с западно- и южнославянскими ономастическими фактами. Среди них зафиксированное древнепольской письменностью личн. *Tegomir*, *Tegoborski* [SSNO V, 440], сербохорв. *Tugomer*, оттопонимные реконструкты: личн. **Togoborь* (из польск. геогр. *Tegoborz* и морав. *Tuhoborь*) и особенно **Togogostь*, выводимое из чеш. геогр. *Tuhohošt*, *Tuhošt'* [Rospond 1983, 136]. Различие огласовок корня **teг-*/**tog-* вряд ли влияет на смысловое наполнение его дериватов, манифестирующих общую идею силы, опоры, крепости.

Дорогостицы дер. Горск. Сол. на рч. Леменке, пр. пр. Шелони, ранее относилась к Порх. у. Пск. губ. [СНМРИ 34, № 11205]. Название обозначено и на старых картах XIX в. (3-верстка, 10-верстка). Писцовые книги его не указывают, но в более раннем источнике – новгородской рядной грамоте сер. XV в. фигурирует ойконим *Дорогостицы* («А потомъ не вступатся <...> ни на Шолони в болшей дворъ, <...> ни на Подубровьи, ни в *Дорогостицы*, ни на Короцины, ни на Пшаги» [ГВНП, 181, гр. № 122]), который при помощи других топонимов, перечисленных грамотой и сохранившихся до наших дней, несомненно отождествляется с совр. *Дорогостицы*. Написание «*Дорогостицы*», безусловно, искаженная передача названия, которое легко выводится из личн. *Дорогость* (прасл. **Dorgogostь*), пережившего гапологию (-*gogo-* > -*go-*) или усечение гласной первого компонента с последующим стяжением (-*gogo-* > -*g(ь)go-* > -*go-*); эти изменения скорее всего произошли еще на дотопонимическом уровне. Вост.-слав. личн. *Дорогость* (< прасл. **Dorgogostь*) соответствует др.-польск. имени *Drogost* [SSNO I, 523] и зафиксированному документом 1374–1382 гг. др.-луж. *Drohost* [Schlimpert 1978, 45]¹. Данный антропоним находит законное место в ряду известных по бер. гр. № 398 и Ст. Р. 16 композитных личн. *Дорогобудь*, *Дорогонѣзь* [Зализняк 2004, 734], вост.-слав. *Дорогомил*, южн.-слав. *Драгомил*, *Драголюб*, *Драгомир*, *Драгослав* [Суп. СРЛИ, 171–172] и т. д., кроме того, он отложился в нескольких географических названиях Северо-Запада. Таково название совр. дер. **Дорогощи** южнее Бокситогорская Лен. обл., которая в нач. XX в. отмечена на руч. Зубакинском Анисимовской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 10–11] и соотносится со средневековым пунктом пог. Михайловского на Черной Обон. пят. – дер. *Дорогоща* 1495 г., близ которой была дер. *Дорогоща-Вяткино* [ПКНЗ 1, 144] (книга Обон. пят. 1582–1583 гг. указывает на их месте дер. *Дорогощи* и *Дорогоща-Подгорье-Холм*, см. [Неволин 1853, 184 прил.]). К Беж. пят. относится гидроним **Дорогоща** р. басс. верховой Мологи; ранее с этой рекой, надо полагать, были смежны сел. *Дорогоща* в Каменском стане в Бежецком Верхе и *Дорогожская (Дорогоицинская)* вол. в Бежецком Верхе [ПКНЗ 3, 233, 234]. На других славянских территориях зафиксированы геогр. *Дорогощ* дер. на р. Ворсклица недалеко от Курска

¹ Г. Шлиперт (Там же) трактует др.-луж. *Drohost* в ряду одноосновных личных имен с суф. -*ostь* (ср. зап.-слав. *Dobrost*, *Milost*, *Radost* и др.), хотя не исключает и исходного **Drohohost*. С. Роспонд [Rospond 1983, 70], напротив, связывает этот антропоним (как нам кажется, более оправданно) с именами на -*gostь*, указывая несокращенный вариант географического названия – *Dargogošč* в Польском Поморье.

[Arumaа 1960, 155], укр. *Дорогоща* (по-польски *Dorohoszcza*) сел. в бывшей Волынской губ. [Vasm. RGN III 1, 81], геогр. *Dargast* или *Dargogošć* в Германии на бывшей территории поморских славян, геогр. *Dragošč*, а также *Dragoš* (раньше – *Dargogošć*) в Македонии, слав. *Драγότση* в Греции [Rospond 1983, 70].

А.М.Андряшев [Андряшев 1914, 208] отождествляет дер. *Дорогостицы* на р. Леменке с дер. *Дорогожицы* Илеменского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 175, 181]. С таким отождествлением нетрудно согласиться, поскольку ему способствует не только территориальное единство созвучных географических названий, но, как выяснилось, и сам факт наличия топонимической формы *Дорогожская* в Бежецком Верхе, входящей к общему с *Дорогостицы* личному имени. Следовательно, одно и то же имя генетически объединяет топоосновы *Дорогост-* и *Дорогож-* на двух разных территориях. Форма *Дорогожицы* выглядит вторичным обособленным вариантом ойконима *Дорогостицы*; возможно, она есть результат контаминации йотово-посессивного и патронимического вариантов одного названия. Вместе с тем не стоит в случае с *Дорогожицы* окончательно исключать вероятность того, что перед нами все же самостоятельное название от антропонима, близкого к др.-польск. личн. *Drogosz* [SSNO I, 523], чеш. *Drahoš* [Svoboda 1964, 263], полаб.-помор. *Dargoš, Dargaš* [Schlimpert 1978, 37], болг. *Драгош, Драгаш* [Илчев 1969, 181], серб. *Драгоша* [Грк. РЛИКС, 82]. Мена *ж / и* встречается в новгородской топонимии, ср. хотя бы вар. *Несуши* в парадигме геогр. *Несуж* (см.). Трактовка новг. *Дорогожицы* как йотово-посессивного производного от др.-рус. личн. *Дорогожитъ* (ср. др.-славен. *Dragožiti* по документации 990 и 1050 гг. [Kronsteiner 1981, 206]; элемент *-žit-* в этом имени означает ‘жизнь, vita’) тоже имеет право на существование. При таком осмыслении межтерриториальной параллелью видится др.-рус. *Дорогожичь* – название урочища под Киевом, где в 980 г. стояла рать князя Владимира против затворившегося в Киеве Ярополка [НПЛ, 126, 526]: этот летописный топоним справедливо возводят к личн. *Дорогожитъ* [Роспонд 1972, 34–35; Rospond 1981, 70].

Остается без локализации ойконим, извлеченный из новг. бер. гр. № 614 (последняя треть XIII в.) в форме локатива: «во *Доброгостечихо*». Начальный облик его восстанавливается в виде *Доброгостыци*, а скорее все же как *Доброгостыци* (смена *z* на *k* обусловлена, видимо, особенностями произношения автора грамоты; ср. в ней же написание еще одного названия *Свободь* вместо *Свободь* <-дѣ> [Зализняк 2004, 499–500]). Менее вероятно видеть здесь локативную форму геогр. *Доброгостичи*, отпатронимного названия на *-ичи* (при допущении описки «е» вместо «и»). Ойко-

ним обусловлен популярнейшим древнеславянским именем *Доброгость*, распространенным ранее среди всех групп славян: др.-польск. *Dobrogost* и производные, др.-чеш. *Dobrohost*, а также полаб.-помор., словац., сербохорв., см. [Schlimpert 1978, 41; Svoboda 1964, 74]. Древнерусской письменностью, как указывалось исследователями [Агеева 1989, 178], упомянуты персонажи: воевода червенский *Доброгость* (1205 г.), *Доброгость* Галичанин (1211 г.), воевода литовский *Доброгостий* (1399 г.), *Доброгост* Нарбутович (1497 г.)¹. Йотово-посессивная и иных деривационных моделей топонимия, обусловленная прасл. личн. **Dobrogostь*, рассеяна по всему славянскому миру. Это блр. геогр. *Доброгоц* (*Доброгоце*, *Доброгоци*, *Доброгоца*) – селения в районе Минска, Пинска, Витебска, Бреста, укр. *Доброгорица* неподалеку от гор. Каменец-Польский, *Доброгостів* (*Dobrohostów*) близ Дрогобыча и *Доброгоце* в Галиции, ойконимы *Dobrohošť* трижды в Чехии, *Dobrogoszcz* сел. в трех повятах Польши + оз. в басс. Вислы, *Dobergáz* в Словакии, *Döbrögöc* в Венгрии (< словац.), нем. *Dobergast* в Восточной Германии (< др.-луж.), южн.-слав. *Dobrogošće* в Славонии (Хорватия) и на территории Герцеговины; по материалам: [Svoboda, Šmilauer 1960, 158; Жучкевич 1974, 102; Rospond 1983, 65–66; Arumaa 1960, 155; Микляев 1984, 32; Худаш, Демчук 1991, 65; Vasm. RGN III 1, 39; HW, 772, 306].

Не требуют развернутых лингвистических комментариев следующие названия на *-гоц/-гост-*, локализуемые на периферии исторической Новгородской земли: *Братогоц* оз. Воскресенского Осеченского пог. 1545 г. неподалеку от истоков р. Мологи [НПК VI, 74]; *Годогоца* дер. Коломенского пог. в районе Вышнего Волочка [НПК I, 93]; *Любегоца* дер. в Бежецком Верхе [ПКНЗ 3, 217], = совр. *Любегоци* дер. Вельегонского р-на Твер. обл.; *Маслогостицы* пог. близ Псковского оз. в бывшем Гд. у. и рядом *Мыслегостицкая губа* [Vasm. RGN V 2, 453]; *Черногост* оз. + рч., оба водоема в верховьях Западной Двины, указанные в [Микляев 1984, 38]; *Славгуце* совр. дер. к северо-востоку от Твери и к югу от Бежецка. Послужившие базой приведенных топонимов личные имена (в соответствии с перечнем: **Братогость*, **Годогость*, *Любогость* / **Любегость*, **Мыслогость* / *Мыслигость*, **Черногость*, *Славогость*) либо имеют надежный контекст среди употребительных или зафиксированных письменностью композитных антропонимов с тождественными препозитивными компонентами, либо известны в самостоятельном употреблении

¹ В качестве позднего прозвища, антонимичного к популярному др.-рус. имени *Доброгость*, в старорусский период встречалось **Злыгость*, давшее фамилию *Злыгостев* (отмечена вологодским документом 1629 г. [Чайкина 2005, 225]).

среди славян. Из перечисленных документально зафиксированы, в частности, др.-польск. личн. *Lubgost* и др.-чеш. *L'ubohost* (а также луж., сербохорв.) [SSNO II, 238; Svoboda 1964, 78], др.-болг. *Мислигост* [Заим. БИ, 155], сербохорв. *Slavogost* [Svoboda 1964, 296, 86]. Первые части данных антропонимических композитов на *-гость*, соотносимые с общеизвестными славянскими корнями, семантически прозрачны. Имеются, впрочем, случаи, когда прецедентная антропонимическая основа не столь этимологически очевидна. Так, ойконим *Сологост* дер. близ Белозерска Вологодской обл. определенно выводится из личн. **Сологость*, однако антропонимический элемент *Соло-*, хотя и повторяется не раз в составе восточнославянских композитных топонимов (*Сологощ* оз. в Рязанском Почье [Смол. ГБО, 165], геогр. *Салагощ* в Белоруссии близ Слуцка [Жучкевич 1974, 333], *Солославль* дер. в басс. р. Москвы [Агумаа 1960, 164]), труден для интерпретации: его пытались связать со словом *сало*, принимаемая в качестве мотивирующего значения 'жирный, обильный, гостеприимный' или с фин. *salu* 'лес, пуца' [Жучкевич 1974, 333], или обращали внимание на др.-новг. личн. *Сольмиръ* в бер. гр. № 7 из Старой Руссы [Чумакова 1992, 58]; последнее рассматривалось как переосмысленное (под воздействием **soliti*) др.-польск. личн. *Sulimir*, *Sulmir* [Зализняк 2004, 329]. На наш взгляд, нужно иметь в виду еще польск. геогр. *Sadlogoszcz*, исторически – *Sodlogoszcz* 1362 г., *Sedlogoszcz* 1404 г. [Rospond 1983, 126], как и рус. диал. *сало* (< прасл. **sadlo* от **saditi*), означающего 'кон, межа, черта, грань' [Даль СЖВЯ 4, 130–131], а первоначально 'сидение' (подр. об этом слове [Варбот 2002, 306–307]).

Среди географических названий на *-гощ/-гост-*, как ранее уже говорилось, встречается достаточно форм, изолированных на общеславянском фоне либо имеющих минимальные и территориально ограниченные параллели. Процент топонимических изолятов здесь явно выше того, который характеризует общую совокупность архаических названий от композитных антропонимов. Данное обстоятельство в сущности составляет отличительную черту топонимии на *-гощ/-гост-*, которая в силу этого сама по себе представляет повышенный интерес для праславянской этимологии. Но, как кажется, этот топонимический источник мало использовался при этимологических штудиях. Разумеется, в первую очередь подразумеваются препозитивные компоненты личных имен на *-гость*, причем те из них, которые не имеют или почти не имеют надежных аналогий и совпадений в общеславянском базовом фонде композитных антропонимов. В добавление к уже рассмотренным названиям изложим этимологические наблюдения над не столь очевидными топонимическими (resp. антропонимическими) фактами, которые лока-

лизуются на территории бывшей Новгородской земли и отчасти в сопредельных местностях Северо-Запада.

Новогошии (*Новогожжа*) дер. у оз. Сварец в бывшем Гд. у. Петерб. губ. 2-й пол. XIX и нач. XX в. [СНМРИ 37, 1356; Vasm. RGN VI 2, 252], современных сведений нет. Отождествляется со средневековой дер. *Новогошка* Лядского пог. Шел. пят. XVI в. [НПК V, 336, 554]. Ср. с этим новг. ойконимом блр. геогр. *Новогоща* в окрестностях Пинска [Агумаа 1960, 160]. К личн. **Новогость*; первый компонент (: прасл. **novъjъ*, рус. *новый*) для праславянской композитной антропонимии не характерен, хотя не исключен в сложениях отапеллятивных или считающихся относительно поздними, ср. др.-польск. личн. *Nowosiódł* и рус. *новосел* [Svoboda 1964, 95].

Подгощи сел. Шим. недалеко от устья Шелони, ранее – волостное село Ст. у. с одноименным погостом [СНМНГ III, 102–103]; идентифицируется со смежными средневековыми пунктами Коростынского пог.: *Подгощи* село и *Подгоща* (*Подгощ*) сельцо конца XV – 1-й пол. XVI в. [НПК V, 323, 391, 404, 410; Андрияшев 1914, 20]¹. Допустимо возводить к личн. **Подъгость* – префиксально-корневному имени, которое надежных топонимических проявлений не имеет и в славянских именниках отсутствует. Ойконим *Подгощи* по типологии антропонимической базы можно соотносить с луж. геогр. *Podbraz* из личн. **Podъbrad-jъ* [Rospond 1983, 109], но последнее тоже единично. Ср., однако, с преф. *Pod-* др.-польск. личн. *Podsad, Podsadko, Podsąd* и др. [SSNO IV, 302]; хотя чаще этот префикс свойствен антропонимии относительно позднего времени; см., к примеру, ст.-рус. *Подрез, Поджога, Подлесов* (к *Подлес*, ср. польск. *Podles*), *Подобедовы* (к *Подобед*) и др. [Вес. Он., 249–250].

Чарягоща рч. басс. Увери, пр. пр. Мсты, впадает в оз. Ямно Хв. [Шан. РЛЮ, 245]. Под этим же названием водоем подписан на старинной карте Генштаба (по [Микляев 1984, 38]). В писцовой книге Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 1036] речка названа *Черегоща*. Полагаем, базовым антропонимом послужило личн. **Чаригость* / **Чарегость*, нигде более не отраженное, но семантически и структурно правдоподобное: первый компонент его соотносится с глаголом **čariti* (сербохорв. **čariti*, словац. **čarít*, польск. диал. *czarzyć* ‘чаровать, колдовать’) или с сущ. **čarъ* (макед. *чар* ‘очарование, обаяние’, сербохорв. *čar* ‘чары, колдовство’), или

¹ Возле села Подгощи обнаружены древнее городище в 0,8 км к юго-западу от села в пойме р. Векша, группа из четырех сопок и одиночная сопка [Пам. истории и культуры Новг. обл., 237].

же с другими однокоренными образованиями, которые трактуются в [ЭССЯ 4, 22–27]. С.Роспонд [Rospond 1983, 62] восстанавливает здесь личн. **Čeregošť* с префиксом *čere(z)* < **ker(zь)*.

Дногоиц оз. в Беж. пят. [НПК VI, 1070], точная локализация которого затруднительна. Соответствия на других территориях отсутствуют. Если такой гидроним действительно зафиксирован¹, то его следует считать производным от личн. **Дьногость*, первая часть которого находит поддержку только в др.-чеш. личн. *Dnoslav*, указанном Я.Свободой [Svoboda 1964, 94] с вопросом к *Дно-* (?). Роспонд тоже с сомнением интерпретирует этот элемент, восстанавливая исходное *дьн-* или *дьн-* [Rospond 1983, 65]. Скорее здесь выступает основа прасл. **дьнь*, рус. *день*: по крайней мере она имеет семантический контекст в **Утрогость* (см. выше геогр. *Уторгоиц*), которое тоже базируется на обозначении времени суток, следовательно, символический смысл обоих антропонимов должно расшифровывать в едином ключе. Личн. **Дьногость* отразило исконную принадлежность прасл. **дьнь* к основам на согласный, в ином случае (с оформлением этого слова по *-*ĭ*-склонению) вероятнее было бы ожидать появления топонима типа *Днегоиц*.

Щитогоицъ дер. Дретонского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 250]; предположительно соотносена с позднейшей дер. *Святогоршиа* на р. Полисти Ст. у. [Андрияшев 1914, 258], в настоящее время – населенный пункт Троховск. Ст., южнее Старой Руссы. Название средневекой деревни производно от личн. **Щитогость* (пожелание быть защитником?), которое в самостоятельном использовании не обнаружено, но находит межславянские антропонимические параллели к первому компоненту: *Щит* Семен Брагин, холоп боярина Тучка Морозова 1481 г. [Вес. Он., 378], др.-чеш. личн. *Ščit, Ščitek* [Svoboda 1964, 303], др.-польск. *Szczycięta* [SSNO V, 296], серб. *Щитко* [Мор. СИ, 210]. Совр. *Святогоршиа*, при отождествлении его с *Щитогоицъ*, выглядит существенно «переименованным» названием.

¹ В том месте писцовой книги Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 1070], к которому отсылает указатель географических имен, название оз. *Дногоиц* не представлено. Следовательно, нельзя исключить, что перед нами просто название-фантом, рожденное только на бумаге. Нужно заметить, что контекст описания на стлб. 1070 (это отдельные листы книги Беж. пят. без административно-территориальной привязки) содержит топонимы, указывающие на Спасский Молодиленский пог. В этом погосте было локализовано оз. *Иногоиц*, название которого, известное и по сей день, очень напоминает не обнаруженное нами *Дногоиц*.

Пронегоша пуст. в верховьях р. Луги [МОЗУ 1895, с. XXV]. Возможно, к личн. **Пронегость*, первая часть которого связана с чеш. *prony* ‘быстрый, неукротимый’ (ср. чеш. *Proněk* [Svoboda 1964, 291]), хотя антропонимические композиты с данной основой неизвестны. По второй версии, учитывая единичность фиксации, притом в МОЗУ, источнике, изобилующем искажениями названий, допустимо предположить образование от личн. **Бронигость* / **Боронигость*, первый компонент которого (к прасл. **borniti*, зап.-слав. **broniti*, др.-рус. *боронити* ‘оборонять’) обычен в славянской антропонимии, ср. хотя бы популярные до сих пор у западных и южных славян *Branimir*, *Branislav* и др.

Середогощ дер. Воронинск. Бат. в верховьях р. Луги, ранее – *Середогощи* дер. Самокражской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 70]. Нужно отождествить со средневековым пунктом Сабельского пог. Шел. пят. – дер. *Середогоща* 1571 г., ранее отмеченной как *Середогощ над Мхом* 1498 г. [НПК V, 153, 517]. Очевидно, ойконим восходит к личн. **Середогость*, надо полагать, изолированному древнеславянскому имени, первая часть которого связана с **serda*, др.-рус. *sereda*. К антропонимическому использованию основы ср., в частности, популярные ст.-рус. личн. *Середа*, *Середней* [Туп. СДЛСИ, 410], *Середоха* Василий из Новгорода 1603 г. [Вес. Он., 285] или даже др.-рус. *сердый* ‘душевный, добрый’ [СлРЯ XI–XVII, 24, 80].

Тригоща дер. 1539 г. в пог. Михайловском на Полоной (к востоку от близлежащего Порхова) [НПК IV, 307], которую скорее всего следует приравнять к дер. *Трегоща* 1576 г. уже «пустой», писанной в Порховском околородье [НПК V, 581; Андрияшев 1914, 409]. По-видимому, этот средневековый пункт следует идентифицировать с позднейшей дер. *Тригорша* на рч. Теребежка Порх. у. [СНМРИ 34, № 11414]. Такое же название показывает и дер. **Тригощи** 1498 г. в Карачунском пог. Шел. пят. [НПК V, 271], тоже локализующаяся рядом с Порховом, но немного южнее; современных сведений об этом пункте нет. Ойконимы обосновываются, надо полагать, личн. **Тригость* / **Трьгость*. Первый компонент имени, очевидно, является числительным *три* и, следовательно, находит достаточную опору в др.-чеш. личн. *Trojslav*, *Trojslava*, указанных в [Svoboda 1964, 96], буквально – ‘трижды славный’. Имя с семантикой «троичности» высоко возвеличивало нареченного, ср. в этой связи слова *треволнение*, *треклятый* с интенсивным проявлением признака (состояния). Вместе с тем числительное *три* в разных культурах способно при-

обретать иные семантические мотивировки¹. Обращает на себя внимание также новг. геогр. **Трилюбци** дер. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 147]: от прозвища *Трилюбь*, по структуре напоминающего **Тригость*.

Кочегоще дер. Марьинск. Стр.-Кр. в басс. р. Плюссы, = *Качегоща* (*Гочегоща*, *Качегащи*) дер. Луж. у. конца XIX – нач. XX в. [СМНРИ 37, № 2549; Vasm. RGN IV 1, 114], = *Кочегоща* дер. Щирского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 110]. Название связано с личн. **Кочегость*, первый компонент которого родствен словам *кочка*, *кочан* и др. «с общей семантикой чего-то возвышающегося, торчащего, жесткого, твердого» [ЭССЯ 10, 104]. Этот антропоним очень близок к др.-новг. личн. **Кочевудь*, пожелательному имени ('будь твердым, сильным'), которое извлекается из *Кочевужа* дер. Шел. пят. (см.); кроме того, выясняется, что личн. *Коча*, *Кочев*, *Кочева*, *Кочень*, *Кочур* были популярны в более поздний, великорусский период [Вес. Он., 161–162].

С некоторой долей сомнения к кругу топонимии на *-гощ/-гост-* мы относим единично встретившееся название дер. **Жигороцо** Спасского Орлинского погоста Вод. пят. 1500 г. [ПКНЗ 1, 103]. Если допустить метатезу *Жигороцо* < **Жирогоцо*, то исходным личным именем оказывается **Жирогость*. Оно, по-видимому, не проявилось нигде более в топонимии, ни в самостоятельном употреблении, хотя абсолютно предсказуемо, ср. хотя бы известные по новг. бер. гр. № 67, 246, 573, 657 личн. *Жирославъ*, *Жировитъ* [Зализняк 2004, 739].

Хотя бы кратких пояснений требуют также названия, локализуемые на периферии изучаемого нами региона. Ойконим **Тургоишь** пос. на юго-востоке Лен. обл. (Бокс. р-н), ранее – ус. *Тургоша* (*Тургеиш*) Устюженского у. Новг. губ. [СНМНГ VIII, 28–29], возводится к личн. **Тур(о)гость*; первой частью этого реконструкта, вероятно, служит основа общеслав. **тирь* 'бык, тур; зубр; буйвол'. Обозначение тура как символа мощи, силы активно использовалось в древней антропонимии всех славян, ср. хотя бы многочисленные по древнерусским и старорусским памятникам письменности личн. *Тур*, *Туров*, *Турик*, *Турко*, *Турьга*, *Турак* [Вес. Он., 325–326; Туп. СДЛСИ, 461–462; Wójtowicz 1986, 93], распространенные также у западных и южных славян. Наиболее показательны для данного случая древнеславянские антропонимические композиты: полаб.-помор. личн. *Turomer* [Schlimpert 1978, 148], серб. *Турилав* [Мор. СИ, 195], создающие для **Турогость* (> геогр. *Тургоша*) необходимый антропоними-

¹ Например, числительное *три* мифологически «всегда связано со смертью через погребальный обряд» [Топоров 1979].

ческий контекст. Указанные исследователями [Микляев 1984, 37; Агутаа 1960, 165] гидронимы *Тогоше* оз. Егорьевского пог. в Осечне в верховьях р. Тверцы [НПК VI, 194] и *Тагоща* р. басс. Лучесы-Межи в верховьях Западной Двины (различие *Та-*, *То-* явно обусловлено аканьем), по-видимому, восходят к личн. **Тоигость* (аналогично *Стогоща* – к личн. **Стоигость*, *Вогоща* – к личн. *Воигость* и т. п., см. выше); первый элемент riskнем соотнести с вероятным прасл. **tojiti*, ср. новг. диал. *тоить* ‘беречь, кормить хорошо’, ‘предохранять; заботливо оберегать’, *тойный* ‘упитанный’, ‘бережливый’ и др. [НОС 11, 41–42]. На тверской земле изолированное геогр. *Пиногощи* дер. в верховьях Волги близ Лихославля соотносится с личн. **Пиногость*; первый элемент, видимо, связан с глаголом **peŕi*, **рьно*, многократным **pinati* ‘натягивать; давить’, о чем также [Rospond 1983, 107]. Геогр. *Пирогоща*, именованное под 1496 г. две соседние дер. Холмского пог. Дер. пят. [ПКНЗ 1, 83], вкуче с геогр. *Пирогоща* (сейчас *Пирогов*) вблизи Киева, обусловлены антропонимом, реальность которого удостоверяет др.-слав. личн. *Пирогост*, обнаруженное в сочинении Прокопия Кесарийского VI в. [Мор. СИ, 151]. Препозицию антропонима либо занимает основа прасл. **perti*, **рьно* ‘бить, поражать’, рус. диал. *переть* ‘бить, колотить’ (смол.), *перун* ‘молния; гром, вихрь’ [СРНГ 26, 251, 294], либо (что выглядит более оправданным) основа прасл. **pirъ* ‘пир, застолье; беседа’. Заметим, что иной апофонический вариант корня прасл. **perti* нередко выступает вторым компонентом славянских композитных и префиксально-корневых имен, к примеру, чеш. личн. *Vožepor*, польск. *Bodzepor*, *Opor*, *Niepor* и др. [Svoboda 1964, 82]. Очевидно, иначе истолковывается антропооснова геогр. *Перегощи* дер. на Смоленщине + *Перегощ* р. в басс. Тетерева, пр. пр. Днепра: из личн. **Перегость* с префиксом *пере-*, прасл. **per-*, ср. подобной префиксально-корневой структуры личн. *Перенѣзь* в бер. гр. № 36 из Старой Руссы. Префиксально-корневое личное имя послужило базой новг. гидронима *Сгоще* оз. в верхнем течении Мологи, = *Згоще* оз. в пог. Покровском в Полянах Беж. пят. [НПК VI, 301–302, 304]: к **Съгость* или скорее к **Изгость*, последнее поддерживается контекстом нескольких зафиксированных имен аналогичной структуры: словен. *Izbor*, чеш. *Izbud*, *Izvěst*, может быть, рус. *Измирь*, персонаж с таким именем указывается в [Вес. Он., 127]. Гидроним *Нудогощо* (и искаженное *Нудогорцо*) оз. в Михайловском пог. на Черной [ПКНЗ 1, 245, 247, 249] (к югу от городов Бокситогорск, Пикалево Лен. обл.) идет из личн. **Нудогость*; ср. прасл. **nud-* ‘заставлять, понуждать’ и чеш. личн. *Nudvoj*, серб. *Нудмир* и др. Совр. *Нунгоша* оз. южнее Бокситогорска (и дер. *Нунгоша* Анисимовской вол. Тихв. у. при этом озере, которое

в [СНМНГ VII, 10–11] именуется *Хунговским*), – видимо, фонетическая модификация средневекового геогр. *Худоогоцо*. По данным Ген. меж. конца XVIII в., одна из речек в дельте р. Паша у юго-восточного побережья Ладожского озера называлась ***Рузогоиць*** [СГЮВП, 105]. Этот гидроним не имеет точных соответствий, однако единственная старописьменная фиксация его, не исключая вероятности всякого рода искажений, дает право предложить различные трактовки на базе древнеславянских личных имен: 1) от личн. **Ростигость* или точнее **Ростьгость* с характерным др.-новг. сокращением гласной (ср. по первому компоненту польск. личн. *Rościgniew*, прасл. **Rostislavъ* и его сокращенный вариант **Roslavъ*), откуда геогр. **Ростьгоиць*, а позднее, после падения редуцированных, – **Розгоиць* и далее с развитием новой тематической гласной *о* – *Розогоиць*, *Рузогоиць*; 2) от префиксально-корневого личн. **Розгость*, тождественного по структуре чеш. личн. *Rozbor*, *Rozmír*, *Rozlib*, *Rozvad*; 3) от личн. **Рус(о)гость* с прасл. **rus-* ‘красный’ (> совр. рус. *русый*), близким подобием которого выступает личн. **Rusibor*, реконструируемое из польск. геогр. *Rusibórz*, см. [Rospond 1983, 120]. Ручей, лев. пр. Пинеги, пр. пр. Паши в среднем течении носит варианты названия ***Онегость*** (по Ген. меж. конца XVIII в., также *Онега*, *Онига*) и *Омигость* [СГЮВП, 94]. Первое возводится либо к личн. *Оногость*, ср. сербохорв., словен. личн. *Onogost*, чеш. *Onomysl* с местоименным компонентом *онь* ‘тот, этот’, сюда же геогр. *Onogostъ*, *Onogosta* в Герцеговине и Словении [Rospond 1983, 104; Miklosich 1927, 83]; либо к личн. *Унѣгость*, ср. др.-чеш. *Uněhost* с компаративом *uně* ‘лучше’ в первой части сложения [Svoboda 1964, 90]. Второе – *Омигость*, не находящее этимологического обоснования, судя по всему, просто модифицировано из *Онегость*, первичность которого подтверждается и старописьменными усеченными вариантами (*Онега*, *Онига*), содержащими согласную *н*, а не *м*. Гидроним ***Вяргость*** (*Вяргось*) лев. пр. Шижни, пр. пр. Паши в ее нижнем течении [СГЮВП, 98; Шан. РЛЮ, 310] кажется по внешнему облику неславянским; тем не менее, рискнем связать его с вероятным др.-слав. личн. **Вьрхгость* / **Вьрхъгость*. Ср. к элементу *Вьрх-* в др.-слав. композитной антропонимии засвидетельствованные польск. личн. *Wierzchoslaw*, полаб., чеш. *Vrchoslav*, полаб. *Vrchomil* [Rospond 1983, 150], др.-рус. *Верхуслава*, дочь князя Всеволода Мстиславича 1137 г. [Туп. СДЛСИ, 516]. После утраты редуцированных стала закономерна модификация гидронима: **Вьрх(ъ)гость* в виде **Вергость*, позднее *Вяргость*.

Некоторые сложные топонимы с неначальными *-гоиц/-гоиш/-гож-* содержат препозитивные антропонимические компоненты, этимологически

неясные или трактуемые слишком общо. Это своего рода «внесистемный» остаток, всегда неизбежный при этимологических изысканиях, он невелик на фоне всей совокупности названий от имен на *-гость*, которые локализируются на Северо-Западе. Таково геогр. *Щегоща* дер. Торошковск. Луж. к юго-востоку от гор. Луга, идентифицированная [Андрияшев 1914, 164] с дер. *Вицагоща* Городенского пог. Шел. пят. 1501 г. [НПК V, 345]. Теоретически можно предположить образование этого ойконима на базе личн. **Уцагость*, нигде более не зафиксированного антропонима, в котором первый компонент соотносится с вероятным прасл. **ustiti*, **uščati* ‘побуждать’ (ср. лит. *ąščioti* ‘болтать, шептаться’). С.Роспонд с данным глаголом связывает, в частности, антропонимические базы зап.-слав. геогр. *Uscienice*, *Uścimów*, *Uściszowice*, *Uścimowo*, *Ustin* [Rospond 1983, 143]. Появление *в* (геогр. *Вицагоща*) на месте исконной *у* (личн. **Уцагость*) объяснимо фонетикой псковских говоров, знающих колебание *у / ѱ / в* в позиции начала слова перед согласной. Что касается собственно фонетической стороны вопроса, то новг. геогр. *Вицагоща* (> *Щегоща*), возможно, демонстрирует тот же комплекс изменений, которые пережили геогр. *Вициж* сел. на Десне неподалеку от Брянска и польск. *Uściąż*, *Uściądz* сел. на Висле, этимологизируемые на базе прасл. **ustjeje*, рус. *устье* (реки) [Трубачев 1971, 9–10]. Кроме того, можно обратить внимание на геогр. *Щежерь* (польск. *Szczeżery*) дер. на Могилевщине и *Шигостово* дер. близ гор. Алексин Тульской губ. [Vasm. RGN X 2, 288; 3, 388], хотя этимологию первого компонента исходного имени эти данные вряд ли проясняют. Неясно изолированное геогр. *Крогоща* (: личн. **Крогость?*) – так называлась деревня где-то в Западном Приильменье в средние века, по данным [Микляев 1984, 39]. Не знающее бесспорных топонимических и антропонимических параллелей средневековое геогр. *Снѣгощ* руч. в верховьях р. Мологи (см.: «Дер. Великое Село на *Снѣгоще*» в пог. Михайловском в Троснах Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 188]) лишь с большой натяжкой допустимо выводить из неких композитных имен типа **Снѣгость* или даже **Снягость* (если иметь в виду префиксальную основу прасл. **snęti* ‘взять’, рус. *снять*), хотя можно привлечь и неясный гидроним *Снагость* лев. пр. Сейма, указанный в [Топоров, Трубачев 1962, 220]; здесь сама единичность фиксации не позволяет утвердиться в выборе исходной этимологизируемой формы гидронима, которая могла исказиться до неузнаваемости. Название р. *Сорогожа*, пр. Мологи, и на ней дер. *Сорогожа* и *Сорогожское* Весьегонского у. Твер. губ. сер. XIX в. [СНМРИ 43, № 3077, 3107] (по картам и спискам селений 1-й пол. XIX в. – р. *Сырогожа* или *Сурогожа* с сел. *Сырогожское* или *Са-рагожское* [Неволин 1853, 203]), отождествляемое со средневековыми

Сорогошина р. и при ней *Сорогошино* вол. в Бежецком Верхе [НПК VI, 423, 424, 427, 445, 446, 450, 453, 751, 764, 767, 390–392 и след.], имеет внешнее сходство с гидронимом *Сырогоща* басс. Верхнего Днепра. Относительно *Сорогошина* предполагалась субстратная основа [Агеева 1989, 179], что в значительной мере оправданно (на это намекает неустойчивость гласных в вариантах гидронима, наличие *ж* в исходе основы); однако сохраняется вероятность, вместе с верхнеднепровским *Сырогоща*, мотивировать этот гидроним др.-слав. личн. **Сурогость*, заключающим, быть может, корневой элемент **sur-* / **syr-* ‘сырой’, но и ‘жесткий, строгий’, ср. *суровый* [Фасм. ЭСРЯ III, 807, 819; Черн. ИЭССРЯ 2, 219, 221–222], несмотря на то, что основа со значением ‘суровый’ не оформлена здесь суф. *-ov-*. Заметим в этой связи, что зафиксированное немецким документом 1219 г. личн. «*Zurizlau*», трактуемое (со знаком вопроса) как полаб.-помор. *Suroslav*, Г.Шлимперт [Schlimpert 1978, 136–137] тоже сравнивает с прасл. **surov-* ‘roh, grausam’ и находит топонимическое соответствие (геогр. *Surgoszcz*) на территории Польши. Темным для истолкования остается гидроним *Корегощ* – придаточное оз. Селигера, 150 га, указанное первый раз жалованной грамотой волоцкого князя Федора Борисовича Симоновскому монастырю 1499 г. под названием *Керегощъ*: «...пожаловавъ <...> въ моей отчинѣ въ Ржевъ озеро Сыроменецъ да *Керегощъ*, по Ноугородцкой рубежъ» [АИ I, 158], затем – *Керегожь* в акте 1623 г. [АИ I, 183], а в более поздних документах также *Терегожь*, *Корегоща*, *Теригоща* (буква «*т*») здесь объяснима диалектным смещением мягких *к’* и *т’*). Если перед нами действительно название на *-гощ¹*, то первая часть его (*Кере-*) производит впечатление субстратной основы [Агеева 1989, 179; Микляев 1984, 33]. Разумеется, принимая в расчет способность антропонимического компонента *-гость* сочетаться с широким кругом апеллятивных основ и учитывая влияние на славян иноязычного окружения, нельзя исключать проникновения в личные имена на *-гость* лексических элементов неславянского происхождения. Что касается варианты *Керегоща* / *Корегоща*, вызывает интерес структурно-фонетическое подобие его с геогр. *Керемера* дер. погоста Волок Дершков Беж. пят. 1564 г. на р. *Керемера* [НПК VI, 169, 996, 1003]; позднее выступают уже другие варианты: в материалах Ген. меж. 1785 г., под № 168 –

¹ Направивается, помимо прочего, сопоставление с др.-рус. и рус. диал. *керегод* (*керевод*) ‘рыболовная снасть, род невода’ [СлРЯ XI–XVII 7, 115–116; СРНГ 13, 185]; с учетом этой лексемы, распространенной на Северо-Западе, сугубо теоретически из **Керегожское* (т. е. ‘озеро, на котором ставят *керегоды*’) путем обратного словообразования позволительно вывести форму *Керегож*, далее *Керегощ*.

Каремеры дер. из 9 дворов на правом берегу р. *Коремерки*, «а дачею оной речки и реки Мсты на правом, а ручья Овинчинского на левом берегу» [Карт. Гарн.], впоследствии *Каремъра* дер. на правом берегу Мсты, 1885 г. [Судох. Дор., 113], *Каремера*, согласно списку селений 1885 г. [Карт. Гарн.], *Коремера* дер. Хоромской вол. Бор. у. 1911 г. [СНМНГ VI, 124–125], наконец совр. *Коремера* дер. Сушанск. Бор. ниже по Мсте от гор. Боровичи. Параллелизм *Керегоща / Корегоща* и *Керемера / Коремера* кажется не случайным: оба названия выглядят образованиями от двусловных личных имен с постпозитивными компонентами *-гость*, *-мѣръ*, которые входят в базовый антропонимический фонд древних славян. Первая часть приведенных сложений напоминает препозитивный элемент композитов др.-рус. личн. *Корибуд* [Мор. СИ, 102], польск. *Korzyslaw*, полаб. *Korislav* (< прасл. **koriti* – ‘покорять, смирять’). Однако природа колебания *Кере-* / *Коре-* в обоих случаях остается неясной, равно как и выбор исходной этимологизируемой формы: *Кере-* или *Коре-*. Видимо, здесь нельзя сбрасывать со счетов малоисследованные явления древнерусской диалектной фонетики Северо-Запада, к примеру, случаи развития *ь > е* перед мягкими сонантами (на фоне общерусского *ъ > о*) [Николаев 1988, 121–128] или отдаленного влияния колеблющихся форм типа *Зуиковъ / *Зуикевъ*, о которых [Зализняк 2004, 202].

Как показывает материал, выделение исходных антропонимов из топонимии на *-гощ/-гост-* – процедура обычно несложная, хотя найдется немало топонимов, которые с течением времени существенно модифицировали свой первоначальный облик. Фонетические процессы, которые удастся проследить по рассмотренным выше географическим наименованиям, относятся преимущественно к уровню исходных, образованных названия антропонимов. Отметим несколько таких процессов, имеющих более или менее общий характер.

1) Многие исходные личные имена на *-гость*, наряду с древнеславянскими композитными антропонимами иных моделей, испытали усечение гласного исхода первых компонентов сложения (черта, объединяющая древненовгородские говоры прежде всего с западнославянскими), однако в целом этот процесс остался незавершенным. Отсюда разноречивость в оформлении препозитивных элементов топонимов на *-гощ/-гост-*: они предстают либо неусеченными (*Велегощи*, *Иногостицы*, *Мирогоща*), либо усеченными (*Вельгощи*, *Нежгостицы*, *Ходгостицы*, последнее с озвончением *т > д*), либо развившими новые гласные на месте конечных усеченных. Последним обстоятельством отчасти объясняется двойственная огласовка исторических вариантов в парадигме одного и того же топонима (типа *Людогоща / Людъгоща*, *Мыслегостицкая губа*, но

см. рядом *Маслогостицы*, последнее не без влияния слова *масло*?) или некоторых межтерриториальных параллельных топонимов на базе вероятно идентичного имени (*Любегоща* Тверской обл., но *Любегощъ* близ Калуги: оба к личн. *Любогость*); другая часть случаев подобного варьирования может быть обусловлена не фонетическими, а морфологическими вариантами исходных антропонимов, собственно – различиями именных и глагольных однокоренных основ, входивших в структуру антропонимического композита (к примеру, новг. геогр. *Хотигоща* обусловлено личн. **Хотѣгость* с основой глагола, но ср. чеш. геогр. *Chotohošť* при зафиксированном чеш. личн. *Chotohost* с основой имени).

2) Очевидно, одним из следствий сокращения первых компонентов в антропонимических сложениях явилась неизбежная гаплогия слогов *-гого-* > *-го-*: ее, вероятно, отражают несколько географических наименований (*Дорогостицы*, *Дорогощи*, *Тягуще*, *Тигощи*, быть может, и *Негоща*).

3) Согласная *j*, вслед за усечением финальной гласной первого компонента антропонимического сложения, тоже иногда подвергалась усечению, отсюда появление топонимических форм типа *Стогоща* (к полному личн. **Стоегость*), *Вогоща*, *Вогостино* (к полному личн. *Вогегость*, зафиксированному источниками), *Тогоща*, *Тагощ* (к личн. **Тоегость*).

Среди процессов, связанных с собственно топонимической сферой, следует назвать: преобразование в некоторых случаях *щ* > *ш*, *ш* > *ж* (*Уторгоши*, *Негоши*, *Вельгоши*, *Радогоша*, *Новагожа*, *Дорогожа* и нек. др.), иногда метатезы согласных (*Уторгоши* < *Утрогощъ*, *Югостицы* < **Уигостицы*, к **Уегость*), отражение отдельными топонимами на *-гощ/-гост-* нерегулярных диалектных процессов, таких как цоканье, недостаточность различения глухости / звонкости согласных (*Доброкоштыцы*, *Цехоща* и др.), спорадический переход *je* > *и* (*Ирогоще*) и т. д.

Все антропонимы на *-гость*, восстановленные выше по соответствующей топонимии Русского Северо-Запада, представлены полными двусловными композитами, т. е. формами без морфологического усечения, сопровождающего образование гипокористик. Но каковы топонимические отражения гипокористических (усеченных и усеченно-суффиксальных) вариантов таких имен? Вопрос довольно непростой хотя бы потому, что одни и те же гипокористики обычно соотносятся с разными полными формами. Личн. *Милята*, к примеру, можно соотнести с полными *Милославъ*, *Милонѣзь*, *Милобудъ* и др., равным образом и с *Милогость*, имея в виду единство морфологических процессов во всей категории древнеславянских *onomata tantum*. Полное усечение второго компонента не позволяет достоверно установить конкретный антропо-

нимический композит. Вместе с тем архаическая новгородская топонимия содержит и такие образования от усеченных личных имен, которые с большей определенностью отсылают к специфической модели полных имен со вторым компонентом *-гость*. Речь идет о нечастых и довольно своеобразных ойконимических фактах, таких как старописьменные *Добрыжье поле* дер. Ильинского Тигодского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 388, 413], *Любыж* дер. Сабельского пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 514, 516], *Миложа* Беж. пят. 1545 г., *Милож* Листовского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК VI, 111; I, 701; ПКНЗ 4, 146], *Мирожье* Никольского Шереховичского пог. Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 885], *Радожское* селище на р. Семьтине в Слезкине в Богородицком пог. в Павске Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 510]. «Йотовый» деантропонимный характер перечисленных названий почти очевиден, в основе их, вероятно, скрываются личн. *Добрыгъ, -а / *Доброгъ, -а, *Любыгъ, -а / *Любогъ, -а, *Милогъ, -а, *Мирогъ, -а, *Радогъ, -а (ср. к последнему еще геогр. *Радоговища* дер. в Сабельском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 518] как вторичный вариант исконной топонимической формы *Радоговичи, а также геогр. *Радоковичи* / *Радоговичи* ур. близ Новгорода, см. подр. о нем ниже), которые ничто не мешает считать усечениями широко известных, популярных у древних славян имен *Доброгость*, *Любогость*, *Милогость*, *Мирогость*, *Радогость*. В данном аспекте очень показательными кажутся геогр. *Онега*, *Онига* – исторические варианты гидронима *Онегость* басс. р. Паши (см. о нем выше): эти сокращенные формы есть не что иное, как отражение на топонимическом уровне закономерности усечения соответствующего антропонима на *-гость*. К реальности такого рода имен на иных славянских землях см., например, надпись «Доброга» на корчаге не позже XI в., обнаруженной при разборке руин Успенского собора в Киеве [Высоцкий 1985, 60–61]: слово предпочтительно, на наш взгляд, квалифицировать как усеченное имя от полного *Доброгость* (относившееся к ремесленнику, который изготовил корчагу)¹. Отметим далее еще зап.-слав. личн. *Mileg* IX в. (< *Milegostь*), приведенное в [Mor. СИ, 129], др.-чеш. личн. *Vidha* (< *Vidhost*), указанное в [Svoboda, Šmilauer 1960, 599], болг. *Любог* XIII в. (< *Любогость*) [Заим. БИ, 143] и обусловленные данной гипокористикой геогр. *Любожичи* сел. на Украине и скорее всего *Любеговец* оз. в Збудской переваре средневековой

¹ С.А.Высоцкий (Там же) предлагает совершенно искусственное чтение надписи – в виде «добро Га», где второе слово, по его мнению, является сокращением имени с начальным *Га-*, например, *Гаврила*.

Торопецкой земли [ПКНЗ 4, 557] (к личн. **Любегъ* < *Любегость*, см. геогр. *Любегощи*). Усечения подобного рода (на начальную согласную второго компонента) доказываются материалом других композитных имен, извлекаемых из топонимии¹.

В культурно-историческом обосновании северо-западной топонимии на *-гощ/-гост-*, как и в лингвистическом, есть свои специфические сложности. Выраженная концентрация таких названий в Западном Приильменье, пожалуй, самая мощная во всей Европе, плохо согласуется с фактами древненовгородских и в целом древнерусских памятников письменности, которые содержат весьма немногочисленные отражения композитных личных имен на *-гость*. Так, по материалам древней письменности восточных славян исследователи [Микляев 1984, 26; Агеева 1989, 178] обнаружили только пять исторических персонажей, носивших, по сути дела, лишь два разных имени на *-гость*: новгородец *Воигость* (XIII в.), воевода червенский *Доброгость* (1205 г.), *Доброгость* Галичанин (1211 г.), воевода литовский *Доброгостий* (1399 г.) и *Доброгост* Нарбутович (1497 г.); у западных и южных славян насчитали до 60 персонажей с такими именами [Микляев 1984, 39]. Этот момент очевидного количественного несоответствия фактов восточнославянской (прежде всего – северо-западной) топонимии и восточнославянской письменности можно объяснить несколькими причинами. Одна из них, не самая главная, – неполный охват материала самих письменных источников. Сейчас к именам приведенных выше персонажей мы можем добавить имена новгородцев, известные по надписям на штукатурке новгородского Софийского собора: *Воуго[сть]* (из граффити № 137 2-й пол. XI в. – 1-й пол. XII в.), *Радигость* (граффити № 197 2-й пол. XII в. – 1-й пол. XIII в.), патроним *Людьгостиничь*: «Михаль пьсалъ Людьгости[ничь]» – надпись № 224 2-й пол. XII в. [Медынцева 1978, 91, 141, 161]; имена, извлеченные из новгородских грамот на бересте: *Радого[сть]* (гр. № 571, XII в.), *Милого[сть]* из гр. № 230 нач. XIV в., *Домагость* из гр. № 902 конца XI – нач. XII вв. [Зализняк 2004, 454, 527, 247]; отмечалось еще личн. *Орогость*, зафиксированное Лаврентьевской летописью 1377 г. под 1100 г.: «послаша ... *Орогостя* и Ратибора» [Мароевич 1997, 81]. Внимательное чтение документов и открытие новых, полагаем, даст новые имена; пока же можно констатировать, что они пол-

¹ Обоснование структуры личн. **Добрыгъ,-а* / **Доброгъ,-а*, **Милогъ,-а*, **Радогъ,-а* и др. как усечений не исключает, конечно, альтернативной версии, согласно которой данные имена могут трактоваться среди суффиксально-корневых: *Добр-*, *Мил-*, *Рад-* + суф. *-огъ,-а* или *-ыгъ,-а*.

нее всего отражены именно документацией новгородской территории, т. е. как раз там, где топонимия на *-гощ/-гост-* предстает особенно сконцентрированной.

Вторая, более существенная причина относительно слабого отражения таких личных имен восточнославянской письменностью вытекает из самой антропонимической специфики модели имен со вторым *-гость*. Выше мы уже писали о том, что благодаря превращению второго элемента *-гость* в суффикс очень часто препозицию занимали изолированные, уникальные лексические элементы. Появлявшееся таким образом специфическое новое имя, напомилавшее индивидуальное прозвище, как правило, не приобретало устойчивого антропонимического закрепления и воспроизведения, не входило в базовый фонд общеславянских композитных имен, хотя могло получить узкоместное, диалектное распространение. В условиях отсутствия письменности такие неустоявшиеся, без стабильной традиции употребления, спорадические прозвищные антропонимы имели немного шансов попасть в позднейшие письменные источники; в письменность, разумеется, скорее попадали популярные, искони употребительные имена, которые появились в дописьменные эпохи и передавались из поколения в поколение на протяжении многих столетий. Поэтому мы и наблюдаем по памятникам письменности в основном высокочастотные, популярные имена на *-гость* с базовыми препозитивными элементами (*Воигость, Доброгость, Милогость, Радогость, Людигость*), тогда как дописьменная топонимия дополнительно открывает нам немало особенных, территориально ограниченных имен типа: **Трьгость, *Пиногость, *Середогость, *Щитогость, *Пронегость, *Турогость* и др. Появление таких имен (с суффиксом *-гость*) было особенно характерно для восточных славян северной зоны. У западных и южных славян, в свою очередь, роль суффикса нередко исполнял лексический элемент *-slavъ*, иногда *-migrъ*, благодаря чему у них тоже появилось немало специфических имен, связанных обычно со сравнительно поздней исторической эпохой; ср., к примеру, полаб.-помор. личн. *Turomer*, чеш. *Nosislav*, болг. *Русомир, Михослав, Никослав*, серб. *Турисав, Вукосав* и др.

Основная же причина отсутствия многих вероятных личных имен на *-гость* в древнерусских памятниках письменности, на наш взгляд, обусловлена значительной архаичностью самой реализующей их модели: данные имена, надо полагать, активно функционировали в I тыс. н. э., но к началу славянской письменности стали постепенно выходить из употребления, так что в письменных источниках остались лишь немногие из них. У восточных славян процесс их исчезновения проходил в целом быстрее,

чем у западных и южных, письменность которых зафиксировала, по приблизительным подсчетам, на порядок больше носителей таких имен, известных до XVIII в. Думается, отмеченная ситуация в немалой степени объясняется общими системными различиями антропонимии восточных славян, с одной стороны, и западных и южных, с другой: если восточные славяне довольно быстро заменили свои древние двусосновные имена христианскими греко-византийскими именами, то западные и южные славяне в своей письменной истории существенно больше ориентировались на исконно славянский фонд композитных антропонимов, среди которых встречались и двусосновные имена на *-гость*. Тем не менее, в отличие от многих композитных антропонимов, личные имена на *-гость* были в конце концов утрачены и этими ветвями славянства, прежде всего, пожалуй, в силу их изначальной глубокой архаичности.

Какие этноисторические выводы позволяет сделать топонимия на *-гощ/-гост-*, густой сеткой покрывающая Русский Северо-Запад? Во всяком случае сейчас, с учетом сказанного выше о личных именах на *-гость* и, в частности, об особенностях их отражения письменными источниками, мы можем уверенно констатировать, что концентрация этой топонимии на Северо-Западе вряд ли может быть объяснена в рамках сомнительного тезиса о том, что в течение длительного времени в Восточную Европу и главным образом в Приильменьеве проникали группы балтийских, южных и западных славян, оставивших географические названия на *-гощ/-гост-* [Микляев 1984, 39]. Антропонимическая модель со вторым *-гость* была общеславянской, в большей или меньшей степени унаследованной всеми славянскими племенами и группами. Лучшая сохранность имен на *-гость* в поздней письменности западных и южных славян не имеет решающего значения при трактовке ранней, дописьменной топонимии: отраженные письменностью западно- и южнославянская антропонимические системы, в значительной степени ориентированные на исконное наследие, вообще лучше сохранили древнеславянский пласт двусосновных имен, неотъемлемой частью которого являются имена на *-гость*. Что касается соответствующей топонимии, то она, как показывает анализ, изредка встречается во всех уголках раннеславянского расселения; в частности у восточных славян, помимо Русского Северо-Запада, такие названия более или менее равномерно рассеяны практически по всей территории Верхнего Поднепровья (лишь одно выразительное скопление таких топонимов находится на Верхней Припяти в районе Пинска [Топоров, Трубачев 1962, карта 13]) и изредка встречаются в Верхнем и Среднем Поочье [Смолицкая 1974; Чумакова 1992, 58–62]. Западное Присвирье, конкретнее – среднее и нижнее течения рек Паши и Ояти – это

крайняя северо-восточная граница распространения древнеславянских названий на *-гощ/-гост-* (гидронимы *Милогость, Рузогощь, Вяргость, Онегость*), см. [Муллонен 2002, 311].

Для этноисторической интерпретации относительно плотного топонимического ареала на *-гощ/-гост-* на Северо-Западе и особенно в Приильменье (см. рис. 6) важно учитывать качественный состав составляющих его названий. Как мы выяснили, многие топонимы основаны на личных именах общеславянского распространения или по крайней мере заключающих базовые компоненты общеславянского фонда композитных антропонимов, – такие названия доносят до нас черты наддиалектного антропонимического единства праславянского языка, но ничуть не свидетельствуют о заселении Северо-Запада пресловутыми пришельцами издалека – балтийскими, южными и западными славянами. Немало и таких топонимов, которые базируются на антропонимах, либо имевших явно диалектное бытование (ограниченных, судя по территориальной дистрибуции многих соотносимых с ними названий на *-гощ/-гост-*, главным образом территорией северной зоны восточного славянства), либо по существу окказиональных, содержащих уникальные препозитивные основы. Это означает, что данная последняя группа топонимов не была перенесена откуда-то издалека, а имеет свои местные корни, местные северо-западные (северновосточнославянские) истоки. Тем не менее, обе эти группы, условно говоря, «наддиалектная» и «диалектная», должны трактоваться в едином ключе.

На наш взгляд, появление топонимии на *-гощ/-гост-* на Северо-Западе связано с первыми носителями славянской речи на этой периферии славянского мира. Славяне, постепенно заселявшие бассейн оз. Ильмень с южного, юго-западного направлений, разумеется, хорошо знали и использовали общеславянский фонд композитной антропонимии, в том числе имена на *-гость*. Концентрированный ареал архаической топонимии на *-гощ/-гост-*, особенно в Западном Приильменье, сложившийся в немалой степени за счет «диалектной» группы топонимов, объясняется взрывом популярности личных имен на *-гость* уже в условиях самого Северо-Запада. Иначе говоря, произошла местная «фиксированная вспышка» соответствующей антропонимии и топонимии в зоне экспансии славянства на слабозаселенные земли Приильменья. Объяснять причины местной популярности личных имен на *-гость* можно по-разному; не исключено, что в общем социолингвистическом плане это была своеобразная антропонимическая реакция на быстрое освоение новых земель (имея в виду общий тезис о том, что вообще территориальные вспышки языковых явлений могут быть следствием не-

ких быстрых периферийных миграций). Более существенным, впрочем, является предположение о том, что концентрация однотипных названий на *-гощ/-гост-* на ограниченной территории отражает, по сути дела, формирование некоего этнодиалектного ядра местного славянства, развивавшего черты самости и обособленности, что в конечном счете проявилось позднее в том своеобразном феномене, который был обозначен как древненовгородский диалект.

По всей вероятности, территориальная дистрибуция топонимии на *-гощ/-гост-* схематично обозначает пути продвижения славян к берегам Ильменя и оконтуривает первоначальные районы славянского освоения Приильменя. Вместе с тем, разрабатывая аспект славянской колонизации, предпочтительнее такую топонимию рассматривать в контексте других архаических славянских названий, преимущественно йотово-посессивных образований от композитных имен различных моделей, поскольку славяне, осваивавшие Северо-Запад, разумеется, в достаточной мере использовали разнообразие древнеславянского композитного антропонимикона. Такой подход с большей отчетливостью обозначит первоначальные пути и центры славянской колонизации. В общих чертах топонимия на *-гощ/-гост-* ареально связана с территориями, на которых закреплена архаическая йотовая топонимия от композитных антропонимов иных моделей, а в целом зоны сгущения или разрежения топонимов на *-гощ/-гост-* повторяют особенности ареальной дистрибуции прочих славянских топонимических архаизмов. Обращает на себя внимание общая прикреплённость топонимии на *-гощ/-гост-* к берегам Волги, Мологи, Мсты, Шелони, верховьям Луги и Плюсы, – это маркирует главные пути продвижения славян по крупным рекам. Ареальная картина осложняется выразительными сгущениями соответствующих названий в верховьях Мологи, Нижнем Помостье, Юго-Западном и Западном Приильменье и особенно к северо-западу от оз. Ильмень при заметном их разрежении в бассейнах Ловати, Волхова и в Восточном Приильменье и при характерном полном их отсутствии в басс. р. Великой на территории Псковской земли (см. рис. 6). Территориальная дистрибуция новгородской топонимии на *-гощ/-гост-* в принципе не отрицает схемы водных путей преимущественного продвижения славян на север и северо-восток, предложенной А.М.Микляевым: из Среднего Подвинья и Верхнего Поднепровья на Волгу и Мсту, на Чагодощу, а отсюда в Поволховье и Западное Приильменье и Полужье. Однако нельзя согласиться с автором в том, что население культуры сопки противопоставлялось населению, оставившему топонимию на *-гощ/-гост-* [Микляев 1984, 45]. Вслед за подавляющим большинством археологов следует считать носителями культуры сопки

именно славян [Конечкий 1998, 235–236], которые, разумеется, пользовались и личными именами на *-гость*. Декларируемая связь топонимии на *-гощ-/гост-* с плодородными легкими почвами, которые в наши дни культивируются мало, тоже остается недоказанной. В частности, наложение топонимического ареала на почвенную карту Новгородской области [Атлас Новг. обл., 16] не выявляет ни малейших закономерностей, необходимых для подтверждения данной связи.

Помимо рассмотренной выше топонимии, на исследуемой территории обнаружено несколько географических названий, образованных от антропонимических композитов с препозитивным *Гост-*: *Гостнѣж*, *Госнѣж*, *Гостелюбле*, *Гостивици* (см.). Нельзя не указать и относящегося к этому ряду легендарного имени *Гостомысль* первого новгородского посадника: оно находит соответствие в зап.-слав. *Gostomysl* (по источнику: *Gostomuizli* г., 884 г.), которое носил предводитель племени ободритов [Milewski 1969, 53]. Что же касается простых личных имен, содержащих основу *Гост-*, то большинство их древнерусских фиксаций (*Гость*, *Гостило*, *Гостильць*, *Гостена* и др.), как ранее подчеркивалось [Невская 2001, 100–101]¹, тоже связано преимущественно с северо-западными, новгородскими землями. Материалы новгородского берестяного письма неоднократно фиксируют гипокористические личн. *Гостиль*, *Гостила*, *Гостята* [Зализняк 2004, 726–727], а новгородская писцовая документация XV–XVI вв. содержит большое количество соответствующих деантропонимных ойконимов: *Гостево*, *Гостино*, *Гостен*, *Гостехово*, *Гостилицы*, *Гостило*, *Гостиловицы*, *Гостилово*, *Гостилицово-Бережок*, *Гостицovo*, *Госткина*, *Госткино*, *Гостьцы*, *Гостятино* и др. Личные имена, мотивирующие перечисленные названия, отчасти являющиеся усеченно-суффиксальными производными от композитов с элементом *-гост-*, отчасти образованы на базе личн. *Гость*. Последнее относится к числу архаических имен практически общеславянского распространения. Новгородские данные подкреплены материалом ст.-рус., ст.-укр. и ст.-блр. документов, указывающих немало персонажей XV–XVII вв. с именами *Гость*, *Гостька*, *Гостько*, *Hosta*, *Hostko* [Туп. СДЛСИ, 173–174; Вес. Он., 86; Демчук 1988, 72], их дополняют фиксации древних польских личн.

¹ По мнению Л.Г.Невской, густой контекст личных имен с элементом *-гост-* говорит об экстралингвистической актуальности в новгородских землях этого элемента прежде всего в «обменных» смыслах – ‘чужеземец’ и ‘купец’. Имя новгородского посадника *Гостомысла* символически расшифровывается как ‘мыслящий о госте, т. е. = чужеземце’ и может косвенно свидетельствовать в пользу легендарного характера событий, связанных с призванием варягов [Невская 2001, 100–101].

Gość, Goszcz, Gostka, Gostek [SSNO II, 174–176], чеш. *Host* [Svoboda 1964, 267], болг. *Гостъо, Госте* [Заим. БИ, 68; Илчев 1969, 139], серб. *Гост* [Грк. РЛИКС, 67], хорв. *Gosta* [LISRH, 197]. Архаический, праславянский характер данного имени подчеркивают йотово-посессивные топонимы: блр. *Гоца* Минской губ., укр. *Гоце* Волынской губ., *Гоць* сел. на р. *Гоць* басс. Жиздры в Орловской губ., *Hošt'* в Чехии, *Geszte* в Венгрии (< словац.), *Goszcz* сел. и *Goszcza* р. басс. Вислы в Польше, по: [Vasm. RGN II 3, 527; Смол. ГБО, 34; Svoboda, Šmilauer 1960, 177; Rospond 1983, 74; HW, 53, 318]. Возникновение личн. *Гость* допустимо трактовать по-разному: путем антропонимизации высокочастотного апеллятива **gostь* 'гость', 'купец' либо посредством усечения антропонимических композитов с препозитивным или даже постпозитивным элементом *-гост-*; надо полагать, обе эти возможности дополняют друг друга. По всей вероятности, наряду с личн. *Гость*, изменявшимся по *-*й*-склонению, в Новгородской земле и на других раннеславянских территориях существовало личн. *Гость* (прасл. **Gostь*) *-*ѡ*-склонения. О последнем могут сигнализировать новг. геогр. **Гостовичи** дер. Влажинского пог. Дер. пят. конца XV в. и 1538/39 г. [НПК I, 738; II, 579; ПКНЗ 4, 157], **Гостовлѣ** пуст. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 95], блр. *Гостов* ус. неподалеку от гор. Мозырь Минской губ., укр. *Гостов* дер. в Галиции [Vasm. RGN II 3, 524] (сегодня – *Гостів* сел. Ивано-Франковской обл. [Вербич 1998, 38]), геогр. *Hostovice* дважды в Чехии [Prof. MJ I, 643]. По структуре личн. *Гость* соответствует др.-слав. именам *Нѣзь, Мысль, Хоть*, с точки зрения деривации его можно интерпретировать как древнее корневое имя, соотносимое с глаголом **gostiti*.

Этимологический анализ одноосновной топонимии с начальным *Гост-* существенно осложнен наличием в славянских языках многочисленной и употребительной лексики типа др.-рус. *гость* 'гость, посетитель; купец', *гостинный, гостевъ* 'торговый', *гостинное* 'торговая пошлина', *гостинки* 'дарованные льготы, преимущества', *гостинец, гостиница* 'большая проезжая дорога' и т. п. [СлРЯ XI–XVII 4, 104–106]. Следовательно, для весомой части названий с данным корнем необходимо предполагать апеллятивную мотивировку, которая наиболее ощутима среди образований, содержащих суффиксы *-ин-, -ьн-* (например, среди геогр. *Гостино, Гостины, Гостинь, Гостиничи, Гостыница*). К сожалению, топонимическая форма и в этих случаях не позволяет сделать однозначный выбор в пользу деаппелятивного или деантропонимного решения.

Глава 3.

Топонимия с *-ов/-ев-, -ин-* суффиксацией от древнеславянских личных имен

Суффиксы *-ов/-ев-, -ин-* на протяжении всей истории русского и других славянских языков оставались продуктивным средством формирования притяжательных прилагательных и топонимов-посессивов. Эти средства посессивности считаются относительно поздними: они сформировались в последней фазе праславянского языка, когда начинали выделяться отдельные славянские языки, и стали быстро вытеснять старый суф. **-j-* у некоторых основ. Так, уже в позднепраславянский период к существительным с новыми уменьшительно-ласкательными суф. *-ько, -ло, -ило* присоединялся только суф. *-ов-*, он же образовывал посессивные прилагательные от односложных основ [Мароевич 1989, 125–129].

Деантропонимная топонимия на *-ово/-ево, -ино* в Новгородской земле, как и во многих других регионах Славии, образует наиболее многочисленный пласт, поскольку соответствующие названия регулярно возникали на протяжении всего средневековья и появляются по сей день¹.

¹ Соответствующие названия, образованные в новейшее время, являют собой, как правило, тип отфамильных мемориальных ойконимов. В качестве примера приведем название дер. *Зуево* близ р. ц. Чудово, данное в 1960-е гг. в честь комиссара Красной Армии И.В. Зуева, погибшего в боях за деревню в период Великой Отечественной войны (прежде этот пункт назывался *Коломовка*).

Многие из таких названий мотивированы древнеславянскими личными именами, вышедшими из употребления на новгородской территории к XVI в.

В подавляющем большинстве топонимы на *-ово/-ево* возникали от личных имен мужского морфологического рода (на твердую / мягкую согласную или на *-о*), названия на *-ино* – от личных имен женского морфологического рода (на *-а*). Такое распределение реализовано очень четко, хотя иногда материалы позволяют думать о нарушении морфологической дистрибуции данных суффиксов, функционировавших параллельно. Ср., к примеру, геогр. *Ольговка* с вариантом *Ольгина* в Курской губ., распространенный ойконим *Зубово*, закономерно произведенный от личн. *Зубъ*, но и единичное *Зубино* в Костромской губ., геогр. *Любятино* в Подмоскowie, но и пск. *Любятово* пог. на р. Пскове [Vasm. RGN III 3, 535; VI 2, 403; V 2, 292], др.-польск. геогр. *Mstów* XII в. на базе отмеченного письменностью личн. *Msta* [Neckula 1971, 341], хотя ожидалось бы *Mścin*, блр. геогр. *Хотыново* в Минской губ. [Vasm. RGN IX 3, 533] при зафиксированном личн. *Хотына* и ожидаемом *Хотынино*. Подобные факты явного или кажущегося морфологического несоответствия производящего личного имени и производного топонима объяснима различными причинами. Иногда, вероятно, действовал фактор аналогии, приводивший к замене или трансформации притяжательного форманта в составе топонима. Суф. *-ев-* и *-ин-* при мягкой основе были более способны к взаимозамещению, ср. наличие новг. геогр. *Безуино* при личн. *Безуевая* (см.), геогр. *Игнашино* и *Игнашево* в Дер. и Вод. пят. [НПК I, 105; III, 227]. Возможны ситуации, когда модель образования отыменных посессивов стереотипно запаздывает относительно развития самих личных имен, не отражая нового их качества. Показательный пример дает А.А.Зализняк [Зализняк 2004, 207–209]: с одной стороны, содержащиеся в новгородских берестяных грамотах притяжательные прилагательные и многочисленные в НПК ойконимы, образованные от антропонимов с основой на *-ил-*, почти все содержат суф. *-ов-* (*Даниловъ*, *Мѣстиловъ*, геогр. *Добрилово*, *Душилово*, *Петрилово*, *Селилово* и т. п.), отражающий первоначальную принадлежность исходных личных имен к мужскому морфологическому роду; с другой стороны, памятники письменности уже самого раннего периода показывают устойчивое преобладание личных имен, оформленных по женскому роду (*Данила*, *Мѣстила*, *Добрила*, *Душила*, *Петрила*, *Селила* и т. п.). Все же в большинстве случаев посессивная модель, надо полагать, прямо и без запаздывания отражает оформление мотивирующей антропонимии, но при этом существенно подчеркнуть, что многие личные имена

параллельно выступали то в мужском, то в женском морфологическом роде: *Хотуть / Хотута, Любовь / Люба, Любятъ / Любята, Тютъко / Тютъка*, откуда соответственно геогр. *Хотутово* и *Хотутино*, *Любово* и *Любино*, *Любятово* и *Любятино*, *Тютково* и *Тюткино*. В целом указанные топонимические колебания, на наш взгляд, чаще заданы качеством исходной антропонимии, нежели неустойчивостью формантов в составе топонимов.

Суффиксы *-ов/-ев-, -ин-* легко сочетались с основами антропонимов различных разрядов. Самые многочисленные группы ойконимов с этими суффиксами составляют образования от древнеславянских гипокористических и христианских личных имен, а также от личных имен, равных апеллятивным лексемам. Топонимы-посессивы от антропонимов, содержащих гипокористические морфы (*-ько, -ько, -ило, -уи, -'ата, -ута, -икъ* и др.), почти всегда образовывались при помощи суф. *-ов/-ев-, -ин-* даже в тот период, когда изосемантический суф. **-j-* еще не потерял продуктивности. Йотово-посессивные образования от соответствующих личных имен в Новгородской земле очень редки.

Напротив, топонимы-посессивы с *-ов/-ев-, -ин-*суффиксацией от древнеславянских композитных антропонимов представлены единичными фактами. К ним относятся старописьменные новг. геогр. *Домажирово, Ратмирово, Будимерово, Мирнегово*, рассмотренные в 1-й главе, а также подробно анализируемые ниже геогр. *Тужирово, Тужерино* и *Здажерино* (см.). Как уже указывалось, типичной для двусосновных имен является йотовая суффиксация. Несколько выше, чем в композитах, процент суф. *-ов/-ев-, -ин-* при префиксально-корневых именах (см. рассмотренные ниже *Абрадово, Понъино, Нехутово, Обжерино* и др.). Это связано с тем, что отдельные из префиксально-корневых древнеславянских имен не вышли из употребления даже в относительно поздние периоды.

Широкая хронология параллельно функционировавших деривационных моделей топонимов на *-ово/-ево* и на *-ино* требует поиска примет древнерусской принадлежности названий в их антропонимических базах. Обзор антропонимического материала письменных источников по Новгородской земле, главным образом грамот на бересте XI–XV вв. и писцовых книг XV–XVI вв., позволяет сформулировать общие заключения относительно стратиграфии основных разрядов личных имен, мотивирующих географические названия. Смело можно утверждать, что на новгородской территории к началу старорусского периода во 2-й пол. XV в. вышли из употребления не только почти все древнеславянские полные личные имена (композитные, префиксально- и суффиксально-корневые), но и подавляющее большинство соотносимых с ними разно-

образных дериватов-гипокористик, которые широко отложились в старописьменной ойконимии на *-ово/-ево, -ино* (*Путьята, Вышията, Добрило, Радько, Жирохъ, Намѣстько* и т. п.). Имена, равные кратким формам прилагательных и причастий (*Маль, Кривъ, Хотѣнь* и т. п.) тоже в основном исчезли к XVI в., надо полагать, в связи с общерусской утратой склонения древнерусских кратких адъективных форм. Письменные источники Новгородской земли XVI в. таких антропонимов, за редкими исключениями, уже не знают. Зато многочисленные личные имена и прозвища, равные нарицательным существительным, полным прилагательным и причастиям, продолжали использоваться и продуцироваться без ограничений. Антропонимы, производные от апеллативов при помощи различных, в том числе активных в древнерусский период гипокористических суффиксов (*Шумята, Чернята, Холодило, Зуйко, Нелюбиша* и т. п.), в целом оставались в употреблении отчасти до конца старорусского периода, отчасти и далее. Сходные хронологические заключения можно сделать в отношении массива христианских имен как в полном, так и в усеченно-суффиксальном, гипокористическом виде.

Обратимся далее к анализу географических названий на *-ово/-ево, -ино* от архаических личных имен разных разрядов. Массовый характер данной топонимии не дает возможности рассмотреть такие названия исчерпывающим образом, поэтому подробно сосредоточимся только на отдельных показательных случаях.

Теребуново дер. Боровенковск. Ок., ранее – село Заозерской вол. Кр. у. при оз. *Теребуновском* [СНМНГ IV, 20–21], по спискам селений 1-й пол. XIX в. – пог. *Теребунов* с одной церковью в Кр. у., по Карте Шуберта – пог. *Теребуновский* [Неволин 1853, 180]. По писцовым книгам Дер. пят. конца XV – 1-й пол. XVI в. числится как сельцо *Теребуново* с церковью Великий Егорий при оз. *Теребуново*, центр *Теребуновского* пог. [НПК II, 115, 127, 128, 132–142; ПКНЗ 4, 134, 386, 439, 441–443, 446, 452; ПКНЗ 5, 58, 59, 183–185]. В окрестностях населенного пункта много археологических достопримечательностей – свидетельств давней освоенности местной округи: группа сопков высотой до 10 м, два жальника, два селища, гранитный валун с вырубленным изображением креста на верхнем склоне холма возле истока р. Волмы в 1,3 км севернее деревни [Пам. истории и культуры Новг. обл., 167–168; Арх. пам. Новг. обл. II, 28]. Ойконим образован от личн. *Теребунъ*. Ср. в Чехии геогр. *Trěbouň* сел. (ранее – *Triebun*, 1284 г.): по мнению исследователей, – это йотово-посессивное производное от др.-чеш. личн. *Trěbún* [Prof. MJ IV, 365; Rospond 1983, 140; Šmilauer, Svoboda 1960, 618]. Й. Заимов обнаруживает личн. *Требун* в др.-болг. источниках до IX в. [Заим. БИ, 223], а в Ар-

хиве Юго-Западной России отражено ст.-укр. личн. *Теребунец*, каневский драб 1552 г. [Туп. СДЛСИ, 446]. Однако современные новгородские ойконимы *Теребуни* дер. Вшельск. Сол., *Теребуня* дер. Хваловск. Волх., не найденные по средневековой документации (что позволяет предположить их позднее возникновение), могут относиться к классу распространенных деапеллятивных образований от **terb-* при помощи суф. *-in'a*, ср. др.-рус. *теребиту* 'расчищать под пашню'. См. еще укр. *Теребуна* оз. и *Теребуни* луг – оба названия в Ровенской обл., польск. *Trzebunia*, *Trzebuńka* pp. басс. Вислы и Одера; по [Шульгач 1998, 292].

Др.-слав. личн. *Теребунъ* стоит в одном ряду с многочисленными и очень популярными некогда, особенно у западных славян, именами от прасл. **terb-* 'быть нужным, необходимым'. Антропонимические композиты с препозитивным компонентом *Тереб-* безусловно были знакомы славянам, заселявшим бассейн Ильменя (см. подр. об этом новг. геогр. *Теребовижа*, *Теребонижье*, там же обширный инославянский материал), но явно использовались также гипокористические или образованные от корня при помощи разных суффиксов простые имена. Относительно последних контекст ойкониму *Теребуново* составляют, по видимому, новг. геогр. *Тереболево*, *Тереболя* – пункты соответственно Дремяцкого и Илеменского пог. Шел. пят. 1498 и 1571 гг. [НПК V, 167, 492], к которым добавляется блр. геогр. *Тереболь* сел. под Мозырем и Слуцком [Vasm. RGN IX 1, 58]: они скорее всего мотивированы личн. *Тереболя*; ср. с *-l*-суффиксацией тождественные или максимально близкие польск. личн. *Trzebala*, *Trzebiel*, *Trzebol* [SSNO V, 479; Schlimpert 1978, 147], личн. *Trebl*, *Trebla* у древних полабских и поморских славян [Schlimpert 1978, 147], личн. *Trebel*, известное по письменности альпийских славян IX в. [Kronsteiner 1981, 211], нижн.-луж. *Tr̥bal*, *Tr̥bal* [Muka, 105], др.-чеш. *Tr̥bel* [Svoboda 1964, 169], *Требел*, *Требло* из др.-болг. источников [Заим. БИ, 223]. Новг. геогр. *Теребякино* дер. Деожского пог. Шел. пят. 1-й пол. XVI в. [НПК V, 362] обусловлено личн. **Теребяка*; ср. с *-k*-суффиксацией др.-польск. личн. *Trzebek*, *Trzebko* [SSNO V, 477], др.-чеш. *Tr̥bak*, *Tr̥bek* [Svoboda 1964, 132, 135], нижн.-луж. *Tr̥bik*, *Tr̥bik* [Muka, 105], древнее альпослав. *Tr̥bak* [Kronsteiner 1981, 211]. Тем не менее, при анализе подобных географических названий необходимо быть предельно осторожным ввиду того, что основа *тереб-* в значении 'расчищать лес под пашню' широко отложилась в новгородской топонимии, маркирующей участки подсечного земледелия. Ср. многочисленные названия *Теребеж*, *Теребня*, *Теребутинец* и др., осмысляемые на базе апеллятивов, наряду с тем, что новгородские говоры до сих пор знают словосочетание *теребёное место* – 'место,

расчищенное, очищенное от леса, кустов' и т. п. [НОС 11, 33]. Поэтому, скажем, трактовка старописьменных геогр. **Теребышино** дер. Опоцкого пог. Шел. пят. 1575 г. [НПК V, 685, 689] (которая, кстати сказать, была соотнесена с дер. *Требутици*, вар. *Требутица* 1498 г. в этом же погосте [НПК IV, 176, 177], см. [Андрияшев 1914, 423]), **Теребышово** пожня в Грузинском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 448], **Теребушино** дер. в Паозерье 1498 г. [НПК IV, 7], современного новг. **Теребушево** дер. Амо-совск. Кр. в известной мере двусмысленна. С одной стороны, у западных славян были в ходу (и отчасти используются до сих пор) личные имена от **terb-* с -*š*-суффиксацией: др.-польск. *Trzebosz* [SSNO V, 480], полаб.-помор., др.-луж. *Trebuš*, *Trěbiš*, нижн.-луж. *Trěboš*, *Trěbuš* [Schlimpert 1978, 147–148; Muka, 105], личн. *Trěbeš*, *Trěbišiny* у древних альпийских славян [Kronsteiner 1981, 211]; с другой стороны, суф. -*уш-*, -*ыш-* часто характеризуют бесспорно деапеллятивные топонимы (ср. хотя бы новг. микротопонимы *Горбуша*, *Крутуша* [НОС 2, 39; 4, 158] – к *крутой*, *горб*). Недаром мы нередко обнаруживаем среди топонимов на *Тереб-* такие названия, как **Теребушка Бесѣда** сельцо Никольского Ястребинского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 763, 790] (= совр. *Теребушка* Шумск. Кир.) или **Теребоша** (*Теребош*) дер. Влажинского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 655] (= ? совр. дер. *Теребуша* Добростск. Кр.), которые не осложнены -*ов/-ев-*, -*ин*-суффиксацией, привычно отсылающей к исходным антропонимам (впрочем, такая суффиксация иногда присутствует и в названиях, основанных на апеллятивах). В целом же, безусловно, большинство топонимии на *Тереб-* имеет прямое отношение к участкам «теребления» – таковы, скажем, названия с суффиксами -*ан*, -*он*, -*ун*, -*ын*, -*ен*, -*еж-*: новг. *Теребань*, *Теребони*, *Теребуни*, *Теребыни*, *Теребень*, *Теребеж* и др., многочисленные по старописьменной документации и по современным материалам; подр. они будут рассмотрены в другом месте. Архаические деантропонимные названия от **terb-* сблизались, смешались с деапеллятивными, возникавшими на протяжении всего средневековья, иногда модифицировались под их влиянием, поэтому формальные критерии в данном случае не всегда достаточны для разграничения двух этимологических типов.

Грузино село Грузинск. Чуд. на правом берегу Волхова, ранее являлось центром Грузинской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 22–23]. В письменности появляется с 1500 г. как центр Андреевского Грузинского пог. Вод. пят., бывшего на левобережье Волхова [НПК III, 445–455; ПКНЗ 1, 95; Селин 2003, 248, табл. 25]; само же главное село *Грузино* с погостской церковью лежало в Обон. пят. на волховском правобережье. Еще один пункт в Обон. пят., называвшийся **Грузино**, был в Спасском пог. на Шу-

го-озере: «деревня на Хундоле ж, слово *Грузино*», 1564 г. [ПКНЗ 2, 117] (= *Грузино* дер. на р. Капша со смежным выселком *Грузино* (*Надпорожье*, *Порог*), оба пункта в Куневичской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 76–78]). А.И.Попов связывает поволховское геогр. *Грузино* с именем *Груз* новгородского боярского рода, из которого вышли посадники XV в. Афанасий Остафьевич *Груз* и его брат Кузьма *Грузов* [Попов 1981, 116]. Эта связь сомнительна хотя бы потому, что суф. *-ино* в *Грузино*, устойчиво воспроизводимом названии, предполагает скорее личн. *Груза*, а не *Груз*; это последнее имя находит иное достаточно широкое отражение в старописьменной новгородской топонимии (см. анализ геогр. *Грузовичи*, *Грузово* и др. в гл. 4). Истоки новг. геогр. *Грузино* уходят, как будто, на запад славянства; ср. др.-польск. личн. *Grąza*, *Gręza* [SSNO II, 199], личн. *Grąza* (в нем. источнике 1168 г. – *Granza*) у древних полабских и поморских славян и там же (в двух округах на территории Германии) к востоку от Гамбурга ойконом *Granzin* [Schlimpert 1978, 49–50] – полаб.-помор. параллель к новг. *Грузино*. Личн. **Груза* апеллятивного происхождения (к прасл. **grōz-* / **gręz-*) и, кажется, мотивировано скорее архаическим для корня **grōz-* зап.-слав. значением ‘грязь; пачкаться’, нежели значением ‘грузный, тяжелый’; ср. польск. *grąz*, *grąż* ‘болото, топь, трясина’, *grąznić* ‘погружаться; пачкаться’ и иной вариант корня в рус. *грязь*, *погрязнуть* и т. п.

Наряду с деантропонимной, сохраняется вероятность деапеллятивной трактовки поволховского ойконима *Грузино*, если опираться на такие факты, как польск. *grąz* ‘топь’ и укр. диал. *грузь* ‘топь, трясина’ [Муруз. СНГТ 1, 167, со ссылкой на словарь Гринченко] и особенно укр. диал. (полесское) *грузинá* – ‘большая трясина’ [Черепанова 1984, 67]. В рамках данной трактовки можно предположить, что *Грузино* выступает изначальным апеллятивом *грузина*, указывавшим на топкую местность (ср. с суф. *-ин-а*: *топина* – от *топь*, *болотина* – от *болото* и т. п.). Известно, что село *Грузино* лежит в т. н. Большой Пойме Волхова – заболоченной приречной низине, которая является остатком древнего ледникового озера [Ильина, Грахов 1980, 16]. Таким образом, микроландшафт способствует деапеллятивной версии, которой, как будто, благоприятствует и качество межтерриториальных топосоответствий. Так, плюральная форма геогр. *Грузины*, дер. на рч. Жалинке в окрестностях Торжка Твер. губ. [СНМРИ 43, № 7919], позволяет квалифицировать тверской ойконим как онимизацию апеллятива мн. ч. Ср. далее укр. *Грузина* болото в Дубровицком р-не Ровенской обл., польск. *Gręzina* р. в басс. Одры, топоним *Gręziny* в бывшем Угровецком повете: изложенные

топонимические факты обосновывались прасл. **grazina* ‘болото, тряси-на’ [Шульгач 1998, 108].

Порхов гор. на р. Шелони, р. ц. Пск. обл. Первый раз указан летописью под 1346 г., когда литовский князь Ольгерд «взя Шелону и Лугу на щить, а с *Порховского городка* и съ Опоки взя окупъ» [НПЛ, 358 (Ком. сп.); НЛ, 221]. С этого времени городок многократно упоминается в письменности уже только под названием *Порхов*. Сооружение каменной крепости в Порхове относится к 1387 г.: «Того же лѣта благослови владыка Алексѣи всь Новгород ставити город *Порховъ* камень; и послаша новгородци Ивана Федоровича, Фатьяна Есифовича, и поставиша город *Порховъ* камень» [НПЛ, 381]. В летописном списке древнерусских городов, составленном в конце XIV в., это качество Порхова особо подчеркнуто: «на Шолонѣ *Порховъ* камень» [НПЛ, 381, 477]. Город указан двумя новг. бер. гр.: № 275/266 3-й четверти XIV в. («оу *Поръховъ*») и № 540 нач. XV в. («в *Порховѣ*») [Зализняк 2004, 603, 660]. Писцовые книги Шел. пят. [НПК IV, 216; V, 62, 64, 66, 571–582] отмечают Порхов как значительный город, территориальный центр (см. также описания Порховского околотородья, Порховского уезда).

Специфика названия (*Порхов* муж. р., *Порховский городок*) квалифицирует этот населенный пункт в качестве изначального городского укрепления. О том же свидетельствует археологическая достопримечательность – старое *Порховское* городище при впадении ручья на правом берегу Шелони, основные пласты которого относятся к XIV в., но встречаются материалы XIII в. Археологи (П.А.Раппопорт, Е.А.Рябинин) связывают это городище с *Городцом* на Шелони, который построили новгородцы в 1239 г. под руководством князя Александра Невского, см. [Куза 1996, 60], а также [Попов 1981, 77].

Сейчас можно со значительной уверенностью (большей, чем это казалось А.И.Попову [1981, 77]) считать название гор. *Порхов* производным от архаического непроемного вост.-слав. имени или прозвища *Порхъ* (< *Пърхъ*), наряду с гидронимом **Порхов** руч., пр. пр. Болотницы в басс. р. Тигоды западнее гор. Любань (по карте-километровке Лен. обл.) и ойконимом **Порхово** дер. в окрестностях гор. Яма Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 891] (= совр. дер. *Порхово* на р. Луге выше гор. Кингисепп, ранее Ямбургского у. Петерб. губ.) + дер. на р. Ящерица Дрегельск. Люб., а ранее Жуковской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 48–49]. За пределами области бывших новгородских пятин перечисленную топонимию дополняют: *Порхово* (*Пархово*) дер. Торопецкого у. Пск. губ., *Порхово* дер. Волоколамского у. Московской губ. + дер. Кадниковского у.

Вологодской губ., *Порхова* дер. на р. Сижка Ржевского у. Твер. губ., *Порховицы* дер. Бельского у. Смоленской губ., *Порхова* (польск. *Porchowa*) дер. в округе Бугач в Галиции, *Порховка* дер. Великолуцкого у. Пск. губ. и сел. Волчанского у. Харьковской губ. [Vasm. RGN VII 2, 301]. Ср. прозвище землевладельца Васюк *Порх* 1504 г. и фамилию гонца Ивашко *Порхов* 1641 г., оба по документации Северо-Восточной Руси [Туп. СДЛСИ, 372, 760], соотносимые с прасл. **r̥xati*, рус. *порхать* ‘перелетать с места на место’, диал. ‘бегать, резвиться’, ‘разбрасывать, разбрызгивать’, *порхлый* ‘рыхлый’, *порховый* ‘пышный, рыхлый; легкий’ и др., сводка значений в [СРНГ 30, 110–114]. Из более поздних по происхождению, суффиксально оформленных имен (прозвищ) на базе **r̥x-* см. ст.-рус. *Поришень* Антон Климентьев [Вес. Он., 255] при наличии рус. диал. (пск., твер.) *поришень* ‘башмак’, но и ‘резвый, веселый ребенок’ [СРНГ 30, 116–117], личн. *Порхан*, *Порхачев* Нефед, подьячий 1520 г. [Вес. Он., 255]; последнее отложилось в новг. геогр. *Порхачово* дер. Петровского Борисоглебского в Боровичах пог. Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 959]. Современные экспрессивные номинации лиц по говорам: *порховица*. О легком худеньком человеке; *порховка*. О человеке с легкой походкой, быстром в движении и легком «на подъем»; *порхайка* – ‘непоседливый, очень подвижный ребенок’ [СРНГ 30, 110–113], – раскрывают вероятные семантические грани др.-рус. прозвища *Порхъ*, отраженного в геогр. *Порхов*, *Порхово*.

Очевидно, родственную для рассматриваемой ойконимии антропонимическую основу содержит геогр. *Прахово* дер. и поч. в Егорьевском Удомельском и в Воскресенском Осеченском пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 80, 267]. Ср. еще сопредельные совр. ойконимы *Прохово* дер. на оз. Ветрино Вышневолоцкого у. Твер. губ. [СНМРИ 43, 3455] и *Проховицы* дер. Бельского у. Смоленской губ. (ср. в том же Бельском у. геогр. *Порховицы*) [Vasm. RGN VII 2, 412, 301], восходящие к личн. **Прохъ*. Последнее предпочтительно квалифицировать как фонетический вариант личн. *Порхъ*, развившийся на общей лексической базе **r̥x-* (: **r̥xati*). Здесь мы встречаемся с особым (диал. др.-новг.) типом развития сочетаний редуцированных с последующим плавным между согласными – переходом *t̥rt* > *tr̥t*, который описан А.А.Зализняком [Зализняк 1997, 250–258; 2004, 50–52]. Двойную рефлексию данного корня доказывают современные диалектные факты; ср. родственные *порховый* ‘пышный, рассыпчатый, рыхлый’, ‘редкий, неплотный’ и др. [СРНГ 30, 113] и *проховый* ‘рыхлый, пористый’, ‘редкий, негустой’ а также ‘быстрый, ловкий в работе, умелый; работающий’ [СРНГ 33, 28]. Применительно к этим вариантам

укажем еще геогр. *Прошнево* дер. Покровского пог. в Мирогожской Дуброве 1545 г. + дер. Никольского пог. в Молдине 1551 г. [НПК VI, 496, 810]: к личн. **Прошень*; ср. арх. диал. *прошень* ‘деревянный стержень, к которому прикрепляют куделю’ [СРНГ 33, 47] при наличии апел. *поршень*, личн. *Поршень*.

Нездино оз. и дер. Теребуновского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК II, 128, 141] + дер. в Ясеновичском пог. Дер. пят. [НПК I, 42]. Старописьменный материал дополняется ойконимом *Нездино* (вар. *Гнездино*) дер. Холм. у. Пск. губ., известным по спискам селений 1885 г. [СНМРИ 34, № 13999]. Названия обусловлены др.-новг. личн. *Несъда* (> *Несда*, *Незда*), достаточно популярным в ранний период независимости Новгорода. Имя прослежено по берестяным грамотам раннего периода (XI–XII вв.): № 105, 333; гр. № 238 дает производное *Несдичь* (патроним или, скорее, гипокористика с морфом *-ичь*, ср. ниже *Нездила*); гр. № 22 из Старой Руссы XII в. показывает форму *Несдичевая* – наименование жены по мужу с именем *Несдичь* (материал по: [Зализняк 2004, 765]). Из летописи известны новгородцы: бирич *Несда*, убитый в 1167 г., Мирошка *Нездиничь*, принявший посаничество в 1189 г., боярин Вьнъздъ *Нездиничь*, срубивший церковь Святого образа в 1191 г. [НПЛ, 32, 39, 220, 230]. Ср. др.-польск. личн. *Nieszda* [Taszycki 1925, 86; SSNO IV, 61], др.-чеш. *Nezda* [Svoboda 1964, 285]. Имя имело некогда хождение также в Среднем (Рязанском) Поочье, причем, как кажется, здесь оно задержалось даже дольше, чем в новгородских землях; ср. в рязанской грамоте нач. XVI в. – *Нездя* Онаня, кузнец, и в Поочье же геогр. *Нездина* (*Низдина*) лев. пр. Осетра, там же *Нездино* сел. Тульской обл., возможно, *Нездин* руч. басс. р. Скниги западнее р. Осетра, см. материалы: [Чумакова 1992, 70; Смол. ГБО, 141, 152]. Из Поочья данный антропоним проник позднее на Среднюю Волгу, где указаны: *Нездин* Иван Моисеев (Кострома 1578 г.), *Нездин* Богдан Яковлевич (Арзамас 1592 г.) [Вес. Он., 216]. Согласно истолкованию А.А.Зализняка [Зализняк 2004, 357], личн. *Несъда* произведено по модели имен *Несуль*, *Невзорь*, *Непробудь* и т. п. от прасл. **śdĕti* ‘собрать’, ‘соединить’ (рус. *дѣть*); по Т.Милевскому [Milewski 1969, 23], это реликтовое имя соотносится с префиксальным **śdati* и несет черты раннего периода формирования индоевропейской антропонимической системы.

От личн. *Несъда* образовалось при помощи суф. *-ил-* личн. *Несъдиль*, *-о*, *-а*, (> *Несдил*, *-о*, *-а*, *Нездил*, *-о*, *-а*). Это гипокористическое имя было отложено в новг. геогр. *Недзилово* дер. в пог. Воскресенском в Осечне Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 80] (из **Недзилово*, благодаря метатезе), = ? геогр. *Нездылово* дер. сер. XIX в. в Тверском у. [СНМРИ 43,

№ 95], и в старописьменном геогр. *Невздылицы* сельцо в пог. Ильинском Замозском в Бегуницах Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 598]: из первоначальной формы **Нездылицы* отпатронимного облика. Ср. личн. *Несдыла* в новг. бер. гр. № 220 XIII в. (в источнике: «у *Нездыле*») Род. ед., «*Нездыле*») Дат. ед. – имя церковного старосты на территории, где позднее отмечен Петровский пог. Вод. пят.) как вторичный вариант имени *Несдыла*; последнее регистрирует бер. гр. № 443 конца XII – нач. XIII в. [Зализняк 2004, 438, 487]. Летописи упоминают новгородцев: *Нездил* 1239 г., *Нездыло* Савиничъ 1225 г. (Новг. 4-я лет.), *Нездыла* Пехциничъ 1200 г., *Нездыла* Станимировичъ 1217 г., *Нездыла* Прокшиничъ 1229 г., Дрочило *Нездыловъ*, сын кожевника 1240 г. (по [НПЛ, 45, 57, 68, 73, 77, 239, 258, 275, 284, 294] и по [Мор. СИ, 136]), сюда же *Нездылецъ*, пскович, по грамоте нач. XIV в. [ГВНП, 317–318, гр. 332], и Романъ *Нездыловичъ*, киевский воевода 1185 г. по Ипатьевской летописи [Туп. СДЛСИ, 726]. Свидетельства употребления перечисленных имен с суф. *-ил-* в основном относятся к XIII – нач. XIV в., тогда как новгородские фиксации личн. *Несьда*, *Несьдичъ* ранее XIII в.

Нехутово дер. Лукинского пог. в северной части Ильменского Паозерья 1498 г. [НПК V, 296], отождествленная с позднейшей дер. *Нехотилова* [Андряшев 1914, 12], сегодня – дер. *Нехотилово* Ракомск. Новг. Старописьменное название деревни, очевидно, образовано от редкого личного имени **Нехуть*. Следует в первую очередь сравнить с геогр. *Nechutnov* сел. в Чехии, которое Я.Свобода и В.Шмилауэр [Svoboda, Šmilauer 1960, 572] выводят из др.-чеш. личн. *Nechuten*. Среди др.-чеш. антропонимов приводились также *Chuten* и композитное **Sechut*, восстановленное по патронимическому геогр. *Sechutice* в Чехии [Svoboda 1964, 84, 270] (на наш взгляд, первый компонент этого др.-чеш. имени равен указательному местоимению, ср. др.-новг. личн. *Сежирь*). По структуре др.-рус. личн. **Нехуть* префиксально-корневого типа (с отрицанием); по корню соотносится со ст.-чеш. *chutný* ‘приятный, милостивый’, совр. ‘вкусный’, диал. ‘красивый’, словац. диал. *xutní* ‘милый, миловидный, хорошенький’, *chut* ‘вкус’, ‘жажда’, нижн.-луж. диал. *chutny* ‘жадный, алчный’, ст.-польск. *chętny* ‘приятный’, польск. ‘охотный, доброжелательный’, *chęć* ‘охота, желание’. Согласно [ЭССЯ 8, 84, 86; Фасм. ЭСРЯ IV, 270], это дериваты прасл. корня **xot-* (с носовым инфиксом), который является вторичным вариантом прасл. **xot-* (: **xotěti*), ср. рус. *хотеть*. В таком случае др.-новг. личн. **Нехуть*, как и др.-чеш. личн. *Nechuten*, осмысляется скорее всего в охранительном значении – как ‘нежеланный’. С одной стороны, это имя противопоставлено по смыслу как др.-чеш. личн. *Chuten*, так и др.-рус.

личн. *Хуть, которое извлекается из новг. геогр. **Хутово** (вар. *Хотово*) дер. Новолодожского у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 2827], с другой стороны, семантически *Нехуть равно др.-рус. личн. *Нехотъ, отличающемуся только огласовкой. Последнее реконструируется по нескольким собственно русским ойконимам; ср. новг. **Нехотицко** дер. на р. Снежа Дубовицкой вол. Ст. у. [СНМНГ III, 52–53] (сейчас – дер. Сусоловск. Ст.), вологодск. **Нехотово** дер. Грязовецкого у., костромск. **Нехоткино** дер. близ Солигалича (к уменьш. личн. *Нехотъка), йотово-посессивное калужск. **Нехочи** дер. под Жиздрой [Vasm. RGN VI 1, 153–154]. Антропонимы *Нехуть, *Нехотъ, *Нехотъка продолжают ряд негативно-охранных, апотропеических имен типа *Немиль, Нежданъ, Немой, Ненашь* и др.

Соотношение вариантных корневых элементов *хут-* и *хот-*, объясняемых наличием / отсутствием инфиксации прасл. **хот-*, иллюстрируют не только геогр. *Хутово* и *Хотово*, *Нехутово* и *Нехотово* (показательна, кстати говоря, даже отмеченная выше вариантность *Нехутово* / *Нехотилова*), но и целый ряд иных параллельных др.-слав. топонимических форм тождественной деривации. Ср. йотово-посессивные геогр. *Chutcze*, *Chutcze-Bachus* неподалеку от гор. Хелм и Люблин в Восточной Польше наряду с *Chotča* сел. близ гор. Стрпоков в Словакии и *Хотча Новая* дер. на реке *Хотча* в Калязинском уезде Твер. губ. (к личн. **Хитъкъ, -о, -а* / **Хитъсь* и **Хотъкъ, -о, -а* / **Хотъсь*), блр. геогр. *Хуцьки* дер. близ гор. Новогрудок Минской губ. наряду с польск. *Choćki* (блр. *Хоцьки*) дер. на реке Роспуда в Сувалкии на северо-востоке Польши, блр. геогр. *Хучево* имение неподалеку от Витебска наряду с *Хочево* дер. в Белевском у. Тульской губ. (к др.-рус. гипокористикам **Хучь*, **Хочь*), патронимический ойконим *Chutkowice* в Бельском у. Гродненской губ., имеющий показательный вариант *Chotkowice* (*Chodkowice*), блр. геогр. *Хуцьня* сел. в Пинском у. Минской губ. при наличии *Хотня* дер. на р. *Хотня* неподалеку от Брянска (по материалам: [Vasm. RGN IX 3, 531, 532, 537, 554, 563, 564]), укр. *Хутомир* оз. в басс. р. Стоход + сел. в Любешевском р-не Волынской обл. наряду с *Хотимир* сел. в Тлумачском р-не Ивано-Франковской обл. Украины [Шульгач 1998, 114]. Среди антропонимии можно указать др.-польск. личн. *Chętka* наряду с *Choćko*, *Chotek* [SSNO VII, 24; I, 336], др.-чеш. личн. *Chuten* наряду с *Choteň* [Svoboda 1964, 270].

На фоне перечисленных деантропонимных названий и личных имен с вариантными элементами *хут-* / *хот-* уместно этимологически проанализировать широко известный новгородский ойконим **Хутынъ**, относящийся к деревне на правом берегу Волхова под Новгородом и к на-

ходящемуся там монастырю (*Хутынский Спасский Преображенский монастырь*, подр. об истории которого см. [Где Святая София... 1998, 193–201])¹. Летопись впервые упоминает это место в 1192 г.: «Въ то же лѣто постави църковь вънизу на *Хутинѣ* Варлаамъ църнець, а мирьскимъ именемъ Алекса Михалевиць, въ имя святого Спаса Преображения; и святы ю владыка архиепископъ Гаврила на праздникъ, и нарече манастирь» [НПЛ, 40 (Син. сп.)]. Приблизительно этим же временем (1192–1210 гг.) датируется Вкладная грамота Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю (к обоснованию ее датировки см. [Янин 1990, 207–210]), в которой интересующее нас название содержится в следующем фрагменте: «Вху же ту землю *Хутиньскую* въдале святому Спасу и съ челядию и съ скотиною» [ГВНП, 161, гр. 104], а также [Зализняк 2004, 458]. Из этих материалов явствует, что геогр. *Хутынь* под Новгородом первоначально имело облик посессива с суф. *-ин-*: *Хутино*, о чем свидетельствуют и более поздние многочисленные фиксации: «на *Хутинѣ*» в Мест. п. (1207, 1211, 1243, 1247, 1417, 1418, 1445 гг.), «съ *Хутина*» в Род. п. (1223, 1230, 1388, 1414), «на *Хутино*» в Вин. п. (1228 г.), см. летопись [НПЛ, 50, 52, 61, 65, 67, 70, 79, 231, 247, 250, 270, 272, 273, 278, 297, 304, 381, 382, 485, 405, 407, 411, 424, 474]. Один из новгородских актов нач. XV в. тоже дает форму с суф. *-ин-*: «святого Спаса с *Хутина*» [ГВНП, 187, гр. 130].

Летописное геогр. *Хутино* продолжает ряд перечисленных выше топонимических фактов со вторичным (инфиксальным) элементом *хут-*, вариантиком к *хот-*, находя максимально близкие соответствия в распространенной на старой восточнославянской территории ойконимии с основой *Хотин-*. См. старописьменные новг. геогр. *Хотино* дер. во Фроловском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 40] + дер. в Михайловском пог. на Узе Шел. пят. 1576 г. [НПК V, 663], *Хотено* дер. Косицкого пог. на р. Луге Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 350]; по более поздним источникам известны: новг. *Хотино* дер. на р. Оборля Велильской вол. Дем. у. [СНМНГ II, 22–23], а также *Хотино* (*Верхнее* и *Нижнее*) пункты на руч. *Хотинский* в окрестностях Кириллова на Вологодчине + дер. неподале-

¹ Попытка объяснить топоним *Хутынь* выразилась в создании топонимической легенды, которая изложена архимандритом Макарием следующим образом: «Слово Хутынь, по преданию, происходит от слова – худый, то есть худое место, обитаемое нечистою силой, но очищенное от нее преп. Варлаамом, и соответствует слову – худынь. В подтверждение этого указывают на озеро у монастыря вроде болота, которое зовется Видьнь, где будто бы затоплена нечистая сила и где доселе иногда видятся или чудятся привидения оной» [Макарий 1860, 431], см. о том же в «Житии преподобного Варлаама Хутынского» [Избранные жития, 155].

ку от Торопца + дер. на оз. *Хотино* в Лепельском у. на Витебщине, геогр. *Хотина* (вар. *Фотина*) дер. на р. Сотня в Бельском у. Смоленской губ, геогр. *Хотин* ус. на р. *Хотинка* в Старобыховском у. на Могилевщине + дер. неподалеку от гор. Дубно на Волыни + дер. на р. Ломница близ гор. Калуш в Галиции, геогр. *Хотиново* дер. неподалеку от Торжка Твер. губ, *Хотиничи* на Западной Двине неподалеку от Витебска, *Хотинщина* хут. в окрестностях Дубно Волынской губ. и нек. др. [Vasm. RGN IX 3, 530–531]. Деантропонимный характер перечисленной топонимии очевиден, хотя сами названия, подверженные варьированию, могут быть генетически связаны с разными созвучными именами на базе прасл. **xot-* (*Хота*, *Хотына*, *Хотѣнь*, *Хотимь* и др.). В большинстве случаев, надо полагать, они зиждутся на др.-рус. именах *Хоть* (= др.-рус. *хоть* ‘возлюбленный, любимец’) или *Хота* жен. морфологического рода; последнее удостоверяется, к примеру, ст.-укр. личн. *Хота* из переписных книг 1666 г. [Демчук 1988, 84], болг. личн. *Хотин* [Илчев 1969, 521] и является вариантным к более известному личн. *Хоть* муж. морфологического рода, дававшему топооснову *Хотов-* (см. *Хотовичи* и др.).

Соответственным образом, летописное новг. *Хутино* тоже возводится к архаическому личному имени на базе прасл. **xot-*, которое объединяется по корню с др.-польск. личн. *Chętką*, др.-чеш. *Chuten*, *Nechuten*, др.-рус. **Хуть*, **Нехуть* и иными подобными антропонимами. В силу маргинальности, вторичности прасл. **xot-* такие антропонимы встречались значительно реже, чем параллельные имена с элементом **xot-*, и поэтому почти не попали в письменные источники.

В летописных памятниках более позднего времени, новгородских (Новг. 2-я, 3-я, 4-я летописи и др.) и неновгородских, отражена, однако, уже современная топонимическая форма *Хутынь*. Ср. в новг. 4-й летописи по списку Никольского под 1192 г.: «Постави Варлам игумен святаго Спаса церковь на *Хутыне*» [ПСРЛ 4 (2-е изд., ч. 1, вып. 3), 591]. Та же форма в [НЛ, 305] под 1471 г.: «У святаго Спаса на *Хутыни* в манастырь Корсунские колокола сами о себѣ зазвониша» (знамение перед взятием Новгорода московским князем Иоанном Васильевичем). Писцовые книги конца XV–XVI вв. и более поздние документы знают только геогр. *Хутынь*, *Хутынский* (монастырь, погост), иногда в фонетически преобразованном виде *Футынь*, *Футынский*, как, например, в [ПКНЗ 2, 347, 353] (переход *x > ф* достаточно регулярен, см. геогр. *Хотина* / *Фотина*, *Фотивиж* наряду с новг. *Хотовижи* и др.). Надо полагать, стабилизация варианта *Хутынь*, окончательно вытеснившего *Хутино*, произошла не позднее XV в.

Любопытно, что тесное пересечение тождественных топонимических форм наблюдается еще в двух местах Новгородской земли. Показательным является смешение синхронных геогр. **Футино** и **Футыно** (фонетически из *Хутино* и *Хутыно*, ср. *Хутынь* / *Футынь* под Новгородом), связанных со смежными озером и деревней в Никольском пог. на Вышнем Волочке у Столпа Беж. пят. Так, если в одном из текстов писцовой книги 1545 г. говорится о «дер. **Футино** на озере на **Футине**» [НПК VI, 338], то в нескольких других фрагментах этого же источника данное озеро именуется уже **Футыно**: «Да Максимку-жь з братьею въ озерехъ участьковъ: въ Щучье, въ **Футыне**, въ Крячине, въ Велбуже, а рыба въ тѣхъ озерехъ шуки, плотицы, окуни» [НПК VI, 42], такая же «отвердевшая» форма **Футыно** дана в [НПК VI, 44, 54, 340]. Аналогичным образом новг. геогр. **Хутыно** дер. в Ильинском Тигодском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 392] тоже предстает явным результатом отвердения варианта **Хутино**, который в данном случае остался не зафиксированным. Впоследствии это **Хутыно** преобразовалось в **Хотуня** дер. 1539/40 г. [Селин 2003, 220, табл.19] (дальнейших сведений о пункте нет, однако между гор. Любань и дер. Чудской Бор в Тосн. р-не протекают ручьи **Хотунь Большой**, **Хотунь Малый**, конкретизирующие местоположение средневековой деревни).

Перечисленные факты следует трактовать в контексте общего широкого пересечения образований с суф. *-ин-* (< *-in-*) и *-ын'* (< *-in'*), которое, как ранее уже отмечалось [Sławski ZSP II, 140], является неоднократно наблюдаемым процессом в лексике и топонимии. Ср., к примеру, новг. геогр. **Дроздино** дер. на Ловати, согласно акту 1398–1410 гг. [ГВНП, 166, гр. 110], отмеченное затем в виде **Дроздыни** писцовой книгой Шел. пят. 1539 г. [НПК IV, 362] (любопытно, что противопоставление этих двух топонимических вариантов сохраняется по сей день: **Дроздино** дер. Ляховичск. Ст. в общепринятом, официальном употреблении, наряду с **Дроздыне** в речи местных жителей [Личн. зап., 2001 г.]). Вне Новгородской земли ср. гидроним **Горынь** в басс. Припяти, фиксируемый в XII в. первоначально в форме **Горина**: «... и дошедше **Горины**»; «Изяславъ <...> перешедъ **Горину**»; «... мость на **Горинѣ**» [ПСРЛ I, 307; II, 410; VII, 81], или колебания летописного др.-рус. гидронима **Смядынь** / **Смядино** р., пр. Днепра ниже Смоленска [НПЛ 25, 27, 35, 172, 173, 210, 225], укр. **Норина** / **Норуї** р., пр. Ужа в басс. Припяти (по [Шульгач 1998, 97]), др.-рус. **Кснятинь** / **Кснятынь**, позднее – **Скнятин** гор. на правом берегу Сулы, [Роспонд 1972, 29; Нерознак 1983, 100]. Такие колебания спорадически проявлялись в условиях недостаточной

фонологизации признака твердости / мягкости согласных перед *и*, причем особенно регулярно у смычных зубных перед *и* (см. еще новг. геогр. *Гостыца / Гостица, Гостыничи / Гостинничи*, личн. *Несдила / Несдыла*, геогр. *Хотимль / Хотым* сел. в Орловской губ. и др.).

Надо полагать, неоднократно удостоверяемое письменностью пересечение топонимов *Хутино / Хутыно / Хутынъ* в Новгородской земле являлось относительно устойчивой нормой их функционирования, предполагающей возможность спорадического взаимозамещения «мягкого» и «твердого» вариантов либо их одновременного использования. Это затрудняет выбор исконной этимологизируемой формы. В целом более авторитетной выглядит форма *Хутынъ*, которая находит многочисленные межтерриториальные топонимические параллели: геогр. *Хутыня* дер. «пуста, лѣсомъ поросла» 1576 г. в Деожском пог. Шел. пят. [НПК V, 642] (в истоках Шелони к северу от оз. Полисто); *Хутынй Бор (Хутынский Бор)* ур. за р. Веряжей немного к западу от Новгорода («пожня под Горыневым за *Хутынским бором*»; «промеж *Хутыня* бору и Радыне»; «пожня за Веряжею в *Хутыне бору*»; «пожня под *Хутынним бором*»; «пожня в *Хутыне бору* в Горыневском пути» и другие упоминания в отписных и оброчных книгах пригородных новгородских пожен 1535/36–1539/40 гг. [ПКНЗ 1, 310, 315, 316, 318, 320, 326, 341, 344, 345, 352, 356]); *Хутынка* дер. на руч. Чернец Виленской вол. Ст. у. между Старой Руссой и Волотом [СНМНГ III, 24–25], сегодня – дер. *Хутонька* Виленск. Ст.; *Черная Хутынъ* ус. на р. Ловать Жгловск. Ст. у. [СНМНГ III, 58–59]; *Хутонка* дер. на р. Колошке Ратицк. Вол. между Сольцами и Волотом [АТД Новг. обл.] (более ранние сведения об этих трех пунктах Южного Приильменя, к сожалению, не известны); гидроним *Хутынский* руч., пр. Равани, пр. пр. Тигоды, лев. пр. Волхова [Шан. РЛЮ, 50], = *Хутань* руч. близ дер. Апраксин Бор Трубникоборск. Тосн. к югу от гор. Любань (по совр. карте Лен. обл. масштаба 1: 100000). За пределами Новгородской земли обнаружено всего несколько топосоответствий, причем два из них тоже тяготеют к северо-западному (новгородскому) ареалу: *Хутыни* сел. Городокского у. Витебской губ., *Хутынъ* дер. на р. Роска неподалеку от уездного центра Чернь Тульской губ., *Хутыницы* дер. на р. Каспия близ уездного центра Поречье Смоленской губ. [Vasm. RGN IX 3, 563]. Следовательно, имеющиеся материалы доказывают преимущественно новгородскую ареальную принадлежность перечисленной топонимии.

Топонимическая форма *Хутынъ* коррелирует с родственными названиями типа *Хотынъ*, которые встречаются значительно шире на территории восточнославянского и отчасти западнославянского расселения.

Последние тракуются нами в качестве дериватов, преимущественно йотово-посессивных, от засвидетельствованного древнеславянской письменностью личн. *Хотына / Хотыня* (подр. перечень и анализ этих топонимов дан в связи с новг. геогр. *Хотыня*, см.). По аналогии с ними названия с основой *Хутын'- / Хутын-* целесообразно мотивировать архаическим личн. **Хутына / *Хутыня* (: **хот-*), имевшим преимущественно диалектное др.-новг. распространение. В аспекте деривации таких названий выглядит весьма показательным старописьменное геогр. *Хутыний Бор* ур. под Новгородом (источник дает разные падежные формы: «промеж *Хутыня бору*»; «в *Хутыне бору*»; «пожня под *Хутыним бором*» и др., см. выше): здесь *Хутыний* выступает очевидным исконным прилагательным-посессивом с суф. **-j-* (без осложнения вторичным суф. *-ск-*), которое прямо отсылает к личному имени; ср. относящиеся к этому же деривационному типу старописьменные новг. геогр. *Баклов Бор, Дюкин Бор, Татин Бор, Трубников Бор* и др., образованные от антропонимов.

Таким образом, в наименовании знаменитого Хутынского монастыря под Новгородом в конечном итоге унифицировались две тесно пересекающиеся топонимические формы *Хутино / Хутынь*, обусловленные близкими др.-новг. антропонимами одного корня, обнаруживающие межтерриториальные соответствия по топооснове прежде всего на Русском Северо-Западе, но вместе с тем входящие в более пространный и густой контекст ономастических продолжений вариантных прасл. **хот-* / **хот-*.

Хотимово дер. в Ясеновичском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I, 47] + **Хотмово** дер. Дмитриевского Гдицкого пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 63], = пуст. *Хоткова* по Ген. меж. 1788 г. [Селин 2003, 115, табл. 7]. В списках селений XIX-го и нач. XX-го вв. об этих пунктах уже нет никаких сведений. Ойконимы обусловлены др.-слав. личным именем, которое удостоверяется прямыми фиксациями XIV–XVI вв.; ср. ст.-укр. личн. *Chotim, Chotimko*, патроним *Chotimkowicz* из описей сер. XVI в. [Демчук 1988, 86–87], др.-чеш. *Chotim* [Svoboda 1964, 270], др.-польск. *Chocimka, Chotymka*, патроним *Chotymin* [SSNO I, 322, 335, 336]. Данная новгородская ойконимия находит многочисленные соответствия, преимущественно йотово-посессивные. Прежде всего нужно указать старописьменный новг. лимноним **Хотѣмле** оз. во владыченской вол. Удомля в Беж. пят. под 1409 и 1551 гг. (рядом перечислены оз. Деменец, Удомле, Родеж, Сиуче и др.) [ПКНЗ 1, 211; НПК IV, 645]. У юго-западной границы области новгородских пятин лежат дер. и ус. **Хотимля** на р. Кунья, пр. пр. Ловати, в бывшем Холм. у. [СНМРИ 34, № 14996 и 14997] (сегодня – дер. Торопецкого р-на Твер. обл.), южнее, на Смолен-

ской земле, есть *Хотимля* дер. на р. Созь западнее Смоленска. Перечислим далее несколько близлежащих пунктов: *Хотимль*, *Хотимль Верхний*, *Хотимль Нижний*, *Хотимль Вышняя*, *Хотимская Плата*, там же р. *Хотимль (Хотемль)*, лев. пр. Усожи басс. Сейма, – все в окрестностях гор. Фатеж Курской губ. В Верхнем Поочье есть еще *Хотимль (Хотим, Хотым)* дер. в Карачевском у. Орловской губ., смежная с р. *Хотимль (Хотымль)* среди правых притоков Жиздры; в Среднем левобережном Поочье рч. *Хотемка (Хочемка, Кочемка)* среди притоков Каширки к югу от Москвы и дер. *Хотимль* на р. Тезе в Ковровском у. Владимирской губ. В Белоруссии известны: *Хотемля* сел. неподалеку от Витебска и *Хотимичи* дер. и ус. на р. Свольно в Дрисском у. Витебской губ., *Хотемка* дер. на руч. Серебрянка в окрестностях Могилева и там же на Могилевщине еще несколько «сходноименных» пунктов: *Хотомье* ус., *Хотемча* дер. на рч. Ректа Климовичского у. (: к суффиксальному личн. *Хотѣмько / Хотимько*), *Хотимск* дер. + два хутора на р. Беседь в окрестностях гор. Чериков, *Хотомле* дер. неподалеку от Пинска Минской губ., *Хотомля* слобода на р. Северский Донец в Волчанском у. неподалеку от Харькова + р., пр. пр. Днепра, *Хочемля* р., пр. пр. Узы, пр. пр. Днепра (по материалам: [Vasm. RGN IX 3, 529–533; Смол. ГБО, 34, 100; Ященко 1974, 106; Топоров, Трубачев 1962, 222]). По крайней мере четыре йотово-посессивных топонима на базе зап.-слав. личн. *Chotimъ* в языке древних полабских и лужицких славян прикреплены к территории Восточной Германии (остров Узедом в Балтийском море и окрестности гор. Шверин, Торгау, Ерихов), еще столько же зафиксированы в западной и центральной частях Польши (неподалеку от пунктов Могильно, Турек и Стшельце-Краенске); эти факты дополняются ойконимами *Chotum* (: личн. *Chotomъ*) и *Chocimino* (упомянутое под 1232 г., сегодня – сел. *Koźmin*) в центре и *Chocimów* на юго-востоке Польши; есть еще геогр. *Chotěmice* сел. в Чехии (по: [Rospond 1983, 56; Neckula 1971, 44, 252; Prof. MJ II, 38]).

Изложенные топонимические факты, рассредоточенные на старых землях восточных славян (Новгородская земля, Верхнее Поднепровье, Поочье) и на западе Славии, обрисовывают принадлежность исходной антропонимии к севернославянскому ареалу. Наличие большого числа йотово-посессивных образований, пожалуй, указывает на повышенную функциональность мотивирующих личных имен, особенно личн. *Хотимль*, прежде всего в ранний период (до XIV в.). Вопреки С.Роспону, рассматривавшему *Хотимъ* как партиципальное имя (с суф. *-im-*) [Rospond 1983, 56], целесообразнее вслед за В. Ташицким и Я. Свободой видеть в нем усечение антропонимического композита. Об этом свиде-

тельствуется явно унаследованная от полных имен вариативность антропонимов, наблюдаемая в топонимии (*Хотимль, Хотѣмле, Хотомля, Хочемля, Хотмово*): названия повторяют особенности варьирования тематической гласной и модификации препозитивного компонента, характерные для соответствующих антропонимических сложений; ср. разноречивой засвидетельствованных различными источниками полных личн. *Хотимирь / Хотѣмирь / Хотомирь / Хочемирь / Хотмирь* (подр. о них см. в связи с геогр. *Хомировичи, Хотѣмирицы*).

Волостово дер. Семеновского пог. в Вудрицах Дер. пят. конца XV в. [НПК I, 785], затем пустошь («а была деревня, хором нет») по документации 1538/39 г. [ПКНЗ 4, 192]. К вост.-слав. личн. *Волость*, ср. др.-польск. личн. *Wlost* [Taszycki 1925, 105], др.-чеш. личн. *Vlast, Vlasta, Vlastek*, соотносимые с композитными др.-чеш. *Vlastibor, Vlastislav*, польск. *Włostibor, Włostisław*, словен. *Vlastimir* [Svoboda 1964, 92, 309], серб. *Власто, Власта* и полное *Властимир* [Грк. РЛИКС, 56]. Данные имена осмысляются как ‘власть, мощь’. В Галиции близ Дрогобыча отмечено геогр. *Wolostycz (Wolostec)* сел., производное, по-видимому, от вост.-слав. личн. *Волость* [Vasm. RGN II 1, 163], в Польше есть параллельные ойконимы *Wlostowo, Wlostów*, гидроним *Wlostowa* р. в басс. Вислы [Nieckula 1971, 224; Miklosich 1927, 42; HW, 438].

Милятино – значительный ряд деревень XV–XVI вв.: в Дер. пят. (Ситенский пог. 1490-х гг., Локоцкий пог. 1490-х гг., Семеновский пог. в Удрицах 1490-х и 1538/39 г.), в Вод. пят. (Никольский Будковский пог. 1500 г.), в Шел. пят. (Которский пог. 1498 г., Илеменский пог. 1498 г.), в Обон. пят. (Егорьевский пог. в Неболчах 1563/64 г.), см. [НПК I, 608, 778; II, 81; III, 286, 309; IV, 96; V, 173; ПКНЗ 2, 143; 4, 188]. Из этих средневековых пунктов до настоящего времени, пожалуй, сохранился только один, бывший в Семеновском пог.: *Милятино* дер. на руч. Безымянном в Яжелбицкой вол. Валд. у. нач. XX в. [СНМНГ V, 88–89], сегодня – дер. Лутовенск. Валд. Гипокористическое личн. *Милята* содержится в трех новг. бер. гр. XII–XIII вв.: № 420, 583, 675 [Залязняк 2004, 759], производные от этого имени патронимы *Милятичь, Милятиничь* отражены Ипатьевской и Новг. 1-й летописью под 1162 и 1216 гг. [Туп. СДЛСИ, 701]. Иные источники знают максимально близкие гипокористики: *Милота, Милотна*, новгородские крестьяне XV–XVI вв. [Вес. Он., 199; Туп. СДЛСИ, 307], серб. *Милета, Милетко* (частотное, наряду со многими другими сербскими именами от *мил-*) [Грк. РЛИКС, 133], нижн.-луж. *Mileta, Milota* [Schlimpert 1978, 86], ст.-укр. *Milota* XV в., [Демчук 1988, 77–78], чеш. *Milota*, польск. *Milota* [Svoboda 1964, 165; SSNO III, 515]. За пределами новгородской земли соответствующих

ойконимов (*Милятино, Милятин, Милятичи* и др.) тоже оказывается довольно много: они локализованы в окрестностях гор. Великие Луки и Торопец Пск. губ., Болхов Орловской губ., Мосальск Калужской губ., Мышкин Ярославской губ., Галич Костромской губ., Можайск Московской губ., на белорусской территории в Гродненской, Могилевской и Виленской губ., на Украине в Волынской губ. и Галиции [Vasm. RGN V 3, 562].

Значительно реже встречается в Новгородской земле топонимия, связанная с общеслав. гипокористикой *Милько*. Таково геогр. *Милково* – поч. под 1545 г., указанный как дер. под 1565 г. в Михайловском пог. в Тростных Беж. пят. [НПК VI, 189; ПКНЗ 3, 120]. Ср. *Милко* в бер. гр. № 663 и *Милка* в бер. гр. Ст. Р. 216 [Зализняк 2004, 759], а также ст.-укр. *Милко, Милько* [Демчук 1988, 77–78], др.-польск. *Milek* [Taszycki 1925, 51] и геогр. *Milkowo, Milkowa, Milków* в Польше [Niekula 1971, 132], др.-чеш. личн. *Milek* [Svoboda 1964, 46], болг. *Милко*. Вненовгородскими вост.-слав. топосоответствиями выступают геогр. *Милково* дер. рядом с гор. Любим Ярославской губ., *Милкова* сел. близ Перми, *Милковская* дер. Никольского у. Вологодской губ., *Милковичи* дер. и ус. Слуцкого у. Минской губ., *Milków, Milki* сел. у Волковыска Гродненской губ. и иные подобные названия на территории Галиции [Vasm. RGN V 3, 556].

Остромково дер. в Курском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 595], = *Остромы* дер. на руч. Щебенка (лев. пр. Заробской Робы, пр. пр. Ловати) Жгловской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 56–57], которая сегодня считается исчезнувшей. К личн. **Остромъко*, усеченно-суффиксальному производному от полного *Остромиръ*. Последнее хорошо известно как мирское имя новгородского посадника, для которого было написано знаменитое Остромирово евангелие 1056–1057 гг.; вместе с тем данный композит засвидетельствован надписями 143 и 144 на штукатурке новгородского Софии [Медынцева 1978, 94] и знаком др.-чеш. [Svoboda 1964, 82] и др.-болг. [Заим. БИ, 175] языкам. Ср. еще йотово-посессивное геогр. *Остромеръ* (*Остромерское*) село на Оке ниже Переяславля [Чумакова 1992, 62].

Недажино (*Луз*) дер. на рч. Дубенка Порх. у. Пск. губ. [СНМРИ 34, № 11336] (сегодня – дер. Красноармейск. Порх.), = *Недажино* дер., которая описывалась в Порховском околородье 1539 г. [НПК IV, 302]. С этим пунктом отождествлена также дер. *Неважино* 1576 г. [НПК V, 580], см. [Андрияшев 1914, 391]. К личн. *Недашь*; ср. ст.-рус. *Недаш* сер. XVI в. [Вес. Он., 215], др.-польск. *Niedasz* [SSNO IV, 37], др.-чеш. *Nedaš* [Svoboda 1964, 149], полаб.-помор. личн. *Nedaška* [Schlimpert 1978, 93] – гипокористики от прасл. **Nedamirъ*, **Nedabyľъ*. С данным именем свя-

зано еще новг. геогр. **Недашецы** дер. на р. Рапля Недашецкой вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 88–89], находящее полное соответствие с полаб.-помор. топонимом *Nedaszitze* в Германии, известном с 1318 г. [Schlimpert 1978, 93]; далее к этому имени восходят: *Недашев* сел. на р. Щетинка Чаусского у. Могилевской губ., *Недошевичи* (польск. *Niedasewice*) дер. недалеко от гор. Новогрудок Минской губ., *Недашки* дер. и *Niedaszowska Sloboda* сел. недалеко от гор. Овруч Волынской губ., *Недашиковская* слобода близ гор. Радомысль Киевской губ. [Vasm. RGN VI 1, 117, 118].

Немоево дер. Туренского пог. Дер. пят. [НПК I, 389; ПКНЗ 5, 169] + **Немоукино** дер. в Дремяцком пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 23] (= *Немокина* пуст. 2-й пол. XIX в., которая обозначена на 3-верстной карте Генштаба к югу от оз. Врево). К личн. *Немои*, *Немоика*; ср. др.-польск. *Nietoj* [Taszycki 1925, 36], др.-чеш. *Nemoj* [Svoboda 1964, 103], полаб.-помор. *Nemoj* XIV в. [Schlimpert 1978, 94] – негативно-охранное имя со значением ‘не мой’ (подобного типа, например, ст.-рус. личн. *Ненаш* [Вес. Он., 218]). Ср. геогр. *Немоево* сел. Островского у. Пск. губ. [СНМРИ 34, № 9830; Vasm. RGN VI 1, 136]. Ст.-рус. личн. *Немой*, судя по форме фамилии (ср.: князь Дмитрий Иванович Ерш *Немого-Оболенский* [Вес. Он., 110, 218]), скорее другого происхождения: от др.-рус. *нѣмои* ‘немой, косноязычный’; ср. к последнему геогр. **Немово**, **Немково** дер. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 246, 561; II, 268], **Нѣмкова**, **Нѣмков** – дер. и поч. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 469, 489].

Волочек Держков – крупный пункт Беж. пят., упоминаемый источниками с конца XV в., позднее известный под названием *Волок* как волостное село Бор. у. [СНМНГ VI, 20–21], сегодня – дер. *Волок* Волокск. Бор. В средневековую эпоху *Волочек Держков* являлся центром значительной территории – нескольких смежных погостов-округов и, кроме того, считался рядом – торгово-ремесленным селом. Так, в платежной книге Беж. пят. 1499 г. читаем: «ряд на *Волочку на Держкове*, на погосте, Семеновских да Ивановских дворов Успенских да Налецких и Налеских дворов 17»; здесь же встречаем другие упоминания: «... в Николском погосте на *Волочку* и в Ыванском на *Волочку ж Держкове*» [ПКНЗ 1, 233]. Писцовая книга 1564 г. указывает в селении много храмов: церкви Николая Чудотворца и Спаса Преображения на погосте, церкви Иоанна Предтечи, Святой Богородицы и Троицы Живоначальной на ряду на *Волочке Дершкове* [НПК VI, 968]. Деревни Покровского Иванского на *Волочку на Держкове* погоста описывались неоднократно писцовыми книгами Беж. пят. конца XV–XVI вв., см. [ПКНЗ 3, 20, 46, 193; 5, 34; НПК VI, 122–124, 162, 165, 275, 442, 457, 705, 775, 865, 949, 968–1034]. Пог. *Волокодержковский* указывают материалы Ген. меж. 1785 г. под № 374 [Карт. Гарн.] и фиксиру-

ет «Столистая карта» 1800–1801 гг. [Неволин 1853, 191]. В XIX столетии постепенно укрепился в качестве общепринятого названия упрощенный вариант *Волок*, известный уже по Карте Шуберта 1-й пол. XIX в. Определение *Держков* (*Дершков*) утратилось, хотя воспоминания о нем сохранялись. Так, списки селений 1-й пол. XIX в. дают отдельно пог. *Волоцкий* с тремя церквями и сел. *Волокодержков* Бор. у. [Неволин 1853, 191], источник 1855 г. [Судох. дор.] указывает слегка искаженный вариант названия – *Великодержково* село на правом берегу Мсты (с. 115), а в перечне селений Новг. губ. 1885 г. различаются село *Волок* и сельцо *Волок Держков* [Карт. Гарн.].

В первоначальном, исконном названии – *Волочек Держков* (или *Дершков* с оглушением) отразились и топография селения, и принадлежность некоему лицу, по имени *Държько*, которое достаточно засвидетельствовано источниками. Ср. др.-рус. личн. *Держко* и полное *Держиславъ* [Туп. СДЛСИ, 183], др.-польск. *Dzrżek* [Taszycki 1925, 151], др.-чеш. *Držka*, *Držek* [Svoboda 1964, 134], у древних полабско-поморских славян и лужицких сербов личн. *Diržko*, *Diržka*, *Diržek*, *Deržka*, нижн.-луж. *Derš* [Schlimpert 1978, 39; Muka, 24], др.-болг. *Държо* [Заим. БИ, 100] – все эти имена суть суффиксальные гипокористики от композитов **Dърžislavъ*, **Dърžimirъ*, которые были отмечены исследователями у всех групп славян. Среди прочих, личн. *Держимиръ* восстанавливается (с конъектурой: [отъ *Дъръ*]*жимира*) в новг. бер. гр. № 164 1-й пол. XII в. [Зализняк 2004, 340]. Объект посессивности выражен в ойкониме словами *волок*, *волочек* (аналогичного номинативного типа новг. геогр. *Волок Хотславъ* в басс. Чагодоши, *Ожогин Волочек* дер. Передольск. Бат. на р. Луге и др.) – это распространенные др.-рус. термины, хорошо известные в качестве обозначений мест, где приходилось перетаскивать суда по суше, по болоту, по берегу либо по отмели, по перекатам. Поселение *Волочек Держков*, стоявшее непосредственно перед многокилометровым порожистым участком русла р. Мсты, очевидно, маркирует одну из точек обходного пути¹. В восточнославянской

¹ Выше села *Волок* начинается цепь крупных порогов на р. Мсте (т. н. *Горная Мста*). Издревле эти пороги представляли большие трудности судоходству, были опасны для деревянных барок. Недаром многокилометровый порожистый участок Мсты от Березовского рядка до села *Волок Держков* в старину называли *Нижним Волоком* (здесь действительно через пороги приходилось волочить суда), противопоставляя его *Верхнему*, или *Вышнему волоку*, соединявшему р. Тверцу бассейна Волги с бассейном Мсты (здесь известен город *Вышний Волочек* в Тверской обл.). Альтернативой порожистому участку на Мсте в глубокой древности являлся обходной путь по р. Уверь, которая впадает во Мсту выше самых опасных порогов. Чтобы попасть на Уверь, суда от Мсты проводились через ряд озер и проток: сначала

топонимии архаическое др.-рус. *Държъко* (> *Держко*) отразилось слабо, укажем лишь *Держково* дер. на р. Узла в окрестностях Балахны Нижегородской губ., геогр. *Derżów* близ Жидачева в Галиции [Vasm. RGN III 1, 1].

Геогр. *Нѣжсково* дер. в пог. Воскресенском в Осечне Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 96] и геогр. *Нѣжковичи*, дер. и сельцо Дмитриевского Кипенского пог. Вод. пят. 1500 г., ранее принадлежавшие Хутынскому монастырю [НПК III, 643, 645, 671, 680] (сегодня – дер. *Старые Низковицы* Сяськелевск. Гатч.), соотносятся с популярным на новгородской территории именем *Нѣжъко*, которое хорошо засвидетельствовано берестяной письменностью до нач. XIII в. (новг. бер. гр. № 526, 630, 683, Ст. Р. 7), а также с личн. *Нѣжка* из бер. гр. № 644, *Нѣжикъ* из бер. гр. № 863 [Зализняк 2004, 767–768]; ср. еще патронимическое *Нежков* Андрей Ощера Елизаров сын, новгородский помещик в 1-й пол. XVI в. [ПКНЗ 4, 488, 489]. У западных славян отмечены: личн. *Něžko*, *Něžьсь* XI–XIII вв. [Kronsteiner 1981, 209], чеш. *Něz*, *Něžek* [Svoboda 1960, 592]. Личн. *Нѣжикъ* топонимически проявляется в названии новг. рч. *Нежиковка*, притока р. Лидь басс. Чагоды [Шан. РЛЮ, 452]. Восточнославянские топонимические соответствия обнаруживаются только в Белоруссии и на Украине: блр. геогр. *Нежково* дер. на р. Белый Ручей, *Нежковка* дер. на р. Волчас, *Нежков Большой*, *Нежков Малый* на р. Бабич – все пункты на Могилевщине, *Нежки* хут. близ гор. Невель бывшей Витебской губ., *Нежковский* хут. близ Миргорода Полтавской губ. [Vasm. RGN VI 1, 120].

Некишино дер. Грузинск. Чуд. на р. Волхов, в нач. XX в. – дер. Грузинской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 22–23]. Хотя по НПК название не обнаружено, сомневаться в древности его антропонимической базы нет оснований: *Некишино* < личн. *Нѣгъша*; ср. болг. *Нягша*, *Няшио* XV в. [Заим. БИ, 172] и др.-новг. личн. *Нѣгошька* из бер. гр. Ст. Р. 22 XII в. [Зализняк 2004, 767]. Эти имена считаются раннеславянскими усеченно-суффиксальными

в оз. Пелено, оттуда в озера Люто, Шерегородо, Ямно, затем по р. Удине в оз. Коробожа, а оттуда в Уверь. Путь для судов удлинялся раза в два, зато считался безопасным. Село *Волок Держков* было построено на Мсте вблизи того места, откуда начинался древний волок на Уверь; такой существенный факт местонахождения села как раз и отразился в его названии.

Следует отметить, что этот древний волок не только обеспечивал обход мстинских порогов, но и позволял судам переходить из бассейна Мсты в бассейн крупной реки Чагодыщи. Для этого суда добирались до оз. Ямно, оттуда через мелкие озера и протоки в крупное оз. Видмирское (ср. в этой связи название оз. *Межволочье*, которое лежит между оз. Ямно и Видмирским), а далее в реки Кушавера и Песь бассейна Чагодыщи.

(с суф. *-и-*) гипокористиками от композитов с начальным *Нѣго-* (прасл. **Něgoslavъ*, **Něgoradъ*, **Něgomirъ*) или *Нѣ-* (с усечением *о*), ср. чеш. *Nekmir* из **Něgomirъ*. По оформлению личн. *Нѣгъша* адекватно соответствует др.-новг. именам *Станъша* – от *Станиславъ*, *Григъша* – от *Григорий* и др., такого типа образования были в Новгородской земле продуктивны, судя по многочисленным данным из [НГБ из раскопок 1977–1983, 146–151]. Параллельный ойконим *Некишино* обнаруживается на Русском Севере: он связан с дер. на рр. Северная Двина и Стрига в районе Велико-го Устюга [Vasm. RGN VI 1, 130].

Этот же корень *нѣ-* обнаруживается в старописьменном геогр. *Понѣино* пуст. в пог. Волок Держков Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 1034]: к личн. *Понѣа*; ср. приведенное исследователями [Мор. СИ, 154; Грк. РЛИКС, 159] личн. *Понѣъ* из сербского источника XI–XIV вв.

Безуино дер. Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 94] (= пуст. *Бедунья* на р. Плюсе в материалах Ген. меж. XVIII в. [Андрияшев 1914, 146]) + дер. в верховьях Мсты, относившаяся к дворцовой вол. Кострица Беж. пят. 1499 г. [ПКНЗ 3, 218]. Название получено по др.-рус. личн. *Безуи*. Производное от такого имени содержит бер. гр. № 22 из Старой Руссы 1-й пол. XII в.: «оу *Безоувее* цетьри коуне» – ‘у Безуевой жены (жены Безуя) четыре куны’ [Зализняк 2004, 337–339]. Личн. *Безуи* содержится в надписи 102 XI в. на штукатурке Софийского собора в Киеве: «г-и помози рабоу своему *Безуеви* Ивану отроку Добрынича», см. [Wójtowicz 1986, 20]; кроме того, имя было в ходу у древних западных славян: польск. *Biezuj*, чеш. *Bezuj*, словац. *Bezii* [Svoboda 1964, 101]. Семантически оно трактуется как ‘не имеющий дяди’ (прасл. **ujь* ‘дядя по матери’). См. еще р. *Безуевка* (*Безуевиц*) среди притоков р. Протвы в Среднем Поочье [Смол. ГБО, 95], *Безуевичи* дер. в Старобыховском у. на Могилевщине [Vasm. RGN I 2, 310].

Верещино дер. Подгощск. Шим., в нач. XX в. – дер. Подгощской вол. Ст. у. на руч. Саватейка, впадающем в оз. Ильмень [СНМНГ III, 102–103]; рядом отдельно числилась ж. д. ст. *Верещино*, которая после ликвидации железнодорожного сообщения между Новгородом и Старой Руссой слилась с деревней в один населенный пункт. По НПК обнаружить не удалось, хотя название имеет очень ранние др.-рус. соответствия. Оно основано на личн. *Вереща*, которое, в свою очередь, по форме является др.-рус. действительным причастием наст. вр. от *верещати*, по смыслу – ‘верещающий, тот, кто верещит, кричит’. Ойконим *Верещино* параллелен названию города *Верещин* в древней Вольнской земле, упоминаемого Ипатьевской летописью под 1204, 1213 гг. Об антропонимическом происхождении последнего названия (от личн. *Вереща*) уже пи-

сали украинские исследователи [ЕСЛГНПР, 31] и отчасти В.П.Нерознак [Нерознак 1983, 39]. Ср. далее название оврага *Верецинской* в басс. Оки [Смол. ГБО, 58], ойконимы *Верецина* (польск. *Wereszczyn*, лит. *Varaščina*) в Новоалександровском у. Каунасской губ. (дважды), *Wereszczyn*, *Wereszczyna*, *Wereszczyńska Wola* в районах Восточной Польши, недалеко от гор. Седльце, Люблин, видимо, сюда же и *Верещовка* дер. на р. *Верещовка* неподалеку от Брянска [Vasm. RGN II 1, 45]. Антропоним удостоверяется отражениями в источниках: *Вереца* Иван, новгородский крестьянин 1498 г. [Вес. Он., 65], др.-польск. личн. *Wrzeszcz* [SSNO VI, 214] и его суффиксальный дериват – личн. *Врещко* в акте Юго-Западной Руси XVI в. [Туп. СДЛСИ, 139], др.-чеш. личн. *Vřešć*, указанное в том числе по топонимическим данным [Svoboda 1964, 310]. Др.-рус. личн. *Вереца* в более поздний период заменилось весьма популярным прозвищем *Верецага* (ср. рус. диал. *верецага* ‘резкий болтун, говорун, таранта, трещотка; брюзга, воркотун, бранчливый, сварливый человек’ [Даль СЖВЯ 1, 180]), которое отражено и старорусской письменностью [Вес. Он., 65], и современными фамилиями.

Рамушево дер. на левом берегу Ловати Рамушевск. Ст., на правом берегу, напротив, стоят дер. *Старое Рамушево* и *Новое Рамушево*. В нач. XX в. правобережное *Рамушево* числилось селом Черенчицкой вол. Ст. у., рядом с которым значились отдельными пунктами одноименные погост и усадьба [СНМНГ III, 114–115]. На карте-десятиверстке 2-й пол. XIX в. село *Рамушево* обозначено как *Большое Рамушево*, дер. *Старое Рамушево* – как *Малое Рамушево*, дер. *Новое Рамушево* подписано этим же названием. На месте перечисленных пунктов находился крупный центр средневекового Петровского *Рамушевского* погоста, известного с конца XV в. в Русском у. В актовой письменности [Доп. АИ II, 38] погост назван *Рамушевским*. Помимо двух соседящих дер. *Рамушево*, лежавших на противоположных берегах Ловати, к погосту относились многие пункты Дер. (в Курском присуде) и Шел. пятин, см. обильный материал в писцово-вой документации конца XV – 1-й пол. XVI в.: [НПК II, 590, 615, 621–623, 628, 629; IV, 327–335, 338, 362, 465, 469, 480; V, 47, 48, 57, 218–221, 236; ПКНЗ 4, 303, 445, 479, 480, 481; 5, 80]. Топонимический вариант *Рамушево* сохранялся до сер. XIX в., его фиксируют «Столистовая карта» нач. XIX в. и источник 1849 г. [ВСОРИ, 40]. Более поздние источники, а также Карта Шуберта 1-й пол. XIX в. дают только *Рамушево*.

На новгородской территории к юго-западу от геогр. *Рамушево* (> *Рамушево*), закрепленного за деревней на Ловати, обнаружилась его единственная межтерриториальная параллель: старописьменное геогр. **Рамушево** дер. в Вышегородском пог. 1539 г. [НПК IV, 480]. Оба ойко-

нима произведены от личн. *Рамышь*, следы которого ведут к западным славянам; ср. др.-луж. личн. *Ramiš* (в источнике: «*Ramisch de Bosinkewicz*», 1365 г.), др.-чеш. *Rameš*, *Ramiš*, др.-польск. *Ramiesz*, *Ramisz* [Schlimpert 1978, 114; Svoboda 1964, 293]. Имя, по Шлимперту, считается славянским производным от нем. личн. *Ramwald*, как и нижн.-луж. личн. *Ramot*. М.Морошкин [Мор. СИ, 165] дает зап.-слав. (чеш.) имена *Рамишислов* 1479 г., *Рамишон* 1465 г. (не указано Я.Свободой), по всей вероятности, близкие к чеш. *Ramiš*. Топонимические соответствия за пределами Новгородской земли отмечены лишь на украинской Воляни: геогр. *Rameszków* (вар. *Ромашиково*) слобода в окрестностях гор. Ровно [Vasm. RGN VII, 647] и, вероятно, в Польше: древнеписьменное геогр. *Ramiżów* (сегодня – *Raniżów*) сел. в повете Колбушова, известное с 1366 г. [Nieckula 1971, 170–171].

Ченятино пуст. («пашня въ поле лѣсомъ поросла») в Спасском Клименецком пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 119]. Видимо, к личн. **Ченята*, гипокористическому производному с суф. -‘*ата* от композита **Ченѣзь* или **Чанѣзь* (подр. об именах этого типа см. геогр. *Ченежа*, *Чанежа*, *Чабуд*, *Чагоша*). Веселовский дает личн. *Ченей*, 1492 г. [Вес. Он., 350], тоже, быть может, производное от **Ченѣзь*, но с иным суффиксом.

Здятино дер. в пог. Дубровенском в Порховском у. Шел. пят. 1576 г. [НПК V, 671]. К личн. **Здята*, которое в свою очередь, является гипокористикой на -‘*ата* от прасл. композитов **Sьděslavь*, **Sьdětirь* и др. (ср. **sьdětī* ‘собрать, соединить’). От этих же полных имен образованы при помощи суф. -*ила* личн. *Сдила*, *Сдыла*, *Сдылка*, зафиксированные несколькими новг. бер. гр.: № 503, 510, 422, 645, 348 [Зализняк 2004, 795].

Жупаново и **Жупаново Новое** – близлежащие дер. Луж. у. XIX в. [СНМРИ 37, № 2336; Vasm. RGN III 2, 316] (неподалеку от р. ц. Струги-Красные Пск. обл.), которые продолжают средневековую дер. *Жупаново* в Логовешском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 97]. Ойконим восходит к личн. *Жупань*, производному от прасл. **županь* ‘начальник округа’ (есть в чеш., словац., болг., словен., сербохорв., к этимологии см. [Фасм. ЭСРЯ II, 66]). Имя сохранено новг. бер. гр. № 218 сер. – 3-й четверти XIII в. (*Жупанко*) [Зализняк 2004, 487–488], отмечалось на Украине (*Жупан* Хмельницкий, крестьянин XVI в. [Туп. СДЛСИ, 209]), известно по сербским источникам XV–XVI вв. [Грк. РЛИКС, 94; Мор. СИ, 86], но особенно часто в западнославянской документации: *Župan* у древних (и современных) лужичан, у древних альпийских славян и чехов [Schlimpert 1978, 164; Kronsteiner 1981, 10; Svoboda 1964, 313]. К северу от новг. геогр. *Жупаново* локализуется **Зажупанье** дер. Старопольск. Сланц. юго-западнее оз. Самро у восточной оконечности оз. Долгое при рч. *Зажупанка* (по

[Шан. РЛЮ, 168] – *Жупанка* басс. Луги), отождествляемая с одноименной дер. Бельского пог. Шел. пят. 1498 и 1571 гг. [ПКНЗ 1, 139; Андрияшев 1914, 141]. На восточнославянской территории обнаруживаются соответствующие геогр. *Жупаново* дер. Любимского у. Ярославской губ., *Жупановка* (польск. *Żurapu*) сел. близ Овруча на Волини, *Жупанова* (*Верхняя* и *Нижняя*) – пункты Мосальского у. Калужской губ., *Жупань* дер. Одоевского у. Тульской губ., укр. *Жураніє* сел. у гор. Львов и Стрый в Галиции [Vasm. RGN III 2, 316], на южнославянской территории – *Жупаница*, *Жупаньєвачка*, *Жупанька* среди сербской гидронимии [Павл. ХС].

Жестово селище, известно только по новг. бер. гр. № 761, вероятно, последней трети XIII в.: «На *Жостове* селишьт девяносото...» – «На *Жостове* селище девяносто гривен» [Зализняк 2004, 500]. Обусловлено личн. *Жесть*, на которое указывают также геогр. *Жестово* (*Жостово*) – населенный пункт к северу от Москвы и зап.-слав. геогр. *Žestov* сел. в Южной Чехии, засвидетельствованное с XIII в. [Prof. MJ IV, 119]. Др.-чеш. личн. *Žest*, *Žestok* приводит Я.Свобода [Svoboda 1964, 312]. Из древнерусской документации известны: *Яков Жестов*, посол галицкий 1341 г. [Туп. СДЛСИ, 603], *Жест* (*Жост*) Яков Константинович Филимонов-Морозов, сер. XV в. [Вес. Он., 113]. Личн. *Жесть* образовано от именного прилагательного с бессуффиксной основой *жест-* (при наличии обычных суффиксальных *жесткий*, *жестокий*), что, по мнению О.Н.Трубачева, уже само по себе говорит о древности отношений [Трубачев 1971, 13–14]. Относительно апеллятивной семантики этого имени ср. др.-рус. *жестой* ‘жесткий’, *жестость* ‘жестокость; грубость, резкость’, *жестота* ‘суровость, жестокость’ и др. [СлРЯ XI–XVII 5, 98–99], рус. диал. (перм.) *жестый* ‘громкий, зычный (о голосе)’ [СРНГ 9, 147]. Встречалось и производное от имени *Жесть* уменьш. личн. **Жестько*, которое реконструируется по псковскому геогр. *Жестки* дер. в Великолукском р-не. Вряд ли сюда имеет отношение диал. *жестыль* ‘красная смородина’ (твер., влад.) [СРНГ 9, 147], отраженное (через прозвище) в старописьменном новг. геогр. *Жестылево* дер. Петровского Борисоглебского в Боровичах пог. 1564 г. [НПК VI, 958].

Бакочино дер. на рч. Крекша Наговск. Ст., раньше относилась к Дубовицкой вол. Ст. у. [СНМНГ III, 48–49], иные сведения неизвестны. В основе ойконима, надо полагать, лежит личн. **Бакочь*,-а с редким морфом -ч-. Этот суффиксальный элемент (в «цокающем» произношении -ч-) содержится в ряде гипокористических имен с вокалическим базисом, например, в извлеченных из новгородских грамот на бересте личн. *Жирочка*, *Лихоча*, **Вочь*, **Хочь*, в патрониме *Нѣгоцевичь* из НПЛ под 1194, 1228, 1232 гг. (к *Нѣгочь*, усеченному из полных *Нѣгорадь*, *Нѣгославь* и т. п.);

ср. также названия новгородских дер. *Дорогочино*, *Хочино*, производные от личн. *Дорогоча*, **Хочь* или **Хоча* [НГБ из раскопок 1977–1983, 149–150; Зализняк 2004, 835, 838]. Реконструируемое личн. **Бакочь*,-а, по видимому, родственно диал. *бакать* ‘говорить, разговаривать, беседовать’, *бакуить* ‘то же’, *бакуня* (ряз., тул.), *бака* ‘краснослов, краснобай, говорун’ (зап.) и др. [Даль СЖВЯ 1, 40], которые, в свою очередь, близки лексемам *баян*, *баять*, *байка*, *басня*. Сходные личные имена восстанавливаются по вост.-слав. геогр. *Бакачи* дер. на р. Опочне Островского у. Пск. губ. + блр. дер. в окрестностях Полоцка + хут. неподалеку от Витебска, *Бакаше* дер. Ржевского у. Твер. губ.: эти названия мотивированы личн. **Бакачь*, **Бакашь* – от др.-рус. *бакати* ‘говорить’. Межтерриториальной параллелью к новг. геогр. *Бакочино* является, очевидно, геогр. *Вакосун* (*Вакосзун*) недалеко от Жидачева в Галиции; неясно, имеют ли к данным названиям отношение укр. геогр. *Бакота* в Подолии и *Бакоты* на Волыни (материалы по: [Vasm. RGN I 1, 240; I 2, 242]).

Фларёво дер. на р. Каменке Астриловской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 14–15], сегодня – дер. Астриловск. Ст. В основе ойконима личное имя *Фларь* – вариант календарного личн. *Флор* (лат. *Flor*), более известного в народной метатезированной форме *Фрол* (ср. фамилию *Фролов*), укр. *Хрол*, ср. *Хроленко*. Но модификация *Флорь* > *Фларь* носит сугубо др.-новг. диалектный отпечаток, выражающийся, в частности, в подударном переходе *o* > *a* при обрусении ряда календарных имен: *Ларьян*, *Пороман*, *Симан*, *Осафан*, *Родиван* и т. д.; ср. «нормальные» *Ларион*, *Парамон*, *Симон* (*Семен*), *Осафон*, *Родион*; подобная замена – одна из характерных черт именно древненовгородского диалекта [Зализняк 2004, 205]. В новг. бер. гр. среди вариантов лат. *Flor* очень часто встречается именно *Фларь*, реже *Фларь*, *Храрь* (новг. бер. гр. № 553, 234, 262, 263, 316, 409, 443, 615, 92, 112, 198), сохранилось и производное *Фларевъ* Семень, новгородец (бер. гр. № 186) [Зализняк 2004, 813–815]. Древность приведенных антропонимических форм (до XVI в.) позволяет говорить об архаичности названий типа *Фларево*, которые, заметим, очень редки в материалах позднего времени: помимо совр. *Фларево* Астриловской вол. Ст. у., найдем лишь **Хларево** Вышневолоцкого у. Твер. губ. по спискам селений сер. XIX в. [СНМРИ 43, № 3219]. Их единичность особенно выразительна на фоне многочисленной, до полутора сотен, современной восточнославянской ойконимии от личн. *Фрол*: *Фролово*, *Фролов*, *Фроловский*, *Фроловка* и др. [Vasm. RGN IX 3, 436–439], которая в основной своей массе сравнительно позднего происхождения. Новгородские писцовые книги дают значительно больше ойконимов на базе личн. *Фларь*, чем современные источники: **Фларево**, **Фларева**,

Фларевичи, сконцентрированные главным образом в Шел. пят.: Лубинский, Бельский, Илеменский, Дретенский погосты, Порховское околородье [НПК IV, 74, 374; V, 185, 252, 264, 523, 544, 575, 576], одна дер. **Фларево** отмечается в Спасском Молодиленском пог. Беж. пят. [НПК VI, 1057]. В более позднее время на новгородской территории получает распространение иной вариант данного имени – *Фрал*, *Фраль*; его топонимические следы единичны в писцовой документации конца XV–XVI вв. (ср. старописьменное геогр. **Фралево** дер. Михайловского пог. Дер. пят. [НПК I, 198]), зато неоднократны по современным данным: ср. геогр. **Фралево** дер. на оз. *Фралевском* Тесовской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 84–85] + дер. на оз. Тихмено Жабенской вол. Валд. у. [СНМНГ V, 36–37] + дер. Новоржевского у. Пск. губ. [СНМРИ 34, № 5652], **Фралевицы** (вар. *Флоревичи*) дер. Петергофского у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 3762], сюда же, возможно, *Фралково* дер. на р. Рузе Рузского у. Московской губ. (но скорее, благодаря аканью из *Фролково*); таким образом, практически все эти названия прикреплены к новгородской территории.

Ойконимы *Фларево*, *Фралево*, *Фролово* и т. п. мотивированы, надо полагать, во многих случаях не личными именами первопоселенцев или перволадельцев, а наименованиями церквей, которые были освящены в честь святых *Флора* (в диалектной речи – *Фрол*, *Фрал*, *Фраль* и др.) и *Лавра*. Именно так объясняется, в частности, название средневекового *Фроловского* пог. Шел. пят.: в его центральном селе писцовые книги отметили главную погостскую церковь *Фрола* и *Лавра*, см. [Андрияшев 1914, 30]. Второе имя попарно упоминаемых святых (Фрол и Лавр, Борис и Глеб, Кузьма и Дамиан) иногда отсекалось, и топоним основывался только на первом из этих имен. Ср. в этой связи, к примеру, геогр. *Борисово* дер. на южном побережье Ильмена, в которой, по правдоподобной местной легенде, в древности стояла церковь *Бориса* и *Глеба* [Личн. зап. 1990-х гг.].

Скново дер. на р. Полонке, пр. пр. Шелони, к западу от Порхова и к югу от ж. д. ст. Дно, в сер. XIX в. была указана в составе Порх. у. Пск. губ. [СНМРИ 34, № 11298]. Деревня безусловно отождествляется со средневековой дер. *Скнево* «на рѣкъ на Полоной» в пог. Михайловском на Полоной Шел. пят. 1539 г. [НПК IV, 314]. Этимологическому обоснованию ойконима способствует древнеписьменное геогр. *Ксново* сел., зарегистрированное новг. бер. гр. № 689 2-й пол. XIV в.: «На *Ксонови* взял полторы коробки ржи у Оврама» [Зализняк 2004, 573]. Упоминание р. Узы и дер. Полоная в грамоте № 689 дало исследователям основание заключить, что речь идет о среднем течении Шелони (окрестности Порхова). Действительно, писцовая книга Шел. пят. [НПК V, 575] отмечает

в Порховском околородье дер. *Ксново* 1576 г., с которой идентифицируется *Ксново* берестяной грамоты. Вместе с тем писцовая документация XVI в. доказывает, что дер. *Ксново* 1576 г. – та же самая дер. *Скнево*, упомянутая десятилетиями раньше. В частности, книга 1539 г. сообщает, что дер. *Скнево* была за князем Василием Засекиным и в ней находился «дв. большой самъ Василей». Но и книга 1576 г. содержит указание на этого же феодала: «дер. *Ксново*, а въ ней былъ дв. помѣщиковъ князя Василья Засѣкина, а ныне дв. пусть». Таким образом, изложенные факты подразумевают этимологическое тождество топонимических форм *Ксново* и *Скново* (*Скнево*), выступающих вариантами одного ойконима, по сути дела, синхронными, которые должны трактоваться в едином ключе. На наш взгляд, эти варианты генетически связаны с личн. **Късьнь*, -я, соотносимым с др.-рус. адъективом *късьнь*, позднее *косный* ‘медленный, продолжительный’, ‘медленный, медлящий с чем-л.’, ‘тупой, вялый (об уме)’, ‘неразборчивый (о речи)’, ‘бедный (о языке)’, см. [СлРЯ XI–XVII 7, 364], совр. рус. *косный* (к этимологии прасл. **късьпъ*(*ъ*)) см. [Фасм. ЭСРЯ II, 346; ЭССЯ 13, 246]. Факультативным результатом утраты редуцированных в приведенных лексемах явилась основа *кcn-*, отраженная в геогр. *Ксново* (наряду с общерусским развитием *косн-*, нашедшим топонимическое выражение в виде псковского же геогр. *Косново* дер. Опочецкого у. [СНМРИ 34, № 6171]). Впоследствии здесь реализовалась метатеза *кc-* > *ск-*, естественная для славянской комбинаторики согласных, что дало вариант геогр. *Скново* (*Скнево*). Антропоним, отложившийся в новг. *Ксново*, определенно удостоверяется альпослав. личным именем *Късьне*, которое было восстановлено из немецкой грамоты 957 г. (в источнике «*Kazne*») [Kronsteiner 1981, 207]. Кроме того, к нему близко личное имя с гипокористическим суф. -*ила*, представленное в двух бер. гр. из Старой Руссы (обе – сер. XII в.), содержащих предложно-падежную форму Род. ед.: «оу *Коснилѣ*» (Ст. Р. 19), «оу *Косениле*» (Ст. Р. 22) – ‘у *Коснилы*’ [Зализняк 2004, 336–337]. А.А.Зализняк (Там же) допускает выведение отмеченного имени из *Късьятинь*, однако наличие записи «оу *Косениле*» с гласной между *с* и *н* предполагает скорее вид *Късьнила* на базе адъективной основы *късьн*¹. Допустимо считать также, что др.-рус. личн. **Късьнь* сохранилось

¹ Метатезированный вариант личного имени *Късьнила*, сохраненного новгородскими берестяными грамотами, – *Скнила* / *Скнилъ* – отражают укр. геогр. *Sknilow*, *Sknilowek*, *Sknilowska Stadnia*, близлежащие пункты в Галиции неподалеку от Львова, указанные в [Vasm. RGN XVIII 2, 307].

в качестве ст.-рус. *Ксен* – одного из прозвищ князей Шаховских; см. материалы С.Б.Веселовского [Вес. Он., 167], который, впрочем (что не менее надежно), связывает *Ксен* с лексемой *ксень* ‘налимья икра’, родственной словам *кислый*, *киснуть* [ЭССЯ 13, 245–246]. Ср. по поводу этого имени еще новг. геогр. *Ксеновская Гора* дер. в Лопатицкой вол. Дер. пят. сер. XVI в. [ПКНЗ 5, 376, 378].

Общерусское развитие *късьн-* > *козн-* в антропониме **Късьнь* (или **Късьнь*, **Късьня*), быть может, показано также старописьменным геогр. *Кошнево* дер. Демонского пог. Дер. пят. 1495 г. + дер. Петровского Борисоглебского пог. в Боровичах Беж. пят. 1564 г. [НПК II, 513, 534; VI, 926], хотя здесь не менее вероятны иные этимологические истоки (например, на базе **кох-* ‘любить’).

Геогр. *Скнятина* и *Къльища* тож дер. на р. Тверце близ р. Вихленки в Никольском пог. на Вышнем Волочке Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 44]. Ойконом обусловлен либо известным др.-рус. личн. *Скнятинъ*, либо образован от незафиксированного личн. **Скнята*, при помощи суфф. *-ин-*. Указанные антропонимы выступают метатезированными вариантами личн. *Къснятинъ* или **Къснята*; последние, по всей видимости, образовали также новг. геогр. *Кошнятино* дер. на рч. Коростове Астриловской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 10–11], отождествляемую с одноименной дер. Дретенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 252]; к замене *си* на *ин* ср. хотя бы рассмотренное выше название пог. *Шнетин* на Шелони, развившееся из отмеченной средневековыми источниками топонимической формы *Скнятин*, *Скнятинский*. Хорошо известны внегородские межтерриториальные параллели к новгородским ойконимам – названия древнерусских городов *Къснятинъ*, *Кснятинъ* на рр. Суле и Волге (подр. о них см. этуод *Скнятинский* в гл. 1). Добавим к ним еще укр. геогр. *Снятин* сел. на р. Прут на юге Ивано-Франковской обл., впервые упомянутое то ли под 1158, то ли под 1395 г. [Бучко 1986, 53; 1990, 110]. Д.Г.Бучко в более поздней своей работе склоняется к трактовке последнего ойконима из личн. **Снята* неясной, на его взгляд, этимологии [Бучко 1990, 110], но скорее всего западноукраинское название должно квалифицироваться по антропонимической базе точно так же, как новг. геогр. *Скнятина*. Исходный реконструкт – **Къснята* – допустимо рассматривать в качестве гипокористического усечения др.-рус. личн. *Къснятинъ* (< *Konstantinus*); вместе с тем мы не исключаем этимологической трактовки этого имени на базе апеллятивной основы *късьн-* (рус. *косный*), расширенной гипокористическим суффиксом *-ата*; ср. аналогичного образования личн. *Чернята*, давшее ст.-рус.

производное *Чернятин*, крестьянин из Тихвина, XVII в. [Вес. Он., 352], геогр. *Чернятино* дер. в Тверской обл.

Кулотино пос. Окуловского р-на Новг. обл., ранее – село Заозерской вол. Кр. у. на р. Перетне, лев. пр. Мсты [СНМНГ IV, 14–15], стоит на месте одноименной дер. Шегринского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 161]. Следующий пункт – дер. **Кулотино** восточнее гор. Плюсса Пск. обл. – идентифицируется с одноименным починком Дубровенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 201], который писцовой книгой 1576 г. указан уже заброшенной дер. *Кулатино* («пуста и лѣсомъ поросла») [НПК V, 674]. Многочисленные параллельные ойконимы, известные по поздним спискам селений: **Кулотино** дер. на рч. Копыловка Польской вол. Дем. у. [СНМНГ II, 68–69] + дер. на р. Локня в Холм. у. Пск. губ. (вар. *Кулешино*) + дер. на р. Молявка в Кашинском у. Твер. губ. + дер. в Старицком у. Твер. губ. + дер. близ оз. Клешино в окрестностях Вышне-го Волочка, наконец дер. на р. Шоша в Зубцовском у. Твер. губ. (по [Vasm. RGN IV 3, 670]). Перечисленные материалы дополняются новгородскими соответствиями по топонимам: геогр. **Кулотины Пороги** имение на р. Тигоде Пельгорской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 58–59] и средневековое геогр. **Кулоты** дер. в Хлавицком стане Холм. у. 1550/51 г. [ПКНЗ 5, 349]. Возле пос. *Кулотино* у р. Перетны обнаружено 13 курганных групп (свыше 100 насыпей) [Арх. пам. Новг. обл. II, 27], что свидетельствует о раннеславянском освоении округа. Перечисленная ойконимия, сконцентрированная на бывших новгородских землях, произведена от личн. *Кулота*, суффиксальные дериваты которого неоднократно фиксировались не позднее XII в. и только древненовгородскими памятниками письменности. См. в грамотах на бересте: «Отъ Сьмька къ *Кулотькъ*» (№ 105, 60–90-е гг. XII в.); «...*Кулотьке* грамъта къ Хоудъ» (№ 656, 40-е – сер. 90-х гг. XII в.); «уо *Кулотиница*» – ‘у Кулотинича’, патроним к *Кулота* (бер. гр. Ст. Р. 14, приблизительно 2-я пол. XII в.) [Зализняк 2004, 356, 357, 445]; в надписи № 66 на штукатурке новгородской Софии: «*Ко[у]лотька* пьсалъ» (2-я пол. XI – 1-я пол. XII в.) [Медынцева 1978, 69]. Др.-новг. личн. *Кулота*, возможно, содержит тот же корень, что и лексема *кулак*.

Любытино село и смежный пог. Любытинской вол. Бор. у. нач. XX в. [СНМНГ VI, 62–63]. Материалы Ген. меж. 1780–1785 гг., № 1616, указывают здесь **Люботинский** погост «в вершине ручья Белого», МОЗУ 1914 г. – **Любытинский Ильинский** погост [Карт. Гарн.]. Пог. Ильинский «въ **Любытинахъ**» подробно описывает книга Беж. пят. 1564 г., которая отмечает церковь Ильи Пророка в погостском селе и целый ряд тянувших к нему деревень: Зарубино, Сбологая, Улемья, Весенье и

др. [НПК VI, 870–877, 882, 998]. Сообщение об этом погосте есть также в книге Беж. пят. 1582–1583 гг. [Неволин 1853, 283 прил.]. Волостное село *Любытино* находилось рядом с крупным пос. *Зарубино*, который развился на месте одноименной деревни, указанной писцовой книгой Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 871]. Поблизости, немного к северу, значилась еще пара средневековых населенных пунктов, носивших параллельные названия: *Любытина* дер. во владыченской вол. Белой в Никольском пог. 1501 г. и *Любытино-Олпатьево* дер. Богородского пог. на Белой 1564 г. [НПК VI, 6, 862], более поздних сведений об этих селениях нет. В 1931 г. при советской власти за волостным селом *Любытино* было официально закреплено мемориальное название *Артем* в честь большевика Артема. Однако древний ойконим *Любытино* не исчез из местной округи: в 1-й пол. XX в. он был закреплен за селом, которое отстояло на 10 км к северу от рассматриваемого пункта – при впадении р. *Белой* во Мсту – и искони носило отгидронимное название *Белое*; сегодня – это крупный пос. *Любытино*, райцентр Новг. обл.

Рассматриваемый ойконим имеет несколько межтерриториальных соответствий. Все они гидронимы: *Любытский* руч., пр. пр. Мсты [Шан. РЛЛО, 232], рч. *Любитинская* (вар. *Люботин*), приток р. Кусинки басс. Волхова [Шан. РЛЛО, 46], наконец летописное *Любытина*, название притока Ловати в среднем течении, известное из жалованной грамоты 1134 г. на Терпужский погост Ляховичи: «за рѣкою за *Любытиною* по большии мѣхи» [ГВНП, 139, гр. 80]¹. Присутствие в столь раннем источнике уже само по себе говорит об архаическом характере посевы *Любытина*, производного, очевидно, от личн. **Любыта*. Последнее, как будто, самостоятельно не зафиксировано, как не известна и образованная от него топонимия за пределами Новгородской земли. Это позволяет считать **Любыта* региональным древненовгородским антропонимом. Он возник на базе типовой, фреквентативной основы при помощи раритетного суффикса *-ыта*, появление которого, по-видимому, объяснимо наложением форманта *-та* на **-й*-основу прасл. **l'uby* 'любовь'. Ср. аналогичное появление *-ыта* в личн. **Жельыта*, которое реконструируется по новг. геогр. *Жольтино* дер. Никольского Будковского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 342] (по Атласу Петерб. губ. 1791 г.

¹ По В.Л.Янину [Янин 1981, 236], средневековая р. *Любытина* из грамоты 1134 г. позднее стала именоваться *Закорытной*, Е.Н.Носов [Носов 1993, 33] ассоциирует ее с безымянным ручьем – притоком Ловати на современных картах, а М.Б.Свердлов [Свердлов 1993, 41] – с современной р. *Робьей Заробской*, впадающей в Ловать.

– селцо *Жельтино* [Селин 2003, 200, табл. 18]): имя имеет в качестве производящей *-й-основу прасл. *žely, др.-рус. *желва, желвь* ‘черепаха’, ‘еж’, ‘желвак, опухоль, шишка’ [СлРЯ XI–XVII 5, 81].

С ойконимом *Любытино* максимально сходно геогр. *Люботин* (*Люботино*), которое относится к другому средневековому центру – главному селению иного, но тоже Ильинского погоста округа Беж. пят., который располагался значительно дальше от Новгорода – в среднем течении р. Чагодоши басс. Мологи. Первые упоминания об этом погосте (волости) содержит платежная книга Беж. пят. 1499 г.: «волость *Люботин* Ивановская Лошинского на реце на *Люботине*, сох 36 бес полутрети» и там же: «волостка владычня в Ильинском погосте в *Люботине*, сох 10» [ПКНЗ 1, 220]. Ильинский пог. «в волости в *Люботине* в Ывановской Лошинского на реце на *Люботине*» регистрирует далее писцовая книга поместных земель Беж. пят. 1532 г., в ней же интересующее нас название фигурирует также во мн. ч.: «в *Люботинах*» [ПКНЗ 3, 6]. Главное погостское селение указывают и более поздние материалы. Карта генерал-лейтенанта Шуберта 1-й пол. XIX в. обозначает пог. *Люботинский* при рч. *Люботинке*, впадающей в р. Внину, лев. пр. Чагодоши, под этим же названием пункт указан списками селений 1-й пол. XIX в.; в них пог. *Люботинской* с одной церковью отнесен к Устюженскому у. Новг. губ., см. [Неволин 1853, 206]. Списки селений Устюженского у. нач. XX в. [СНМНГ VIII, 54] отмечают село *Люботины* (второе название *Село Великое*). Мотивирующим антропонимом к данному географическому названию выступает др.-слав. личн. *Любота*, стереотипно оформленное (ср. личн. *Лугота, Будота, Кулота, Страхота* и др. по материалам берестяного письма) и находящее преимущественно южн.-слав. подтверждения: альпослав. личн. *L'ubota* в документе IX в. на территории Австрии [Kronsteiner 1981, 208], серб. *Любота, Люботин* [Miklosich 1927, 71, 73; Грк. РЛИКС, 123], словен. личн. (жен.) *Libota* IX в. [Kos 1886, 124]. Среди межтерриториальной параллельной топонимии см. новг. *Люботино* дер. Михайловского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I, 173], *Люботина* рч. в Орлинском пог. Вод. пят. 1500 г. [ПКНЗ 1, 103], а за пределами исследуемой территории *Люботино* дер. на р. Псковице в окрестностях Пскова, укр. *Люботин* слобода на р. *Люботин* в окрестностях Харькова + сел. на Вольни, *Libotyn* оз. в Центральной Польше к югу от Торуня (по материалам: [Vasm. RGN V 2, 291; Гідронімія України 1981, 98]). Топонимию с суф. *-ин-* дополняет новг. старописьменное *Любочь* р. в Шел. пят. (Бельский пог., рядом рр. Сяберица, Черная, Воя, Яна) [НПК V, 529, 547], которое предпочтительно считать йотово-поссесивным образованием от личн. *Любота*. Приведенный выше гидроним *Любитинская* с вариантом *Люботин* в басс. Волхова

намекает на функциональное пересечение личн. *Любота*, топонимически отраженного в разных регионах Славии, с паронимическим личн. **Любыта*, имеющим древненовгородскую диалектную отнесенность.

В целом на новгородской территории встречается немало топонимов, которые образованы от личных имен с *люб*-основой, оформленной различными суффиксальными морфами. Перечислим по материалам писцовых книг наиболее очевидные случаи (памятуя о том, что эта высокочастотная основа столь же активно создает топонимы с топографической исходной семантикой): дер. *Любаново*, *Любачево*, *Любашово*, *Любешково*, *Любвицово*, *Любимово*, *Любильцово*, *Любино*, *Любитово*, *Люблево*, *Люблино*, *Любосино*, *Любохово*, *Любоишино*, *Любошово*, *Любухово*, *Любышино*, *Любышово*, *Любятино*. Поскольку *люб*-основа обладает повышенной суффиксальной валентностью, многие организуемые ею личные имена, отложившиеся затем в топонимии, выглядят «наддиалектными», будучи «вписанными» в продуктивные антропонимические ряды с суф. *-аи-*, *-ил-*, *-ох-*, *-ач-*, *-ош-*, *-ух-*, *-ят-а* и др. Рассмотрим только несколько географических названий, образованных от имен с отчетливыми западнославянскими ассоциациями. Геогр. *Любаново* дер. Михайловского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I, 208] и, видимо, асуффиксальное геогр. *Любан* дер. Егорьевского Лусского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 46] возводятся к личн. *Любань*, представленному как на западе, так и на юге славянства: др.-польск. *Luban* [SSNO III, 281], др.-чеш. *L'uban* [Svoboda 1964, 157], др.-луж. *L'uban*, совр. нижн.-луж. *Lubań* и там же геогр. *Lubanowe* (нем. *Libnitz*) [Schlimpert 1978, 77] (у лужицких славян данное имя особенно популярно), болг. *Любан* [Заим. БИ, 142], серб. *Ljuban* [Miklosich 1927, 8]. На новгородской территории к личн. *Любань*, быть может, восходит еще название гор. *Любань* на р. Тигоде в Лен. обл., известное с 1500 г. как *Любани* дер. Ильинского Тигодского пог. Вод. пят. (более поздние варианты *Любыни*, *Любяни*, *Любань* перечислены в: [Селин 2003, 213, табл. 19]). Это название, вероятно, является йотово-посессивным; однако здесь допустима и деапеллятивная трактовка, особенно если учесть, что межтерриториальные параллели к новг. геогр. *Любань*, обнаруживающиеся неоднократно, преимущественно оказываются гидронимами, судя по материалам: [Шульгач 2003, 158; Поспелов 2001, 249]. Геогр. *Люблино* дер. на левом берегу Ловати Перегинск. Под., ранее – дер. Перегинской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 94–95] (соотнесенная [Андрияшев 1914, 236] со средневековой дер. *Люблюн* Коломенского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV, 366]), *Люблино* дер. Илеменского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 182], *Люблево* дер. Лосицкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 501] (= совр. *Люблево*

дер. Лошицк. Пл.) производны от личн. *Любля*, прямо засвидетельствованного у западных славян и словенцев, о чем пишет О.Н.Трубачев [Трубачев 1971, 12]; ср. также немецкую запись имени «*Lewblinus*» в австрийской грамоте XIV в., которое О.Кронштейнер [Kronsteiner 1981, 208] сводит к древнему альпослав. личн. **L'ubъль*. Топонимическими параллелями являются: *Lublin* – город на востоке Польши, упоминаемый с 1228 г. [Nieskula 1971, 280], геогр. *Liblín* сел. в Чехии [Prof. МЖ II 671–672], *Люблино* дер. к югу от Москвы [Трубачев 1971, 12], *Люблевка*, две реки в Поочье [Смол. ГБО, 124, 163]. Названия нескольких пунктов: *Любино*, *Любино поле*, *Любинское*, прослеженные по писцовой документации [НПК III, 309, 494; IV, 98, 388], *Любино* оз. в вол. Лопатицы [НПК II, 784, 798], пск. *Любово* оз., известное из псковской пергаменной грамоты XV в.: «из рѣкы по *Любови* же ожеро» [ГВНП, 331, гр. 346], – имеют скорее всего деривационное отношение к антропониму типа др.-польск. *Luba* (муж.) [SSNO III, 280] (из которого и польск. геогр. *Lubino*, *Lubin* [Nieskula 1971, 280]), нижн.-луж. личн. *Luba*, *Lubo* [Muka, 65], др.-чеш. *L'ub* XII в. [Svoboda 1964, 49, 279], полаб.-помор. *L'ub* 823 г. [Schlimpert 1978, 77] (он же дает нем. геогр. *Lübow*), альпослав. личн. *L'uba*, *L'ublinъ*, *L'ubina* – очень популярные имена у древних славян, отмеченные по австрийским источникам начиная с IX в. [Kronsteiner 1981, 208]. Найдутся наверняка и другие новгородско-инославянские (преимущественно западнославянские) схождения в материале топонимии (например, с суф. *-aš-*, *-iš-*, *-k-* и др.), но нужно иметь в виду, что часть таких схождений, возможно, носит случайный характер в силу повышенной словообразовательной валентности корня **lub-*.

Болчино дер. Большехрапск. Дед. на правом берегу Шелони между Порховом и Дедовичами, отмеченная в XIX в. в Порх. у. [СНМРИ 34, № 10704]. На «Столистовой карте» 1801–1804 гг. обозначено как село *Балчино*, на Карте Шуберта – *Болчино* [Неволин 1853, 149]. Средневековая писцовая документация дает описание деревень *Болчинского* пог. в верхнем течении Шелони под 1498, 1539, 1561–1562 и 1576 гг. [НПК IV, 158–162, 407–416; 61, V, 62, 600], центром которого являлось сел. *Болчино* с храмом Дмитрия Солунского (Селунского). Село впервые упомянуто в новг. бер. гр. № 568 сер. XIV в. под названием *Большино*: «...у Князя в *Большинѣ* селѣ полторы коробки» – ‘у Князя (прозвище) в Болсине селе полторы коробки (соли)’. А.А.Зализняк [Зализняк 2004, 562–563] интерпретирует *Большино* из берестяной грамоты как вторичный произносительный вариант: здесь *c < ц < ч* (в исходном *Болчино*) благодаря цоканью и последующей утрате смычного затвора у аффрикаты *ц*. Ойконим восходит к др.-рус. личн. *Бълчь*, позднее – *Болч*; ср. ст.-блр.

Bolcz Bortkowicz в Писцовой книге Гродненской экономии (по [Демчук 1988, 66]), др.-польск. *Belcz, Belczko* [SSNO I, 119], соотносимые скорее всего с корнем **bьlk-*; ср. рус. диал. *бóлкать, болкáть* ‘говорить, болтать’, ‘качать, делать движения из стороны в сторону или взад и вперед’, польск. *belkać* ‘болтать жидкость’, словац. *blkat’* ‘пылать, полахать’ и т. п. материал из [ЭССЯ 3, 117–120]. В качестве топонимической параллели укажем вологодское геогр. *Болчина*, вар. *Болтина* – сел. неподалеку от Вытегры бывшей Олонецкой губ. [Vasm. RGN I 2, 461]. Личн. *Болч*, имевшее хождение на новгородской территории в достаточно ранний период, по-видимому, генетически отождествляется с более стабильно представленной формой **Болыч*, которая восстанавливается из геогр. *Болычева Гора* дер. Демонского пог., *Болычево* поч. Налючского пог. (позднее, под. 1539 г., – дер. в Курском присуде), *Болычово* дер. Жабенского пог., – все пункты на западе Дер. пят. [НПК II, 506, 604; I, 647; ПКНЗ 4, 301]. Соответствующая современная ойконимия тоже тяготеет к Северо-Западу, так, пункты, именуемые *Болычево*, отмечены в районе Бежецка Твер. губ., в окрестностях Холма, Торопца, Опочки и Великих Лук Пск. губ., неподалеку от Гжатска и Духовщины Смоленской губ.; реже встречаются южнее: в окрестностях Курска и Мценска Орловской губ., Можайска и Серпухова Московской губ. [Vasm. RGN I 2, 461] (в последних двух случаях *Болычево* смешивается с созвучным *Булычево* – названием, имеющим особый ареал и иное происхождение). В отличие от *Болч*, форма **Болыч*, по-видимому, показывает диал. (др.-пск., др.-новг.) полногласный рефлекс с дальнейшим развитием *ь > ы*: *Бьльч > *Бьльчь > *Болыч*. К данному типу изменений ср. сев.-рус. диал. *молынья* из др.-рус. *мьльня*, новг. геогр. *Столытино*, соотносимое с др.-рус. *стълть* [Николаев 1988, 124; Зализняк 2004, 50], возможно, орловск. *Колыч* – название кочковатого луга (по Словарю орловских говоров, вып. 5): к др.-рус. *кьльч* ‘кочка’ [Васильев 2001, 174].

Апеллятивная первооснова личн. *Болчь* – прасл. **bьlk-* (первоначально звукоподражательная) – этимологически соответствует в общем семантическом поле движения и звучания (говорения) основе **bьlt-* и, думается, **bьlx-*, **bьls-*; все они имеют антропонимические производные, представленные в новгородской топонимии. С суфф. *-ово* присутствуют: геогр. *Болково* дер. на Раденке в Шел. пят. 1-й пол. XVI в. [НПК V, 370], *Болтово* дер. Ретенского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV, 490] (отождествляется с поздней одноименной деревней на р. Илеменке Порх. у. Пск. губ. [СНМНР 34, № 11866]) + дер. на р. Сереже Холм. у. Пск. губ. [СНМРИ 34, № 14658] + дер. близ гор. Невель и Себеж; с суфф. *-ино* есть новг. геогр. *Болтино* дер. Шегринского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 389; II, 235] +

поч. Богородицкого пог. в Удомле Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 273]. Судя по спискам селений Российской империи, найдется немало геогр. *Болтино*, *Болтово* и в других русских областях, в том числе на территориях позднего заселения. Эта ойконимия обусловлена личн. *Бьлтъ*, позднее *Болт* (ср. др.-польск. личн. *Belt, Beltek, Beltowicz* [SSNO I, 120]) или, очевидно, более поздним морфологическим вариантом данного личного имени в женском роде – ст.-рус. *Болта*; ср. фиксации *Болта*, *Болтины* XVI в. [Вес. Он., 45]. По корневому тождеству антропонимической базы к геогр. *Болтово*, *Болтино* примыкает новг. геогр. *Неболчи* пос., ранее обсужденное нами как йотово-посессивное производное от личн. **Небьлтъ-а* (см.). С корнем **bьlx-* через личн. *Болхъ*, *Болохъ* (см. *Болх*, родовое прозвание князя Ивана Андреевича Звенигородского [Вес. Он., 45]), наряду с рус. диал. *болхарь* ‘большой бубенец’ [СРНГ 3, 84], польск. *belch* ‘водоворот’, связано новг. геогр. *Болохово* дер. в Околорусье Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 223], как и *Болохово* гор. в Тульской обл., *Болхов* гор. в Орловской обл. и др. Относительно **bьls-* ср. новг. личн. *Болсун* 1500 г., отчество *Болсуновы* [Вес. Он., 45] и геогр. *Болсуново* дер. в Никольском пог. в Удомле Беж. пят. [НПК VI, 259].

Быстреево пог. в Гдовском у. Петерб. губ. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37, № 1580], по Карте Шуберта 1-й пол. XIX в. – пог. *Быстреевской* при р. Люте, лев. пр. Плюссы [Неволин 1853, 151], современных сведений по этому пункту нет. Селение известно с конца XV в. как центр средневекового *Быстрѣвского* пог. Шел. пят., описание которого дано в [НПК IV, 102; V, 11, 12, 132–136, 314, 315, 332, 335, 472–490]. Название возводится к личн. **Быстрѣи*, которое, судя по немногочисленным топонимическим следам, использовалось только древними восточными славянами. На Новгородской земле с данным антропонимом связаны также старописьменные геогр. **Быстреиково** (*Большое* и *Меньшее*) – смежные дер. в Щирском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 103]: к личн. **Быстрѣико*, уменьш. от **Быстрѣи*. Ср. еще геогр. *Быстреева* дер. на р. Исаковка Соликамского у. Пермской губ., *Быстриевка* хут. неподалеку от гор. Радомысль Киевской губ. + дер. на р. Россасенка в окрестностях гор. Горки к северо-востоку от Могилева [Vasm. RGN I 3, 617]. Личн. **Быстрѣи*, образованное от прасл. **bystrь(jь)*, др.-рус. *быстрыи*, относится к разряду отадъективных *nomina agentis* с суф. *-ѣжь* [Sławski ZSP I, 86–87]; вместе с тем, на наш взгляд, следует учитывать и возможность антропонимизации сравнительной степени **bystrějь*. Рассматриваемый антропоним находит семантико-деривационную аналогию (‘быстрейший’) в чеш. личн. *Skořěj*, серб. *Brzej*. Серию соответствующих личных имен продолжают личн. *Hoděj*, *Milěj*, *Myslěj*, *Prostěj*, *Raděj*, *Uněj*, *Černěj*,

Jařěj, – все они преимущественно отмечены по др.-чеш. источникам [Miklosich 1927, 6].

Чернигово дер. на рч. Каменке Астриловской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 14–15]. Позднее 1-й пол. XX в. справочниками уже не фиксируется, как, впрочем, не удалось обнаружить деревню с таким названием и в новгородской писцовой документации. Тем не менее, сам ойконим кажется весьма древним, особенно если сравнить его с украинским *Черниговом*, упоминаемым в тексте договора Руси с греками под 907 г. Образован от личн. **Чьрнигь*, от которого известны ст.-укр. и ст.-рус. патронимы; ср. Туношко *Чорнигов* сын, винницкий мещанин 1552 г., Ивашко Фомин *Чернигов*, целовальник в Сибири 1652 г. [Туп. СДЛСИ, 877]. Топографические трактовки (см. [Роспонд 1972, 43–44] об украинском гор. *Чернигов*: по р. **Чернига* или от апел. **чернига* ‘чернозем’) не убедительны. Личн. **Чьрнигь* (: др.-рус. *чьрнии*) относится к ряду архаических антропонимов на суф. *-игь*, среди которых засвидетельствованные новгородскими памятниками письменности личн. *Смолигь* (бер. гр. № 603 XII в.), *Ясигь* из надписи № 128 на стене новгородской Софии (2-я пол. XI – 1-я пол. XII в.) [Медынцева 1978, 88]¹. Эквивалентная восточнославянская топонимия содержит йотово-посессивные образования: *Черниж* дер. в Суздальском у. Владимирской губ. и *Черныж* сел. под гор. Луцк на Вольтыни, а также образования с *-ов*-суффиксацией: *Чернигово* дер. на руч. *Черниговский* в Старицком у. Твер. губ. на южных окраинах бывшей Новгородской земли, *Черниговка* дер. Задонского у. Воронежской губ., стоящая на овраге *Чернигов* (который, очевидно, указан среди верхних левых притоков Оки между рр. Жиздрой и Угрой [Смол. ГБО, 37]), укр. *Черниговка Большая* и *Черниговка Малая* в окрестностях Овруча Волинской губ., *Czernigowska Polanica* в Галиции. Ряд топонимов, таких как *Черниговское* в Таврии, *Черниговский Шлюз* на р. Тихвинке и нек. др., следует опустить, поскольку они по тем или иным причинам отражают известное название украинского гор. *Чернигов*. Очевидно, поздние модифицированные варианты архаического личн. **Чьрнигь* показывают еще геогр. *Чер-*

¹ Думается, к личным именам данной структуры относится и *Родиг*, которое в словаре А.В.Суперанской подается как вероятный вариант старого календарного (греч.) имени *Родий* [Суп. СРЛИ, 283]. Нам, в свою очередь, видится здесь раннеславянское антропонимическое образование: *Род-* (: др.-рус. *родь*, *родити*) + суф. *-игь*. Надо полагать, с этим антропонимом смыкается старописьменное новг. геогр. *Родигино* дер. Коломенского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I, 75], производное от личн. **Родига* жен. морфологического рода (ср. вариантность личн. **Чьрнигь* и **Чьрнига*, давших, соответственно, геогр. *Чернигово* и *Чернигино*, см. ниже). Зафиксирована также фамилия *Родигин*, которую, однако, сопоставляют с христ. *Родион* [Унбегаун 1989, 77].

нягово дер. в окрестностях Городка в Витебской губ., Чернеги и Чернеговский сел. в Нолинском и Слободском у. Вятской губ., Чернягино дер. Островского у. Псковской и Весьегонского у. Тверской губ., Чернигино недалеко от Твери (материалы по: [Vasm. RGN X 1, 98, 102, 122]).

К др.-слав. антропонимам с редким суф. *-игъ* возводятся еще несколько новгородских географических названий на *-ово*. Среди них **Кочигово** дер. Сеглинского пог. Дер. пят. [НПК I, 425] – к личн. **Кочиъгъ* (корень, видимо, тот же, что в *кочка*, *кочан*, диал. *коч* ‘петух’). Уникальностью мотивирующего личного имени отличаются геогр. **Елигово** дер. Беж. пят. 1564 г. в пог. Волок Держков [НПК V, 977] (в нач. XX в. это был пункт Десятопятничкой вол. Бор. у. на Тихвинском тракте [СНМНГ VI, 30–31], сейчас – дер. *Елигово* Волокск. Бор.) и геогр. **Ялигово** дер. Сеглинского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 475]. Атрибуция образующих эти названия личных имен (**Елигъ*, **Ялигъ*) не совсем понятна, надо полагать, данные реконструкты – производительные варианты одного и того же антропонима. Проблему новг. *Елигово*, *Елигово*, возможно, отчасти проясняет польская топонимическая параллель: геогр. *Jeligowo* (*Jaligów*) сел. в повате Косцяна. Разной исторических вариантов в парадигме польского ойконима (*Ialigow* 1250 г., *Geligow* 1393 г., *Nyeligowo* 1425 г., *Ielygowo* 1435 г.) очевидным образом свидетельствует о неславянском характере исходного антропонима **Jeligъ* или **Jaligъ*, который рассматривался в качестве подвергшегося ассимиляции нем. личн. *Ehlig* или *Helwig*, см. [Nieckula 1971, 89]¹. Неясно, можно ли включить в число межтерриториальных соответствий рассматриваемой ойконимии геогр. *Елегино* дер. на р. Матвеевка Буйского у. Костромской губ. [Vasm. RGN III 1, 196].

Киево дер. на р. Редья Рамушевск. вблизи гор. Старая Русса, ранее относившаяся к Медниковской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 80–81], отождествляется с одноименной дер. Рамушевского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 332; V, 218]. С данной топонимической формой связан еще целый ряд средневековых новгородских пунктов, локализуемых в Шел., Дер. и Беж. пят.: **Киево** дер. Сабельского пог. 1571 г. [НПК V, 512], на месте которой в конце XVIII в., согласно материалам Ген. меж. (№ 1108), числилась пуст. *Киево* на р. Луге к северо-востоку от дер. Торчиново [Андрияшев 1914, 174], + дер. Карачунского пог. 1576 г. [НПК V, 600], идентифицируемая с

¹ Вряд ли сюда имеют отношение сербские женские имена *Jela*, *Jelka*, *Jelica*, которые Ф.Миклошич осторожно сопоставляет то с христ. *Елена*, то со славянским обозначением дерева ели [Miklosich 1927, 115].

позднейшими геогр. *Киевка Большая*, *Киевка Малая* – смежными дер. к югу от Порхова [Андрияшев 1914, 416] (сегодня – дер. Красноармейск. Порх.), + дер. Дретонского пог. Шел. пят. 1498 г. + дер. Ситенского пог. Дер. пят. 1495 г. + дер. в вол. *Добрыня* в Никольском пог. на р. Топалке Беж. пят. 1545 г. [НПК V, 254; I, 583; VI, 503]. Параллельные геогр. *Киева* и рядом *Киева Малая* относятся к деревням, расположенным поблизости от р. Мды Заборовской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 52–53]. Перечисленная ойконимия дополняется геогр. *Киевичи* дер. Ровенской вол. Холм. у. (сейчас – дер. Торопецкого р-на Твер. обл.; исторические сведения о пункте остались неизвестны) и средневековым геогр. *Къйково* сел., известным по рядной грамоте Федора Онкифовича 1460-х – 1470-х гг.: «...дали <...> *Къйково* село» (см. [ГВНП, 180, 181, гр. 122], к датировке документа [Янин 1990, 228]), = *Кийков* дер. на восточном побережье Ильменя в Сыгинском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 492]¹. Сюда же по сходству антропонимической базы относится геогр. *Киясова Гора* дер. Рютинского пог. Дер. пят. [НПК I, 423].

Геогр. *Киево*, *Кийково*, *Киясова Гора* («ять» в написании *Къйково* – следствие графической неупорядоченности) обусловлены др.-рус. личн. *Кьи* и его дериватами *Кышко*, *Кыась*, смягченными позднее до *Киш*, *Кишко*, *Киясь*. Исходным апеллятивом для этих имен является др.-рус. *кьи* (< прасл. **кужь*), лексема, знакомая всем славянским языкам во взаимосвязанных значениях ‘палка, дубина; посох; молот; трость; батог’ [ЭССЯ 13, 257–258]. Личн. *Киш*, *Кишко* и их дериваты-патронимы *Киев*, *Киевич*, *Кийков* зарегистрированы преимущественно укр., блр. и рус. памятниками письменности XV–XVII вв. [Демчук 1988, 132; Бирьла 1966, 219; Бирьла 1969, 201; Вес. Он., 139; Туп. СДЛСИ, 181, 237; Wójtowicz 1986, 78; ПКНЗ 1, 433 (Имен. указ.); 5, 384 (Имен. указ.)], к ним нужно добавить др.-польск. личн. *Kij* [Taszycki 1925, 77]. Личн. *Киясь* особенно тесно примыкает к др.-польск. личн. *Kijaszk*, *Kijaszków*, указанными в [Neckula 1971, 99]. Учитывая общеславянскую принадлежность апеллятива **кужь* и принимая во внимание топонимические соответствия новг. геогр. *Киево* на западе и юге Славии (см. [Трубачев 2002, 147]), можно не сомневаться в том, что деапеллятивное личн. **Кужь* было в активном обиходе уже в позднепраславянский период. Семантико-мотивировочной параллелью

¹ Новг. геогр. *Киев Двор* (вар. *Аникиево*) дер. Кузьминской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 68–69] явно не имеет отношения к перечисленной ойконимии: здесь прилагательное *Киев* является усечением из *Аникиев*, судя по вариантному *Аникиево*.

к нему выступает др.-слав. личн. **Pěstь* (= апел. **pěstь* ‘пест; дубина, колотушка’); ср. др.-рус. и ст.-рус. личн. *Песть* [Wójtowicz 1986, 87; Вес. Он., 243], совр. диал. *пест* ‘упрямый человек’ (вят.), ‘тупой и глупый человек’ (костр.) [Даль СЖВЯ 3, 262], др.-польск. личн. *Piast*, наряду с многочисленной на Русском Северо-Западе деантропонимной ойконимией типа *Пестово*, в обилии отраженной НПК и современными материалами, отметим и польск. геогр. *Piastowo, Piastów*, чеш. *Pístov*.

Судя по данным [Vasm. RGN IV 1, 144; Трубачев 2002, 147], топонимический ареал *Киево, Киев, Киевка, Киевичи* и т. п. охватывает, помимо новгородской территории, всю лесную среднерусскую полосу, доходя до Костромы на востоке, до Тулы на юге, исключая области Русского Севера и Северо-Востока; к юго-западу от Новгорода соответствующие названия встречаются на Псковщине, Смоленщине, в Белоруссии и в областях расселения западных и южных славян (см. рис. 9). Разумеется, некоторая часть таких названий возникла безотносительно к антропонимам: на собственно апеллятивной (топографической) базе либо как отражение социально значимого названия украинского *Киева*. Скажем, структура таких старописменных новгородских ойконимов, как *Киш* дер. в Коростыньском пог. Шел. пят. [НПК IV, 19], *Киевец* дер. Боротенского пог. + дер. в Паозерье Шел. пят. [НПК V, 78, 305] не позволяет считать их однозначно деантропонимными образованиями.

В связи с трактовкой новг. геогр. *Киево* хотелось бы кратко коснуться сложной и запутанной проблемы происхождения названия древнерусской и украинской столицы *Киев*. Напомним две основные существующие версии. Традиционная точка зрения развивает летописное предание и внешне, как будто, очевидна: геогр. *Киев* – посессивное производное от др.-рус. личн. *Кыи*, что находит многочисленные межславянские топонимические параллели: *Киево, Киевичи, Киевец* и т. п., всего более 50 названий [Трубачев 1997, 65; Трубачев 2002, 145–149; ЭССЯ 13, 256–257]. Традиционному мнению противостоит прежде всего точка зрения С. Роспонда (появившаяся недавно экзотическая «хазарская» версия происхождения геогр. *Киев* [Голб, Прицак 1997, 75–76] не в счет), согласно которой ойконим *Киев* связан происхождением с топографическим термином, близким к польск. диал. *kujawa* ‘голое место среди лесов’, укр. диал. *куява* ‘крутой холм; пустое место’ и др. Древнеписьменные упоминания Киева неславянскими источниками (греч. *Κιοαβα*, перс. *Kujaba, Kujave*, араб. *Kūyāba, Kuyava, Khyiav* и др.) тоже подводят к реконструкции топографического названия **Куява*: **Кузь*, позднее преобразованного под влиянием посессивной антропонимической модели и давшего др.-рус. *Кыевь*, совр. *Киев, Київ* [Роспонд 1968, 103, 104, 109; Роспонд 1972, 13, 41].

На наш взгляд, для поддержки топографической версии применительно к днепровскому *Киеву* существует весомый аргумент, по видимому, до сих пор недостаточно оцененный. Это наименование жителей древнего *Киева* – *кыяне*, исконный летописный катойконим (позднее *киевляне* не в счет), который отражают и древнескандинавские источники (др.-сканд. *Kænugardr* ‘Киев’, или ‘Кыян(ов)-городь’, *Kænitir* ‘кыяне, жители Киева’ [Джаксон 2001, 64–68]). О.Н.Трубачев использует данный аргумент, но квалифицирует его в смысле индивидуально-личной принадлежности, собственно, для отрицания деапеллятивной версии. По его мысли, форма др.-рус. *кыяне* исторически анализируется как ‘люди Кия’ и «как бы на уровне описания документирует производство от личного имени *Кий*, обнаруживая <...> «позицию нейтрализации» противопоставления форм *Киев* и *Кий*» [ЭССЯ 13, 257; Трубачев 2002, 146]. Такая семантизация формы *кыяне* не кажется нам убедительной. Скорее наоборот, вся совокупность многочисленной древнерусской катойконимии и этнонимии на -‘ане убеждает в обратном: это образования от топонимов с апеллятивными основами (см. подр. об этом в гл. 5); если же считать имя легендарного воеводы *Кия* мотивирующим началом названия днепровского *Киева*, то мы вправе ожидать появления патронимически оформленного *киевичи*, которое означало бы ‘люди рода Кия’ или несколько шире – ‘люди Кия’ и параллельно было бы воспринято в качестве катойконима – наименования жителей вообще, закономерно соотнесенного с географическим названием *Киев* possessивного типа. По отношению к днепровскому *Киеву* такого рода образований как раз и нет, зато присутствует форма *кыяне*, убедительно подразумевающая первичный апеллатив, а не личное имя.

Нинково (*Минково*) дер. на р. Люте, лев. пр. Шелони, Порх. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34, № 11228], к северу от ж. д. ст. Дно Пск. обл. Писцовой документацией XV–XVI вв. ойконим не отмечен, хотя атрибутируется как древнерусский: от др.-рус. личн. *Нинко*, ранее – *Нинько*; вариант *Минково* вторичен (спорадическая мена *н* на *м*, как в *нырять* > диал. *мырять*, известна). Надпись № 47 на штукатурке новгородской Софии – «Смолько *Нинькиничь*» 2-й пол. XI – нач. XII в. [Медынцева 1978] доказывает функционирование на новгородской территории муж. личн. *Нинька* – морфологического варианта к *Нинько*; ср. далее др.-польск. личн. *Ninek*, *Ninota*, *Ninieci* и т. д. [SSNO IV, 66–67] (отсюда геогр. *Ninkowe*, *Ninków* в Польше [Niekula 1971, 143]), др.-чеш. *Nina* [Svoboda 1964, 82], полаб.-помор. *Ninc* [Schlimpert 1978, 82], болг. *Нинко*, *Нино* [Заим. БИ, 169], серб. *Нина*, *Нино*, *Нинко* [Мор. СИ, 139]. Эти гипокористики соотносятся с др.-слав. композитами **Ninomyslъ*, **Ninoslavъ*, **Ninogněвъ*, кото-

рые отмечены в западно- и южнославянских языках; ср. и др.-новг. *Нунонѣзь* – имя одного из новгородских посадников [НПЛ, 471], он же – *Миронѣзь* [НПЛ, 164]. Имеются трактовки элемента *Nino-* из **Jino-* < **Jupo-* ‘молодой, юный’ [Svoboda 1964, 82], но скорее нужно сопоставить с польск. *niniejszy* ‘сей, настоящий’ [Зализняк 2004, 628], ср. и рус. диал. *ниня*, *нинеча* ‘нынче, ныне’, указанные [СРНГ 21, 236–237]. Наряду с древнеславянской атрибуцией исходного имени, новг. геогр. *Нинково* допустимо обосновать устаревшим христианским, не вошедшим в современные святцы личн. *Нин* (из греч. *Нинос*, имени легендарного основателя Ассирийского государства [Суп. СРЛИ, 251]). Из межтерриториальных эквивалентов укажем геогр. *Niniów Górni* и *Niniów Dolni* – немецкие селения на руч. Жижава и Березница в Долинском у. Галиции, *Нинишки* (лит. *Niniškės*) село неподалеку от Вильны на пограничье с Белоруссией, *Ниново* в Диснинском у. Виленской губ., *Ниновка* слобода близ гор. Новый Оскол Курской губ. + дер. в Самарской губ. [Vasm. RGN VI 1, 225] (некоторые из перечисленных названий, возможно, обязаны появлением христианскому имени).

Тужирово дер. Дремяцкого пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 137], а к концу XVIII в. – пуст. *Тужирово* на руч. *Тужировском* [Андрияшев 1914, 158]. Обусловлено личн. **Тужирь*. По А.А.Зализняку [Зализняк 2004, 278], внутренняя форма этого специфического имени такая же, как у записанного на стене новгородского Софийского собора личн. *Сежирь* сер. XI в. [Медынцева 1978, 42] – букв. ‘живущий здесь’. К синонимии местоименных компонентов *ту-*, *се-* ср. равнозначные *туземец* и др.-рус. *сеземець*; второй компонент *-жирь* повторяется в личн. *Нажирь*, *Домажирь*, *Кромъжирь* и др. Модифицированный, очевидно, более поздний вариант личн. **Тужирь* репрезентирован (в виде личн. **Тужеря* жен. морфологического рода) также старописьменным геогр. **Тужерино** дер. Щирского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 117], которое в источниках XIX–XX вв. подается как *Тужирино* (*Тужерино*) дер. Луж. у. [СНМРИ 37, № 2544; Vasm. RGN IX 1, 205], сейчас – *Тужерино* Марьинск. Стр.-Кр.

Антропонимический композит, состав компонентов которого не вполне ясен, отложился в геогр. **Здажерино**, вар. *Ждажерино*, дер. на рч. Черной Щепецкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 446, 447], = *Здажерина* пуст. на р. Черной, согласно Ген. меж. XVIII в., № 630 [Андрияшев 1914, 105]. Своей топоосновой название отчасти напоминает личн. *Стежирь* (или *Стъжирь*), зафиксированное бер. гр. 5 из Старой Руссы 1-й пол. XII в. Последний композит, ранее нигде не встречавшийся, трактуется [Зализняк 2004, 330–331] либо на базе глагола **sъděti* ‘со-

бирать', 'соединять', которым мотивированы, например, польск. *Zdziesław, Zdziemir, Zdziewit*, либо при помощи наречия *сьде, съдѣ* 'здесь'. Расхождение между инициальными сочетаниями *Зд-* и *Ст-* в геогр. *Здажерино / Здажирино*, с одной стороны, и в личн. *Стежирь / Стѣжирь*, с другой, может отражать две стороны фонетической ассимиляции: в первом случае произошло регрессивное озвончение (*Зда- < Съда-*, к прасл. **szdati*, ср. с этим же глагольным корнем др.-чеш. *Nedažir* [Svoboda 1964, 93]), во втором, – прогрессивное оглушение (*Сте- / Стѣ- < Съде- / Съдѣ-*). Вариант *Ждажерино* при таком осмыслении признается вторичным, появившимся в условиях слабого диал. (пск.) различия соответствующих шипящих и свистящих. Однако эти же фонетические условия не препятствуют противоположному мнению: о первичности именно варианта *Ждажерино* с отражением основы прасл. **szdati*, др.-рус. *жьдати*; ср. с этим компонентом ст.-рус. *Ждамиров* в акте 1658 г. [Туп. СДЛСИ, 601] (< личн. **Жьдамирь*).

С рассмотренной ойконимией созвучно геогр. *Обжерино* дер. в вол. Забережье Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 476], которое обосновывается префиксально-корневым личн. **Объжеря*. Старописьменное новг. название адекватно соотносится с геогр. *Обжирово* дер. в Ветлужском у. Костромской губ. [Vasm. RGN VI 2, 323].

Этимологический статус варьирующихся элементов *-жир-/-жер-* в приведенной выше ойконимии (*Тужирово* и *Тужерино*, *Здажерино / Здажирино*, *Обжерино* и *Обжирово*) кажется двусмысленным. Проще всего сослаться на орфографический разнობой или случайные фонетические «отклонения» *-жир-* > *-жер-*, но такие «отклонения», оказывается, достаточно регулярны. Обнаруживается, что данные элементы варьируют не только в постпозиции (добавим сюда еще геогр. *Люджирицы / Люджеричицы* Вод. пят., подр. см. в гл. 4), но и в препозиции, что хорошо прослеживается на примере трудноразличимых др.-польск. личн. *Żyroslaw* и *Żerosław* [SSNO V, 79–80] или ввиду вариантности отдельных топонимических архаизмов Новгородской земли: *Жиросло / Жересло* дер. на Ловати Дер. пят. (см.), *Жиробуд / Жеребуд* дер. Вод. пят. (см.), *Жирятки / Жерятки* Вод. пят. (см.); ср. и такие факты, как твер. геогр. *Жерославль* дер. в Корчевском у. [СНМРИ 43, № 7508], *Жирково / Жерково* дер. в Богородском у. Московской губ. [Vasm. RGN III 2, 284]. На наш взгляд, факты колебания *-жир-/-жер-*, имеющие место в ономастике и отчасти в апеллятивной лексике (ср., к примеру, польск. *żerować, żer* 'жировать', но и *żyr* 'корм, фураж, пища'), в конечном счете обусловлены, как и в случаях с основами *-мир-/-мѣр-*, *-вид-/-вѣд-*, тесным пересечением и смешением созвучных элементов, восходящих к разным этимологическим источни-

кам: во-первых, к прасл. *žir- (: *žiti, др.-рус. *жити*), во-вторых, к прасл. *žer- (*žьrо: *žerti, др.-рус. *жьру: жерети* ‘приносить жертву’). Начальный компонент *Жер-*, определенно отсылающий к *žer- (: *žerti), показывают, в частности, такие архаические гидронимы, как *Жеримышел* р. басс. Припяти – к личн. **Жеримысль* [Трубачев 1968, 253] и, надо полагать, *Жеремесля* (*Жеремесла*), *Жеремеселка* – рр. басс. Оки, согласно материалам [Смол. ГБО, 41, 42, 46, 86; Чумакова 1992, 66–67]; отметим еще личн. *Жеря* – прозвище князя Андрея Федоровича Аленкина, убитого татарами в 1567 г. [Вес. Он., 113], геогр. *Жерино* и др. В этой связи рассмотренное выше новг. геогр. *Обжерино* тоже базируется, надо полагать, на антропониме с исконным *žer-: *žerti (ср. в том, что касается морфологического состава, с рус. *обжора*), тогда как антропоним **Объжирь*, отложившийся в геогр. *Обжирово* Костромской губ., демонстрирует скорее уже вторичное преобразование *-жер-* > *-жир-*.

Прибыльцино дер. в пог. Никольском в Слезкине Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 538]: к личн. *Прибыльца*, уменьш. к *Прибыла*. Данному антропониму равно новг. геогр. **Прибыльца** («Деревня Кишкино, да въ поле впущена деревня *Прибыльца*») в пог. Егорьевском в Чудини Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 71]: этот ойконим выглядит прямой топонимизацией личного имени. Личн. *Прибыла* (‘прибывший, прибавившийся в семье ребенок’) в древности имело практически общеславянское распространение. Оно обнаруживается в бер. гр. № 5 из Старой Руссы 1-й пол. XII в. [Зализняк 2004, 330] и в средневековых источниках на западе и отчасти на юге славянства: др.-польск. *Przybyła, Przybyło, Przybело* [SSNO IV, 382], чеш. *Přibyl* [Svoboda 1964, 168, 292], полаб.-помор., сербохорв. *Pribyl* [Schlimpert 1978, 107], у альпийских славян *Pribyla* (по источнику 888 г.: «*Briiila*») [Kronsteiner 1981, 205]. Более поздний вариант, имеющий форму полного причастия – *Прибылой*, – встречается в ст.-рус. материалах XVI–XVII вв. [Вес. Он., 258; Туп. СДЛСИ, 377], см. еще блр. фамилии *Прыбыль, Прыбыльскі* [Бірыла 1969, 334], укр. *Прибило* [Редько 1969, 184]. Из ойконимии нам известны укр. геогр. *Прибилів* сел. в Прикарпатье [Худаш, Демчук 1991, 187], *Прибиловка* сел. в Подольской губ., *Przybyły* сел. под Кобрином Гродненской губ. и, возможно, более позднего возникновения названия, локализуемые к востоку от Новгородской земли: геогр. *Прибылово* дер. в окрестностях гор. Углича Ярославской губ., Солигалича Костромской губ. и Тотьмы Вологодской губ. [Vasm. RGN VII 2, 364]. Отмечены еще сел. *Прибилци* в Болгарии [Займов 1967, 224] и сел. *Pribilovići* в Хорватии [Imenik mesta 1956, 356]. Гипокористическое производное от рассмотренного имени (или от композитов типа **Pribyslavъ, *Pribygněвъ*) – личн. *Прибыша* – восстанавли-

вается по новг. геогр. **Прибышино** дер. Дретонского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 246], а также дано новг. бер. гр. № 125 конца XIV в. – 1400-х гг., в которой упоминается некто Давыд *Прибыша* [Зализняк 2004, 657], и летописью в составе патронима: Иван *Прибышиничь*, под 1216 г. [НПЛ, 57]; ср. далее др.-польск. личн. *Przybysz* [Taszycki 1925, 50], чеш. *Přibyša* [Svoboda 1964, 148], др.-луж. *Přibyš*, сербохорв. *Přibiš, Přibiša* [Schlimpert 1978, 108], сопровождаемые соответствующей топонимией: *Przybyszyn* сел. близ Бельска Гродненской губ., *Przybyszówka* сел. в Галиции [Vasm. RGN VII 2, 364], польск. геогр. *Przybyszew, Przybyszewo, Przybyszów* [Neckula 1971, 166], чеш. *Přibyšice*, хорв. *Pribiševas* [Miklosich 1927, 87].

Ойконимы **Прибытково** и **Прибыткино** в вол. Сорогошино Беж. пят. [НПК VI, 426, 435] содержат основу, по-видимому, более позднего имени с тем же самым значением; ср. личн. *Прибыток* конца XV в. [Вес. Он., 258], ст.-блр. *Прибыток* XVII в. [Бирьла 1969, 334], ранние славянские источники этого имени не знают.

Ольгово дер. Ясеновичского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 47]. Название восходит к хорошо известному по летописям др.-рус. княжескому имени *Ольгъ* (из сканд. *Helgi* ‘святой’ [Фасм. ЭСРЯ III, 133]), которое позднее оформилось в совр. рус. *Олег*. До XV в. носителями данного имени были представители правящих династий. Актовая письменность Северо-Восточной Руси XV в. уже не показывает употребления личн. *Олег* в центральных русских землях [Wójtowicz 1986, 25], нет его, как будто, и в материалах по Новгородской земле старорусского времени. Ср., впрочем, производное *Ольгов* в составных наименованиях вотчинников в Костроме (XV – XVI вв.), княжеского тиуна и пристава 1-й пол. XVI в. в Москве [Вес. Он., 231; Туп. СДЛСИ, 734]. Из исторической топонимии укажем гор. *Ольговъ*, известный по Ипатьевской лет. под 1152 г. [ПСРЛ II, 455–456] (= совр. *Льгов* Курской обл.) + пункт *Ольгово* под Рязанью, согласно грамоте рязанского князя Олега Иоанновича, данной *Ольгову* монастырю (1356–1387 гг.) [АИ I, 2], позднее – дер. *Льгово* (*Ольгово*) в Рязанском у. Ср. также *Ольгово* – дер. в Подмосковье под гор. Дмитровом и несколько пунктов в бывшей Витебской губ., *Ольговка* – многие пункты по всей Украине, близ Орла, Курска, Смоленска и к востоку вплоть до Среднего Поволжья [Vasm. RGN VI 2, 403–404], сюда же относится и *Lgów* сел. в Польше, известное с 1391 г. [Nieckula 1971, 117]. Утрата начальной гласной в некоторых перечисленных названиях обусловлена переосмыслением *о* в качестве факультативной протезы перед консонантным сочетанием *-лг-* с первой плавной (ср. варианты укр. геогр. *Олжичи / Лжичи, Оргоц / Ргоц / Рогоца* в басс.

Десны недалеко от Чернигова, по: [Купчинский 1981, 176; Насонов 2002, 206–207]).

Второе любопытное новгородское название – *Ольжина Гора*, производное от женского варианта данного имени, – связано с деревней в Пречистенском Тихвинском пог. Обон. пят., о которой сообщает жалованная грамота Лжедмитрия Тихвинскому Успенскому монастырю 1605 г. [АИ II, 74]. Палатализованный вариант *Ольжина* свидетельствует об архаическом образовании, так как в старорусскую эпоху утвердилась уже «выравненная» форма *Ольгина*; она присутствует, кстати говоря, в старом новгородском названии угодья *Ольгина* пожня при устье Волхова согласно документу 1624 г. [АИ III, 200]. Впрочем, геогр. *Ольгина* в данном случае может репрезентировать как раз не позднюю, а, напротив, раннюю, др.-новг. диал. форму, поскольку известно, что в др.-новг. диалекте перед суф. *-ин-* не было эффекта первой палатализации заднеязычных [Зализняк 2004, 202]¹.

Пирятино дер. Яжелобицкого пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 801]. Ойконим происходит от др.-рус. личн. **Пирята*. Топонимические соответствия сравнительно многочисленны на старых восточнославянских землях за пределами новгородской территории: геогр. *Пирятинь* – древний гор. в Переяславской земле, известный по Лаврентьевской лет. с 1154 г. [ПСРЛ I, 342] (= совр. гор. *Пирятин*, или *Пырятин* Полтавской губ.), *Пирятин*, или *Перятин*, дер. Суражского у. Черниговской губ. +

¹ Конкретные обстоятельства появления отмеченных новгородских названий, разумеется, неведомы, но в качестве гипотезы допустимо рассмотреть их в контексте известных по летописи событий IX–X вв., имевших место в Новгородской земле. В частности, *Ольжина Гора* в Тихв. у. может оказаться некоей, хотя бы символической, реминисценцией отдаленных времен княгини Ольги, которая, как известно из летописи, устанавливала на севере Руси в 947 г. «повосты и дани». Топонимов, овеянных народными легендами и преданиями, которые связаны с именем Ольги, более чем достаточно в исторической Псковской земле – родине древнерусской княгини (неоднократно отмечались *Ольгино* как названия селений, *Ольгин камень*, *Ольгины слуды*, *Ольгины ворота* в басс. р. Великой, *Ольгин Крест* на р. Нарве); указывались подобные легендарные топонимы также в Полужье (пог. Сабле, или *Ольгин погост*) и в Нижнем Приладжье (*Ольгино Сельцо*), см. [Александров 1994]. Кроме того, в окрестностях Старой Ладogi, согласно летописной легенде, локализуется знаменитая *Олегова могила*; с ней отождествляют монументальную насыпь в ур. Сопки на левом берегу Волхова неподалеку от устья, см. [Основания регионалистики 1999, 324–329]. Обращает на себя внимание территориальное соседство этого объекта с *Ольгиной* пожней при устье Волхова, намекающее на некую общую конкретно-историческую подоплеку. Впрочем, это не более чем сугубо теоретическое осмысление существа названий, близких фонетически и территориально.

селения близ гор. Дубно на Волыни и Равы Русской в Галиции, *Пирытина* дер. на р. Вазуза Сычевского у. Смоленской губ., *Пирытинница* – две дер. Городецкого у. Витебской губ., *Пирытино* дер. на р. Угра Ельнинского у. Смоленской губ. + дер. на р. Шача Буйского у. Костромской губ., *Пирытинская* дер. на р. Устья Вельского у. Волынской губ., *Пирытинница* хут. в Гадячском у. Полтавской губ., *Пирытинка (Пырытинка)* дер. на руч. Черная Грязь Карачевского у. Орловской губ. (последний ойконим смежен с гидронимом *Пырытинка* рч. среди правых притоков Жиздры в Верхнем Поочье [Смол. ГБО, 34]). Этот материал можно дополнить геогр. *Пирютино* дер. Даниловского у. Ярославской губ. + дер. на р. Ракитня Ржевского у. Твер. губ., *Пирютино* – две дер. на руч. Лученец в окрестностях Полоцка Витебской губ., *Пиратичи* дер. неподалеку от Слуцка Минской губ. (сведения из [Vasm. RGN VII 1, 27, 30]). Обращает на себя внимание достаточно широкая география перечисленных названий (только вост.-слав.) при отсутствии образующего их личн. **Пирята* в др.-рус. памятниках письменности; в актах Северо-Восточной Руси зафиксировано лишь *Пирутин* 1392 г., производное от максимально близкого личн. **Пирута*, отнесенного к дохристианским именам, см. [Толкачев 1978, 117]. Значение корневой морфемы не очевидно. Скорее всего нужно сблизить с др.-рус. *пирь* ‘пир; угощение; праздник’ (аналогично др.-рус. личн. *Жирята* через полные *Жирославь*, **Жирогость* сближается с *жирь*, *Мирята* через полное *Мирогость* – с *мирь*), привлекая сюда и личн. **Пирогость*, отложившееся в геогр. *Пирогоца* (см.). Существует много древнерусских производных от культурно значимого слова *пирь*: *пирянин* ‘участник пира’, *пирник* ‘устроитель пира’, *пиряти*, *пировати* ‘пировать’, *пирный* ‘относящийся к пиру’, *пиритва*, *пиря* ‘пир’ и др. [СлРЯ XI–XVII 15, 47–50]; сюда же ст.-рус. личн. *Пир*, *Пиров* (новг.) [Вес. Он., 244], рус. диал. *пирун* ‘любител ходить в гости’ (сев.-зап., новг.), ‘капризный ребенок’ (ворон.), см. [НОС 7, 141; СРНГ 27, 43], серб. личн. *Пиро*, *Пирко*, *Пирько* [Мор. СИ, 151; Железняк 1969, 127], быть может, серб. *Перун*, *Перута* [Гр. РЛИКС, 156]. М. Вуйтович намечает иную возможность истолкования личн. *Пирута*: как деривата от христ. имени *Пира* (< *Пирр*) [Wójtowicz 1986, 60], что для большинства перечисленных случаев сомнительно.

Некуришино дер. Оксочского пог. Дер. пят. [НПК II, 289, 302]. К личн. **Некуришиа*; ср. патронимическое его проявление: «Приде князь Мьстиславъ на Тържекъ, и я Борислава *Некуришиница* (по Ком. сп.: «*Некуришиница*»), и поймавъ товаръ многъ, и пусти и» под 1218 г. [НПЛ, 57, 258]. Можно думать, дер. *Некуришино* являлась родовым гнездом упомянутого летописью боярина, носившего столь редкое имя. К семан-

тическому обоснованию антропонима ср. др.-рус. *курити* ‘разжигать, топить, перегонять (смолу, водку)’ [СлРЯ XI–XVII 8, 138]. Аналогичной структуры были др.-рус. личн. **Нелюбиша*, извлекаемое из геогр. *Нелюбишино* дер. в вол. Сорогошино Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 431], личн. **Падиша* из ойконима *Падишино*, который связан с селом на восточном побережье оз. Ильмень, известном из рядной грамоты сер. XV в. [ГВНП, 180, гр. 122] и позднее из писцовой документации 1495 г. по Сытинскому пог. Дер. пят. [НПК II, 490]; сюда же личн. **Опалиша* из геогр. *Опалишино* дер. Беж. пят. [НПК VI, 281], ср. *Опалишин* Асташ – дьячок 1-й пол. XV в. в Переяславле [Вес. Он., 231] и *Опалишино* дер. в Псковском у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34, № 1738].

Абрадово дер. на оз. Лучан бывшего Холм. у. Пск. губ. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34, № 14801], = дер. *Обрадово* над оз. Лучаном в Лопастицкой вол. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 800, 801]; + дер. *Обрадово* на р. Тверца Вышневолоцкого у. Твер. губ. [СНМРИ 43, № 3970], отождествляемая с одноименной средневековой дер. Никольского пог. на Вышнем Волочке у Столпа Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 40]. Ойконимы обусловлены личн. *Обрадъ*; последнее находит проявление в отчестве рушанина Павла *Обрадовича*, убитого литовцами в 1234 г. [НПЛ, 73, 283], а раздельная грамота XV в. называет имя псковича *Обрада* Клевчевича [ГВНП, 330, гр. 345]. Имя присутствует в др.-чеш. источниках: *Obrad*, *Obradec* [Svoboda 1964, 102], но особенно широкое хождение получило на славянском юге: болг. *Обрад* XIII в., *Брад* XV в. (сокращено из *Обрад*) [Заим. БИ, 32, 172], серб. *Обрад*, *Обрадац*, *Обрадило*, *Обрадин* [Грк. РЛИКС, 150; Мор. СИ, 141], где многочисленна и соответствующая топонимия: болг. *Обрадовци* [Заимов 1967, 266], сербохорв. *Obradovo*, *Obradovci*, *Obradci*, *Obradovac*, *Obražda* и др. [Rospond 1983, 102; Imenik mesta 1956, 312]. На восточнославянской территории вне Новгородской земли источники знают только ойконим *Обрадово*, прикрепленный к трем соседящим пунктам в окрестностях гор. Устюг бывшей Вологодской губ. [Vasm. RGN VI 2, 329], – это бесспорный след древненовгородского продвижения на восток.

Збышево дер. Высоцкой вол. Ст. у. при р. Снеже [СНМНГ III, 30–31]. Ойконим писцовой документацией не отражен, но явно связан с архаическим для Новгородской земли личн. **Събышь*, **Събыша*. Летопись повествует о печальной судьбе новгородцев с близким именем *Сбышка*, отчеством *Сбышкиничь*: «убиша *Сбышку* Волосовица» (1194 г.), «убиша <...> Гюргя *Събышкиниця*» (1200 г.) [НПЛ, 41, 45], ср. также др.-польск. личн. *Zbyszek*, *Zbyszko*, судя по множеству письменных отражений, очень популярное у западных славян [SSNO VI, 296–297]. В

контексте указанных имен обращает на себя внимание также название пожни *Збыха* за рч. Веряжей вблизи Новгорода, 1539 г. [ПКНЗ 1, 353]: его можно сравнить с др.-чеш. личн. *Sbych*, которое, как и др.-новг. *Сбышка*, польск. *Zbyszek, Zbyszko*, является гипокористическим образованием от прасл. композита архаической структуры **Sъbyslavъ*; последнее многократно отражено новгородскими памятниками письменности не позднее XIII в.: *Сбыславъ* часто в НПЛ и бер. гр. № 407, 409, 550, 671, Ст. Р. 36 [Зализняк 2004, 794]. По другим восточнославянским источникам это имя (в т. ч. жен. *Сбыслава*) прослеживается не позднее нач. XIII в. [Туп. СДЛСИ, 406]), но у поляков и чехов оно до сих пор пользуется популярностью. Среди межтерриториальных эквивалентов к новг. геогр. *Збышево* отметим геогр. *Збышки* дер. Можайского у. Московской губ., *Збышин* дер. и хут. на рч. Вепринка в Старобыховском у. на Могилевщине, *Zbysze* сел. близ гор. Сокаль в Галиции, вероятно, *Збышня* хут. у гор. Радомысль на Киевщине и *Zbyska* место в Галиции [Vasm. RGN III 3, 481], *Zbyszewo* сел. в Польше [Nieckula 1971, 235].

Брахово дер. на руч. Алексеевском Тимофеевской вол. Кр. у. [СНМНГ IV, 94–95], отождествляется со средневековой *Брахово* дер. Черньчевичского пог. Дер. пят. конца XV в. и 1539 г. [НПК II, 139, 369; ПКНЗ 4, 62]. Ойконим соотносится с личн. *Брахъ*; ср. др.-польск. *Brach, Brachosz* [SSNO I, 240], др.-чеш. *Brach, Brachek* [Svoboda 1964, 146] – гипокористики от прасл. полных имен **Bratomilъ*, **Bratumilъ*, **Bratogostъ*, **Bratoněgъ*, **Bratol’ubъ* и др. ср. сел. *Brachowycze*, локализующееся на Западной Украине, известное по львовским актам 1452 г. [Купчинский 1981, 73].

Гипокористику на базе композитов этой же антропомодели, но с усечением не до первого слога, как в личн. *Брахъ*, а до второго показывает новг. геогр. *Братухново* дер. Дретонского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 252] + дер. в бывшем Гд. у. Петерб. губ., указанная в списках нач. XX в. [Vasm. RGN I 3, 530]. Ойконим обусловлен личн. **Братухно*, соотносимым в первую очередь с др.-польск. *Bratumil*, др.-чеш. жен. *Brat(r)umila* [Svoboda 1964, 71].

Подобным образом интерпретируется старописьменное геогр. *Мирохново* дер. в Демонском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК II, 505], = *Мирохны* писцовой книги 1539 г. [ПКНЗ 4, 258], по поздним источникам – *Мирохны* дер. на руч. *Мирохновском* Луженской вол. Дем. у. нач. XX в. [СНМНГ II, 36–37], сегодня – дер. Заборовск. Валд. Мотивирующий антропоним, выступающий дериватом прасл. композитов типа

**Mironěgъ*, **Mirolavъ*, **Mirogostъ* максимально близок к др.-польск. личн. *Mirochna* [SSNO III, 520–527], серб. *Mirochna* [Miklosich 1927, 15]. Отметим, что сложный формант *-хно* (< *хъ* + *но*) сохранял продуктивность на новгородской территории по меньшей мере до XVIII столетия, образуя имена-гипокористики не только от исконно славянских, но и от календарных христианских имен (*Леохно*: *Леонид*, *Грихно*: *Григорий*, *Стехно*: *Степан* и т. п.).

Рахово (*Рахова*) – селения Локоцкого и Семеновского в Удрицах пог. Дер. пят. конца XV – 1-й пол. XVI в. [НПК I, 764, 771, 774; II, 35, 38, 95; ПКНЗ 4, 186, 198] при наличии в нач. XX в. выселка *Рахово* Китовской вол. Кр. у. на р. Холове [СНМНГ IV, 50–51] (не отождествляется ли этот пункт с дер. *Рахово* Локоцкого пог.?), а также **Рахово** дер. на р. Шарья Будогощск. Кир., ранее – Грузинской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 24–25]. Нужно отметить далее Рождественский Пиркинский пог. **Раховичи** в Обон. пят., согласно акту 1577 г. [АИ I, 361]. Эту ойконимию дополняют названия близлежащих современных дер. **Рахино Старое** и **Рахино Новое** (*Новорахино*), относившихся в нач. XX в. к Рахинской вол. Кр. у. [СНМНГ III, 90, 92]. Бывший центр волости – дер. *Старое Рахино* – в конце XV–XVI вв. называлась дер. *Рахино у моста* (или *Рахин мост*) Локоцкого пог. близ границы с Листовичским пог. Дер. пят. [НПК II, 17; ПКНЗ 4, 134, 191; 5, 111, 259], позднее ойконим *Рахин мост* фигурирует, в частности, в судебных документах 1650 г. [Мятежное время, лл. 158, 159, 165] и в грамоте патриарха Никона Иверскому монастырю 1653 г. [АИ IV, 192]. На восточной периферии Новгородской земли локализуется еще **Рахино** дер. Устюженского у. нач. XX в. [СНМНГ VIII, 72–73], а на юго-западной – **Рахово** селище в Сержеской переваре Торопецкой земли 1540 г. [ПКНЗ 4, 625]. Ойконимы *Рахово*, *Рахино* обусловлены личн. *Рахъ*, *Раха*: первое надежно «паспортизуется» как раннеславянская устойчивая гипокористика на базе композитов, начинавшихся на *Rad-*, *Rat-* (прасл. **Radoslavъ*, **Radomirъ*, **Ratislavъ*, **Ratimirъ* и др.), второе – *Раха* – вторичный вариант от *Рахъ*, оформленный по женскому морфологическому роду. Ср. в новг. бер. гр. № 863 20–30-х гг. XII в. производное личн. *Раховичъ*: «...а у *Раховица* двѣѣ дѣжѣ молодого» – ‘а у Раховича две кади солода’ [Зализняк 2004, 286–287]. В Ипатьевской летописи (с. 584) указан «сынъ боярскій Михайловичъ именемъ *Рахъ*» из Владимирско-Волынского княжества, 1281 г. [Туп. СДЛСИ, 391], этот факт дополняется др.-чеш. личн. *Rach* [Svoboda 1964, 293], др.-болг. *Рах*, *Рахо* [Заим. БИ, 190], серб. *Рахо*, *Раха* [Грк. РЛИКС, 171]. Прасл. личн.

Рахъ* до такой степени обособилось от породивших его имен, что само по себе дало целый букет дериватов. Так, наряду с др.-новг. *Раховичь* исследователями славянской антропонимии приводились чеш. личн. *Rachovec, Rachut*, серб. *Рахут*, новообразованный композит *Рахослав*, болг. *Рахно, Рахин, Рахил*, а с близким морфом *-и-* имена *Раиш, Раишо, Раишун, Раишан* и др. На новгородской территории нашло письменное отражение произведенное от *Рахъ* личн. *Раишко* в бер. в № 478 (40-е – нач. 50-х гг. XIV в.) [Зализняк 2004, 566]: оно лежит также в основе новг. геогр. **Раишково дер. Велильской вол. Дер. пят. конца XV – сер. XVI вв. [НПК II, 759; ПКНЗ 5, 372], **Раишки** дер. в Вельевском пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I, 213] и прослеживается по средневековым источникам на иных славянских территориях: Прокоп *Раишко* XVI в. [Туп. СДЛСИ, 391], польск. личн. *Raszko* [Taszycki 1925, 48] (и геогр. *Raszkowo* в Польше [Niecukula 1971, 171]), чеш. *Rašek, Raška* [Svoboda 1964, 150, 293], у древних и современных лужицан личн. *Raš, Rašek, Rašyk* и геогр. *Raszków* [Schlimpert 1978, 115; Мука, 89], у болгар *Раишко* [Займов БИ, 191], у сербов *Раишко, Раишкович* [Грк. РЛИКС, 172; Мор. СИ, 167]. Добавим сюда названия дер. **Рахнов** Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 117], **Рахново** дер. Велильской вол. Дер. пят. около 1495 г. [ПКНЗ 5, 375], которые подразумевают личн. *Рахно*, ср. болг. *Рахно* [Займ. БИ, 190]. Межтерриториальные восточнославянские ойконимы на базе личн. *Рахъ, Раишько* (геогр. *Рахово, Рахов, Раховичи, Раишков, Раишковичи* и др.) довольно многочисленны. Вне новгородской территории они преимущественно группируются на Украине (Галиция, Киевская губ., Подолия), в Белоруссии (Минская, Гродненская губ.), единичны в западнорусских областях (смоленск. *Рахово* к западу от Смоленска, псковск. *Рахово* недалеко от Опочки, орловск. *Раишкова* дер. у Болхова); наиболее отдаленными к востоку являются геогр. *Раишково* – пункты в районе Весьегонска и Рыбинска, *Раишкин* пог. в районе Торжка. В отдельных случаях можно ожидать смешения с ойконимией от иных основ, ср. *Раховец*, но вар. *Роховец*, под Новогрудком Минской губ. Реже встречаются параллели к новг. *Рахино*: это *Rachin (Rachynia)* дер. и немецкая колония в Галиции, *Рахинка* слобода в Царевском у. Астраханской губ. (материал по [Vasm. RGN VII 3, 545, 547, 550]).

От имен-гипокористик, усеченных из полных с начальным слогом *Ро-* (к примеру, из др.-слав. *Ростиславъ, Родиславъ* или христ. *Родионъ, Романъ*) и дополненных суф. *-х-, -хън-, -шьк-*, образованы старописьменные новг. геогр. **Рохново** дер. в Михайловском пог. в Тростных Беж. пят. 1545 г. + поч. в Снежском пог. Шел. пят. 1539 г. +

сельцо в Млевском пог. Дер. пят. конца XV в., *Рохновщина* дер. «пуста» в Щепецком пог. Шел. пят. 1571 г., *Рошково* дер. в пог. Богородицком на Белой Беж. пят. 1564 г. [НПК I, 132; IV, 327; V, 445; VI, 173, 853], *Рошково* дер. в Холмском у. Пск. губ. [СНМРИ 34, № 13991]. Зафиксированы др.-новг. личн. *Рохъ* в бер. гр. № 610 (60–80-е гг. XIV в.) [Зализняк 2004, 571], *Рох*, *Рошко* в Архивах Юго-Западной России 1-й пол. XVII в. [Туп. СДЛСИ, 395], древние польск., чеш., луж. *Roch*, чеш. *Rochna*, *Rochnes*, луж., польск., чеш. *Roš*, польск. *Roszek*, нижн.-луж. *Rošk*, верх.-луж. *Róška*, серб. *Рошко*; см.: [Schlimpert 1978, 119–120; SSNO IV, 468; Svoboda 1964, 32, 149, 294, 295; Грк. РЛИКС, 174]. В целом перечисленные антропонимы получили в славянском мире не столь широкую популярность, особенно на юге славянства, как пересекающиеся с ними личн. *Рахъ*, *Рахъно*, *Рашько*, и мотивированная ими топонимия не столь частотна. Ср. геогр. *Рохново* дер. в Сержской переваре средневековой Торопецкой земли 1540/41 г. [ПКНЗ 4, 626], *Рохово* дер. Ростовского у. Ярославской губ., блр. *Роховец* дер. на р. *Роховляк* на Могилевщине неподалеку от Мстиславля, *Рохново* дер. на р. Вялица Невельской у. Витебской губ., *Рохновский Починок* и *Рохновско-Чуркинская* – близлежащие пункты в окрестностях Сольвычегодска на Вологодчине, *Roszki* село в окрестностях Равы Русской в Галиции, севернее Львова, *Roszkowiec* хут. в районе Волковыска Гродненской губ., *Roškowce* дер. на территории Словакии [Vasm. RGN VII 3, 664], *Roszkowo* – несколько сел в разных поветах Польши (Яроцин, Равич, Рыпин, Сьрода) [Neckula 1971, 174], *Roskow* (под 1186 г. – *Roschouwe*) неподалеку от Бранденбурга в Германии [Schlimpert 1978, 120].

Кречево древнее ур. на левом берегу Полисти близ гор. Руса, сейчас поглощено современной Старой Руссой, в которой с дореволюционных времен сохраняется лишь название *Кречевской* ул. Первое упоминание урочища датировано 1444 г.: «Того же лѣта поставиша церковь камену святого Николу на *Кречевѣ*» (в другом списке летописи с уточнением: «...на *Кречевѣ* въ Русь» [НПЛ, 423, 464]). Позднее топоним встречается только благодаря монастырю, в частности, Никольский (Николаевский) *Кречевский* монастырь писцовые книги Шел. пят. указывают с конца XV в. [ПКНЗ 1, 112; НПК V, 201], а актовая письменность – со 2-й пол. XVI в. (жалованная грамота новг. архиепископа Леонида Николаевскому Особому монастырю на Кречеве 1572 г. [АИ I, 343–344]). Монастырское подворье *Кречево* Дубовицкой вол. Ст. у. отмечено последний раз

отдельным пунктом в нач. XX в. [СНМНГ III, 50]¹. Ойконим наиболее надежно трактуется на базе др.-рус. прозвища *Кречь*, равного апеллятиву. Ср. личн. *Кречко*, дериват *Кречков* в Архивах Юго-Западной России XVI–XVII вв. [Туп. СДЛСИ, 263], др.-чеш. личн. *Křeč*, *Křeček* XIV–XV вв. [Svoboda 1964, 276], возможно, альпослав. личн. «*Kchrezko*» 1267 г. (= *Křeško*) [Kronsteiner 1981, 207], болг. *Кръчо*, *Кръчко* [Заим. БИ, 130], др.-серб. *Кряч*, *Кречко* от 1-й пол. XIV в. [Грк. РЛИКС, 114], которые легко сопоставляются с лексемами, подобными чеш. *křeč*, макед. *креч* ‘судорога, спазм’, рус. диал. (пск.) *кречек*, *крячок* ‘птица коростель’ [СРНГ 15, 239], укр. диал. *кряч* ‘жердь, которой поворачивают колоду’, равно как и с глаголами: чеш. *křečeti* ‘кричать (о коршуне)’, польск. *krzeczac* ‘скрипеть; кряхтеть; квакать’ и др.; к этим и подобным лексемам находят широкие индоевропейские параллели [Фасм. ЭСРЯ II, 370]. Соответствующая ойконимия обнаруживается на восточнославянских землях к югу и западу от Приильменя: укр. *Кречів* (исторически – *Кречево*, 1546 г.) сел. на Волыни, блр. *Крэчаўшчына* сел. в Гродненской обл., тоже возводимые к антропониму [Шульгач 2001, 72], *Кречевичи* – сел. близ гор. Ковеля Волынской губ., сел. в Галиции и сел. недалеко от гор. Лида Виленской губ., *Кречевицы* сел. близ Минска, *Kreców* и *Krzecowska* – села в Галиции [Vasm. RGN IV 3, 553], сюда же еще геогр. *Krzecew* сел. в Польше (повет Бохня), указанное с 1238 г. [Nieckula 1971,

¹ О Кречевском монастыре под Старой Руссой как уже упраздненном писал в 1886 г. М.И.Полянский «Невдалеке от города, версты за три от Преображенской обители, почти у берега Полисти реки виднеется небольшая деревянная церковка с прочным строением. От левого берега речного ведет туда дорожка, усаженная ивами. Давно было время, когда стояла здесь древняя обитель, посвященная святителю Николаю. Архиепископ Новгородский Евфимий, восстановивший монастырский храм Спаса Преображения, построил здесь и каменную церковку во имя Святителя Николая (1443). С тех пор, по-видимому, и существовала иноческая обитель. Кругом ее по берегам реки раскидывались поля да угодья монастырские. Один из преемников св. Евфимия Архиепископ Леонид, дал монастырю жалованную грамоту, подтвержденную другими святителями – «Никольскому особому монастырю на Кречеве». Больше пока ничего не известно о жизни обители. При общем обеднении староруссцев, он беднел с каждым новым годом; когда же прошел закон об упразднении монастырей, не имеющих у себя особых святынь, он был приписан к Александро-Невской Лавре, а введением монастырских штатов был отдан в полное владение Спасо-Преображенского монастыря со всем имуществом и угодьями <...> В 1787 г. ветхая каменная церковь была разобрана, а кирпич от нее было разрешено употребить на постройку каменных настоятельских келий Спасо-Преображенского монастыря <...> В настоящее время – это монастырская мыза, в которой помещается скотный двор, летом живут еще рабочие для полевых работ на обширных участках монастырской земли, расположенных по берегам реки» [Полянский 1886, 328 и след.].

112], геогр. *Krecowe* 1308 г. на территории Восточной Германии, трактуемое тоже в связи с личным именем [Schlimpert 1978, 69]. Ойконимы *Кречково*, производные от антропонима с деминутивным суффиксом, обнаруживаются более к востоку от Новгородской земли (окрестности Рыбинска, Вологды и подмосковного Звенигорода), но и в западнорусских землях (у Смоленска, Великих Лук и в бывшей Гродненской губ.); их дополняют польск. геогр. *Krzeczkowo* [Vasm. RGN IV 3, 554], геогр. *Kreckow* в басс. Лабы [Schlimpert 1978, 69].

Неоднозначно осмысливается ситуация с названием пос. *Кречевицы* на левом берегу Волхова под Новгородом. Писцовой книгой Вод. пят. 1500 г. оно дано в виде *Кривцовичи* дер. Ивановского Переездовского пог. [НПК III, 492], но в более поздних документах по этому погосту название неоднократно модифицировалось, постепенно приобретая современный облик. См. по материалам [Селин 2003, 233, табл. 21]: дер. *Кривцовичи* 1582 г., затем дер. *Кривчевицы* 1612 г., далее дер. *Кредчевицы* 1646 г., потом дер. *Кривчевицы* на р. на Волхове 1669 г., позднее дер. *Крючевицы* 1678 г., дер. *Кривчевицы* 1718 и 1748 гг., наконец дер. *Кречевицы* 1788 г. Исходная ранняя форма ойконима выглядит производной от хорошо известного личн. *Кривец*, др.-рус. *Кривьць* (ср. и совр. фамилию *Кривцов*), тогда как современная форма стоит в общем ряду с архаическими названиями от личн. *Кречь* типа укр. *Кречевици*. Здесь, надо полагать, происходила вторичная «подгонка» под созвучную основу *Кречев-*, что, быть может, выглядит более мотивированным при учете смежных топонимов: рядом на левом берегу Волхова, немного поближе к Новгороду, лежало село *Кречно* (*Кречново*) – центр Григорьевского *Кречневского* пог., а затем *Кречневской* вол. [Селин 2003, 85, табл. 2]. Данный ойконим, полученный по гидрониму апеллятивного происхождения (село *Кречно*, ныне исчезнувшее, стояло на оз. *Кречно*; что касается апеллятивов, ср. твер. *крек* ‘лягушечья икра’, пск. ‘озерная ряска’, *креква* ‘утка’ и т. п. [СРНГ 15, 208]), вполне мог поддержать или обусловить трансформацию деантропонимного *Кривцовичи* в *Кречевицы*.

Как показывает приведенный пример, при анализе географических названий с топоосновой *Креч-* необходимо считаться в отдельных случаях с вероятием собственно топографического объяснения; ср. в дополнение к новг. *Кречно* оз. и сел. (была, кстати говоря, еще одна дер. *Кречно* на р. Кереть, в 50 верстах от Новгорода [СНМНГ I, 52–53]) такие факты, как новг. *Кречко* оз. в Сеглинском пог. Дер. пят., 1551 г. [ПKNЗ 5, 64], *Кречино*, *Кречивое* дер. Дер. пят. [НПК II, 665; I, 212] или блр. геогр. *Крэчына* сеножать в Гродненской обл. [Мікраталанімія 1974, 129], семантика и деривация которых склоняют скорее к выведению из апеллятивов. Види-

мо, в еще большей степени апеллятивные трактовки предполагаются близкими топонимами с элементом *Крек-*. К ним относятся: новг. геогр. **Креково** (*Крокова, Кроковы*) дер. Моревской вол. Дер. пят. [НПК II, 703, 726; ПКНЗ, 392],¹ **Креково** дер. Никольского Ястребинского пог. Вод. пят. + пожня и поч. близ Удомли [НПК III, 762; IV, 922, 826; ПКНЗ 1, 174], **Креково** (*Кунино*) ус. Никольской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 46–47], **Креково** – земельное угодье около дер. Запростье к югу от Новгорода [НОС 4, 140], за пределами Новгородской земли отмечены две дер. *Креково* в окрестностях Рыбинска и Шенкурска [Vasm. RGN IV 3, 545]. Данные факты в принципе могут трактоваться двояко: на базе апеллятивов типа *крéковый, крекóвый, крековистый* ‘кряжистый, ветвистый (о дубе, лесе)’, *крёковая* (об утке крякве), *крек* ‘лягушечья икра’ [СРНГ 15, 208–209], либо в виду деапеллятивных западнославянских антропонимов: польск. личн. *Krzek, Krzeko* [SSNO III, 160], др.-чеш. *Krek* (соотносится с чеш. *křek* ‘кванканье лягушек’), полаб.-помор. *Krek* 1281 г. [Schlimpert 1978, 69]. То же самое касается новг. геогр. **Крехово** дер. Вод. пят. + поч. Беж. пят. [НПК III, 287, 355; VI, 225], наряду с *Крехово* – дер. близ гор. Остров Пск. обл. + дер. на Северной Двине близ Великого Устюга, укр. *Крехів* сел. в Галиции + сел. на востоке Польши [Vasm. RGN 3, 553]. С этими названиями легко сравнить др.-польск. личн. *Krzecz, Krechowicz* [SSNO III, 158, 138], чеш. *Křehký, Křehlík*, др.-луж. *Krehan* 1374–1382 г. [Schlimpert 1978, 69], но сохраняется возможность и прямого соотнесения с терминами типа диал. *крѣх* новг. ‘какая-то птица’, калин., арх. ‘птица семейства утиных, крохаль’ [СРНГ 15, 238].

Ожеедово дер. Молвятицкого пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I, 661]. Уже в XVI в. этот ойконим переоформился по модели родовых названий в *Ожееды* дер. Молвятицкой вол. 1561 г. (см.: «Гаврилка Сидоров сын, Нежданов <...> из деревни из *Ожееды*» Род. п. [ПКНЗ 5, 410, 411]); в нач. XX в. на месте средневекового пункта числились *Ожееды* и *Ожееды Малье* (*Почище*) – смежные деревни Молвятицкой вол. Дем. у. на рч. *Ожеедка* в верхнем течении Полю [СНМНГ II, 58–59], сохранявшиеся до Великой Отечественной войны (сегодня – ур. *Ожееды*). Первоначальный ойконим есть не что иное, как поссесив на базе др.-рус. прозвища **Ожеѣдь*, которое построено по продуктивной модели обра-

¹ На фоне *Креково* написание «*Крокова*», вероятно, передавало произношение [кр’окова], что нередко наблюдается в новгородской письменности в эпоху актуальности изменения *e > o*. Позднее данный ойконим «народноэтимологически» трансформировался в *Окораки* (*Каряки*) дер. Моисеевской вол. Дем. у. на рч. *Окораков* [СНМНГ II, 48–49], сейчас – дер. *Огороки* Моисеевск. Мар.

зования экспрессивов на *-ѣдъ* (*-ед*). В первой части композита отражено др.-рус. *ожь* ‘еж’, отмеченное в памятниках не позднее XV вв. [СлРЯ XI–XVII 12, 296]; таким образом, семантически *Ожеѣдъ* – ‘тот, кто ест ежей, ежеед’. Возникновение этого прозвища, очевидно, презрительно-насмешливого, обосновывается историко-этнографическими реалиями: на Руси ежей ели в голодные годы, еж считался никчемной дичью; ср. древнерусскую поговорку из «Слова Даниила Заточника»: «не скоть въ скотѣх коза; ни звѣрь въ звѣрех ожь» [СлРЯ XI–XVII 12, 296]. *Ожеѣдом* прозывали бедняка, бедствующего человека. Распространение прозвища в средневековой Новгородской земле, очевидно, доказывается также наличием *Ожедово* дер. на р. Порусья Зехинск. Ст. к югу от Старой Руссы, ранее – дер. Воскресенской вол. Ст. у. Согласно источнику нач. XX в., эта деревня именовалась *Ожедово I-е* на Порусье, а в двух верстах поодаль от нее, на р. Редья, стояла дер. *Ожедово II-е* [СНМНГ III, 28–29], более ранних сведений о пунктах нет. Геогр. *Ожедово* идет из *Ожеедово* (< **Ожеѣдово*), благодаря севернорусскому выпадению *j* и последующей контракции гласных (ср. применительно к данной фонетической модификации стяженное новг. геогр. *Угред* из личн. **Угреѣдъ*, семантически – ‘угреед, кто ест угрей’) (подр. см. в гл. 6). ВнеНовгородские соотнесения по топооснове не известны.

Радуево дер. в Мытненском пог. Обон. пят. 1496 г. [ПКНЗ 1, 277] + дер. Федоровского Песоцкого пог. Вод. пят. 1500 г., получившая в 1791 г. название *Пурова* [Селин 2003, 309, табл. 32]. Из личн. *Радуи*, др.-слав. антропонима с суф. *-иѣ*. Ср. др.-польск. личн. *Raduj* [Taszycki 1925, 92], давшее и геогр. *Raduiewo* 1280 г. на территории Польши, сегодня – сел. недалеко от Познани [Nieckula 1971, 169], чеш. личн. *Raduj* [Svoboda 1964, 293], болг. *Радуи* [Илчев 1969, 416], серб. *Радуј, Радујко* [Грк. РЛИКС, 167].

Будешино дер. в Никольском в Слезкине пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 138] + *Будешино* дер. Удомельской вол. Беж. пят. 1499 г. [ПКНЗ 1, 184], сюда же и *Будешиново* вол. в Пажеревичском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 60]. Ср. личн. *Будиша* в новг. бер. гр. № 663 (конец XII в.) и № 888 (2-я четв. XII в.) [Зализняк 2004, 714] – это гипокористическое имя, соотносимое с полными именами типа *Будимиръ, Будиславъ*, как и польск. личн. *Budzisz* [SSNO I, 275; Taszycki 1925, 68], чеш. *Budiš* [Svoboda 1964, 151, 260], *Budiš, Budyš* у лужицких сербов [Schlimpert 1978, 25–26], хорв. *Budiša, Budeša* [LISRH, 78–79]. Параллельная ойконимия присутствует только у западных славян: верх.-луж. *Budyšin* гор. в Германии (нем. *Bautzen*), *Budziszewo* и *Budziszów* (вар. *Budziszowice*) – села в Польше [Nieckula 1971, 39].

Дорогинино дер. Успенского Хрепельского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 146]. По более поздней документации прослеживаются колебания вариантов ойконима: *Дорогичино* дер. 1539/40 г., *Дарахиничи* пуст. 1582 г., *Дорогони* пуст. 1788–1791 гг. [Селин 2003, 184, табл. 17], в нач. XX в. – *Дорогони* дер. на руч. Безымянном Самокражской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 68–69], к настоящему времени селение не сохранилось. Самая ранняя письменная форма названия – *Дорогинино* – обосновывается др.-новг. личн. **Дорогына* / **Дорогыня*, ср. его дериват *Дорогинин* в наименованиях крестьянина Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 445] и дворцового сытника в Суздале 1609 г. [АИ II, 276]. См. еще новг. геогр. **Дорогини** дер. Бологовского пог. Дер. пят. 1551 г. [ПКНЗ 5, 250] и с отражением др.-новг. диалектного неполногласия геогр. **Дрогини** дер. Карачуницкого пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V, 598] (= совр. *Дорогини* Логовинск. Порх.) – эти ойконимы могут быть рассмотрены как йотово-посессивные образования от указанного личного имени. На других территориях известны геогр. *Дорогинина* сел. Ельнинского у. Смоленской губ., *Дорогиничи* и *Дорогинички* – пункты недалеко от гор. Владимир-Волынский, *Дорогинь* – селения в окрестностях городов Брянск, Гжатск и Могилев, *Дорогинь Старый* (и *Новый*) сел. близ гор. Овруч на Волыни [Vasm. RGN III 1, 80].

Общий корневой элемент с *Дорогинино* разделяет новг. геогр. **Дорогочино** дер. в Успенском Хрепельском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 151]. Оно отражает исходную др.-рус. гипокористику *Дорогоча*, удостоверяемую альпослав. антропонимом *Dragoča* XII в. [Kronsteiner 1981, 210]; к нему примыкают луж. *Drogač*, *Drogac* [Schlimpert 1978, 45], серб. *Dragač* [Miklosich 1927, 17]. Максимально похожим именем обосновывается, в частности, название др.-рус. гор. *Дорогычичъ* в Волынской земле, указанного Ипатьевской летописью под 1142 г. [ПСРЛ II, 310], = совр. *Дрогичин* гор. в Брестской обл. Белоруссии.

Сухинино дер. Сеглинского пог. Дер. 1495 г. + дер. на руч. Медведник Дегожского пог. Шел. пят. 1539 г. (= дер. 2-й пол. XIX в. *Малая Сухинкина* у р. Северы к юго-востоку от ж. д. ст. Дно Пск. губ. [Андрияшев 1914, 299]) + дер. в Петровском Тихвинском пог. Беж. пят. 1551 г. [НПК I, 455; IV, 268; VI, 828], сюда же примыкает геогр. **Сухинкино** дер. Порх. у. XIX в. [СНМРИ 34, № 11039], **Сухины** дер. в Деманском пог., согласно платежной книге Дер. пят. 1542/43 г.; последнее является родовым плюральным названием, как и локализуемое в той же местности геогр. *Неверы*; ср.: «дана лютная грамота на пустые деревни, на деревню *Сухины* да на *Неверы*» [ПКНЗ 4, 470]. Ойконимы обосновываются др.-рус. личн. *Сухына*, позднее – *Сухина*; это имя неоднократно прослеживается

по ст.-укр. документации XVI–XVII вв. [Туп. СДЛСИ, 438]. За пределами Новгородской земли соответствующие названия довольно многочисленны: геогр. *Сухинина* дер. в окрестностях гор. Белый Смоленской губ. + дер. Елецкого у. Орловской губ., под Ельцом еще дер. *Сухинина* (*Верхняя* и *Нижняя*), *Сухинин* сел. под гор. Купянск Харьковской губ., *Сухинино* дер. Верейского у. Московской губ. + дер. Елецкого у. Орловской губ., *Сухининское* сел. неподалеку от Донецка, *Сухиничи* село Козельского у. Калужской губ. и несколько пунктов в Белоруссии: дер. под Витебском, под Гродно и под гор. Волковыск [Vasm. RGN VIII 3, 661–662]. Приведенные данные приблизительно очерчивают западнорусский и белорусский ареал личн. *Сухына* / *Сухыня*, которое оставалось популярным и в старорусский период.

Пятишино дер. Черньчевичского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК II, 127, 130]. Ср. личн. *Пятиша*, гипокористическое к *Пятиш* ‘пятый (ребенок)’, известное по новг. бер. гр. № 761 конца XIII в. [Зализняк 2004, 500–501]. Таким же образом обосновываются, очевидно, **Пятичино** (вар. *Пятишино*) дер. Хмерского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 121, 132] + дер. Дубровенского пог. Шел. пят. 1576 г. (= *Пятишино* дер. 1498 г. [НПК IV, 185]). Более поздние ойконимические соответствия имеют только форму *Пятичино*, *Пятичина*. Среди них дер. Луж. у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 2456], дер. на оз. *Пятичино* у Великих Лук [СНМРИ 34, № 3562], дер. Ямбургского у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 5066], дер. Беж. у. Твер. губ. [СНМРИ 43, № 1135] и нек. др. Все они отчетливо группируются на новгородской и псковской территории, кроме геогр. *Пятищы* сел. под Волковыском Гродненской губ. [Vasm. RGN VII 3, 491], которое, впрочем, может иметь другое происхождение.

Честово сельцо Дер. пят. на р. Мсте в Морозовичском пог. 1495 г. [НПК II, 149]. Полагаем, ойконим возводится к личн. **Чьсть*. Ср. близкое др.-польск. *Czestek* (= **Czstek*) [Taszycki 1925, 70] и польские же ойконимы *Czostków* в округе Сувалки [Vasm. RGN X 2, 161], *Czestków*, дважды *Czestkowo* (сейчас – *Czastkowo*, *Czastków*), отмеченные с XIV–XV вв. [Niecukla 1971, 54–55]. Восточнославянские топонимические соответствия, по-видимому, отсутствуют. Личн. **Чьсть*, польск. *Czestek*, осмысляемые как ‘слава, честь’, являются гипокористиками, соотносимыми с композитами типа древних польск. *Czycibor*, чеш. *Čstomir*, словен. *Čestimir*, возможно, польск. *Czesław* и др.

Глава 4.

Посессивно-патронимическая топонимия на *-ичи/-ицы*

Общая характеристика

Новгородские названия с формантами *-ичи* (< **-itji*) и *-ицы* целесообразно объединить в единый деривационный класс ойконимов на *-ичи/-ицы*, если исходить из логики анализа материала, который в массе случаев позволяет характеризовать формант *-ицы* в качестве диалектного «цокающего» варианта «этимологически правильного» *-ичи* (ср. хотя бы новг. геогр. *Боровичи* и *Боровицы*, *Ляховичи* и *Ляховицы*, *Воймеричи* и *Воймирицы* как параллельные варианты наименований одних и тех же пунктов, см. соответствующие этюды). Говоря о названиях на *-ицы*, объединяемых с топонимией на *-ичи*, нужно сразу же подчеркнуть, что в сущности речь идет о деантропонимных образованиях, появившихся и функционирующих во множественном числе. Следовательно, такие названия с параллельными вариантами, как *Бронницы* – вар. *Бронница*, *Новоселицы* – вар. *Новоселица*, *Варницы* – вар. *Варница*, репрезентируют уже совершенно иную, деапеллятивную модель образований на *-ица/-ицы* (< **-ik-*), исконно реализующихся в форме единственного числа; надо признать при этом, что целый ряд названий с исходом *-ицы*, варианты которых письменно не засвидетельствованы, не столь однозначно классифицируется по типологии своего возникновения (скажем, ойконим *Дубовицы* может оказаться вари-

антом или геогр. **Дубовичи* с личным исходно-этимологическим значением, или геогр. **Дубовица* – деапеллятивного топонимического указания на поросшую дубами местность). В целом же названия с формантом *-ичи*, встречающиеся по всем славянским языкам, принадлежат к архаическим типам, свойственным почти исключительно ойконимии. Нижний хронологический предел их возникновения относят (впрочем, весьма теоретически) к II–III вв. н. э. и к более раннему времени на автохтонных славянских землях, связывая с периодом формирования славянских родовых территориальных общин. Пиком продуктивности модели предполагают середину I тыс. н. э., особенно VI–VII вв. [Купчинский 1980, 49; Купчинский 1981, 150]. Общеславянская территориальная дистрибуция названий на *-ичи* очень неравномерна. На западе славянства они особенно часты на территории Польши (кроме областей Мазовшья и Поморья), в Чехии и на землях расселения верхних и нижних лужичан, менее распространены в Словакии. На славянском Юге они встречаются чаще в Западной Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине, но в целом реже, чем у западных славян. На востоке Балкан – в Македонии, особенно в Болгарии и на бывших славянских землях Греции – их место, как правило, занимают номинативно подобные (изосемантические) ойконимы с формантами *-овци/-евци*, *-инци*, *-янци*. На восточнославянской территории названия на *-ичи/-ицы* особенно густо сконцентрированы в Белоруссии и Северной Украине (Припятское Полесье), постепенно редая, они уходят на восток до Тамбовщины и почти до Нижнего Новгорода, а на Северо-Западе России с большей или меньшей частотностью доходят до Белозерья и Заонежья. На Украине южнее бассейна Припяти, левобережья Десны им соответствует многочисленная ойконимия на *-івці*, *-инці*. Подр. об общеславянской ареальной дистрибуции топонимии на *-ичи*, с одной стороны, и топонимии на *-овцы/-евцы*, *-инцы*, с другой, см. исследования: [Купчинский 1980, 49–55; Купчинский 1981, 121–131; Rospond 1958; Заимов 1967; Никонов 1968; Чумакова 1992, 53–54; Муллонен 2002, 84–98].

Нас в данном случае, разумеется, преимущественно интересуют особенности ойконимии на *-ичи* в северо-западных, древненовгородских землях. Нужно констатировать, что немалое количество здешних названий собственно с формантом *-ичи* как минимум удваивается присоединением названий с фонетически видоизмененным *-ицы*. При таком суммировании русский северо-западный ойконимический ареал *-ичи/-ицы* мало уступает по концентрации белорусскому ойконимическому ареалу *-ічы*, который традиционно считается наиболее плотным и выразительным при том, что ойконимов на *-ічы* в Белоруссии сравнительно немного. В целом же, наряду с белорусским ареалом *-ічы*, запад-

нославянским *-ici*, *-icy*, *-ice*, русские северо-западные ойконимы на *-ичи/-ицы* могут рассматриваться как еще одна черта общности обширной древней севернославянской диалектной зоны. Южная и, как полагают, более поздняя модель изосемантических ойконимов на *-овцы/-евцы, -ицы* на Северо-Западе не представлена. В эпоху славянского освоения Северо-Запада деривационная ойконимическая модель на *-ичи/-ицы* характеризовалась значительной продуктивностью, медленно угасавшей в позднее средневековье: время окончательной деактуализации модели относят к XVI–XVII вв. [Никонов 1968, 202–203; Купчинский 1980, 49]. Относительно новгородского ареала можно смело утверждать, что в эпоху конца XV–XVI вв. возникновение географических названий на *-ичи/-ицы* являлось еще живым, хотя и угасавшим процессом. Сравнение материалов новгородских писцовых книг с современными источниками обнаруживает значительное количество названий на *-ичи/-ицы*, отсутствующих в средневековых земельных описаниях, из которых определенная часть наверняка новые образования, появившиеся в XVI в. и позднее. Ср., к примеру, старописьменное геогр. *Казова Гора* дер. Фроловского пог. Шел. пят. 1498 г., превратившееся впоследствии в *Казовичи* (вар. *Казовицы*) дер. на р. Крапивенке Луж. у. [СНМРИ 37, № 2219; Vasm. RGN III 3, 698], сегодня – *Казовицы* дер. Турскогорск. Шим. Вместе с тем колебания вариантов одного названия с *-ичи* и без *-ичи*, прослеживаемые по различной документации XVI в.: (см. геогр. *Дорогичино / Дарахиничи, Бор / Боровичи* и др.), свидетельствуют о неустойчивости форманта и, следовательно, о начавшейся деактуализации деривационной модели. Широкие хронологические рамки этой модели, не только древнерусской, но и старорусской, требуют ради отбора наиболее ранних названий более пристального поиска архаических примет в самих топоосновах. Функционирование модели в старорусское время позволяет по письменным материалам лучше представить механизмы происхождения и эволюции соответствующих географических имен.

С точки зрения генезиса все подобные названия обыкновенно называют патронимическими, т. е. обозначавшими потомков по имени предка. Однако анализ конкретного топонимического материала, проведенный различными исследователями (особенно детально в [Купчинский 1981]), вскрывает пласты разнокачественных образований, подавляющее большинство которых можно классифицировать в три тесно пересекающихся номинативно-семантических типа, различающихся классом мотивирующих основ, степенью отдаленности от исходной патронимии, некоторыми приметами формальной структуры.

Первый тип составляют истинно патронимические названия (или иначе – отпатронимные, депатронимные), восходящие к топонимически закрепленным во множественном числе наименованиям потомков по имени или прозвищу общего предка, которые являлись первоначальными заселителями местности. Второй, более поздний тип, развившийся из первого, составляют посессивные названия, соотносимые с патронимами лишь формально. В целом они генетически связаны с наименованиями зависимых людей, полученными по имени, прозвищу или по обозначению социального статуса владельца; такие наименования возникали при помощи суф. *-ичи/-ицы*, в котором конкретное патронимическое значение было замещено более широким посессивным. Патронимический тип характерен для родового строя и, надо полагать, для эпохи первоначальной колонизации ничейной территории, посессивный тип появился в более поздние периоды, когда уже освоенная территория с находящимися на ней селами и людьми стала собственностью землевладельцев-феодалов. Однако дифференциация данных топонимических типов, отражающих эволюцию общественных отношений, очень условна, поскольку, во-первых, между эпохами с разным общественно-экономическим укладом не существует отчетливых хронологических границ и, во-вторых, подавляющее большинство географических названий на *-ичи/-ицы* не содержит формальных критериев такой дифференциации. К примеру, геогр. *Фларевичи* допускает различную семантическую трактовку: оно либо указывает на родственников *Фляря*, т. е. *Фларевичей*, поселившихся в данной местности, либо маркирует былую принадлежность первопоселенцев или жителей уже существовавшего селения некоему *Флярю* (или *Флареву*, *Фларевичу*), являвшемуся феодалом-владельцем. И в первом, и во втором случаях геогр. *Фларевичи* первоначально обозначало людей ('Фларевы люди'), а не место, в отличие, скажем, от геогр. *Фларево*, подразумевающего сначала место ('Фларево место').

Суф. *-ичи* и *-ицы* в поздние периоды функционирования посессивного типа, очевидно, теряли всякую связь с обозначением первопоселенцев или жителей, превращаясь в структурные элементы, лишённые личного значения. В этом случае названия на *-ичи/-ицы* выражали более общую посессивность, обозначая просто село или владения феодала: *Фларевичи* – 'село Фляря; владения Фляря', как и геогр. *Фларево*. Структурные форманты без поддержки исходных личных наименований становились менее устойчивыми, иногда замещались формантами *-ово/-ево*, *-ище*, *-щина*, *-ское* и др. Появление новых деантропонимных названий, главным образом на *-ицы*, поддерживалось широким фонети-

ческим пересечением с моделью деапеллятивных названий на *-ица/-ицы* (такими как *Горбатица / Горбатицы, Дубовица / Дубовицы* и т. п.).

Критерии разграничения патронимического и посессивного типов ойконимов на *-ичи/-ицы* иногда заложены в топоосновах, если они мотивированы обозначениями социальных категорий. Так, геогр. *Княжици, Пискутицы* явно не относятся к патронимическим образованиям, это посессивные ойконимы, маркирующие принадлежность князю или епископу. Однако подобных самоочевидных фактов наберется немного.

Учитывая двойственность семантических мотивировок, заложенных в таких названиях, в дальнейшем будем рассматривать их в рамках одного обобщенного посессивно-патронимического типа.

С патронимическими и посессивными ойконимами смежна генетически и семантически большая категория названий на *-ичи/-ицы*, обозначающих людей по месту их проживания (*Кременичи, Холмичи*). Такие названия мы называем катойконимическими и подробно рассматриваем в главе 5.

Морфонологические особенности посессивно-патронимических топонимов на *-ичи/-ицы* внешне повторяют специфику формообразования соответствующих древнерусских мужских патронимов на *-ичь*: личн. *Хоть* – патроним *Хотовичь* – геогр. *Хотовичи*, личн. *Славонѣзь* – патроним *Славонѣжичь* – геогр. *Славонѣжичи*, личн. *Ивань* – патроним *Ивановичь* или *Иваничь* – геогр. *Ивановичи* или *Иваничи*. О полном структурном параллелизме двух различных классов онимов говорить, конечно, не приходится, поскольку любая топонимическая модель неизбежно эволюционирует по своим особым закономерностям. Но в целом освещение специфики образования древненовгородских отчеств кажется полезным при рассмотрении посессивно-патронимической топонимии. Ранее Ю.Унбегаун справедливо писал о том, что отчества на *-ичь* были широко распространены в Новгороде и Пскове в период их феодальной независимости, причем не только в верхних слоях общества [Унбегаун 1989, 14]. Как показывают древненовгородские письменные источники, мужские патронимы на *-ичь* обладали более значительными деривационными возможностями, нежели продолжающие их современные русские отчества. В новгородских землях эти антропонимы образовывались, как будто, без ограничений от разнотипных имен, по крайней мере, безотносительно к тому, дохристианским или христианским являлось исходное личное имя. Если возьмем берестяные грамоты, встретим образования от дохристианских личных имен разных разрядов: полных композитных (*Домажировичь, Нѣжебудичь, Дорогонѣжичь, Гориславличь*), префиксально-корневых (*Невѣровичь, Несдичь*), гипокористиче-

ских (*Кулотиничь, Добрычевичь, Оньковичь, Ярошевичь*), равных нарицательным существительным (*Сычевичь, Зукевичь, Стуковичь, Умковичь, Шюбиничь, Хрумкиничь*); найдем и образования от христианских имен (*Олександровичь, Есифовичь, Кузьмичь, Романичь, Фоминичь*), в том числе суффиксально осложненные или усеченные (*Петряичь, Григоричь, Семкиничь*). С формально-деривационной стороны древненовгородские мужские патронимы в подавляющем большинстве случаев производны от основ прилагательных с посессивной суффиксацией: *-ов/-ев-* (*Есифовичь, Сычевичь*), *-ин-* (*Кулотиничь, Хрушкеничь*) или **-j-* (*Дорогонѣжичь, Гориславичь*). Данный факт, очевидно, согласуется с мнением Р.Мароевича о том, что в праславянском языке патронимы имели единообразную структуру: основа притяжательного прилагательного + суф. **-itjo* [Мароевич 1989, 134–135]¹. Формы типа *Романичь, Григоричь* тоже допустимо считать образованиями от йотовых прилагательных *Романь, Григорь* (а не *Романь, Григорь*). В эту стройную деривационную схему не вписываются иногда встречающиеся патронимы, образованные не от посессивных прилагательных, а от личных имен. Из приведенных выше к таким относятся, например, *Кузьмичь, Нѣжебудичь* (от *Кузьма, Нѣжебудь*), равно как и обычные по летописям отчества на *-славичь*: *Мстиславичь, Ростиславичь, Изяславичь* и др., внешне производные сразу от др.-рус. личн. *Мстиславь, Ростиславь, Ярославь, Изяславь*. На наш взгляд, они не противечат изложенному выше мнению о праславянском единстве отадъективной деривации патронимов, однако четко указывают, что в позднепраславянскую эпоху притяжательная суффиксальная морфема, особенно йотовая, в составе патронимов постепенно переставала осознаваться как необходимый строевой элемент. Патроним начинал морфологически переориентироваться с промежуточного адъектива на исходное личное имя. В силу этого притяжательный суффикс либо вовсе элиминировался (ср. *Ростиславичь, Ярославичь* > *Ростиславичь, Ярославичь* с утратой эпенетического л' благодаря ориентации на субстантивы *Ростиславь, Ярославь*, а не на адъективы *Ростиславь,*

¹ По вопросу образования славянских мужских патронимов среди исследователей нет единства. С.В.Фролова, например, полагает, что древнерусские отчества на *-ичь* первоначально производились от субстантивных основ [Фролова 1981, 5, 8]. Иначе у Р.Якобсона, который предположил двойственную природу их деривации: по его гипотезе, двусосновные древнеславянские имена образовывали патронимы от субстантивных основ, а простые имена – от основ притяжательных прилагательных [Jakobson 1962, 14–16].

Ярославль; *Нѣжебужичь* > *Нѣжебудичь* по основе *Нѣжебудь*; *Кузьминичь* > *Кузьмичь* по основе *Кузьма*, а не *Кузьминь*¹), либо объединился с *-ичь* (это касается суф. *-ов-/-ев-*), что привело к возникновению унифицированного сложного суффикса *-ович/-евич*, специализированного в русских отчествах (*Ростиславович*, *Петрович*, *Васильевич*).

Изложенные выше деривационные особенности в сфере древненовгородских мужских патронимов на *-ичь* находят отражение в структуре географических названий на *-ичи/-ицы*, содержащих исходные основы личных имен. Такие топонимы унаследовали формы множественного числа мужских патронимов, но последние использовались и в единственном числе. Поэтому в данном случае нам кажется излишне категоричным замечание по поводу названий на *-ичи* о том, что «при анализе таких топонимов безразлично, есть или нет в языке формы единственного числа», равно как и утверждение, что «топонимически нет никакой связи между *-ич* и *-ичи*» [Никонов 1968, 199]. Тем самым постулируется полная отчужденность ойконимии данного типа от сферы порождающей их антропонимии, что, на наш взгляд, неправомерно. Подобный подход, в частности, подводит исследователя к сомнительной мысли о том, что названия с двойным формантом (на *-ов-ичи/-ев-ичи*) как тип сложились позднее, чем названия в «чистой» форме на *-ичи* (Там же). Однако достаточных оснований для обособления более позднего типа названий с двойными формантами не просматривается, поскольку в целом такие топонимические образования просто копируют структуру порождающих патронимов, содержащих посессивную суффиксацию. Вслед за патронимами, охарактеризованными йотовой суффиксацией, встречаются весьма архаические названия на *-ичи/-ицы* с двойным формантом **-j-ичи*; ср., к примеру, геогр. *Ольжичи* (по Лаврентьевской летописи село близ устья Десны), – это такая же осложненная суффиксом (йотовым) форма, как и геогр. *Ольговичи*. Притяжательные морфемы обнаруживает большинство как новгородских патронимов, так и соответствующих посессивно-патронимических ойконимов. Существует, правда, группа названий, в которых эти элементы отсутствуют с заметной регулярностью: это образования от основ личных имен на зубные *т*, *д* (ср. геогр. *Молвятичи*: личн. **Мълвята*, геогр. *Вогостицы*: личн. *Во-*

¹ Формой *Кузьмичь* новгородские грамоты на бересте отразили начало общего процесса утраты суффиксального комплекса *-ин-ичь*, завершенного в современном русском языке. Современный язык знает лишь единичные случаи употребления этого суффикса, именно – в отчествах женского рода: *Кузьминична* при мужском отчестве *Кузьмич*, *Фоминична* – при *Фомич* (но уже только *Никитична* – *Никитич*).

игость, геогр. *Негодицы*: личн. *Негода* и др.), отчасти они перемежаются с ойконимами, отмеченными притяжательным *-ин-* типа геогр. *Миритиницы*: личн. *Мирята*, *Мирюта*. Но процент подобных отсустантивных образований повышен не только в ойконимии, но и в патронимии (ср. хотя бы приведенное выше *Нъжебудичь* из берестяной грамоты и летописные формы типа *Вышатичь*, *Завидичь*, *Никитичь* из НПЛ, к ним примыкают некоторые апеллятивы, например, др.-рус. *дѣдичь* 'потомственный наследник по деду' [СлРЯ XI–XVII 4, 201]), хотя здесь, пожалуй, удельный вес таких форм ниже, чем в ойконимии.

Вариантность формантов (*-ичи* или *-ицы*), объединяющих рассматриваемую группу географических названий, опять же четко корреспондирует с фонетической вариативностью суф. *-ичь/-иць* в древненовгородских мужских патронимах и катоиконимах, зафиксированных новгородскими летописями и берестяными письмами. Так, к примеру, на сс. 71–73 Новг. 1-й летописи во фрагментах, посвященных местным новгородским событиям, обнаруживаются восемь написаний с *-иц-* («*Вышковица*», «*Водовиковиць*», «*Всеволодиц*», «*Володимирицель*», «*Синкиница*», «*Обрадица*», «*пльсковици*») и только два написания с *-ич-* («*Нъгоцевиць*», «*Якуновича*»), при упоминании новгородских персонажей процент этимологически «правильных» написаний, кажется, возрастает¹. Пожалуй, еще выше, чем в летописях, удельный вес написаний патронимов с *-иц-* в новгородской берестяной письменности; ср., к примеру, формы Род. ед.: «*Семена Шюбиница*» (бер. гр. № 369, 2-я пол. XIV в.), «*оу Фоминица*» (гр. № 381, XII в.), *Нъжебоудица*, *Дорогонъжица*, *Тоцьовица* (грамота № 16 из Старой Руссы, 1-я пол. XI в.) – к исходным *Нъжебудичь*, *Дорогонъжичь*, *Тоцьковичь*, «*оу Рикиница*» (новг. бер. гр. № 320, XIV в.) – к *Рикиничь* или *Ръжиничь*; Дат. ед.: «*Михаиловицю*» (новг. бер. гр. № 307, XV в.) [Зализняк 2004, 640, 358, 333, 527, 678]. В целом факты «цокающего» произношения отчетств в берестяных грамотах решительно преобладают над фонетически «правильными». Обильные факты такого рода позволяют констатировать, что для древнего Новгорода цоканье характеризовало устоявшуюся, узусальную норму произношения патронимов. Неудивительно поэтому, что на новгородской территории патронимические и посессивные ойконимы с форман-

¹ Данный тезис, очевидно, нуждается в проверке. Но ср. на тех же страницах НПЛ, рядом с устойчивым «цокающим» написанием отчетств новгородских персонажей, упоминание сразу нескольких отчетств киевского, галицкого и черниговского князей, не маркированных цоканьем: «Поиде князь Володимиръ Рюриковичь с кыяны и Данило Романовичь с галичаны на Михаила Всеволодича Черного къ Чернигову» [НПЛ, 73–74].

том *-ицы* встречаются, как легко предположить, намного чаще, чем названия на *-ичи*. Эти разделенные только «цокающим» произношением суффикса группы названий проявляются повсеместно, перемежаясь друг с другом, хотя есть также местности их отчетливой ареальной дифференциации. В частности, на северо-западной периферии изучаемой нами территории, именно в правобережной части бассейна Луги и на Ижорском плато (Волосовский, отчасти Ломоносовский, Гатчинский р-ны Лен. обл.), сконцентрировано большое количество ойконимов на *-ицы/-овицы/-евицы* (*Плешевицы, Тресковицы, Руссковицы, Рабитицы, Терпилицы, Череповицы* и мн. др.) при полном отсутствии названий с фонетическим исходом на *-ичи*.

Фонетическая модификация суф. *-ич-* проходила через «мягкое» цоканье и отверждение аффрикаты. Промежуточный «мягкий» формант *-ици*, прослеживаемый по писцовой документации (ср. старописьменные *Гостилицы, Лютовицы, Негорѣлицы* и др.), заместился «твердым» *-ицы*; последний был поддержан формантом *-ица/-ицы*. Элемент *-ичи* реже изменялся, если сопровождался суффиксом *-ов/-ев-*: здесь, пожалуй, оказывало сдерживающее влияние произношение отчеств на *-вич*, устоявшееся с течением времени без цоканья.

Названия с основами древнеславянских полных личных имен

Разумеется, одну их самых архаических групп ойконимов, интересующих нас в данном случае, составляют названия, содержащие основы древнеславянских полных, главным образом композитных и префиксально-корневых имен.

Витославицы ур. под Новгородом. Древнейшее упоминание содержится в грамоте 1146–1155 гг. князя Изяслава Мстиславича: «Се езь князь великыи Изяславъ Мъстиславичъ, по благословению епискупа Нифонта, испрошавъ есми у Новагорода Святому Пантелеймону землю село *Витославиць* и Смердь и поля Ушьково и до прости» (далее идет описание границ дарованной Пантелеймонову монастырю земли) [ГВНП, 141, гр. 82]. В другом, более полном списке этой грамоты, открытом и изданном сравнительно недавно, интересующий нас фрагмент представлен несколько иначе: «... испрошалъ есмь у Новагорода святому Пантелемону землю село *Витославицы* и смерды и поля Ушково и до Прости» (по [Янин 2004, 147]). В писцовых книгах селение под таким названием не упоминается; на его месте возникли строения Пантелеймонова монастыря: «дер. у

монастыря у Пантелемона святого» [НПК V, 298]. Соотношение написаний *Витославицы* и *Витославиць* в разных списках грамоты является существенным для характеристики рассматриваемого названия. Если *Витославицы* легко квалифицируется как собственно ойконим, название дарованного монастырю села, то наличие в контексте фразы формы *Витославиць* можно трактовать по-разному. На первый взгляд, перед нами просто второй вариант ойконима, исполняющий привычную функцию приложения к слову *село*, однако форма ед. ч. (на *-иць*) для ойконимии на *-ичи/-ицы* совершенно нехарактерна, как, впрочем, и для согласованного с *Витославиць* слова *Смердъ*, если его тоже расценивать в качестве названия (для подобных названий стандартной опять же является форма мн. ч. – *Смерды*, указывающая на род или социальную категорию, ср. хотя бы геогр. *Смерди* дер. близ гор. Луга). Вместе с тем ничто не мешает видеть здесь правильные древнерусские формы Род. мн., позволяющие перевести текстовый фрагмент «село *Витославиць* и *Смердъ*» как ‘село *Витославицей* и *смердов*’. В данном случае речь идет не о названиях, а о наименованиях людей, точнее, о поселении, в котором живут *Витославици* и *смерды*. Такое осмысление получает существенную поддержку в следующем фрагменте из более полного списка грамоты Изяслава Мстиславича: «А *смердам витославицам* не потянути им ни ко князю, ни к епископу, ни в городцки потуги <...> а потянути им ко святому Пантелемону в монастырь к игумену и к братьи» (по [Янин 2004, 148]). Контекст этой фразы определенно подразумевает под *витославицами* жителей села *Витославицы*, что же касается *смердов*, то они либо приравниваются к *витославицам*, либо живут рядом с ними (ойконим *Смерды* в описываемой местности не известен). Изложенный материал позволяет заключить, что в сер. XII в., в эпоху создания грамоты, еще не утратилась тесная смысловая и деривационная связь между наименованием рода *Витославицей* и названием основанного ими села *Витославици* (> *Витославицы*). Это, очевидно, означает, что село возникло незадолго до появления документа и потомки *Витослава* оставались в нем главными жителями. Таким образом, ойконим относится здесь к собственно патронимическому типу, отсылая к личн. *Витославъ*. Последнее имело общеславянское распространение, если судить по топонимическим следам и самостоятельным фиксациям этого имени в древнеславянской документации: рус., польск. *Witoslaw*, чеш. *Vitoslav*, а также луж., альпослав., болг., сербохорв., словен., см. материалы: [SSNO VI, 133–134; Svoboda 1964, 91; Kronsteiner 1981, 211; Заим. БИ, 51; Суп. СРЛИ, 148]. Параллельный ойконим есть в Чехии: *Vitoslavice* [Prof. MJ IV, 563], среди эквивалентных названий отметим геогр. *Witoslak* в Галиции юго-восточнее Львова [Vasm. RGN II 1,

108], геогр. *Witoslaw* дважды в Польше, *Vitoslav, Vislava* в Словакии [Rospond 1983, 147–148].

Воймирицы дер. Вычеремск. Люб. неподалеку от пос. Любытино, р. ц. Новг. обл., на правом берегу р. Мсты при впадении р. Отни. По списку селений нач. XX в. [СНМНГ VI, 54–55], *Воймирицы* – дер. Лычичской вол. Бор. у., в списке селений 1885 г., пункт обозначен как *Воймерицы* [Карт. Гарн.]. По [Судох. дор. 1855, 124] – дер. *Воймерица* при руч. *Воймерица*, пр. пр. Мсты. В материалах Ген. меж. 1785 г. под № 1939 числится сельцом: «сельцо *Воймерицы*, на суходоле» [Карт. Гарн.]. В писцовой книге Беж. пят. 1564 г. находим самое раннее упоминание этого пункта: дер. *Воймеричи*, 4 двора, в погосте Богородицком на Белой [НПК VI, 853]¹.

В названии отразилось композитное личн. *Воимѣръ* (*Воимиръ*). Это имя отмечают памятники древней западно- и южнославянской письменности: польск. *Wojmír* [SSNO VI, 174], чеш. *Vojmír* [Svoboda 1964, 92], сербохорв. *Војимир* [Грк. РЛИКС, 56], болг. *Воимир*, *Воимир* [Займ. БИ, 54]. Среди вариантов ойконима раньше других зафиксирована форма *Воймеричи*, которую и нужно считать исходной: она указывает на поселение, принадлежавшее *Воимѣричам*, потомкам некоего *Воимѣра*, или, быть может, принадлежавшее самому *Воимѣру*. Позднее геогр. *Воимѣричи* оформилось в *Воймерицы*, *Воймирицы* благодаря новгородскому цоканью и смешению *ѣ* с *и*. Среди межтерриториальных топонимических эквивалентов есть геогр. *Воймерово* (*Воймирово*) дер. Жиздринского у. Калужской губ., *Воймирово* дер. Зубцовского у. Твер. губ. [Vasm. RGN II 1, 139].

Хомировичи дер. на р. Тесова басс. Луги Ям-Тесовск. Луж., в нач. XX столетия относилась к Тесовской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 84–85]. Со 2-й пол. XVI в. разные варианты ойконима прослеживаются по письменным источникам: дер. *Ухомира* Тесовской вол. Вод. пят. (список 1568 г. с писц.

¹ У дер. Воймирицы близ берега Мсты ранее стоял каменный крест (сейчас хранится в Новгородском краеведческом музее). Этот памятник интересен прежде всего надписью, датируемой XII в., следующего содержания: «Богуславу и Лазареви братья и мати Мирослава поставили хрстѣ. Славоне дѣлале». Нелегко сказать, был ли этот крест намогильным, либо он имел скорее сакрально-ориентирующее значение, находясь при большой дороге и у вероятной переправы через Мсту, хотя и являлся мемориальным, посвященным Богуславу и Лазарю. Как бы то ни было, Воймирицкий крест, вкпе с большим количеством других местных археологических достопримечательностей (сопки, два жальника, два селища и др., см. [Пам. истории и культуры Новг. обл, 95–96]), свидетельствует об оживленности в далеком прошлом местности вокруг указанного населенного пункта.

кн. Вод. пят.), далее *Хомеровичи* (1573–1578 гг.), *Хомировичи* (источники 1584, 1620, 1629, 1674–1678, 1709, 1748 гг.), *Хамировичи* (1718 г.), *Фомеровица* (1669 г.), см. [Селин 2003, 140, табл. 9]. Самый ранний засвидетельствованный вариант *Ухомира* (скорее: *У Хомира*, предложно-падежная форма) либо фиксирует начальную стадию возникновения ойконима, вскоре закрепившегося по модели на *-ичи*, либо случайную морфологическую модификацию уже устоявшегося ойконима на *-ичи* (в свою очередь, вариант *Фомеровица* являет собой фонетическую модификацию). Геогр. *Хомировичи* имеет в этимологическом исходе др.-слав. личн. *Хот(ѣ)миръ* / *Хот(и)миръ*, которое испытало синкопу гласной *ѣ* или *и* первого компонента. Ср. фактическое проявление синкопированного личн. **Хотмиръ* в геогр. *Хотмирово* дер. к востоку от Твери в бывшем Корчевском у. [СНМРИ 43, № 7304], *Хотмирово Старое* дер. неподалеку от Брянска [Vasm. RGN IX 3, 531]. В дальнейшем произошло упрощение сочетания *тм* > *м*. Данное преобразование, приведшее к утрате слога в основе личного имени, вполне могло случиться еще на дотопонимическом уровне или уже в составе топонима. Название с аналогичным упрощением группы согласных отмечалось в бывшей Ярославской губ.: *Хомирово* дер. в Угличском у. [Vasm. RGN IX 3, 516].

Личн. *Хотѣмиръ* / *Хотимиръ* являлось очень популярным именем на славянском западе. Многократно фиксировались др.-польск. личн. *Chociemir*, *Chocimir*, *Kociemir* [SSNO I, 321; VII, 29], др.-чеш. *Chotěmír*, *Chotimír*, *Chotomír* [Svoboda 1964, 76], полаб.-помор. и альпослав. *Choćimír*, *Chotěmer*, *Chotimer* [Schlimpert 1978, 35; Kronsteiner 1981, 205]. В несокращенном виде это имя прослеживается в еще одном патронимически оформленном ойкониме Новгородской земли – геогр. *Хотѣмирицы* дер. Ясеновичского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 42], позднее – *Хотимирицы* дер. в Вышневолоцком у. Твер. губ. [СНМРИ 43, № 4025]. Название, вероятно, образовано от отчества, содержащего суф. *-j- вместо -ов-: *Хотѣмиричь*. Топонимические следы полного *Хотѣмиръ* / *Хотимиръ* встречаются в Белоруссии (сел. *Хотимирицина* на Витебщине), на Украине (геогр. *Хутомир* оз. в басс. Стохода в Любешевском р-не Волынской обл., *Хотимири* поле в Маневичском р-не Волынской и село в Глумачском р-не Ивано-Франковской обл.), на западе славянства и отчасти на юге: польские ойконимы *Kotomierz* неподалеку от гор. Быдгощ и *Chocierz* в повете Мястко, *Kottmarsdorf* в Германии, преобразованное из лужицкого йотово-посессивного топонима, *Chotiměř* дважды в Чехии, словац. *Hetemér* в Венгрии, *Hotemež* трижды в Словении, *Köttmannsdorf* в Австрии (< словен.). Топонимическая параллель к новг. ойкониму есть в Чехии: *Chotěměřice* сел. [Svoboda, Šmilauer

1960, 556]. Все материалы даны по: [SSNO I, 321; Rospond 1983, 55; Vasm. RGN IX 3, 530; Шульгач 1998, 114; 2001, 145; Худаш, Демчук 1991, 93; ЭССЯ 8, 85].

Миробудицы дер. Валд. к северу от оз. Велье (ныне исчезнувшая), ранее – дер. *Меробудицы* на оз. Русском Ивантеевской вол. Валд. у. [СНМНГ V, 44–45]. Отождествляется с селцом *Митробудицы* в Городенском пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I, 252]; этот старописьменный вариант ойконима, единожды зафиксированный, представлен в искаженном виде (под воздействием христ. личн. *Mitrop*). Ойконом соотносится с патронимом **Миробудичи* и содержит в основе др.-слав. личн. *Миробудъ* / *Мѣробудъ*, вариант которого зафиксирован у лужицких славян: *Мербуд* [Мор. СИ, 121]. См. еще геогр. *Меробужский*.

Онежицы дер. на правом берегу р. Луги близ гор. Луга. Впервые в письменности появляется с 1500 г., перечисляется среди деревень Дмитреевского Городенского пог. Вод. пят. Ранний топонимический вариант – *Онѣжицы*, далее *Онежицы*, *Онижицы*, *Онижец*. Поблизости был еще один пункт *Онежицы* (*Нежицы*), превратившийся к концу XVIII столетия в пуст. *Пустые Онежицы*, см. [Селин 2003, 158]. На иной территории параллельное геогр. **Онежицы** дер. фиксировалось приправочной книгой 1551 г. в Вельевском пог. Дер. пят. [ПКНЗ 5, 197, 198, 202]. Надежно относить к этому ряду геогр. *Онежецкое* (вар. *Онежье*) дер. на р. Вымь в отдаленном Яренском у. бывшей Вологодской губ. [Vasm. RGN VI 2, 422]: последнее может быть связано с переселенцами с р. *Онеги*, *Онежского* оз. Название содержит основу др.-слав. личн. **Онѣзь* (ср. его непосредственное проявление в геогр. *Онег* ур. к северу от Новгорода, подробности см. в гл. 4). Последнее принадлежит к разряду префиксально-корневых, ср. структурные антропонимические аналоги с общим корнем *-нѣ-*: др.-новг. личн. *Вьнѣзь* (бер. гр. № 613, 710, 240), *Рознѣзь* (бер. гр. № 119), *Перенѣзь* (гр. Ст. Р. 36), о которых [Зализняк 2004, 720, 792, 777], равно как соответствия с общим префиксом *о-*: зап.-слав. личн. *Отысл*, *Огост*, *Ослав* и др. К личн. **Онѣзь* максимально близок антропоним **Обьнѣзь*, который показывает новг. геогр. **Обонѣзова** дер. в пог. Петровском Борисоглебском в Боровичах 1564 г. [НПК VI, 947]; ср. с данным префиксом др.-рус. личн. *Обрадъ*, др.-чеш. *Obrad* (подр. см. в связи с геогр. *Обрадово*), *Obezd*, *Obid* и нек. др.

С новг. *Онежицы* находит внешнее сходство новг. геогр. *Вонижицы* дер. Шел. пят. (см.), однако больше оснований связать последнее с композитом *Воинѣзь* (см. также геогр. *Вонѣжица*).

Славонѣжицы дер. Офремовского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 234], по описанию 1539 г. – *Слобонѣжицы* дер. [НПК IV, 234], локали-

зованная в среднем течении Ловати [Андрияшев 1914, 242]. Ойконим на базе патронима от личн. *Славонѣзь. Компоненты *-slav-* и *-něg-* хорошо знакомы всем славянам: легко комбинируясь с другими компонентами в первой и во второй позициях, они образовывали множество древнеславянских имен. Ср. еще личн. *Нѣгославъ* (болг. *Негослав*), обратное имени *Славонѣзь.

Люджеричи селцо и рядом *Люджеричи* дер. в Григорьевском Льешском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 822]. Вероятный патроним, положенный в основу названия, образован от личн. **Людъжирь* / **Людъжерь*. В самостоятельном использовании такой антропонимический композит не зафиксирован, межтерриториальные топонимические соответствия, базирующиеся на данном архаическом имени, тоже не известны. Первый компонент *Люд-* хорошо знаком «классическому» общеславянскому антропонимикону (подр. см. *Людогоща*), что касается второго элемента, можно привлечь как др.-слав. композиты на *-žirь* (**Kroměžirь*, **Dobrožirь*, **Nedažirь* и др.), так и личн. *Хотьжерь* из новг. бер. гр. № 900, относящейся к 20–30-м гг. XII в. [Зализняк 2004, 286]. Фиксация редуцированной гласной в постпозитивном компоненте имени *Хотьжерь* вносит коррективы и в трактовку топоосновы геогр. *Людъжеричи*, представляя возможность для ее идентификации с основой не только личн. **Людъжирь*, но и личн. **Людъжерь* с компонентом иного происхождения, отсылающим к глаголу **žьгѣ*: **žerti* ‘приносить жертву’ (тогда **Людъжерь* по смыслу нечто вроде ‘для людей жертвующий’). О вероятных дотопонимических истоках колебания *-жирь/-жерь-* см. в гл. 3 в связи с геогр. *Тужирово*, *Здажерино*, *Обжерино* и др.

Гостьмерици населенный пункт неясной локализации, известный только по новг. бер. гр. № 492 (сер. – 2-я пол. XIV в.), см. ее фрагмент: «... полтина у Дудѣ в *Гостьмеричахъ*» [Зализняк 2004, 640]. В основе названия вероятный патроним от др.-слав. личн. **Гостьмѣрь* / **Гостьмирь*. В древности данное имя было широко распространенным: польск. *Gościmier*, *Gościmiar* [SSNO II, 179–180], полаб.-помор. *Gostimer*, сербохорв. *Gostimir* [Schlimpert 1978, 49], болг. *Гостимир*, *Гостимер* XIII в. [Займ. БИ, 68]. Топонимическими проявлениями его являются геогр. *Гостимирово* дер. на берегу Волги Зубцовского у. Твер. губ. [СНМРИ 43, № 4397], *Костимерово* дер. в Рязанском Поочье [Чумакова 1992, 71–72], *Гостемирец* (вар. *Гостемер*, *Гостемир*, *Гостемеря*, *Гостемержа*) руч., пр. пр. Пенки басс. Сейма в Львовском р-не Курской обл., рядом с ним второй руч. *Гостемирец*, лев. пр. Псельца [Ященко 1974, 26–27], *Гостимерица* сел. в Болгарии [Займов 1967, 240] и *Costomiru* сел. в Румынии вблизи гор. Плоешти (из слав. **Gostimir-ь*)

[Rospond 1983, 74–75]. Обратный порядок компонентов показывает др.-новг. личн. **Мѣрогость* (см. *Мерогоица*).

К изучаемому типу ойконимов на *-ичи/-ицы* следует отнести геогр. *Радбилицы* дер. Лукинского пог. в Паозерье Шел. пят. 1-й пол. XVI в., принадлежавшая Варварскому монастырю в Новгороде [НПК V, 298]. Данный пункт был отождествлен А.М.Андряшевым с дер. *Радбѣлик* Ракомской вол. Новг. у. [Андряшев 1914, 11], сегодня – дер. *Радбелик* Ильменск. Новг. Старописьменное геогр. *Радбилицы* содержит основу композитного личн. *Рад(о)быль*, находящего подтверждение в др.-чеш. и болг. антропонимиконах: др.-чеш. *Radobyl*, болг. *Радобил* XVII в. [Svoboda 1964, 83; Заим. БИ, 186]. Топонимический контекст создают до десятка йотово-посессивных географических названий от данного имени, локализованных на западе и юге Славии: дважды в Германии (нем. *Radebeul* – к луж. *Radobyl*'), геогр. *Radobyl* и *Radobyle* в Чехии, *Radobil* в Македонии, *Radobilja*, *Malo Radobilje* и *Veliko Radobilje* в Сербии, *Radobilje* в Словении, быть может, геогр. *Радобóлѣ* в Греции (по материалу: [Rospond 1983, 115], отчасти [Svoboda, Šmilauer 1960, 557]). Личн. *Радобыль*, рядом с которым находятся др.-чеш. личн. *Nedabyl*, прасл. **Dorgobuľь*, **Ѕьгнбуľь* (последние реконструируются из топонимии: геогр. *Дорогобыль* сел. в Белоруссии, гор. *Чернобыль* на Украине и др.), содержит компонент всегда постпозитивный, являющий собой причастную основу глагола **byti*; ср. рус. *быль*, *былое*. Препозитивная часть подвержена сокращению тематической гласной, что показывает не только новг. геогр. *Радбилицы*, но и др.-чеш. геогр. *Radbyl* сел. в округе Литомержице 1358 г. (< личн. *Radobyl*; впоследствии это название снова было отражено с восстановлением гласной, см. [Prof. MJ III, 523]), а также иные антропонимы с *Rad-*: др.-новг. *Радславль* по бер. гр. № 260, 262, чеш. *Radbor*, серб. *Радмила*, др.-слав. *Радгость* (ср. новг. геогр. *Радгостицы*, см.) и т. п. Заметим, что новг. геогр. *Радбилицы* отражает нехарактерное смягчение слога *-бы-* > *-би-*, которое не является серьезной помехой для сближения с личн. *Радобыль*. Превращение старописьменной топонимической формы *Радбилицы* в совр. *Радбѣлик* произошло благодаря переосмыслению не только топоосновы (по корню *бѣльий*), но и вслед за ней топоформанта через промежуточную адъективную форму *Радбилицкое*, *Радбѣлицкое* (ср. письменное указание на ороним *Радбѣлицкое* болото близ деревни [СНМНГ I, 67]), из которой далее возникло *Радбѣлик* в силу устойчивости морфонологического чередования *к / ц*.

Недоблицы дер. на р. Хревица, пр. пр. Луги, бывшего Ямбургского у. Петерб. губ. XIX в. [СНМРИ 37, № 4919], сегодня – дер. Пусто-

мержск. Кинг. к востоку от Кингисеппа. Пункт, по всей очевидности, идентифицируется со средневековым селцом *Недобылицы*, «что бывало Никольское Неревского конца», в Никольском Ястребинском пог. Копорского у. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 765, 781, 788]. Исконная топонимическая форма – *Недобылицы* – обусловлена антропонимическим композитом *Недабыль*; ср. др.-польск. личн. *Niedabył* 1279 г., др.-чеш. *Nedabył* [SSNO I, 293; Svoboda 1964, 284], личн. *Недабил* в болгарском историческом именнике [Займ. БИ, 165]. Из параллельной топонимии известны геогр. *Nedabylice* сел. в Чехии и там же йотовое производное *Nedabyle* сел. [Prof. MJ III, 187–188]. Первая часть антропонимического композита такая же, как в др.-чеш., полаб.-помор. *Nedamir*, *Nedamer*, болг. *Недамир* (к прасл. **ne dati*), ко второму компоненту ср. выше личн. *Радобыль*. Модификация *Недóбылицы* > совр. *Недóблицы* связана с редукцией первого заударного слога, что наблюдается нередко; ср. хотя бы один из аналогичных случаев: геогр. *Брáтиловици* > *Брáтловици* (см. геогр. *Бракловицы*).

Геогр. *Ондружища* дер. Которского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 89], очевидно, продолжает первоначальную топонимическую форму на *-ичи*; ср. в этой связи пересечение геогр. *Фомеровица* / *Хомировичи*, *Радоговица* / *Радоговичи*, *Нежгостицы* / *Нежгостицы*. Хотя данный ойконим не находит, как будто, однозначных межтерриториальных топоответствий, его представляется вполне вероятным сблизить с антропонимическим композитом, который подтвержден фиксацией архаического зап.-слав. личн. *Onodrag* (= «*Anadrag*» немецкого источника 1028 г.), составленного из основ прасл. **onъ* ‘топ’ и **dorgъ* ‘дорогой’ [Schlimpert 1978, 97]. С учетом др.-новг. диалектной фонетики исходное мотивирующее имя легко прогнозировать не только в виде полногласного *Он(о)дорогъ*, но и в виде *Он(о)дрогъ*, более отвечающем облику геогр. *Ондружища* (в подкрепление этого суждения заметим, что неполногласный рефлекс прасл. **dorg-* в архаической др.-новг. топонимии известен, см. геогр. *Дрогини*, *Драгобушка*). Вместе с тем геогр. *Ондружища* не исключает мотивировки на базе личн. **Он(о)другъ*; ср., к примеру, аналогично построенные др.-чеш. личн. *Mstidruh*, *Přibydruh*, *Bezdruh*, сербохорв. *Dobrodrug* и др. [Svoboda 1964, 74–75].

К possessивно-патронимическому типу относятся несколько композитных географических названий на *-гост-*, которые отмечены на новгородской территории. Таковы, в частности, ранее упоминавшиеся нами *Вогостицы* (к личн. *Вогость*), *Дорогостицы* (к личн. *Доро(го)гость*), *Радгостицы* (к личн. *Рад(о)гость*), *Ходгостицы* (к личн. **Хом(о)гость*), *Нежгостицы* (к личн. **Нѣж(и)гость*) и извлеченное из бер. гр. № 614

геогр. *Доброгостьци* или *Доброгостици* (к личн. *Доброгость*); подр. о перечисленных ойконимах см. во 2-й главе. Обращает на себя внимание отсутствие притяжательной суффиксации в составе данных форм, что, видимо, говорит о некоторых общих особенностях образования патронимии на *-ичь* от личных имен с исходом на *-гость*.

Названия с основами древнеславянских имен-гипокористик

На новгородской территории обнаруживаются географические названия на *-ичи/-ицы*, содержащие основы гипокористических личных имен. В целом таких топонимов значительно больше, чем композитных названий посессивно-патронимического типа. Обратимся к анализу конкретного материала, сосредоточившись лишь на некоторых показательных случаях.

Видомлицы дер. Боровщинск. Люб. в окрестностях пос. Любытино, в нач. XX в. – усадьба Ф.Кузьмина у левого берега Мсты Степановской вол. Бор. у. [СНМНГ VI, 114–115], для эпохи конца XVIII в. – «сельцо *Видомлицы*, 2 двора, 38 человек, на суходоле, а дачею реки Мсты и речки Хочины на левых берегах», согласно данным Ген. меж. 1785 г., № 1779 [Карт. Гарн.]. По писцовой книге Беж. пят. 1564 г. – дер. *Видовлицы*, 3 двора помещичьих, 3 двора крестьянских, в пог. Богородицком на Белой [НПК VI, 865]. Название прямо или скорее опосредованно – через др.-рус. патроним с йотовым суффиксом **Видомличь* (вар. *Видовлицы*, несмотря на раннее его появление, нужно признать вторичным) – отсылает к личн. *Видомь*, *-а*, усеченному из *Видомирь*. Оба имени, полное и усеченное, хорошо засвидетельствованы топонимическими материалами разных славянских территорий. Полное имя легло, в частности, в основу новг. геогр. *Видомирское* оз. (см.), *Видомирь* дер. (см.). Гипокористическое личн. *Видомь*, *-а* (или в форме *Видимь*, *-а*, *Видемь*, *-а*, повторяющей колебания полного *Видомирь* / *Видимирь* / *Видемирь*), помимо патронимического геогр. *Видомлицы*, нашло отражение в йотово-посессивном новг. геогр. **Видемле** оз. со смежной дер. в Бологовском пог. Дер. пят. [НПК I, 108, 117; ПКНЗ 4, 108]. С последним максимально схожи блр. геогр. *Видомль* (польск. *Widomla*) дер. в окрестностях Бреста Гродненской губ., равно как и многочисленные йотово-посессивные топонимические производные от личн. *Видимь*, прикрепленные, как минимум, к десятку мест на территории Польши, Чехии, Германии, Сербии, Словении [Rospond 1983, 147]; ср. также геогр. *Видомлят* сел. под гор. Ковель на Волыни [Vasm. RGN II 1, 89] (от родового *Видомлята*,

букв. ‘дети Видома’?). Среди исторической антропонимии обращают на себя внимание ст.-рус. личн. *Видимко* Михеев 1614 г. [Туп. СДЛСИ, 141] и имя (или прозвище) крестьянина из Олонца 1564 г. – *Видома* Дмитрий Васильев [Вес. Он., 74]: последнее усечено из полного личн. *Видомиръ* с отвердевшим первым слогом. Отверждение *Ви-* > *Вы-* в этом композите носило регулярный характер, ср. хотя бы новг. геогр. *Видомиръ*, *Выдумер* (см.), укр. геогр. *Выдымиръ*. Среди инославянских соответствий имеются др.-польск. личн. *Widzimko*, *Widzimek* [SSNO VI, 55], болг. *Видим*, жен. *Видима* [Заим. БИ, 49].

Тухомичи дер. и пог. Холм. у. Пск. губ. XIX в. [СНМРИ 34, № 14534 и 14535], сейчас – дер. Тухомичск. Холм. Хотя писцовые книги, по видимому, такого пункта не знают, сомневаться в древности ойконима нет оснований. Название отсылает, надо полагать, через патроним, к др.-слав. личн. *Тухомъ,-а*. Последнее отмечено М.Морошкиным [Мор. СИ, 195] в чешском источнике (чеш. *Tuchom*) и хорошо восстанавливается по целому ряду западнославянских топонимов, полученных путем йотовой суффиксации (из **Тухом-ъь*): геогр. *Tuchom* в Чехии, *Tuchom* у лужицких славян в Германии и там же нем. *Tüchen* (< полаб. *Tuchom*'), кашуб. геогр. *Techom'e* (< *Tuchom*') в повете Картузы в Польше, геогр. *Tuchonie* (нем. *Tuchen*) из помор. *Tuchom* в повете Бытов [Rospond 1983, 141]; к ним добавляется польск. *Tuchom* (*Tuchotka*, *Tuchomko*, *Tuchomskie*) оз. в басс. Вислы [НВ, 427]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что дер. *Тухомичи* стоит на речке, носящей название *Тухомлянка*, пр. Большого Тудра басс. Ловати. Смежные ойконом и гидроним здесь выглядят кодериватами – независимыми образованиями от общего антропонима (имени первопоселенца), одно из которых оформлено патронимическим *-ичи*, другое – йотовым суффиксом (первоначально речка, видимо, называлась **Тухомля*, затем благодаря суффиксальному расширению или через наименование приречных жителей **тухомляне* превратилась в совр. *Тухомлянку*). Личн. *Тухомъ,-а*, (к семантике основы ср. польск. *otucha* ‘бодрость; надежда’), очевидно, должно рассматриваться как усеченное из архаических прасл. композитов **Тухоміръ*, **Тухомѣръ*, **Тухомысль*, отраженных только западнославянской топонимией. С данной гипокористикой обнаруживает существенное сходство личн. *Tušim* из др.-чеш. письменности [Svoboda 1964, 307], болг. *Тушим*, *Тушем* [Заим. БИ, 227] (< **Tušiměръ*, **Tušiměръ*). Личн. *Тушимъ,-а* нашло очевидное выражение в новг. гидрониме **Тушемля** (*Тушемелька*) р. басс. Чагоды [Шан. РЛЮ, 458], равно как и в ойкониме *Tušimice* в Чехии [Miklosich 1927, 107], гидронимах *Tuszuma*, *Tuszumka* в басс. Вислы [НВ, 428], *Тушимъа*, *Пуста Тушимъа* в Сербии [Павл. ХС].

Будомицы дер. Ляховичск. Ст. на правом берегу р. Ловать. Ранее относилась к Жгловской вол. Ст. у., причем в прилегающей округе числилось несколько одноименных пунктов: дважды *Верхние Будомицы* и дважды *Нижние Будомицы* – близлежащие деревни и усадьбы на Ловати [СНМНГ III, 54–57]. По каким-то причинам название не отразили писцовые книги, хотя, судя по его типологии, оно возникло еще до эпохи московских земельных описаний. Связано с др.-слав. личн. *Будомь,-а*, которое представляет собой усечение двуосновного *Будомирь* (последнее в ходу и сейчас, но обычно с иной тематической гласной: болг., серб. личн. *Будимир*). Из эквивалентной топонимии на базе соответствующего полного имени ср. йотово-посессивное геогр. *Budomierz* дер. недалеко от гор. Яворов в Галиции [Vasm. RGN I 3, 563]. Личн. *Будомь,-а* (ср. *Будам*, обнаруженное М.Морошкиным в моравском источнике [Мор. СИ, 28]) максимально близко к личн. *Будимь,-а*, которое отражено более значительным рядом топонимов, в частности южн.-слав. *Будим*, *Будимац*, *Будимска*, *Будимлија* – рр. в Сербии [Павл. ХС], зап.-слав. (полаб.) геогр. *Vudim* (> нем. *Büden*) и др. [Rospond 1983, 51], и известно в самостоятельном использовании у болгар и сербов: личн. *Будим*, *Будима*, *Будимко* [Заим. БИ, 39; Грк. РЛИКС, 47]. Расхождение гласных в указанных именах на *-имь,-а*, *-омь,-а*, не является препятствием для отождествления, поскольку эти гипокористики унаследовали регулярные колебания гласных *и, о* на стыке основ композитных антропонимов, от которых они произошли.

Новг. бер. гр. № 516 сер. XII в. донесла до нас древнее географическое название на *-ичи*, употребленное в беспредложном locative: «*Велимицѣхъ*» [Зализняк 2004, 360–361]. Начальная форма его – **Велимичи** – относится к муж. р., судя по «мужской» флексии *-ѣхъ*. Обозначенный пункт сер. XII в., очевидно, идентифицируется с дер. *Велимичи* в пог. (вол.) Молвятицы Дер. пят. конца XV в. [НПК I, 659], дальнейшая судьба этого селения нам неизвестна. Название восходит через патроним **Велимичь* к личн. *Велимь,-а*, которое возникло благодаря усечению композита *Велимирь* (прасл. **Velimirь*, **Velemirь*), букв. ‘многославный’. Гипокористика *Велимь,-а* (прасл. **Velimь,-а*) устойчиво закрепилась у разных групп славян, отразившись в восточно-, западно- и южнославянской топонимии и самостоятельно: др.-чеш. личн. *Velim*, *Velega* [Svoboda 1964, 38], болг. *Велем*, *Велим* [Заим. БИ, 45]. Межтерриториальной параллелью к др.-новг. топониму выступает *Велимичи* сел. в Столинском р-не Белорусского Полесья [Жучкевич 1974, 46]. Кроме того, следует далее упомянуть соотносимое с отмеченными антропонимами новг. геогр. **Велеми** дер. в низовьях Волхова Новолодожского у. Петерб. губ. сер. XIX в.

[СНМРИ 37, № 2865], наряду с новгородской ойконимией: *Велемье* дер. в Скопинском у. Рязанской губ. + хут. неподалеку от Мозыря бывшей Минской губ., а также ойконимы *Велеми* (*Верхние* и *Нижние*) дер. Серпуховского у. Московской губ., *Велема* дер. на р. *Велема* Тарусского у. Калужской губ., лит. геогр. *Велемишки* дер. близ Ново-Александровска Каунасской губ.; данный ряд дополняют топонимические производные на базе личных имен **Вельма*, **Вельмъ*, выступающих гипокористиками от *Вельмиръ* с сокращенным первым компонентом: геогр. *Вельмино* дер. Епифанского у. Тульской губ., *Вельмово* хут. в окрестностях гор. Новогрудок Минской губ. (материалы по [Vasm. RGN II 1, 23–24, 29]). У западных и южных славян указывались главным образом йотово-посессивные топонимы: геогр. *Welim* (*Wylym*) по средневековым источникам в Польше, *Vielen* в Германии (< полаб. *Velim*'), древнее геогр. *Welim* (*Welin*) в Чехии, венг. *Velin* (< словац. *Velim*'), сербохорв. *Velimje* (по: [Rospond 1983, 146; Prof. MJ IV, 495; Svoboda, Šmilauer 1960, 292]), ср. еще патронимическое *Vilémovice* и с *-in*-суффиксацией *Velemín* – села в Чехии [Prof. MJ IV, 545–546]. Некоторые из перечисленных топонимических фактов обнаруживают смешение с йотово-посессивной топонимией на базе личн. *Вельнь* (см. геогр. *Велени*).

Велебицы дер. Невск. Сол. В старину данный пункт относился к Шимской вол. Новг. у. По спискам селений нач. XX в. [СНМНГ I, 108–109] значится как село *Велебицы*, стоявшее на Порховском тракте при р. Шелони в 63 верстах от Новгорода. В обзорении Новгородской губ. 1849 г. отмечены броды при дер. *Велибицы* [ВСОРИ, 59]. Переписные оброчные книги XVI в. позволяют отождествить совр. дер. *Велебицы* со средневековым сельцом на р. Шелони в Свинорецком пог., которое в описании 1539 г. обозначено как *Бѣлевицы*, а в описании 1552–1553 гг. – *Велебицы* [НПК IV, 509, 553]. Несмотря на внешнее расхождение ойконимов *Бѣлевицы* и *Велебицы*, нет сомнений в том, что перед нами одно и то же сельцо, так как, судя по описаниям, и в 1539, и в 1551–1552 гг. оно принадлежало одному хозяину – Кузьме Остафьевичу Лихареву; здесь стоял двор этого помещика и была церковь святого Иоанна Богослова. Новг. сел. *Велебицы* хорошо известно в исторической литературе, поскольку в 1471 г. поблизости от него на берегу Шелони войско великого князя московского Ивана III разгромило новгородцев, что ознаменовало начало присоединения Новгорода к Москве.

Запись *Бѣлевицы* в НПК, хотя и достаточно ранняя, является, следовательно, неточным воспроизведением авторитетной исходной формы *Велебицы*, сохраненной современным произношением. В основе названия можно видеть патроним, производный от личн. *Велеба* / *Велиба*, семанти-

чески 'поселение рода Велебичей'. Антропоним находит подтверждение в др.-польск. именной, в котором присутствуют *Wieleba, Wieloba* [SSNO VI, 57–59]. Данное имя является, по всей вероятности, усеченным вариантом композита *Велеборь*, прасл. **Veľeborъ* (аналогичную модель усечения на губную согласную второго компонента демонстрирует, к примеру, личн. *Мьстиборъ* > **Мьстибъ*, отсюда геогр. *Мстибово* сел. на Украине). Обращает на себя внимание также сходство личн. *Велеба / Велиба*, польск. *Wieleba* с польск. *wielebny* 'преподобный' (при чествовании епископов), однако характер связи этих созвучных лексем для нас не очевиден. Др.-польск. источники наряду с кратким вариантом имени хорошо знают и полное *Wielebor*, которое находится в общем ряду с польск. личн. *Wielislaw, Welemir, Wielgosz* [SSNO VI, 57–61]. Ср. и топонимические эквиваленты: геогр. *Wieloborowice* в Польше, *Veľeboř* в Чехии. Еще более очевидное сходство с новг. *Велебицы* демонстрирует не столь территориально отдаленный от него ойконим *Велебицкое* дер. на р. Коломенке неподалеку от Великих Лук [Vasm. RGN II 1, 23]. В первой части прасл. личн. **Veľeborъ* присутствует основа **velbъj* 'большой, могучий, сильный', второй компонент *-borъ*, соотносимый с прасл. **borti*, рус. *бороться*, представлен также в прасл. **Boľeborъ*, **Њstiborъ*, **Daniborъ*, **Хотиборъ*, **Їzborъ*, **L'utoborъ* и др., см. [ЭССЯ 2, 15].

По типологии исходного антропонима к геогр. *Велебицы* очень близко новг. геогр. *Гостибицы* дер. в истоках р. Кебь (пр. пр. Великой) в бывшем Порх. у. [СНМРИ 34, № 11806], = *Гостибицы* дер. Ручайского пог. Шел. пят. 1498 и 1576 гг. [НПК IV, 211; V, 694]. Образовано от редкого личн. **Goštibъ-a*, усеченного из композита *Гостиборъ* (отмечалось др.-чеш. *Hostibor* [Rospond 1983, 74; Мор. СИ, 62]) или *Гостибыль*, ср. альпослав. личн. «*Goztibil*» в источнике 957 г. [Kronsteiner 1981, 207]. Этим же гипокористическим именем мотивируется еще йотово-посессивный гидроним *Gościbia* р. в басс. Вислы [НВ, 318], иные топонимические соответствия не обнаруживаются.

Рассмотренные выше др.-слав. гипокористики *Видомъ,-а*, *Тухомъ,-а*, *Тушимъ,-а*, *Будомъ,-а*, *Велимъ,-а*, *Велеба / Велиба*, **Мьстибъ*, **Гостибъ,-а* демонстрируют общую закономерность усечения двусловных имен до губной согласной второго компонента. Подобным способом были образованы также усеченные личн. *Радомъ,-а*, *Хотимъ,-а* и многие подобные имена, которые нередко извлекаются из раннеславянской топонимии (ср. в пределах Новгородской земли геогр. *Радом* в верховьях р. Луги, *Хотимово* дер. в Коломенском и Ясеновичском пог. Дер. пят., см. гл. 3.), но далеко не всегда зафиксированы славянской письменностью в самостоятельном употреблении.

Данное обстоятельство наводит на мысль о том, что многие из таких гипокористик являются глубоко архаическими славянскими именами, имевшими наибольшую функциональность в дописьменный период.

Жирохлицкое (вар. *Жохлицкое*) оз., 280 га, в дельте р. Ловать [Истомина, Яковлев 1989, 130]. Сложная структура формантной части (*Жирохл-иц-кое*) позволяет думать о существовании близ озера топографического объекта (деревни, сопредельной пожни), по которому позднее было поименовано и озеро. Полагаем, перед нами образование, содержащее основу др.-рус. личн. **Жирохло*, которое, в свою очередь, представляет собой усеченно-суффиксальную гипокористику от полного антропонимического композита типа *Жирославъ*. Любопытно, что компонент *-жир-* входит в структуру сразу нескольких названий близлежащих озер в устье Ловати: помимо оз. *Жирохлицкого*, здесь отмечены лимнонимы *Жирослав*, *Жирослов*, *Любжир* (см.). Личн. **Жирохло* в новгородской письменности не зафиксировано, но прогнозируемо, если учесть, что фонетический исход на *-хло* есть вероятная комбинация морфа *-х-* с редким морфом *-л-* (<-ъл-), см. [НГБ из раскопок 1977–1983, 149]. Лучше обосновывается личн. **Жирохно*, которое входит в длинный ряд гипокористик с исходом на *-хно* (*Любохно*, *Леохно*, *Махно*, *Сахно*, *Емельяхно* и др.), возникших от дохристианских и христианских полных имен. Однако при допущении личн. **Жирохно* в качестве первичного мотиватора геогр. *Жирохлицкое* приходится допустить и незакономерное преобразование *-хн-* > *-хл-* уже в процессе исторической эволюции гидронима.

Бракловицы дер. на р. Полисть Троховск. Ст., ранее – дер. Астриловской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 10–11]. Очевидно, отождествляется со средневековой дер. *Братловицы* Дретонского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 254]. Последнюю форму следует выводить из **Братиловици*, а в конечном счете из **Братиловичи* – отпатронимного географического названия на базе личн. *Братиль,-о*. Имя *Братила* (в морфологически вторичном жен. р.) в новгородской берестяной письменности встретилось дважды – в грамотах № 803 и 934 (XII – нач. XIII вв.) [Зализняк 2004, 410]. Оно использовалось у древних восточных и южных славян: кроме новгородских фактов, см. др.-укр. патроним *Братиловичъ*, данный под 1411 г. [ССМ I, 94], болг. *Братил*, *Братило*, жен. *Братила* [Илчев 1969, 87–88; Заим. БИ, 34], сербохорв. *Братил*, *Братило* [Грк. РЛИКС, 45; Мор. СИ, 26; Miklosich 1927, 7], ср. также рус. диал. (арх., сиб.) и укр. диал. *братило* ‘брат’, уменьш. ‘brateц’ с ударным вторым слогом [СРНГ 3, 157; ЕСУМ I, 246]. Со стороны семантико-деривационной данное имя аналогично др.-новг. личн. *Дѣдила* из бер. гр.

Ст. Р. 6 1-й пол. XII в. [Зализняк 2004, 329 – 330] и *Мужило* (Мануйлик *Мужило*, крестьянин в Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 845]), имеющим в апеллятивной первооснове обозначения родственников. На новгородской территории найдется еще пара топосоответствий: *Братилово* дер. Сумерского пог. Шел. пят. 1-й пол. XVI в. [НПК V, 420, 424] и *Братиловичи* (*Братловичи*) вол. по течению р. Паши в Спасском Шиженском пог. Обон. пят., согласно документации XVI–XVII вв., см. [Анкудинов 1986] (сегодня – дер. *Ратилово* Шиженск. Тихв. на р. Паше, см. также [НГБ из раскопок 1977–1983, 248]). Последнее название для нас показательно с точки зрения фонетических преобразований, поскольку оно свидетельствует об изменении геогр. *Братиловичи* > *Братловичи* Обон. пят.: утрата гласной *и* во втором слоге данного названия определяется тем, что исходная форма имела ударение на первом слоге – *Братиловичи*, так как производящее слово *братъ* относилось к акцентной парадигме *а* [Зализняк 2004, 614]. Разумеется, аналогичную синкопу можно видеть также в истории геогр. *Братловицы* Шел. пят., сводя его к исходному **Братиловичи*. Любопытно далее изменение *Братловицы* > *Бракловицы*. Здесь могла иметь место случайная трансформация согласных, но скорее всего перед нами хронологически весьма поздняя фонетическая реминисценция древнепсковского перехода **tl* > *кл*. Ср. в связи с этим показательную мену сочетаний *дл* / *гл* даже в XVII–XVIII вв., задокументированную на примере исторических вариантов наименования одного из селений на р. Луге, принадлежавшего к Успенскому Сабельскому пог.: ус. *Радлицы* под 1678 г., потом *Раглицы* под 1709 г., далее *Радлицы* под 1718 г., затем *Раглицы* ус. и сельцо 1748 и 1788 гг., см. [Селин 2003, 178, табл. 16], сегодня – дер. *Раглицы* Вольногорск. Бат. в истоках р. Луги. Очевидно, эти процессы, издревле диалектно усвоенные, спорадически могли найти отражение в фактуре звуковых изменений даже позднего времени, причем на основе как исконных, так и новообразованных сочетаний *тл*, *дл*.

Вненогородские топонимические эквиваленты рассматриваемого ойконима распространены на собственно русской территории: рязанское геогр. *Братилова* дер. близ Касимова, *Братилово*, *Братиловка* – пункты в Буйском и Кинешемском у. Костромской губ., *Братилово* на р. Ильинке под Владимиром, *Братиловская* дер. на острове *Братилов* на Северной Двине под Архангельском [Vasm. RGN I 3, 528].

Радоковицы ур. на окраине древнего Новгорода за городским валом на правом берегу Волхова близ устья рч. Витки. Известно по летописям с сер. XIV в. в связи с заложением здесь монастыря: «...и в *Радоговичехъ* церковь постави святую Богородицу и монастырь постави» [НЛ,

136]; «...и в *Радоговице* церковь постави святую Богородицу», по Новгородской 2-й летописи [ПСРЛ 30, 199]; «постави владыка Моисии Богородицу святую в *Радоквицахъ*» (1357 г.) [НПЛ, 364]. Несколько позднее, в 1383-1384 гг., здесь была заложена и построена церковь святого Иоанна Богослова, сохранившаяся до наших дней: по [НЛ, 244] – «в *Радоговичехъ*» (1383 г.), «в *Радоговицахъ*» (1384 г.), по [НПЛ, 379, 380] – «в *Радоквицахъ*». Далее это название фигурирует в летописных сообщениях о пожаре «от Микитинѣ улицѣ и до *Радоквичи*» (в ином списке: «до *Радосковичъ*») в 1391 г., о разливе Волхова в 1421 г. («...а в Щиловѣ и на Соколницѣ и в *Радоквицахъ* <...> в тѣх церквах толко на полатех пѣлѣ» [НПЛ, 384, 413, 460]) и о пожаре в Антоньевском конце Новгорода в 1540 г.: «Згорѣло <...> в *Рагодовичахъ* 35 дворовъ, по самый ручей, да три человекъ» [НЛ, 327].

Топоним *Радоквицы* был интерпретирован по сближению с др.-рус. личн. *Радъко* [Строгова 1993, 33–34], очень популярным в средневековом Новгороде именем, которое зафиксировали многие источники. Однако особенности оформления древнеписьменных вариантов (*Радоквицы* / *Радоквичи* / *Радоговицы* / *Радоговичи*) заставляют поставить под сомнение данную гипотезу. Личн. *Радъко* утрачивало слабую редуцированную фонему (*Радко*), но в названии мы наблюдаем устойчивое сохранение ударной *о*. Кроме того, стабильно произносилась звонкая *г*, отраженная даже во вторичном метатезированном варианте *Рагодовичи* (< *Радоговичи*). Приходится делать допущение об озвончении суфф. -к- в -г-, но оно может быть основано только на общих соображениях о недостаточном развитии категории глухих/звонких фонем в говоре древнего Новгорода и не имеет фактографической поддержки (по крайней мере письменные отражения личн. *Радъко* в виде *Радъго*, *Радъгъ* отсутствуют). Равным образом мы могли бы допустить обратное: оглушение суфф. -г- > -к-, тем более что самая ранняя запись «в *Радоговицехъ*» репрезентирует как раз звонкую согласную. Вообще говоря, первоначальной, этимологизируемой формой топонима допустимо считать как *Радоквичи*, так и *Радоговичи* – отпатронимное образование на базе личн. **Радокъ* или **Радогъ*,-а. Первое имя – с суфф. -окъ от *рад*- – не зафиксировано, хотя теоретически допустимо, ср. аналогичной структуры др.-рус. *видокъ* ‘очевидец, свидетель; провидец’ [СлРЯ XI–XVII 2, 176–177] или ряд прилагательных с суфф. -ок- типа *высокий*, *глубокий* и т. д. Второе из вероятных имен – личн. **Радогъ*,-а – имеет бесспорные, на наш взгляд, отражения в новгородской топонимии; ср. *Радоговица* дер. Шел. пят., *Радожское* селище Беж. пят. [НПК V, 518; VI, 510]. Кстати говоря, представляется, что *Радоговица* Шел. пят. – один из вариантов

раннего **Радоговичи* (к реальности подобной модификации ср., например, пересечения геогр. *Фомеровица / Хомировичи, Нежгостицы / Нежгостицы*, см.), следовательно, перед нами очевидная межтерриториальная параллель к топониму *Радоговичи* у городского вала Новгорода. Такого рода факты уверенно заставляют предпочесть личн. **Радогъ*, -а в качестве искомого этимона. Последнее же мы склонны рассматривать как усеченную гипокористику хорошо засвидетельствованного композитного имени *Радогость*. О существовании подобных личных имен на -огъ (или на -ога), восходящих к антропонимическим композитам на -гость, говорит целый ряд топонимических фактов (они перечислены в гл. 2). При этом, похоже, находит фактическое обоснование даже фонетическая модификация *Радоговичи* в *Радоковичи*: оказывается, в круге географических названий от личных имен на -гость оглушение слога -го- > -ко- является спорадически проявлявшимся процессом; ср. рассмотренные в гл. 2 геогр. *Некось* (к личн. *Негось*), геогр. «во *Доброгостехо*» (к личн. *Доброгость*).

В наименовании *Радоговицкого* монастыря некоторым образом видят связь с топонимом *Ротковици*, который засвидетельствовала новг. бер. гр. № 318 сер. XIV в. Локализация этого названия определяется топонимическим контекстом грамоты, см. фрагмент ее перевода: «Вот купил Михаил у Василия, великокняжеского сборщика податей, Одреана-кузнеца и [деревни] Токову, Островну, *Ротковици* Кодрача и Ведрово» [Зализняк 2004, 611]. По мнению В.Л.Янина [НГБ из раскопок 1984–1989, 188], перечисленные названия указывают на пункты Дремяцкого пог. Шел. пят., который располагался по левому берегу р. Луги напротив современного города Луга; что же касается конкретно топонима *Ротковици*, то он был соотнесен с названиями позднейших деревень *Часть Раковиц* и *Новые Раковицы*, которые находились на восточном берегу оз. *Раковицкого* (по современным источникам, – дер. *Раковици* Междозерн. Луж. на восточном берегу оз. *Раковического* – В.В.). Согласно писцовой книге, волостка близ этого озера принадлежала до боярского вывода новгородскому Радоковицкому монастырю. Исходя из этого факта, В.Л.Янин (Там же) сделал предположение об этимологической связи созвучных географических имен: оз. *Раковицкое* в прежние времена могло называться *Радоковицким*, а топоним *Ротковици* из берестяной грамоты № 318 генетически тождествен летописному геогр. *Радоковицы*. Нам, в свою очередь, в предложенной Яниным конструкции безусловным кажется только отождествление др.-новг. геогр. *Ротковици* = совр. *Раковицы*, причем специфика современной топонимической формы говорит скорее о переосмыслении (сближении со словом *рак*?) за-

свидетельствованного древнего топонима. Однако новгородское геогр. *Радоковицы* к данным хронологическим вариантам, по-видимому, никакого отношения не имеет хотя бы потому, что налицо не только фонетические, но и хронологические нестыковки. Оба топонима – *Радоковицы* и *Ротковицы* – фиксируются источниками практически одновременно – в сер. XIV в. Если исходить из единства возникновения этих названий, то необходимо сделать допущение о моментальном топонимическом переносе: Радоковицкий монастырь, едва появившись, тут же отложил свое наименование на местность (и озеро) в Дремяцком пог., которые, надо предположить, сразу были даны ему во владение. Даже если допустить такой перенос, сомнительный по соображениям хронологии, остается необъясненным глубокое несходство синхронных форм *Радоковицы* и *Ротковицы*, в частности, различие начальных *Ра-* и *Ро-* и расхождение по числу гласных. Последнее, конечно же, самостоятельное производное от личного имени иной структуры. В качестве антропонимического начала для геогр. *Ротковицы* (и с ним еще новг. геогр. **Ротково** дер. в вол. Удомля Беж. пят. 1499 г. [ПКНЗ 1, 195], **Ротково** дер. в Царсколеском у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 4185], *Ротковская* дер. Кирилловского у. Новг. губ. [СНМНГ X, 16–17], наряду с блр. геогр. *Ротковичи*, *Ротковицина*, *Ротки* в Гродненской, Виленской, Минской губ. [Vasm. RGN VII 3, 661]) лучше всего предполагать личн. *Родъко* (> *Ротко* после падения редуцированных). Данное имя и подобные с суф. *-к-* хорошо засвидетельствованы: др.-польск. *Rodko*, *Rodek*, др.-чеш. *Rodek*, др.-луж. *Rodek*, сербохорв. *Rodik*, болг. *Роде*, см. [SSNO IV, 469; Svoboda 1964, 136; Schlimpert 1978, 119; Заим. БИ, 191]; они соотносятся с композитным личн. *Род(о)славъ* / *Род(и)славъ*. Последнее знакомо древненовгородской письменности. В частности, летопись упоминает новгородца по имени *Родславъ* (*Родиславъ*) Даниловичъ, строителя церкви святого Филиппа на Нутной улице, 1194 г. [НЛ, 12, 244], ср. еще *Родислав* Васильевич Колзаков, 1550 г., Кашин [Вес. Он., 269]. Нужно иметь в виду и христианские имена *Родионъ*, *Родий* (разг. *Родъ*, см. [Суп. СРЛИ, 283]), которые тоже могли становиться основой гипокористики *Родъко*.

Молвотицы село Мар. р-на Новг. обл., в старину волостной центр. Списки селений Новг. губ. нач. XX в. указывают село *Молвотицы* и смежный одноименный пог. Дем. у. [СНМНГ II, 58–59], расположенные у р. Щеберехи, пр. пр. Полю. По спискам 1-й пол. XIX в. здесь значится дер. *Молвотицы* Дем. у. с одной церковью [Неволин 1853, 178]. Как *Молватицы* это село обозначено в источнике 1849 г. [ВСОРИ, 4] и дано на старых картах XIX в. (Карта Шуберта, 3-верстка, 10-верстка). Ударе-

ние в геогр. *Молвотицы* закрепилось на втором слоге, хотя изредка местные жители произносят ударным первый слог, редуцируя *и* (*Мóлвотцы*). Письменная история этого территориального центра относится к древнерусскому времени. Первое его упоминание, вместе с рассмотренным выше геогр. *Велимичи*, содержит новг. бер. гр. № 516, датируемая 50–70-м гг. XII в. Она дает форму беспредложного локатива «*Мъльво-тицѣхъ*» ‘в Молвотицах’ (где, согласно грамоте, живут должники Опаль и Сновидь) [Зализняк 2004, 360–361]. Флексия *-ѣхъ* в старейшей фиксации указывает на то, что в сер. XII в. топоним еще относился к мужскому морфологическому роду.¹

Более поздние источники под этим названием отмечают то городок, то погост. В частности, интересующий нас пункт указан летописным перечнем древнерусских городов конца XIV в., который сохранился в списках XV в.: *Молвотицѣ* среди «градов Залесских» (по Ком. сп. [НПЛ, 477]), *Молвотицы* (по Воскресенской летописи [ПСРЛ VII, 241]). Под 1401 г. НПЛ повествует о пожаре в городке: «Тои же осени погорѣ владычень городокъ *Молвотицѣ*» (с. 396). Этот пункт, находившийся на новгородско-литовском пограничье, фигурирует в dokonчаниях XV в. Новгорода с Литвой среди новгородских волостных центров, плативших налог (т. н. «черную куну») литовскому великому князю: «А на *Молвятичохъ* взяти ми, князю великому, два рубля, а тиуну рубль за петровщину» (договор 1441 г. [ГВНП, 116, гр. 70]); это же подтверждено договором 1471 г.: «А на *Молвотицяхъ* взяти ти два рубля, а тиуну рубль за Петровщину» [ГВНП, 131, гр. 77]. «Волость великого князя *Молвятици*, что бывала владычня» и пог. *Молвятицкий* многократно описывают писцовые книги Дер. пят. в конце XV в. [НПК I, 652, 695; II, 798, 802, 806, 825], в 1530–1540-х гг. [ПКНЗ 4, 231, 232, 251, 285, 287, 291–297, 377, 395, 401, 409, 415–418, 494–497], в 1550–1560-х гг. [ПКНЗ 5, 122–124, 170, 284, 285, 288, 298, 299, 331, 332, 380, 395, 407, 408, 412, 413] и другие, более поздние документы.

По происхождению перед нами типовое название на базе древнерусского патронима на *-ичь*. Вариативность суф. *-ичи/-ицы* обусловлена фонетически – цоканьем, а колебание исторических вариантов *Молвотицы* / *Молвятицы* связано с морфологическим (суффиксальным) па-

¹ Средневековое городище *Молвотицкий городок* (VIII–XV вв.) расположено южнее современного села *Молвотицы* на левом берегу р. Щеберехи на холме высотой 15–18 м. Сохранились отчасти вал и въезд на верхнюю площадку городка, культурный слой распахан. Прилегающая местность богата древними могильными сопками и курганами; см. [Пам. истории и культуры Новг. обл., 127; Арх. пам. Новг. обл. II, 16].

раллелизмом исходного личного имени **Мълвота* / **Мълвята* (> **Молвота* / **Молвята*), от которого образован базовый патроним. Ср. ряды параллельных суффиксальных имен на *-та*: с одной стороны, др.-новг. *Будота*, *Рогота*, *Лугота*, *Кулота*, *Страхота*, с другой – *Твьрдята*, *Рядята*, *Малята*, *Селята*, *Мирыта* и т. п., которые извлечены из новгородских памятников письменности; реже колебания суф. *-ота/-ята* (< *-ета*) фиксируются при общем корне; ср., к примеру, личн. *Любота* (> геогр. *Люботино* дер. Дер. пят. [НПК I, 173]) и **Любята* (> геогр. *Любятино* вол. Беж. пят. [НПК VI, 16–23]). Гипокористическое личн. **Мълвота* или **Мълвята*, отложенное в геогр. *Молвотицы*, по нашим данным, не нашло непосредственного письменного отражения, но нет серьезных оснований сомневаться в его существовании. К антропонимическому использованию корня *мълв-* (> *молв-*) ср. прозвище хопла – Гридя *Молва* [Туп. СДЛСИ, 310], с которым соотносится др.-польск. личн. *Molwicz*, данное авторами словаря [SSNO III, 548] со знаком вопроса.¹ Из топонимии ср. прежде всего *Молвитино* дер. Буйского у. Костромской губ. (к личному имени, схожему с **Мълвота*) и базирующиеся на личн. *Молва* геогр. *Молвино* дер. близ Вьсьбегонска Твер. губ., *Молвина* дер. в Свияжском у. Казанской губ., *Молвиничи* дер. Карачевского у. Орловской губ., *Молвина Слободка* дер. на рч. *Молва* Скопинского у. Рязанской губ. [Vasm. RGN V 3, 650]. По-видимому, оттопонимные реконструкции – личн. **Мълвята*, **Мълвота* – как раз и следует считать суффиксальными дериватами от личн. *Мълва* (> *Молва*), которое самостоятельно зафиксировано и неоднократно прослеживается по топонимическим материалам.

Уношковичи дер. Городенск. Бат. на рч. Удрае басс. Луги, известная с 1500 г.: *Унѣжковичи Большие* Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. [НПК III, 192, 239, 275]; позднее эта дер. именовалась по различной документации *Ушковичи* (1539 г.), *Унешковичи* (1582, 1612, 1646, 1709 гт.), со 2-й пол. XVIII в. утвердился современный вариант ойконима, см. [Селин 2003, 153, табл. 13], но в сер. XIX в. отмечалась также форма *Уношковицы* [СНМРИ 37, № 1994]. Базовым антропонимом данного названия выступает либо др.-рус. личн. **Унѣжско*, либо скорее

¹ Ст.-рус. личн. *Молвянин* [Вес. Он., 202] А.В.Суперанская [Суп. СРЛИ, 242] осмысляет как ‘тот, кто говорит’ в противоположность личн. *Молчан* – ‘кто молчит’. Однако скорее прав М.Вуйтович, который личн. *Молвянин*, извлеченное из актов Северо-Восточной Руси, рассматривает как производное от геогр. *Молва*, *Молвня* р. в Рязанском крае или геогр. *Молвея* дер. на р. Проне [Wójtowicz 1986, 118]. Перед нами название жителей в функции вспомогательного средства индивидуализации лица.

**Вънѣжско* – суффиксальный дериват от префиксально-корневого *Вънѣзь*; последнее, судя по всему, отражено очень ранней новг. бер. гр. № 613 (30–50-е гг. XI в.), см. [Зализняк 2004, 243]. Преобразование **Вънѣжско* > **Унѣжско* стало возможным после утраты редуцированных в условиях слабой фонетической позиции начальной *в* перед согласной (подобно смол. диал. *унук*, но литер. *внук*).

Нежатицы дер. на р. Хотинка Луж. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37, № 2201], сейчас – дер. Мелковичск. Бат. Отождествляется со средневековой *Нѣжитици* дер. «вопче Ондрюшке съ монастыремъ с Троецким съ Клопска» во Фроловском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 47, 53]¹. Данный ойконим, как и другие новгородские названия: *Нежатица* место под Новгородом («пожня на Питьбе в *Нежатице*») 1535–1539 гг. [ПKNЗ 1, 324], *Нѣжатино* дер. у гор. Копорье Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 518], – соотносится с личн. *Нѣжата*, популярным на новгородской территории в XI–XII вв. Это имя содержат бер. гр. № 586, 644, 904, 892, 742, 635 конца XI – 1-й трети XII в. (*Нѣжата* в этих документах считается одним и тем же лицом, см. [Зализняк 2004, 266–270]) и № 509, оно отражено патронимом *Нѣжатиничъ* в гр. № 855 и притяжательным наименованием жены по мужу – *Нѣжаткина* (к *Нѣжатка*) в гр. 13 из Старой Руссы, а также записано на штукатурке новгородского Софийского собора [Медынцева 1978, 67, надп. № 59]. Вне новгородских территорий имя мало известно, см. только др.-чеш. *Něžata* [Svoboda 1964, 285]. Среди топонимических эквивалентов у восточных славян отмечены др.-рус. геогр. *Нежатинь*, вар. *Неятинь*, гор. к юго-западу от Киева [Роспонд 1972, 45; ЕСЛГНПР, 93], *Нежатино Нива* ур. недалеко от р. Десны близ Чернигова, упоминаемое в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 1078 г. [Насонов 2002, 206], *Nizatydze (Niziatydze)* сел. в Галиции [Vasm. RGN VI 1, 163]. Старописьменный вариант новгородского ойконима – *Нѣжитицы* – в данном случае менее авторитетен, нежели совр. *Нежатицы*. Однако и он явно не случаен и зиждится на некоем личном имени **Нѣжита*, вариантно к более архаическому др.-рус. *Нѣжата*. О том, что личн. **Нѣжита* действительно некогда имело хождение у русских, свидетельствуют, в частности, его топонимические продолжения: геогр. *Нѣжитино* дер. на р. Руза западнее Москвы + дер. неподалеку от Владимира [Vasm. RGN VI 1, 120].

¹ Указатель географических имен к НПК ошибочно относит геогр. *Нѣжитици* к книге Беж. пят. [НПК VI, 47, 53].

Любастицы дер. Михайловского пог. на Полоной Шел. пят. 1539 г. [НПК IV, 308]. Недалеко от этого пункта стояла дер. *Любастица* в Карачунском пог. Шел. пят. 1498 г., она же – дер. *Либастец* в 1576 г. [НПК V, 271, 597, 599], отождествленная с позднейшей дер. *Любосницы* близ рч. Белки южнее Порхова [Андрияшев 1914, 409]. Названия связаны с личн. *Любость*, которое фиксируют зап.-слав. источники: др.-польск. *Lubost* [SSNO III, 289]. Принадлежит к кругу древних зап.-слав. (преимущественно польск.) имен на суф. *-ost*: *Radost*, *Witost* и др. [Taszycki 1925, 57], сюда же и *Милость* из новг. бер. гр. № 709 и 706. Что касается межтерриториальных топонимических эквивалентов, ср. геогр. *Любастова* дер. Фатежского у. Курской губ., йотово-посессивное геогр. *Любоць* (< **Любостъ*) р. и на ней дер. Дмитриевского у. Орловской губ., вероятно, *Любощица* хут. в окрестностях Режицы Витебской губ. [Vasm. RGN V 2, 283, 291].

Тыковичи, вар. *Тыково*, дер. в пог. Замозской в Бегуницах Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 583, 596], идентифицируемая со смежными дер. 2-й пол. XIX в. – *Тешково Русское* и *Тешково Чухонское* в составе Петергофского у. Петерб. губ. [Vasm. RGN IX 1, 82], сегодня – *Тешково Большое* и *Тешково Малое* дер. Бегуницк. Волос. Ойконим *Тыковичи* соотносится с др.-рус. личн. *Тышко*, ср. др.-польск. личн. *Cieszek* [Taszycki 1925, 69], альпослав. *Тёшко* из документа 827 г. [Kronsteiner 1981, 210]. Имена на *Тъх-* / *Тъи-* хорошо засвидетельствованы древне-новгородской письменностью; ср. известные из грамот на бересте личн. *Тыиая* – жена человека по имени **Тъхъ*, *Тыиень*, *Тыиила* [Зализняк 2004, 810], патроним *Тыицевиць* и прил. «*Тъхънова*» из граффити на стенах новгородской Софии [Медынцева 1978, 85, 126, надп. 107, 189] (во втором случае посессив от личн. *Тъхъно*, ср. др.-польск. *Ciechna*, указанное в [Taszycki 1925, 69]). Восточнославянские топонимические соответствия преимущественно концентрируются в Белоруссии: геогр. *Тешково*, *Тешковка*, *Тешков*, *Тешковская Рудня* – селения в Минской губ., *Тешки* в Виленской губ., *Тешково* недалеко от Пскова, *Тешкова Гора* в Жиздринском у. Калужской губ. [Vasm. RGN IX 1, 82], западнославянские – в Польше: сел. *Cieszkowo*, *Cieszków* [Nieckula 1971, 49].

Корневой элемент *тъх-* содержит и новг. геогр. **Техутицы**, село в Никольском Суйдовском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 702], не имеющее очевидных межтерриториальных эквивалентов. В основе данного посессивно-патронимического ойконима лежит личн. *Тъхута*, ср. др.-польск. *Ciechuta* [Железняк 1969, 61, 123].

Тихорицы пос. Глажевск. Кир. на левом берегу Волхова в его среднем течении, ранее пункт принадлежал Новолодожскому у. Петерб. губ.

Писцовая документация, как кажется, не фиксирует селение под этим названием, хотя само название явно относится к числу архаизмов. Предполагаем основой личное имя, подобное зап.-слав. личн. **Tuchorъ* (его обнаруживают, в частности, геогр. *Tuchořice* в Чехии и йотово-посессивный топоним *Tuchorza* в Польше [Prof. MJ IV, 395]) или личн. **Тухоръ*, ср. др.-чеш. личн. *Tichař* [Svoboda 1964, 305], серб. *Tihoran* [Miklosich 1927, 106]. Второе, по-видимому, находит топонимические отражения в виде *Тухарево* дер. Беж. у. Твер. губ. + дер. Борисоглебско-го у. Ярославской губ. [Vasm. RGN XI 1, 104].

Смолиговицы (*Старые* и *Новые*) близлежащие дер. Остроговицк. Волос. к востоку от гор. Кингисепп, в XIX в. относились к Ямбургскому у. Петерб. губ. [СНМРИ 34, № 4937, 4938, 4939]. Отождествляются с сел. *Смолиговичи* в Никольском Ястребинском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК IV, 793]. Ойконим возводится к личн. *Смолигъ*, которое образовано при помощи суф. *-игъ* от корня *смол-*. Имя сохранено новг. бер. гр. № 603 2-й пол. XII в., см. фрагмент текста: «Отъ *Смолига* къ Грецинови и к Мирославоу» [Зализняк 2004, 404–405], отражено псковской летописью под 1266–1267 гг.: «... убиень бысть Онтонъ, единъ псковитинь, сынъ Лочковъ, братъ *Смолиговъ*» (по [Охотникова 1985, 190, 194, 197]), содержится в псковской рядной грамоте 2-й пол. XIV в. (на земли на Ригиной горе близ пог. Камно), в которой среди тяжущихся назван некий *Смолигъ* [Марасинова 1966, 47]. Древнепольский антропонимикон [SSNO V, 9] дает форму *Smoligowski*, производную от личн. *Smolig*, и имена *Smolik*, *Smolega*, *Smolisz*, словарь др.-рус. имен Тупикова [Туп. СДЛСИ, 421] указывает близкое *Смоляга* Андрей, киевский мещанин 1594 г. С аналогичным редким суф. *-игъ* зафиксированы личн. *Ясигъ*, *Родигъ*, патроним *Чорнигов* (см. геогр. *Чернигово*), имеются оттопонимные реконструкции **Елигъ*, **Ялигъ*, **Кочигъ* по геогр. *Елигово*, *Ялигово*, *Кочигово* писцовых книг (см.). Довольно многочисленны межтерриториальные топонимические эквиваленты: ул. *Смолиговка* (*Смолиговская*) в средневековом Пскове [Колосова 2004], *Смолеговичская Рудня* (польск. *Smoligowska Rudnia*, *Smolikowska Rudnia*) сел. в Речицком у. Минской губ., там же, неподалеку от Речиц, указано *Смолегов* (польск. *Smoligowicze*, блр. *Smoligowiczy*) дер. на р. Мытве, геогр. *Смолеговка* (*Смолиговка*), *Смалеговка* и йотово-посессивное *Смолеж* (*Смоляж*) сел. на р. *Смоляж* – все три пункта в бывшей Черниговской губ., *Смолиговка* ус. недалеко от Орши Могилевской губ., *Смоляги* дер. на р. Лоница близ Полоцка Витебской губ., *Смогилев* (польск. *Smoligów*) дер. на р. Серна у гор. Владимир-Вольнский, *Смогилевка* дер. на р. Осливка вблизи Могилева, *Смогиловка* (на карте также *Смолиговка*) дер. в окрестностях гор.

Борисов Минской губ., вероятно, *Смулиговица* сел. в Карпатах на Украине, польск. *Smoligów* сел. в окрестностях гор. Люблин [Vasm. RGN VIII 2, 378, 385, 386, 387, 391, 396]. Перечисленные и, не исключено, еще некоторые эквивалентные названия, «закамуфлировавшие» свое происхождение от личн. *Смолигъ*, сосредоточены на Псковщине, в Восточной Белоруссии, Северо-Западной Украине и на востоке Польши.

Хотъниковичи дер. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 859], известная позднее в составе Климентовского Тесовского пог. (Тесовской вол.) под вариантными названиями: *Хотенковичи* дер. над озером Тесовым 1568 г., *Хотыни* против села Тесова на р. Оредежи 1573–1578, 1584, 1620, 1646 гг., *Хотыня а Усадище тож* 1629 г., *Усадища Хотыни тож* 1669 г. [Селин 2003, 129, табл. 8, 135, табл. 9]. В более поздних источниках фигурирует только как дер. *Усадище*, сейчас относится к Волошовск. Луж. Исходная форма отсылает к др.-рус. личн. *Хотънъко*, деривату от *Хотънъ*, которое равно краткому причастию от др.-рус. *хотѣти*. Антропоним зафиксирован на штукатурке новгородской Софии в надписи 2-й пол. XI – 1-й пол. XII в. [Медынцева 1978, 102, надп. № 148], но проявлялся в Новгороде и позднее – даже в XVI в., см. материал из [Вес. Он., 342]. Имя было в ходу у разных групп славян; ср. др.-рус. и ст.-рус. *Хотънъ*, *Хотъна* (и новг. патронимическое *Хотенков* в наименовании своземца в Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 832]), др.-польск. *Choteń* и *Chocian* [SSNO I, 335; Taszycki 1925, 45], др.-чеш. *Chotěn*, *Choteň* и вариант *Chotan* [Svoboda 1964, 157, 270], полаб.-помор. *Chotan* [Schlimpert 1978, 45], болг. *Хотен* [Займ. БИ, 233]. О длительной популярности данного антропонима, особенно на востоке славянства, свидетельствует богатая топонимия. Ср. ряд новгородских ойконимов писцовых книг: **Хотеницы** сельцо Шел. пят., дер. **Хотъново**, **Хотъново**, поч. **Хотъники** [НПК III, 233, 470; V, 403, 457, 974; VI, 140], дополняемые большим количеством поздних топосоответствий, известных по материалам XIX–XX вв.: *Хотеново*, *Хотеничи*, *Хотенчицы*, *Хотенка*, *Хотень* и др.; они относятся, помимо территории бывших пятин Великого Новгорода, к Белоруссии, Северной Украине, западнорусским областям, отчасти к Русскому Северу (Каргополье), к Ярославской, Владимирской, Костромской губ. [Vasm. RGN IX 3, 529]. Отметим еще *Chotěnice* (дважды) и *Chotěnov* (дважды) в Чехии [Prof. MJ II, 38–39].

Котовицы дер. Подберезск. Новг. на левом берегу Волхова, в нач. XX в. числилась двумя отдельными пунктами: *Котовицы 1-я половина*, *Котовицы 2-я половина* Подберезской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 50–51]. Упоминается с 1500 г. писцовой книгой Вод. пят. под названием *Хотовичи* [НПК III, 487, 488, 490, 491]. Пункт описывался в Ивановском Пе-

реездовском пог., а также в Пидебской вол., отмечался по различной документации под ойконимическими вариантами: *Хотовичи* (1500, 1540, 1582, 1646, 1669 гг.), *Катовичи* (1646 г.), *Котовичи* (1678, 1709 гг.), *Котовицы* (1678, 1718, 1748, 1788 гг.), см. [Селин 2003, 100, табл. 4, 232, табл. 21]. Судя по документальным свидетельствам, модификация раннего *Хотовичи* в современные *Котовицы* произошла в сер. XVII столетия. Исконная форма ойконима возводится к патрониму *Хотовичь* от др.-рус. личн. *Хотьъ*. В средневековом Новгороде, как, впрочем, и в остальной Руси (см. материалы [Туп. СДЛСИ, 473; Демчук 1988, 84]), это имя было очень популярным среди знати, достаточно указать ряд новгородских летописных персонажей: *Хотовичи* «съ Кузмодемьяницы», которые в 1418 г. «совершиша церковь каменну свягата Саввы» [НЛ, 261], *Хот* Григорьевич – новгородский наместник под 1215 г., боярин *Хот* Станимирович под 1228 г., посадник Яков *Хотов* сер. XIV в., боярин Феодор *Хотович* под 1271 г. [НПЛ, 54, 67, 79, 360–362]. У западных славян были в ходу др.-польск., др.-чеш. *Chot*, *Chotko*, нижн.-луж. *Chót*, *Chótko* [SSNO I, 335; Schlimpert 1978, 34], у болгар *Хото* до XII в. [Займ. БИ, 233], др.-серб. *Хотко* [Грк. РЛИКС, 203]. Среди новгородской ойконимии см. еще *Хотово* дер. Трясовской вол. Новг. у. недалеко от Новгорода [СНМНГ I, 94–95] + дер. Новоладожского у. Петерб. губ., она же – *Хутово* [СНМРИ 37, № 2827]; вне Новгородской земли: *Хотово* дер. на р. Понарья Богородского у. Московской губ., *Хотов* сел. под Киевом и *Хотова* близ Минска, *Хотовка* и *Хотовица* сел. у гор. Кременец Вольнской губ., *Хотовка* ус. на р. Усса под Минском [Vasm. RGN IX 3, 532]. Ф.Нецкуля [Nieckula 1971, 45] дает польские ойконимы *Chotowa*, *Chotowo*, дважды *Chotów*, А.Профоус [Prof. MJ II, 45] указывает геогр. *Chotovice* в Чехии (дважды). С меньшим вероятием новг. геогр. *Хотовичи* можно считать йотовым производным от композитного личн. *Хотовитъ*, ср. отражение максимально близкого имени *Хотьвитъ* в Духовной грамоте Климента 2-й пол. XIII в.: «У *Хотьвита* взяти Климяте гривна солоныхъ кунъ» [ГВНП, 163, гр.105].

Любопытно, что фонетическая модификация начального элемента *Хот-* / *Хоч-* > *Ком-* / *Коч-* наблюдается не только на примере новг. геогр. *Хотовичи* > *Котовичи* (*Котовицы*), но и в целом ряде других топонимических архаизмов. Это явление регулярно обнаруживается на разных славянских территориях. Среди рассмотренных выше (см. гл. 1) укажем новг. *Хотоци* дер., идентифицируемая с совр. дер. *Котоши* Лосицк. Пл., *Усть-Хотина* дер. в Турском пог., позднее записанная как *Ускотина*, дер. *Хотережа*, ставшая позднее пуст. *Котережа* в вол. Стерж. Добавим к ним *Хочиота* дер. Холмского пог. 1539/40 г. [ПКНЗ 4, 315] (к личн. *Хочиота*,

ср. Максим *Хоцута* в Вильне, XV в. [Туп. СДЛСИ, 476]), = совр. дер. *Кочута* в Торопецком р-не Твер. обл., *Хочовицы / Кочевыцы* дер. в средневековой Торопецкой земле (последнее по [Янин 1998, 195, № 141]), равно как отмеченные исследователями в польских говорах варианты геогр. *Chotiebadz / Kocobędz* в Тешинском повете [Rospond 1983, 54], *Chotów / Kotów* в окрестностях Сандомира [Nieckula 1971, 45] и там же *Chocimów / Kocimów* и *Chotków / Kotkuf* [Kamińska 1964, 43–44], *Hotunja / Kotunja* р. в Словении, *Котогосць* р. в Рязанском Поочье, безусловно, продолжающее др.-рус. форму *Хотогосць* [Чумакова 1992, 60–61].

Мысловици дер. Ивантеевск. Валд., ранее Ивантеевской вол. Валд. у. на рч. *Мысловке* [СНМНГ V, 44–45], по НПК не обнаружено. В основе этого патронимического названия реконструируется др.-рус. личн. *Мысль*; такое имя проявилось в новг. бер. гр. № 136 (XIV в.), см. фрагмент: «Се доконьцяху *Мысловъ дѣтѣ*» – ‘Вот договорились *Мысловы* дети’ [Зализняк 2004, 594]; ср. еще зафиксированное ранее личн. *Мыслок*, сын новгородского помещика [Туп. СДЛСИ, 318; Вес. Он., 209], равное чеш. *Myslok, Myslek* [Miklosich 1927, 80–81]. Личн. *Mysl, Mysl* знают древние зап.-слав. источники: др.-польск., др.-чеш., др.-луж., альпослав., см. [SSNO III, 589; Svoboda 1964, 283; Schlimpert 1978, 91–92; Kronsteiner 1981, 208], отчасти южн.-слав., см. болг. *Мысло, Мыслью* [Илчев 1969, 337–338]. К данному антропониму возводятся еще ойконим **Мыслово** дер. на Волкове Новоладожского у. Петерб. губ. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37, № 3007] и гидроним **Мыслово** оз., 113 га, Мош. [Истомина, Яковлев 1989, 115]. Вненогородские топонимические параллели уходят в сторону Белоруссии и Украины: геогр. *Мыслово* сел. Слонимского у. Гродненской губ., *Мыслова* сел. Староконстантиновского у. Вольнской губ. + дер. на р. Збруч близ пункта Скалат в Галиции, *Мыслов Рог* возле Бобруйска Минской губ., *Mysłów* сел. на р. Луква возле гор. Калуш в Галиции. Вариантом к др.-слав. личн. *Мысль* выступало личн. *Мысль*, коль скоро оно имеет топонимические проявления примерно в том же ареале: новг. геогр. **Мыслино** дер. Новоладожского у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 3086] (сейчас – дер. Усадищенск. Волх.), *Мыслина* сел. под Ковелем и *Мыслин* колония под Луцком Вольнской губ., *Мыслевици* сел. и ус. рядом с Вилейкой Виленской губ., *Мыслевицина* дер. на р. Любня на Смоленщине и в Климовичском у. на Могилевщине, *Мышлино* дер. Бежецкого у. Твер. губ.; материал по [Vasm. RGN VI 1, 27, 28]. К этому западному вост.-слав. ареалу примыкают польские геогр. *Mysłów, Myszków* сел. [Nieckula 1971, 137].

Из новгородских географических названий на *-ичи/-ицы*, связанных с апотропеическими, негативно-охранными личными именами укажем

лишь геогр. *Негодицы* дер. Большехрапск. Дед. (ранее – в Порх. у. [СНМРИ 34, № 10692]) + дер. Чирковицк. Волос., локализуемая недалеко от Петергофа Лен. обл. По-видимому, первый из этих пунктов отмечен писцовою книгой Шел. пят. 1-й пол. XVI в. в Никольском пог. на Верхней Шелони [НПК V, 366]. Ойконим возводится к др.-рус. личн. **Негодъ*,-а; ср. укр. фамилию *Негода* [Унбегаун, 226], геогр. *Негодин* сел. Черниговской и Вятской губ. [Vasm. RGN VI 1, 115] и близкое личн. *Неугодъ* 1565 г. [Туп. СДЛСИ, 324].

Названия с основами деапеллятивных личных имен и апеллятивов с личным значением

Такие образования составляют значительный пласт ойконимии на *-ичи/-ицы*, но в аспекте хронологии они не слишком показательны, поскольку многие личные имена, равные апеллятивам и этнонимам, сохраняли употребительность на протяжении всего средневековья. Проанализируем лишь некоторые из таких названий.

Ляховичи дер. на правом берегу Ловати Ляховичск. Ст. Ранее на месте современной деревни и рядом с ней значились три пункта Черенчицкой вол. Ст. у.: село *Ляховичи* и смежные одноименные погост и усадьба [СНМНГ III, 114–115]. Пог. *Ляховичи* очень рано фиксируется письменностью, конкретно – грамотой великого князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю, датированной 1134 г. Грамота начинается словами: «Се азъ князь великий Всеволодъ далъ есмь святому Георгию Терпужьскый погостъ *Ляховичи* съ землею, и съ людьми, и съ коньми, и лѣсъ, и борти, и ловища на Ловати...» (далее следует описание границ пожалованной волости) [ГВНП, 139–140, гр. 80]¹. Около 1495 г. дер. *Ляховичи* указана переписной оброчной книгой Дер. пят. в составе волости Юрьева монастыря в Курском присуде в Черенчицком погосте [НПК II, 618]. Для эпохи конца XVIII столетия материалы межевания по Старорусскому уезду фиксируют два близлежащих одноименных пункта: село *Ляховичи* на месте совр. дер. *Ляховичи* и дер.

¹ Отнесение документа к 1134 г. обосновано В.Л.Яниным [Янин 1977, 77] (ГВНП предлагает более широкую датировку – с 1125 по 1137 гг.). По поводу границ средневековой волости и идентификации многочисленных топонимов, перечисленных грамотой, развернулась широкая дискуссия среди историков и археологов, судя по работам последних десятилетий, посвященных грамоте на Терпужский погост *Ляховичи*: [Янин 1978; Янин 1981, 231–239; Носов 1993; Свердлов 1993; Фролов 2003].

Малые Ляховичи, носившую второе название *Кулаково*; это позволило отождествить *Малые Ляховичи* с совр. дер. *Кулаково*, расположенной ниже по течению Ловати [Фролов 2003, 58–59]. Кроме того, обосновывалось мнение (Там же), что древнейшее село *Ляховичи*, указанное грамотой XII в. и писцовой книгой XV в., находилось на месте совр. дер. *Кулаково*, а не в совр. Ляховичах (данные пункты отстоят друг от друга на 10 км). Вопрос помогут прояснить дальнейшие историко-археологические поиски. Пока же на территории Ляховичей не удалось обнаружить ярко выраженных слоев древнерусского времени [Носов 1993, 35], что способствует гипотезе о перенесенности на современную деревню ойконима *Ляховичи* с другого, близлежащего пункта. В XIX в. имели хождение два варианта ойконима: *Ляховичи* и *Ляховицы*, ср. по источнику 1849 г.: село «*Леховицы*» и там же – в селе «*Ляховичах*» [ВСОРИ, 4, 40]. Эти варианты среди местного населения употребительны и сейчас: *Ляховичи* с ударным последним слогом и *Ляховицы* – с ударным предпоследним слогом [Личн. зап., 2003 г.].

Название *Ляховичи* связано еще с несколькими сопредельными селениями, которые локализируются у южных рубежей Новгородской земли. К югу, юго-востоку от *Ляховичей* на Ловати в конце XV–XVI вв. значилось несколько близлежащих пунктов, которые причислялись к вол. Велелия на Верхней Поле: дер. *Ляховичи* (*Леховичи*) и дер. *В Ясну Ляховичи* среди селений Ляховицкого десятка, рядом дер. *Ляховицы* в Порецком десятке [НПК II, 758, 767; ПКНЗ 4, 337], документация 1561 гг. отмечает в вол. Велелия дер. и местность *Леховичи* [ПКНЗ 5, 365, 367, 372, 373, 374]. К северо-западу от северного (Полновского) плеса оз. Селигер значится геогр. *Ляховичи*, прикрепленное к дер. Ильиногорск. Дем., а ранее Полновской вол. Дем. у. [СНМНГ II, 62–63]. Новгородские ойконимы как бы примыкают к белорусскому ареалу, где фиксируются шесть пунктов *Ляховичи*, см. [Жучкевич 1974; Рогалев 1987, 33], однако по спискам селений XIX в. таких пунктов в Белоруссии значительно больше: они рассредоточены, в частности, по окрестностям таких городов и крупных селений, как Мядель, Кобрин, Волковыск, Минск, Мозырь, Житковичи, Новогрудок, Пинск, Слуцк, Мстиславль, Сенно, а также в Литве на пограничье с Белоруссией близ гор. Свенчаны, Трокай, наконец несколько селений лежат в примыкающей с юго-запада Галиции, см. материалы [Vasm. RGN V 2, 313–314]. Ойконимы *Ляховичи* не были обойдены вниманием исследователей; одни предполагали деэтнонимное, другие – деантропонимное происхождение. Так, относительно новгородского погоста *Ляховичи* на Ловати историк И. Я. Фроянов писал, что его наименование «очевидно, происходит от слова «ляхи», т. е. «по-

ляки». Видимо, население погоста состояло из пленников, вывезенных из Польши» [Фроянов 1974, 80]. А.Ф.Рогалев [Рогалев 1987, 33] пытался обосновать этнонимическую трактовку белорусских *Ляховичи* обязательным наличием *-ов-* (отсутствуют названия типа *Ляхичи*), что, по его мнению, подразумевает этноним *лях*. Автор известного словаря топонимов Белоруссии тоже склоняется к этнонимической версии [Жучкевич 1974]. С другой стороны, историк Е.Н.Носов склонен возводить геогр. *Ляховичи* на Ловати к личному имени [Носов 1993, 37].

При омонимии др.-рус. *ляхъ* 'поляк' и личн. *Ляхъ*, обладающих общими морфологическими чертами, выбор в пользу изначального этнонима или антропонима со стопроцентной уверенностью сделать затруднительно. Формант *-ов-* был обычен в составе патронимов от личных имен, но он сочетался и с этнонимом *ляхъ*, будучи континуантом флексии **-й-*склонения; ср. др.-рус. *ляхове* мн. ч. («*Ляхове* же и Пруси и Чюдь приседять к морю Варяжьскому» [ПСРЛ, I, 1962, 4]) и в русском фольклоре: *Лёховинская земля* – наименование Польши, *ляховинский, ляховицкий, ляховецкий* 'польский' [СРНГ 17, 285; Фасм. ЭСРЯ 2, 553]. Впрочем, в русском языке стабилизировалась форма без *-ов-*: *ляшский* (не *ляховский*), *лехитский*. Более показателен в случае с геогр. *Ляховичи* формант *-ичи*: он здесь скорее подразумевает индивидуально-посессивную (родовую), нежели обобщенно-этнонимическую характеристику основы *лях-*. Иными словами, структура ойконима склоняет к расшифровке геогр. *Ляховичи* как 'поселение рода Ляха', а не 'поселения ляхов-поляков'. Деэтнонимные наименования относятся как правило к иным словообразовательным моделям (в частности, для основы *лях-* ожидалось бы, скажем, геогр. *Ляхи, Ляшко* с относительным суф. *-ск-*). Личное имя *Ляхъ* (вариант *Ляшко*) было очень популярным в древнерусский и старорусский периоды [Туп. СДЛСИ, 294; Вес. Он., 190], в том числе в Северной Руси: оно содержится, к примеру, в новг. бер. гр. № 615 XIII в. [Зализняк 2004, 498] и отражено многими деантропонимными названиями новгородских земель: *Ляхова* тона в Заволочье [ГВНП, 244, гр. 221], пожня на «*Ляхове*» под Новгородом [ПКНЗ, I, 331], геогр. *Ляхово, Ляшково* – пункты Вод., Дер., Шел. пят. [НПК III, 150, 358; II, 208; IV, 406]. В целом ойконимы *Ляхов, Ляхово, Ляховка, Ляховщина* обильно рассеяны по огромной территории бывшей Российской империи вплоть до Урала (с отчетливым тяготением, конечно, к западным губерниям) [Vasm. RGN V 2, 313–315, 316], многие из них, надо полагать, относительно позднего образования.

Говоря о деантропонимном (патронимическом) происхождении геогр. *Ляховичи*, нельзя забывать о том, что отдельные названия с осно-

вой *лях*- сохраняют некоторую связь, хотя бы отдаленную, опосредованную, с этническим обозначением. Название *Ляховичи* само по себе, возможно, не является этническим маркером, но личн. *Ляхъ* идет от этнонима *ляхъ* и, по-видимому, не теряло семантической соотносительности с производящим этнонимом, к примеру, оно могло функционировать (хотя бы на первых порах) как прозвище выходца из Польши либо даже из Великого Княжества Литовского. В связи с этим показательно, что многие ойконимы с основой *лях*- сосредоточены на территории Белоруссии, которая граничит с Польшей. Большинство белорусских ойконимов, можно полагать, тоже имеют основой личн. *Ляхъ*, но общая повышенная функциональность этого имени здесь не случайна, а является отзвуком пограничного польского влияния. Подобным образом – как посессивно-патронимическое название, сохраняющее, тем не менее, некоторую мотивационную связь с изначальным этнонимом, должно трактоваться геогр. *Жидовичи Большие* дер. Селеевск. Под. на правом берегу Ловати в 30–35 км выше *Ляховичей*, ранее – дер. Губинской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 38–39], = дер. *Жидовичи* Курского пог. Дер. пят. [НПК II, 595; ПКНЗ 4, 298]. Буквальная смысловая трактовка данной топонимической формы – ‘поселение рода Жида; владение Жида’ – не способен прояснить статус основы *жид*-, обусловившей ойконим: она отражает либо прозвище с экспрессивными коннотациями, отсылающими к базовому этнониму – др.-рус. *жидь* ‘еврей’, либо собственно этноним, раскрывающий этническую принадлежность первопоселенца, но воспринятый и топонимически закрепленный по модели личных имен. Как бы то ни было, содержательная связь с этнонимом, исконная либо вторичная, привнесенная, находит порой при подобных ойконимах эксплицитное выражение. В частности, геогр. *Жидовичи* (вар. *Жидовичицы*) дер. в басс. Шелони к югу от Порхова, = *Жидовочи (Жидовичи)* дер. Ясенского пог. Шел. пят. 1498 и 1539 гг. [НПК IV, 156, 456], стоит в ближайшем соседстве с дер. *Евановичи*: пространственная корреляция этих названий свидетельствует об актуальности этнических коннотаций исходных именных компонентов, манифестировавших противопоставление *Жида* (еврея) и *Ивана* (русского).

Морконници (Марконници) пог. Пожарской вол. Кр. у. при впадении р. Мды во Мсту [СНМНГ IV, 82–83], сегодня – урочище неподалеку от дер. Замостье, Гарь, Шемякино Мал. р-на Новг. обл. Пункт обозначен на картах XIX в. («Столистая карта», Карта Шуберта, 3-верстка) как пог. *Морконницкий (Морконецкой)* на правом берегу Мсты и Мды, а по спискам селений 1-й пол. XIX в. значится как село *Морконници* [Неволин 1853, 159]. Отождествляется со средневековым Никольским пог. в *Морткини-*

чах, впервые указанном платежной книгой Беж. пят. 1499 г. [ПКНЗ 1, 232, 233]. Следующие упоминания пог. в *Моркиничах* содержатся в сметном списке Обон. пят. 1573/74 г. [ПКНЗ 2, 156] и в писцовой книге Обон. пят. Нагорной половины 1582–1583 гг. [Неволин 1853, 139 прил.].

Название *Морткиничи* возникло на базе патронима *Мортъкиничь*. Ср. отчество новгородца в летописном фрагменте: «...взяль еси Олексинъ дворъ *Морткинича*» под 1270 г. [НПЛ, 88, 319], а также имена лиц: Харламень *Мортка* по источнику 1397–1427 гг. [АСЭИ II 8, 223, 144], князь Федор Иванович *Мортка* Ярославский и его потомки *Морткины* сер. XV в. [Вес. Он., 204]. Прямые фиксации имени и производных от него патронимов дополняются топонимическими отражениями. На новгородской территории, помимо геогр. *Морткиничи*, есть геогр. *Морткино* дер. в Лосском пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV, 239], отождествляемая с совр. *Мароткино* дер. Нивской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 92–93]; *Мороткино* дер. Шереховичской вол. Бор. у. [СНМНГ VI, 136–137]; *Морткино* пожня и рядом с ней дер. *Мородкино* (!) в Дмитриевском Городенском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 237, 242]; по более поздним источникам последний пункт обозначен как село *Мороткино* 1582 г., сельцо *Мроткино* 1612 г., сельцо *Мродкино* на рч. Удрайке 1646 г., дер. *Мроткино* 1678, 1709, 1718, 1748 гг., затем село *Большое Мроткино* с сельцом *Малое Мроткино* 1791 г. [Селин 2003, 161, табл. 13], наконец пог. *Мроткино* на р. Удрайке 1864 г. [СНМРИ 37, № 1995]. На примыкающих к Новгородской земле территориях необходимо отметить геогр. *Мордкино* дер. Весегонского у. Твер. губ. [СНМРИ 43, № 2415] и вологодское геогр. *Морткино* дер. в Кадниковском у. [Vasm. RGN V 3, 681]. Личн. *Мортка* / *Мордка* трактовалось как усеченно-суффиксальный вариант полных христианских имен *Мартемьянь* (< *Мартинианъ*), *Мартинъ*, *Мартирий*, *Мардарий* [Толкачев 1975, 122; Суп. СРЛИ. 242]. Настораживают, однако, некоторые детали: употребление *Мортка* / *Мордка* во второй позиции после календарного имени (см. *Харламень Мордка*), что характерно скорее для прозвища, устойчивость суффикса *-ка* (личн. *Мордко* письменностью не фиксируется), наконец рефлекс второго полногласия в антропонимической базе геогр. *Мородкино*, *Мороткино*, – все это определенно говорит о прозвищном имени, равном апеллятиву *мордка* (из раннего *мърдька*) – обозначению мелкой древнерусской денежной единицы (факты употребления личн. *Мортка* вместо *Мордка* объяснимы оглушением после утраты редуцированной). Правильнее, думается, все-таки сказать, что здесь апеллятивные (от *мърдька*) и собственно «личноименные» (от *Мардарий*, *Мар-*

темьянь и т. п.) истоки нашли и дополнили друг друга в единой антропонимической форме.

Довольно прихотливая модификация *Морткиничи* в *Морконницы*, помимо фонетически объяснимых моментов, содержит явные признаки ремотивации (второе *о* вместо *и*, двойное *ни*) благодаря притяжению к созвучным лексемам¹.

Светицы (*Большие*, *Малые* и *Средние*) – близлежащие дер. Боровщинск. Люб., расположенные на противоположных берегах р. Мсты неподалеку от пос. Любытино, р. ц. Новг. обл. Ранее относились к Бор. у., причем одна из деревень – *Светицы Большие* на левом берегу Мсты – входила в Степанковскую вол., вторая – *Светицы Малые* на правом берегу Мсты – находилась в Любытинской вол. [СНМНГ VI, 62–63, 114–115]. *Светицы Средние*, появившиеся совсем недавно, источник нач. XX в. не указывает. Источник 1855 г. [Судох. дор., 121] отмечает дер. *Большие Светлицы* и *Малые Светлицы*. Материалы Ген. меж. 1780–1785 гг. под № 1470 знают дер. *Большие Светичи* «р. Мсты на левом берегу» [Карт. Гарн.]. В конце XV – нач. XVI вв. рассматриваемые пункты принадлежали к пог. Богородицкому на Белой (Бельскому). На левом берегу Мсты в Дер. пят. значились в то время дер. *Светичи* и оз. *Светычское* (по другим источникам, – *Свѣтычи* сельцо и оз.), входившие в «волость великого князя дворцовая *Светичи* в Белском погосте», согласно писцовой документации 1490-х, 1540-х и 1550-х гг. [ПКНЗ 1, 77, 79; НПК II, 415, 419; ПКНЗ 4, 451, 452, 455; ПКНЗ 5, 29, 71, 73, 74]. Современные правобережные *Светицы Малые* соотносятся со средневековой дер. *Светычи* (*Свѣтычи*), бывшей в Беж. пят. и известной, в частности, из документации 1539 и 1564 гг. [ПКНЗ 3, 12; НПК VI, 861]. С дер. *Светычи* связаны фамилии крупных вотчинников и своеземцев: *Светычские* Иван, Семен, Василий Долгой, см. [ПКНЗ 1, 230, 232; 3, 12].

Геогр. *Свѣтычи* подразумевает скорее всего родовое гнездо неких **Свѣтычей*, потомков лица, которого звали *Свѣть*. Последнее – либо равное апеллятиву древнерусское прозвищное имя, близкое к др.-рус. и ст.-рус. *Свѣтило*, *Свѣтлой*, *Свѣтлый*, *Свѣтлик*, *Свѣтик* [Туп. СДЛСИ,

¹ О возможности переосмысления свидетельствует топонимическая легенда, бытовавшая среди окрестного населения в XIX–XX столетиях. По легенде, на погосте когда-то давно останавливалось вражеское войско, направлявшееся к Новгороду. Враги оставили своих коней на ночь в храме, превратив святое место в конюшню, и господь свершил свою кару: на конницу неприятеля напала неизвестная болезнь, и лошади стали падать одна за другой. «Мор конницы», по убеждению местных жителей, стал причиной появления названия *Морконницы* [Сто новг. сел 1990, 75–76].

407; Вес. Он., 281; Wójtowicz 1986, 90], др.-чеш. *Světl(ik)*, др.-луж. *Světlik* [Schlimpert 1978, 138–139], серб. *Светко, Света, Светић* [Грк. РЛИКС, 177] и т. п., либо усеченное из антропонимических композитов типа чеш. *Světibor, Světislav*, польск. *Świecislaw*, серб. *Светозар* и т. п. Преобразование *Свѣтичи* > *Светицы* объяснимо новгородским цоканьем, отверждение слога *ти* > *ты* (*Свѣтычи*) спорадически возможно; см. подр. об этом в связи с *Хутино / Хутынъ*. Из параллельной ойконимии ср. *Светици* дер. Мещовского у. Калужской губ., *Свитици* сел. в окрестностях Бреста Гродненской губ. [Vasm. RGN VIII 1, 123, 137].

Торковичи пос. Торковичск. Луж. Следует идентифицировать со средневековой дер. *Турковичи* над оз. Онтовым Никольского Будковского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 352], по более поздним документам – *Турковичи* 1539, 1540, 1568 гг., см. [Селин 2003, 202, табл. 18]. Нашло отражение личн. *Турько*, соотносимое с др.-рус. *турь* ‘бык, тур, зубр’. Личное имя, равное обозначению *тура* – мощного, сильного животного (ср. в этой связи эпитет *буй турь* применительно к князю Всеволоду в «Слове о полку Игореве»), было в древнерусский и старорусский периоды очень популярным. В словаре Тупикова [Туп. СДЛСИ, 461–462, 848] указаны ст.-рус. личн. *Тур*, отчества *Туров*, *Турков*, по [Вес. Он., 326–327], известные персонажи: *Турко*, Василий *Тур* – новгородские крестьяне 1495 и 1545 гг., Григорий Васильевич *Тур* Левашев нач. XVI в., *Турик* Федор Дмитриевич Всеволож боярин нач. XV в. и др. Ср. новг. геогр. *Тургошь* (см.), где даны западно- и восточнославянские антропонимические соответствия. Новг. ойкониму *Турковичи* параллельны геогр. *Турковичи* сел. близ гор. Дубно на Волыни, *Turkowiec* в Восточной Польше [Vasm. RGN IX 1, 221], *Turkoviće* сел. дважды в Чехии [Prof. MJ IV, 400], сербохорв. *Turkovići* [Imenik mesta 1956, 439], болг. *Турковци* [Заимов 1967, 261], близки новг. геогр. **Туровичи** дер. Ильинского пог. в Любытинах Беж. пят., **Туровицы** в Беж. пят. [НПК VI, 6, 872, 909], **Турицы** дер. Косицкого пог. Шел. пят. [НПК V, 350]. Разнообразные географические названия от прасл. корня **tur-* (*Турово, Турково, Туровицина, Туриков* и под.) рассеяны не только по новгородской территории, но и по остальной Славии, судя хотя бы по материалам [Miklosich 1927, 182; Vasm. RGN IX 1, 221–225]. Не все из них являются деантропонимными, многие, особенно оронимы и гидронимы, имеют собственно аппеллятивную, топографическую «подоплеку», об этом см. [Шульгач 1998, 301].

Ожевичи средневековая дер. в дельте р. Мсты, известная по отписным и оброчным книгам пригородных пожен Новгородского дворца 1535/36 – 1539/40 гг.: «Юрьева монастыря пожня Остров *Ожевичицкой* у деревни у монастырской у *Ожевичь*»; «Пожня Плоская, словет Великия,

против *Ожевичи*» [ПКНЗ 1, 317, 363]; она же обозначена как дер. *Ежевичи* на Русской реке Холынского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 444]. Ойконим базируется на др.-рус. личном имени-прозвище **Ожь* из омонимичного др.-рус. обозначения ежа, см. [СлРЯ XI–XVII 12, 296]. В словаре [Туп. СДЛСИ, 144] даны суффиксальные дериваты данного антропонима с протетической *в*: личн. *Вожикъ* по акту Юго-Западной Руси 1399 г., *Вожко* – имя крестьянина в Турском пог. Шел. пят. 1498 г. Более привычно данное прозвище в огласовке *е*, отсюда распространенная совр. фамилия *Ежов*. Имеются новгородские топонимические эквиваленты: геогр. *Ожево* ур. в Быстреевском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 478], известное впоследствии как дер. *Ожево* Гд. у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 1053], *Ожевское* (*Ажевское*) дер. Кемецкой вол. Валд. у. [СНМНГ V, 52–53]. Прочие топосоответствия уходят в Белоруссию и западнорусские области, ср. параллельное новг. *Ожевичи* геогр. *Ożewize* ус. в Слуцком у. Минской губ. (пожалуй, идентичное с *Гожевичи* в том же уезде), дополняемое геогр. *Ожевица* дер. Великолуцкого у. Пск. губ., *Ожево* дер. в окрестностях Бобруйска и Борисова Минской губ., *Ажово* дер. Дмитровского у. Орловской губ. [Vasm. RGN VI 2, 361]. Ср. также новг. геогр. *Ожеедово* (см.).

Морозовичи (*Старые* и *Новые*) – смежные дер. Дворищенск. Мал. на правом берегу Мсты напротив впадения р. Холовы. Ранее в этой местности значились отдельными пунктами *Морозовичи* – село, пог. и пос. Карпиногорской вол., а также ус. *Морозовичи* и дер. *Новые Морозовичи* Устьволенской вол. Кр. у. [СНМНГ IV, 42–43, 106–107]. Писцовая документация XVI в. фиксирует здесь село *Морозовичи на Усть-Холовы* и *Морозовичский (Морозовский)* пог. в Обон. и Дер. пят. [НПК II, 149, 425–428; ПКНЗ 2, 147, 149; 4, 5, 29, 67, 363, 447, 455, 456; 5, 84–85]. Базой ойконима, появление которого, надо полагать, относится к достаточно раннему времени обустройства погостов на Мсте, является личн. *Морозъ*: этот деапеллятивный антропоним был популярен на протяжении всего средневековья на славянском востоке и западе (зап.-слав. параллели даны в [Schlimpert 1978, 91]), образовав многочисленную ойконимию, особенно на восточнославянских землях. Межтерриториальные параллели к новг. *Морозовичи*, впрочем, не относятся к числу частотных и группируются только в Белоруссии (недалеко от гор. Бреста, Минска, Новогрудка, Пинска, Гомеля), в украинской Галиции близ гор. Самбор и на Вольни под гор. Владимир-Вольнский [Vasm. RGN V 3, 677].

Геогр. **Бутовичи** дер. Турского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 62] содержит основу личн. *Буть*, которое хорошо знакомо по др.-рус. и ст.-рус. материалам [Вес. Он., 57; Туп. СДЛСИ, 129] (есть и фамилия *Бу-*

тов) и за пределами Руси: др.-польск. *But, Buta, Butny*, др.-чеш. *Bút, Búta*, серб. *Бута, Бутко* [SSNO I, 287; Svoboda 1964, 260; Miklosich 1927, 14; Мор. СИ., 30]. Данное имя соотносится с рус. диал. *бутеть, ботеть* ‘толстеть, жиреть, быстро расти’ [СРНГ 3, 310], укр. *бу́тими* ‘то же’, словен. *búta* ‘большоголовый человек’, польск. *buta* ‘гордыня’, указанными в [Фасм. ЭСРЯ I, 253]. На территории Шел. пят. значатся еще **Бутова Гора** дер. Жедрицкого пог. 1539 г., **Бутово** дер. Буряжского пог. 1498 г. [НПК IV, 27, 520]. Многочисленны рус., укр., блр. ойконимические соответствия: *Бутово, Бутов, Бутовка* и др. [Vasm. RGN I 3, 598–599]. Параллельные топонимы есть в Чехии: *Butovice, Butov, Butovsko* (к др.-чеш. личн. *Buto*, отмеченному под 1402 г.) [Prof. MJ I, 222]; в Польше имеются оз. *Butowo* и р. *Butowka* басс. Вислы [HW, 606, 605, 298]. По смыслу исходного антропонима названию *Бутовичи*, видимо, соответствует новг. геогр. **Туковичи** дер. Моисеевской вол. Дем. у. на Верхней Поле [СНМНГ II, 50–51] (= *Туковичи* дер., центр средневекового *Туковского* десятка вол. Морева [НПК II, 710; ПКНЗ 5, 383, 396]): к личн. *Тукъ* – прозвищу тучного человека, равному апеллятиву со значением ‘жир’. В десятне Московского у. 1578–1586 гг. обнаружено личн. *Туко* (по [Бондалетов 1983, 108], у западных славян имеются др.-польск. личн. *Tuk*, чеш. *Tuček* [SSNO V, 487; Svoboda 1964, 306]. Геогр. *Туково* есть в районе Вельегонска Твер. губ. и Юрьева Владимирской губ. [Vasm. RGN IX 5, 207].

Холоковичи дер. Городенского пог. Шел. пят. 1-й пол. XVI в. [НПК V, 342]. Восходит к личному имени прозвищного характера **Холокъ*, равному краткому адъективу: др.-рус. *холокъ* ‘холостой, неженатый’. К этимологии см. [Фасм. ЭСРЯ IV, 256]. Бесспорных межтерриториальных соответствий не найдено.

Литовичи дер. Дубровенск. Порх. у. близ рч. Степеринки, значится также в [СНМРИ 34, № 11138]. Название, очевидно, отождествляется с дер. *Литовичи* Опоцкого пог. Шел. пят. 1576 г. или с *Литовича* дер. 1576 г., указанной в этом же погосте (к северу от Порхова); ранее, в 1498 г., в Опоцком пог. описывалась на месте этих пунктов дер. *Литовици*, см. [НПК IV, 174; V, 687, 691]. Среди параллельной ойконимии – геогр. *Литовичи* и *Литовичи-Корытное* сел. и ус. на р. Волька в окрестностях Слуцка Минской губ. [Vasm. RGN V 2, 299], геогр. *Litovice* в Чехии [Prof. MJ II, 642]. Названия соотносятся с личн. *Лють, Лютой*, которые равны адъективу, краткому или полному: рус. *лют, лютый*. Дохристианское личн. *Лють* содержит новг. бер. гр. № 234 сер. 30–70-х гг. XII в. [Зализняк 2004, 340]. На Руси имя отмечено с X в. [Туп. СДЛСИ, 293], оно активно использовалось у западных и южных славян, судя по

[SSNO III, 300–301; Мор. СИ, 112; Заим. БИ, 144] и другим источникам. Вместе с тем старописьменное новг. геогр. *Литовича* не исключает возможности йотово-посессивного образования на базе личн. **Лютовитъ*. К обоснованию этого антропонимического композита ср., с одной стороны, польск. личн. *Lutobor, Lutognew, Lutomir*, чеш. *L'utbor, L'utobor, L'utohost, L'utslav* и др. (особенным сходством выделяется в данном случае др.-слав. *Лютовидъ* [Мор. СИ, 116]), с другой стороны, есть др.-новг. имена *Добровитъ, Нѣговитъ, Жировитъ*, известные из берестяных грамот № 526, 761, 246, Ст. Р. 19, чеш. личн. *Hostivít* и др.

Помимо новг. *Литовича, Литовичи*, на восточнославянской территории известен еще целый ряд географических названий-композитов на *Лито-*: *Литогоща, Литогощь* – реки в Среднем (Рязанском) Поочье [Чумакова 1992, 59–60], *Литогоща, Литовеж* – села в Волынской обл. Украины [Шульгач 1988, 60], *Литовиж* дер. у Псковского оз. Перечисленные названия выступают в качестве топонимических отражений прасл. личн. **L'utogostъ, *L'utovidъ*, но фиксируются с устойчивым преобразованием начального слога **l'u-* > *ли-*, что закономерно для древнечешского языка, ср. чешские топонимы только в виде *Litohoř, Litohošť, Litomyšl'* и др. [Rospond 1983, 90]. В принципе можно допустить, что такое преобразование случилось еще на дотопонимическом уровне, т. е. в основу новг. *Литовича*, как и *Литогоща, Литовиж* в Поочье, на Украине и на Псковщине легли антропонимы, уже маркированные этой зап.-слав. фонетической чертой.

Воиновичи дер. в Курском пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК II, 598]. К др.-рус. личн. *Воинъ*. Персонажи с таким именем, которое родственно др.-рус. *вои* ‘воин’, рус. *воин*, хорошо известны, один из них *Воинъ* – полоцкий князь, брат литовского князя Гедимина [НПЛ, 98, 341, 355, 458]. Имя встречалось на Руси часто, нередко и после XV в. [Туп. СДЛСИ, 145], в эпоху формирования фамилий (ср. современные новг. фамилии *Войнов, Воинов*), его издревле хорошо знают западные и южные славяне: др.-польск. *Wojen, Wojko, Wojnow, Wojnicz*, др.-чеш. *Vojín, Vojen*, хорв. *Voinj*, болг. *Воин* с IX в., серб, *Војин, Војко, Војица*, см. [SSNO VI, 175; Taszycki 1925, 55; Svoboda 1964, 158, 309; Заим. БИ, 54; Грк. РЛИКС, 56–57] и др. С этим именем связано происхождение известных др.-рус. ойконимов: *Воинъ* гор. в Переяславско-Русской земле (первое свидетельство – в 1054 г.) [Нерознак 1983, 42–43], *Воинъ (Воин, Воинов)* городок в Рязанской земле 2-й пол. XIV в. [Чумакова 1992, 67–68]. Топонимические соответствия (*Воиново, Войново, Войновка, Войновицина* и др.) многочисленны, рассеяны на обширных пространствах России, Украины, Белоруссии, что связано с продолжительной, вплоть

до конца средневековья, популярностью антропонима. В то же время межтерриториальных параллелей к новг. геогр. *Воиновичи* не обнаруживается; укажем только геогр. *Войничы* дер. близ Ошмян Виленской губ. [Vasm. RGN II 1, 137, 138, 140].

Каликиничы дер. в Спасском Зарецком пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 740]. Очевидное патронимическое название с притяжательным *-ин-*, отсылающее к личн. *Калика*, которое соотносится с др.-рус. и рус. *калика* ‘паломник’, ‘нищий странник, поющий духовные стихи’. Зафиксировано в Новгороде как прозвищное имя, носители которого Григорий (после пострижения – Василий) *Калика*, священник Козмодемьянской церкви на Холопье ул., а с 1330 г. – владыка новгородский [НЛ, 28], Сидор *Калика* по бер. гр. № 917 XIV – 1-й пол. XV в. (грамота-ярлычок: «Сидоре *Калики*» [Зализняк 2004, 641]), *Агофон Калика*, новгородский крестьянин 1495 г. [Вес. Он., 132]. Межтерриториальные топонимические параллели к новг. *Каликиничы* отсутствуют, однако ойконимы-эквиваленты (*Каликино*, *Калики*, *Каликово*, *Каликовицина*) изобилуют на обширной русской территории вплоть до Урала; на этом русском ареальном фоне отчетливо заметно полное отсутствие таких названий в Белоруссии, на Украине и в примыкающих западнорусских областях, см. [Vasm. RGN III 3, 711].

Грузовичы дер. Коломенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 233]. Название связано с др.-новг. личн. *Грузь*. В частности, по летописям и средневековым актам хорошо известен знатный боярский род, из которого вышли новгородские посадники XV в. Афанасий Остафьевич *Груз* и его брат – Тимофей Остафьевич, по НПК известен также сын Афанасия *Груза* – Микита Афанасьевич *Грузов*. К Шел. пят. прикреплены еще несколько названий деревень на базе личн. *Грузь*: геогр. **Грузово** в пог. Никольском на Шелони 1-й пол. XVI в., **Грузовка** Карачуницкого пог. 1576 г., **Грузовица** в Ретенском пог. 1539 г. [НПК IV, 491; V, 373, 602], а в Вод. пят. была пуст. **Грузово**, а Замошье тож на оз. Тесовском 1586 г. [Селин 2003, 483]. Одна из отмеченных деревень – **Грузово** – сохранялась до XX в. в Виленской вол. Ст. у. в 20 верстах от Старой Руссы [СНМНГ III, 22–23]. Не исключено, что некоторые из перечисленных пунктов действительно имеют к древненовгородскому боярскому роду Грузовых непосредственное отношение. За пределами Новгородской земли, как показала проверка, ойконимия с топоосновой *Грузов-* отсутствует.

Шереховичы село на р. Белой, пр. пр. Мсты Шереховичск. Люб. , в нач. XX столетия обозначено деревней, которая вместе с одноименным погостом и усадьбой считалась центром Шереховской вол. Бор. у. [СНМНГ VI, 138–139]. Списки селений 1-й пол. XIX в. отмечают пог.

Шереховской с одной церковью и село *Шереховича* Бор. у. [Неволин 1853, 190], материалы Ген. меж. 1785 г. дают село *Шереховичи* под № 1968 [Карт. Гарн.]. Первое упоминание относится к 1495/96 г. в связи с дер. Офромейково Шегринского пог. Дер. пят., «что бывала владычня, а тянула к *Шереховичам* к Бежицкой пятыне» [ПКНЗ 1, 81]. Описание Никольского пог. в *Шереховичах* (*Шереховского* на Белой) содержится в документации Беж. пят. под 1498/99 г. [ПКНЗ 1, 230–231], под 1525/26 г., под 1538/39 г. [ПКНЗ 3, 3, 4, 9–11], под 1501 г. [НПК VI, 16], под 1564 г. [НПК VI, 877–893]. Деантропонимная трактовка ойконима отчасти затруднена неоднозначностью квалификации исходного лексического элемента *шерех-*. Он проявляется только в новгородской, псковской и белорусской топонимии. Ср. геогр. *Шерехова* пуст. Любытинской вол., указанная под № 1962 в материалах Ген. меж. 1780–1785 гг. и в МОЗУ 1914 г. [Карт. Гарн.], пуст. *Шерехово* в Велильской вол. Дер. пят. 1560–1561 гг. [ПКНЗ 5, 368], неподалеку от которой в Данковской вол. средневекового Торопецкого у. значилась дер. *Шерихово*; кроме того, в Болобинской переваре Торопецкого у. была дер. *Шерехово*, согласно описанию 1540/41 г. [ПКНЗ 4, 602, 641]. Отметим еще дер. *Шерехова* в Дунянском стане Великолуцкого у., известную из писцовых книги 1625–1627 гг. (по [Янин 1998, 171, № 85, рис. 9]) и совр. пск. деревни *Шерехово* в Локнянском и Опочецком р-нах (одна из них, надо полагать, продолжает средневековую *Шерехова* Великолуцкого у.). Южнее, в Верхнем Поднепровье, указывались *Шерехов хут.* и *Шереховская Буда* дер., оба пункта под Рогачевым на Могилевщине [Vasm. RGN X 2, 275]. Основу перечисленных названий, очевидно, следует сблизить с лексическим гнездом слов *шорох*, *шершавый*, рус. диал. *шерех*, *шорох*, *шершь*, *шершень* и др. ‘мелкий осенний лед, идущий по реке, сало’ и особенно с *шереховатый*, укр. *шерехатий* ‘то же’, *шерешь* ‘неровности, негладкая поверхность’, *шерохий* ‘рытый, неровный’, новг. диал. *шерехать* ‘мыть пол, натирая его песком’ и т. п. (см. подр.: [Даль СЖВЯ 4, 629; НОС 12, 90; Мурз. СНГТ 2, 323–324], к этимологии: [Фасм. ЭСРЯ IV, 430–432; Черн. ИЭССРЯ 2, 409–410, 420]). В частности, сравнение с обозначением неровностей (шереховатостей), как будто, отвечает ландшафту новгородского села *Шереховичи*: местность здесь сильно пересеченная, холмистая. Однако скорее всего основа *Шерех-* в данном названии подразумевает антропоним – прозвище **Шерехъ*, перенесенное из апеллятивной лексики. На это намекает и само прозвище жителей села, употребительное до сих пор, – *шерехи* [Личн. зап., 2003 г.].

К личным именам, равным апеллятивам, в сущности, очень близки нарицательные лексемы со значением лица. Географические названия на

-ичи/-ицы, образованные на базе нарицательных лексем, нельзя считать отпатронимными в строгом смысле слова, они явно являются посессивными, владельческими наименованиями, выражающими принадлежность поселения тому или иному владельцу-феодалу (или роду феодала). Рассмотрим несколько географических названий, заключающих обозначения социальных категорий. Один из таких ойконимов – геогр. **Бикичевицы** ур., покос у протоки Гриб в дельте Мсты у дер. Русско, Холынья Новг. р-на [Личн. зап., 2000 г.]. Урочище указано описаниями пригородных пожен Новгородского дворца 1535–1540 гг. под названиями *Бикичевский Водос* («пожня на Руской реке в Бикичевском Водосе»), *Бикичевичи* («пожня на Руской реке под Бикичевичами»), *Бекевичи* («пожня на Руской реке, четыре платка в Бекевичах») [ПКНЗ 1, 316, 321, 359]. Название связано с др.-рус. *бекечь* (*бекешь*) ‘титул высших чиновников, а также дворян-помещиков у тюркских народов’ [СлРЯ XI–XVII 1, 130]. К тюркской основе ср. геогр. *Бекичево* дер. на р. Молокча Угличского у. Ярославской губ., *Бекишево* дер. Княжнинского у. Нижегородской губ. [Vasm. RGN I 2, 314], сюда же *Бигич*, татарский мурза, совершивший в 1378 г. набег на Рязань, и фамилия *Бегичевы*, см. [Вес. Он., 30]. Несомненно, к орониму *Бикичевичи* в дельте Мсты имеет непосредственное этимологическое отношение название дер. *Бяковичи* на Руской реке в Холыньском пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК II, 498, 499; ПКНЗ 1, 81] (по писцовой книге 1543 г., – местность *Бяковичи*; ср.: «великого князя деревни в *Бяковичах*»). Различие данных названий (а скорее обособившихся параллельных вариантов одного названия) обусловлено не чем иным, как формальным расхождением мотивирующих изосемантических лексем: др.-рус. *бекечь* и др.-рус. *бекь*, *бегь*, обозначающих один и тот же сановный титул [СлРЯ XI–XVII 1, 130]. Первое из этих обозначений детерминировало топонимическую форму *Бикичевичи*, второе – *Бяковичи* (как и сопредельное новг. геогр. **Беково** дер. в Курском присуде в Налочском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 637]). Сохранившийся до наших дней ороним *Бикичевичи* позволяет локализовать исчезнувшую еще в средневековую эпоху деревню *Бекевичи* где-то по течению реки *Русской* (ныне мстинская протока *Гриб*).

Рабитицы дер. и пос. рядом с р. ц. Волосово Лен. обл., в сер. XIX в. – *Робитицы* (*Рабитицы*) сел. Ямбургского у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 4829 и 4830]. Идентифицируется с сельцом *Робичици*, «что было Юрьева жь монастыря» в Богородском Врудском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 855]. Ранее волостка новгородского Юрьева монастыря указана пергаменной грамотой, датируемой 1460–1470 гг. [ГВНП, 174, гр. 115; Янин 1990, 223]. Согласно грамоте, «христьяне *робичичане*», т. е. крестьяне *Ро-*

бичинской волости, «урядились» с архимандритом Григорием о пошлинах и дарах, которые они обязаны предоставлять Юрьеву монастырю. Наименование жителей *робичичане*, оформленное по стандартной модели на *-ане*, подразумевает геогр. *Робичици* / *Робичичи*; в последнем лучше всего видеть топонимизацию плюральной формы от др.-рус. *робичичь*, *робичичь*, *робичищъ* ‘внебрачный сын, рожденный от рабыни’, ‘юный раб, слуга’, ‘вообще слуга, придворный’ [СлРЯ XI–XVII 22, 168–169], производного с суф. *-ичь* от *робица* ‘рабыня, служанка’. Первоначальной содержательной основой старописьменного геогр. *Робичици* стало обозначение социальной категории зависимых людей (*робичичей*), что проявляется и в других средневековых ойконимах; ср. геогр. *Смередье* дер. Щепецкого пог. Шел. пят. [НПК V, 463] или известное ранненовгородское поселение *Холотий городок* на Волхове. Модификация старописьменного *Робичици* в современное *Рабитицы*, для которого межтерриториальных соответствий не обнаружено, случилась благодаря аканью, а главное – дистантному расподоблению аффрикат: *ч ~ ц > т' ~ ц*. Подобное явление пережили некоторые другие названия на *-ицы* Вод. пят., к примеру, геогр. *Озертицы* сел. [НПК III, 800] < **Озерчици*, к *озерьце*, геогр. *Земтици у Вежок* дер. [НПК III, 2, 4, 5] < **Земьчици*, к др.-рус. *земьць* или личн. *Земьць* (сейчас об этой деревне напоминает только название *Земтицкого оз.* у дер. Вешки Подберезк. Новг.).

Спасописковицы ус. и рядом *Спасопископец* село, пункты Ракомской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I, 66–67], в сер. XIX в. – село *Пископец* (*Спасо-Пископец*) [ВСОРИ, 28; Якушкин 1986, 51]. В советскую эпоху идеологически окрашенное наименование села заменили нейтральным *Песчаное*, сейчас – это дер. Ильменск. Новг. Первое упоминание пункта «въ *Бискутицахъ*» дано летописями под 1478 г. в связи с походом князя Ивана III на Новгород. Писцовые книги Шел. пят. конца XV в. отмечают пог. *Пискутици* «а на немь церковь Преображения Спасово» [НПК IV, 10] как один из шести погостов в Ильменском Поозерье; в отличие от остальных поозерских погостов *Пискутицы* были погостом-местом, а не округом [Андрияшев 1914, 7]. Первая часть названия *Спасопискутицы* (*Спасопискупец*) трактуется наличием в селе церкви Спаса Преображения, упоминаемой с 1498 г., а древнеписьменная форма *Бискутицы* обусловлена др.-рус. *бискупъ*, *пискупъ* ‘епископ’. Селение некогда принадлежало новгородскому епископу или, как считает А.М.Андрияшев [Андрияшев 1914, 13 сн.], являлось летней резиденцией новгородского владыки, о чем свидетельствуют и летопись (см. [ПСРЛ IV, 259]: «И стаща во владычни селѣ надъ озеромъ надъ Илмеремъ»), и писцовая книга, указывающая на погосте «дворъ болшой владычень», и, разумеется, сам ойконим *Пискутицы*

(подр. об истории пункта см. также [Секретарь, Филиппова 1991, 79–81]). Аналогичным образом объясняются геогр. *Бискупичи* сел. (дважды) в Полесье [Никонов 1968, 197], *Biskupice* и *Biskupovice* в Чехии [Svoboda, Šmilauer 1960, 561]. На базе синонимичной лексемы *владыка* (= *пискупъ*) в рамках общего топонимического типа на *-ичи/-ицы* возникло также новг. геогр. *Владычицы* дер. Тесовского пог. Вод. пят. 1568 г., указанная в [Селин 2003, 215, табл. 8].

Черньчевичи сельцо у р. Волмы, лев. пр. Мсты, центр средневекового *Черньчевического* (*Черньцовичского*, *Чернечевского*) пог. Дер. пят., селения которого описаны в [НПК II, 110, 111, 122–132, 280, 367, 368, 374, 385; ПКНЗ 4, 49, 53, 62, 172, 173, 258, 303, 386, 387, 439, 441–443, 445, 446, 448, 449, 452, 453, 480]. К.А.Неволин [Неволин 1853, 180] отождествляет сельцо *Черньчевичи* с позднейшей дер. *Чернецко* у р. Волмы Заручевской вол. Кр. у. [СНМНГ IV, 28–29] (на «Столистой карте» 1800–1801 гг. – дер. *Черница*, сегодня – дер. *Чернецко* Заручевск. Ок.)¹. Название скорее всего соотносится с обозначением чернецов (*чърньць* – ‘монах’), выражая первоначальную посессию или относительность. Менее вероятна связь с личным именем *Чърньць*. Применительно к *чернецам* – монахам или *черницам* – монахиням мотивированы многие средневековые названия Новгородской земли, образованные по различным деривационным моделям: *Черницы Большие* дер. Шел. пят., *Чернецово* – несколько селений Дер. и Шел. пят., *Черницкая* пожня Беж. пят., *Черницкая* дер. Беж. пят., *Черницкое* дер. Дер. пят., *Черенческо* вол. Беж. пят. и др., см. большой материал в [НПК Указ. ГН, 221; ПКНЗ 1, 217], сюда же *Черницына* ул. в древнем Новгороде (см. гл. 7).

Названия от христианских личных имен

Большой ряд географических названий на *-ичи/-ицы* имеет в словообразовательном исходе христианские календарные имена. Отнесение таких названий к древнерусскому времени порой затруднительно, поскольку обусловившие их личные имена зачастую не несут черт собственно древнерусской архаики; с другой стороны, нахождение таких названий в

¹ Недавно было обосновано мнение о локализации средневекового сельца *Черньчевичи* не на месте современной дер. *Чернецко*, а в нескольких километрах южнее, неподалеку от правого берега рч. Витцы, притока Волмы, – в ур. *Чижево*, которое называлось в XVIII–XIX вв. погостом *Черемиевичи* (*Черемиевский*) [Фролов 2002б, 9].

писцовой документации XV–XVI вв. уже само по себе относит их к очень ранней эпохе.

Пожалуй, одна из самых ранних письменных фиксаций топонимов данной разновидности представлена геогр. *Демьяницы* (к личн. *Демьянь*) в меновой грамоте 50-х гг. XV в. игумена Вяжицкого монастыря Якима и новгородского владыки Евфимия I. Контекст грамоты: «Взяль господинъ владыка Еуфимий <...> землю в Тесове, в *Демьяницахъ*, <...> да пожно на Оредежи» [ГВНП, 292, гр. 292] позволяет локализовать топоним в окрестностях оз. Тесова в нижнем течении р. Оредеж, пр. пр. Луги. Действительно, позднее он был отмечен писцовыми материалами 1568 г. в названиях куста деревень (дер. *Ивашково* над Тесовом на *Демьяницах*, *Демьяницы Захонье*, *На Демьяницах Загорье*, *На Демьяницах* и *Демьяницы*), принадлежавших Климентовскому Тесовскому пог. Вод. пят. [Селин 2003, 47–48, 129–130, табл. 8], что говорит о *Демьяницах* как об изначально территориальном наименовании. К настоящему времени оно не сохранилось, хотя осталась дер. *Загорье* Приозерн. Луж., которая некогда называлась *На Демьяницах Загорье*.

Киентницы дер. Ермолинск. Новг., ранее смежные село и ус. Трясовской вол. Новг. у. на р. Веренде [СНМНГ I, 94–95]. Хотя писцовой документацией данный пункт, по-видимому, не зафиксирован, само это название имеет, кажется, весьма значительный возраст: об этом свидетельствует прежде всего характер основы, испытавшей древнерусские фонетические преобразования. Ойконим обязан, вероятно, своим появлением антропониму *Крискентъ* (*Крискентианъ*), редкому христианскому каноническому имени. Надо полагать, основа имени (*Крискент-* / *Крисцент-*) в отдельных говорах еще до падения редуцированных преобразовалась в **Кръичент-* / **Кръицент-* не без воздействия созвучных слов *кръсть*, *кръщень* ‘крещеный’. Ср. аналогичное влияние слова *кръсть* на функционирование дублетного женского имени *Крискентия* (старокалендарное *Крисценция*), которое получило древнецерковный вариант *Кръстяница* (см. материал [Суп. СРЛИ, 392]). После падения редуцированных основа **Кръицент-* изменилась в **Кръицент-* > *Киент-*. В целом пережитые данным именем фонетические превращения идентичны изменениям, которые испытала, к примеру, диалектная лексема *водокша* – ‘пруть, в которой люди купались после молебна в Крещенье’ [НОС I, 131]: первоначально было **водокръща* (т. е. буквально ‘водокрестье; крещение водой’), затем **водокръща* > *водокша*. Специфика фонетических процессов, наблюдаемых в геогр. *Киентницы*, предполагает его возникновение еще в раннюю древнерусскую эпоху.

Кратко охарактеризуем группу иных старописьменных новгородских ойконимов на базе христианских имен. Некоторые из них сохранились до наших дней без изменения. В частности сельцо **Игнатицы** в Курском присуде в Налючском пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК II, 666, 681, 689] идентифицируется с совр. дер. **Игнатицы** на правом берегу Полы Великозаходск. Дем.; дер. **Филиповичи** на рч. Рыденке в Тесовской вол. 1573–1578 гг. (по иным документам: *Липовичи* 1568 г., *Филипович* 1584 г., *Филиповицы* 1674–1678 гг., *Филипова* 1748 г.) [Селин 2003, 137, 139, табл. 9], сегодня называется **Филипповичи** Приозерн. Луж. Отмечалась дер. **Филистовичи** Локоцкого пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 41, 91, 92], позднейшие сведения о которой нам не известны; ойконим восходит к личн. *Филисть* – раннему диал. сев.-зап. (преимущественно новг., реже пск., твер., смол., судя по топонимическим отражениям, см. [Vasm. RGN IX 3, 411]) варианту др.-рус. *Филикъс*, *Фились*, совр. *Феликс*¹. Геогр. **Фроловичи** дер. Каргальского пог. Вод. пят. 1500 г. и **Фларевичи** дер. в околородье Порховском Шел. пят. 1576 г. [НПК III, 513, 516; V, 575] связаны с личн. *Фроль*, *Флярь*: первое манифестирует общеизвестный народный вариант имени *Флорь* (< лат. *Flor*), второе – др.-новг. диал. вариант *Флярь* этого же латинского имени (подр. см. *Фларево* дер.). Укажем далее: геогр. **Серговичи** сельцо Егорьевского Ратчинского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 937] и **Сергъевичи**, дер. в Паозерье Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 11], превратившаяся в совр. *Сергово* дер. на р. Веряже Трясовской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 94–95], сегодня – дер. Серговск. Новг.; **Мосеичи** (*Моисеевичи*) дер. Раконской вол. Новг. у. на р. Веряже в Ильменском Поозерье [СНМНГ I, 64–65], ср. в связи с этим пунктом упоминание пожни «за Веряжею в *Моисеевичихах*» отписной книгой церковных пригородных пожен Великого Новгорода 1535–1539 гг. [ПКНЗ 1, 315]; геогр. **Лукиничи** (к личн. *Лука*) дер. в Холмской вол. в Лазоревском стану Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 847]; **Ильиничи** дер. Егорьевского Вздылицкого пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 862] и **Илкиничи** дер. Локотского пог. Дер. пят. 1550/51 г. [ПКНЗ 5, 128] (к личн. *Илья*, уменьш. *Илька* / *Илка*); **Олексиницы** дер. Локотского пог. 1495 г. [НПК II, 75] (к личн. *Олекса*, др.-рус. гипокористике от *Алексий*); **Тереховичи** дер. в великокняжеской вол. Стерж Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 698] (к личн. *Терехъ* < *Терентий*); **Еваничи** дер. Локотск. Кр., в басс.

¹ Др.-рус. личн. *Филикъс*, пришедшее на Русь через посредство греч. *Φήλιξ*, а не прямо из лат. *Fēlix* (как совр. *Феликс*), дано, в частности, в переписке наместника новгородского боярского правительства Филикса, см. новг. бер. гр. № 414 и 415 (40–50-е гг. XIV в.) [Зализняк 2004, 545–546].

р. Холовы, лев. пр. Мсты, ранее – дер. Китовск. вол. Кр. у. [СНМНГ IV, 46–47], отождествляемая со средневековой дер. *Евиновичи* Локоцкого пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 84] (искажено, надо: *Евановичи*, к др.-новг. диал. варианту личн. *Еванъ* = *Иван*, см. еще в басс. Шелони дер. *Евановичи* Ясенск. Порх.); дер. *Петровичи у большого камня* в Копорском у. в Каргальском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 496, 512, 527, 530, 531, 537, 547]; геогр. *Гришкиниччи* (дер. «въ *Гришкиниччах* на Горѣ») в Михайловском пог. Обон. пят., согласно акту 1578 г. [АИ I, 570] и др. В целом посессивно-патронимических названий на *-ичи/-ицы* на базе христианских имен обнаруживается немалое количество.

Географические названия на *-ичи/-ицы* в значительном количестве случаев оказываются соотнесены с территориями и территориальными центрами. Процент ойконимов, указывающих на территории (погосты, волости, кусты деревень), здесь явно повышен по сравнению, скажем, с категориями посессивных названий с суф. **-j-, -ов/-ев-, -ин-*. Многие крупные и издавна обустроенные средневековые погосты и волости носят соответствующие названия: *Братиловичи, Гостыниччи, Листовичи, Лопастичицы, Ляховичи, Молвятицы, Морткиниччи, Робиичицы, Ротковиичи, Светичи, Туковичи, Черенчицы, Черньчевичи, Шереховичи* и др.). В письменности неоднократно отмечаются кусты деревень, связанных не только единством узкой территории, но и единством имени на *-ичи/-ицы*. Таковы, к примеру, перечисленные выше пункты Климентовского Тесовского погоста («в *Демьяницах*»), расположенные в узком междуречье Рыденки и Тесовой, несколько смежных пунктов, называемых *Ляховичи*, на Верхней Поле (см.). Приведем еще один характерный пример из писцовой книги Обон. пят. 1564 г.: «В том же Тихвинском погосте деревни Николы Аркажского монастыря»: дер. «*Замошье, словет в Юрьевичах*», дер. «*Замошье ж, словет в Юрьевичах Другое на ручейки*», дер. «*Олфимово Заборье в Юрьевичах же*», дер. «*Стрелно, словет в Юрьевичах же*», дер. «*Юрьевичи у часовни*», пуст. «*Старой Юрьевич Заполье*», дер. «*Юрьевич ж Гостево*» [ПКНЗ 2, 106]. Разумеется, специфика денотативной соотнесенности находит объяснение в семантико-номинативном содержании самой модели ойконимов на *-ичи/-ицы*. Соответствующие названия, будучи исконно патронимическими, зачастую именовали земельные владения не одного лица, а целой группы родственников, расселившихся неподалеку в какой-либо местности. Владения группы заселителей порой простирались на большие расстояния, охватывали значительные площади, что отразилось впоследствии на территориальном размежевании погостов, волостей и отдельных вотчин. Несомненна тесная связь рассматриваемой ойкони-

мии с крупными формами землевладения, характерными для Новгородской земли. Недаром суф. *-ичи*, закрепленный в качестве топоформанта, мог даже синонимизироваться (как и более поздний формант *-щина*) с термином *вотчина*, что иногда эксплицируется письменностью. Так, в одной из двинских грамот XV в. местность *Каковичи* («что путь идет от монастыря в *Каковичи*») именуется параллельно и *Каковской вотчиной*: «А что озера в *Каковьскои отчинѣ*, ино старцемъ волно ловити неводомъ и сѣтми» [ГВНП, 264–265, гр. 255].

К северо-востоку от Приильменя, в Юго-Восточном Приладожье, существенная доля ойконимов на *-ичи/-ицы* содержит неславянские основы – это скрытая русской адаптацией прибалтийско-финская *l*-овая ойконимия [Муллонен 2002, 86]. Названия с неславянскими (др.-фин., др.-балт.) основами обнаруживаются и на центральной новгородской территории (*Тельбовичи* дер. неподалеку от Боровичей, *Волбовичи* дер. на р. Поле Буховском пог. Дер. пят. XVI в. [ПКНЗ 4, 176], а позднее – дер. Костьковской вол. Дем. у., летописное *Деизунициы* ур. в средневековом Новгороде [НПЛ, 34, 223] и др.), но в целом их число здесь сравнительно невелико.

Деантропонимная топонимия на -ица, -еца

С топонимией на *-ицы* иногда тесно пересекаются созвучные географические названия на *-ица*. Среди последних встречаются производные от личных имен, составляющие самостоятельный архаический тип названий. Они обычно сочетают формант *-ица*, характерный для деапеллятивной топонимии, с преимущественно деантропонимной притяжательной **-j-*, *-ов/-ев-*, *-ин*-суффиксацией. Рассматриваемый тип иллюстрируют, в частности, такие названия, как геогр. *Михалица* с вероятной скрытой йотовой суффиксацией, связанное, во-первых, с урочищем на окраине средневекового Новгорода, где в 1379 г. была заложена каменная церковь Богородицы [НЛ, 243], во-вторых, с деревней Колбажского пог. Обон. пят. 1498 г. [ПКНЗ 1, 260]; геогр. *Грузовица* дер. Ретенского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV, 491] (к личн. *Грузь*); *Настовица* поч. в Петровском пог. в Мирогожской Дуброве Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 493] (к личн. *Насть*, см. геогр. *Наици*); *Шиловица* дер. в Ситенском пог. Дер. пят. 1539 г. [ПКНЗ 4, 124] (к известному др.-рус. и ст.-рус. имени *Шило*); *Лавровица* дер. Ручьевского пог. Дер. пят. 1539 г. [ПКНЗ 4, 52] (к христ. личн. *Лаврь*); *Стехновица* пуст. в Велильской вол. Дер. пят. 1561 г. [ПКНЗ 5, 367] (к личн. *Стехно*: *Степань*); пск. геогр. *Волотови-*

ца, Иворовица, Колотиловица – земельные угодья, известные по псковским раздельным актам XV в. [ГВНП, 328, 330] (к личн. *Волоть, Иворь, Колотило*). Такие топонимы, часто прикрепленные к объектам ландшафта (пожни, земельные участки, водоемы), возникали в большинстве случаев путем универбации словосочетаний с притяжательными прилагательными. Указания на селения, надо полагать, зачастую вторичны: названия на *-ица* иногда переносились на селения, которые вырастали на месте бывших угодий.

Названия на *-ица*, будучи архаическими образованиями, sporadически обнаруживаются в разных уголках Славии; чаще, по-видимому, у южных славян; ср., к примеру, геогр. *Иваньица, Dmitrovica* в Сербии и Хорватии, *Ciszusa* (к личному имени с корнем **tix-*) в Польше и т. п., см. [Miklosich 1927, 125; Маревич 1997, 82]. На Русском Северо-Западе их наберется сравнительно немного.

Образования от антропонимических основ на зубные согласные *т, д,* реже на губные обычно встречаются без притяжательной суффиксации: ***Нежатица*** угодье под Новгородом: «пожня на Питьбе в *Нежатице*», 1535–1539 гг. [ПКНЗ 1, 324] (к личн. *Нѣжата*, подр. см. геогр. *Нежатицы*); ***Шумятица*** дер. Демонского пог. 1538/39 г. [ПКНЗ 4, 235] (к др.-рус. личн. *Шумята*); геогр. ***Пестятица*** дер. Павского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 80] (к личн. **Пѣстята*); ***Часловица*** дер. Жабенского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I, 645] (к личн. *Чаславъ*, подр. см. геогр. *Чеслове*) и др. В данном случае наблюдается структурная аналогия с деривацией патронимов и посессивно-патронимической ойконимии. Такого рода топонимические факты иногда интерпретируются двусмысленно: они особенно отчетливо варьируют с названиями на *-ицы* (см. *Любастича / Любосницы* дер. неподалеку от Порхова, *Радгостица / Радгостицы* или *Тихотица / Тихотицы*, ниже) и, следовательно, отчасти могут быть генетически сведены к посессивно-патронимическому типу.

Иногда обнаруживаются деантропонимные образования на *-ец*, которые, как правило, выступают гидронимами: ***Тарасовец*** протока Волхова в Новгороде, ***Нестеровец*** оз. в Ок. р-не Новг. обл. [Истомина, Яковлев 1989, 129], ***Никулинец*** оз. Порх. у. недалеко от Вышегорода, ***Михалкинец*** оз. в Опочецком у. Пск. губ. [Шкапский 1912, 134, 86] и др., изредка ойконимами, к примеру, геогр. ***Гавриловец*** дер. в Холовском пог. Обон. пят. 1496 г. [ПКНЗ 1, 62]. По характеру деривации и функционирования они параллельны образованиям на *-ица* и отличаются от них только мужским морфологическим родом. В новгородской ойконимии формы на *-ец*, как правило, появляются не самостоятельно, а благодаря переносу

сам или в качестве вариантов к устойчивым исконным формам на *-ичи/-ицы*, иногда на *-ица* (ср. *Спасопископец* как вар. исконного *Бискупичи*, *Либастец* как вар. *Любастица*).

Проанализируем подробнее несколько новгородских топонимов на *-ица* от древнеславянских личных имен, ранее нами не рассматривавшихся.

Вонѣжица рч., указанная в Пажеревицком пог. Шел. пят. 1539 г.: «д. Воробьево на рѣчкѣ на *Вонѣжицѣ*» [НПК IV, 398]. В этом же погосте локализуется дер. *Воежитцы* 1539 г. [НПК IV, 398], отождествленная по материалам Ген. меж. конца XVIII в. с дер. *Вонѣжицы* или *Вонег*, «а по крестному званию» – *Обонѣженка* на р. *Вонѣженке*, позднее – дер. *Баннженка* к северу от Пажеревиц Дед. р-на Пск. обл. [Андрияшев 1914, 325]. Следовательно, геогр. *Воежитцы* нужно скорее всего квалифицировать как ойконим *Вонѣжицы*, смежный с гидронимом *Вонѣжица*. Последний (если он не вторичен, т. е. не произведен от ойконима на *-ицы*) образован через йотовую суффиксацию с последующим добавлением форманта *-ица* от личн. *Воинѣъ*. Ср. имя *Воюнѣъ* из надписи № 192 на шпугатурке новгородской Софии [Медынцева 1978, 127], а также др.-болг. *Войнег*, *Войняг* [Заим БИ, 55], серб. *Войнег* [Мор. СИ, 45; Грк. РЛИКС, 57]. В данном случае имя предстает сократившим первый компонент (*Вои-* > *Во-*); такое же сокращение наблюдается еще в геогр. *Вонигово* сел. Закарпатской обл. Украины, которое известно с сер. XIV в. в написании *Vojnag*, и в геогр. *Уніж* сел. в Ивано-Франковской обл., первоначально – *Woynesz* 1454 г. [Худаш, Демчук 1991, 63, 205]. См. еще новг. геогр. **Вонижници** дер. в Городенском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 344], правда, оно скорее иного, патронимического образования, как и *Войнеговци* сел. в Болгарии [Заимов 1967, 238].

Гораздица дер. 1500 г. в Григорьевском Кречневском пог. Вод. пят. под Новгородом [НПК III, 9]; под. 1568 г. отмечена как дер. *Горадмица*, под 1582 и 1584 гг. – *Горазници*, под 1629 г. – *Горазници* [Селин 2003, 82, табл. 1], более поздних сведений нет. Ойконим образован на основе др.-слав. личн. *Гораздъ*, хорошо освещенного западно- и южнославянской письменностью. Ср. древнее польск. личн. *Gorazdo* с 1471 г., *Gorazd*, *Gorazdowski* с 1392 г., чеш. *Horazděj* [Miklosich 1927, 51; Rospond 1983, 73; Svoboda 1964, 267], альпослав. *Gorazdъ* IX в., *Ѕъgorazdъ* 945 г. (в немецкой документации «*Karastus*», «*Gorazdъ*», «*Zcoraztъ*») [Kronsteiner 1981, 207], др.-словен. *Gorazd* XIII в. [Kos 1886, 119], болг., серб. *Горазд* [Грк. РЛИКС, 66]. Источники на восточнославянской территории это деапеллятивное имя, кажется, не дают, хотя именно у русских лучше, чем у других славян, сохранились исходные

лексемь: рус. *горазд*, *гораздый* ‘опытный, искусный, проворный, смысленный, видный’, *гораздо*, *угораздить* (материал по: [Фасм. ЭСРЯ I, 439; Черн. ИЭССРЯ 1, 203–204]). Среди эквивалентной топонимии указывались: *Гораздово* дер. на р. Ломина в Романов-Борисоглебском у. Ярославской губ. [Vasm. RGN II 2, 437], укр. *Гораздичі*, название частей сел Менчич и Грибовичи на Волыни [Купчинський 1981, 34], геогр. *Gorasdmajor*, *Garasdi* неподалеку от Братиславы в Словакии, *Geresd* дважды на территории Венгрии (< словац.), *Horaždovice* в Чехии, *Goražda vis*, *Goražde* в Сербии и Герцеговине [Rospond 1983, 73; Miklosich 1927, 51].

Тихотица дер. в пог. Волок Держков [НПК VI, 995], на месте которой к нач. XX в. оставалась ус. *Тихотицы* на р. Перевичка Волоцкой вол. Бор. у. [СНМНГ VI, 24–25]. В материалах Ген. меж. 1785 г. под № 1136 трехдворная дер. *Тихотицы* обозначена на рч. *Тихотка* [Карт. Гарн.], следовательно, исконное *Тихотица* могло относиться и к речке. В антропонимическом статусе основы данного названия (личн. **Тихота*) не позволяет усомниться посессиное геогр. *Тихотин*, которое относится к местечку в окрестностях Яворова в Галиции и к двум селам в Вольнской губ. [Vasm. RGN IX 1, 107]. Личн. **Тихота*, правда, не фиксировалось самостоятельно, но оно совершенно предсказуемо в виду ряда имен от **tix-* ‘тихий’ (к примеру, чеш. личн. *Tichař*, серб. *Tihoran*, словен. *Tihica*, см. новг. геогр. *Тихорицы*) и на *-ута*, как *Любута*, *Рашута*, *Славута* и др.

Ходыбылица дер. Бельского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 77], отождествленная [Андрияшев 1914, 132] с пуст. *Ходыбыли* конца XVIII столетия (по материалам Ген. меж., № 832) и с позднейшим селом *Хотбыль* Луж. у. 2-й пол. XIX в., см. также [Vasm. RGN IX 3, 528]. Образовано от личн. **Хот(о)быль*, сократившего гласную первого компонента. Это реконструируемое имя относится к числу праславянских композитов на *-bylь*, зачастую представленных в древнечешском; ср. чеш. личн. *Drahobyl*, *Nedabyl*, *Radobyl*, *Varobyl* и др. [Svoboda 1964, 72]. Компонент *Хот-* в препозиции обычен. Ср. на новгородской территории еще геогр. *Радбылицы*, *Недобылицы* (см.).

Новг. геогр. **Уевица** дер. Городенского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I, 312] образовано либо на базе др.-рус. нарицательного *уи* ‘дядя по матери’, либо от личного имени, равного этому апеллятиву; ср., в частности, *Уика* в новг. бер. гр. № 114 конца XII – 1-й четверти XIII вв. [Зализняк 2004, 439], болг. личн. *Уйко* [Займ. БИ, 228].

Глава 5.

Топонимия катойконимического типа

Названия на -ичи/-ицы

(общая характеристика и отдельные этюды)

От географических названий на *-ичи/-ицы*, восходящих к патронимическим наименованиям заселителей по своему предку или владельцу, необходимо отличать омонимичный тип названий, связанных с обозначением жителей по месту проживания. Данный тип, развившийся из патронимического типа, составляют названия, относительно старые и многочисленные на раннеславянских землях, см. [Никонов 1968, 198; Купчинский 1981, 46–47, 92–96]. Относящиеся сюда ойконимы вряд ли целесообразно обозначать, вслед за В.А.Никоновым, термином «топографичные», поскольку данное определение позволяет смешивать их с истинно топографичными, скажем, с геогр. *Боровое, Мишага, Дрегли* и под. Существенное же состоит в том, что такие названия, как и названия ранее рассмотренного типа, по происхождению являются закрепленными в топонимической функции наименованиями людей (первопоселенцев или жителей) во мн. ч. На наш взгляд, целесообразнее пользоваться термином «катойконимические названия» на *-ичи/-ицы*, понимая утвердившийся в ономастической литературе термин «катойконим» максимально широко: это не только обозначение жителей по состоявшемуся имени собственному – названию селения, в котором они живут, но и

обозначение первopоселенцев по апеллятиву, характеризующему некий ландшафтный признак места жительства¹. В сущности, такой апеллятив, раскрывающий характерный, отличительный («топонимический») признак ландшафта и использованный при номинации первopоселенцев, уже и есть имя собственное, географическое название, которое получено путем простой онимизации апеллятива – географического термина, но еще не стало устойчивым топонимическим фактом, см. об этом [Васильев 1994, 80–82; 1998, 73–78].

Для древнерусской эпохи словообразовательная категория катойконимии имела регулярный и всеохватный характер. При создании оттопонимных нарицательных наименований (обозначений) жителей, равным образом и этнонимов, преимущественно использовались три суффикса: *-‘ан-е*, *-ьц-и*, *-ич-и*; причем форма мн. ч. таких наименований, наиболее активно проявлявшаяся в речи, решительно преобладает в древнерусской и старорусской документации. Указанные суффиксы находились между собой в отношении дополнительного распределения, подчиняясь определенным морфологическим правилам дистрибуции. В новгородских летописях, описывающих события средневекового Новгорода, очень устойчивы, например, катойконимические формы на *-‘ане*: *славяне* – жители Славенского конца, *неревляне* – жители Неревского конца, *уличане* и *коньчане* («*коньяне*») применительно вообще к населению новгородских концов и улиц, *софьяне* применительно к жителям Софийской стороны; формы на *-ьци*: *загородьци*, *людиньци* – население Загородского и Людина концов, *витковьци* – жители Витковой улицы, *лубяньци* – жители улицы Лубяницы и др.; формы на *-ичи*: *ониполовичи* («*ониполовицы*») – жители Он-пола, Торговой стороны Новгорода, *лукиничи* – жители Лукиной улицы и др. Только в немногих случаях наблюдается конкуренция синонимических суффиксов при общей основе географического названия; так, жители Лукиной улицы именуются не только «*лукинисьци*», но и «*лукинци*», см. [НПЛ, 38, 228]. Население Новгорода всегда именовалось *новъгородьци* (> *новгородьци*), но встречалось, очевидно, среди неновгородцев, и *новъгорожане*; ср. указание на «*лоуцьшаго новъгорожянина*» в бер. гр. № 246 сер. 20-х – сер. 50-х гг. XI в. смоленско-полоцкого происхождения [Зализняк 2004, 280].

¹ Изложенное понимание катойконима расширяет его дефиницию, кодифицированную Словарем русской ономастической терминологии Н.В.Подольской: «Катойконим – нарицательное наименование жителей по названию места жительства (оттопонимное образование)» [Подольская 1988, 64].

Подобное дублирование было обусловлено лингвогеографическими (как в указанном выше случае) или хронологическими расхождениями форм (ср. раннее *ростовичи*, но позднее *ростовцы* – жители гор. Ростова к северо-востоку от Москвы), но могло быть и следствием смешения созвучных суффиксов *-ичи* (в «цокающем» произношении *-ици*) и *-ьци*, см. характерный пример: *новъгородьци*, но рядом единичное *новгородици*: «Изгнаша новгородици князя Ярослава в 26 марта» [НПЛ, 29].

В конструкции трех типовых моделей древненовгородских катойконимов, нас преимущественно занимают обозначения жителей мн. ч. на *-ичи*, поскольку на исследуемой территории именно они получали нередкое закрепление в названиях на *-ичи/-ицы*. Нужно отметить, что суф. *-ич-* в катойконимической функции онтологически вторичен, в отличие, скажем, от суф. *-ан-* (ед. ч. *-ан-инь*), который исконно и стабильно характеризовал катойконимы, присоединяясь к основам географических названий. Первичная функция суф. *-ич-* заключалась в выражении кровного, потомственного родства. «Прорыв» этого деривационного элемента в сферу катойконимии, тесно пересекающуюся с топонимией, в общем плане допустимо квалифицировать как «давление» антропонимической системы языка, занимающей центральное место в ономастической иерархии, на отдельные участки топонимической системы. Семантически этот функциональный «прорыв» суффикса был обеспечен признаками происхождения человека: суф. *-ич-* как элемент, манифестировавший происхождение, начал выражать отношение человека не только к своему роду, но и к своей родине – месту жительства или заселения. Ко времени появления старейших памятников письменности катойконимы на *-ичи* образовывались, в частности на новгородской территории, достаточно регулярно. Особенно активно они производились от географических названий, имевших основы на адъективные суф. *-ов/-ев-* (ср. летописные обозначения *ростовичи*, *пльсковичи*, *рѣжевичи*, *порховичи* применительно к жителям городов *Ростова*, *Пскова*, *Пустой Ржевы*, *Порхова* или извлекаемое из новг. бер. гр. № 361 *братиловичи* – жители сел. и вол. *Братиловичи* / *Братилово*), на тематический формант *-ов-*, проявляющийся в кругу существительных **-й-*склонения (ср. *онитоловичи* – жители *Он-пола*, *боровичи*, соотносимое с *Боръ*, к последнему подробности ниже). Несколько реже древненовгородская письменность фиксирует катойконимы на базе топонимов с основами на сонорные, к примеру, *тищаничи* – обитатели местности по р. *Пищане* [НПЛ, 131, 530], *дороганичи* / «*дороганицы*» – жители дер. *Дорогани*, по бер. гр. № 550 (сер. 60-х – сер. 90-х гг. XII в.), *озеричи* / «*озерици*» – жители дер. *Озера*, по бер. гр. № 53 (10-е – сер. 90-х гг. XIV в.), *заозеричи* – обитатели

Заозерья, показанное текстом Свинцовой грамоты конца XI – 1-й трети XII в. (ср. в ней: «*заожеричь* отрокъ»), *гъбничичи* – жители сел. *Гъбно*, по бер. гр. № 900, XII в.; материал дан по [Зализняк 2004, 401, 540, 261, 286]. Соответствующие оттопонимные обозначения жителей или поселенцев были достаточно функциональны у западных славян, обнаруживаясь в письменности с 1-й пол. XII: *Zagorzycy, Podgorzycy, Białowieżycy, laskowicy, brzezicy* и др., см. [Sławski ZSP II, 56–57].

Катойконимии на *-ичи* соответствует немалое количество этнонимов на *-ичи*, которые тоже заключают мотивировочный признак места проживания, а не родства. Ср. наименования племен: вост.-слав. *дреговичи*, трактуемое как ‘болотные люди’ (к *дрегва* ‘болото’), зап.-слав. *ободричи, бодричи* – ‘живущие по берегам Одры’, др.-чеш. *литомержицы*, повторяющее ойконим *Литомержице* (о последнем [Агеева 1990, 37]) и др.

По сути дела, при производстве катойконимов на *-ичи* действуют те же правила дистрибуции суффикса, которые имеют место при образовании патронимов. Специфические различия наблюдаются только при образовании форм ед. ч.: если патронимы ед. ч. имели исход на *-ичь* (< **-itjь*) (*Воимиричь, Сыповичь, Лукиничь*), то катойконимы, судя по малочисленным сведениям письменных источников XV–XVII вв., могли развивать дополнительный сингулятивный суффикс *-инь*, присоединявшийся к нейотированному суф. **-it-*. Ср. устаревшие ныне формы катойконимов ед. ч. типа *псковитин, москвитин, костромитин, тверитин, ржевитин*, соотносимые с плюральными формами *псковичи / пльсковичи, москвичи, костромичи, тверичи, ржевичи*¹, или такие менее известные обозначения лиц, извлеченные из писцовых книг Беж. пят. [ПКНЗ 1, 235, 344], как *рядовитин* ‘житель рядка, торгово-ремесленного села’ («Гимох Иванов, холмовской *рядовитин*»), *луховитин* («Марко Павлов сын, *луховитин*») – человек, переселенный в новгородскую Бежецкую пятину либо с берегов р. *Лух* (вол. *Лух*), либо из села *Луховицы*, расположенного к юго-востоку от Москвы². В катойконимии с суф. *-ич-* базовыми, производящими являлись формы мн. ч., тогда как в соответствующей патронимии ведущими

¹ Катойконимы на *-итин* ед. ч. с течением времени были вытеснены современными формами *пскович, москвич, костромич, тверич, ржевич*; эти последние были извлечены из плюральных форм в результате обобщения основы мн. ч. по всей парадигме словоизменения.

² В связи с *луховитин* можно вспомнить о политике переселений, проводимой на рубеже XV–XVI столетий, благодаря которой многие крестьяне и помещики из Подмосквья оказались на новгородских землях.

были формы ед. ч. Дефицит конкретного материала не позволяет, впрочем, уточнить, насколько регулярными являлись сингулятивы на *-итинь*, прежде всего для раннедревнерусского времени, характеризовал ли суффикс индивидуализации *-инь* весь объем катойконимов изучаемого типа либо только часть их.

В поздние периоды развития языка (старорусский и нового времени) фактическая база словообразовательной категории катойконимии, очевидно, сужалась. По крайней мере, современные топонимические факты новгородской территории явно свидетельствуют о таком сужении. В настоящее время жители многочисленных новгородских деревень используют применительно к обозначению самих себя или населения соседних пунктов нейтральные формы прилагательных, не охарактеризованные специализированными морфологическими показателями катойконимичности. Говорят: *каменские, лосытинские, ратчинские, суцьевские, боровские*, имея в виду жителей деревень *Каменка, Лосытино, Ратча, Суцеево, Бор*.¹ Специализированные катойконимы, аналогичные древнеписьменным *колбиньць* (по новг. бер. гр. № 389: «Олекса *Колбинць*» – уроженец дер. *Колбино* [Зализняк 2004, 539]) или *избоицанинь* (по новг. бер. гр. № 307: «хрѣстьянѣ *избоицянѣ*», там же, с. 678), при использовании для номинации жителей современных новгородских деревень, скажем, *Колбино, Избоици*², были бы восприняты сейчас как сугубые архаизмы. В настоящее время только по отношению к крупным населенным пунктам (городам, поселкам) утвердились специализированные катойконимические обозначения (гор. *Валдай – валдайцы*, пос. *Любытино – любытинцы*, гор. *Старая Русса – старорусцы* или *рушане* и др.), но и они скорее характерны для книжных стилей языка, нежели для разговорно-диалектной речевой стихии. Кроме того, редуцировались средства выражения катойконимичности; в суффиксальной триаде *-ан-е, -ыц-и, -ич-и* именно *-ич-и* оказался наиболее слабым звеном и существенно сократил свое функционирование. Он постепенно вытеснялся более продуктивными суффиксами: простым *-ы* (< *-ыц-и*) и новыми

¹ Речь не идет в данном случае о современных нестандартных и экспрессивных наименованиях жителей. Эти группы составляют, как правило, катойконимы особой деривации (типа *шерѣхи* – жители села *Шереховичи* Люб.) либо нередко обнаруживаемые прозвищные катойконимы, такие как *горшаньы, горшечники* – прозвища жителей пос. Демянск [НОС 2, 50]. Такого рода экспрессивы часто не имеют деривационной связи с топонимами.

² Кстати говоря, дер. *Избоици* до недавнего времени действительно сохранялась: она стояла на р. Мсте в Перелучской вол. Бор. у. [СНМНГ VI, 98–99].

сложными суф. *-чан-е/-овчан-е, -итян-е*; ср. хотя бы раннее *ростовичи*, но позднее *ростовцы, ростовчане*, исконное *холмичи*, но затем также *холмитяне* – ‘жители гор. Холма’ (правда, *холмитяне*, употребительное в XIX в., сейчас уже устарело). Функциональное сужение *-ич-и* как бы подтвердило со временем изначальную его вторичность при выражении катойконимического значения. По-видимому, свою роль сыграли при этом и социолингвистические ограничения на использование отчества: действовавшее в старорусский период право «писаться с *вичем*» косвенным образом могло затронуть сферу омонимичной катойконимии.

В древних славянских языках катойконимы и этнонимы мн. ч. не только свободно образовывались от топонимов по устойчивым суффиксальным моделям, но имели также благоприятные стартовые условия для собственной топонимизации. Отчетливо проявлялся, на наш взгляд, феномен функционального синкретизма наименований (обозначений) различных классов, о котором старейшие письменные источники, не только новгородские, дают некоторое представление. Суть явления заключается в порой недостаточном языковом различении наименований человеческих коллективов (катойконимов и этнонимов) и топонимических наименований тех мест, на которых эти коллективы проживают. Единицы, относящиеся к смежным лексическим категориям, в процессе языкового функционирования порой взаимозаменялись и пересекались. Это находит конкретное грамматическое выражение в проявляющемся иногда совпадении синтаксических позиций и морфологических характеристик применительно к образованиям разных классов, когда установить истинный, с одной стороны, катойконимический или этнонимический, с другой стороны – топонимический, статус лексемы бывает затруднительно даже при наличии контекста. Такая «ономастически слабая» позиция представлена, в частности, формами местного падежа с предлогами *въ, на* или даже беспредложного. Так, среди материалов Начальной летописи о расселении восточнославянских племен обнаруживаются особые локативы *въ поляхъ, въ деревляхъ* (или иначе *въ деревѣхъ*), *на сѣверѣхъ*, которые, по нашему мнению, функционально синкретичны и в принципе допускают переводы, подчеркивающие либо собственно этнические наименования (‘у полян’, ‘у деревлян’, ‘у северян’), либо топонимические: ‘в Полянской земле’, ‘в Деревлянской (Деревской) земле’, ‘в Северянской (Северской) земле’. То же самое касается катойконимии: древнеписьменное (библейское) *въ Галелѣяхъ* – это не только ‘у галилеян, среди галилеян’, но и ‘в Галилее’. Приведенные формы рассматривались как специфические первичные племенные этнонимы, не осложненные суф. *-ан-* [Хабургаев 1979, 200–205; 1990, 65–

66]. Г.А.Хабургаев (там же) связывает их по происхождению с собирательными этнонимическими образованиями на *-а*, реконструируя **поля*, **дерева*, сюда же и засвидетельствованный собирательный этноним *сѣверь*. По нашему мнению, данные образования одновременно выступают также в качестве вост.-слав. наименований территорий (типа **Поля*, **Дерева*, **Сѣверь*), на которых расселились восточнославянские племена. Территориальные наименования подразумеваются самим локативом, который как бы синтаксически сопрягает этнонимическую (или катойконимическую) и топонимическую отнесенность таких форм. Кроме того, в них недостаточна выражена собственно морфологическая дифференциация «топонимического» и «этнонимического» (или «катойконимического»), поскольку отсутствует специализированный показатель обозначений лиц – суф. *-ан-*. Все ограничивается только йотовым показателем, присоединявшимся к основе топонима (ср. еще летописное *въ полочахъ* ‘у полочан’ (< геогр. *Полота*, название реки)), но в такого рода локативах обращает на себя внимание то, что даже и этот «ослабленный» йотовый показатель антропонимичности не обязателен. Ср. в «Повести временных лет»: не только *въ дравляхъ*, но и летописное *въ дравѣхъ*, соотносительное непосредственно с геогр. **Дерева* ‘лесная местность’, как и этнонимические наименования *въ поляхъ* (< геогр. **Поля* ‘открытая местность’), на *сѣверѣхъ* (< геогр. **Сѣверь* ‘северная сторона?’) (материал дан по [Хабургаев 1979, 200–201]).

В древненовгородской языковой среде оттопонимные образования без элемента *-ан-*, применительно к обозначению лиц, подобные этнонимическому *въ дравляхъ*, тоже имели хождение. К примеру, в новг. бер. гр. № 526, одной из старейших (2-я треть XI в.), наличествует локатив «*на погощахъ*», интерпретированный как ‘у погощан’, т. е. ‘у жителей погоста’ [Зализняк 2004, 241–242]. Обыкновенны, впрочем, только стандартные («полноссуффиксальные») формы катойконимов, однако и в них онимическая семантика иногда синкретична и слабо различима настолько, что затрудняет адекватный перевод фразы. Показательна в этом смысле бер. гр. № 10 из Старой Руссы (стратиграфическая дата – XII в.), приведем ее фрагмент: «Въ волости твои толико вода пити *в городицянъхъ*. А рушань скорбу про городицянъ». Форма «*в городицянъхъ*» в переводе А.А.Зализняка дана как топоним: «В Городище, твоём владении, только воду пить (т. е. есть нечего). А рушане (жители Русы) скорбят о городищанахъ» [Зализняк 2004, 447]. Иной перевод этой фразы, подчеркивающий катойконимический статус выделенного наименования, тоже допустим: ‘Во владении твоём, у *городищан*, только воду пить’. Локатив «*в городицянъхъ*», по сути дела, функционально тождествен приводимым выше

летописным *въ деревляхъ* (*въ деревѣхъ*), которые демонстрируют недостаточное языковое отличие этнонимов от породивших их топонимов. Другой пример функционального пересечения смежных категорий имен дает новгородская летопись, см. фрагмент: «Новгородьцы угонивъше Литву *въ Ходынищихъ*, избиша съ князьмъ Володимиром и с посадникомъ Твердиславомъ», 1200 г. (по Ком. сп.: «*въ Ходынищѣхъ*») [НПЛ, 51, 249]. Здесь, по всей вероятности, так же, как в предыдущем случае, выделенный локатив представлен катойконимом мн. ч. муж. р. *ходыничи* – обозначением жителей села или волости *Ходыни* (см.), которое, однако, использовано в роли собственно топонимического знака – названия места, где новгородцы догнали и разбили литовцев.

Способность топонимов и катойконимов к функциональному пересечению, в частности, использование наименований жителей населенных пунктов в топонимической функции, подобно рассмотренным выше случаям «*в Городицянхъ*», «*въ Ходынищѣхъ*», иногда приводила к их полноценному топонимическому закреплению. В географические названия чаще превращались катойконимы на *-ичи*, хотя наименования лиц на *-ане* и *-ьци* (о них подр. в следующем разделе) образовывались с меньшей регулярностью. Повышенная топонимизация плуральных форм на *-ичи* была, разумеется, обеспечена широкой поддержкой посессивно-патронимического типа названий, имевшего архаические, общеславянские корни; сам по себе катойконимический тип названий на *-ичи/-ицы* выступает развитием этого типа. Далее остановимся подробнее на трактовках отдельных катойконимических названий, значимых для новгородской территории. Одни из них тракуются вполне надежно, другие неоднозначно, допуская смешение с посессивно-патронимическими ойконимами.

Боровичи гор., второй по величине в Новгородской обл., р. ц. Первые упоминания о данном пункте на берегах р. Мсты относятся к концу XV в. В тот период название *Боровичи* применялось к двум селениям, находившимся на противоположных берегах реки, в Деревской и Бежецкой пятинах. Писцовая книга 1495 г. содержит следующее описание левобережного селения – пог. *Боровичи*, которое относилось к Крупской дворцовой вол. Дер. пят. (наименование вол. *Крупская* – по р. *Крупа*, лев. пр. Мсты у южной окраины современных Боровичей): «В Крупской же волости на рядех и на погостех люди непашенные. В *Боровичах* на погосте церков Спас Великий, игумен с чернецы, поп Микифор. На погосте ж христьян» (далее перечислены имена погостских жителей) [ПКНЗ 1, 59]. Чаще, однако, *Боровицкий* погост выступает в качестве территориального наименования при описании ряда деревень и волосток Дер. пят., располагав-

шихся преимущественно к северо-западу от погоста-центра, судя по: [НПК I, 515–531, 544, 549, II, 119; ПКНЗ 1, 75], см. также весьма обильный материал по [ПКНЗ 4; ПКНЗ 5]. Правобережное село *Боровичи*, или иначе пог. Петровский Борисоглебский в *Боровичах*, – являлось центром одноименного погоста-округа в Беж. пят.; в 1-й пол. XVI в. селения этого погоста описаны в книгах своеземческих земель 1526 г. и поместных земель 1539 г. [ПКНЗ 3, 2, 16], в приправочной книгах 1539 и 1551 гг. [ПКНЗ 4, 207; 5, 34, 35, 44] и в книге Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 911–968]. В середине XVI в. правобережные *Боровичи* описываются не только как центр погоста, но и как ряд (рядок) – торгово-ремесленное село: «Въ *Боровичахъ* на погосте на ряду церковь Петръ святыи, да церковь Борисъ и Глѣбъ, да церковь теплая Введение Святыя Богородицы»; среди прочих сведений отмечается, что по старому письму в Боровичах в конце XV в. насчитывался 121 двор [НПК VI, 911–925]. Летописные упоминания относятся только к 1572 г.: «в *Боровичи*», «изъ *Боровичъ*» [НЛ, 109]. Именно правобережное селение указано «Книгой Большому Чертежу» 1627 г.: «...Пала во Мсту река Редыля; а на устье Редыли *Боровичи* [КБЧ, 155] (*Редыля* – параллельное название Вельгии, пр. пр. Мсты). Постепенно разрастаясь, близлежащие пункты на берегах Мсты слились в одно большое село (к нему присоединился и левобережный рядок на устье рч. Крупы, числившийся по описанию 1496 г. отдельно от *Боровичей* [ПКНЗ 1, 59–60]). По указу Екатерины II крупное торгово-ремесленное село *Боровичи* в 1770 г. преобразовано в город.

Таким образом, к началу московских описаний новгородских земель смежные селения на Мсте, объединенные общим названием *Боровичи*, предстают крупными территориальными центрами; кроме того, они выступают селениями торговцев, ремесленников и лоцманов, которые возникли в непосредственной близости от скопления опасных порогов, крайне затруднявших проход судов по Мсте. Неизвестно, связано ли хронологически появление этих центров с походом княгини Ольги, устанавливавшей по Мсте в сер. X в. «повосты и дани», но ясно одно: селения (и, очевидно, само их название *Боровичи*) появились на древнем Мстинском водном пути еще в древнерусское время, задолго до первого упоминания их документами.

Весьма многочисленными оказываются межтерриториальные параллели к названию известного новгородского города на Мсте. К ним относятся: ***Боровичи*** дер. на рч. Сытинка Гостецк. Новг. (ранее – Красностанской вол. Кр. у. [СНМНГ IV, 52–53]) на восточном побережье Ильменя; ***Боровицы*** дер. Песоцк. Дем. к востоку от р. ц. Демянск, а ранее – *Боровичи* дер. Филиппогорской вол. Дем. у. [СНМНГ II, 76–77]; ***Боровичи*** ус.

Медведевской вол. Валд. у. [СНМНГ V, 56–57]; **Боровицы** дер. Красноборской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 52–53]; **Боровичи** дер. Демянск. Порх. к северу от Порхова при впадении р. Удохи в Шелонь (в старину крупная почтовая станция на пути Новгород – Псков). На Псковщине далее известны: **Боровичи** – три дер. неподалеку от Острова, Новоржева и Невеля, **Боровички** дер. в окрестностях Великих Лук; в Твер. губ. значатся **Боровичи** дер. в Торжокском у. и **Боровичь** дер. на р. Реня Весъегонского у. [Vasm. RGN I 3, 495]. Ойконимы **Боровичи** многократно отражают новгородские писцовые книги конца XV–XVI вв. на территории Деревской, Водской, Шелонской и Бежецкой пятин, см. [НПК. Указ. ГН, 107], существенная часть связанных с ними деревень, надо полагать, отождествима с современными пунктами, перечисленными выше. Дополнительно к этому перечню нужно еще указать название **Боровичи** дер. Тесовской вол. Вод. пят., стоявшей на рр. Черемне и Оредеже (1568 г.) [Селин 2003, 128, табл. 8, 136, табл. 9]. Обращает также на себя внимание ойконим, фиксируемый писцовыми материалами 1550/51 г., – «Починок на **Боровичеви**», локализованный на левобережье Волхова в среднем течении [ПКНЗ 2, 15]: запись «**Боровичеви**», отчасти искаженная, отражает основу интересующей нас топонимической формы. Геогр. **Боровичи** встречаются за пределами Русского Северо-Запада, в частности, в Белоруссии, где были отмечены два села с таким названием [Жучкевич 1974, 32–33], и на Украине: так именовались слобода в Луцком у. Волынской губ. и пара смежных селений недалеко от гор. Новгород-Северский и Городня Черниговской губ. [Vasm. RGN IV 3, 495].

Название новгородского города **Боровичи** осмыслялось по-разному. Е.Н.Поспелов возводит его через отчество на *-ич* к прозвищному имени **Боров**; при этом ссылается на имя исторического лица **Борова** Щелепина, дьяка великого князя Василия Третьего, 1510 г. [Поспелов 1999, 58; 2001, 77]. Данное мнение несостоятельно, поскольку не учитывает существенные моменты образования и функционирования ойконимов подобного типа, которые отчетливо свидетельствуют о связи с географическим термином *бор*, но никоим образом не с личн. **Боров**. Одним из ярких подтверждений связи с *бор* порой служит топонимическая вариантность. Так, в частности, одна из деревень Тесовской вол., называемая в источнике 1568 г. **Боровичами**, проходит под названием **Бор** в более поздней документации (1573–1578, 1584, 1620 гг. и т. д.) [Селин 2003, 128, табл. 8, 136, табл. 9]. С другой стороны, документально известно, что лица с именем **Боров** оставили своим потомкам отчества или фамилии вовсе не **Боровичи**, а **Боровлевы**. Например, потомки дьяка **Борова**-Щелепина, к имени которого апеллирует Е.Н.Поспелов, именовались,

судя по источникам, *Боровлевы*-Щелепины, в старорусской письменности отмечены и другие персонажи по фамилии *Боровлев* [Вес. Он., 46] от *Боров* (аналогично: *Яков* > *Яковлев*, *Яковлевич*).

Остальные исследователи соотносят *Боровичи* с *бор*, но предлагают различные трактовки. В.А.Жучкевич (применительно к белорусскому селу *Боровичи*) ограничивается простой констатацией такой связи [Жучкевич 1974, 32–33]. А.И.Попов [Попов 1981, 72–73] название новгородского города на Мсте сближает с диалектным термином *боровича* – ‘боровая почва’, а также с *боровища* – обозначением вереска и других боровых растений. Для подтверждения своей версии автор считает существенным то обстоятельство, что коренные жители *Боровичей* произносят это слово с ударением на предпоследнем слоге, а не на последнем, как обычно произносят лица, здесь не жившие и не бывавшие. Отнеся геогр. *Боровичи* к первоначальному наименованию местности по природным признакам, автор пишет о «случайности патронимического оформления», о «влиянии народной этимологии в сторону закрепления окончания *-вичи* как патронимического». Однако сугубо «топографическое» объяснение А.И.Попова встречает серьезные возражения. О какой «случайности патронимического оформления» может идти речь, если, как было показано нами выше, только на ограниченном пространстве центральной Новгородской земли обнаруживаются не менее десятка патронимически оформленных геогр. *Боровичи*? Случайной скорее является лексическая форма *боровича*, приведенная автором в качестве наиболее авторитетной для трактовки геогр. *Боровичи*: в действительности эта форма выступает всего лишь периферийным «цокающим» (точнее – «чокающим») вариантом этимологически исходного *боровища* в говорах, слабо различающих аффрикаты. Наконец заметим, различие по месту ударения, часто характеризующее разные произносительные варианты одного названия, в данном случае не имеет решающего значения: не менее (а, пожалуй, более) авторитетным является здесь акцентное выделение последнего слога названия, вошедшее во всеобщий обиход.

Краткое толкование геогр. *Боровичи* дает В.А.Никонов в своем топонимическом словаре. Доверяя деривационной семантике патронимической модели топонимов на *-ичи*, он подразумевает прежде всего обозначение поселенцев в бору, нежели прямое обозначение топографических (*боровых*) реалий: «Формант *-овичи* указывает, что назв. первоначально обозначало не место или селение, а собственно жителей, т. е. значило «лесные» [Никонов 1966, 61]. Эта теоретическая догадка исследователя, как мы обнаружили сейчас, находит отчетливые документальные подкрепления.

Оказывается, для эпохи конца XV в. еще был в ходу специфический катойконим *боровичи*, использовавшийся применительно к населению погоста (рядка) *Боровичи* на Мсте. По крайней мере именно так квалифицируется соответствующее обозначение в писцовом документе 1496 г., регистрирующем налогообложение жителей Крупской дворцовой волости, к которой относилось левобережное селение *Боровичи* и соседний рядок на устье р. Крупой. Согласно описи, в Крупской волости «всех дворов семьдесят один, людей в них 70 человек, и те непашенные люди, *боровичи* и на устье реки Крупой старую обжу письменную взяли себе на пособу животине, а давали с ней оброку две гривны. А ныне тем же, *боровичам* и на устье реки Крупой, придана им деревня животине на пастьбу дворцовая Поляна» [ПКНЗ 1, 60]. Здесь речь, разумеется, идет о людях, *боровичах* – жителях пункта *Боровичи*. Документ конца XV в., следовательно, эксплицирует еще сохранявшиеся в ту эпоху живые мотивационные отношения между названием селения и тождественным по форме катойконимом – обозначением жителей этого селения (со временем тождество форм нарушилось: катойконим стал производиться по регулярной суффиксальной модели: *Боровичи* > *боровичане*). Такая ситуация формально-го, а отчасти функционального тождества ойконим = катойконим, обыкновенная более для древнерусского времени, отсылает к начальной стадии возникновения географических названий, оформленных суф. *-ичи*, характерным собственно для антропонимии. В нашем конкретном случае письменная фиксация манифестирует необходимое промежуточное звено деривации между лексемой *бор* и геогр. *Боровичи*. Иными словами, геогр. *Боровичи* по происхождению – это закреплённый в качестве самостоятельного географического названия личный апеллиатив мн. ч. *боровичи*, который первоначально обозначал либо поселенцев в *борово*й местности, на *боровых* почвах, либо (что, в сущности, одно и то же) являлся обозначением жителей селения на Мсте по уже устоявшемуся первичному ойкониму, полученному по особенностям ландшафта (типа *Бор*, *Боровое*); это, первичное название под воздействием своего катойконима позднее переоформилось в *Боровичи*.

Обозначение лиц *боровичи* мн. ч., в XV–XVI вв. уже однозначно соотносимое с геогр. *Боровичи*, а не с исконным геогр. *Бор*, апел. *бор*, коррелировало с сингулятивом *боровитин*. Последнее отражено несколькими топонимами (*Боровитиново* дер. в Замошской переваре Торопецкого у. 1540 г. [ПКНЗ 4, 656], *Боровитино* дер. близ Гжатска на Смоленщине, *Боровитиха* дер. под Кинешмой) и целым рядом старорусских дворянских фамилий: князь Василий Дмитриевич *Боровитин*-Мещерский, конец XV в.; Дмитрий *Боровитинов*, помещик, 1564 г., Новгород; *Боровитино-*

вы, XVI–XVII вв., Новгород [Вес. Он., 46], *Боровитин* Ивашко, по актам Западной России 1511 г. [Мор. СИ., 23], Первой *Боровитин* в Карачеве под 1636 г. [АЮ, 326] (аналогично устар. *псковичи* – *псковитин*, *тверичи* – *тверитин*, *костромичи* – *костромитин*, *москвичи* – *москвитин* и др.). Помимо новгородской территории, катойконим мн. ч. *боровичи́* (ед. ч. – *борови́ч* и *боровитин*) зафиксирован в Подмоскovie: так именовали в XVII–XX вв. жителей города *Боровск* между Москвой и Калугой и в целом население *Боровского* у. Калужской губ, см. материалы: [Словарь названий жителей СССР, 108; Городецкая, Левашов 2003, 55]. Более того, соответствующее обозначение поселенцев или жителей носит по сути дела общеславянский характер, поскольку имело хождение также на западно- и южнославянской территории; ср. польск. *borowicy* – жители села *Borowna* в Южной Малопольше, *Borówiec* – наименование жителей села в Словении [Sławski ZSP II, 56–57].

Таким образом, признак ландшафта безусловно присутствует в исходно-этимологической семантике новг. геогр. *Боровичи*, однако он не мотивирует непосредственно данное название, как считал А.И. Попов, а преломляется через «человеческий фактор», будучи положенным в основу катойконима *боровичи*. Большое количество географических названий *Боровичи*, зафиксированных и писцовыми книгами, и более поздними источниками, – свидетельство того, что на центральной новгородской территории катойконим *боровичи* / *боровитин* применительно к поселенцам в *бору* (или к жителям сел. *Бор*) являлся повсеместно довольно употребительной лексемой. Можно думать, что даже для эпохи XVI в. данное обозначение жителей не потеряло актуальности, коль скоро оно топонимически преломляется в функционировании по сути дела синхронных вариантов одного названия (см. указанное выше геогр. *Боровичи* с вариантом *Бор*). Реже по новгородским землям проявляются изосемантические катойконимы иного суффиксального оформления – *боровляне* / *боровлянин* или *боровчане* / *боровчанин*. Они, по всей видимости, отражены гидронимом *Боровлянка* (вар. *Боровчанка*) руч., лев. пр. Белки, лев. пр. Холыньи, лев. пр. Полисти близ Старой Руссы: в гидрониме «просвечивает» наименование жителей трех деревень, располагавшихся вдоль этого ручья: *Белоусов Бор*, *Мало-Васильевский Бор* и *Щетин Бор* Высоцкой вол. Ст. у. [СНМНГ III, 30–33]. Кстати говоря, наименование *боровлянин* в XVII вв. могло прилагаться и к жителю гор. *Боровичи* (ср. *боровлянин* Степан Дементьев [НТК, 96,

110, 171]¹, хотя чаще по таможенным книгам проходит описательное: «из *Борович*»), но это свидетельство лишь того, что в указанный период первоначальный откатойконимный смысл геогр. *Боровичи* оказался уже забытым и появилась возможность для создания новых катойконимов. Что касается деапеллятивной топонимии типа *Бор*, то она прикреплена к десяткам (если не к сотням) мест на новгородско-псковской территории. Нужно иметь в виду, что мотивировочная конкретика таких названий достаточно разнообразна в силу разнообразия семантики исходного апеллятива: диал. *бор* развило широкий спектр тесно пересекающихся ландшафтных значений – от ‘большого хвойного леса’ до ‘неплодородной песчаной почвы’, см. подр. [Толстой 1969, 22–41; Васильев 2001, 77–94].

Дополнительный свет на историю возникновения геогр. *Боровичи* на Мсте проливает, возможно, сопредельное название *Боровского* озера, расположенного в 10–12 км восточнее города на Мсте. Территориальная близость объектов, хотя и не смежных, позволяет теоретически предположить, что названия *Боровичи* и *Боровское* имеют единый источник происхождения. Лимноним *Боровское* осмысляется, быть может, не столько по ландшафту – ‘озеро в бору, боровой местности’ (тогда ожидалось бы скорее *Боровое* оз.), сколько по местоположению близ геогр. *Бор* или *Боровое* (в поддержку этого стоит заметить, что жителей многочисленных новгородских деревень *Бор* местное население обычно называет *боровскими*). Следовательно, появляются основания считать, что, во-первых, в лимнониме *Боровское* «просвечивает» первоначальное название селения на Мсте, которое с конца XV в. стало известно только в преобразованном виде *Боровичи*, и, во-вторых, это первоначальное селение было некогда заложено не на левом, а на правом берегу Мсты, ближайшем к соименному озеру.

Кременичи дер. Неболчск. Люб., ранее – пог. *Дмитровско-Кременицкий* на р. Мде Усадьевской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 120–121]. На старой карте-трехверстке подписано: пог. *Криминичи*, на Карте Шуберта 1-й пол. XIX в. – *Кременичи* [Неволин 1853, 159]. На современных картах Новг. обл. – геогр. *Хременичи* (лесничество *Хременичи*), фиксирующее преобразование *кр* > *хр*. Первое упоминание содержится в писцовой документации XVI в.: *Кременицкий* (*Кременицкий*) пог. Обон. пят. [НПК II, 234–236, 331; ПКНЗ 5, 82]. Пог. Дмитриевский в *Кременичах* (*Дмитриевский-Кременицкий*) указан писцовой книгой 1564 г. письма

¹ Ср. еще производное от данной формы геогр. *Боровляниново* в Белозерье 1556 г. (из Тарханной грамоты Кирило-Белозерскому монастырю) [АИ I, 309].

Андрея Лихачева и Сметным списком Обон. пят. 1574 г. [ПКНЗ 2, 145, 146, 160, 161], а также в актах XVII в. [АИ III, 143; V, 452]. Название погоста представляет собой топонимизированное обозначение заселителей по топографии местности, конкретнее – по характеру грунта. Соответствующая топографическая терминология хорошо известна у разных славян: рус. диал. *кременье* ‘груда камней, камни’, *кремешник* ‘место, покрытое мелким щебнем’ [СРНГ 15, 210], новг. *кремяг* ‘крепкий гладкий камень’ [НОС 4, 141], укр. *кременица* ‘каменистая гора’, польск. *krzemienica*, словен. *kremenica* ‘кремнезем, кремнистая почва’ и т. п., см. [Мурз. СНГТ 1, 310]. Характер местности вокруг пог. *Кременичский* между рр. Мдой и Отней раскрывается описанием, приведенным в военно-статистическом обозрении Новг. губ. 1849 г.: «Близ этого погоста высокие холмы. Грунт, покрывающий эти холмы, по восточному, главному хребту хрящеватый, каменистый» [ВСОРИ, 9]. Топонимические соответствия повсюду многочисленны, отметим лишь несколько территориально близких: *Кремено* дер. близ гор. Гатчина Лен. обл., *Кремно* дер. близ р. ц. Демянска Новг. обл., *Кремянка* рч. басс. Луги близ пос. Тесово Новг. обл., *Кремь* место в Псковской земле [ГВНП, 330].

Домовичи село и ус. при оз. Боровно Боровенской вол. Валд. у. [СНМНГ V, 14–15], по-видимому, идентифицируется с дер. *Домовичи* Ручьевского пог. Дер. пят. 1495 и 1551 гг. [НПК II, 273; ПКНЗ 5, 129 76–77]. К югу от этого пункта, в Городенском пог. Дер. пят., описывалась в 1495 г. вторая одноименная средневековая деревня [НПК I, 277; II, 273], а к северо-западу, в басс. Средней Мсты, локализуется третья новг. дер. *Домовичи* – на оз. Городно Никандровской вол. Бор. у. [СНМНГ VI, 76–77] (сейчас – дер. Шереховичск. Люб.); о ней впервые известно из материалов Ген. меж. 1785 г., № 2052 [Карт. Гарн.]. Вне новгородской территории указывались только геогр. *Домовицы* дер. близ Нерехты и *Домовица* дер. близ Кинешмы, обе в Костромской губ., *Домовицк* (польск. *Dotowice*) дер. на р. Уса Минской губ. [Vasm. RGN III 1, 72].

Трактовка новгородского ойконима в известной мере спорна. Его можно отнести к посессивно-патронимическому типу, имея в виду исходный бессуфиксный антропоним, подобный чеш. *Doma* [Miklosich 1927, 57], болг. *Домо* [Илчев 1969, 179], серб. *Дом* [Грк. РЛИКС, 79], усеченный, допустим, от др.-рус. личн. *Домарадь*, *Доможирь*, христ. *Доминик*. Однако подобные усечения (приводящие к омонимии с лексемой *дом*) были нетипичны, по крайней мере, у русских в ходу были соответствующие гипокористики с суффиксальными морфами: *Домаши*, *Домка*, *Домко*, *Домец*, *Домаха* и др., см. материалы: [Туп. СДЛСИ, 188; Вес. Он., 98–99; Демчук 1988, 73]. Вместе с тем сохраняется возмож-

ность катойконимической трактовки геогр. *Домовичи*, если полагать, что первоначальной функцией этого имени являлось указание на население *домовой* или *домовной* деревни. *Домовой* или *домовной* означало в XV–XVII вв. ‘относящийся к архиерейскому дому, принадлежащий церкви, приписанный к монастырю’ [СлРЯ XI–XVII 4, 310–311]. Упоминания о таких селениях встречаются в средневековых актах, например: «Промѣннѣ есми имѣ *домовое* церковное Пречистые богородици <...> село Телмячеево», 1499 г. [СлРЯ XI–XVII 4, 311]. Следовательно, не исключено, что пункты *Домовичи* когда-то относились к домовым, монастырским деревням, а жителей этих мест окрестное население звало *домовичами*. Впоследствии наименование жителей закрепилось в топонимическом употреблении.

Лопастницы (вар. *Лопастичи*) средневековая вол. на юго-западных рубежах Новгородской земли. Впервые упоминается в договоре 1431 г. литовского князя Свидригайла с Великим Новгородом (документ сохранился в дефектном виде, данный топоним в нем тоже восстанавливается с конъектурой: «на *Лопастичохъ*») [ГВНП, 105, гр. 63]. В договорах Новгорода с Литвой более позднего времени топоним сохранен полностью: «...а на *Лопастичохъ* и на Буичохъ у чернокунчовъ по двѣ куници» (договор 1441–1442 гг. с литовским князем Казимиром); «...а на *Лопастичяхъ* и на Буицяхъ у чернокунцовъ по двѣ куници» (договор 1471 г.) [ГВНП, 116, гр. 70; 131, гр. 77; Пам. ист. Вел. Новг. 1909, 38, гр. XXVI; 44, гр. XXX]¹. Позднее вол. *Лопастницы* вместе с оз. *Лопастцы* часто указывается на страницах писцовых книг Дер. пят. конца XV–XVI вв. [НПК II, 784–806; ПКНЗ 5, 376, 377, 380, 382, 383, 406, 407]. Упоминание новгородской вол. *Лопастницы* встречается и в книгах Обон. пят., где указано, что волость Никольская Обон. пят., принадлежавшая Аркажскому монастырю, была дана новым владельцам «на обмен против Буйца да *Лопастницы*» [ПКНЗ 2, 113]. Название обусловлено патронимическим наименованием от прозвищного личн. **Лопасть*, восходящего к апеллятиву, либо катойконимическим наименованием на *-ичи*, скрывающем некий первичный топоним (гидроним) с основой *лопаст-*. В пользу таких трактовок косвенно свидетельствует оформление др.-рус. локатива «на *Лопастичохъ*» 1441–1442 гг.: флексия *-охъ* здесь подразумевает форму собственн. муж. р. мн. ч. и, следовательно, исходную форму на *-ичи*, причем родовая характеристика «на *Лопастичохъ*» подтверждается согласованием с топонимом «на *Буичохъ*», который определенно муж. р. (ср. относи-

¹ Датировки документов даны по [Янин 1998, 5].

тельно последнего названия летописную запись: «быша в *Буици* селѣ» [НПЛ, 280] с флексией *-и* муж. р., хотя и ед. ч.). Думается, указанная фиксация отрицает вероятность появления рассматриваемого ойконима, например, путем переноса и плюрализации первоначального гидронима *Лопастница* жен. р. с суффиксом иной этимологии. Дело здесь осложнено неоднозначным решением вопроса о статусе самой исходной основы, которая может относиться либо к антропониму, либо собственно к апеллятиву с топографическим значением. Личн. **Лопасть* вполне закономерно как прозвище; оно отражено, например, в явно деантропонимных старописьменных новг. геогр. *Лопасткино* дер. Обон. пят. [ПКОП, 21] + дер. Беж. пят. [НПК VI, 136] (< личн. **Лопастька*), *Лопастино* дер. в Дер., Шел. и Беж. пят. [НПК I, 502; II, 148; IV, 365; VI, 841], а также в современных ойконимах *Лопастино*, *Лопастиха*, которые, оказывается, сосредоточены только на Русском Северо-Западе или тяготеют к нему, локализуясь в окрестностях Великих Лук, Старой Руссы, Тихвина, Устюжны, Весьегонска, судя по материалам [Vasm. RGN V 1, 208]. Продолжения прасл. **lopastь* известны почти исключительно в восточнославянских языках в качестве обозначений предметов, широких и плоских: ‘лоскутки материи с треугольным или квадратным полотнищем’, ‘широкий и плоский конец чего-либо’, ‘верхняя часть ступни’, ‘лист растения’ и др. [ЭССЯ 16, 38–39]. Вместе с тем основа *лопаст-* не чужда гидронимии; ср. новг. *Лопастница* р. басс. Волхова [ПКНЗ 2, 19], *Лопастный* руч. Беж. пят. [НПК VI, 285], водные названия *Лопасть*, *Лопость*, *Лопасня* (из **Лопастья*), *Лопасна*, *Лопаска* в басс. Оки [Смол. ГБО, 197, 154, 98, 99] – эти и подобные им гидронимы мотивированы, надо полагать, апеллятивами с семантическими признаками конфигуративности. Говоря о гидронимии, нужно иметь в виду, что средневековая волость *Лопастницы* была тесно связана с находящимся на ее территории озером, которое писцовые книги именуют также *Лопастницы* или *Лопастница* [НПК II, 798, 825]. Источники XIX в. знают в этом районе оз. *Лопастино*, которое находится к северу от более крупного оз. Витьбино, соединенного с ним проливом, рядом, немного южнее, имеется оз. Отолово, Лучанское и др. Главное волостное селение *Лопастницы*, о котором в XIX в. уже нет никаких сведений [Неволин 1853, 179], могло стоять именно при оз. *Лопастино*. Отсюда появляются веские основания полагать, что источником наименования села, а за ним и волости *Лопастницы* все же явился смежный лимоним в неосложненном суф. *-ицы* облике: он отразился в наименовании приозерных поселенцев, соответственно, оформленном катойконимическим суф. *-ичи* (> *-ицы*). Позднее этот катойконим устоялся в качестве ойконима и вместе с ним обусловил появление нового, суффиксального

варианта смежного лимнонима в необычном для озерных названий плюральном облике (*Лопастницы*), под которым озеро стало знакомо писцовым книгам; ср. аналогичное появление откатойконимного лимнонима *Озеревичи* в Бологовском пог. Дер. пят., см. ниже.

В парадигме некоторых географических названий возможно синхронное варьирование вторичных откатойконимных вариантов с первичными, исконными топонимическими вариантами. Об этом изредка сигнализируют письменные источники. К примеру, средневековый *Хрестцовский* (*Крестцовский*) пог., указанный документами Дер. пят. 1495 г. [ПКНЗ 1, 72, 73; НПК II, 393–395], именуется в писцовых книгах одновременно и *Хрестцовичским* пог. или *Хрестцовичами* [НПК II, 434]. Геогр. *Хрестцовичи* по отношению к варианту *Хрестцовский* выглядит вторичным: оно словообразовательно мотивировано катойконимом – наименованием жителей *Хрестцовского* погоста, а точнее – селения-погоста *Хрестцы* (< *Хрьстьци*). Последний, топографический вариант названия – *Хрестцы* – употреблялся совместно и, по существу, синхронно с производным от него вариантом откатойконимного типа; так, пожалуй, именно вар. *Хрестцы* в нач. XVI столетия (1517 г.) был услышан и записан проезжавшим через соответствующее селение немецким путешественником Сигизмундом Герберштейном в искаженном облике *Harosci, Haroschi* за р. *Holacha* (= *Холова*) [Герберштейн 1988, 237] (позднее, на западноевропейской карте 1695 г. – *Horosci* [Nova Scand. tab.]). Однако откатойконимный вариант не удержался в эволюции названия, и стабилизировались только исконные варианты апеллятивного происхождения *Хрестцы*, а также *Крестцы*, *Крестца*, *Крестец*, которые именовали погостское село в разные периоды, ставшее позднее уездным городом (в 1777 г. был учрежден гор. *Крестец*) и наконец современным пос. *Крестцы* на р. Холове, р. ц. Новг. обл. (рядом с сел. *Крестцы* значилась и почтовая станция *Крестецкий ям*, или *Ямская Крестецкая слобода* [СНМНГ IV, 58–59], сейчас это село *Ямская слобода*). Параллельных названий на Новгородской земле немало: *Хрестьцы* место в средневековом Новгороде («...поставиша церковь святую Богородицу, на *Хрестьцахъ*» под 1393 г. [НЛ, 37]), *Хрестьцы* (*Христци*) дер. в Городенском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 250, 277] (= *Крестовая* Дворецкой вол. Валд. у. [СНМНГ V, 22–23] к юго-западу от Валдая, сохранившаяся до наших дней), совр. дер. *Крестцы* Кабожск. Хв. (= *Крестца* дер. Левочской вол. Бор. у. [СНМНГ VI, 50–51]), дер. *Крестцы* Будогошск. Кир., а раньше Грузинской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 22–23]; их дополняют эквивалентные топонимы *Крест*, *Крестец*, *Крестовая*, *Кстово*, *Ксты*, *Кстечки* и др. Такого рода названия обычно прикреплены к перекресткам дорог, исчез-

нувших либо до сих пор сохраняющихся. Хочется отметить в этой связи, что пос. *Крестцы* находится на древней дороге через Яжелбицы в Новгород в точке пересечения с боковой дорогой, отходящей к северу в сторону бывшего Теребуновского погоста и Усть-Волмы¹.

Обратимся далее к краткому рассмотрению ряда географических названий, преимущественно старописьменных (из НПК), которые со значительной долей уверенности возводятся к катойконимии на *-ичи*. Геогр. *Заозеричи* сел., центр пог. Покровского в Заозерицах Беж. пят. 1545 г., и *Заозерицы* дер. «над озеромь надъ Сопиномь» в пог. Богородицком в Сопине Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 310, 317, 1045] производны от **заозеричи* – ‘люди дер. *Заозерье*’ либо ‘живущие за озером’. С первым из этих средневековых пунктов отождествляется современная дер. *Заозерицы* Барышовск. Мош. (в нач. XX в. относилась к Перелучской вол. Бор. у. [СНМНГ VI, 98–99]), стоящая на восточном берегу оз. Болонье; очевидно, под исконным *Озеро* здесь понимается именно это озеро (его, в свою очередь, иногда называют по деревне *Заозерицким*). Катойконимические образования «*заожеричь отрокъ*» (к *заозеричи*) и «*озерици*» зафиксированы в самостоятельном употреблении новгородскими грамотами: Свинцовой (конец XI – 1-я треть XII в.) и берестяной № 53 (10–30-е гг. XIV в.) [Зализняк 2004, 261, 540], в писцовой документации Московской Руси отражено *озерчане* – ‘живущие у озера’ [СлРЯ XI–XVII, 12, 308]. Номинативно подобными являются геогр. *Озеревичи* дер. и оз. в Бологовском пог. Дер. пят. конца XV–XVI вв. [НПК I, 105; II, 87; ПКНЗ 5, 242–244, 247, 248, 254], оно же *Озеровичи* оз. [НПК I, 117, 279, 832; ПКНЗ 4, 108] (любопытно видеть закрепленным за озером это название, перешедшее от обозначения приозерных поселенцев) и еще одно *Озеровичи* дер. Городенского пог. Дер. пят. 1550/51 г. [ПКНЗ 5, 217, 236]. При осмыслении апеллятивной первоосновы в таких названиях полезно учитывать не только геогр. *Озеро*, апел. *озеро*, но и повторяющиеся неоднократно в Новгородской земле геогр. *Озерава* (см. [НПК. Указ. ГН, 177]), наряду с пск. *озерава* ‘озерцо в болоте’ [КПОС], твер. *зирява* ‘болотце от весенних вод, прорыхающее летом’ [Мурз. СНГТ 1, 229]², укр. диал. *озерявина* ‘высо-

¹ Эта особенность местоположения новгородского гор. Крестцы нашла символическое отражение в его официальном гербе 1781 г.: «В верхней части щита герб Новгородский. В нижней две большие дороги, перешедшие одна другую крестообразно, в зеленом поле, означая истинное имя сего нового города», см. [Сперансов 1974, 174, № 428].

² Автор известного словаря народной географической терминологии Э.М. Мурзаев неверно сравнивает твер. *зирява* с *зирок*, *зирять* ‘смотреть’ [Мурз. СНГТ 1, 229]. Здесь на самом деле случай отпадения *о* в лексеме *озирява* (*озерява*).

хшее озеро' [Jurkowski 1971, 63] и т. п. Геогр. **Озертицы** сел. в пог. Григорьевском Лъешском Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 800] (= совр. *Большие Озертицы* Калозицк. Волос.) мы склонны трактовать аналогичным образом, сводя к исходному катойкониму **озерчици* / **озерчици* – 'жители близ *Озерца* или *Озерцов*' (ср. *Озерца*, *Озерцы* – названия многих пунктов [НПК. Указ. ГН, 177]), который превратился в ойконим **Озерчици* и далее в *Озертицы*, благодаря диалектному цоканью и расподоблению свистящих аффрикат. Названия дер. **Руницы** Велильск. Мар. на р. Руне и, быть может, **Сабицы Большие** дер. в басс. р. Сабы Волошовск. Луж. (= *Сабицы* дер. Бельского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV, 336]) могли появиться через наименование поселенцев – **руниччи*, **сабиччи* – на реках *Руна* и *Саба* (впрочем, применительно ко второму названию полнее зарегистрирован его вариант в ед. ч.: *Сабица* дер. на рр. *Сабе* и *Сабице* под 1498 и 1571 гг. [НПК IV, 76; V, 539, 547], что скорее предполагает простой, не опосредованный катойконимом мн. ч., перенос смежного гидронима). Геогр. **Неревиччи** сельцо в пог. Никольском Ястребинском Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 764], = *Неревиччи* дер. в Ямбургском у. Петерб. губ. сер. XIX в. [СНМРИ 37, № 4970, 4971], тоже через производное имя жителей отражает гидроним неславянского (приб.-фин.) происхождения. Наименованиями поселенцев по признакам растительности в окружающем ландшафте (осина, ива, ильм, дуб) мотивированы средневековые топонимы **Осиновиччи** остров в Лосицком пог. Шел. пят., **Ивовиччи** дер. в пог. Боротна Шел. пят., **Ельмовиччи** дер. Березайского пог. Дер. пят. (к др.-рус. *ильмь* 'вяз'), **Дубовиччи** поч. в Воскресенском пог. Шел. пят. [НПК IV, 466; I, 508; V, 312, 500]; вместе с тем такие фонетически близкие с ним названия на *-иччи*, как **Дубовиччи** дер. в Околорусье Шел. пят. [НПК V, 218] (= совр. *Дубовиччи* под Старой Руссой) или **Ивовиччи** поч. [НПК V, 688] вполне могут быть рассмотрены как плюральные формы геогр. *Дубовиччи*, *Ивовиччи* – нередких в писцовых книгах отапельлятивных наименований по связи с дубами и ивами. Старописьменными географическими названиями, которые опосредованы катойконимами, отражающими разнообразные признаки физико-географического и культурно-исторического ландшафта, являются далее: геогр. **Дрябиччи** дер. Ильинского Тигодского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 410] ('жившие у *дряби* – болотистого места'); **Загориччи** дер. Бронничского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 445] (ср. зап.-слав. *Zagorzysu* 'жители поселения, заложенного за горой, или пункта *Загорье*, *Загора*' в источнике 1136 г. [Sławski ZSP II, 57]); быть может, геогр. **Черезбориччи** дер. в пог. Прокофьевском на Белой Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 850, 858], сегодня – дер. близ пос. Любытино Новг. обл. (из ориентирующего наименования тех, кто жил «через бор», т. е. за бором?); **Бродовиччи**

дер. и вол. в Ясенском пог. на Псковском рубеже Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 146, 147], сегодня – дер. Луковищенск. Порх. на р. Паличенке (‘жившие у брода’); **Загородичи** дер. Вод. пят. 1568 г., по более поздним документам: *Загороденья, Загородицы, Загородищи* [Селин 2003, 125, 140] (‘жители загороженного места’); **Пневичи** дер. Спасского монастыря со Взада в Семеновском пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 789], первоначально – ‘жители дер. *Пнево*’ (ойконим, нередкий в НПК) или ‘поселенцы у «пневного» места’: *пень* и подобные термины относятся к подсечному земледелию, см. [НОС 7, 113, 161], ср. еще геогр. *Пневичи, Пневича* – две дер. и местность в сопредельной средневековой Торопецкой земле [ПKNЗ 4, 627, 636, 677], чешский ойконим *Pňovice* (трижды), указанный в [Prof. MJ III, 385; Svoboda, Šmilauer 1960, 255]¹. Данный топонимический ряд продолжают далее геогр. **Лутовичи** дер. Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 196, 240] (ср. прослеживаемые по писцовым документам геогр. *Лутово, Лутова, Лутовня* и др.-рус. *лито* – ‘лыко’); **Коломнич** дер. Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. [НПК III, 188, 190, 209, 221, 249, 258, 266], к концу XVIII в. превратившаяся в пуст. *Коломница* [Селин 2003, 152, табл. 13] (восходит через наименование жителей к первоначальному геогр. *Коломна* или *Коломно*, топонимические параллели в новгородских землях нередки); **Рядовичи** дер. Молятицкой вол. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 664] (к *рядовичи* ‘жители рядка’, ср. употребленное в ед. ч. *рядовитин* Иванов Тимофей [ПKNЗ 1, 344]); **Холмичи** дер. Хмерского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 130] (‘поселенцы у *холма*’, или ‘жители дер. *Холм*’, или ‘переселенцы из гор. *Холма, Холмского* пог. Дер. пят.’); **Мирошкино Вдовичи** дер. Пажеревицкого пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV, 402] (вторая часть предположительно указывает на *вдовичей* – жителей гор. *Гдов*).

Рассмотренные старописьменные названия (данный список, разумеется, не претендует на исчерпывающую полноту) содержат апеллятивные первоосновы ландшафтной семантики, что позволяет четко установить статус промежуточного звена – катойконимов на *-ичи*, которые закрепились далее как ойконимы. Сложнее обстоит дело с названиями, заключающими исходные основы личных имен или прозвищ, – такие названия в принципе допускают возведение либо к катойконимии, либо к патрони-

¹ А.Профоус [Prof. MJ III, 385] считает геогр. *Pňovice* производным от личного имени, равного апеллятиву, обозначающему ‘пень’, однако это маловероятно; ср. хотя бы указанное там же чеш. геогр. *Pňovany* (как отмечалось, ойконимия на *-ane* не образуется от личных имен).

мии. Дифференцировать эти пересекающиеся лексические категории, формально не различимые, затруднительно даже при их непосредственной письменной фиксации. Так, древнеписьменное наименование *Прожневичь* из новг. бер. гр. № 526 2-й трети XI в. («Нѣжкѣ на Прѣжневици поль гривнѣ») оставляет неясности относительно своего статуса: перед нами отчество Нежка или указание на то, что он происходит из дер. *Прожнево*; то же самое касается имени *Добрычевичи* («оу Добрычевици оу Романиця» в новг. бер. гр. № 640 сер. 50-х – сер. 60-х гг. XII в.): это потомки некоего *Добрыча* либо жители дер. *Добрычево*? [Зализняк 2004, 241, 383–384]. Существенно по этому поводу примечание А.А.Зализняка (Там же) о том, что наименования жителей деревни и потомков некоего лица могут в принципе сводиться к одному и тому же. Действительно, если некий человек либо его род основали селение, то жители этого селения в начальный период его истории скорее всего являются родственниками. Ср. еще характерную «говорящую» общность имен в следующем фрагменте из летописи под 980 г.: «...Рогъволодъ <...> имяше власть свою в Полотьскѣ, а *Турьи Турове*, от него же и *Турица* прозвашася» [НПЛ, 125 (Ком. сп.)]. Здесь «*Турица*», т. е. *Туричи* выступают не только как жители *Турова*, но, очевидно, и как потомки *Турья*, имя которого отразилось в посессивном названии города. С точки зрения ономастической ситуации катойконимы в такого рода контекстах ни формально, ни функционально не отличимы от патронимов. Поэтому легко допустить, что катойконимы на *-ичи*, соотносимые с деантропонимными названиями, обычно посессивными, с суф. *-ов/-ев-* (в таких, например, случаях, как *порховичи*: *Порхов*, *братиловичи*: *Братиловичи*, *Прожневичь* из бер. гр.: геогр. *Прожнево*, такой ойконим отмечен в [НПК V, 614]), на самом деле не являются прямыми оттопонимными образованиями. Генетически они могут оказаться изначальными патронимами, отсылающими к личным именам (первопоселенцев или перво владельцев), которыми одновременно мотивировались и соответствующие географические названия. Со временем происходило переосмысление первичных, исконных патронимов в качестве вторичных оттопонимичных образований. Именно поэтому названия на *-ичи/-ицы* от личных имен или прозвищ целесообразно в целом трактовать как посессивно-патронимические; в таком ключе они и были нами рассмотрены ранее.

Вместе с тем при этом не следует упускать из виду некоторые особые ситуации топонимического именования на базе катойконимов, связанного, в частности, с перемещением жителей из некоего населенного пункта на новое место жительства. Так, в новг. бер. гр. № 361 (конец XIV в. – 1400-е гг.) зафиксирован катойконим *братиловичи* («Поклонъ отъ шиж-

нянь и отъ *братиловиць* г-ну Якову»), под которым подразумеваются жители средневековой волостки, тоже именованной *Братиловичи* (*Братиловичи*) и находившейся в Спасском Шиженском пог. Обон. пят. [Зализняк 2004, 614]. Наряду с этим пунктом существует дер. *Братиловичи* у Повенецкого залива Онежского озера (Карелия), зафиксированная еще документом 1415–1421 гг. («В *Братиловицах*»). Имеется предположение о том, что деревня основана выходцами из сел. *Братиловичи* древнего Шиженского пог. [Шилов 2003, 160]. Если это так, то дер. *Братиловичи* у Повенецкого залива – собственно откатойконимное географическое название: на базе личного наименования *братиловичи*, которое в свою очередь производно от личн. *Братиль,-о* (см. выше *Бракловицы*). Вместе с тем нужно подчеркнуть, что обосновать собственно лингвистическими средствами мотивацию подобных названий, содержащих антропонимические основы в качестве откатойконимных, не представляется возможным: необходимы конкретные историко-краеведческие разыскания по отдельным населенным пунктам, доказывающие факт их основания переселенцами из других местностей.

Выше уже отмечалось, что общая дифференциация географических названий на *-ичи/-ицы* по типам посевивно-патронимические и катойконимические зависит от класса производящих основ: первые с необходимостью базируются на личных именах, вторые, как правило, содержат основы апеллятивов. Сложности дифференциации в том, что многие антропонимы, особенно прозвищного характера, омонимичны или паронимичны апеллятивам и производны от апеллятивной лексики. Иногда такому разграничению названий способствует морфологическая (суффиксальная) структура имен. Так, если геогр. *Лукинич* дер. в Холмском пог. в Лазоревском стане Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 847] явно образовано на базе патронима *Лукинич* от христианского имени *Лука*, то геогр. *Луковицы* дер. Троицкой вол. Новг. у. [СНМНГ I, 88–89] связано с народными терминами *лука* ‘низкое место у реки’, *луковый* ‘относящийся к луке’ (ср. новгородские диалектные выражения *луковая земля*, *луковое сено*) [НОС 5, 50–51]) и, следовательно, допускает квалификацию в качестве катойконимического. От наименований жителей могут быть производны геогр. *Ямсковицы* дер. Опольевск. Кинг., *Войсковицы* дер. Войсковицк. Гатч.: наличие суф. *-ск-* подразумевает в исходе некие первичные топонимы, скажем **Ямско(е)* (к апеллятиву *ямское*, т. е. ‘почтовое село’?), **Войско(е)*. Старописьменные геогр. *Гостилицы* дер. и сельцо Покровского Дятелинского пог. Вод. пят. 1500 г., *Гостиловицы* дер. Фроловского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК III, 611, 612; IV, 37], очевидно, через отчества **Гостиличь*, **Гостиловичь* возводятся к др.-рус. личн. *Гостиль,-о,-а*,

хорошо знакомому по источникам [Туп. СДЛСИ, 117; Зализняк 2004, 726]; однако в отношении *Гостиничи*, названия волости в Никольском Гостинничском пог. Беж. пят. 1499 г. [ПКНЗ 1, 238] (по писцовому документу 1545 г. – *Гостыничи* с отвердением *т* [НПК VI, 479–489]), такой уверенности нет. Суффиксальная основа *гост-ин-* проявляется часто в кругу нарицательной лексики (ср. др.-рус. лексемы *гостиная*, *гостинець*, *гостиница*, *гостинки*, *гостинникъ*, *гостиное* и др. [СлРЯ XI–XVII 4, 104–106]), но вместе с тем мотивировка отчеством **Гостиничь* от личн. *Гость* здесь тоже не исключена. Чаще, однако, бывают ситуации, когда суффиксальные «различители» в названии отсутствуют, а исходная основа хорошо знакома и в антропонимическом, и в апеллятивном функционировании. К примеру, название дер. *Костромичи за Черною* Успенского Сабельского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 136] альтернативно с точки зрения своей мотивированности. Оно смело может быть возведено к катойкониму *костромичи* от геогр. *Кострома*, отмеченного на разных русских территориях. Ср. прежде всего *Кострома* – город, названный по р. *Кострома*, в бывшей Владимирской земле (первое упоминание пункта под 1214 г.), жители которого именуются *костромичами*; кроме того, еще далее к востоку локализуется гидроним *Кострома*, пр. Вятки. Столь же легко обосновывается новг. геогр. *Костромичи* на базе личн. *Кострома*, которое удостоверяется письменностью: так звали, например, дьяка, писавшего духовную грамоту великого князя Ивана Калиты, 1328 г. [Вес. Он., 160], был указан и некто *Кострома* Дмитриев, ямщик Выдропуского яма, 1596 г. [СлРЯ XI–XVII 7, 371]. В антропонимии данное имя вошло, очевидно, из мифологической лексики, поскольку *костромой* в древнерусских и русских диалектах обозначали обычно «большое чучело из рогажи и соломы, которое носят с песнями и шутивными обрядами топить в реке, озере или луже, праздную проводы весны и встречу страдного лета» [СРНГ 15, 82], см. еще [СлРЯ XI–XVII 7, 371].

Любопытно, что во всей последующей документации название дер. *Костромичи за Черною* предстает в существенно ином воспроизведении: *Гостомичи* на р. Черной 1539/40, 1568 и 1582 гг., а к 1788 г. – *пожня Гостомцы* [Селин 2003, 179, табл. 16]. Эти варианты четко соотнесены с усеченным из **Гостомирь* личн. *Гостомь*, которое хорошо известно (ср. имя запорожского казака Семень *Гостомь*, XVII в. [Демчук 1988, 86], польск. личн. *Gostom* [SSNO II, 174], хорв. *Gostom* [LISRH, 197]); сюда же ойконимы на иных территориях: *Гостомичи* местность в Данковской вол. средневекового Торопецкого у. [ПКНЗ 4, 573, 574], *Гостомля* дер. в Зубцовском у. Твер. губ. + дер. на р. Реут под Курском + дер. на р. *Гостомка* в окрестностях гор. Кромы Орловской губ. (два пункта), *Гостомель* сел. в

окрестностях Киева, *Гостимля* дер. в окрестностях Красного Смоленской губ. [Vasm. RGN II 3, 523, 524], польск. *Gostomka* р., *Gostomko* и *Gostomkowo* оз. в басс. Вислы [HW, 347, 718], *Gostomie* сел. в Польше, *Gostom* или *Gostim* – сел. в Греции, в Чехии и в сербской Лужице на востоке Германии (нем. *Gottschdorf*) [Rospond 1983, 74]. В связи с изложенными фактами появляется еще одна возможность трактовки новг. геогр. *Костромичи* – как специфической модификации топонимического варианта *Гостомичи*, подведение его под иную «внутреннюю форму». Как раз этот вариант, отмеченный архаичностью, и может оказаться в данном случае исконным, первичным даже несмотря на то, что письменность «высвечивает» его немного позднее, чем *Костромичи*.

В целом же, за исключением отдельных специфических фактов, наличие двусторонней функциональной отнесенности топооснов – к апеллятиву и к омонимичному, производному от данного апеллятива антропониму (типа апел. *бобръ*: личн. *Бобръ*, апел. *шуба*: личн. *Шуба*) – не мешает отдать приоритет трактовке соответствующих названий на базе исходных личных имен.

Названия на -‘ане, -цы (общая характеристика и отдельные этюды)

Как уже указывалось, катойконимы мн. ч. на -‘ане, ед. ч. на -‘анинь активно продуцировались и функционировали в древнерусских говорах. Немалое количество данного рода образований (свыше трех десятков) содержит материал новгородских грамот на бересте. Приведем лишь некоторые катойконимы на -‘ане: *избоищане* гр. № 307 – жители волости или пункта *Избоищи*, *хотыняне* – жители местности по р. *Хотынке* басс. Шелони (в гр. № 600 1-й пол. XIII в.: «*хотыняномо*» Дат. мн.), *черныщане* – жители сел. *Череньское* (в гр. № 311 нач. XV в.: «твоя *черенишани* чело бию»), реконструируемое *поръчане* (?) – жители сел. *Поръчье* либо просто проживающие на берегах некоторой реки (гр. 264 70–90-х гг. XIV в.), *которяне* – население *Которского* пог. Шел. пят. (в гр. № 640 сер. 50-х – сер. 90-х гг. XII в.: «оу *которянь*», форма Род. мн.), *залъшняне* гр. № 492 XIV в. – жители пункта, название которого, надо полагать, имело вид *Залъсьное*, *дубляне* гр. № 540 XV в. – жители деревни или местности с названием, производным от корня *дуб-*: *Дубско*, *Дубое* и т. п. (известна, в частности, дер. *Дубое*, относящаяся к Дер. пят. [НПК I, 635]), *выянинь* (в гр. № 690

XIV в.: «у Евана у *Вьянина*») – житель местности при р. *Вья*¹, *десятьщане* – по-видимому, жители дер. *Десятское* (гр. № 253 XIV в.: «ко *десяцянамо*» Дат. мн.), *ясеняне* – жители *Ясенского* пог. Шел. пят., *городьчане* – жители, вероятно, *Кошкина городка* на р. Узе (оба катойконима в гр. № 704 2-й пол. XIII в.: «отъ *городьцано* по посадникуо ко вьликомуу съ побьгль *ясьнян...*»), *губляне* – жители дер. *Губа* или *Губино* и т. п. (в гр. № 757 конца XIV – нач. XV в.), *жабляне* или *жабьяне* (по грамотам 885 и 872, XII в.) – население *Жабенского* погоста, расположенного восточнее северных плесов оз. Селигер (материал изложен по [Зализняк 2004, 678, 471, 665, 608, 383–384, 640, 660, 575, 583, 482, 636, 316–317]). Разумеется, катойконимия мн. ч. на *-ане* нередко проявляется также в новгородских летописях и актах.

Анализ таких форм обнаруживает их очевидную производность от деапеллятивных названий населенных мест, местностей и особенно водных объектов. Морфонологические ограничения для таких образований кажутся совсем незначительными: древнерусские наименования на *-ане* продуцировались свободно от именных основ на разные согласные, корневые или суффиксальные. Но, как показывает фактический материал, они не развивались (хотя бы на новгородской территории) на базе основ, содержащих посессивные суффиксы *-ов-/-ев-*, *-ин-*. Топоосновы на эти суффиксы были охвачены катойконимией на *-ичи* или на *-ьци* (об этом подр. см. в 1-м разделе гл. 5). Самый существенный вывод, который в связи с этим словно напрашивается, следующий: катойконимы на *-ане* крайне редко образовывались от топонимов-посессивов деантропонимного происхождения. Такие наименования жителей устойчиво соотносились с географическими названиями, генетически связанными с обозначениями объектов ландшафта, лишь изредка конкурируя с изосемантическими формами на *-ичи* типа *озеричи*. Вывод об апеллятивных предпочтениях катойконимического суф. *-ан-е/-ан-инь* подтверждает и топонимия на *-ане*, образованная путем закрепления соответствующих наименований жителей в качестве наименований населенных пунктов. Подробный анализ соответствующих географических названий, прежде всего чешских (на *-ану*), но взятых на широком славянском фоне, провел в свое время Й.Спал [Spal 1958, 5–133], болгарская

¹ А.А.Зализняк [Зализняк 2004, 575] считает р. *Вью* притоком Пинеги. Полагаем все-таки, что речь должна идти о гидрониме, не столь территориально отдаленном (Пинега – р. в Архангельской обл., пр. пр. Сев. Двины). Возможно, следует подразумевать р. *Вья* (*Выйка*), пр. пр. Волхова, которая протекает недалеко от Новгорода, в бывшем Грузинском погосте.

топонимия на -‘ане была подробно описана в значительной работе Й. Заимова [Заимов 1967]. Эти исследования показали, что прямые топонимические образования на -‘ане от личных имен возможны только в исключительных случаях.

В целом топонимия на -‘ане имеет общеславянский характер распространения, чаще локализуясь на южнославянской, особенно на болгаро-македонской территории. В Новгородской земле соответствующих названий наберется сравнительно немного, но некоторые из них засвидетельствованы еще с раннедревнерусского времени. Обратимся к анализу отдельных географических имен, прослеживаемых по древнеписьменным и старописьменным материалам.

Устьяне древнее село при впадении р. Полы в Ловать на юго-восточном побережье Ильменя, стоявшее некогда вблизи совр. дер. Тулиново Юрьевск. Парф. Упоминается Новг. 1-й летописью под 1316 г. в связи с неудачным походом тверского князя Михаила Ярославича на Новгород: «Князь же Михаило, не дошедъ до города, ста въ Устьянѣхъ» (по Ком. сп.: «въ Устьяняхъ») [НПЛ, 95, 337]¹. Очевидно, этот же населенный пункт, который располагался напротив Новгорода за озером на древнем пути, связывавшем Новгород с другими древнерусскими княжествами, указан в летописном рассказе 1-й пол. XII в. Под 1132 г. сообщается о том, что новгородцы изгнали князя Всеволода, но затем «паки съдумавъше, въспятиша и Устьяхъ» [НПЛ, 28, 207], т. е. в русском переводе: ‘позвали его обратно в Устьянах’. Идентификацию данных названий, упомянутых разновременно, предполагает прежде всего параллелизм функционирования древнерусских локативных форм, подобных отождествляемым (въ) Устьяхъ – въ Устьянѣхъ. В раннедревнерусский период, как уже отмечалось, наименования жителей по месту обитания в Мест. мн. порой выступали в краткой, «неполносуффиксальной» форме – без эле-

¹ Поход этот оказался гибельным для войска князя Михаила, который пошел на Новгород «со всею Низовьскою землею». Как повествует далее летопись, князь, стоявший с войском в Устьянах, не сумел договориться с новгородцами о мире и отправился обратно: «И тако мира не возма, поиде проче, не успѣвъ ничтоже, но болшою рану въсприимъ: възвративше бо ся въспять, заблудиша въ озерѣхъ и в болотѣхъ; и начаша мерети гладомъ, ядыху же и конину, а снасть свою пожгоша, а иное помѣташа; и придоша пѣши в дома своя, примимше рану немалу» [НПЛ, 95] (в Ком. сп. после слова «конину», говорится: «а инии съ щитовъ кожо сдирающе ядыху» [НПЛ, 337]). На пути из Устьян, в 20 км к востоку, встает обширный болотный массив – *Невий мох* (на границе Парфинского, Крестецкого и Демянского р-нов Новгородской обл.). Можно полагать, что эти огромные болота и стали тем роковым местом, где заблудилось и погибло войско тверского князя в начале XIV в.

мента *-ан-*: летописные др.-рус. *въ поляхъ* ‘у полян’, *въ деревляхъ* ‘у деревлян’, др.-новг. *на погощахъ* ‘на погощанах; у погощан’, известное по старейшей берестяной грамоте XI в. и др. К XIV в. такие формы окончательно заменились стандартными, снабженными суф. *-ан-* формами. Одновременно эти катойконимические и этнонимические наименования-локативы мн. ч. легко использовались в топонимической функции. К категории подобного рода наименований относится и архаическое «бессуффиксное» *Устьяхъ* Мест. мн., замещенное впоследствии нормализованной формой *въ Устьянѣхъ*, стабилизированной в качестве ойконима. Подобное соотношение современной (с *-ан-*) и архаического (без *-ан-*) локативных форм наблюдается также на примере др.-чеш. геогр. *Úhošť'any*. Один из ранних источников XI–XII вв. фиксирует это название в беспредложном локативе «*Ugoščas*», который позднее заменился «правильной» формой *Úhošť'anech*, см. [Prof. MJ IV, 423–424].

В конце XV – 1-й пол. XVI в. в низовьях Ловати и Полы писцовые книги описывают село *Устьяны* и *Устьянский* пог. (пог. «*въ Устьянехъ*»), бывший в Курском присуде в Дер. пят. В главном погостском селе стояли церковь Великий Егорий, дома причта и пашенных крестьян, к погосту относились дер. Тулитово, Мануйлово, Онтипово и др., см. [НПК II, 630–632, 634–637, 663, 664; IV, 50; ПКНЗ 4, 200, 202, 299, 300, 304, 418, 459, 482; ПКНЗ 5, 338–341]. Пункт *Устьяне* упоминается благодаря описанию пожен на Ловати документацией 1497/98 г. («пожни, что были Юрьева монастыря, на Юрьевской луке на Ловоти выше *Устьян*»), 1536 г. («пожня на Ловоте против *Устьян Дожжевка*»), 1539/40 г.: «пожня Котчища против *Устьян*» [ПКНЗ 1, 137, 345, 375]. В дальнейшем сел. *Устьяны* и *Устьянский* пог. перестали существовать, хотя топонимические следы сохранялись довольно продолжительное время. Еще в конце XIX столетия на «Плане земель, принадлежащих Старорусскому Городскому обществу», который дан в книге [Полянский 1885], в дельте Ловати и Полы значились пожня с характерным названием *Каменные Горы в Устьянах*, а выше по течению Ловати – пожня *Дождевая* (= «против *Устьян Дожжевка*» писцовой книги 1536 г.); эти уголья обозначены под № 99 и 44 на плане Ловатской дельты, приложенном к статье об исторической географии Взвядского погоста [Чернов 1985]. Сегодня рядом с древними *Устьянами* стоит деревня Юрьевск. Парф. под характерным названием *Городок* с близлежащим средневековым городищем.

Итак, геогр. *Устьяне* (*Устьяни*, *Устьяны*) – архаическое название катойконимического типа, полученное по наименованию поселенцев на устье реки («*въ Устьяхъ*»); в данном случае *устье* – слияние рек Ловати

и Пола. Параллельную топонимическую форму обнаруживаем в Торопецкой земле: село *Устьяни* в Нежелской вол. по материалам писцового описания 1540/41 г. [ПКНЗ 4, 547, 549, 551], = совр. *Устьяны* дер. на оз. Жижицком в Куньинском р-не Пск. обл.: название, очевидно, обусловлено местоположением деревни в истоке (собственно – в устье) р. Жижицы, соединяющей оз. Жижицкое с Западной Двиной. По исходной апеллятивной семантике и типу откатойконимной мотивировки геогр. *Устьяне* соотносится, быть может, с геогр. *Устицы*, если это последнее идет из **устичи* ‘поселенцы на устье’. Пункт с таким названием тоже расположен в Южном Приильменье – это дер. Городецкой вол. Ст. у. [СНМНГ III, 36–37], сейчас – дер. Городецк. Вол., стоящая на р. Псиже при впадении ручья (при устье ручья); ср. еще старописьменное геогр. *Устичь* пуст. 1498 г. в Славковском пог. Шел. пят. к западу от Порхова [НПК IV, 226], отмеченное рядом с р. Петь (совр. Петенка), пр. пр. Черехи, пр. пр. Великой.

Наименования жителей на -‘*ане*, отсылающие к названиям местожительства (или обозначениям реалий местного ландшафта), обусловили существование еще некоторых новгородских топонимов, о которых скажем достаточно кратко. Старописьменное геогр. *Хотчанъ* дер. Успенского Сабельского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 111] непосредственно мотивировано наименованием поселенцев **хотчане* (или даже вторично сближено с этим наименованием), полученным, в свою очередь, либо по водоему **Хотьца* / **Хотьць* (известна, к примеру, р. *Хотца*, лев. пр. Рапли, лев. пр. Пчевжи, пр. пр. Волхова на территории бывшей Обон. пят.), либо по некоторому сопредельному пункту (уместно вспомнить, что в Успенском Сабельском пог. писцовая книга 1500 г. указывает еще сельцо *Хоченя* и дер. *Хотне* [НПК III, 113; V, 516]). В книге Вод. пят. 1500 г. значится геогр. *Ръчани* дер. на Ковоши в пог. Покровском Дятелинском [НПК III, 629], ср. еще *Речани* село и *Речаны* дер. в Торопецком у. 1540 г. [ПКНЗ 4, 523, 526, 529, 580–583], а также геогр. *Речани* – села в Болгарии (12 пунктов), словен. *Rečani*, чеш. *Řečany*, *Řičany*, словац. *Podrečany* [Займов 1967, 165]. Все эти ойконимы обозначают поселенцев у реки подобно, быть может, названию дер. *Речицы* Посонского пог. Дер. пят. [НПК I, 67], если считать последнее образованием от синонимичного катойконима с суффиксом -*ичи* > -*ицы* (ср. аналогичного происхождения геогр. *Сабицы*, *Руницы*, отражающие наименования поселенцев на рр. *Саба*, *Руна*, см.). Геогр. *Осьяне* пуст. в Карачунском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 271] через имя поселенцев связано с первичным топонимом *Осье* от др.-рус. *осье* ‘осинник’, который писцовая документация отмечает неоднократно, ср. и *Осьянка* рч. при дер. *Осия* Селогорск. Новг. Кстати говоря, пуст. Карачунского пог. *Осьяне* 1498 г. указана как дер.

Осье в 1539 г., см. [Андрияшев 1914, 409]. Смежные дер. **Теребляны** (1-е и 2-е) Топорковск. Ок., ранее – Заозерской вол. Кр. у. [СНМНГ IV, 20], идентифицируются с дер. *Тереблено* Шегринского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 180, 243]. В данном случае старописьменная фиксация отсылает скорее к обозначению *теребленого*, т. е. расчищенного под пашню участка, однако поздняя форма – *Теребляны*, – безусловно, вторично сближена с обозначением людей (**теребляне* – ‘жители теребленого места’; ср. производные от подобного катойконима др.-болг. геогр. *Триѣви* из византийских источников, болг. геогр. *Требино*, согласно [Заимов 1967, 176]). На северо-восточной периферии изучаемой территории находилось сел. **Лучаны**, название которого семантизируется как ‘живущие на луке – речной излуцине’; этот пункт являлся средневековым территориальным центром. Описание погоста Воскресенского в *Лучанех* дают писцовые книги Обон. пят. 1564 и 1574 гг. [ПКНЗ 2, 129–131, 161], ср. еще средневековое *Лучани Сергеево* пуст. в Буецкой вол. Дер. пят. [ПКНЗ 5, 404]. Несколько современных ойконимов на -‘ане относятся к среднему течению Ловати: **Поляни** дер. Каменск. Холм. (ср. межславянские параллели: геогр. *Поляне*, *Поленье*, *Поляни* сел. в Болгарии, *Poljane*, *Podpoljane* в Словении, *Pol’any* в Словакии [Заимов 1967, 161]), **Жирияне** Каменск. Холм. (ранее – *Жирияне Большие*, *Жирияне Малые* Холм. у. Пск. губ. [СНМРИ 34, № 14363, 14364]), **Лужане** (*Лужани*) дер. в Торопецком р-не Твер. обл. Эти названия мотивированы наименованиями поселенцев на поле, открытой местности (**поляне*), на жирных, плодородных землях (**жирияне*), на луговой, т. е. низменной местности (см. применительно к дер. *Лужани*: «лежит в пониженном рельефе, между истоками Студенки и Оки» [Воробьев 1999, 66]). Древность перечисленных ойконимов проблематична: бесспорные топосоответствия к ним по писцовой документации нам не известны.

Неоднозначно решается вопрос о локализации древнего пункта **Черняне** (или *Черняны*), упоминаемого летописью под 1200 г. в сообщении о набеге литовцев в Южное Приильмень: «Ловоть взяша Литва и до Налюця, съ Бѣлее до Свинорта и до Ворча середу; и гнашася новгородьци по нихъ и до *Църнянь* и бишася с ними, и убиша Литвы мужь 80, а новгородьць 15» (Син. сп.); в Ком. Сп. после слов «бишася с ними» идет несколько иной фрагмент: «убиша у нихъ въ Клинь мужь 80, а новгородьць 15» [НПЛ, 45, 239]. Из приведенного фрагмента ясно, что пункт с названием *Черняне* (*Черняны*), которое не дают более поздние материалы, находился скорее всего в Нижнем Половатье, где-то между сохраняющимися донныне селениями Налючи и Доворец. В.Л.Янин идентифицирует летописных «*Църнянь*» с центром средневекового *Чернь-*

чицкого погоста на Ловати, расположенным в 15 км выше (южнее) Налючей [Янин 1998, 75].¹ В нач. XX в. здесь значились одноименные крупное волостное сел. и пог. Ст. у. [СНМНГ III, 114], сейчас – только дер. *Черёнчицы* Дубковск. Ст.

Предложенное мнение кажется вполне справедливым. Отождествление сел. *Черняны* с пунктом *Черенчицы*, центром погоста (ранее – также *Черньчицы*, *Черенчицы*, *Черенчинский* погост, см. [НПК II, 613, 616; IV, 328, 329, 331, 332, 335–343, 362, 459, 466; V, 48, 220–223, 236; ПКНЗ 4, 480]), подсказывается не только контекстом летописных ойконимов, обрисовывающих схему литовского маневра в Южном Приильменье, но и словообразовательной структурой самих географических названий. Тождество корня важно, но само по себе мало показательно, поскольку топонимов, производных от *чьрн-*, более чем достаточно. Более существенно то, что обе топонимические формы, из летописи и из писцовых книг, легко квалифицируются в качестве образований на базе катойконимов, разделенных синонимичными (изосемантическими) суффиксами -*'ане* и -*ичи*, которые расширяют общую основу *чьрн-* / *чьрньч-*, по всей видимости, истинного апеллятива, а не деапеллятивного антропонима. Суффиксальная синонимия создает предпосылки для суффиксальной мены (ср. при общей основе др.-рус. *озеряне* и *озеричи* 'живущие у озера').

Др.-новг. *Черняне* находит межславянские параллели в болг. ойкониме *Черне*, в словацком *Čereňany*, возможно, и в польском *Zaczerlany* с диссимиляцией $\check{n} > l$ (указаны по [Заимов 1967, 182]).

¹ Летописный рассказ оставляет ощущение двусмысленности относительно локализации битвы новгородцев с литовским отрядом. Судя по приведенному выше фрагменту из Синодального списка, погоня за литовцами продолжалась вплоть до *Чернян*, после чего состоялось сражение. Комиссионный список летописи уточняет место битвы введением топонима *Клин* («убиша у нихъ в *Клинѣ* мужъ 80, а новгородъць 15»), о котором ранее нам уже приходилось писать: по нашему мнению, этот топоним относился к части городской территории современного Холма [Васильев 2004] или же, по крайней мере, обозначал обширную местность близ Холма, как полагает В.Л.Янин [Янин 1998, 76–77, рис. 3]. Следует отметить, что уточнение «въ *Клинѣ*» появляется в Комиссионном списке, более позднем, чем Синодальный, соответственно, в нем ожидается и большее количество поздних корректур первоначального текста. В принципе, напрашиваются два предположения: 1) новгородско-литовское сражение произошло в *Чернянах*, а вставка «въ *Клинѣ*» просто уточняет исходный пункт литовского похода в Южное Приильменье, местонахождение плацдарма литовских набегов вообще; 2) сражение состоялось в Клине, поблизости о которого лежало селение *Черняне* – конечный, судя по тексту, пункт новгородской погони. Оказывается, однако, что дер. *Черенчицы*, с которой наиболее успешно отождествляются летописные *Черняне*, далеко отстоит от холмского Клина: их разделяет приблизительно 80 км пути вдоль берега Ловати. Поэтому, учитывая столь немалое расстояние между названными пунктами, более оправданной кажется первая из предложенных версий.

Геогр. *Бѣжане* (*Бѣжаны*) ур., локализуемое на восточном берегу оз. Ильмень где-то неподалеку от Гостецкого руч. и дер. Гостцы Новг. р-на (ср.: «Пожня Носок Сенкинской в Гостецком ручью да пожня наволочек в *Бежанех* да пожня Колиниская в Гостецком ручью» 1539/40 гг. [ПКНЗ 1, 365]). Другие сведения отсутствуют. Параллельный ойконим обнаруживается в верховьях р. Луги: *Бежаны* дер. Толмачевск. Луж., в XIX в. – *Бежана* дер. Луж. у. [СНМРИ 37, № 2082], более ранние сведения нам не известны. Названия отсылают к лексеме *бѣжане* мн. ч., скорее обозначению социальной категории, нежели катойкониму. Несомненно связь с др.-рус. *бѣжанинь* ‘беженец’ из документации XIV–XV вв., то же *бѣжлянинь*, *бѣжлянинь*, собир. *бѣжь* ‘беженцы, беглецы’ [СлРЯ XI–XVII 1, 90], сюда же пск. диал. *бежа* ‘укрытие, убежище’ [ПОС 1, 145], см. также [ЭССЯ 2, 93]. Снабженное синонимичным суф. *-ичи* др.-рус. обозначение беглецов, холопов, укрывавшихся от феодального гнета (*бѣжичи*; ср. еще чеш. *běžek*, словац. *bežec*, словен. *běžec* ‘бегун, беглец’ [SP I, 224]), нашло отражение в названии города *Бежецка* на р. Мологе Твер. обл.: последний унаследовал свое название от древнего укрепления *Бѣжичи*, которое находилось на периферии изучаемой нами территории, но сыграло значительную роль в истории Новгородской земли периода независимости и дало наименование одной из пятин – *Бежецкой*. Первое упоминание топонима – локатив «въ *Бѣжичихъ*» – содержит Устав Святослава Ольговича 1137 г., см. [Тихомиров, Щепкина 1952, 18–24], далее на протяжении XII–XV вв., по многочисленным свидетельствам новгородских летописей и грамот, фигурируют *Бѣжичи*, *Бѣжици*, *Бѣжицы* или с флексией *-ѣ* Им. мн.: *Бѣжичѣ*, *Бѣжицѣ* или *Бѣжицкой верх*, последнее применительно к окрестной территории. Все исследователи единодушно трактуют название с опорой на др.-рус. обозначение беглых людей, беженцев [Никонов 1966, 61; Нерознак 1983, 32; Поспелов 2001, 59], что поддерживается и старинным местным преданием, согласно которому город основан беглецами из Новгорода. Исконное название сохраняется до сих пор: его носит сел. *Бежичи* (*Бежицы*) на оз. Берестове у р. Мологи недалеко от *Бежецка*¹; в качестве межтерриториальных топонимических параллелей нужно

¹ Современный *Бежецк* унаследовал только имя, а не место исконных *Бежичей*. В 1272 г. после литовского набега *Бежичи* были разрушены, и центр волости переместился на 12 км юго-восточнее – в крепость *Городецк*, которая с учетом территориального наименования упоминалась как «*Городецко в Бежцком Верху*» еще в документах XVI–XVII вв. В XVII в. это был центр Городецкого стана. Вместо составного наименования однословное название *Бежецк* утвердилось за этим центром в XVIII в. при екатерининской губернской реформе (сведения из: [Поспелов 2001, 59; Носов 1994, 151]).

указать сел. *Бежичи (Бежицы)* под Брянском на р. Десне. Кстати, стоит отметить и геогр. *Бѣзуницы* сел., центр пог. Замозского в Бегуницах Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 578, 581, 592] (= совр. *Бежуницы* дер. Волос. р-на), а также *Бежаничи* в писцовой книге Пусторжевского уезда 1583 г., указанное в [Янин 1998, 145] (= совр. *Бежаницы* р. ц. Пск. обл.): последний ойконим как бы контаминирует словообразовательный состав геогр. *Бѣжане* и *Бѣжичи*, подчеркивая общность мотивировки. Вместе с тем весьма вероятно иная трактовка геогр. *Бежаницы*: на основе личного имени типа польск. *Wieżan* с 1384 г., болг. *Бежан*, *Бежанко* с XIII в., сербохорв. *Бжежан* [Займ. БИ, 16; Грк. РЛИКС, 36]; ср. *Бежаново* дер. на р. Шуста Муромского у. Владимирской губ. [Vasm. RGN I 2, 303], в Польше геогр. *Wieżaniśce*, *Wieżanów*, сербохорв. *Vežanići* [SP I, 224; Miklosich 1927, 38].

В заключение изложим краткие комментарии к нескольким новгородским названиям на *-цы*, которые, на наш взгляд, тоже должны рассматриваться в качестве откатойконимных. Пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией этого типа является старописьменное геогр. *Хотобужцы-Огурково* дер. 1571 г. в Сабельском пог. Шел. пят. [НПК V, 513, 514]. Топонимическая форма *Хотобужцы* мотивирована катойконимом **хотобужьци* под которым нужно понимать переселенцев из близлежащей дер. *Хотобужи*, находившейся в этом же погосте (см.). Название дер. *Волдайцы* Пиросского пог. Дер. пят. около 1495 г. [НПК I, 447] (по источнику 1551 г. – дер. *Волдайца* [ПКНЗ 5, 192]) первоначально могло обозначать именно поселенцев у р. *Волдая*, *Волдайца* (сегодня – р. *Валдайка*, текущая из оз. Валдайского в оз. Пирос); кроме того, остается вероятность, что деревню основали переселенцы из окрестностей оз. *Волдай* или из дер. *Волдая* в близлежащем Нерецком пог. [НПК I, 550]. Теоретически можно допустить, что переселенцы из некоего пункта, именовавшегося *Манушкино* (НПК указывают несколько таких пунктов), дали название дер. *Манушкинцы* Городенского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 75], а сельцо *Горцы* Коростынского пог. Шел. пят. 1524 г. [НПК V, 392] (в нач. XX в. село и пог. *Горцы* Подгощской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 102–103], сегодня – дер. Подгощск. Шим.) было заложено *горцами* – людьми, поселившимися на возвышенной местности (на *горе*) или даже переселившимися из дер. *Гора*. Перечисленными фактами не исчерпываются все откатойконимные названия на *-цы* в Новгородской земле, но в целом они здесь весьма немногочисленны.

Глава 6.

Топонимия, равная личным именам

Топонимы, совпадающие в своих исконных и устойчиво воспроизводимых формах с древнеславянскими личными именами (т. н. «асуффиксальные», или «бессуффиксные», названия: геогр. *Моглогость* = личн. *Моглогость*), составляют в новгородском материале сравнительно небольшой процент. Категория таких названий, которые спорадически обнаруживаются по всей Славии, почти не была предметом специального рассмотрения. Отсутствие внешнего оформления, уточняющего деривационное отношение имя → топоним, оставляет широкий простор для различных трактовок номинативно-семантической стороны такого рода образований. Конкретные механизмы появления и закрепления их зачастую не видны. С определенностью можно констатировать только то, что они возникали самыми разными путями как в ранние, так и в поздние эпохи.

Очевидной особенностью асуффиксальных деантропонимных названий, известных по старописьменной документации, является достаточно регулярная прикрепленность к небольшим гидрографическим объектам – ручьям и озерам (см. приводимые в предыдущих главах геогр. *Моглогость*, *Некость*, *Онегость*, *Вяргость*, связанные с ручьями и речками, *Негосто*, *Ладомер*, относящиеся к озерам). Ойконимы, образованные по модели геогр. = личн., тоже спорадически встречаются, хотя в ряде случаев они явно дублируют названия смежных водных объектов: дер. *Коремера* на р. *Коремера*, дер. *Жиробуд* над оз. *Жиробудом*, дер. *Меренога* близ оз. *Меренога* и р. *Меренога* и т. п.

Часть топонимических форм в рамках условной модели геогр. = личн. «выкристаллизовалась» из первоначальных («предойконимных») посессивных конструкций. Повышенное количество таких названий было отмечено на территории Болгарии и в целом на славянском юге, в чем подозревают неславянское (турецкое) влияние. По мнению С. Роспонда, это т. н. «мемориальные названия» («nazwy pamiętkowe»), не отмеченные особой древностью; они отнесены исследователем к поздним, новейшим образованиям от различных словосочетаний с притяжательными прилагательными (к примеру, гуцульск. геогр. *Ostapiuk < Wierzch Ostapiuków*, геогр. *Chomiak < Stóg Chomiakowski*) или с родительным принадлежности типа *Hadźića Selo* [Rospond 1957, 41; 1983, 29–30]. Однако материал новгородских писцовых книг конца XV–XVI вв. показывает немало топонимических архаизмов, которые появились на базе др.-слав. композитных, префиксально-корневых и прочих антропонимов, отсылающих к раннеславянскому времени. Эти архаизмы по количеству явно не уступают сравнительно поздней топонимии, омонимичной христианским именам, которая извлекается из материалов XIX–XX вв. Последнюю как правило составляют микрогидронимы: *Кузьма* руч. в Порх. у., *Матюха* руч. в Холм. у. (: личн. *Матвей*) (по [Агеева 1989, 70]), *Федос* порог в верховьях Волги [Судох. дор.] и др.

Иногда поздние бессуффиксные микрогидронимы представлены христианскими именами, развившими экспрессивно-оценочные коннотации. Превращение имени в апеллатив позволяет квалифицировать и соответствующие топонимические факты как экспрессивно-образные, прозвищные наименования. Рассмотрим два примера. В гор. Старая Русса бывшее заглохшее русло р. Порусьи примерно с XVIII в. называется *Малашкой*. Гипокористическое личн. *Малашка* (< *Маланья*) приобрело в русской народной культуре апеллативные черты: *Малашкой* обозначают глуповатую, бестолковую, беспутную женщину или неряху, растяпу [Кондратьева 1983, 70]; данный экспрессив как раз и был закреплен за ненужной, заросшей («бестолковой») протокой р. Порусьи. Близкими коннотациями бестолковости, праздности, неумелости окрашено имя *Акулина* [Кондратьева 1983, 20; Отин 1997, 172–173], оказавшееся добродушно-насмешливым наименованием песчаных кос на р. Мсте – *Акулина Большая*, *Акулина Малая*, вместе с которыми значится еще коса *Добрая Жена*. В сравнении со мстинскими порогами эти песчаные отмели не представляли большой опасности для судоходства, потерпеть аварию на косе можно было только по глупости лоцмана (подр. см. [Васильев 1997]).

Р.Мароевич намечает следующий вероятный путь становления модели геогр. = личн. Со ссылкой на Р.Бошковича он пишет о том, что «притяжательные прилагательные от личных имен создавались без ограничений в славянских языках с помощью основообразующего суффикса *-ъ < -os*». Такие посессивы внешне не отличались от личных имен; ср. засвидетельствованную в старосербохорватском языке надпись «синь Бреть» (надгробная плита), в которой *Бреть* – прилагательное на *-ъ* от сокращенного личного имени *Бреть < *Bretislavъ* [Мароевич 1989, 125–126]. Притяжательные формы прилагательных на *-ъ, -а, -о* муж., жен. и ср. р., разумеется, проникали в праславянскую топонимию. Так, ойконим *Милослава*, по мнению исследователя, возник в результате эллипсиса сущ. жен. р. *вьсь* ‘село’ в посессивной синтагме типа *Miloslava vьсь* [Мароевич 1997а, 83; 1997б, 162] (букв. ‘Милославо село’). Имея в виду указанную возможность суффиксации, новг. асуффиксальные ойконимы, скажем, *Любонег дер., Гореслава дер.* тоже допустимо истолковать аналогичным образом: как исходные посессивы **Любонѣъ, *Горислава*, равные личным именам, первоначально согласованные с некими топографическими терминами.

Идея о притяжательных формах на *-ъ, -а, -о* выглядит перспективной при выяснении общих истоков модели геогр. = личн., однако на др.-новг. языковом материале она не находит подкрепления. Новгородская письменность не удостоверяет наличия соответствующих прилагательных от личных имен, что же касается равной личным именам топонимии, то она состоит из разнородных и разновременных образований, теоретически допускающих и иные осмысления. Существенным сигналом стало бы топонимическое проявление членной формы притяжательного прилагательного с суф. *-ъ < *-os* (ср. др.-рус. название гор. *Боголюбы* во Владимирской земле: личн. *Боголюбъ* [Мароевич 1997а, 82]), однако подобные факты на новгородском топонимическом материале нам не известны.

В редких случаях названия, относящиеся к модели геогр. = личн., получают sporadическое оформление т. н. суффикс-флексиями *-а, -о*. См. ниже фиксации геогр. *Вычемер, Сенѣг*, устоявшихся позднее в виде *Вычемера (> Вычерема), Сенег*, или колебания форм *Любонег / Любонѣга, Онег / Онега*. Факультативные формы на *-а, -о* появляются благодаря согласованию географического названия с опорным термином по морфологическому роду: *Онег* ручей и *Онега* деревня, *Некостъ* ручей и *Негосто* озеро.

Для рассматриваемой топонимии наиболее характерно широкое морфологическое пересечение с деантропонимной топонимией на *-и/-ы*

мн. ч. См. ниже в парадигме одного или смежных названий наличие вариантов *Онег / Онеги, Людемера / Людемеры, Доброст / Добрости, Жирятка / Жерятки, Невѣр / Невѣры, Сошиа / Сошии, Миронѣз / Миронегу* и др. Данная особенность подсказывает еще одно направление в поисках истоков модели геогр. = личн. Соответствующие топонимы изредка выступают неустойчивыми вариантами родовых плуральных названий на *-и/-ы* благодаря колебаниям ед. и мн. ч., но чаще они возникали параллельно родовым названиям: если, скажем, геогр. *Ожееды* закрепилось по роду или семье *Ожеѣдов*, поселившихся в данной местности, то геогр. *Онег* — по поселенцу *Онѣгу*. В последнем случае происходила первоначальная простая топонимизация личного имени, ср., к примеру, геогр. *Дмитрок, Кудря, Жирятка* как наименования недавних поселений (починков) в Беж., Дер. и Вод. пят. [НПК VI, 215; I, 720; III, 42]. Однако в ойконимической сфере асуффиксальная модель оказалась очень неустойчивой: со временем такие ойконимы обычно переоформлялись по продуктивным моделям с посессивной суффиксацией или на *-и/-ы*. Но названия, равные именам первопоселенцев, порой переносились и на смежные водоемы, причем закреплялись за ними более прочно, чем за селениями: это обусловлено тем, что для гидронимии нетипичны посессивные модели деривации и менее стандартизовано оформление в целом.

Бессуффиксные топонимические формы иногда появляются из йотово-посессивной топонимии путем отвердения конечных сонорных или утраты конечной эпентетической *-л'*. Вариантность в парадигме одного названия, удостоверяемая письменностью, отчетливо свидетельствует об этом, ср. рассмотренные ранее геогр. *Видимир оз., Жирослав оз., Гослав дер., Радослав пуст.* как варианты исконных *Видимирь, Жирославль, Гославль, Радослове* (см.). В тех случаях, когда йотово-посессивные варианты не засвидетельствованы, предположение о вторичности бессуффиксных топонимических форм на сонорные и губные остается субтеоретическим.

Некоторые названия, равные личным именам, возникают в результате различного рода переосмыслений и фонетической аттракции созвучных форм. Ср. геогр. *Ваня* применительно к речке басс. Мологи, вытекающей из оз. *Ивань* [Шан. РЛЛО, 198]: здесь йотово-посессивный деантропонимный лимноним обусловил «гипокористическую» форму речного названия. Геогр. *Кузьма* (вар. *Кузка*) рч. басс. Важинки, пр. пр. Паши в Юго-Восточном Приладожье [СГЮВП, 19], является явным результатом переосмысления приб.-фин. гидронимической основы *kuz-* по облику русского личного имени, ср. связанное с этой речкой оз. *Кузо-*

зеро (*Кузянозеро, Кузанозеро*) и наличие таких гидронимов, как *Кузома, Кузрека, Кузручей, Кузрозеро* и др. [СГЮВП, 129, 175].

Таким образом, в Новгородской земле под условной моделью геогр. = личн. объединены генетически разнородные географические названия. Ниже подробно анализируются наиболее архаические из них, извлеченные преимущественно из старописьменной документации и основанные главным образом на древних композитах и префиксально-корневым личным именам.

Вычерема дер. Вычеремск. Люб. на правом берегу Мсты, фиксируется письменностью с XVI в. В писцовой книге Беж. пят. 1564 г. перечислены деревни в погосте Богородицком на Белой, которые принадлежали Воскресенскому женскому монастырю, стоявшему в Гончарном конце древнего Новгорода. Среди них дер. *Нижней Вычермер*, 3 двора, 2 обжи [НПК VI, 859], с которой отождествляется современная *Вычерема*. Согласно более поздним источникам, деревня числится в составе Лъзичской вол. Бор. у. В материалах Ген. меж. 1785 г. под № 2176 она отмечена как *Вычермера*, «11 дворов, на суходоле», этот вариант названия повторен позднее в «Материалах для оценки земельных угодий» по Бор. у. 1914 г. [Карт. Гарн.]. В географическом описании Новг. губ. 1849 г. – село *Вичемери* [ВСОРИ, 138], в [Судох. дор., 126] (1855 г.) – дер. *Вичемира*, в списках селений нач. XX в. фигурирует уже современное название – *Вычерема* [СНМНГ IV, 56–57]. Указанные письменные фиксации показывают последовательное преобразование формы *Нижней Вычермер* в *Вычерему*, которое заключалось в утрате дифференцирующего определения, в смене грамматического рода на протяжении XVII–XVIII вв. (*Вычермер* > *Вычермера*) и в метатезе (*Вычермера* > *Вычерема*, XIX в.). Ранняя топонимическая форма *Нижней Вычермер* указывала на местоположение деревни ниже по реке относительно другого одноименного пункта. Вероятно, этим другим пунктом была однодворная дер. *Вычермер*, стоявшая выше по течению Мсты в пог. Волок Держков 1564 г. [НПК VI, 997]. С ней соотносится дер. *Вычерема* бывшей Белавинской вол. Бор. у. в 19 верстах от Боровичей [СНМНГ IV, 10–11], которая в отличие от рассматриваемой *Вычеремы* Любытинского р-на исчезла в 1-й пол. XX столетия.

Сохраненное средневековой письменностью геогр. *Вычермер*, обусловившее современное *Вычерема*, безусловно, отсылает к древнерусскому периоду. Новгородский ойконим (первоначально гидроним?) не одинок: приводились параллельные ему укр. *Вичеро* (вар. *Вичамерове*) оз. в Ровенской обл. [Шульгач 1998, 309] и польск. *Weczmer* оз. басс. Вислы [НВ, 272]. Название базируется, очевидно, на др.-рус. личн. *Вячерь*, которое удостоверяют др.-чеш. личн. *Viečer*, польск.

Więcimir, сербохорв. *Većemir*, *Więcemiar* [Svoboda 1964, 90; SSNO VI, 75–76; Taszycki 1958, 129] и с общим препозитивным элементом (из прасл. **veŕje* ‘больше’) польск. личн. *Więcemil*, чеш. *Váčemil*, чеш. *Václav*, рус. *Вячеслав* и др. Преобразование *Вя-* > *Вы-* первого слога объяснено влиянию префикса *вы-*, ср. в этой связи также *Ви-* > *Вы-* в геогр. *Выдомирь* (см.). Реконструкция геогр. *Вычемер* из некоего личн. **Вычемѣрь*, содержащего компонент *Выче-* (к др.-рус. *вычение* – ‘наука, учение’ [СлРЯ XI–XVII 3, 273]) и осмысляемого как ‘славный в учении’, безосновательна, поскольку данная основа в древнеславянской композитной антропонимии отсутствует.

Лядимера ур. в окрестностях дер. Владычно Перелучск. Бор. (по сообщению С.Ф. Голубева, 1964 г.). В материалах Ген. меж. 1785 г. под № 3143 – «пустошь *Людимеры* на ручье Безымянном», в МОЗУ 1914 г. – *Людимера* пуст. в 5 верстах от р. Уверь [Карт. Гарн.]. Соотносится с др.-польск. личн. *Ludzimir* [Malec 1971, 93], др.-чеш. *L'udimir* [Svoboda 1964, 78], полаб.-помор. *L'udzimer* 1296 г. [Schlimpert 1978, 79]. Ср. геогр. *Людмирполь* – немецкая колония у гор. Владимир-Волынский на северо-западе Украины, *Людмирово* ус. около Соколки в бывшей Гродненской губ. [Vasm. RGN V 2,296], геогр. *Ludemer* 1234 г. (под 1235 г. – *Ludzimierz*, под 1238 г. – *Ludemir*) в Польше к югу от Кракова [Rospond 1983, 89].

В Бельском пог. Шел. пят. под 1571 г. писцовые книги указывают оз. *Сядимер*: «Дер. Горка у погоста надъ озеромъ надъ *Сядимеромъ*» [НПК V, 531, 541] (по книге Шел. пят. 1581–1582 гг., – оз. *Сядмер* [Неволин 1853, 92 прил.]), а в соседнем Лядском пог. – руч. *Сядемер* басс. верховьев Плюссы [НПК V, 563], связанный, надо полагать, с одноименным озером. Эти гидронимы адекватно соответствуют др.-польск. личн. *Sędzimir*, *Sędomir* [SSNO VI, 34–35; VII, 222], источником которого считают прасл. **Sōdimir* (к **sōditi* ‘судить’), ср. и польск. *Sędzislaw* = чеш. *Sudislav*. Следовательно, новгородские гидронимы могут рассматриваться как любопытные ранние отражения специфически польского развития носовых, хотя модификация геогр. *Сядимер* из «правильного» др.-рус. личн. *Судимирь* [Туп. СДЛСИ, 434], разумеется, не исключена. Данный композит хорошо известен также по архаической топонимии всех групп славян: геогр. *Судимир* дер. на р. *Судимерка* Жиздринского у. Калужской губ., *Судимирка* дер. на Волге около Твери, *Судимиры* дер. под Нерехтой Костромской губ. [Vasm. RGN VIII 3, 629], *Sudoměř* (дважды) и *Sudoměřice* (дважды) – селения в Чехии [Prof. MJ IV, 229–230], геогр. *Sądzimirz* (> нем. *Santzemer* 1369 г.) сел. в повете Камень-Поморский в Польше, *Sandomierz* (рус. *Сандомир*) гор. на юго-востоке Польши, нем. *Klein Santerleben* сел. около Магдебурга в Саксонии (<

др.-луж. **Sodomirjъ*), *Σανταμίρι* сел. и гора в Ахае в Греции (< др.-слав. **Sodomirjъ*) [Rospond 1983, 122–123].

Гореслава дер. в вол. Гостыничи Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 483]. К личн. *Горѣславъ* / *Гориславъ*, которое было употребительным в новгородско-псковском ареале; ср. отчества таких персонажей, как Богуслав *Гориславичъ* – новгородский боярин 1228–1229 гг., Вячеслав *Гориславичъ* – псковский наместник 1232 г. [НПЛ, 67, 68, 71, 72], новгородец *Гориславличъ* по новг. бер. гр. № 262 70–90-х гг. XIV в. [Зализняк 2004, 609]. Имя использовалось западными славянами: польск. личн. *Gorzyslaw* [Malesc 1971, 87], чеш. *Horěslav*, полаб.-помор. *Gorislav* и там же полаб. геогр. *Gorezlawe* [Svoboda 1964, 76], реже встречалось на юге: серб. *Горислав* [Грк. РЛИКС, 66]. У восточных славян см. еще ойконимы *Горислов* (*Горыслове*) недалеко от гор. Стародуб бывшей Черниговской губ., *Гореславы* (*Гориславец*) хут. на р. Кагамлык недалеко от гор. Кременчуг Полтавской губ., *Гориславка* дер. на берегу Волиги Костромской губ. и сел. в Рославльском у. Смоленской губ. [Vasm. RGN II 2, 465, 466]; у западных славян см. геогр. *Hořeslav* в Чехии [Prof. MJ I, 697], полаб. *Gorezlawe* 1230 г., откуда нем. *Gösslaw* в окрестностях гор. Хагенов, такого же происхождения нем. *Göslow* (дважды) недалеко от гор. Гриммен на северо-востоке Германии, геогр. *Gorzeslaw* в Польше, геогр. *Garislow* (по источнику 1404 г.) и *Goroszló* на территории Словакии и Венгрии [Rospond 1983, 73].

В пойме оз. Ильмень при впадении Ловати находится оз. **Любжир**, 75 га [Истомина, Яковлев 1989, 130]. Лимноним восходит, по-видимому, непосредственно к личн. **Люб(о)жиръ*; мотивирующий антропоним представлен с усечением гласной первой части. Основы *-люб-*, *-жир-* используются в составе многих дохристианских имен в первой и во второй позициях; ср., с одной стороны, прасл. личн. **L'ubomirъ*, **L'ubomilъ*, **L'ubislavъ*, с другой, – личн. **Dobrožirъ*, **Domažirъ*, **Sъděžirъ*, **Žirowslavъ*, **Nažirъ* и т. п. Геогр. *Любожир* указывалось также в Волынском Полесье на Украине [Купчинский 1981, 189].

Чебажир (по [Шан. РЛЮ, 170] – *Чебожир*) руч., пр. пр. Луги в Волос. р-не Лен. обл. Очевидно, данный гидроним обусловлен личн. **Чебажиръ* / **Чебожиръ* с этимологически неясным первым компонентом. Судя по всему, это один из поздних композитов на *-жиръ* прозвищного характера, принадлежащий к ряду др.-новг. личн. *Мутижиръ* 2-й пол. XI – 1-й пол. XII в. [Медынцева 1978, 86; надп. 115] (которое, кстати говоря, продублировано гидронимом *Мутежер*, лев. пр. Турьи, лев. пр. Припяти, указанным в [Топоров, Трубачев 1962, 196]), др.-чеш. *Vrtěžir*, др.-польск. *Wircizyr* [Svoboda 1964, 92].

Онег ур. на левом берегу Волхова к северу от Новгорода, ранее – населенный пункт, часто фиксируемый источниками нач. XVI в. Первоначально отмечен как дер. *Над Онѣгом* Антоновского пог. на Волхове Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 474], в материалах более позднего времени по этому погосту название варьируется: дер. *Под Онегом* 1540 г., дер. *Онег* 1570/71 г., пуст. *Под Омугом* (?) 1582 г., дер. *Онеги* 1646 г., ус. *Онег* 1669 г., дер. *Онега* 1678 и 1718 г., дер. *Онегино* 1709 г., сельцо *Онег* 1788 г., см. [Селин 2003, 236, табл. 22]. Рядом в пог. Петровском на Волхове, некогда значился второй одноименный пункт: дер. *Онѣ* 1500 г. [НПК III, 485], затем дер. *Ониф* 1540 г., пуст. *Онега* 1570/71 г. [Селин 2003, 239, табл. 23]; этот пункт, надо полагать, территориально и топонимически имел определенное отношение к *Онегу* Антоновского погоста. В XIX–XX вв. селение отмечалось в составе Подберезской вол. Новг. у.: дер. *Онеги* 1855 г. [Судох. дор., 164], имение *Онег*, принадлежавшее Муравьеву, в 31 версте от Новгорода [СНМНГ I, 52–53]. Ранние формы *Под Онегом*, *Над Онегом* свидетельствуют о вторичном характере ойконима, продублировавшего, очевидно, название ручья, впадающего в Волхов. Последнее обусловлено др.-слав. личным именем **Онѣзь*, которое отложилось еще в геогр. *Онежицы* (см.; там же и обоснование личн. **Онѣзь*). Максимально близким соответствием новг. геогр. *Онег*, быть может, является гидроним *Онѣг* в Сербии, указанный в списке [Павл. ХС].

Любонег дер. на рч. Лютка Замошк. Дн. к северу от ж. д. ст. Дно, бывшая ранее в Порх. у. [СНМРИ 34, № 11259], = *Лѣбонѣга* дер. Илеменского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 169]. Другая новгородская деревня с названием *Любонѣ* значилась в Демонском у. Дер. пят. [НПК II, 506]. Название возводится к личн. **Любонѣзь*, самостоятельно не отмеченному, хотя обе части этого композита хорошо знакомы древнеславянскому антропонимикону.

Жетонег (*Большой* и *Малый*) – озера в Осташковском р-не Твер. обл. западнее Сосницкого плеса оз. Селигер. Лимноним омонимичен др.-слав. личн. **Житонѣзь*, которое самостоятельно не указывалось, но состоит из компонентов, хорошо знакомых по другим композитам: относительно первого – *Жито*- ср. хотя бы новг. личн. *Житобудъ* (подр. см. *Жидобужи* дер.). Эквивалентное название отмечено в бывшей Могилевской губ.: *Житонезье* сел. Рогачевского у. [Vasm. RGN III 2, 300], по словарю топонимов Белоруссии [Жучкевич 1974, 124], – это *Житонез* в Буда-Кошелевском р-не неподалеку от Гомеля.

Жиробуд дер. над оз. *Жиробудом* Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 226, 227]. Ойконим в этом же облике дан в материалах 1539/40 и 1582 гг., но в документе 1748 г. уже фиксируется

дер. *Жеребуд*, в документе 1791 г. – *Жеребут* [Селин 2003, 159, табл. 13]. В настоящее время колебания в написании остались: на современной топографической карте обозначено *Жеребут* дер. при оз. *Жеребутское* к востоку от гор. Луга, а по справочнику [АТД Лен. обл.] – *Жеребуд* дер. Каменск. Луж. Ойконим, по всей вероятности, повторяет лимоним *Жиробудь*, соотносимый с антропонимом **Жиробудь* пожелательного характера ('будь богатым', ср. др.-рус. *жирь* 'богатство, довольство'); к препозитивному *Жиро-* ср. зафиксированные новгородской берестяной письменностью *Жирославъ* (гр. № 67, 657, 573), *Жировить* (гр. № 246), к постпозитивному *-будь* ср. *Житобудь* (гр. № 526), *Жизнобудь* (гр. № 607, Ст. Р. 16), перечисленные в [Зализняк 2004, 739]. Не проясняется ли с учетом трактовки геогр. *Жиробуд* > *Жеребут* также загадочное геогр. *Шеребут* дер. в Листовском пог. Дер. пят. [НПК I, 704]? Его нетрудно объяснить на базе личн. **Жиробудь*, но при этом следует допустить произвольный характер отражения инициальной *ж* в виде *ш*. Прибалтийско-финские истоки слабого различия глухих и звонких согласных могли и здесь оказать свое влияние; ср. в берестяной письменности написание геогр. *Своподь* вместо *Свободъ*, *Доброкостецихо* вместо *Доброгостыцихъ* [Зализняк 2004, 500].

Чабуд дер. Петровского Борисоглебского пог. в Боровичах Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 962, 964], она же – *Чабут* под 1525/26 г. [ПKNЗ 3, 2]. Обосновывается личн. **Чабудь*, сохраненным только ойконимией, ср. восходящее к данному имени йотово-посессивное геогр. *Čibuz* сел. в Чехии, известное по документации 1143–1148 гг., оно же *Čábuzе* [Prof. MJ I, 342]. К характеристике антропонимии с элементом *Ча-*, *Че-* см. описания геогр. *Чанеж*, *Чагоша*.

Воибуцкая Гора дер. Вышневолоцкого у. Твер. губ. сер. XIX в. [Vasm. RGN II 1,137], более ранние источники этого пункта не знают. Форма ойконима указывает на личн. **Воибудь* ('будет воином'), не осложненное притяжательной суффиксацией. Суф. *-ск-* в свою очередь вторичен. Данный антропоним «отпечтался» еще в йотово-посессивном геогр. *Wojbądz* полабских славян (нем. *Wobbanz*) – средневековом сел. на острове Рюген у северо-восточного побережья Германии [Rospond 1983, 148].

Небут дер. Листовского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК I, 698], по писцовой книге 1538/39 г. – *Небуть*: «в вопчей деревне в *Небутии*» [ПKNЗ 4, 146, 148]. Допустимо квалифицировать как деантропонимное название: из личн. **Небудь*. Ср. того же корня и той же апотропеической семантики, но, видимо, более поздние отпричастные личн. **Небыть*, *-а* и **Небыль*, *-а*, давшие новг. геогр. *Небытино* дер. Влажин-

ского пог. Дер. пят. конца XV–XVI вв. [НПК I, 750; ПКНЗ 4, 167] (позднее – дер. на рч. Колпинка Мануйловской вол. Ст. у. [СНМНГ III, 76–77]) и **Небылицы** дер. и ус. на оз. Березовик Ивантеевской вол. Валд. у. [СНМНГ V, 46–47] (более ранние сведения не известны). Из антропонимических фиксаций стоит привлечь личн. *Небытов*, отчество новгородца, казненного в 1570 г. [Вес. Он., 214], др.-польск. личн. *Niebuł, Niebylec*, патроним *Nebylczyc* [SSNO I, 293; IV, 34], др.-слав. *Небыль* [Мор. СИ, 135], ст.-рус. личн. *Небылица*, 1625 г. [Вес. Он., 214]. Новг. ойкониму *Небытино* эквивалентны блр. *Небытов* и *Небыты* сел. недалеко от Речицы и Новогрудка Минской губ., *Niebułówka* сел. близ Канева Киевской губ.; новг. *Небылицы*, в свою очередь, находит межтерриториальные топосоответствия в геогр. *Небылицы* и *Небылицынский* – пункты Вятской губ., укр. *Небилів* сел. на р. Ломнице в районе гор. Калуш в Галиции (сегодня – Рожнятовский р-н Ивано-Франковской обл.), геогр. *Niebuła, Niebylec* в Восточной Польше (материал по: [Vasm. RGN VI 1, 110; Худаш, Демчук 1991, 139]).

Любожат дер. Успенского Сабельского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 114], отмеченная позднее только в 1568 г. [Селин 2003, 175, табл. 16]. Ойконом равен антропониму **Любожадь*, второй компонент которого родствен др.-рус. *жадати, жадыти* (< **žed-*) ‘сильно желать, хотеть чего-л.’ [СлРЯ XI–XVII 5, 69]. Ср. еще гидроним *Любожада* (*Любожеда*) р. басс. Уборти справа от Припяти, который считается недостаточно ясным [Топоров, Трубачев 1962, 202–203; Трубачев 1968, 79, 256]; на наш взгляд, он продолжает деантропонимную форму **Любожада*: личн. **Любожадь*, изменение начального *Лю-* > *Ли-* является регулярным (см. о нем в связи с геогр. *Литовичи*). Антропонимическая основа *-жад-* проявляется часто, но, пожалуй, лишь в восточнославянской ономастике. Ср. др.-новг. личн. *Жадыко* в бер. гр. № 235, 239, 729 (сер. – 2-я пол. XII в.) [Зализняк 2004, 374, 380, 455], новг. **Жадох** дер. в Семеновском пог. в Вудрицах Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 790] (асуффиксальный ойконим, равный гипокористике **Жадохъ*, соотносимой с композитом типа **Жадославъ*), блр. *Онжадов* и *Онжадово* – пункты в бывшей Виленской губ. [Vasm. RGN VI 2, 422] (к антропонимическому композиту **Он(о)жадь* с местоимением *онь* ‘тот’ в первой части), новг. геогр. **Жадово**, **Жадино**, **Жадина Лука** [НПК III, 355; I, 712; IV, 347], **Жадово** дер. на р. Сясь Жуковской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 46–47], а также одноименные и сходноименные пункты неподалеку от Вильны, Чернигова, Тулы, Тамбова и др., см. [Vasm. RGN III 2, 258].

Раджда дер. Успенского Сабельского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 141], которая по более поздним источникам проходит только под назва-

нием *Раджа* [Селин 2003, 180, табл. 16]. В нач. XX в. *Раджа* – дер. Самокражской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 70–71], сегодня – дер. Озеревск. Бат. Раннюю форму ойконима – *Раджода* – предпочтительно обусловить антропонимическим композитом **Рад(о)жадь* в рамках асуффиксальной модели. Первая часть сложения характерна для древнеславянских личных имен, к обоснованию второго компонента см. выше геогр. *Любожат*: личн. **Любожадь*. Упрощенная форма *Раджа*, по-видимому, вторична: она преобразована из формы *Раджода*, потерявшей мотивированность.

Недожад дер. Минецко-Старскогорской вол. Бор. у. на рч. *Недожадка* [СНМНГ VI, 72–73] (в [Шан. РЛЮ, 456] – рч. *Недожатка*, пр. Смердомли басс. Чагоды); по материалам Ген. меж. 1785 г. под № 2745 – дер. *Недожат* «речки *Недожатки* на левом берегу» [Карт. Гарн]. Писцовыми книгами не фиксируется. Ойконом скорее всего получен по гидрониму, который равен префиксально-корневому антропониму **Недожадь* с негативно-охранной семантикой ('нежеланный'); ср. еще близкое по смыслу личн. **Нежадь*, извлекаемое из ойконима **Нежадово** дер. в Бельском пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 523] и, быть может, из гидронима *Нежадка* пр. пр. Устрома, лев. пр. Днепра, отнесенного достаточно условно к балтийскому слою названий [Топоров, Трубочев 1962, 198]. Сложный префикс со значением неполноты действия в антропонимии хорошо известен; ср. хотя бы др.-чеш. личн. *Nedomil* [Svoboda 1964, 101], иные подробности см. в геогр. *Недомысли*. В сопоставительный ряд образований с этим префиксом вписывается также средневековый новг. ойконом **Недомек** [НПК VI, 496, 506], равный прозвищу **Недомек*, ср. рус. *смекасть*, *намекасть*.

Гомысль, или *Гомысл*, дер. Нерецкого пог. Дер. пят. в конце XV–XVI в. [НПК I, 343; ПKNЗ 5, 222], в [НПК VI, 76] отмечена как дер. *Гомысло* 1545 г. Изгонные книги новгородских ямов 1576 г. указывают дер. *Гомысл* у рч. «Волдайцы подле Волдая озера» в Нерецком пог. (по [Поведский 1997, 21]). Пункт упомянут еще в акте 1657 г. в связи со строительством Иверского монастыря: «... и от *Гомысел* и от Зимней горы угловую башню дорубили и покрыли» [АИСМ, № 90, 260], дальнейшие сведения о нем неизвестны. Название, по-видимому, изначально относилось к асуффиксальной модели и равно личн. **Гоемысль*. Мотивирующий антропоним семантизируется как 'сильный мыслью' (корень прасл. **goiti* 'быть сильным' + *-мысль*); к первому компоненту ср. чеш. *Hojislav*, словен. *Gojmir* и личн. **Гоинѣзь*, реконструируемое по новг. геогр. *Ганежи* (см.).

Радобол дер. в Петровском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 482]. Ойконом прослеживается по писцовой документации 1540, 1570/71 и 1582 гг.,

но в дозорной книге Вод. пят. 1615 г. связанная с ним деревня уже именуется *Карпино*, см. [Селин 2003, 239, табл. 23]. В нач. XX в. на месте деревни значилась ус. *Карпино* на левом берегу Волхова в Подберезской вол. Новг. у. [СНМНГ I, 50–51], дальнейшие сведения о которой теряются. Геогр. *Радобол*, по нашему мнению, соотносится с др.-слав. личн. *Радобьль*, которое хорошо известно как самостоятельно, так и по ряду топонимических производных, среди которых *Радбилицы* (см.).

Невѣр оз. у дер. *Невѣры* (или *Сухая Ветошь*) в Вельевской вол. Дем. у., там же руч. *Невѣрка* [СНМНГ II, 2–27], = *Невѣр* дер. в вол. Демон Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 505], по документации 1540-х гг. – *Неверы* [ПКНЗ 4, 470]. Название восходит к префиксально-корневному личн. *Невѣръ*, которое встречалось у восточных славян еще в XVI–XVII вв. Его показывает новг. бер. гр. № 98 сер. XIV в. (через патроним *Невѣровици*, см. [Зализняк 2004, 553]) и многие древне- и старорусские, староукраинские, старобелорусские источники [Вес. Он., 214; Бирьла 1969, 301; Демчук 1988, 118]. Имя отразили немало новгородских ойконимов: **Невѣрино** дер. в Никольском Передольском и в Ильинском Тигодском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 177, 793], **Невѣровици** и **Невѣричи** – сел. в Григорьевском Лъешском и Никольском Ястребинском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 798, 793], **Невѣрово** – пункты в Вод., Шел. и Беж. пят. [НПК III, 407; IV, 137]. Топонимические следы личн. *Невѣръ* встречаются широко на восточнославянской территории, вплоть до Архангельска, Нижнего Новгорода и Астрахани [Vasm. RGN VI 1, 112]. Реже проявляется это имя в западнославянском ареале, еще реже на славянском юге. Ср. полаб.-помор. личн. *Nevěř* и там же, в басс. Эльбы, нем. геогр. *Neversfelde*, *Neversdorf*, *NeVERN*, продолжающие древние полабские топонимы [Schlimpert 1978, 94], др.-польск. личн. *Niewiarek* [SSNO IV, 60] и польск. геогр. *Niewiarów* сел., известное с 1348 г. [Nieckula 1971, 142], геогр. *Nevěřice* в Словакии [Rospond 1983, 101], серб. личн. *Невера* XV в. [Грк. РЛИКС, 144]. Устойчивая функциональность личн. *Невѣръ* у восточных славян, образовавшего многочисленную топонимию, поддерживалась отчетливым ощущением в данном имени апеллятивной семантики – ‘некрещеный; язычник; чужой веры’; ср. пск., смол. *неверок* ‘человек, использующий чужую веру; нехристь’, как и *неверный* [СРНГ 20, 333].

Нелаи дер. под гор. Луга Лен. обл., = дер. *Нелаи* над оз. *Нелайским* Дмитриевского Городенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 222, 256]; по более поздним источникам: дер. *Нелая* над оз. *Нелаем* 1539/40 г., пуст. *Нелаи* 1582 г., ус. *Нелаи* 1709 и 1748 гг., дер. *Нелаи* 1791 г. [Селин 2003, 158]. Название омонимично префиксально-корневному личн. **Нелаи*, имевшему хождение в древне- и старорусский период, ср. про-

изводное личн. *Нелаев* 1578 г., Кострома [Вес. Он., 217]. Корневая морфема в данном антропониме соотносится с глаголом *лаять* в значении ‘ругать, бранить’.

Погвизд дер. Илеменского пог. Шел. пят., отмеченная под 1498 и 1539 гг. [НПК IV, 501; V, 166]. Ойконим равен архаическому личн. *Погвиздъ*, ср. летописное *Позвиздъ* конца X в., имя одиннадцатого сына киевского князя Владимира Святославича [НПЛ, 159, 465, 551]. Различные антропонимов *Погвиздъ* и *Позвиздъ* определяется фонетической закономерностью: характерным для др.-новг. и др.-пск. говоров отсутствием эффекта второй палатализации в первом из приведенных имен и наличием во втором (ср. сохранение группы *gv в др.-новг. *гвѣзда* ‘звезда’, как и в геогр. *Гвездено* дер. на р. *Гвезденка* в 8 км к северо-западу от оз. Полисто, *гвѣрста* ‘дресва’ [Зализняк 2004, 45]). Непалатализованный вариант данного антропонима был употребителен в др.-польск. говорах, о чем свидетельствуют ойконимы *Pogwizdów*, указанные на р. Лужне неподалеку от Горлице в Галиции [Vasm. RGN VII 1, 87], в повете Лукув к юго-востоку от Варшавы (сегодня – *Pojzdów*), далее в поветах Бохня, Мехув и в предместье гор. Тарнув; сюда же *Pogwizdowa* неподалеку от гор. Мелец, – все ойконимы сосредоточены в юго-восточной части Польши. Личн. *Погвиздъ* / *Позвиздъ* по структуре префиксально-корневое, корневой элемент в котором (< прасл. *gveizd- [Фасм. ЭСРЯ III, 581]) родствен польск. *gwizdać, pogwizdać* ‘свистеть’, ‘посвистеть’, др.-рус. *звиздъ* ‘свист’, ‘шум’, *звиздати* ‘свистеть, шипеть’ [СлРЯ XI–XVII 5, 355–356], рус. диал. *звиздеть* ‘шипеть со свистом’, *звизднуть* ‘сильно ударить’ [СРНГ 11, 219–220], просторечному *звездануть* (см. об этом личном имени также в: [Skulina I, 112; II, 22; Sosnowski 2002, 102]).

Добрости дер. Добростск. Кр., ранее относившаяся к Зайцевской вол. Кр. у. [СНМНГ IV, 30–31]. Отождествляется с дер. *Доброст* Влажинского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 741]. Старописьменное название скорее всего равно мотивирующему личн. *Добрость*, которое удостоверяется альпослав. антропонимом «*Tobrozt*» (= *Dobrość*) в немецком документе XII в. [Kronsteiner 1981, 210] и принадлежит к древней преимущественно зап.-слав. антропонимической модели на *-ostь*; ср. личн. *Мулость* из новг. бер. гр. № 709, 706 (40–60-е гг. XIII в.) [Зализняк 2004, 479], др.-польск. *Milost, Jarost, Mirost, Witost* и др. [Taszycki 1925, 57]. Я. Свобода и В. Шмилауэр возводят к др.-чеш. личн. *Dobrořt* ойконим *Dobrořstov* в Чехии, который имел ранее вид *Dobrořstov*, они же указывают на словен. геогр. *Dobrořt* XII в. [Svoboda, Šmilauer 1960, 158]. Ойконимию дополняют гидронимы: *Добрость* (вар. *Добрососна*) пр. пр. Сожи в Белоруссии, отмеченный в [Топоров, Трубачев 1962, 123], и р. *Добро-*

стица в Сербии [Павл. ХС]. Основа *Добр-* повсеместно проявляется в др.-слав. антропонимии и деантропонимной топонимии.

Страхон дер. Щепецкого пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 455] и рядом починок, унаследовавший это же название [НПК V, 456, 471, 472], = *Астрохонка* дер. в Щепецком пог., указанная по материалам Ген. меж. конца XVIII в. [Андрিয়াшев 1914, 109]. Ср. личн. *Страхонъ* в новг. бер. гр. № 348 (40–70-е гг. XIII в.) [Зализняк 2004, 490–491]. Иные источники данного антропонима не знают, хотя *Страх-* / *Страш-* как антропооснова хорошо известна; ср. др.-новг. личн. *Страхота* в бер. гр. 20 из Старой Руссы 1-й пол. XII в. [Зализняк 2004, 803], др.-рус. *Страхъ* [Туп. СДЛСИ, 430], польск. *Strach* [SSNO V, 216], чеш. *Strachota*, *Straš* [Svoboda 1964, 87], болг. *Страх* [Илчев, 468], серб. *Страхиња*, *Страшико*, композит *Страхимир* [Грк. РЛИКС, 189], польск. *Strachomir* [SSNO V, 217] и др. Личн. *Страхонъ* показывают также геогр. *Страхоновка* ус. в окрестностях Вилейки Виленской губ. [Vasm. RGN VIII 3, 588] и польск. геогр. *Strachonowo* сел. 1417 г. (сегодня – *Strachanów* в Польше к северо-западу от Лодзи [Nieckula 1971, 196]), раскрывающие более широкую географию этого древнего имени.

Сопиша дер. Логовинск. Порх. южнее Порхова в 5 км к юго-западу от устья Белки, лев. пр. Шелони, = *Собиша* (*Сопиша*) дер. Порх. у. во 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 34, № 11623]. Ойконим впервые зафиксирован новг. бер. гр. № 568 (сер. 40-х – 70-е гг. XIV в.) в форме Мест. мн.: «на *Сопишахъ*». Его местонахождение в среднем течении Шелони конкретизируют несколько других ойконимов в контексте этой же грамоты, которые легко отыскиваются рядом с *Сопишей* и на современных картах, см. [НГБ из раскопок 1977–1983, 36–37; Зализняк 2004, 562]. Под таким же названием – *Сопиши* – пункт отмечен писцовой книгой Шел. пят. на территории Карачунского пог. 1539 г. [НПК IV, 442].

Объяснению геогр. *Сопиши* (*Сопиша*) способствуют межтерриториальные соответствия, среди которых особенно показательным и надежным выглядит геогр. ***Сопишева Гора*** в Молвятицкой вол. Дер. пят. 1561 г. [ПКНЗ 5, 408, 410]. Структура последнего названия, выраженно-го сочетанием посессива на *-ева* с опорным термином *гора*, однозначно идентифицирует основу *Сопи-* как антропонимическую: она оформлена по модели, характеризующейся в Новгородской земле высокой продуктивностью: *Байкова Гора*, *Брилина Гора*, *Филистова Гора*, *Шуйгина Гора*, *Труфанова Гора* и т. п. Далее указывались геогр. *Собишино* (вар. *Сапошино*) недалеко от Смоленска и *Собош* (*Soboš*) сел. на рч. Радомке в Словакии [Vasm. RGN VIII 2, 408], геогр. *Soboszów*, *Sobieszyn*, *Soběš* – селения в Польше и в Лужицах [Nieckula 1971, 193, 310; Rospond 1983,

130], *Sobieszyn* р. в Повисленье [НВ, 410]. Перечисленные названия мотивированы др.-слав. личными именами с корневым элементом *Соб-* и формантом *-иш-*; ср. польск. личн. *Sobiesz, Sobisz, Soboszko*, словац. *Sobeš*, чеш. *Sobiš*, полаб.-помор. *Sobeš, Sobiš, Sobuš* (согласно материалам: [SSNO V, 134–140; Miklosich 1927, 98; Schlimpert 1978, 129–130]), из средневековых украинских источников сюда же относятся личн. *Sobosz, Sobosko* [Демчук 1988, 82]. Данные антропонимы находятся в кругу родственных имен с иными формантами: др.-рус. личн. *Собко* [Туп. СДЛСИ, 424], *Собина* [Вес. Он., 82], укр. *Собко*, польск., сербохорв. *Sobko*, чеш., хорв. *Soba, Sobak*, польск. *Sobiech*, чеш. *Soběn* и др.; они также соотносятся с композитами, такими как польск. *Sobiebor, Sobiesław*, чеш. *Soběhrd*, сербохорв. *Sobimisl*, см. материалы [Демчук 1988, 82; SSNO V, 134–140; Svoboda 1964, 300; Miklosich 1927, 15; LISRH, 650]. Элемент *Соб-* в перечисленной антропонимии репрезентирует основу возвратного местоимения *sobě / sebě* [Svoboda 1964, 85].

Новг. геогр. *Сопиш* (позднее в ед. ч. – *Сопиш*) имеет, очевидно, в качестве исходного личн. **Собиша / *Собьшиа*, которое органично вписано в круг антропонимических дериватов на *-иш* (перед предыдущей твердой или мягкой согласной), ср. немалое их число в новгородской бережской письменности: *Григшиа, Павшиа, Евшиа, Говшиа, *Глогшиа, Олекшиа, Обокиша, Прокиша, Якиша, Демшиа, *Городьшиа, Тверьшиа, Ратьшиа, Братьшиа, Хотьшиа, Пушьшиа* и др. [Зализняк 2004, 835–836]. Форма мн. ч. относит геогр. *Сопиш* к разряду родовых ойконимов. Ср. относительно деривации восточнославянские ойконимы-плюративы с общей антропонимической базой *Соб-*: укр. геогр. *Собки* сел. в окрестностях гор. Каменец-Подольский, *Собковцы* сел. на Волыни, *Собяки* в Орловской губ. и др. [Vasm. RGN VIII 2, 404, 408].

Жерятки дер. Тесовской вол. Новг. у. на оз. Фралевском [СНМНГ I, 80–81]. Впервые отмечена как поч. *Жирятка* в Егорьевском Лусском пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 42], по более поздней документации: дер. *Жирятки* 1568 г., *Жаратка* 1582 г., *Жерядка* 1646 г., *Жерятка* 1669 и 1678 гг., *Жерятки* 1718 г., см. [Селин 2003, 110, табл. 6]. Исходная топонимическая форма, прикрепленная к начальному поселению (починку), мотивирована личн. *Жирятъка*, уменьш. к *Жирята*. Этот антропоним фиксируют новг. бер. гр. № 879 1-й пол. XII в. [Зализняк 2004, 368] и летописные источники под 1135 и 1138 гг., в которых фигурируют новгородец *Жирята* Якуновъ [Туп. СДЛСИ, 207], *Жирята*, псковский боярин по Лаврентьевской летописи, а в новгородском акте сер. XIV в. отмечен патроним *Жирятиничи* братьев Гошкуча, Якова, Бориса и Игната [ГВНП, 163, гр. 106]. Что касается топонимических проявлений, см. еще новг.

геогр. **Жириатино** дер. в Дягиленском пог. Вод. пят. 1500 г. [ПKNЗ 1, 102; НПК III, 684]; вне новгородской территории: геогр. **Жириатино** – сел. вблизи гор. Кромы и Трубчевск Орловской губ., Кинешма Костромской губ., **Жеретино** дер. на р. Молотовня под Мстиславлем на Могилевщине [Vasm. RGN III 2, 284, 298]. Судя по имеющемуся у нас материалу, **Жириата** (гипокористика к **Жирославъ**) является восточнославянским, преимущественно новгородско-псковским именем, с которым максимально сходно зап.-слав. (др.-чеш.) **Žirota** [Svoboda 1964, 313], **Žirota** из источников XVI в. на Западной Украине [Демчук 1988, 74].

Рассмотренные геогр. **Жерятки** Тесовской вол. очевидно, повлияло на становление названия находящейся поблизости дер. **Жерядки** Приозерн. Луж. на оз. Тесовском. Данный пункт бывшей Тесовской вол. Вод. пят. под 1568 г. первоначально именовался **Жилятицы**, по документации 1573–1578, 1629, 1646, 1669, 1674–1678, 1709, 1718 гг. – **Жерятицы**, затем **Жарятицы** 1620 г., наконец **Жерятка** 1748 г., см. [Селин 2003, 137, табл. 9]. В данном случае топонимическая вариантность свидетельствует о пересечении личн. **Жириата** с созвучным **Жилята** и о дальнейшем переоформлении исконно патронимического названия по моделям асуффиксальных и родовых топонимов.

Батоног (**Ботаног**) дер. на рч. Белке Порх. у. [СНМРИ 34, № 11353], = **Батоног** дер. Бельского пог. Шел. пят. 1576 г. [НПК V, 629]. Ойконим равен прозвищу, осмысляемому приблизительно – ‘тот, кто стучит ногами’; ср. диал. **батать** и **ботать** ‘ударять, стучать чем-либо’: «Что ногами батаешь? Шута что ли забавляешь?» (ворон., а также урал., тобол.), **бататься** ‘драться’ (перм.) и др. [СРНГ 2, 142]. На базе древнего прозвища первопоселенца возникло также геогр. **Угред** дер. на восточном побережье Ильменя в Наволоцком пог. Дер. пят. 1550/51 г. [ПKNЗ 5, 335], которое находит точное соответствие в укр. геогр. **Угреды** дер. на р. Рыбца в бывшей Харьковской губ [Vasm. RGN IX 1, 264]: к личн. ***Угреѣдъ** ‘тот, кто ест угрей’.

К модели геогр. = личн. принадлежат еще такие названия, как **Жирома**, дер. на Селигере Осташковского у. Твер. губ. сер. XIX в. [СНМРИ 43, № 8986], репрезентирующее гипокористику, соотносимую с прасл. личн. ***Žiromirь** (которая отложилась еще в геогр. **Жеремино** дер. на р. Оке в Калужской губ. [Vasm. RGN III 2, 284] и в **Žyromino**, **Zeromin** сел. в Польше [Neckula 1971, 331]), возможно, **Ратиша** дер. Офремовского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК IV, 351] (= **Ратча** село и пог. на Порусье Воскресенской вол. Ст. у. нач. XX в. [СНМНГ III, 28–29], сегодня – дер. Зехинск. Ст.), **Добрило** дер. в Щирском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 104, 106, 107, 118], **Радило**

дер. Дубровенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 202], *Гостило* дер. в пог. Рождественском на усть Северы Шел. пят. [НПК IV, 287]. Ср. к перечисленной ойконимии известные по др.-новг. берестяной письменности личн. *Ратьша* (гр. № 320, 348, 665), *Добрила* (гр. № 889), *Радила* (гр. № 924, 442), *Гостиль*, *Гостила* (гр. № 688, 726, 2, Торж. 9), см. [Зализняк 2004, 726, 732, 790, 791]. К очевидным асуффиксальным названиям средневековой Новгородской земли, находящим близкие соответствия среди новгородской же йотово-посессивной топонимии, относятся геогр. *Госнѣ* дер. в Никольском пог. в Удомле 1499 и 1545 гг. [НПК VI, 254; ПKNЗ 1, 165], *Сенѣ* дер. в вол. Велиля 1495 г. [НПК II, 739, 740; ПKNЗ 5, 365, 375], *Збуд* дер. Боротенского пог. Шел. пят. 1-й пол. XVI в. [НПК V, 312], *Миرونѣ* дер. Еглинского пог. [НПК I, 904] и *Меренога* – дер., оз. и р. в смежных Городенском и Еглинском пог. Дер. пят. конца XV–XVI вв. [НПК I, 291, 296; ПKNЗ 5, 218] (подр. о перечисленных названиях см. в 1-й и 2-й гл. нашей книги), сюда же геогр. *Прибыльца*, показанное в связи с *Прибыльцино* (см. гл. 3). На др.-слав. антропонимическом композите, быть может, зиждется и геогр. *Керемера* (*Коремера*) дер. в пог. Волк Дершков Бож. пят. 1564 г., (подр. о нем см. в связи с геогр. *Керегошь*). Среди прочего обращает на себя внимание близкое соседство геогр. *Керемера* (*Коремера*) с асуффиксальными *Лядимера* и *Вичемера* (> *Вычерема*) в Среднем Помостье.

Глава 7.

Названия улиц средневекового Новгорода XI–XV вв.

Топонимия столь сложного административно-территориального, политического, культурного образования, как средневековый Новгород, находится на стыке собственно лингвистического и историко-археологического изучения. Выводы, полученные в ходе такого исследования, не претендуя на законченность, могут быть существенно полезны при решении непростых вопросов формирования внутригородской территории.

Специальных работ, посвященных средневековой топонимии Новгорода, немного. Е.Болховитинов [Болховитинов 1808], Н.Н.Муравьев [Муравьев 1828], И.Красов [Красов 1851], Н.И.Костомаров [Костомаров 1863], В.С.Передольский [Передольский 1898] позднее Б.А.Рыбаков [Рыбаков 1988], С.Н.Орлов [Орлов 1964] и другие исследователи, касаясь вопросов городской топографии, предлагали свои толкования названий некоторых улиц, далеко не всегда в языковом отношении удовлетворительные, имевшие вспомогательный, скорее иллюстративный характер. Историк М.Х.Алешковский предпринял попытку дать более или менее целостный, хотя и весьма краткий, схематичный, анализ городской топонимии древнего Новгорода, вычленив несколько групп «уличных названий» по заложенным в них признакам: название церкви, форма и направление улицы, этническое имя первопоселенцев, патрональ-

ное имя главы общины или ремесленная специализация уличан [Алешковский 1974]. Позднее древние названия отдельных внутригородских объектов получили трактовки в работе новгородского диалектолога В.П.Строговой [Строгова 1993], кроме того, названия улиц рассматривались и в наших предыдущих статьях: [Васильев, Северинов 1999; 2001; 2004]. Сейчас, по прошествии ряда лет, благодаря учету новых ономастических материалов, мы имеем возможность дать лингвистически дополненные и отчасти скорректированные, по сравнению с прежними, трактовки древненовгородской «уличной» топонимии (далее также – урбанонимии или годонимии, по терминологии Н.В.Подольской [Подольская 1988, 52]).

Сводный план топографии Софийской и Торговой сторон Новгорода X–XVI вв., учитывающий результаты археологических наблюдений, составлен С.Н.Орловым в начале 1960-х гг. [Орлов 1964]. Позднее был опубликован более четкий план Новгорода X–XIV вв., составленный Б.А.Колчиным и В.Л.Яниным [Древняя Русь 1985, 123–124] (см. рис. 7, 8), который учитывает главным образом улицы ранних письменных источников. Этот план взят нами за основу при описании древних названий новгородских улиц. Сегодня уже можно констатировать, что наука имеет целостное, достаточно конкретное и надежное представление о топографии средневекового Новгорода. Подавляющее большинство ранних улиц, которые носили особые, устойчивые названия, постоянно упоминаемые в летописях, имели общее направление «от реки в поле». Такое расположение их наблюдается и на Софийской (левобережной), и на Торговой (правобережной) сторонах. Они являлись низшими звеньями административно-территориального устройства: уличанское население сообщало участвовало в политической жизни города, избирало своего старосту, следило за сохранностью уличных мостовых и др. Улицы, идущие «от реки в поле», соединялись между собой перпендикулярно ориентированными «пробойными» улицами, которых в средневековом Новгороде было всего несколько. По Софийской стороне с юга на север проходили две пробойные улицы, в сущности составлявшие одно целое. На Торговой стороне одна из улиц тянулась от Федоровского ручья к северу через *Плотницкий (Плотенский)* конец (на плане она обозначена как *Плотенская пробойная*), другая, несколько криволинейной конфигурации, шла от ручья в Славенский конец и заканчивалась южнее Готского двора (на плане – *Пробойная*), кроме того, в Славенском конце функции пробойной выполняла *Славенская (Славная)* улица, которая под этим названием упоминается сравнительно поздно – в XVI в. Улицы этого типа практически не указаны ранними летописными источниками,

поскольку не образовывали уличанских общин и выполняли в основном функции связующих элементов городской топографии¹.

Ниже мы рассматриваем названия, первые письменные упоминания которых датируются не позднее XV в. В целом эти урбанонимы являются собой благодатный материал для топонимического изучения, поскольку обычно появляются в летописях достаточно рано (некоторые с XI в.) и повторяются многократно, тогда как подавляющее количество новгородских ойконимов имеют письменные фиксации не ранее конца XV в. Возникновение многих улиц было связано с начальным периодом формирования городской территории, но летопись, надо полагать, обычно упоминает их значительно позднее, по разным случайным поводам, чаще всего по причине пожаров либо в связи со строительством церкви.

В общих чертах со стороны семантико-деривационной названия древненовгородских улиц можно подразделить на несколько групп, условно обозначенных нами как собственно деантропонимные, формально деантропонимные, апеллятивно-личные и апеллятивно-неличные. Первая группа собственно деантропонимных названий мотивируется именами и прозвищами первопоселенцев (первовладельцев). Это наиболее представительная и, очевидно, древнейшая группа названий, позволяющая квалифицировать урбанонимию средневекового Новгорода как преимущественно деантропонимную. Она раскрывает дохристианские славянские и неславянские личные имена, порой широко распространенные и за пределами Новгородской земли, а также бытовые прозвища. Названия улиц, отнесенные по нашей классификации к формально деантропонимным, содержат в основе христианские личные имена, но семантически мотивированы наименованиями церквей и монастырей. В связи с этим полезно учитывать практику возведения в древнем Новгороде патрональных храмов. Бояре, строившие церкви на свои средства и на своей земле, нередко именовали их в честь собственных небесных покровителей, и тогда в наименовании церкви отражалось христианское имя того или иного владельца (или его предка)². Следовательно, и в та-

¹ О существовании пробойных улиц известно больше по поздней письменности (писцовые и лавочные книги Новгорода XVI в.). Наличие их также подтверждается многолетними археологическими наблюдениями.

² К примеру, Михаил Степанович строит в 1174 г. церковь Михаила, Антоний – в 1211 г. церковь Антония, Твердислав и Федор Михалковичи – в 1219 г. церковь Михаила, Семен Борисович – в 1224 г. церковь Симеона, чернец Василий – в 1262 г. церковь Василия, Юрий Иванович – в 1350 г. церковь Иоанна Златоуста, Варлаам – в 1410 г. церковь Варлаама во имя игумена Варлаама, Михаил Юрьевич – в 1419 г. церковь Михаила в Колмове, Евфимий – в 1444 г. церковь Евфимия (материал дан по [Алешковский 1974, 102]).

кого рода «уличных» урбанонимах могут «просвечивать» реальные имена конкретных людей – жителей улиц. Немногочисленные названия улиц третьей группы – апеллятивно-личные – мотивированы апеллятивами с личным (категориально-личным) значением, т. е. обозначениями людей по этнической, социальной принадлежности и по роду занятий. Наконец единично представлены апеллятивно-неличные урбанонимы, которые базируются на апеллятивах, не имеющих личного значения.

По сути дела, исследуемые ниже материалы по средневековой урбанонимии Новгорода носят сугубо антропоцентрический, обращенный к наименованиям и обозначениям человека характер. В целом эти «уличные» названия не обладают номинативно-деривационной спецификой, выделяющей их на фоне ойконимии Новгородской земли. Практически по всем урбанонимам находятся более или менее точные соответствия среди названий населенных пунктов.

Рассмотрим прежде всего наиболее многочисленные собственно деантропонимные образования. Некоторые из них являются йотово-посессивными производными от личных имен. Такова форма *Даньславля* ул. Софийской стороны в Новгороде, она впервые упоминается под 1342 г. (под 1394 г. впервые названы *даньславцы* – жители улицы). Разные варианты урбанонима (*Даниславля*, *Даславля*, *Даньслаля*, *Дослава*, *Досланя*, *Дослана*) многократно отмечаются в памятниках письменности XIV–XVI вв. [НПЛ, 355, 370, 384, 386, 460; НЛ, 35, 74, 125, 128, 237, 246, 247, 250, 257, 327, 334; НПК I, 781; II, 7, 28, 328; III, 13, 21, 316, 781; ПКНЗ 5, 115, 235] и позднее. В основе названия улицы лежит популярное в средневековом Новгороде композитное личн. *Даньславъ*, ср. упоминание летописью трех новгородских бояр, носивших это имя [НПЛ, 21, 32, 33, 70, 205, 220, 221, 277]. Из варианта *Даньславля* после падения редуцированных путем перестановок и утраты согласных звуков появились иные варианты, среди которых *Досланя* являлся самым частотным. Личн. *Даньславъ* восточнославянского, скорее древненовгородского, происхождения и функционирования (см. еще *Данслав* Рекполт, свидетель в Червонной Руси 1393 г. [Туп. СДЛСИ, 181]). С.Роспонт связывает первый компонент личн. *Даньславъ* с христианским личн. *Даниил*, считая основу *dan-* не характерной для славянских композитов [Rospond 1983, 64]. Однако против этого свидетельствует извлекаемое из топонимии архаическое личн. **Daniborъ* (ср. в Чехии геогр. *Daniborov brod* [Svoboda 1964, 94]), напоминающее *Даньславъ*, семантически – ‘славный данью’.

Розважа ул. Софийской стороны в Новгороде (вар. *Рожважа*), часто указывается летописями XIV–XV вв. [НПЛ, 93, 334, 351, 389; НЛ, 5,

28, 49, 58, 90, 98, 109, 188, 262, 327, 334, 350] и писцовыми книгами XVI в. [ПКНЗ 1, 312, 329, 332, 333, 338, 370; НПК III, 6, 37, 50, 287, 355, 579, 581; V, 5, 6, 38, 65]. Впервые фиксируется под 1311 г.: «Загореся на *Розважи* улицы Глебовъ дворъ» [НПЛ, 93]. Неприемлемо объяснение, согласно которому *Розважа* – улица, по которой «от пристани развозили грузы и товары» [Зайцев, Кушнир 1975, 31]. Единственно правильная антропонимическая версия: годоним *Розважа* – йотовая притяжательная форма от др.-слав. личного имени *Розвадь* префиксально-корневого типа. Последнее использовалось в древнем Новгороде (ср. патроним *Розвадиць* из новг. бер. гр. № 877 [Зализняк 2004, 315] и из надписи № 217 на стене новгородского Софийского собора [Медынцева 1978, 156]) и имело хождение среди западных славян: чеш. личн. *Rozvad*, польск. *Rozwad* [SSNO IV, 502; Svoboda 1964, 102;]¹. За исключением новгородского урбанонима топонимические производные от личн. *Розвадь* группируются в довольно ограниченной ареале: *Розваж* сел. на р. Буг в Галиции и сел. на р. Горынь на Волыни, *Розвадов* (укр. *Розвадів*) сел. на Днестре близ Жидачева в Галиции и сел. на р. Жерев близ Радомысля на Киевщине, *Rozważe (Rozważ)* дер. близ р. *Розважка* в окрестностях гор. Слоним Гродненской губ., *Rozwadów* и *Rozwadówka* на территории Восточной Польши, *Rozvadze* сел. в Словакии (по материалам: [Vasm. RGN VII 3, 628; Neckula 1971, 175; Худаш, Демчук 1991, 190; Rospond 1983, 120]). Очевидно, личн. *Розвадь* отглагольного образования, ср. словен. *razvaditi (koga)* – ‘разбаловать’, ‘привить кому-нибудь худые привычки’ [Хостник 1901, 257]. В семантико-словообразовательном плане личн. *Розвадь* особенно близко к *Рознѣзь*, от *рознѣжити* ‘разбаловать’; подобным образом семантизируется и др.-рус. личн. *Перенѣзь*. По глагольному корню *vad-* с общим смыслом ‘приучать, привычка’ личн. *Розвадь* коррелирует с древнерусским *Вадимирь*, усечением которого является современное русское *Вадим*.

Добрыня (вар. *Добрынина*) ул. Софийской стороны в Новгороде, имеющая древние фиксации по летописям [НПЛ, 37, 227, 361, 375, 507; НЛ, 50, 266], первое упоминание с 1181 г. Название по происхождению йотовый посессив от личн. *Добрыня* / *Добрына*, топонимический вариант с суффиксом *-ин-* *Добрынина* возник ради избежания нежелательной омонимии. Согласно Новг. 1-й летописи, данное имя носили несколько исторических персонажей, связанных с Новгородом: *Добрыня*, дядя кня-

¹ Фамилия известного польского индоевропеиста Яна Розвадовского тоже указывает своей основой на личн. *Rozwad*.

зя Владимира, крестивший новгородцев в конце X в., а также один из новгородских посадников и архиепископ новгородский Антоний (мирское имя *Добрыня Ядрейкович*). Личн. *Добрыня, Добрына, Дабрыня, Добрынка, Добрынко* дают ранне- и позднесредневековые русские, украинские и белорусские антропонимиконы [Туп. СДЛСИ, 185; Демчук 1988, 73; Бірыла 1969, 123]. Восточнославянская топонимия с основой *Добрын-* достаточно обильна. Это обусловлено не только длительным, вплоть до XVIII столетия, использованием антропонима *Добрыня / Добрына* в восточнославянской речи, но и наличием омонимичных древнерусских апеллятивов: *добрыня (добрына), добрыни* ‘добро, доброе отношение’, ‘добродетель’ [СлРЯ XI–XVII 4, 271], разумеется, у этого слова были и иные значения, связанные со смысловым полем «добрый». Только на территории Новгородской земли и ее окраинах найдется не менее десятка соответствующих географических названий. Это старописьменные, из НПК конца XV–XVI вв., геогр. *Добрыни* вол. на р. Топалке в Никольском Добрыньском пог. Беж. пят. + дер. Беж. и Шел. пят. [VI, 153, 499, 275, 500; IV, 46; ПKNЗ 1, 160, 238], *Добрынино* дер. Офремовского пог. и оз. *Добрынинское* со смежной рч. *Добрынка* во Взвядском пог. на южном побережье Ильмена [V, 228, 329, 359], *Добрыня* дер. Демонском пог. Дер. пят. + дер. Боровицкого пог. Беж. пят. [II, 500; VI, 948, 961, 963]. Списки селений XIX – нач. XX вв. показывают преимущественную территориальную дистрибуцию этих и подобных названий на Русском Северо-Западе (Новг., Твер. губ.), несколько реже они встречаются в более восточных областях (в Ярославской, Владимирской, Вологодской, Костромской, Пермской, Вятской губ.), на Смоленщине и в Белоруссии, по-видимому, еще реже на Северной Украине (Воынь) [Vasm. RGN III 1, 43]. За пределами восточнославянской территории следы перечисленных имен и названий незначительны: личн. *Dobrina* 1279 г. у древних альпийских славян [Kronsteiner 1981, 206], геогр. *Dobrynje* (нем. *Döbern*) в районе проживания нижних лужичан, геогр. *Dobrynja* в Польше [SP III, 317–318].

Бояня ул. Торговой стороны в Новгороде (иные древнеписьменные варианты: *Буяна, Буяня, Бояна, Боянова*) [НПЛ, 91, 97, 340, 458; НЛ, 84, 97, 127, 327, 335, 381], *Буянка Малая* [Майков КПНВ, 114]. Старейшая фиксация в письменности – под 1300 г.: «Того же лѣта срубиша 4 церкви: святаыя Богородица в монастыри въ Звѣрнци, и святаго Лазоря, и святаго Дмитрия на *Бояни* улкѣ...» [НПЛ, 91]. Раньше название *Бояни* улицы осмыслялось чаще по топографическому признаку. Так, Е. Болховитинов полагал, что *Буяня* улица указывала на существование пристани (см. рус. диал. *буян* ‘исады, пристань речная, место выгрузки товаров’ [Даль СЖВЯ I, 138]), тогда как по мнению В.С.Передольского, название улицы

отражает место старого церковного кладбища¹. Для топографической версии действительно имеются определенные основания. Недалеко от улиц Рогатица и Бояня существовало *Буянское болото*, зафиксированное купчей грамотой сер. XV в. [ГВНП, 175–176, гр. 117]; оно созвучно названию улицы и соотносится с обозначением возвышенности, ср. др.-рус. *буянь* ‘холм’ [СлРЯ XI–XVII 1, 34]. Отмечали также, что улица проходила по всхолмлению, которое в древности называлось *Буевище* [Передольский 1898, 288], от новг. диал. *буй, буйвище* – ‘высокое открытое место, холм’ [НОС 1, 96–97]. В свете такого рода фактов вариант годонима, к примеру, *Буяна* ул. позволяет подозревать номинацию по холму, возвышенности. Однако, учитывая всю сумму упоминаний улицы в письменности, целесообразно взять за основу личное имя, о чем еще в начале XIX столетия догадывался Н.Н.Муравьев [Муравьев 1828, 39], справедливо отметивший, что «улочка Бояня любопытно напоминает о имени Бояня» (из «Слова о полку Игореве» – *В.В.*). Старейшая летописная фиксация «на *Бояни* улкъ», наиболее авторитетная, выступает нормальным йотовым прилагательным от личн. *Боянь* – прасл. мирского имени, которое отмечено в древности у разных славянских народов: польск. личн. *Bojan, Wojanek* [SSNO I, 206–207], чеш. *Bojan*, наряду с *Bojata, Wojek, Wojiša* [Miklosich 1927, 36], серб. *Bojan* (часто встречается, особенно в ранних источниках), наряду с *Boja, Bojiца* и др. [Грк. РЛИКС, 40; Miklosich 1927, 36], словен. *Vojan* [Kos 1886, 119]. Данное имя, семантизируемое как ‘тот, кого бояться’, пользовалось в древнем Новгороде большой популярностью. Ср. его фиксации в нескольких новг. бер. гр. XII в. (№ 509, 516, 526) [Зализняк 2004, 713] и в псковской пергаменной грамоте 1266–1291 гг. [ГВНП, 317, гр. № 331], проявление в новгородской ойконимии: ***Бояница*** Ясенского пог. Шел. пят. 1539 г. (= *Буяница* дер. 1498 г. [НПК IV, 145], позднее – *Буяницы* дер. на р. Паличенке в XIX в. [Андрияшев 1914, 371]), ***Бояницы*** в пог. Григорьевском Льешском Вод. пят. 1500 г., ***Бояница*** дер. Логовещского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 437; III, 806, 809; V, 100]. Среди восточнославянских топонимических эквивалентов за пределами Новгородской земли известны: йотово-посессивное геогр. *Боянь* местечко при впадении р. Гуков в р. Прут близ гор. Черновцы + хут. в

¹ «Новгородская улица Буяна знаменита издревле потому, что к ней на берег приставали все торговые иностранные суда и на ней сгружали товары. По имени сей улицы в Петербурге, в Астрахани, в Архангельске и в других Российских портах места, где бывает выгрузка товаров, прозваны Буянами» [Болховитинов 1808, 30]. В.С.Передольский считал, что на месте улицы некогда находилось кладбище немецкой церкви св. Петра [Передольский 1898, 288], ср. диал. *буйвище* – ‘кладбище, могилки, могильник’ [Даль СЖВЯ 1, 138].

окрестностях Слуцка Минской губ., *Bojańczuk* дер. в Буковине, укр. *Боянець* (польск. *Bojaniec*) сел. в округе Жолкев в Галиции, *Бояниччи* сел. в округе Сокал в Галиции + дер. и ус. неподалеку от Бобруйска Минской губ., *Боянская* – почтовая станция в окрестностях Тирасполя, *Бояново* дер. Тарусского у. Калужской губ. и дер. Бобруйского у. Минской губ., по [Vasm. RGN I 3, 521]. За пределами восточнославянской территории см. геогр. *Bojanowo Stare* в Польше, отмеченное с 1278 г. [Nieckula 1971, 31], *Bojanov, Bojanovice* в Чехии, *Bojanov, Bojanaц, Bojana, Bojани* в Сербии, *Bojanja vas, Bojanice* в Словении, по материалам: [Miklosich 1927, 34; Павл. ХС].

Варианты новгородского урбанонима с буквой «у» (*Буяня, Буяна*) – поздние модификации, находящиеся, впрочем, свое объяснение. Они вызваны сближением с указанными выше сопредельными названиями местности *Буянское болото, Буевщице*, которые неизбежно переплетались с исконным названием улицы. Известное в старорусский период имя *Буян* [Вес. Он., 58] (родственное слову *буйный*), тоже, разумеется, оказывало ассимилирующее воздействие, особенно в условиях постепенного исчезновения к XV в. архаического др.-рус. личн. *Боьянь*. Ср. аналогичные модификации в перечисленной выше новгородской ойконимии от личн. *Боьянь*, в частности, ойконим *Боьяница*, ставший *Буяницами*, и геогр. *Боьяница*, закрепившееся позднее, как выяснил А.М.Андряшев [Андряшев 1914, 55], в виде *Буяница*.

Людогоща ул. Софийской стороны в Новгороде, впервые упоминаемая летописью под 1230 г. Данный урбаноним в различных вариантах (*Людьгоща, Людгоща, Люгоща, Лугоща, Легоща, Лягоща*) часто фиксируется летописными источниками XIII–XVI вв. [НПЛ, 361, 374, 383, 393, 400, 409, 460, 462; НЛ, 18, 38, 43, 58, 106, 116, 120, 128, 243, 248, 259, 273, 320, 460; НПК III, 112, 339, 464, 481; V, 13, 31, 45, 154] и более поздней документацией. Восходит к др.-слав. личн. *Людьгость / Людогость*, которое было в ходу в северной зоне восточного славянства; ср. содержащий это имя патроним *Людьгостиничь* в надписи на штукатурке новгородского Софийского собора [Медынцева 1978, 161], а также геогр. *Людогощ* дер. на р. Сож неподалеку от Мстиславля на Могилевщине [Vasm. RGN V 2, 296]. Соответствующее имя знакомо, кроме славян, также германцам: др.-верх.-нем. личн. *Liudigast* [Топорова 1996, 197]. Компонент **L'ud-* ('люди, народ') принадлежит базовому фонду др.-слав. антропонимов-композигов: чеш. личн. *Ljudislav*, польск. *Ludzistaw*, чеш. *Ljudmir*, польск. *Ludomir, Ludomer*, чеш. *Ljudmil*, польск. *Ludmila, Ludzimila* и др. [Svoboda 1964, 78; SSNO III, 293–294], рус. *Людмила, Людмил*. Перечисленные варианты новгородского урбанонима отражают существо преоб-

разований исходной посессивной формы *Людъгоща / Людогоща*: характерную утрату гласной в конце первой части сложения с дальнейшим упрощением образовавшегося консонантного сочетания. Вариант *Легоща* возник, по-видимому, благодаря специфическому сближению с известным в Новгородской земле гидронимом *Легоща* (см.).

Янева ул. Софийской стороны в Новгороде [НПЛ, 93, 334, 389, 396, 398, 409, 416; НЛ, 43, 58, 63, 125, 249, 259, 327]. Впервые упоминается под 1311 г. Урбаноним образован от личн. *Янь*, но скорее все же от более редкого и, быть может, более древнего варианта *Янь* с мягкостью согласного; эти варианты соотносятся примерно так же, как др.-польск. личн. *Ман* и *Маї*, др.-чеш. *Ман* и *Маї*, указанные в [SSNO III, 390; Svoboda 1964, 280]. В древнем Новгороде зафиксировано использование муж. личн. *Янь*, жен. *Яна*, *Янька* по берестяным грамотам XII – нач. XIII в. (№ 731, 506, 542, 553, 595) [Зализняк 1995, 326, 380–381] и в актовом письменноности: *Янко*, купец новгородский [ГВНП, 95, гр. 56]. Параллельным новгородским названием выступает старописьменное геогр. *Янево* дер. в вол. Тросна Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 165]. Среди соответствий по топооснове за пределами исследуемой новгородской территории отметим следующую ойконимию: *Янева* дер. в районе Суздаля, *Яниво* (вар. *Яново*) сел. неподалеку от Смоленска, *Яневичи* (польск. вар. *Janiewiczze, Janowicze, Jancewicze*) сел. в окрестностях гор. Ошмяны и Свенчаны в бывшей Виленской губ. на белорусско-литовском пограничье + сел. в окрестностях гор. Ровно + сел. близ гор. Владимир-Волинский в Северо-Западной Украине, *Яневича* ус. в районе Житомира, польск. *Janiewiczze* сел. близ гор. Белосток в Восточной Польше [Vasm. RGN X 3, 528–529], сюда же серб. геогр. *Janjevo* [Miklosich 1927, 188]. Несравненно более многочисленна топонимия с «твердой» основой *Янов*–: судя по разным источникам, географические названия *Янов*, *Яново*, *Яновичи*, *Яновский*, *Яновщина* и др., равно как топонимические производные от суффиксальных вариантов личного имени типа *Янково*, *Янковици*, *Янковка*, *Янчево* и др. рассеяны по нескольким сотням мест в Белоруссии, на Украине и в западнославянских странах. В использовании соответствующих антропонимов ощущается отчетливая связь древненовгородских говоров с украинской, белорусской и особенно с западнославянской языковой средой, в которой личн. *Ян*, *Янек* и поныне популярны. Реже встречаются подобные имена среди южных славян, ср. др.-болг. *Яни* XV в., серб. *Јан* и *Јања*, *Јанко*, *Јанић* [Заим. БИ, 250; Грк. РЛИКС, 102–103]. Личн. *Янь* квалифицируется как сев.-слав. диал. модификация христианского книжного имени *Иоанъ (Иоаннь)*, функционировавшая в Новгородской земле наряду с более активной общерусской

формой *Ивань* (к XV в., судя по письменным материалам, личн. *Иван* окончательно вытеснило *Ян* из новгородской речи)¹.

Нельзя исключить йотово-посессивной деривации от личн. *Янь* также в случае с новг. *Яня* – названием оз. в Бельском пог. Шел. пят. 1571 г. («рыба въ немъ щука, да лещи, да плотица, вдоль верста, а поперекъ полверсты») [НПК V, 540, 547], известным и по современным источникам, вместе со смежной рч. *Янь* (по [Шан. РЛЮ, 336] – р. *Яна*), однако для этого гидронима не менее вероятно дославянское происхождение [Агеева 1989, 205].

Боркова ул. Софийской стороны (вар. *Борькова*, *Борхова*) [НПЛ, 91, 93, 334, 416, 460; НЛ, 25, 213, 247, 269, 327, 328, 350, 484; ГВНП, 195]. Впервые дано летописью под 1303 г.: «Того же лѣта срубища <...> церкви <...> святого Георгия на *Борьковѣ* улицы» [НПЛ, 91], под 1433 г. упомянуты *борковцы* – жители улицы [НПЛ, 416]. Название обусловлено личн. *Борько*. Антропоним хорошо отражен древней письменностью; ср. патронимическое *Борков* в двинской грамоте XV в. [ГВНП, 309, гр. 322], наряду с *Борко* в акте Юго-Западной Руси 1572 г. [Демчук 1988, 66], др.-польск. *Borko* [SSNO I, 218], полаб.-помор. *Borko*, нижн.-луж. *Bórko*, сербохорв. *Borko* [Schlimpert 1978, 21; Мука, 16], болг. *Борко* [Заим. БИ, 29], др.-чеш. *Bořek* [Svoboda 1964, 259], – все эти имена считаются гипокористиками от прасл. композитов на *Bori-*: **Borislavъ*, **Borivojъ*, **Boritěxъ* и т. п. Топонимические соответствия многочисленны: **Борково** дер. Шегринского пог. Дер. пят. 1495 г. [НПК I, 9, 804; II, 176; ПКНЗ 5, 10] и Никольского пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 48], **Борковская** вол. (пог.) Дер. пят. близ юго-восточного угла оз. Ильмень [НПК I, 684–695; II, 591, 649–651; ПКНЗ 5, 80, 340–343, 345, 346], **Борковская** межа в Быстреевском пог. 1571 г. [НПК V, 477], **Боркино** дер. Дубровенского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 202; V, 67] (последнее к личн. *Борька* жен. морфологического рода). Восточнославянские геогр. *Борково*, *Борковка*, *Борковичи*, *Борковщина*, *Борковская* и др., известные по спискам селений XIX в., рассеяны на огромной территории вплоть до Архангельска и Среднего Поволжья [Vasm. RGN I 3, 490]; у западных славян были указаны геогр. *Borków*, *Borkowo* в Польше [Nieckula 1971, 32], у южных – серб. *Borkovo* [Miklosich 1927, 36]. Вариант *Борхова* ул. обязан появлением прогрессивному воздействию вибранта *p* на смычную *k*; ср. отражение данного про-

¹ По топонимии древнерусского и старорусского периодов прослеживается активное функционирование в новгородских говорах диалектного варианта *Евань*, ср. в писцовых книгах многочисленные топонимы *Еванково*, *Еваново*, *Еванцово*, *Евашово* наряду с *Иванково*, *Иваново*, *Иванцово*, *Ивашово* и др. [НПК. Указ. ГН, 131, 139–140].

цесса в *Борковская* с вар. *Борховская*, название межи в купчей грамоте 1-й пол. XV в. из Обонежья [ГВНП, 290, гр. 289]. Запись «на *Боркѣве* улице» в духовной грамоте № 114 [ГВНП, 195] 1-й четверти XV в. есть, на наш взгляд, не что иное, как отражение средствами письма прогрессивной ассимиляции по мягкости $p'k > p'k'$, явления, которое хорошо известно и сейчас, особенно в восточнорусских говорах (см. примеры: *се*[p'z'ä], *тай*[z'öi], диалектное произношение *Гри*[n'k'ö]ва фамилии диалектолога Н.П. Гринковой и т. п. [Русская диалектология 1972, 61–62]). Написание «*Боркѣве*» передает произношение *Бо*[p'k'ö]ве или *Бо*[p'k'e]ве.

Славкова ул. Торговой стороны [НПЛ, 83, 97, 311, 340, 377–379, 397, 458; НЛ, 36, 37, 64, 70, 81, 92, 112, 243, 252, 312, 351]. Впервые упомянута летописью под 1261 г.: «...на *Славковѣ* улицы сгорѣ церкви святого Дмитрия, а дворовѣ добрыхъ 50» [НПЛ, 83]. К личн. *Славко*, ранее распространенному по всему славянскому миру: ст.-укр. *Славко* по переписным книгам 1666 г. [Демчук 1988, 82], *Slavek*, *Slavko* у древних полабских, поморских, лужицких и альпийских славян [Schlimpert 1978, 126–127; Kronsteiner 1981, 212], др.-польск. *Slawek*, *Slawko* [Taszycki 1925, 51] и геогр. *Slawkowo*, *Slawków* в Польше [Niecekula 1971, 189], др.-чеш. *Slávek* [Svoboda 1964, 108] и геогр. *Slavkovo* в Чехии 1224 г. [Prof. MJ IV, 96], болг., серб. личн. *Славко* [Заим. БИ, 200; Грк. РЛИКС, 180]. Личн. *Славко* может быть гипокористикой на базе полных **Славоборъ*, **Славоуѣ* и т. п. (вряд ли к типу *Жирославъ*, *Доброславъ*, ибо, как установил А.А.Зализняк, в др.-новг. диалекте «почти всегда <...> отбрасывалась только конечная часть» имен [НГБ из раскопок 1977–1983, 148–149]) или восходить (с уменьш. суффиксом) к личн. *Слава*, равному апеллятиву *слава*. По писцовым книгам на Новгородской земле обнаруживаются дер. **Славково** в Коломенском пог. Дер. пят. 1495 г. + дер. Дубровенском пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК I, 94; IV, 207], по современным источникам – **Славково** дер. на р. Воложке Большегорской вол. Тихв. у. [СНМНГ VII, 20–21] (сейчас – дер. Борск. Бокс.) + дер. на р. Лынна в Новолодожском у. Петерб. губ. XIX в. [СНМРИ 37, № 3068] (сейчас – дер. Усадищенск. Волх.) + дер. недалеко от Бежецка и Кашина Твер. губ. Сюда же пск. геогр. **Славковичи** пог. на р. Черехе Псковского у. (сейчас – пос. *Славковичи* Порх.) + дер. в окрестностях Бобруйска Минской губ., **Славково** хут. под гор. Слоним Гродненской губ. + дер. под Слуцком Минской губ. + дер. близ Дорогобужа Смоленской губ. + дер. Звенигородского у. Московской губ., **Славков** трижды в Вольнской губ., **Славковские** хут. Полтавской губ., **Славковсе** дер. в Словакии (материалы из [Vasm. RGN VIII 2, 331]), гидронимы *Славковица*, *Славковичка* в Сербии [Павл. XC].

Виткова ул., или *Витков* переулочек на Торговой стороне [НЛ, 136, 235, 275, 382, 464; ГВНП, 171; Майк. КПНВ, 218, 221, 239, 240, 243–245, 254]. Известна по летописям с 1353 г., но ранее в «Уставе Ярослава князя о мостех» 2-й пол. XIII в. названы жители этой улицы – «*виктовци*» = *витковцы*: «...мостити <...> *виктовцамъ* до Климятиныхъ сѣней» [НПЛ, 507]. Безосновательно мнение [Алешковский 1974, 101] о том, что название *Виткова* (*Витков*) соотносится с глаголами *виться*, *извиваться*, отражающими криволинейность улицы, как и предложенное В.А.Буровым [Буров 1994, 78] выведение его из гидронима *Витка*, связанного с ручьем, некогда протекавшим по Торговой стороне, – обе эти трактовки абсолютно не отвечают механизмам деривации. Урбаноним обусловлен личн. *Витъко* общеславянского распространения: *Vitko*, *Vitek* у древних полабско-поморских и серболужицких славян [Schlimpert 1978, 155–156], нижн.-луж. *Witak* [Muka, 110], др.-польск. *Witek* [Taszycki 1925, 51], др.-чеш. *Vitek* [Svoboda 1964, 135], болг., серб. *Vitko* [Займ. БИ, 50; Мор. СИ, 40; Miklosich 1927, 14]. Данная гипокористика соотносится с известными прасл. композитами **Vitoslavъ*, **Vitomyslъ*, **Vitogostъ*, **Vitomirъ*. На новгородской территории еще геогр. **Витково** дер. на рч. Рыденке Климентовского Тесовского пог. Вод. пят., упоминаемая в 1500 г. [НПК III, 69], а также в 1568 и 1582 гг. [Селин 2003, 119, табл. 8], дер. **Витово** Петровского Борисоглебского в Боровичах пог. Беж. пят. 1564 г. и **Витов** Дремяцкого пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК VI, 946; IV, 132] (последние к бессуффиксному личн. *Витъ*). Вне новгородских земель – *Витков*, *Витково*, *Витки*, *Виткин*, *Витковици*, *Витковицизна* и некоторые другие эквивалентные ойконимы, – судя по спискам селений XIX в. [Vasm. RGN II 1, 107], сконцентрированы в ограниченном ареале Галиции, Вольни и Подолии, реже в Литве на пограничье с Белоруссией (Виленская губ.); примерно этот же ареал (хотя и несколько шире – с включением белорусских земель) занимают *Витово*, *Витовка*. Перечисленные названия весьма характерны для западных славян: чеш. геогр. *Vitkov*, польск. *Witków*, *Witkowo*, *Witkowiec*, *Witów*, *Witowo* [Miklosich 1927, 41; Nieckula 1971, 224]. Возвращаясь к наименованию уличан «*виктовци*» (= *витковцы*), любопытно заметить, что точно такую же метатезу пережило личное имя *Потка*, *Потко*, отраженное новг. бер. гр. № 750 конца XIII – 1-го сорокалетия XIV в. («Поклонъ от Степана ко *Поктѣ*») и Новг. 1-й летописью под 1200 г. («Романа *Пѣкта*» в Вин. ед.), о метатезе этого, последнего имени см. еще [Зализняк 2004, 531].

Росткина ул. на Софийской стороне (вар. *Ростокина*) [НЛ, 37, 46, 58, 88, 246, 334]. Новг. 1-я летопись [НПЛ 388, 399] указывает под 1396 г.

эту улицу косвенно, через наименование монастыря: «Сгорѣ церкви святыи Иоанъ в *Ростькинѣ* монастырѣ, и иконы и книги сгорѣша», затем под 1406 г. Основной вариант урбанонима сводится к личн. *Ростька* / *Ростька* – это либо усеченное имя жен. морфологического рода на базе композита типа польск. *Rościslaw*, чеш. *Rostislav*, др.-рус. *Ростиславъ* (или иных композитов с начальным *Rosti-* < **Orsti-*), либо имя, образованное сразу от апеллятива. Ср. максимально близкие к нему личн. *Ростко* (крестьянин Дер. пят. 1495 г.), *Росток* [Туп. СРЛСИ, 395], др.-чеш. *Rostek* [Svoboda 1964, 295], др.-серб. *Растко*, *Раско* [Грк. РЛИКС, 170–171], а в иной суффиксации др.-новг. личн. *Ростила* из торжковской бер. гр. 8 сер. 80-х – конца 90-х гг. XII в., очевидно, и личн. *Ростихъ* из новг. бер. гр. № 160 сер. 10-х – 50-е гг. XII в. [Зализняк 2004, 299, 451]. Старописьменными ойконимическими соответствиями в Новгородской земле выступают *Ростоково* дер. Ручьевского пог. Дер. пят. конца XV в. [НПК II, 391], быть может, *Роскино* в Богородицком Рыбенском пог. 1571 г. и *Росково* в Околорусье 1539 г. [НПК VI, 700; IV, 364] с предполагаемой утратой *t* (из **Росткино*, **Ростково*; ср., однако, не менее значимые для данного случая др.-чеш. личн. *Rosek*, *Rosa*, *Ros*, которые Я.Свобода и В.Шмилауер [Svoboda, Šmilauer 1960, 593] тоже связывают с *Rostislav*). За пределами Новгородской земли важно привлечь к сравнению блр. ойконимы *Ростков* ус. близ Гомеля, *Ростково* дер. и село в окрестностях гор. Горки на Могилевщине и, разумеется, название бывшего подмосковного села *Ростокино*, упоминаемого с 1447 г., а ныне поглощенного Северо-Восточным административным округом Москвы [Поспелов 1999, 171]: последнее тождественно варианту *Ростокина* новгородской улицы. Чаще встречаются ойконимы от бессуффиксного личн. *Ростъ* (ср. хорв. личн. *Rost* [LISRH, 566]), среди которых новг. геогр. *Ростово* дер. на р. Хотынке Луж. у. 2-й пол. XIX в. [СНМРИ 37, № 2256], гор. *Ростов* в Ярославской обл., упоминаемый с IX в., и др.; часть этих ойконимов достаточно позднего происхождения, судя по рассеянному, собственно русскому (Центр, Поволжье) ареалу, см. материалы [Vasm. RGN VII 3, 658], ср. также гидроним *Растов* в Сербии [Павл. ХС]. Варьирование родовой характеристики базовых антропонимов (не только *Росткина*, *Ростокина*, но и *Ростоково*, *Ростов*), похоже, имеет отношение к колебанию рода у созвучных лексем; ср. новг. диал. *рост* и *ростá* ‘росток’ [НОС 9, 151], *росток* и смол. диал. *росткá* ‘веточка, отросток’ [СРНГ 35, 198].

Молоткова ул. на Торговой стороне. В Новг. 1-й летописи название не отражено, в Новг. 2-й и 3-й летописях указан топоним *Молотково* безотносительно к улице: «*Молотково* дѣвичь монастырь» (1199 г.);

«...и подписана бысть церковь святяа Богородица на *Молоткове*» (1363 г.); «...заложиша церковь каменну святяа Богородицы на Михалицы в Плотинскомъ концѣ, на *Молотковѣ*» (1379 г.) [НЛ, 34, 198, 243]. Как *Молоткова* улица отмечена в «Семисоборной росписи» Новгорода 1466–1508 гг. [Янин 2004, 400], затем Писцовыми книгами Леонтия Аксакова в конце XVI в. [Майк. КПНВ, 220, 221, 260]. Таким образом, в урбанониме получило отражение геогр. *Молотково*, скорее всего связанное с небольшим поселением в Плотницком конце, которое позднее стало улицей. Попытки обусловить данное название ремесленной терминологией [Алешковский 1974, 103; Васильев, Северинов 2001, 2] сейчас представляются бесперспективными. Урбаноним следует возводить к личн. *Молотъко*, образованному из апеллятива *молоть* < **molъ*. Имя находит многочисленные подтверждения в западнославянской, преимущественно полабско-поморской языковой области, где оно некогда было очень популярным. В частности, личн. *Moltek*, *Mlotek* полтора десятка раз прослеживается по документации XIII–XIV вв., относящейся к славянам в бассейне Лабы и в Поморье, там же присутствуют имена *Moltan*, *Mlotan*, а также геогр. *Moltow* сел. в Германии близ Висмара [Schlimpert 1978, 89]. Сюда же примыкают др.-польск. личн. *Mloto* [SSNO III, 587], *Mlotek* [Nieckula 1971, 134], др.-чеш. *Mlat*, *Mlatec*, *Mlateček* [Svoboda 1964, 199, 282]. Среди межтерриториальных ойконимических соответствий известны: укр. геогр. *Molotkóv* дер. на руч. Лукавец в окрестностях пункта Богородчаны в Галиции, *Молотковцы* дер. под Бердичевым Киевской губ., вероятно, блр. *Молодковичи* (польск. *Molotkowicze*) дер. недалеко от Пинска Минской губ., *Молотковская* (второе название *Шнагу!*) дер. Слободского у. Вятской губ., *Молотки* сел. в Галиции [Vasm. RGN V 3, 656], *Mlotkowo* сел. в Польше [Nieckula 1971, 134].

Рядятина ул. на Софийской стороне, именовавшаяся иногда также *Радятина*, *Редятина*, *Рядитина*. Первое упоминание датируется 1211 г.: «Загорѣся на *Радятинѣ* улици и съгорѣ дворовѣ 4000 и 300, а церквии 15» в Син. сп. Новг. 1-й летописи (по Ком. сп.: «...на *Радятинѣ* улици») [НПЛ, 52, 250], о других упоминаниях см. [НЛ, 15, 34, 75, 82, 87, 201, 236]. Скорее к личн. *Рядята* (к прасл. **red-* ‘ряд; порядок’, которое проявляется еще в др.-новг. личн. *Рядко* 1225 г., *Рядик*, крестьянин в Вод. пят. 1500 г. [Туп. СДЛСИ, 347], в композитах типа др.-чеш. личн. *Rědhost*, *Rědivoj*), нежели к личн. *Радята*: прасл. **rad-*. Эти созвучные имена были знакомы древним новгородцам. См. в бер. гр. № 568 сер. 40-х – 70-е гг. XIV в.: «у Кузмѣ у *Радятина*» наряду с персонажем *Радята* в грамотах № 879, 799, 935 2-й пол. XII – нач. XIII в. с усадьбы Е Троицкого раскопа (полагают,

что он одно и то же лицо) [Зализняк 2004, 368–369, 408]; сюда же имя новгородца Никифора *Рядятинича*, убитого в 1269 г. [НПЛ, 86, 316]¹. Вариантность геогр. *Рядятина* / *Радятина* отражает пересечение личных имен, благодаря их созвучию, причем основа *Рад-*, будучи более функциональной, могла вытеснить *Ряд-*; ср. колебания геогр. *Рядбуж* / *Радбуж* при исходном личн. **Рядобудъ* (см.). Среди ойконимических параллелей укажем *Рядятино* дер. в вол. Чайковичи Шел. пят. 1498 г. [НПК IV, 225].

Ярышева ул. Софийской стороны, известная с 1195 г. [НПЛ, 41, 233, 371; НЛ, 11, 238]. К употребительному скорее только в Новгородской земле личн. *Ярышь* (: прасл. **jar* – ‘буйный, ярый’), которое зафиксировали несколько грамот на бересте: № 449 последней четверти XII в. (в составе притяжательного прилагательного Род. мн. *Ярышевъ*), № 348 40–70-х гг. XIII в. и смоленская бер. гр. 9 конца XII – нач. XIII в. [Зализняк 2004, 822], сюда же отчество новгородца Ивана *Ярышевича* под 1217 и 1224 гг. [НПЛ, 57, 64, 258, 268]. Использовалось это имя в Новгороде и позднее; см. *Ярыш* – сын повара Молявы, казненный в опричнине в 1569 г. [Вес. Он., 382], совр. новг. фамилии *Ярыш*, *Ярышев*. Из близких зап.-слав. антропонимических соответствий имеются: ст.-укр. *Ярош*, нередкое по документации XV–XVI вв. [Демчук 1988, 91], польск. личн. *Jarosz* [SSNO II, 448], чеш. *Jaroš* [Svoboda 1964, 55], луж. *Jaroš* и особенно *Jariš*, *Jarš* у верхних лужичан [Schlimpert 1978, 55]. Из ойконимии нужно указать старописьменные новг. геогр. **Ярышово** дер. Никольского Будковского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 299], **Ярышино** дер. пог. Богородицкого в Сопине Беж. пят. 1564 г. [НПК VI, 1043], а среди поздних названий геогр. **Ярышево** (вар. *Ерышово*) дер. Большегорской вол. Тихв. у. нач. XX в. [СНМНГ VII, 20–21]; вне новгородской территории геогр. *Ярышево*, *Ерышево*, *Ярышевка*, *Ярышев* встречаются отдельными рассеянными точками от украинской Галиции вплоть до Среднего Поволжья и Перми [Vasm. RGN III 2, 243; X 3, 560]. Сюда же еще польск. геогр. *Jaryszewo*, *Jaroszyn*, *Jaruszyn* сел. [Nieckula 1971, 92, 267; Miklosich 1927, 189].

Щеркова (*Щиркова*) ул. Софийской стороны, указанная под 1115 г.: «Заложы Воигость церкву камену святаго Федора Тирина, среди дву улицы *Щиркове* [и] Разважи, апрѣля 28» [НЛ, 4–5], затем под 1340, 1490, 1541 гг. [НЛ, 219, 58, 327]. Новг. 1-я летопись упоминает эту улицу в конце XIV в.: «Сотворися знамение от образа владычня въ святомъ Еупатии на

¹ Архимандрит Макарий полагал, что «название Редятини или Рядитини улицы <...> едва ли не происходит от посадника Никифора Редятини, убитого в 1268 году в битве с ливонцами при Раковоре» [Макарий 1860, 166–167].

Щеркове улице» (1396 г.); «Загорѣся на *Щерковѣ* улицѣ противъ святыхъ 40, и погорѣ *Щерковѣ* улицѣ берегъ весь» (1397 г.) [НПЛ, 388, 389]. Новг. 2-я и 3-я летописи дают только форму *Щиркова*, Новг. 1-я летопись – только *Щеркова*; конкуренция двух основных вариантов разрешилась в XVI в. в пользу второго: писцовые книги знают только *Щеркова*, *Щеркова*, *Щоркова* (последний вариант благодаря $e > o$), см. [ПКНЗ 1, 311, 331, 355; НПК III, 443, 865, 869; IV, 169; V, 64, 65]. В силу пересечения вариантов появляется альтернатива поисков исходного антропонима (*Щерько* или *Щирько*), который в любом случае выступает окказиональным деапеллятивным прозвищем. Ср., в частности, прозвищные имена персонажей: Ивашко *Щорко* Ивашков, ладожский посадский в Вод. пят. 1500 г., Ивашко *Щерка*, охотский казак 1679 г., там же личн. *Щирко* [Туп. СДЛСИ, 500, 501]. К его семантической конкретизации ср., во-первых, пск. диал. *щеря*, *щера*, *ощера* ‘кто щерится, щетинится’, пск. *щерый* ‘дурнолицый’, во-вторых, *щирый* ‘истинный, подлинный, настоящий’, ‘прямой, искренний, чистый, задушевный’ (южн., зап.) [Даль СЖВЯ 4, 656, 658], новг. *щирый* ‘то же’, там же выражение *щирый дурак* [НОС 12, 117]; к пересечению *щер-* / *щир-* ср. диал. *щера* и *щира* ‘камень в продольных трещинах; сланец, плитняк, плита’ [Даль СЖВЯ 4, 656]. Среди новгородской старописьменной ойконимии обнаруживаются близкие формы: *Щеркино* (вар. *Щиркино*) дер. Влажинского пог., *Щерино* – дер. в вол. Пирос и в Полоновском пог. Дер. пят. конца XV–XVI вв. [НПК II, 576, 656; ПКНЗ 1, 38; 4, 158, 280], *Ощеркина* дер. Ополенского стана Пусторжевского у. 1583 г., (по: [Янин 1998, 146]), равно как *Щирино* дер. Дремяцкого пог. Шел. пят. 1498 г. + дер. Холмского пог. Дер. пят. 1540 г. [ПКНЗ 4, 316], вероятно, *Щирово* и *Щириково* – дер. Быстреевского пог. Шел. пят. 1571 г. [НПК IV, 130; V, 481, 335, 477]. Немногочисленные вост.-слав. топосоответствия, известные из списков селений Российской империи, тоже прикреплены к новгородско-псковской территории: *Щерино* дер. на р. Леваш в Пск. у., *Щирино* – две дер. на р. Кунье Холм. у. [СНМРИ 34, № 14169, 14995]. Эти данные дополняются геогр. *Szczerków* (вар. *Szczyrkowo*) – село в Польше, отмеченное с 1386 г. [Nieckula 1971, 204] (ср. в этом последнем примере такое же пересечение корней *šcer-* / *šcīr-*, как в новг. *Щеркова* / *Щиркова*, *Щеркино* / *Щиркино*).

Коржева (*Коржова*) ул. на Торговой стороне, фиксируемая письменностью сравнительно поздно. Писцовой книгой Вод. пят. она указана около 1500 г. [НПЛ III, 143], позднее отмечена в [ПКНЗ 1, 101, 346, 354; НЛ, 382, 386]. Ближайше соотносится с известным, особенно по материалам Юго-Западной России XVI–XVII вв. [Туп. СДЛСИ, 252], прозвищем *Корж* (< *Кържь*), для осмысления которого можно привлечь диалектные

экспрессивные номинации лиц *коржавый* ‘морщинистый, тщедушный, слабый’ (производное от *корж* [Фасм. ЭСРЯ II, 326]), *коржавище*, *коржевище* ‘уродина, урод, безобразный человек, противный лицом’ (север., арх.), *коржа* ‘сгорбленная и худошавая старуха’ (смол., костром.), *коржак* ‘небольшого роста толстый ребенок с большим животом’ (смол.) [СРНГ 14, 328–329; Даль СЖВЯ 2, 164]. По НПК известен ряд ойконимов: *Коржева* поч. и *Коржиха* поч. в пог. Михайловском Юрьева монастыря Шел. пят. 1539 г. + дер. в Беж. пят. 1576 г. [IV, 296; V, 662; VI, 203], *Коржево* дер. Спасского Молодиленского пог. Беж. пят. 1564 г. [VI, 1057], сюда же и современное геогр. *Коржево* дер. на рр. Тесова и Каменка Тесовской вол. Новг. у. нач. XX в. [СНМНГ I, 80–81]. Эти и подобные названия, как показывают списки селений Российской империи, не имеют ареальных предпочтений, изредка встречаясь от Среднего Поволжья до Бессарабии. Вместе с тем, в предыдущей своей статье мы не исключали (и сейчас не исключаем) «топографического» толкования, учитывающего местоположение улицы, которая проходила вдоль левого берега Федоровского ручья, видимо, по сырой, заболоченной его долине, т. е. по *коржаве* – ‘ржавому болоту, мочажине с болотною железною рудой’, ср. и сев.-рус. *коржаветь*, *коржеветь* ‘покрываться нечистотою, осадком или ржавчиной’ [Даль СЖВЯ 2, 164]. Смущает, правда, отсутствие варианта названия улицы с суф. *-ав-* (*Коржава*), что вынуждает думать о переосмыслении. После изменения гидрографической ситуации в городе урбаноним могли просто «подогнать» под ряд притяжательных наименований с суффиксом *-ов/-ев-*, скажем, по типу соседних *Славковой*, *Федоровой* и других улиц.

Чеглова ул. Указана летописями под 1194 г.: «...Загореся въ *Чьглове* улки, и погоре дворовъ съ 10» (по иным спискам: «въ *Чегловѣ*», «въ *Чехловѣ*» [НПЛ, 41, 233], «въ *Чихлове*» [НЛ, 12]). Местонахождение этой древней маленькой улицы (улки) точно не установлено (ее нет и на плане В.Л.Янина и Б.А.Колчина), но, судя по контексту отмеченных рядом урбанонимов, она находилась где-то на Софийской стороне. Название идет от личн. *Чьгль*, отраженного др.-рус. письменностью; ср.: «*Чьгьле*, кривая главо, пиши право», приписка в Словах Григория Богослова, XI в. (по [Туп. СДЛСИ, 478]). Антропоним соотносится с др.-рус. *чегльи*, *чекльи* ‘исконный, подлинный’ (по источнику 1397 г.), совр. блр. *чокльи* ‘настоящий, прямой, точь-в-точь’, см. [Срезн. МСДЯ 3, 1487; ЭССЯ 3, 176], вместе с тем, в др.-рус. *чегльи* видят родство с *чеглок* ‘маленький сокол’, как и со *щегол*, *щеголь* [Фасм. ЭСРЯ IV, 323]. Это деапеллятивное имя, скорее прозвище, отражают еще новг. геогр. *Чеглово* дер. Ильинского пог. в Слезкине Беж. пят. 1545 г. [НПК V, 532] и, видимо, *Чехлово* дер. на

оз. Долгое Сумерской вол. Шел. пят., согласно источнику 1627–1628 гг. [Неволин 1853, 152, 127 прил.] (в XIX в. – была дер. Гд. у. Петерб. губ. [СНМРИ 37, № 982]). Обращают на себя внимание также ойконимы *Чеголь* (*Чаголи*) дер. Луж. у. [СНМРИ 37, № 1842] (сегодня – дер. *Чеголи* Дзержинск. Луж.) и *Чоголино* дер. в Шегринском пог. Дер. пят. 1539 г. [ПKNЗ 4, 137]. От новгородской территории топосоответствия уходят далеко на восток: *Чеголово* дер. Галичского у. Костромской губ., *Чеголовский* пос. близ Нолинска, *Чеглы* дер. близ Котельнича, *Чиголи* дер. – все три пункта в Вятской губ., *Чагловка* дер. на рч. *Чагловка* Буйского у. Костромской губ., *Чаглы* (*Щеглы*) дер. на р. Сура к западу от Симбирска [Vasm. RGN X 1, 38, 58, 59, 134, 141].

Волосова ул. на Софийской стороне, впервые упоминается в 1348 г.: «В то же время нощи загорися на *Волосовъ* улицъ, на преставление Иоанна Богослова, и погорь улица *Волосова* вся» [НПЛ, 360], см. еще [НЛ, 9, 131, 243, 251]. Исследователи обычно соотносят название этой улицы с теонимом, предполагая здесь древнее капище языческого *Волоса*. Как пишет Б.А.Рыбаков, «христианской заменой Волоса был святой Власий и на этой Волосовой улице, очевидно, в давние времена поставлена церковь святого Власия. В 1184 г. церковь уже потребовала полного обновления...». В 1379 г. деревянную церковь святого Власия еще раз обновили, а в 1407 г. «поставиша церковь камену святой Власей в Людине конце» [Рыбаков 1988, 419]. Об этом же ранее писал Н.И.Костомаров: «Волосова улица <...> напоминает древнее божество Волоса, которому, вероятно, в языческие времена происходило поклонение и где впоследствии поставили церковь святого Власия, по созвучию имени этого святого с именем языческого божества» [Костомаров 1863, 6]. Сходного мнения придерживался архимандрит Макарий [Макарий 1860, 177]. Более ортодоксальный в своих убеждениях Е.Болховитинов [Болховитинов 1808, 28–29] видел непосредственную связь названия улицы только с церковью *Власия*, на ней находившейся. Вместе с тем сейчас стало очевидным, особенно в условиях, когда связь с языческим Волосом археологически не прослежена, что теонимическое объяснение не единственно: следует считаться также с возможностью деантропонимного образования, на что указывал М.Х.Алешковский, который отнес данный урбаноним к патронимической группе: «Волосова улица древнее Власьевской церкви, названной не по ее имени, так как она стоит в конце, а не в начале улицы – имя Волоса было широко распространено среди новгородцев» [Алешковский 1974, 102]. Перечислим имеющийся др.-новг. антропонимический материал. Личн. *Волось* обнаружено в новг. бер. гр. № 914 (50–70-е гг. XI в.), где оно дано в перечне христианских имен святых (по мнению А.А.Зализняка

[Зализняк 2004, 283], это показывает, что уже в XI в. данное языческое имя стало признанным эквивалентом имени святого Власия) и в более поздних бер. гр. № № 604 (60–70-е гг. XII в.), 458 и 50 (XIV в.). По Новг. 1-й летописи известны новгородцы: *Волось* Блудкиничь, убитый на вече в 1230 г., *Волось*, поставленный игуменом в Антоновом монастыре в 1187 г., Сбышка *Волосовичь*, убитый в 1194 г. [НПЛ, 38, 41, 69, 229, 234, 276]. Личн. *Волось* прослеживается далее по духовной грамоте Антония Римлянина (около 1147 г.), по вкладной грамоте Варлаама Хутынского (1192–1210 гг.), по договору Новгорода с немецкими купцами 1338 г. (сообщается о новгородском купце *Волосе*, который был убит), по трем купчим грамотам из Обонежья 1-й и 2-й пол. XV в. (указаны послухи Онанья *Волосов*, Демид *Волосов*, Насон *Волосов*), наконец по грамоте XV в. из Обонежья, где фигурирует шунжанин *Волос* Петров, см. [ГВНП, 160, 161, 71, 289, 290, 295, 310]¹. Источники свидетельствуют о сугубо новгородской принадлежности личн. *Волось*, его популярности на изучаемой территории в XI–XIV вв. (чему наверняка помогло его народно-этимологическое сближение с популярным христианским *Влась*, *Власиш*: греч. *βλασιος* ‘простой, грубый’), а на путях северо-восточной новгородской колонизации – до конца XV в. и позже, в XVI в., см. [Туп. СДЛСИ, 149]. Новгородская ойконимия, составляющая контекст *Волосовой* ул. Новгорода, многочисленна: **Волосово** дер. в Рождественском на Вороной (Воронежском) пог. Обон. пят. 1496 г., принадлежавшая Колмовскому монастырю [ПКНЗ 1, 302] (= ? совр. дер. *Волосово* Волх. р-на Лен. обл.), **Волосово** – пункты Михайловского, Ситенского, Локоцкого и Шегринского пог. Дер. пят. конца XV–XVI вв. [НПК I, 190, 607; II, 194; ПКНЗ 4, 127, 128, 138, 150] + село Кипенского пог. Вод. пят. 1500 г. [НПК III, 678] (= совр. пос., р. ц. *Волосово* Лен. обл.), **Волосово** дер. в Ждовлях + дер. в Отоки + сельцо на р. Черемхе, все пункты Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 533, 465, 468], **Волосово** – две дер. Беж. пят. 1545 г. (пог. Никольский на Ворожке и пог. в Полянах) [НПК VI, 224, 305], **Волосова Гора** дер. в конце XV в., а в сер. XVI в. – пуст. Ужинского пог. Дер. пят. [НПК I, 356; ПКНЗ 5, 160], **Волосково** сел. в Бежецком Верхе сер. 1570-х гг. [ПКНЗ 3, 230], **Волосково** дер., известная с 1568 г. в Климентовском Тесовском пог. Вод. пят., см. материал по ней в [Селин 2003, 126, табл. 8], сегодня – дер. Ям-Тесовск. Луж.), **Волосковичи** дер. Дремяцкого пог. Шел. пят. 1-й пол. XVI в. [НПК V, 339], = совр. дер. Ретюнск. Луж. Появление новых починков, именуемых **Волосков** в Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 285], возможно, **Бор Волоско** во Вла-

¹ Датировки перечисленных актов даны по [Янин 1990, 206–207, 248, 253, 262].

жинском пог. Дер. пят. 1560–1561 гг. [ПКНЗ 5, 338] (= *Волоско Большое, Волоско Малое* на рч. Колпинке Мануйловской вол. Ст. у. нач. XX в. [СНМНГ III, 74–76]), говорит о том, что личн. *Волоско, Волос* были в ходу и в XVI столетии. О длительной функциональности имени свидетельствуют также современные восточнославянские топонимические соответствия (геогр. *Волосово, Волосовка, Волосково, Волосовщина, Волосовичи* и др.), которые многочисленны и чаще фиксируются на Русском Северо-Западе и в Белоруссии, но встречаются и в Калужской, Московской, Ярославской, Вологодской, Олонечской, Костромской губ., на Волыни и в Галиции; в некоторых случаях в качестве параллельных вариантов к данной ойконимии выступают геогр. *Власово, Власовичи, Власовщина*, см. материалы [Vasm. RGN II 1, 161–162]. Разумеется, большинство подобных названий не имеют к языческому личн. *Волось* никакого отношения: это те, которые основаны на омонимичной народной форме христ. *Власий* либо содержат в исходе прозвище *Волос*, равное сущ. *волос*.

Чудинцева ул. на Софийской стороне, часто упоминаемая летописями [НПЛ, 35, 71, 224, 279, 351, 361, 375, 383, 393, 397, 409, 416, 460–462, 507; НЛ, 9, 29, 37, 43, 63, 101, 194, 234, 246, 248, 249, 259] в разных вариантах: *Чюдиньцева, Чюдиньчева, Чюдинщина, Цюдиньцева, Чюдинцова*. Впервые указана под 1176 г., жители улицы – *чюдиньцевци* – в 1402 г. [НПЛ, 35, 397]. С XVI в. отписными и оброчными книгами пригородных пожен Новгородского дворца (1535–1539 гг.) фиксируются микротопонимы под Новгородом, производные от названия *Чудинцевой* ул. и ее жителей: *Чудинцевское поле, Чудинское заполье, Чудинское пастбище, Чудинчевский ручей* [ПКНЗ 1, 325, 328, 338, 343, 344, 347]. Обычно, невзирая на суффиксацию, название прямо соотносят с именем прибалтийско-финской народности *чудь*: «название Чудинцева получила по племени чудь, в земли которого уходила дорога» [Зайцев, Кушнир 1975, 108]. Более осторожны в выводах В.Л.Янин и М.Х.Алешковский [1971, 43]: «В названии одной из улиц Софийской стороны – Чудинцевой, заключено название еще одного народа угро-финской группы – чуди». Однако при соотнесении с этнонимом скорее ожидалось бы прилагательное не в притяжательной, а в относительной форме, скажем, *Чудская*, ср. деэтнонимные наименования *Прусская, Варяжская* ул. в Новгороде. В названии же *Чудинцева* просматривается конкретно-единичная принадлежность: оно содержит индивидуализирующие суф. *-ин-* (на фоне собирательного этнонаименования *чудь*) и *-ьц-* и закономерно образовано в виде посессива с суф. *-ев-*, характерным для антропонимии. Отсюда неизбежно следует предположить номинацию по имени некоего лица (главы патронимии?), которого звали *Чюдиньць*. Этнонимы *чудин, чудинец, чухна* легко антропонимизирова-

лись, приобретая при этом семантику более широкую. В антропонимической функции они указывали конкретно или обобщенно этнически на представителей финно-угорских народностей, либо именовали выходцев из северных («чудских») областей безотносительно к этническому содержанию имени, либо нередко выступали в качестве собственно прозвищ, характеризующих личные особенности человека: ‘дикий, чужой, странный’ (подр. о чуди, см. [Агеева 1990, 86–115]). Из летописей известен персонаж Микула *Чудин*, киевский боярин 1068 г., один из учредителей «Русской Правды» [НПЛ, 177]. Данное имя содержит новг. бер. гр. № 159 (60–70-е гг. XII в.) и № 589 (сер. 20-х – 50-е гг. XIV в.), адресованные к *Чюдину* [Зализняк 2004, 818]. Обширный материал к личн. *Чудин* из более поздней русской документации суммирован в [Туп. СДЛСИ, 487–488].

Средневековая новгородская топонимия конца XV–XVI вв. включает большое количество образований от *чуд-*, явно деантропонимных. Приведем только часть наиболее выразительных случаев: *Чудини* дер. и вол. на юге Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 71] (посессив с суф. *-j- от личн. *Чудинь*); *Чудинцово* дер. в вол. Слезкино в Богородицком пог. на востоке Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 506] (ср., помимо ул. *Чудинцевой* в Новгороде, и совр. новг. фамилию *Чудинцев*); геогр. *Чюдинец* дер. Грезневского пог. Вод. пят. 1500 г. [ПКНЗ 1, 104] (вероятно, равно имени или прозвищу *Чудиньць*); *Чудинково* дер. Холмского пог. в Кунском стане Дер. пят. 1495 г. [НПК II, 837] (к личн. *Чюдинько*); *Чудиново* – две дер. Дер. пят. + дер. Шел. пят.; *Чудинова* и *Чудкино*, *Чудково* – дер. Беж. и Шел. пят. [НПК V, 133; IV, 298, 545, 683] (к личн. *Чудинь*, *Чюдько*, *Чюдька*; последнее отражено бер. гр. 22 из Старой Руссы 1-й пол. XII в.; в контексте данного документа *Чюдька* считается женским соответствием к муж. личн. *Чюдинь* [Зализняк 2004, 338], но в других случаях оно может оказаться и мужским именем); *Чудино* дер. Беж. пят.; *Чудино Сельцо* дер. Карачуницкого пог. Шел. пят. [НПК VI, 1060; V, 619]. Сюда же старописьменные названия с оглушением *чюд-* > *чют-*: *Чютково*, *Чутково* – дер. Обон., Дер., Шел. пят. [ПКНЗ 1, 302; НПК I, 481; V, 480, 481, 488], вероятно, *Чутятино* дер. Дер. пят. [НПК I, 51]; с гипокористической модификацией основы: *чюд-* > *чюх-*, *чюхн-*: *Чухино* Беж. пят. [НПК VI, 238], *Чухново* Шел. и Беж. пят. [НПК V, 254; VI, 515] и т. п. Подобного рода образования названия, наряду с собственно деэтнонимными (дер. *Чудско*, *Чудской Конец*, р. *Чудля* и др., подр. о них в другом месте), тоже отражают смешанную в этническом отношении картину населения древней Новгородской земли. В целом же ойконимия с *Чуд-*основой в изобилии встречается на Русском Севере, убывая в Белоруссии, на Украине и в южнорусских областях, судя по [Vasm. RGN X 2, 170–173].

Вполне очевидно значение производящей основы в наименовании **Конюхова** ул. Торговой стороны, которое появляется в летописи сравнительно поздно – первый раз под 1442 г. в связи с пожаром: «...погоре половина *Конюховы* улицъ» [НПЛ, 423], см. еще [НПЛ, 463; НЛ, 272]. Ясно, что род занятий нередко находит отражение в антропонимической формуле, ср. ст.-рус. фамилию *Конюхов*, XVI в. [Вес. Он., 153], а также новг. геогр. **Конюхово** дер. и поч. Беж. пят., **Конюховичи** сельцо в Богородском Врудском пог. Вод. пят. [НПК VI, 104, 477, 847; III, 843] и др.

Иворова ул. Торговой стороны (отсутствует на плане). В [НПЛ, 380] указана под 1384 г.: «Того же лѣта совершиша церковь камену святого Клементя на *Иворовѣ* улицѣ», см. еще по [НЛ, 70, 76, 191, 247, 321, 351]. Возводится к личн. *Иворъ* из др.-сканд. *Ivarr* [Baecklund 1956, 29; Vasmer 1931, 664], которое зафиксировано в договоре русов с греками 944 г. и, судя по летописям, имело хождение в разных древнерусских землях до XIV в., см. [Туп. СДЛСИ, 221, 615]. В частности, на новгородской территории НПЛ под 1215 г. несколько раз упоминает новоторжца *Ивора* (с. 54, 252, 253, 446), там же фигурирует воевода «свейский» *Ивор*, убитый двинянами в 1445 г. (с. 426). Топонимия от данного имени имеет довольно широкую географию в русских землях: геогр. *Иворово* дер. на левом берегу Волги Кинешемского у. Костромской губ. + дер. на р. Рязанке Юрьевского у. Владимирской губ., *Иворовка* дер. на р. *Иваровке* Богородицкого у. Тульской губ., *Иворовское Сельцо* дер. на Северной Двине недалеко от Устюга Вологодской губ., *Иворское* дер. в Старицком у. Тверской губ. [Vasm. RGN III 3, 595], пск. *Иворовица* («пожня чернеческая на *Иворовицы*»), указанное отдельной грамотой Спасо-Мирожского монастыря с сябрами, XV в. [ГВНП, 330, гр. 345].

Вообще, по поводу соотношения скандинавских и славянских имен в древний период, нужно отметить следующее. По мнению некоторых исследователей, до крещения Руси скандинавские имена были весьма популярны среди членов княжеских семейств и княжеских дружин. Причем едва ли в ситуации X в. можно безусловно определить этническую принадлежность человека по его имени: скандинавские имена могли принадлежать и не собственно скандинавам, т. е. выбор имени определялся скорее социально, чем этнически. Начиная со Святослава и далее, после христианизации Руси, скандинавские имена постепенно сходят на нет. Все это могло отражать «начало политики ассимиляции «рода русского» местному славянскому населению» [Архипов 1989, 325–326].

Хревкова ул. Софийской стороны, впервые указана летописями под 1194 г.: «...загорѣся от *Хревъкове* улицы оли до ручья Неревскеи

коныць» [НПЛ, 41], см. еще [НПЛ, 233; НЛ, 12, 38, 39, 58, 254, 334]. Происхождение названия окончательно не выяснено, хотя очевидно, что оно происходит от антропонима **Хревъко* или **Фревъко* явно неславянского облика, древнерусской письменности не отраженного. Урбанизм имеет варианты, среди них форма *Хревкова* доминирует в ранних летописях, а варианты *Фрякова* (в [НЛ, 334] под 1554 г.), *Фревкова* (с XVI в.) являются достаточно поздними. Вместе с тем известно, что преобразование звукосочетания *фр > хр* в словах неславянского происхождения является довольно устойчивой фонетической закономерностью; ср., к примеру, отражение процесса в некоторых личных именах: *Храрь* в новг. бер. гр. № 198 (из *Фрарь*, к *Фларь*, лат. *Flor*), *Ахромей*, *Охромей* из *Варфоломей*. Впрочем, обратный переход *х > ф* тоже имел место в именах собственных (см. *Футынский* вместо *Хутынский* в писцовых книгах сер. XVI в. [ПКНЗ 2, 52, 53, 165]), но являлся спорадическим и давал неустойчивые результаты. Скорее нужно исходить из первичности именно личн. **Фревъко*, легшего в основу названия улицы; сам же этот антропоним по структуре представляет собой усеченно-суффиксальную гипокористику. В принципе он мог быть образован от любого полного неславянского имени, содержащего базисное звукосочетание *Фре-*, при помощи суффиксальной комбинации *-в-ьк-о*; к структуре этого имени ср. личн. *Лазъвко* в новг. бер. гр. № 105, производное, вероятно, от христ. *Лазорь*, а также новг. геогр. *Жиоровково*, *Жадовкино* с данным морфом [НГБ из раскопок 1977–1983, 150], соотносимые с полными личн. *Жирославъ*, *Жадънь*, которые хорошо засвидетельствованы берестяной письменностью. Что касается базисного *Фре-*, можно вспомнить, к примеру, о некоторых др.-герм. (др.-исл.) композитных личных именах с первым компонентом, означающим ‘господин’: др.-исл. личн. *Freygeirr*, *Freygerðr*, *Freyleif*, др.-англ. *Frealāf* [Топорова 1996, 46] (последнее, *Фрелав*, кстати говоря, отмечено в договоре русов с греками 912 г.) или даже о христ. личн. *Африкан* / *Африкант*, которое, как указывали исследователи, было в ходу и среди наемников-варягов (варяжский князь *Африкан*), причем в варяжском произношении оно звучало как *Afreki* [Архипов 1989, 326]. Таким образом, появляется предположение, что некое варяжское имя в древнерусском звуковом «обличье» легло в основу названия одной из древнейших улиц Новгорода.

Бардова ул. Торговой стороны, указана в Уставе Ярослава князя о мостах 1264 г.: «...мостити <...> михайловцамъ до *Бардовы* улицъ» [НПЛ, 508], см. еще [НЛ, 105]. Производно от личн. **Бардъ*, трактовка которого является спорной. Соответствующие ойконимы-посессивы встречаются нередко и на значительной территории. Ср. дер. **Бардово**

близ южного берега одноименного озера в Бежаницком р-не Пск. обл., на месте которой локализуется средневековый *Бардовский* пог. Пусторжевской земли XV в. [Янин 1998, 152]¹, *Бардово* пуст. в вол. Слезкино в Богородицком пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 523], *Бардовка* дер. Луженской вол. Дем. у. на р. Грязнуха нач. XX в. [СНМНГ II, 34–35] (= *Бардовка* место, где поставлена плотина через р. Полометь [НОС 1, 33]), *Бардово* село (второе название – *Шотукиша Верхняя*) в Лодейнопольском у. Олонецкой губ. + дер. в Покровском у. Владимирской губ., *Бардовка* дер. Невельского у. Витебской губ. + дер. на р. Танидель в Уфимской губ., *Бардовская* дер. на р. Яндеба Лодейнопольского у. Олонецкой губ., *Бардовщина* имение на р. Сясь Новоладожского у. Петерб. губ. + дер. на р. Тростянка в Смоленской губ., *Барды* сел. на Волыни близ Овруча [Vasm. RGN I 2, 272]. Личное имя (прозвище) **Бардь* в самостоятельном отражении письменностью осталось нам неизвестным. Вряд ли целесообразно связывать его со ст.-рус. личн. *Барда*, фамилией *Бардин* [Вес. Он., 25] и с многочисленной топонимией типа *Бардино* (ср. рус. диал. *барда* ‘брага; отстой; пойло, мутное питье’, как и ‘карга, страшилище’ [СРНГ 2, 111–112]); скорее следует обратить внимание на личн. *Бардак*, *Бардун*, *Бардич* из актовоей письменности XV–XVI вв. [Туп. СДЛСИ, 96, 527], как и на глагол *бардовать* ‘понимать, разуметь’, ‘слушать’, ‘повиноваться’, ‘справляться, ладить’, ‘управлять’ неясного происхождения [Фасм. ЭСРЯ I, 126], широко распространенный на Русском Севере [СРНГ 2, 113–114], а также иметь в виду возможность усечения старого календарного личн. *Бардуниан*, которое не вошло в официальные святцы Синодальной церкви в конце XIX в. [Суп. СРЛИ, 129].

Следующая значительная группа названий улиц древнего Новгорода, обозначенных нами как формально деантропонимные, образована от наименований церквей и монастырей. В строгом смысле слова такие урбанонимы не относятся к деантропонимным, тем не менее наличие в их составе антропонимических основ дает право рассматривать их рядом с названиями собственно деантропонимной («патронимической», по М.Х.Алешковскому) группы. По структуре они выступают как правило обычными прилагательными-посессивами с суф. **-j-*, *-ов/-ев-*, *-ин-* на базе христианских личных имен (имен христианских святых, в честь которых был освящен тот или иной новгородский храм). *Яковля* (*Яков-*

¹ Этот погост указан в НПЛ под 1435 г.: «села вся пожгоша по Ръжевъ, по плесковьским рубежь и на *Бардовъ*» (см. примечания на с. 418), однако составители Географического указателя к летописи допустили ошибку, отождествив это *Бардово* с *Бардовой* улицей в Новгороде, см. [НПЛ, 596].

лева) ул. на Софийской стороне, неоднократно отмеченная древними новгородскими летописями XII–XV вв. [НПЛ, 23, 208, 364, 374; НЛ, 7, 86, 88, 190, 193, 257, 327, 334, 336] и более поздними источниками, получила название по церкви святого *Якова*, стоявшей на ней. Первая фиксация дана под 1135 г.: «Томъ же лѣтъ Ирожнеть заложѣ церковь святого Николы на *Яколи* улицы» [НПЛ, 23]; здесь форма «*Яколи*» содержит одно из ранних отражений др.-новг. диал. перехода *вл' > л'* [Зализняк 2004, 76]. Впоследствии исконная йотово-притяжательная форма *Яковля* (> *Яколя*) была вытеснена «дважды притяжательной» формой *Яковлева*, окончательно утвердившейся с XVI в. Йотовым производным с семантикой относительного прилагательного (относительно экклезионим) выступает далее название **Кузмодемьяня** (*Кузмадемьяня*) ул. на Софийской стороне, которое проявлено письменностью с 1234 г.: «на *Кузмадемьяни* улицы» (в Ком. сп.: «с *Кузмодемьянѣ* улицѣ») [НПЛ, 73, 284], см. также [НПЛ, 85, 315, 357, 387, 389, 409, 411, 460; НЛ, 22, 31, 43, 45, 58, 220, 252, 259, 273, 320, 460]. С нач. XV в. фиксируется вариант с отвердевшей *н* («на *Кузмадемьяну* улицу», 1418 г. [НПЛ, 409]), употребительный и в XVI в., см., например [ПКНЗ 1, 312, 321, 329, 334, 345, 353, 354, 373]. Урбаноним получен по уличанской церкви в честь святых *Кузьмы* и *Дамиана*. Хотя улица впервые упоминается в XIII в., нижний ярус ее мостовых на Неревском раскопе относится к слоям 3-й четверти X в.¹

По церковным сооружениям получены далее следующие названия улиц: **Никитина** (*Микитина*) ул. Торговой стороны [НПЛ, 380, 384, 423, 460, 464; НЛ, 65, 79, 100, 101, 103, 104, 108, 109, 113, 116, 117, 121, 128, 242, 247, 250, 272, 313, 334] (впервые указана летописью под 1386 г., а церковь святого *Никиты* известна с 1368 г. [НПЛ, 370]); **Федорова** ул. Торговой стороны (указана под 1360 г. в связи со строительством на ней церкви святого *Федора* [НПЛ, 367; НЛ, 34, 235, 243]); **Михайлова** ул. Торговой стороны – по Михайлоархангельской церкви, находившейся близ Готского двора: «Заложѣша церковь камену святого *Михаила* на *Михаиловѣ* улицы» 1300 г. [НПЛ, 91], см. еще [НПЛ, 330, 368, 374, 380; НЛ, 13, 25, 70, 194, 195, 212, 235, 275] (в Уставе о мостах сер. XIII в. упоминаются и *михайловцы* – жители Михайловой ул. [НПЛ, 508])².

¹ Ее нижний, 28 ярус у пересечения с Великой улицей датирован 953 г. [Археологическое изучение 1978, 19; Колчин, Черных 1977, 105–106].

² Сходный др.-новг. топоним *Михалица* (урочище?) не имеет отношения к *Михайловой* ул., локализуясь севернее – в Плотницком конце, ср.: «Заложѣша церковь камену святых Богородицы на *Михалицы*, в Плотинскомъ концѣ» (1379 г.) [НЛ, 243].

Павлова ул. Торговой стороны (нет на плане В.Л.Янина и Б.А.Колчина) отмечается летописью лишь с 1423 г., когда была построена каменная церковь «Воскресение Христово в Павловѣ монастырѣ на *Павловѣ* улицы» [НЛ, 107], затем под 1533, 1572 гг. [НЛ, 267, 324]: она именовалась по Павлову монастырю, к которому примыкала.

Упомянутая в летописи под 1371 г. в связи с пожаром **Килова** ул. на Торговой стороне («Бысть пожаръ съ Ильинѣ улицы въ Плотничькыи конецъ, и Подолъ весь погорѣ, и конецъ до *Киловой* улицы» [НПЛ, 371]) обозначена неточно: здесь следует видеть ошибку писца и читать *Кирова*, на что указывал еще Н.Н.Муравьев [Муравьев 1828, 25]. В более поздних источниках (XVI в.) представлены варианты: краткий – *Курова* ул. (например, в [ПКНЗ 1, 349, 350, 355, 360, 366]) и полные – *Кироивановская*, *Кироиванская* [Майк. КПНВ, 222, 273]. Данное название отражает имена двух святых мучеников *Кира* и *Ивана*, поминаемых вместе, подобно Борису и Глебу, Кузьме и Дамиану, Фролу и Лавру; см. появление соответствующих топонимов: **Киреваново** дер. Шел. пят. 1576 г. [НПК V, 654], **Курьевоново** дер., **Курьеваниха** р., **Чурьеваново** дер., локализуемых в Беж. пят. 1545 г. [НПК VI, 311, 315, 413]. Хотя *Кироиванская* церковь по письменной документации древнего Новгорода не прослеживается, по «Семисоборной росписи» Новгорода хорошо известен придел святых *Кира* и *Ивана* в церкви Ильи на Славне, расположенной в непосредственной близости от *Кироиванской* улицы.

Обоснование некоторых названий улиц по церковным сооружениям иногда затруднено отсутствием прямых свидетельств о церкви, расположенной на данной улице, как, впрочем, и двусмысленностью языковых интерпретаций отдельных форм. Так, полагают, что древнейшее упоминание **Лукиной** ул. на Софийской стороне связано с крупными пожарами, которые случились в 1113 г.: «Въ то же лѣто погорѣ Онь поль, на сеи же сторонѣ городъ Кромьныи, от *Лукинѣ* пожаръ» [НПЛ, 20, 204]. Этот летописный фрагмент, в отличие от более поздних свидетельств об улице (см. [НПЛ, 41, 233, 375, 416; НЛ, 12], включая и указания на *лукинцев* – жителей Лукиной ул. [НПЛ, 38, 228; НЛ, 10, 186]), не содержит слова *улица* как обозначения городской административной единицы. Словосочетание «от *Лукинѣ* пожаръ» оставляет простор для широких толкований. Архимандрит Макарий был склонен связывать урбаноним с наименованием церкви: «Лукинская церковь на Софийской стороне существовала издавна, как и Лукинская улица» [Макарий 1860, 172], то же самое подразумевает С.Н.Орлов, указывая, что местоположение Лукиной улицы в прибрежной части определяется остатками церкви *Луки* [Орлов 1964, 275]. Иначе М.Х.Алешковский, который объ-

единяет данное наименование с личным именем владельца («название Лукиной улицы по имени Лукина двора») [Алешковский 1974, 102]. С позиций топонимики мнение о церковном наименовании выглядит более справедливым, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что появившиеся в раннедревнерусский период собственно деантропонимные владельческие названия улиц Новгорода все имеют основой не христианские, а славянские автохтонные имена, поскольку процент бытования христианских имен был в XI – нач. XII вв. еще сравнительно невысок. Подобным образом, в силу канонического характера исходного имени, двусмыслен статус названия *Ильиной* ул. на Торговой стороне, часто отмечаемой с 1311 г.: «Июля 16, в ночь, загорѣся на *Ильинѣ* улицы» [НПЛ, 93], см. еще [НПЛ, 99, 334, 342, 364, 371, 385; НЛ, 32, 35, 70, 76, 93, 97, 103, 104, 117, 121, 153, 161, 193, 219, 233, 240, 243, 245, 253, 380, 382], хотя жители Ильиной улицы фигурируют уже в Уставе о мостах князя Ярослава 1264 г.: «...мостити <...> *ильницамъ* до Матфѣва вымола» [НПЛ, 508]. В летописи под 1105 г. на Торговой стороне указана церковь святого *Ильи* («И погорѣша хороми от ручия, мимо Славьно, до святого Илие» [НПЛ, 19]), но находилась ли она на *Ильиной* улице и обусловила тем самым ее название? Анализ городской топографии показывает, что упомянутая в НПЛ церковь все-таки стояла в другом месте, с ней следует соотносить храм *Ильи на Холме (Ильи на Славне)*. Поэтому появилось предположение, что название *Ильиной* улицы может быть связано с патрональным именем главы общины [Алешковский 1974, 101], хотя археологические исследования на Ильинском раскопе позволяют говорить о том, что местная уличанская община изначально формировалась как соседская, а не родовая. Кроме того, предложена гипотеза о том, что название Ильиной ул. закрепило имя новгородского архиепископа Ильи, который был одним из самых почитаемых местных святителей, с его жизнью связан ряд эпизодов, прочно вошедших в новгородский средневековый эпос¹.

¹ Один из таких эпизодов имеет непосредственное отношение к Ильиной улице. В 1170 г. князь суздальский Роман «с семьюдесятью двумя князьями земли русской» осадил город, и «горожане, увидев большое число осаждавших упали духом; силы их истощились, сильно скорбели и смущались они, ниоткуда не ожидали помощи, – только у Бога просили милости...», – повествует «Житие святого Иоанна Новгородского», см. [Избранные жития, 144]. Во время непрерывной молитвы архиепископ новгородский Илья (Иоани) услышал глас, который внушал ему идти в Спасо-Преображенскую церковь, взять икону Знамение Божией матери и «нести ее на забрала града для отражения врагов». Образ Пречистой Богородицы спас Новгород и стал самой почитаемой реликвией в городе.

К группе названий улиц по церкви принадлежит также сравнительно поздно фиксируемое источниками название *Воздвиженской* (*Здвиженской*) ул. Софийской стороны [НЛ, 255; НПК III, 289], хотя оно не является формально деантропонимным. Урбаноним получен по отмеченной в 1195 г. церкви *Воздвижения*, что позволяет предположить существование улицы уже в ранний период истории Новгорода.

Рассмотрим далее остающуюся в меньшинстве группу апеллятивно-личных названий, имеющих антропоцентрический, обращенный к человеку характер. В исходе анализируемых ниже урбанонимов лежат обозначения этнической, социальной и профессиональной принадлежности уличан.

Прусская ул. Софийской стороны; впервые указана летописью в связи с голодом 1230 г.: «И постави скуделницу у святыхъ Апостоль, въ ямѣ, на *Проськои* улицы» [НПЛ, 70, 277], еще раньше, в 1215, 1219, 1220 гг., упомянуты *прусы* – жители Прусской улицы [НПЛ, 54, 58, 60, 253, 259, 262]. Позднее улица и ее население постоянно фигурируют в летописях: [НПЛ, 92, 326, 332, 351, 361, 362, 384, 397, 398, 407–409, 446, 460, 507; НЛ, 10, 23, 29, 32, 41, 43, 47, 75, 186, 203, 209, 213, 234, 247, 249, 250, 257, 259, 264, 275, 354]. Историки начиная с Н.И.Костомарова [Костомаров 1863, 6] охотно обращались к названию *Прусской* ул., справедливо сопоставляя его с наименованием западнобалтийского народа *пруссы*¹. Впрочем конкретно-исторические причины и условия появления пруссов в далеком Новгороде остаются дискуссионными. Писали, в частности, о беглых пруссах, укрывшихся в Новгороде: «...Новгород, вероятно, стал для многих беглецов убежищем и новым Отечеством, вследствие чего одна из

Церковь Спаса Преображения (известна уже с 1103 г.) находилась на улице, которую с 1311 г. летопись называет *Ильиной*. Непосредственное участие архиепископа Ильи в этих событиях несомненно и очень велико. Так, согласно «Житию святого Иоанна Новгородского», никто из посланных им первоначально людей не смог даже сдвинуть икону с места. И только когда пришел сам святитель и начал молебен, «внезапно честная икона Пречистой Богородицы двинулась сама собой». Вся процессия с Илей во главе с пением пошла по Ильиной улице к городской стене.

Думается, все эти события, приведшие к разгрому суздальцев, ставшие отчасти легендарными, вполне могут объяснить исторический контекст закрепления имени архиепископа Ильи в наименовании Ильиной улицы.

¹ К числу исследовательских курьезов нужно отнести версию И.А.Зайцева и И.И.Кушнира [Зайцев, Кушнир 1975, 38], сопоставляющих *Прусскую* ул. с именами *Поруссия* (земля, лежащая на западной границе Киевской Руси) или *порусы* – славянское племя в Поруссии. Это некорректно не только исторически, но и лингвистически: отсутствует причина выпадения исконной *o*.

улиц уже с XII в. носила название *Прусской*» [Аничков 1916, 6], указывали на то, что исчезновение в Самбии к сер. XII в. дружины пруссов вполне сопоставляется с появлением в Новгороде *Прусской* улицы [Кулаков 1985]. О Прусской ул. как свидетельстве непосредственных прусских контактов с Новгородом писали К.Сляский [Ślaski 1963, 10] и М.Х.Алешковский [Алешковский 1974, 102]. Наиболее обоснованно подошел к данному вопросу Е.Антоневич, посвятивший проблеме Прусской улицы отдельную статью [Antonewicz 1965], см. еще [Антоневич 1972, 258–259]. Автор рассматривает этот урбаноним в контексте всей «*прусской*» топонимии Новгородской земли, видя связь подобных названий с торговым путем Рижский залив – Новгород. По его мнению, *Прусская* ул. в Новгороде возникла в период наибольшего экономического и политического развития Пруссии за несколько десятков лет до прибытия в земли пруссов немецкого Ордена. В это время Самбия и другие племенные территории пруссов переживали расцвет. Изделия балтийского ремесла обнаруживаются в Новгороде и в Киеве, и, наоборот, ряд предметов роскоши Киевской и Новгородской земель встречается на племенных территориях пруссов, литовцев и латышей [Антоневич 1972, 258].

Какие бы ни были конкретно-исторические условия появления *Прусской* ул., само это название, датируемое нач. XIII в., имеет существенную значимость для этноистории, поскольку остается бесспорно одним из самых ранних «*прусских*» этнопонимов на восточнославянской территории, отражая этноним в его исконном, западнобалтийском понимании. В сущности, это название закрепилось еще до нач. XIII в., возможно, в веке XII-м или даже XI-м. Под 1175 г. летопись отмечает церкви святого Михаила, святого Якова и святого Вознесения, располагавшиеся вдоль Прусской улицы [НПЛ, 34], но, судя по другим топографическим особенностям, улица существовала и тянулась «от реки в поле» еще до расширения Детинца в 1116 г., а летописная форма *пруси* в 1215 г. предстает уже давно утратившей всякий этнонимический смысл, превратившейся в катойконимическое наименование уличан. Таким образом, древнейшие свидетельства о рассматриваемом урбанониме, находящемся на северо-восточном фланге прусского этнопонимического ареала, по существу синхронны самым ранним свидетельствам образований от этнонима *прусы* к западу и югу от исконной Пруссии: геогр. *Pruski* на территории Восточной Германии (зафиксировано в 1184 г.) и геогр. *Prusi* 1078 и 1160 гг. в Моравии [Непокупный 1976, 94–96]. На новгородской территории «*пруссские*» ойконимы встречаются неоднократно, но о хронологии появления их приходится говорить не столь определенно: геогр. *Прусское* дер. Млевского пог. Дер. пят. 1495 г., *Прусское-Кирилово* сельцо Офремов-

ского пог. Шел. пят. 1539 г. [НПК I, 133; IV, 353, 354], наряду с *Прусы* – пункты Хмерского и Карачунского пог. Шел. пят. 1498 г. [НПК V, 122, 269] (= совр. дер. *Прусси* близ р. ц. Плюсса и *Пруссы* южнее Порхова), *Прус* дер. Дер. пят. 1495 г., *Пруса* дер. Быстреевского и Карачуницкого пог. Шел. пят. 1571 и 1576 гг. [НПК I, 869; V, 481, 588], *Пруссыня* дер. на р. Волхов Новолодожского у. Петерб. губ. 2-й пол. XIX в. (сегодня – дер. *Пруссыня* и *Пруссынская Горка* Пруссыногорск. Волх.). Старописьменные ойконимы *Прусово* дер. Ужинского пог. Дер. пят. 1495 г. + дер. Быстреевского пог. Шел. пят. 1498 и 1571 гг. + дер. Покровского Удомельского пог. Беж. пят. 1545 г. + дер. в вол. Коства в Михайловском пог. Беж. пят. 1545 г. [НПК I, 361; V, 134, 478; VI, 276, 388; ПКНЗ 5, 161] скорее имеют отношение к личн. *Прусъ* деэтнонимного происхождения, нежели к собственно этнониму. Такое имя было известно в Новгородской земле как раз в ранний период, о чем свидетельствует берестяная письменность: грамота № 439 (стратиграфическая дата 1190–1200-е гг.), где речь идет, по всей видимости, о купце по имени *Прусъ*, и грамота 38 из Старой Руссы (50–80-е гг. XII в.), в которой фигурирует *Прусовая* – жена *Пруса*, см. подр. [Зализняк 2004, 436, 456]. За пределами исторической Новгородской земли многочисленная топонимия с основой *Прус-* встречается в основном на территории Белоруссии и Украины, лишь единичные ойконимы локализуются далеко на востоке – на широте Москвы: *Прусово* дер. в Калезинском у. Твер. губ., *Прусы* дер. близ подмосковной Коломны + дер. на р. Уча в Московском у. [Vasm. RGN VII 2, 423–425].

Варяжская ул. на Торговой стороне, указана Новг. 1-й летописью в 1272 г.: «... загорѣся на *Варяжъскои* (по Ком. сп.: «*Варескои*») улице» [НПЛ, 90, 329]. Надо полагать, возникновение улицы и ее названия относится к более раннему времени. Новг. 3-я летопись («Книга, глаголемая Лѣтописецъ Новгородской») в записи под 1014 г. поясняет данный урбанионим следующим образом: «Ярославъ же посла за море и приведе Варягъ, бояся отца своего (и того ради Великая *Варяжская* улица словеть, понеже ту Варяги стояли)» [НЛ, 175]. Подобным образом трактуют *Варяжскую* ул. и современные исследователи. М.Х.Алешковский [Алешковский 1974, 102] полагает, что «Варяжская улица, расположенная в самом центре Славянского конца, может быть связана с Варяжским контингентом», А.И.Семенов [Семенов 1959, 68] соотносит Варяжскую ул. с древним Готским двором. В материалах писцовой документации конца XV в. встречается любопытный произносительный вариант *Верезская* [НПК V, 388], говорящий, как будто, об этимологическом единстве годонима *Варяжская* и ряда новгородских топонимов типа *Веряско* (< **Веряжъско*) дер. на Средней Ловати, *Веряжа* р. близ Новгорода и др.,

которые тоже считаются как правило скандинавскими этноназваниями. Имеются еще варианты *Варесская*, в XVI в. *Варецкая*, *Варетцкая* [ПКНЗ 1, 362; Майк. КПНВ, 217, 222, 260, 261, 260–268], появившиеся благодаря утрате согласной *ж* (в силу диалектного смешения мягких *ж* и *з*, *ш* и *с*¹).

Несколько улиц (*Пискупля*, *Холопья*, *Черницына*) были поименованы по обозначениям социальных категорий. *Пискупля* ул. Софийской стороны впервые отмечена под 1049 г.: «А ту стояла святая Софѣя конецъ *Пискупль* улицѣ идеже нынѣ поставилъ Сотѣке церковь камену святого Бориса и Глѣба над Волховомъ» [НПЛ, 181], см. еще [НПЛ, 507; НЛ, 2, 145, 173]. Название являет собой йотово-посессивную форму от др.-рус. *пискупъ* ‘епископ’, и действительно улица проходила по Детинцу, через резиденцию владыки. Значительно чаще летописями упоминается *Холопья* ул. Софийской стороны [НПЛ, 89, 90, 329, 389; НЛ, 23, 25, 28, 97, 135, 190, 211, 213, 217, 230, 240, 257, 327, 385, 387, 462, 484]; она известна с 1271 г., но вскрытые на Неревском раскопе слои позволяют говорить о ее существовании уже в конце X – нач. XI вв.¹ Урбаноним *Черницына* (вар. *Черница*) ул. Софийской стороны в летописи дан под 1418 г.: «Всѣ святыи на *Черници* улици», ранее, под 1402 г., упомянуты жители этой улицы – «*чернициници*», см. [НПЛ, 397, 411; НЛ, 45] (отсюда, надо полагать, идут названия пригородных новгородских пожен 1-й пол. XVI в.: *Черницына* и *Черничинская* [ПКНЗ 1, 325, 340]). Согласно признанной точке зрения, название *Черницына* имеет отношение к стоявшему рядом монастырю, принадлежавшему монахиням-*черницам*. Улица «получила свое название от Варварина девичья монастыря, который упоминается с 1138 г., когда новгородцы стерегли жену князя Святослава Ольговича «у святое Варвары в манастыри» [Колчин, Хорошев, Янин 1981, 8]. Этому мнению не препятствует, как будто, и вариант *Черница*, который можно считать диалектно измененным йотовым посессивом (**Чернича*) от слова *черница*; более выразительное отличие производного от производящего было достигнуто присоединением суф. *-ина*: *Черницына*. Более шаткой выглядит антропонимическая гипотеза, согласно которой название восходит к личн. *Черница*, которое, очевидно, бывало и женским, и мужским; ср.: *Черница* Александрович Безобразов, 1495 г., «у него брат Беляница» [Вес. Он., 352].

Несколько улиц Торговой стороны средневекового Новгорода носили апеллятивно-личные названия, определенно производные от обозначений

¹ Ее нижний, 25 ярус у перекрестка с Великой улицей датируется 1006 г. См.: [Археологическое изучение 1978, 19; Колчин, Черных 1977, 105–106].

рода занятий уличанского населения. Название *Щитной* ул. [НПЛ, 407, 423, 463; НЛ, 9, 64, 85, 124, 129, 257, 272, 313, 326], засвидетельствованное только с 1417 г., скорее всего связано со *щитным* производством, с жившими здесь ремесленниками-щитниками, которые занимались изготовлением щитов, кольчуг и другого воинского снаряжения¹. Аналогичным образом *Лубяница* ул. на Торговой стороне (варианты *Лубяная*, *Лубянка*, *Любяница*), которая многократно фигурирует в летописях начиная с 1196 г. («Заложиста црковь камяну святого Кюрила <...> братеника, на *Лубяньи* улици» [НПЛ, 42], см. еще [НПЛ, 50, 67, 73, 99, 235, 247, 284, 342, 393, 397, 401, 415, 464; НЛ, 12, 15, 32, 51, 59, 124, 197, 201, 233, 234, 252, 267, 272, 321, 381, 387]², отражает весьма распространенное занятие средневекового горожанина – изготовление и продажу луба и лубяных изделий. Подобные «ремесленные» названия найдутся в нескольких городах, самое известное из них – ул. *Лубянка* в Москве. Внимание исследователей не раз привлекла *Нутная* ул. Торговой стороны, она впервые дана летописью под 1194 г., когда «... поставиша церковь святого апостола Филипа на *Нутьньи* улици» [НПЛ, 41], см. далее [НПЛ, 80, 234, 307, 359, 371, 379, 380, 403, 453; НЛ, 12, 31, 36, 70, 78, 196, 221, 238, 244; ГВНП, 171]. Однако археологические исследования на Нутном раскопе позволяют говорить о существовании ее со 2-й пол. XI в. Название обычно сопоставляют с др.-рус. *нутьныи*, прилагательным от *нута* ‘крупный рогатый скот’ [СлРЯ XI–XVII 11, 448–449]. А.И.Семенов [Семенов 1959, 68], а позднее В.П.Строгова [Строгова 1993, 29–30] отмечали, что улица по своему расположению примыкала к новгородскому торгу и, видимо, была прогонной для скота. В.А.Буров [Буров 1994, 78] считает, что «на месте Нутной улицы ранее располагалось пастбище, на котором выпасался крупный рогатый скот, принадлежавший жителям первоначального поселения». С учетом *Щитной* и *Лубяной* улиц, маркирующих деятельность новгородских щитников и лубяников, *Нутную* ул. тоже целесообразно трактовать более конкретно, в антропоцентрическом, «хозяйственном» смысле: срав-

¹ Составители Географического указателя к НПЛ осторожно, со знаком вопроса, отождествляют *Щитную* ул. со *Шетиницей* (*Шетиницей*), названием, которое дает Новгородская 2-я летопись под 1165 г.: «Того же лѣта поставиша церковь Святой Троицы на *Шетинице*» [НЛ, 9] (в [НПЛ, 31]: «Поставиша церковь святяга Троица *шетиницици*» (sic!)). Такое отождествление спорно. Лингвистически преобразование *Шетиницы* в *Щитную* возможно только на путях незакономерного, вторичного переосмысления, что могло быть обусловлено опять же родом занятий уличан.

² В источнике 1535–1539 гг. рядом с ул. *Лубяницей* в Новгороде указана ул. *Лубянка Малая* [ПКНЗ 1, 362, 363].

нивать не столько с *нута*, *нутъныи*, сколько с др.-рус. *нутъникъ* ‘торговец рогатым скотом’, тем более что улица вела как раз к новгородскому торгу. Слово *нутник* в этом значении в Новгороде имело хождение, так, в новгородской таможенной грамоте 1571 г. читаем: «А гонить *нутникомъ* коровы на продажу къ Ивану святому на Опоки» (по [СлРЯ XI–XVII 11, 448]). Ср. также геогр. *Нутниково* дер. Шел. пят. 1571 г. [НПК V, 549]. В свете данных фактов неубедительным кажется особое мнение В.Л.Янина, приведенное им в газетной статье «Память о первооткрывателях Новгорода» (Новгородская правда. 14 февр. 1989 г.): название *Нутной* ул. связано с *нутарями* – сборщиками таможенных пошлин, так как начиналась улица у самых пристаней на Волхове.

Незначительное количество древних улиц Новгорода получили названия по особенностям своей формы. К ним относится *Рогатица* (ранний вариант – *Рогатая*) ул. на Торговой стороне, известная с 1183 г.: «Постависта църковь святого Еупатия Радько съ братомъ на *Рогатеи* улицы» [НПЛ, 37], см. далее [НПЛ, 93, 227, 323, 334, 340, 364, 371, 397, 407, 455, 458; НЛ, 10, 42, 76, 79, 81, 92, 120, 194, 238, 252, 381; ГВНП, 175, 181]. Название несомненно указывает на форму улицы (изогнутая в виде рога); по типу деривации оно является семантическим конденсатом. Семантико-деривационным аналогом является *Роговка* (*Рогавка*) – переулочек на Софийской стороне, который ответвлялся от Прусской улицы к северу, затем изгибался и тянулся далее вдоль протоки к северо-западу. Правда, последнее название появляется в источниках поздно – в «Семисоборной росписи» Новгорода конца XV – нач. XVI вв. [Янин 2004, 398], далее в [ПKNЗ 1, 372; Майк. КПНВ, 92–93] и др., однако нижний ярус мостовой переулочка датирован нач. XIII в. (в зоне археологических исследований на Михайлоархангельском раскопе). Далее в летописях содержатся сравнительно поздние упоминания (1478, 1501 и 1531 гг.) о тянувшейся по Софийской стороне *Великой* ул., см. [ПСРЛ IV / I, 3, под 1478, 1501, 1531 гг.]. Однако в результате археологических исследований в Неревском конце доказано, что эта улица, относившаяся к числу пробойных, возникла не позднее сер. XI в. [Орлов 1964, 269]. Она действительно была большой, длиннее и шире остальных (6 м). Кроме того, новгородские летописи в связи с пожаром 1299 г. знают еще одну *Великую* ул., тоже пробойную, – на Торговой стороне [НЛ, 23], под 1572 г. она названа *Большой* [НЛ, 117], в писцовых книгах по Новгороду конца XVI в. – *Большой-Пробойной Славенской* [Майк. КПНВ, 218 и след.] (видимо, она же – *Славенца*, согласно отписным и оброчным книгам пригородных пожен Новгородского дворца [ПKNЗ 1, 350]), в других поздних источниках – *Слав-*

ная. Древнейшие мостовые этой важной улицы Торговой стороны датируются не позднее XII в. [Орлов 1964, 278].

За рамками нашего подробного рассмотрения остались сравнительно поздние «уличные» названия, известные по материалам не ранее XVI–XVII вв. Коснемся только нескольких урбанонимов, тех, которые отражены на плане Б.А.Колчина и В.Л.Янина. Среди них название ул. **Манищына** на Торговой стороне [НЛ, 462], обусловленное антропонимом *Манища*, известным в Сербии по турецким переписям славянского населения сер. XV в. [Грк. РЛИКС, 126]. Личн. *Манища* принадлежит к кругу многочисленной общеславянской антропонимии от **maniti* ‘лгать, врать, обманывать’, наряду со ст.-рус. личн. *Манка*, *Мануха*, *Манихин* (< *Маниха*) [Вес. Он., 193], др.-польск. личн. *Mań*, *Mań*, *Maniek* [SSNO III, 390], *Mań*, *Mańo*, *Mańc*, *Manśa* (?) у древних и современных лужичан [Schlimpert 1978, 81], др.-чеш. *Mań*, *Mań*, *Maník*, *Mańa*, **Netańa* (по чеш. геогр. *Nemanice*) [Svoboda 1964, 32, 78, 280], серб. *Мане*, *Мана*, *Манић*, *Маниша*, *Манко*, композиты *Манисав*, *Манислав* [Грк. РЛИКС, 126]. Ойконимическая параллель к новгородскому урбанониму находится в Псковской земле: *Манищыно* дер. в бывшем Опочецком у. [Vasm. RGN V 2, 395], на территории Беж. пят. локализуется *Манищыно*, основанное на близком имени. Геогр. **Дубошин** переулоч, или *Дубошкина* (*Дубовицина*) улка на Торговой стороне [Майк. КПНВ, 218, 226, 239, 240; ПКНЗ 1, 356, 366], отражает личн. **Дубоша*, **Дубошка*, ср. максимально близкое *Дубоня* Иван, прозвище новгородского крестьянина 1571 г. [Вес. Он., 571]. **Воскресенская** ул. на Торговой стороне [ПКНЗ 1, 338, 354, 360; Майк. КПНВ, 190, 192, 193, 195] названа по приходской церкви Воскресения близ Павлова монастыря, а **Загородская** – по местоположению за городскими постройками: она проходила вдоль вала Окольного города. Писцовые и лавочные книги Новгорода XVI в. сохранили немало и других названий улиц, которых ранние летописные источники не знают: *Воронья*, *Петровская*, *Болотная*, *Алексеевская*, *Кончанская*, *Глотовская*, *Новая* (или *Новинка*), *Щурова*, *Чедерская*, *Запольская*, *Козорогова*, *Лазорева* улицы, *Железная*, *Коровья* улки, *Немецкий*, *Водяной*, *Отцовский* переулки, *Окольный* заулок и некоторые другие. В большинстве случаев эти урбанонимы лингвистически «прозрачны» и требуют только исторического комментария.

Краткие выводы

Проведенное словообразовательное и этимологическое исследование претендует на то, что чтобы считаться в достаточной мере исчерпывающим для некоторых категорий славянских топонимов Новгородской земли, образованных от личных имен. К этим категориям относятся прежде всего йотово-посессивная и посессивно-патронимическая (на *-ичи/-ицы*) топонимия от древнеславянских антропонимических композитов и сходных с ними префиксально-корневых имен, топонимия с элементами *-гощ/-гост-*, урбанонимия Новгорода XI–XV вв., связанная с улицами. В меньшем объеме была привлечена к рассмотрению архаическая древнерусская топонимия, которая базируется на усеченных, усеченно-суффиксальных и неусеченных простых личных именах, дохристианских и отчасти христианских. Это зависело от разных факторов. Один из них – относительная многочисленность соответствующих топонимических образований (особенно образований с *-ов/-ев-*, *-ин-*суффиксацией) на территории Новгородской земли, не позволяющая в отведенные сроки и объемы осветить такую топонимию с достаточной полнотой. Поиск и интерпретация топонимических архаизмов на базе гипокористик и неусеченных имен простой структуры порой затруднительны и неоднозначны по сравнению с анализом древних композитных названий. Главная трудность заключается в том, что антропонимы соответствующих типов нередко характеризуются более широкой, чем у композитов, хронологией – не только древнерусской (до XVI в.), но и старорусской.

Исследование было сосредоточено по преимуществу на названиях населенных пунктов, поскольку для второй важнейшей категории названий – гидронимии – характерна не столько деантропонимная, сколько деапеллятивная мотивированность. Полнота и достоверность словообразовательной, этимологической и ареальной разработки деантропонимных географических названий обеспечивалась не только широким привлечением межславянских топосоответствий, но и углубленным осмыслением и характеристикой собственно антропонимии, обусловившей названия.

При хронологизации топонимии, дифференциации топонимических архаизмов и сравнительно поздних (фоновых) образований необходима хронологическая стратификация как топооснов, так и топоформантов. Безусловно архаической является топонимическая **-jъ-* модель, тесно ассоциируемая с композитной антропонимией. В рамках этой модели возникло немало рассмотренных в книге географических названий. Более широкие хронологические пределы имеют общеславянские посессивно-патронимический и катойконимический типы названий на *-ичи/-ицы*, катойконимический тип на *-‘ане*, однако старорусский период – время их постепенного угасания по крайней мере на новгородской территории. Деантропонимные названия на *-ица/-ец* тоже преимущественно ограничены древнерусским временем.

Модель деривации топонимов при помощи *-ов-/-ев-*, *-ин-* суффиксации и категория разнородных географических названий, равных личным именам (геогр. = личн.), оставались продуктивными вплоть до нашего времени, поэтому критерии архаичности соответствующих названий следует искать в топоосновах. Необходимым и достаточным условием при этом является опора на мотивировавшую названия собственно древнерусскую антропонимию, потерявшую функциональность на исследуемой новгородской территории в эпоху после подчинения Новгорода Москве. Разумеется, хронологическая стратификация личных наименований на основе одних только интралингвистических характеристик далеко не всегда оказывается надежной. Учет внутренних, типологических характеристик личного имени обязательно должен верифицироваться антропонимическими данными письменных источников, которых, к счастью, с конца XV – нач. XVI в. сохранилось достаточное количество. За рамки настоящего исследования как правило была вынесена многочисленная ойконимия на *-ово/-ево*, *-ино*, производная от разнообразных форм христианских, реже – древнеславянских личных имен и деапеллятивных прозвищ, активно функционировавших, судя по письменности, в русских, прежде всего северо-западных говорах на про-

тяжении XVI–XVIII вв., нашедших прямое отражение в русских диалектных материалах XIX–XX вв. и в современных фамильном и прозвищном антропонимиконах (*Андрейцово, Волково, Гостюхино, Грохотово, Жданово, Истомино, Ляхово, Олексино, Позняково, Сергейково, Тиханово, Тучино, Шелгуново, Шилово* и др.).

В книге, за редким исключением, не получили подробного освещения деантропонимные географические названия по деривационным моделям, не потерявшим или даже усилившим продуктивность на новгородской территории в старорусское время. К ним относятся модели на *-иха* (*Агафониха, Брычиха, Максатиха*), на *-щина* (*Голубовщина, Родивановщина, Семеновщина* вместо средневекового *Семеновского* пог. в Удрицах Дер. пят.), на *-ата/-ата* (*Ерошата, Кармазята*), на *-ская, -ское* (*Алеховское, Нероновская, Обоедовская, Собакинская*), на *-овка* (*Окуловка, Панковка*), на *-и/-ы* (*Безуни, Бояры, Внучки, Кулики, Ляскуны, Орешенки*). Остановимся подробнее на последней модели. т. н. родовых плюралных ойконимов. Названия на *-и/-ы* sporadически встречаются в писцовой документации XV–XVI вв., но в целом на исследуемой территории, в отличие от соседней Псковской земли, они достаточно редки и преимущественно сосредоточены в юго-западной части Новгородской земли, испытывающей непосредственное влияние псковских говоров. Категория таких названий, имеющая общеславянский характер распространения (см. [Miklosich 1927, 123–124]), длительное время не теряет в Новгородской земле относительной продуктивности. Обращает на себя внимание тот факт, что в новгородской ойконимии на *-и/-ы* почти не отражены антропонимы только древнерусского времени, подавляющее большинство названий основаны на личных именах, употребительных и в старорусский период. Старописьменная документация свидетельствует о сохранявшейся в эпоху московских земельных описаний динамике появления ойконимии на *-и/-ы*; ср. хотя бы названия ряда новых поселений – починков, поставленных в XVI в.: **Оничины, Омельяны, Дмитрони** и др. [НПК V, 343; VI, 155, 147] (к личн. *Онича* < *Аникей, Омельян / Емельян, Дмитроня* < *Дмитрий*). Сравнение материалов писцовых книг с современными материалами позволяет судить о сохраняющемся влиянии данной деривационной модели не только в XVI в., но и в последующие столетия. Такой вывод позволяют сделать факты закрепления новых плюралных ойконимов на *-и/-ы* вместо старых посессивных и патронимических. Так, древнеписьменное йотово-посессивное геогр. *Велиль* сел. в верховьях Пола в документации XIX–XX вв. предстает как плюратив **Велилы** (см.), дер. *Манцово* Молвятицкого пог. Дер. пят. 1490-х гг. [НПК I, 664] сегодня известна как дер. **Манцы** Луговск. Мар.;

Буткиниччи дер. в Пятницком стане Пусторжевского у. 1582/83 г. обозначена как *Бутки* на карте Генштаба 2-й пол. XIX – нач. XX в. (см. [Янин 1998, 147, № 437]); за дер. *Ожседово* Молвятицкой вол. конца XV в. окончательно закрепилось в XVI в. название *Ожседы* (см.); дер. *Мирохново* Демонского пог. 1490-х гг. [НПК II, 505] позднее стала называться *Мирохны* (сегодня – дер. Заборовск. Валд.); геогр. *Креково* Моревской вол. Дер. пят. [НПК II, 703, 726; ПКНЗ, 392], трансформировалось в совр. *Окорюки* дер. Моисеевск. Мар. (см.). Подобные случаи можно приводить и дальше.

Одним из важнейших качеств рассмотренных в книге топонимических архаизмов является наличие у них отдаленных «кросс-языковых» и «кросс-диалектных» связей. Подробное ареальное осмысление славянской топонимической архаики Новгородской земли, очевидно, следует проводить после анализа, наряду с деантропонимными, и деапеллятивных образований (это тема следующей монографии), сейчас же ограничимся лишь предварительными наблюдениями общего характера. Новгородская деантропонимная топонимия позднепраславянского и древнерусского времени наиболее часто находит однозначные топонимические и антропонимические соответствия в восточной половине Белоруссии и в примыкающих к ней западнорусских областях (Псковская, Смоленская, частично Брянская обл.), на территории северо-запада Украины и в западнотрансильванском ареале (Польша, Чехия, Словакия с частью Венгрии, Восточная Германия). Удельный вес выявленных в этой зоне топонимических сходжений с Новгородской землей приходится на западную половину Белоруссии, на северо-восточную часть Украины (обычно не западнее Киева, не южнее Харькова), на русские земли в среднем и верхнем течении Десны и Сейма (Курская, частично Брянская обл.) и в обширных бассейнах Оки и Верхнего Поволжья на восток до Нижнего Новгорода. Территории севернее, восточнее и южнее обозначенных зон показывают низкий уровень топонимических архаизмов. В целом средний уровень архаических топонимических связей с Новгородской землей демонстрируют языки южнославянского ареала (болг., макед., сербохорв., словен.).

Не вдаваясь в детали полемики по поводу древней лингвоэтноистории Русского Северо-Запада, подчеркнем несколько существенных моментов. Проведенный нами анализ новгородской деантропонимной топонимии не подтверждает известной гипотезы авторитетного археолога В.В.Седова о том, что «бассейны озер Ильмень и Псковское составляют общий ареал с Повисленьем, Чехией и Словакией», что «какая-то часть

земледельческого населения, очевидно из Повисленья, переселилась в Ильменско-Псковские земли», пересекая области, занятые западно-балтскими (ятвяжско-прускими) племенами [Седов 1999, 125, 126]. Зона наиболее выразительных и плотных раннеславянских топонимических соответствий Новгородской земли тянется сначала на юг от Приильменя, затем поворачивает на юго-запад и запад, отчетливо показывая направление самых древних и традиционных языковых связей и обрисовывая преимущественные пути славянского проникновения на Северо-Запад из Галиции и Волыни по рекам Верхнего Поднепровья, главным образом по левобережным притокам Днепра. Славяне распространялись не напрямую через земли балтов, а отчасти огибая массив древнебалтийского населения в левобережье Припяти и в бассейне Немана, что в конечном итоге обусловило средний уровень архаических топонимических сходжений западной половины Белоруссии с Новгородской землей. Наше исследование новгородских топонимических древностей деантропонимного происхождения, в сущности, подкрепляет вывод, полученный благодаря изучению верхнее-днепровской гидронимии, о том, что «западная часть Верхнего Поднепровья лежала в стороне от основных магистралей, по которым осуществлялось восточнославянское продвижение» [Топоров, Трубачев 1962, 20]. Применительно к сказанному вряд ли оправдано вести речь о славянском переселении к берегам Ильменя, о чем пишет В.В.Седов, поскольку это слово подразумевает быстрое, как бы одномоментное перемещение больших масс населения со старых мест обитания на новую отдаленную территорию. По-видимому, точнее будет говорить не о переселении, а о расселении, то есть о постепенном распространении небольших групп людей с окраины этнического ареала и обживании в первую очередь прилегающих пространств.

Добавим в поддержку сказанного о маршрутах раннеславянского расселения, что примерно такая же, хотя и более размытая поясная зона вырисовывается и на материале древнеславянских лексических сходжений. На восточнославянской территории эта зона изолекс начинается от той части Русского Севера, которая преимущественно связана с новгородской колонизацией, а далее идет через Псковщину, Белоруссию, Полесье до Карпат [Голстой, 1977, 49–50]. Генерализация восточнославянских ареалов новгородской географической терминологии, проведенная в более ранних наших работах, тоже свидетельствует о наиболее прочных лексико-семантических связях новгородских (центральноприильменских) говоров с говорами южной ориентации: южнопсковскими, западнотверскими, смоленскими, брянскими, а из белорусских – с ви-

тебскими и могилевскими, но, что показательно, реже с центральными и северо-западными белорусскими [Васильев 1995, 164, 170–171; 2001, 205, 212]. Относительно территории Белоруссии ранее также было констатировано, на основе изучения лексики праславянского происхождения, что архаические языковые зоны в этой республике локализируются опять же в восточной (подчеркнем: не в западной!) части этноязыкового ареала: это Восточное Полесье, а также Витебская зона, которая тесно прилегает к южнопосковской, образуя с ней некую локальную единицу [ЭСБМ 1, 4].

Славянская деантропонимная топонимия с древнерусскими признаками структуры спорадически встречается также на территориях к северо-востоку и востоку от области бывших пятин Великого Новгорода. Появление такой топонимии здесь приемлемо объясняется новгородской и в меньшей мере ростово-суздальской экспансией.

Среди топонимических архаизмов, особенно среди образований от антропонимических композитов на *-гость*, обнаруживается достаточное количество фактов, не выходящих за пределы Новгородской земли, что позволяет поставить вопрос о чертах диалектного обособления изучаемого региона. В изучаемом пространстве Новгородской земли выделяются районы сгущения и разрежения архаической славянской топонимии. В частности, «гнездовое» сосредоточение топонимических архаизмов, наблюдаемое в таких районах, как Верхняя Молога, Среднее Помостье, Верхнее Полужье, нижнее и среднее течение Шелони, коррелирует с археологическими показателями значительной раннеславянской (древнерусской) освоенности данных территорий.

Новгородские названия деантропонимного происхождения, неопределенно трактуемые в качестве архаических или не относимые к архаическим, показывают другую картину межтерриториальных соответствий. Они более многочисленны, чем топонимические архаизмы, встречаясь вместе с ними на исконных, раннеславянских территориях, но характерной особенностью их является локализация в том числе на землях позднего русского заселения (отдаленные восточные районы Русского Севера вплоть до Урала, Среднее Поволжье, юг Европейской России).

Источники и литература

Агеева 1973 – Агеева Р.А. Гидронимия Псковских и Новгородских (Шелонская и Деревская пятины) земель в свете истории заселения края: Дис. ... канд филол. наук. М., 1973.

Агеева 1974 – Агеева Р.А. Географические апеллятивы в гидронимах западной части Калининской области и прилегающих районов Северо-Запада РСФСР // Вопросы географии. Сб. 94. М., 1974. С. 195–203.

Агеева 1977 – Агеева Р.А. Антропонимические основы в восточнославянской гидронимии Псковских и Новгородских земель // Историческая ономастика. М., 1977. С. 209–216.

Агеева 1980а – Агеева Р.А. Гидронимия балтского происхождения на территориях псковских и новгородских земель // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980. С. 147–152.

Агеева 1980б – Агеева Р.А. Славянские, балтийские и финно-угорские элементы в топонимии Русского Северо-Запада // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 250–259.

Агеева 1989 – Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.

Агеева 1990 – Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990.

Агеева, Васильев, Горбаневский 2002 – Агеева Р.А., Васильев В.Л., Горбаневский М.В. Старая Русса: Тайны имени древнего города. М., 2002.

Агеева, Микляев 1979 – Агеева Р.А., Микляев А.М. Топонимы с *-ля /-ль* на Северо-Западе СССР и проблема восточнославянского расселения // Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979.

Азарх 1981 – Азарх Ю.С. О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами // Ономастика и грамматика. М., 1981. С. 5–29.

Азарх 1984 – Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1–5. СПб., 1841–1842. Указатель к Актам историческим. СПб., 1843.

АИСМ – Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собр. Архимандритом Леонидом / Русская историческая библиотека, изд. Археографическою комиссиею. Т. 5. СПб., 1878.

Акад. сп. – Академический список Новгородской 1-й летописи.

Александров 1994 – Александров А.А. Ольгинская топонимика, выбутские сопки и руссы в Псковской земле // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Псков, 1994. С. 22–33.

Алексеев 1968 – Алексеев Л.В. О распространении топонимов «Межа» и «Рубеж» в Восточной Европе // Славяне и Русь. М., 1968. С. 245–250.

Алешковский 1974 – Алешковский М.Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // Советская археология. 1974. № 3. С. 101–103.

Андрияшев 1914 – Андрияшев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Вып. 1: Списки селений. СПб., 1914; Вып. 2: Карты погостов. СПб., 1913.

Аничков 1916 – Аничков И.В. Историческое значение названия Прусской улицы для Новгорода Великого. Новгород, 1916.

Анкудинов 1986 – Анкудинов И.Ю. К интерпретации берестяной грамоты № 361 // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Тезисы докладов и сообщений научного симпозиума. Новгород, 1986. С. 15–18.

Антоневич 1972 – Антоневич Е. «Прусы» в топонимике Северной Польши и Новгородской Руси // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

Арх. пам. Новг. обл. – Археологические памятники Новгородской области. Вып. 1–3. Новгород, 1979–1980.

Археологическое изучение 1978 – Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.

Археологическое описание – Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М., 1980.

Архипов 1989 – Архипов А.А. Комментарии // Унбегаун Б. Русские фамилии. М., 1989. С. 325–326.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – нач. XVI в. М., 1952–1963. Т. 1–3.

АТД Лен. обл. – Административно-территориальное деление Ленинградской области: Справочник. Л., 1990.

АТД Новгород. обл. – Административно-территориальное деление Новгородской области: Справочник. Новгород, 1989.

АТД Пск. обл. – Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988 гг.): В 2-х кн. Справочник. Л., 1988.

АТД Твер. обл. – Административно-территориальное деление Тверской области: Справочник. Тверь, 1992.

Атлас Новгород. обл. – Атлас Новгородской области. М., 1982.

АЮ – Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографической комиссией. СПб., 1838. Указатель к Актам юридическим. СПб., 1840.

Бірыла 1966 – Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія. Мінск, 1966.

Бірыла 1969 – Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія. Ч. 1. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы. Мінск, 1966; Ч. 2. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск, 1969.

Бірыла, Лемцогова 1973 – Бірыла М.В., Лемцогова В.П. Анамастычныя слоўўтваральныя элементы на ўсходне- і заходнеславянскіх мовах. (Адантрапанімічныя айконімы). Мінск, 1973.

Болховитинов 1808 – Болховитинов Е. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808.

Бондалетов 1983 – Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983.

Буров 1994 – Буров В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.

Бучко 1986 – Бучко Д.Г. Давньоруські елементи в топонімії Покуття // Давньоруська ономастична спадщина в східнослов'янських мовах. Київ, 1986. С. 52–55.

Бучко 1990 – Бучко Д.Г. Походження назв населених пунктів Покуття. Львів, 1990.

Бучко 1994 – Бучко Д.Г. Праслов'янські та давньоруські композитні імена в основах ойконімів Прикарпаття // Питання історичної ономастики України. Київ, 1994. С. 109-121.

Варбот 2002 – Варбот Ж.Ж. К этимологии праслав. **sadlo* > рус. *сало* // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002. С. 306–307.

Васильев 1994 – Васильев В.Л. Микротопоним и географический термин в границах отдельного говора // X Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 94»: (Тезисы докладов). СПб., 1994. С. 80–82.

Васильев 1994а – Васильев В.Л. Топонимический ландшафт в дельте Ловати и окрестностях // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: (Тезисы докладов и сообщений научной конференции). Новгород, 1994. С. 31–35.

Васильев 1995 – Васильев В.Л. Восточнославянские лексические связи диалектов Новгородской области (по данным географической терминологии) // Новгород в культуре Древней Руси. Новгород, 1995. С. 163–173.

Васильев 1997 – Васильев В.Л. Названия порогов реки Мсты // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1997. С. 27–33.

Васильев 1998 – Васильев В.Л. Специфика народной географической терминологии: (семасиологический аспект) // Вестник НовГУ. Сер. «Гуманитарные науки». Новгород, 1998. № 9. С. 73–78.

Васильев 1998а – Васильев В.Л. Замечания о характере архаической топонимии к югу от Ильменя (анализ топооснов) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1998. С. 32–36.

Васильев 2000 – Васильев В.Л. Микротопонимия как источник диалектной лексикологии (на материале одного новгородского говора) // Русское слово в языке и речи. Брянск, 2000. С. 211–217.

Васильев 2000а – Васильев В.Л. «Русская» топонимия в Южном Приильменье // Чело. 2000. №3 (19). Великий Новгород, 2000. С. 44–49.

Васильев 2001 – Васильев В.Л. Новгородская географическая терминология: (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород, 2001.

Васильев 2001а – Васильев В.Л. Географические названия с основой «рус-» в Новгородском крае: этимология и история // *Slavia orientalis*. R. L. № 1 Krakow, 2001. S. 63–76.

Васильев 2001б – Васильев В.Л. Метонимическое калькирование архаических гидронимов в Приильменье // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Великий Новгород, 2001. С. 6–14.

Васильев 2001в – Васильев В.Л. Ономастика Каменского новгородского говора // Сельская Россия: Прошлое и настоящее. Вып. 2. М., 2001. С. 216–219.

Васильев 2002 – Васильев В.Л. Древнеевропейская гидронимия в Приильменье // Вестник НовГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2002. № 21. Великий Новгород, 2002. С. 53–57.

Васильев 2002а – Васильев В.Л. К вопросу о балтском топонимическом наследии в Новгородском регионе // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 2001-2002 гг. Ч. 1. Великий Новгород, 2002. С. 49–54.

Васильев 2002б – Васильев В.Л. К проблеме этноязыкового субстрата в Приильменье и Поволховье // Русская диалектная этимология: Материалы IV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 22–24 октября 2002 г.). Екатеринбург, 2002. С. 52–55.

Васильев 2002в – Васильев В.Л. От древнего Демена к современному Демянску // Чело. 2003. №1 (26). Великий Новгород, 2002.

Васильев 2002г – Васильев В.Л. Тайна имени села Маревы // Чело. 2002. №1(23). Великий Новгород, 2002. С. 41–46.

Васильев 2002д – Васильев В.Л. Топонимика падучих озер и ныряющих рек на Валдайской возвышенности // Чело. 2002. №2 (24). Великий Новгород, 2002. С. 49–52.

Васильев 2002е – Васильев В.Л. Финно-угорские топонимические слои на территории Новгородской области // Прошлое Новгорода и Новгородской зем-

ли. Материалы науч. конф. 2001–2002 гг. Ч. 1. Великий Новгород, 2002. С. 45–49.

Васильев 2003 – Васильев В.Л. Древний Демон и современный Демянск: этимология имени и проблема локализации // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 17. С. 304–323.

Васильев 2003а – Васильев В.Л. К проблеме топонимического изучения Прильменя // Вестник Новгородского государственного университета. № 25. С. 101–106.

Васильев 2003б – Васильев В.Л. Очерки новгородской субстратной топонимии (др.-балт. *Должино, Цемена*) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы II Всероссийской науч.-практ. конф. Ч. 2. Воронеж, 2003. С. 112–117.

Васильев 2004 – Васильев В.Л. Летописный *Клин* и город *Холм* Новгородской земли: проблемы локализации и преемственности // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы науч. конф.). Вып. 18. Великий Новгород, 2004. С. 246–259.

Васильев 2004а – Васильев В.Л. От древнего Демена к современному Демянску. II. // Чело. № 2 (30). Великий Новгород, 2004. С. 60–65.

Васильев 2004б – Васильев В.Л. Этноисторическая стратификация географических названий в центральных районах Новгородской земли // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. Матер. научн. симпозиума. Великий Новгород, 2004. С. 441–443.

Васильев 2004в – Васильев В.Л. О новгородском селе *Зимогорье* и слове *зимогор* // Сельская Россия: Прошлое и настоящее. Доклады и сообщения девятой российской научн.-практ. конф. (Москва, декабрь, 2004). Вып. 3. М., 2004. С. 442–446.

Васильев 2004г – Васильев В.Л. Древнеевропейская гидронимия новгородско-псковских земель // Вестник Российского университета дружбы народов. М., 2004. № 2. С. 159–173.

Васильев, Северинов 1999 – Васильев В.Л., Северинов В.Д. Названия улиц древнего Новгорода (Софийская сторона) // Новгород и Новгородская земля: История и археология (Материалы науч. конф.). Вып. 13. Великий Новгород, 1999. С. 192–207.

Васильев, Северинов 2001 – Васильев В.Л., Северинов В.Д. Названия улиц Древнего Новгорода (Торговая сторона) // Чело. 2001. №2 (21). Великий Новгород, 2001. С. 2–7.

Васильев, Северинов 2004 – Васильев В.Л., Северинов В.Д. Названия улиц средневекового Новгорода XI–XIV вв. (историко-лингвистический комментарий) // Севернорусские говоры. Вып. 8. СПб., 2004. С. 61–86.

Вербич 1998 – Вербич С.О. Гідронімія як система реалізації відношень ряду гідронім-ойконім-антропонім // Українська ономастика. Київ, 1998. С. 33–38.

Вес. Он. – Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Витов 1967 – Витов М.В. Севернорусская топонимия XV–XVIII вв. (К постановке топонимического источниковедения) // Вопросы языкознания. 1967. № 4. С. 75–90.

Власова 1971 – Власова И.В. Ареалы топонимов с формантом *-иха* и *-ата, -ята* в Заволжье и междуречье Северной Двины и Волги // Этнография имен. М., 1971. С. 184–194.

Воробьев 1999 – Воробьев В.М. Географические названия Торопецкого района: Справочник. Тверь, 1999.

ВСОРИ – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 3. Ч. 3: Новгородская губерния. СПб., 1849.

Вуйтович 1981 – Вуйтович М. Древнерусские личные имена в граффити Софийских соборов Киева и Новгорода (XI–XIV вв.) // *Onomastica*. 1981. № XXVI.

Высоцкий 1985 – Высоцкий С.А. Киевские граффити XII–XVII вв. Киев, 1985.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.

Где святая София... – Где святая София, там и Новгород. СПб., 1998.

Ген. меж. – Материалы Генерального межевания конца XVIII в.

Герд 1996 – Герд А.С. Лингвистический атлас Верхней Руси. СПб., 1996.

Герд 2001 – Герд А.С. Очерк исторической диалектологии Верхней Руси: (История ландшафта). СПб., 2001.

Герд 2001a – Герд А.С. Верхняя Русь в свете данных русистики // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны. СПб., 2001. С. 59–71.

Герд 2001б – Герд А.С. Исторические границы и ареалы на территории Днепро-Двинской историко-культурной зоны и Верхней Руси по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны. СПб., 2001. С. 252–254.

Гідронімія України 1981 – Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. Київ, 1981.

Голб, Прицак 1997 – Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997.

Горбаневский, Емельянова 2004 – Горбаневский М.В., Емельянова М.И. Улицы Старой Руссы: История в названиях. М., 2004.

Городецкая, Левашов 2003 – Городецкая И.Л., Левашов Е.А. Русские названия жителей: Словарь-справочник. М., 2003.

Грк. РЛИКС – Грковић М. Речник личних имена код Срба. Београд, 1977.

Гумилев 1992 – Гумилев Л.Н. От Руси до России. СПб., 1992.

Даль СЖВЯ – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1998.

Демчук 1988 – Демчук М.О. Слов'янськи автохтонні особові власні імена в побуті українців XIV–XVII ст. Київ, 1988.

Джаксон 2001 – Джаксон Т.Н. AUSTR Í GÖRÐUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.

Доп. АИ – Дополнения к Актам историческим. Т. 1–12. СПб., 1846–1872. Указатель к первым 10 т. дополнений. СПб., 1875.

Древняя Русь – Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985.

ЕСЛГНПР – Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Т. 1–3. Київ, 1982–1989.

Жекулин 1967 – Жекулин В.С. Топонимические свидетельства изменения природы Новгородской области за историческое время // Ученые записки НГПИ. Т. 21: Вопросы краеведения, 1967. С. 3–14.

Железняк 1969 – Железняк И.М. Очерк сербохорватского антропонимического словообразования. Киев, 1969.

Желєзняк 1987 – Желєзняк І. М. Рось і етнолінгвістичні процеси Середньонадніпряньського Правобережжя. Київ, 1987.

Журавлев 1994 – Журавлев А.Ф. Лексико-семантическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.

Жучкевич 1974 – Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.

Загоровский 1975 – Загоровский В.П. Происхождение географических названий на *-гошь* // Теория и практика топонимических исследований. М., 1975. С. 40–44.

Займ. БИ – Заимов Й. Български именник. София, 1988.

Заимов 1967 – Заимов Ј. Заселване на българските словяни на Балканския полуостров. Проучване на жителските имена в българската топонимия. София, 1967.

Зайцев, Кушнир 1975 – Зайцев И.А., Кушнир И.И. Улицы Новгорода. Л., 1975.

Зализняк 1995 – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк 1997 – Зализняк А.А. Об одном ранее неизвестном рефлексе сочетаний типа **ТьrГ* в древненовгородском диалекте // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997. С. 250–258.

Зализняк 2003 – Зализняк А.А. Значение берестяных грамот для истории русского языка // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 218–223.

Зализняк 2004 – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

Захарова, Орлова 1970 – Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Иванов 1962 – Иванов Ф.И. Значение топонимики при изучении древних водных путей верхней Волги // Вопросы географии. Вып. 58. М., 1962.

Иванов 2003 – Иванов В.Ф. Топонимический словарь Селигерского края. Тверь, 2003.

Иванов, Топоров 1976 – Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М., 1976.

Избранные жития – Избранные жития русских святых X–XV вв. М., 1992.

Илчев 1969 – Илчев С. Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969.

Ильина, Грахов 1980 – Ильина Л.Л., Грахов А.Н. Волхов. Л., 1980.

Истомина, Яковлев 1984 – Истомина Э.Г., Яковлев З.М. Голубое диво: Историко-географический справочник о реках, озерах и болотах Новгородской области. Л., 1989.

Казлова 1994 – Казлова Р.М. Айканімічныя старажытнасці Беларусі // Беларуская лінгвістыка. 1994. Вып. 44. С. 34–42.

Карпенко 1966 – Карпенко Ю.А. Становление восточнославянской топонимии (закономерности словообразования) // Вопросы географии. Сб. 70: Изучение географических названий. М., 1966. С. 7–18.

Карпенко 1996 – Карпенко О.П. Гідронімія Центрального Полісся на загальнослов'янському тлі: Автореф. дис.... докт. філол. наук. Київ, 1996.

Карт. Гарн. – Картотека географических названий Боровичского уезда Новгородской губернии, собранная К.В. Гарновским (хранится на кафедре математической лингвистики СПбГУ).

Карта Шуберта – Специальная карта Западной части Российской империи, составленная и гравированная в 1/420000 долю настоящей величины при Военно-Топографическом депо с 1826 по 1840 год под руководством генерал-лейтенанта Шуберта. СПб., 1848.

КБЧ – Книга Большому Чертежу / Под ред. К.Н.Сербиной. М., 1950.

Кисловской 1968 – Кисловской С.В. Знаете ли вы? Словарь географических названий Ленинградской области. Л., 1968.

Колесов 1980 – Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

Колосова 2004 – Колосова И.О. Древние улицы Пскова: Смолиговка // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 21. Псков, 2004. С. 3–11.

Колчин, Хорошев, Янин 1981 – Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII века. М., 1981.

Колчин, Черных 1977 – Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977.

Ком. сп. – Комиссионный список Новгородской 1-й летописи.

Кондратьева 1983 – Кондратьева Т.Н. Метаморфозы собственного имени. Казань, 1983.

Конецкий В.Я. – Славянская колонизация Северо-Запада в отечественной исторической и археологической литературе // Новгород и Новгородская земля.

История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 27–29 января 1998 г.). Вып. 12. Новгород, 1998. С. 226–241.

Костомаров 1863 – Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Т. 2. СПб., 1863.

КПОС – Картотека Псковского областного словаря (хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А.Ларина на филол. ф-те СПбГУ).

Красов 1851 – Красов И.И. О местоположении Новгорода. Новгород, 1851.

Крысько 1994а – Крысько В.Б. Заметки о древненовгородском диалекте (I. Палатализации) // Вопросы языкознания. 1994. № 5.

Крысько 1994б – Крысько В.Б. Заметки о древненовгородском диалекте (II. Varia) // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 16–29.

Крысько 1998 – Крысько В.Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания, № 3, 1998. С. 74–93; То же в кн.: Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1998. С. 367–380.

Куза 1996 – Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.

Кулаков 1985 – Кулаков В.И. Прусы и восточные славяне // Тезисы докладов советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии. Киев, сентябрь 1985. М., 1985.

Купчинский 1980 – Купчинский О.А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян // Славянские древности: Этногенез, материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 45–72.

Купчинський 1981 – Купчинський О.А. Найдавніші слов'янські топоніми України як джерело історико-географічних досліджень (Географічні назви на -ичі). Київ, 1981.

Кучкин 1973 – Кучкин В.А. Некоторые вопросы исторической интерпретации топонимов на -ича // Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа, 1973. С. 231–242.

Лемтюгова 1983 – Лемтюгова В.П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения. Названия типов поселений. Минск, 1983.

Лебедева 1952 – Лебедева А.И. Топонимика Псковской области: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1952.

Лихачев 1984 – Слово о полку Игореве / Сост. Д.С. Лихачев. М., 1984.

Личн. зап. – Полевые записи новгородского топонимического материала, осуществленные автором в 1990–2000-е гг.

Лопатин 1981 – Лопатин В.В. Словообразовательная структура названий населенных пунктов в современном русском языке // Ономастика и грамматика. М., 1981. С. 30–40.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990.

Майк. КПНВ – Майков В.В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.

Макарий 1860 – Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М., 1860.

Марасинова 1966 – Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966.

Мароевич 1988 – Мароевич Р. [Рецензия] В.П. Нерознак. Названия древнерусских городов. М., 1983 // Этимология 1985. М., 1988. С. 183–186.

Мароевич 1989 – Мароевич Р. К реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных // Этимология 1986–1987. М., 1989. С. 121–139.

Мароевич 1997а – Мароевич Р. Методологические вопросы реконструкции древнеславянских топонимов (деривационно-фонетический аспект) // Вопросы языкознания, 1997, № 3. С. 76–88.

Мароевич 1997б – Мароевич Р. Методологические вопросы реконструкции древнеславянских топонимов (деривационно-семантический и деривационно-фонетический аспекты) // Ономастика та етимологія. Київ, 1997. С. 151–170.

Мароевич 2000 – Мароевич Р. Личные имена в системе антропонимических категорий праславянского языка // Этимология 1997–1999. М., 2000. С. 96–102.

Матвеев 1982 – Матвеев А.К. [Рецензия] Попов А.И. Следы времен минувших: из истории географических названий ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981 // Вопросы языкознания. 1982. № 3. С. 119–122.

Матвеев 1987 – Матвеев А.К. Архаическая русская топонимия на северо-востоке Европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 66–76.

Медынцева 1978 – Медынцова А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978.

Мельников 1984 – Мельников С.Е. О чем говорят географические названия: Историко-лингвистические и краеведческие заметки. Л., 1984.

Мельникова 1999 – Мельникова Е.А. Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Славяноведение. 1999. № 2. С. 10–15.

Микляев 1984 – Микляев А.М. О топо- и гидронимах с элементом *-гост*, *-гоиц* на Северо-Западе СССР (к проблеме восточнославянского расселения) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 25–46.

Мікратапаніі́я – Мікратапаніі́я Беларусі (Матэрыялы) / Пад рэд. М.В.Бірыла, Ю.Ф.Мацкевіч. Мінск, 1974.

Мирославская 1955 – Мирославская А.Н. Собственные имена в «Новгородских записных кабальных книгах 100–104 и 111 годов»: Автореф ... дис. канд. филол. наук. М., 1955.

МОЗУ – Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии / Статистическое отделение Новгородской губернии земской управы. Новгород, 1895; 1899; 1914.

Мор. СИ – Морошкин М.Я. Славянский именослов, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.

Муллонен 2002 – Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Муравьев 1828 – Муравьев Н.Н. Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828.

Мурз. СНГТ – Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. Изд. 2-е перераб. и доп. Т. 1–2. М., 1999.

Мызников 2004 – Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

Мятежное время – «Мятежное время»: Следственное дело о новгородском восстании 1650 года. Кишинев; СПб., 2001.

Мятлев 1914 – Мятлев Н. Игнач крест и Селигерский путь // Труды XV археол. съезда в Новгороде. Ч. 1. М., 1914. С. 335–346.

Насонов 2002 – Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. СПб., 2002.

НГБ из раскопок 1977–1983 – Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 годов). М., 1986.

НГБ из раскопок 1984–1989 – Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 годов). М., 1993.

НГБ из раскопок 1990–1996 – Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000.

Неволин 1853 – Неволин К.А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. СПб., 1853.

Невская 2001 – Невская Л.Г. Из балто-славянского ономастикона: *potina* *grorgia* с элементом «гость» // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Тезисы междунар. научн. конф. (30 января – 2 февраля 2001 г.). Ч. 1. М., 2001. С. 100–102.

Непокупный 1976 – Непокупный А.П. Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.

Нерознак 1983 – Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983.

Никитин 1962а – Никитин А.С. Топонимы типа *Подьяблонька* в местных названиях земельных угодий Псковской и Новгородской областей // Псковские говоры. Вып. 1. Псков, 1962. С. 96–118.

Никитин 1962б – Никитин А.С. О включении местных географических имен в областные словари // Ученые записки НГПИ. Т. 6. Вып. 2. Новгород, 1962. С. 88–109.

Никитин 1966 – Никитин А.В. О некоторых местных географических именах Новгородской, Псковской и Калининской областей (Из наблюдений над микропонимией рыболовных и земельных угодий) // Ученые записки НГПИ. Т. 2: Вопросы диалектологии и истории русского языка. Мурманск, 1966.

Никитин 1967 – Никитин А.В. Названия рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской областей (Опыт анализа топонимов-ориентиров): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.

Николаев 1988 – Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115–154.

Никонов 1966 – Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

Никонов 1968 – Никонов В.А. Две волны в топонимии Полесья // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика). М., 1968. С. 193–205.

НЛ – Новгородские летописи, изд. Археографической комиссией. СПб., 1879.

новг. бер. гр. – новгородские берестяные грамоты.

Новг. сборник 1865 – Новгородский сборник. Вып. 1–4 / Под ред. Н.Богословского. Новгород, 1865.

НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12; Великий Новгород, 2000. Вып. 13.

Носов 1992 – Носов Е.Н. Новгородская земля IX–XI вв. (Историко-археологические очерки): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992.

Носов 1993 – Носов Е.Н. О грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати (К вопросу о сложении феодальной вотчины) // Новгородский исторический сборник 4 (14). СПб.; Новгород, 1993. С. 27–39.

Носов 1994 – Носов Е.Н. Еще раз о локализации пунктов Бежецкого ряда // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 151–155.

Носов 1999 – Носов Е.Н. Речная сеть восточной Европы и ее роль в образовании городских центров северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170.

НПК – Новгородские писцовые книги, изданные императорской Археографической комиссией. Т. 1: Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 г. Первая половина. СПб., 1859; Т. 2: Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 г. Вторая половина. СПб., 1862; Т. 3: Переписная оброчная книга Водской пятины 1500 г. Первая половина. СПб., 1868; Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятины. СПб., 1886; Т. 5: Книги Шелонской пятины. СПб., 1905; Т. 6: Книги Бежецкой пятины. СПб., 1910.

НПК. Указ. ГН – Новгородские писцовые книги. Указатель к первым шести томам (I–VI). Имена географические. Пг., 1915.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

НТК – Новгородские таможенные книги 1610–1611 гг. Новгород, 2002.

Орлов 1907 – Орлов А. Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907.

Орлов 1964 – Орлов С.Н. К топографии Новгорода X–XVII вв. // Новгород. К 1100-летию города. Сборник статей. М., 1964. С. 264–285.

ОСНиСГ – Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Основания регионалистики – Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России. СПб., 1999.

Отин 1994 – Отин Е.С. Иван-озеро // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994. С. 92–94.

Отин 1997 – Отин Е.С. Из словаря коннотативных онимов и отконнотонимных апеллятивов // Ономастика та етимологія. Київ, 1997. С. 171–186.

Охотникова 1985 – Охотникова В.И. Повесть о Довмонте: Исследование и тексты. Л., 1985.

Павл. ХС – Павловић Зв. Хидроними Србије. Веоград, 1996.

Пам. ист. Вел. Новг. 1909 – Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С.В. Бахрушина. М., 1909.

Пам. истории и культуры Новг. обл. – Памятники истории и культуры Новгородской области. Каталог. Ч. 2 (Памятники археологии). Великий Новгород, 1999.

Передольский 1898 – Передольский В.С. Новгородские древности. Новгород, 1898.

ПKNЗ – Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К.В. Баранов. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. М., 1999; Т. 2: Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. М., 1999; Т. 3: Писцовые книги Бежецкой пятины XVI в. М., 2001; Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. М., 2004; Т. 5: Писцовые книги Деревской пятины 1550–1560-х гг. М., 2004.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

Поведский 1997 – Поведский Ю.Н. Валдайское Приселье. Историко-краеведческие очерки. Тверь, 1997.

Подольская 1956 – Подольская Н.В. Топонимика Новгородской земли по данным новгородских письменных памятников XI–XV вв.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.

Подольская 1977 – Подольская Н.В. Некоторые вопросы исторической ономастики в связи с анализом берестяных грамот // Историческая ономастика. М., 1977. С. 49–71.

Подольская 1979 – Подольская Н.В. Антропонимикон берестяных грамот // Восточнославянская ономастика. М., 1979. С. 201–242.

Подольская 1983 – Подольская Н.В. Типовые восточнославянские топоосновы: Словообразовательный анализ. М., 1983.

Подольская 1988 – Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.

Полковникова 1970 – Полковникова С.А. Географические названия новгородских писцовых книг XI–XVI вв.: (Однокоренные названия с разными суффиксами): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.

Полянский 1886 – Полянский М.И. Иллюстрированный историко-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород, 1886.

Попов 1964 – Попов А.И. Основные принципы топонимического исследования // Принципы топонимики. М., 1964. С. 34–44.

Попов 1965 – Попов А.И. Географические названия. М.; Л., 1965.

Попов 1981 – Попов А.И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–1994. Вып. 1–10.

Поспелов 1999 – Поспелов Е.М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. М., 1999.

Поспелов 2001 – Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. – 2-е изд., стереотип. М., 2001.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

ПСРЛ. Указатель – Полное собрание русских летописей. Указатель к первым восьми томам. Отд. 1. Указатель лиц. СПб., 1898; Отд. 2. Указатель географический. СПб., 1907.

Пылаев 1929 – Пылаев В.Д. Старорусский край (природа и население). Новгород, 1929.

Редько 1969 – Редько Ю.К. Довідник українських прізвищ. Київ, 1969.

Рогалев 1987 – Рогалев А.Ф. К вопросу о методике историко-лингвистического анализа этнотопонимов (на материале Белоруссии) // Этническая топонимика. М., 1987. С. 28–35.

Роспонд 1962 – Роспонд С. Перспективы развития славянской ономастики // Вопросы языкознания. 1962. № 4.

Роспонд 1968 – Роспонд С. Значение древнерусской ономастики для истории. К этимологии топонима Киев // Вопросы языкознания. 1968. № 1. С. 103–112.

Роспонд 1972 – Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 9–89.

Рубцова 1980 – Рубцова З.В. Топонимическая финаль *-нь* на восточнославянской территории (синхронное состояние) // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 125–141.

Русская диалектология 1972 – Русская диалектология / Под ред. Н.А.Мещерского. М., 1972.

Русская ономастика 1994 – Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О.Н. Трубочева. М., 1994.

Рыбаков 1988 – Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988.

Рябов 1995 – Рябов Д.С. Топонимия верхнего Поореджья. СПб., 1995.

Свердлов 1993 – Свердлов М.Б. К изучению грамоты Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи // Новгородский исторический сборник. 4(14). СПб.; Новгород, 1993. С.40–45.

СГЮВП – Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.

Седов 1999 – Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.

Седов 1999а – Седов В.В. Исторические земли древней Руси и восточнославянские племенные образования // Исторические записки. 2(120). М., 1999. С. 267–295.

Секретарь, Филиппова 1991 – Секретарь Л.А., Филиппова Л.А. По Приильменью: Путеводитель. Л., 1991.

Селин 2003 – Селин А.А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

Селищев 1968 – Селищев А.М. Из старой и новой топонимии // Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968. С. 45–96.

Семенов 1959 – Семенов А.И. Топография южной части Славенского конца Новгорода // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. № 9.

Син. сп. – Синодальный список Новгородской 1-й летописи.

Славский 2000 – Славский Ф. Праслав. **pokoĵь*. История и этимология // Этимология 1997–1999. М., 2000. С. 153–157.

Словарь названий жителей СССР – Словарь названий жителей СССР / Под ред. А.М. Бабкина и Е.Л. Левашова. М., 1975.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2002. Вып. 1–26.

Смол. ГБО – Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.

СНМНГ – Список населенных мест Новгородской губернии. Новгород, 1907–1912. Вып. I. Новгородский уезд; Вып. II. Демянский уезд; Вып. III. Старорусский уезд; Вып. IV. Крестецкий уезд; Вып. V. Валдайский уезд; Вып. VI. Боровичский уезд; Вып. VII. Тихвинский уезд; Вып. VIII. Устюженский уезд.

СНМРИ – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 34. Псковская губерния. СПб., 1885; Т. 37. Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1864; Т. 43. Тверская губерния. СПб., 1862.

Соболевский 1923 – Соболевский А.И. Русско-скифские этюды. Названия русских рек и озер // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XXVII (1923 г.). С. 252–332. Начало в т. XXVI (1921).

Сперансов 1974 – Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XII–XIX вв. М., 1974.

Срезн. МСДЯ – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. 2-е изд., исправленное / Ред. Ф.П.Сороколетов. СПб., 2002–2004. Вып. 1–38.

ССМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Київ, 1977–1978. Т. 1–2.

Сто новг. сел – Сто новгородских сел: Памятники – символы Родины в идейно-воспитательной работе. Новгород, 1990.

«Столистая карта» – Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений (или «Столистая карта»). СПб., 1801–1804.

Строгова 1993 – Строгова В.П. К истории древнего топонима Новгорода *Нередица* // Слово в синхронии и диахронии: Лексико-семантический аспект. Тверь, 1993. С. 136–142.

Строгова 1993а – Строгова В.П. Древние топонимы Новгорода и его окрестностей. Новгород, 1993.

Строгова 1994 – Строгова В.П. Древний новгородский топоним *Вяжищи* // Новгородское общество любителей древности и краеведческие традиции. Новгород, 1994. С. 93–97.

Строгова 1995 – Строгова В.П. Из истории древнерусских личных (мирских) имен (по материалам новгородских берестяных грамот) // Вестник НовГУ. № 2. Серия «Гуманитарные науки». Новгород, 1995. С. 112–115.

Судох. дор. – Судоходный дорожник Европейской России, изд. Главным управлением путей сообщения и публичных зданий. Ч. II, отд. 1. СПб., 1855.

Суп. СРЛИ – Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., 1998.

Тихомиров, Щепкина 1952 – Два памятника новгородской письменности / Публ. М.Н.Тихомирова и М.В.Щепкиной. М., 1952.

Толкачев 1975 – Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Этимология 1973. М., 1975. С. 109–130.

Толкачев 1977 – Толкачев А.И. К истории словообразовательных форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Историческая ономастика. М., 1977. С. 72–130.

Толкачев 1978 – Толкачев А.И. К истории словообразовательных форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Этимология 1976. М., 1978. С. 112–135.

Толст. сп. – Толстовский список Новгородской 1-й летописи.

Толстой 1969 – Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969.

Толстой 1977 – Толстой Н.И. О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977.

Топ. и диал. лексика 2001 – Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Материалы междунар. науч. конф. «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13–15 ноября 2001 г. Великий Новгород, 2001.

Топоров 1979 – Топоров В.Н. К семантике троичности (славянская **trizna* и др.) // Этимология 1977. М., 1979. С. 3–20.

Топоров 1995 – Топоров В.Н. О северо-западном локусе балтийской гидронимии (из цикла По окраинам древней Балтии) // *Res Balticae*. I. Pisa, 1995. С. 13–40.

Топоров 1999 – Топоров В.Н. Балтийский элемент в Новгородско-Псковском ареале (общий взгляд) // *Великий Новгород в истории средневековой Европы*. М., 1999. С. 276–292.

Топоров, Трубачев 1962 – Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Топорова 1996 – Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.

Трубачев 1967 – Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // *Этимология* 1965. М., 1967. С. 3–81.

Трубачев 1968 – Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. (Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация). М., 1968.

Трубачев 1971 – Трубачев О.М. Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії // *Мовознавство*. 1971. № 6. С. 3–17.

Трубачев 1978 – Трубачев О.Н. Из работы над русским Фасмером // *Вопросы языкознания*. 1978. № 6.

Трубачев 1982 – Трубачев О.Н. [Рецензия] Udolf J. Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Heidelberg, 1979. – 640 S. // *Этимология* 1980. М., 1982. С. 170–177.

Трубачев 1987 – Трубачев О.Н. Регионализмы русской лексики на фоне учения о праславянском лексическом диалектизме // *Русская региональная лексика XI–XVII вв.* М., 1987.

Трубачев 1988 – Трубачев О.Н. Праславянская ономастика в этимологическом словаре славянских языков. Вып. 1–13 // *Этимология* 1985. М., 1988. С. 3–10.

Трубачев 1994 – Трубачев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // *Этимология* 1991–1993. М., 1994. С. 3–23.

Трубачев 1997 – Трубачев О.Н. В поисках единства. М., 1997.

Трубачев 2002 – Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2-е, доп. М., 2002.

Трубачев 2002a – Трубачев О.Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р.И.Аванесова. М., 2002. С. 5–25.

Трусман 1898 – Трусман Ю.Ю. Чудско-литовские элементы в новгородских пятинах. Ч. 1. Пятины Водьская, Деревская и Шелонская. Ревель, 1898.

Туп. СДЛСИ – Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен // *Записки Отд. рус. и слав. археологии имп. Рус. археолог. об-ва*. Т. 6. СПб., 1903.

- Унбегаун 1989** – Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989.
- Фасм. ЭСРЯ** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. М., 1986–1987. Т. 1–4.
- Филин 1972** – Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972.
- Фролов 2002a** – Фролов А.А. Новгородский городок Деман и Демянский погост: проблема преемственности // Очерки феодальной России. М., 2002. С. 86–90.
- Фролов 2002b** – Фролов А.А. К истории формирования средневековой административной структуры на севере Деревской пятины Новгородской земли // Новгородский археологический вестник. Научн.-пуб. издание. № 3. Великий Новгород, 2002. С. 3–12.
- Фролов 2003** – Фролов А.А. К дискуссии о характере пожалования Юрьеву монастырю «Терпужского» погоста Ляховичи // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 57–65.
- Фролова 1973** – Фролова С.В. О продуктивности йотовой топонимической модели в древнерусский период: На материале образований от иноязычных имен // Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа, 1973. С. 268–271.
- Фролова 1981** – Фролова С.В. Древнерусские отчества на -ичь в словообразовательном отношении // Межвуз. сборник научн. тр. Куйбышевский пед. ин-т. Т. 253. Куйбышев, 1981.
- Фроянов 1974** – Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
- Хабургаев 1979** – Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского этногенеза. М., 1979.
- Хабургаев 1980** – Хабургаев Г.А. Становление русского языка. М., 1980.
- Хабургаев 1990** – Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
- Хелимский 2000** – Хелимский Е.А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 338–350.
- Хостник 1901** – Хостник М. Словинско-русский словарь. Горица, 1901.
- Худаш 1986** – Худаш М.Л. Давньоруська спадщина в українській ойконімії (до питання критеріїв розрізнення) // Давньоруська ономастична спадщина в східнослов'янських мовах. Київ, 1986. С. 101–104.
- Худаш, Демчук 1991** – Худаш М.Л., Демчук М.О. Походження українських карпатських і прикарпатських назв населених пунктів (відантропонімії утворення). Київ, 1991.
- Чайкина 1987** – Чайкина Ю.И. География словообразовательных топонимических моделей Русского Севера: На материале ойконимии Вологодской области // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. Вологда, 1987. С. 66–85.

Чайкина 2005 – Чайкина Ю.И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005.

Черепанова 1984 – Черепанова Е.А. Народная географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984.

Черн. ИЭССРЯ – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1993.

Чернов 1985 – Чернов С.З. Историческая география Взвядского погоста // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 104–112.

Чумакова 1992 – Чумакова Ю.П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа, 1992.

Шан. РЛЮ – Шанько Д.Ф. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.

Шилов 2002 – Шилов А.Л. Из наблюдений над берестяными грамотами // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000. С. 145–158.

Шилов 2003 – Шилов А.Л. Опыт историко-этимологического словаря топонимов Карелии (буква Б) // Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Вып. 8. Екатеринбург, 2003. С. 148–162.

Шкапский 1912 – Шкапский О.А. Озера Псковской губернии (их естественно-историческая характеристика и экономическое значение). С картографией озерных районов. Псков, 1912.

Шлиперт 1980 – Шлиперт Г. Словарь славянских антропонимов по материалам средневековых немецких исторических источников // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 238–243.

Шрамм 1994 – Шрамм Г. Ранние города Северо-Западной Руси: исторические заключения на основе названий // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.

Шульгач 1998 – Шульгач В.П. Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). Київ, 1998.

Шульгач 2001 – Шульгач В.П. Ойконімія Волині. Етимологічний словник-довідник. Київ, 2001.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў. Мінск, 1978. Т. 1.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–2003. Вып. 1–30.

Яйленко 1989 – Яйленко В.П. Прибалтийско-финская микропонимия этнонимического образования в древнем Новгороде // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 130–141.

Яйленко 1990 – Яйленко В.П. Прибалтийско-финские основы названий новгородской земли Славно, Ильмень, Меря // Uralo-Indogermanica: Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Ч. 1. М., 1990. С. 35–40.

Яйленко 1993 – Яйленко В.П. Прибалтийско-финская топонимия средневекового Новгорода и его окрестностей // Ономастика и этнография средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993.

Якушкин 1986 – Якушкин П.И. Из новгородской губернии // Якушкин П.И. Сочинения. М., 1986. С. 26–95.

Янин 1977 – Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

Янин 1978 – Янин В.Л. Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 23–31.

Янин 1981 – Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.

Янин 1990 – Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1990.

Янин 1992 – Янин В.Л. «Болотовский» договор: О взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV веках // Отечественная история. 1992. № 6. С. 3–14.

Янин 1998 – Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.

Янин 2004 – Янин В.Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004.

Яценко 1974 – Гидронимический словарь Посемья // Проблемы ономастики. Вологда, 1974.

Ambrosiani 2002 – Ambrosiani P. Some Observations on the Relationship between Lake Names and Village Names in Nordhwest Russia // Explorare necesse est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson (= Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies 28). Stockholm, 2002. S. 15–24.

Antoniewicz 1965 – Antoniewicz J. The Problem of the «Prussian Street in Novgorod the Great» // Acta Baltico-Slavica. Archaeologia, Historia, Ethnographia, et Linguarum Scientia. T. 2. Bialystok, 1965. S. 7–25.

Arumaa 1960 – Arumaa P. Sur les principes et methodes d'hydronymie russe: Les noms en *-ость* // Scando-Slavica, VI. Copenhagen, 1960. P. 144–175.

Arumaa 1956 – Arumaa P. Die ostslavischen Gewässernamen mit l-epentheticum // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956. Wiesbaden, 1956. S. 47–60.

Baecklund 1956 – Baecklund A. Les prénoms scandinaves dans la tradition médiévale de Velikij Novgorod // Revues des Etudes Slaves, 1956. T. 33. P. 26-33.

Eichler 1997 – Eichler E. Zum Problem der «innerslavischen Konsistenz» in der Onomastik // Ономастика та етимологія: Збірник наукових праць на честь 65-річчя Ірини Михайлівни Желэзняк. К., 1997. С. 61–65.

Eklblom 1915 – Eklblom R. *Rus-* et *Vareg-* dans les noms de lieux de la région de Novgorod // Archives d'études orientales. XI. Stockholm, 1915.

HW – Hydronimia Wisły. Cz. I. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym / Pod red. P. Zwolińskiego. Wrocław etc., 1965.

Imenik mesta 1956 – Imenik mesta. Pragled svih mesta i opština, narodnih odbora srezova i pošta u Jugoslaviji. Beograd, 1956.

Jakobson 1962 – Jakobson R. Studies in Russian Philology. О морфологическом составе древнерусских отчеств // Michigan Slavic Materials. Ann Arbor, 1962. № 1. S. 14–16.

Jurkowski 1971 – Jurkowski M. Ukraińska terminologia hydrograficzna. Wrocław-Warszawa-Krańów-Gdańsk, 1971.

Kalima 1935 – Kalima J. Neuere Forschungen über baltisch-finnische und finnisch-slavishe Beziehungen. Zu dem westfinnischen Namen in Rußland // Zeitschrift für slavische Philologie. Band XII. Doppelheft ½. Leipzig, 1935.

Kalima 1944 – Kalima J. Einige russische Ortsnamentypen // Finnisch-ugrische Forsch. 1944. Bd. XXVII. H. 1–3. S. 99–150.

Kamińska 1964 – Nazwy miejscowe województwa Sandomierskiego // Prace onomastyczne. 6. Wrocław-Warszawa-Krańów, 1964. Cz. 1.

Kos 1886 – Kos Fr. Ob osebnih imenih pri starih Slovencih // Letopis Matice slovenske za leto 1886. Ljubljana, 1886.

Kronsteiner 1981 – Kronsteiner O. Die alpenlavischen Personennamen. Wien, 1981.

Lehr-Splawiński 1946 – Lehr-Splawiński T. O pochodzeniu i praocjyzynie Słowiań. Poznań, 1946.

LISRH – Leksik prez imena Socialisticke Republike Hrvatske. Zagreb, 1976.

Lubaś 1967 – Lubaś Wł. O nazwie miejscowej Niegowić // Symbolae philologicae in honorem Wit. Taszycki / Prace komisji językoznawstwa. Wrocław-Warszawa-Krańów, 1967, № 17. S. 203–208.

Lutterer 1971 – Lutterer I. Zur Entwicklung der Bildungstypen slavischer Ortsnamen // Forschungen zur slavischen und deutschen Namenskunde. Berlin, 1971. S. 8–13.

Malec 1982 – Malec M. Staropolskie skrócone nazwy osobowe od imion dwuczłonowych. Wrocław etc., 1982.

Malec 1971 – Malec M. Budota morfologiczna staropolskich złożonych imion osobowych. Wrocław – Warszawa – Krańów, Gdańsk, 1971.

Mikkola 1938 – Mikkola J. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938.

Miklosich 1927 – Miklosich Fr. Die Bildung de slavischen Personen- und Ortsnamen. Heidelberg, 1927.

Milewski 1969 – Milewski T. Indoewropejskie imiona osobowe. Warszawa, 1969.

Muka – Muka A. Wörterbuch der niederwendischen Sprache und ihrer Dialekte. Bd. 3. Prag, 1928.

Nieckula 1971 – Nieckula F. Nazwy miejscowe z sufiksami *-ov-*, *-in-* na obszarze Wielkopolski i Małopolski. Wrocław, 1971.

Nova Scand. tab. – Nova Scandinavia tabula, ad Usum Serenissimi Burgundia Ducis. Parisiis, 1696 (копия карты).

Popowska-Taborska 1986 – Popowska-Taborska H. Problematyka centrum i peryferii obszaru etnicznego w świetle archaizmów i innowacji dialektalnych (na podstawie analizy obszaru polskiego) // Acta Universitatis Lodziensis. Folia linguistica 12, 1986.

Prinz 1969 – Prinz J. Versuch einer orientierenden bestimmung von Namenräumen in frühostslavischen Bereich // Beitr. Namenforsch. 1969. Beih. 5. S. 7-145.

Prof. MJ – Profous A. Místní jména v Čechach: Jejich vznik, původní význam a změny. Praha, 1954. Díl I; 1949-1951. Díl II-III; 1957. Díl IV.

Rospond 1957 – Rospond S. Kłasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geograficznych. Wrocław, 1957.

Rospond 1958 – Rospond S. Stratygrafia toponimiczna // Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1958. S. 159-186.

Rospond 1969 – Rospond S. Nazewnictwo północnej a południowej Słowiańszczyzny: Possessiva z formantem *-jb* // Македонски јазик. 1969. Год. 20. С. 57-93.

Rospond 1983 – Rospond S. Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-jb*. Wrocław, 1983.

Rospond 1968 – Rospond S. Die Urslaven im Lichte der Onomastik // Międzynar. kongr. archeologii słowiańskiej, I-y, Warszawa, 14-18 IX, 1965. Wrocław etc., 1968. S. 137-170.

Rozwadowski 1948 – Rozwadowski J. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948.

Rymut 1993 – Rymut K. Metoda rekonstrukcji zasobu prasłowiańskich imion dwuczłonnych // Anthroponymica Slavica: Vorträge der 1. Internationalen Konferenz zur slawischen Anthroponomastik / Hrg. von W. Wenzel. Leipzig, 1993. S. 21-30.

Rymut 1993a – Rymut K. Zasób leksemów w prasłowiańskich imionach złożonych // Onomastica, 1993. Roczn. XXXVIII. S. 5-8.

Schlimpert 1978 – Schlimpert G. Slawische Personennamen im mittelalterlichen Quellen zur deutschen Geschichte. Berlin, 1978.

Schramm 1982 – Schramm G. Normansiche Stützpunkte in Nordwestrussland. Etappen einer Reichsbildung im Spiegel von Namen // Beiträge zur Namenforschung. N.F. Bd. 17. H. 3. 1982. S. 219-276.

Skulina – Skulina T. Staroruskie imiennictwo osobowe. Cz. I-II. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1973-1974.

Ślaski 1963 – Ślaski K. Stosunki Prusów z innymi ludami nadbałtyckimi w VII-XII wieku // Rocznik Olsztyński. V. Olsztyn, 1963.

Sławski ZSP – Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. T. I. Wrocław etc., 1974. S. 43-141; 1976. T. II. S. 13-60; 1979. T. III. S. 11-19.

Šmilauer 1958 – Šmilauer V. Metoda «malých typů» v toponomastice // Sbornik slavistických prací věnovaných. IV. Mezinárodnímu sjezdu v Moskvě. Praha, 1958. S. 44-51.

Šmilauer 1960 – Šmilauer V. Osídlení Čech ve světle místních jmen. Praha, 1960.

Šmilauer 1970 – Šmilauer V. Příručka slovanské toponomastiky. Praha, 1970.

Sosnowski 2002 – Sosnowski J. Toponimia rosyjska XVI wieku. Nazwy wsi. Łódź, 2002.

SP – Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974-1995. T. I-VII.

Spal 1958 – Spal J. Místní jména obyvatelská, zakončená na -any // Sborník Vyšší pedagogické školy v Plzni. Jazyk a literatura. I. Praha, 1958. S. 5–133.

SSNO – Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod red. W. Taszyckiego. T. I–VII. Wrocław etc., 1965–1985.

Svoboda 1964 – Svoboda J. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.

Svoboda, Šmilauer 1960 – Svoboda J., Šmilauer V. Místní jména v Čechach: Jejich vznik, původní význam a změny. Díl V. Dodatky. Praha, 1960.

Taszycki 1925 – Taszycki W. Najdawniejsze polskie imiona osobowe // Rozprawy wydziału filologicznego. PAN. Kraków, 1925.

Taszycki 1958 – Taszycki W. Rozprawy i studia polonistyczne. I: Onomastyka. Wrocław-Kraków, 1958.

Vanagas 1981 – Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.

Vasm. BzHVO – Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. 1–4 // Preussische Akademie der Wissenschaften. S.-Ber. Philos.-hist. Klasse. Berlin, 1932–1936. 1–1932. S. 637–666; 2–1934. S. 35–440; 3–1935. S. 507–594; 4–1936. S. 176–270.

Vasm. RGN – Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M. Vasmer. Wiesbaden, 1962–1980. Bd. I–X.

Vasmer 1931 – Vasmer M. Wikingerspuren in Russland // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften (Philos.-hist. Klasse). Bd. XXIV, 1931. S. 649–674.

Vasmer 1933 – Vasmer M. Balten und Finnen im Gebiet von Pskov // Studi baltici. 1933. N. 3. S. 27–34.

Vasmer 1941 – Vasmer M. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung // Preussische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften. Hf. 5. Berlin, 1941.

Wójtowicz 1986 – Wójtowicz M. Древнерусская антропонимия XIV–XV вв. Северо-Восточная Русь. Poznań, 1986.

Сокращения

Территории, языки, диалекты

альпослав. – альпославянский ¹	исл. – исландский
араб. – арабский	карел. – карельский
англ. – английский	кашуб. – кашубский
балт. – балтийский	лат. – латинский
блр. – белорусский	лит. – литовский
болг. – болгарский	лтш. – латышский
венг. – венгерский	луж. – лужицкий
верх.-луж. – верхнелужицкий	макед. – македонский
вост.-слав. – восточнославянский	нем. – немецкий
герм. – германский	нижн.-луж. – нижнелужицкий
греч. – греческий	новг. – новгородский
др.- – древне-	общеслав. – общеславянский
др.-верх.-нем. – древневерхненемецкий	перс. – персидский
зап.-слав. – западнославянский	полаб. – полабский
и.-евр. – индоевропейский	полаб.-помор. – полабско-поморский ²

¹ Термин «альпославянский» дан по О.Кронштейнеру [Kronsteiner 1981]. Им обозначены древнеславянские личные имена, извлеченные из средневековых немецких памятников письменности на территории современной Австрии.

² Данным термином, введенным Г.Шлипертом (по Траутманну, – *elb- und ost-seeslawisch*), совокупно определяются древнеполабские и поморские личные имена, лингвистическое различие которых вследствие малого количества характерных признаков во многих случаях невозможно [Шлиперт 1980, 239].

польск. – польский
помор. – поморский
прасл. – праславянский
приб.-фин. – прибалтийско-финский
пск. – псковский
рус. – русский
сев.-слав. – севернославянский
серб. – сербский
сербохорв. – сербохорватский
сканд. – скандинавский

слав. – славянский
словац. – словацкий
словен. – словенский
ст.- – старо-
твер. – тверской
укр. – украинский
хорв. – хорватский
ц.-слав. – церковнославянский
чеш. – чешский
южн.-слав. – южнославянский

Губернии, области, уезды, районы¹

Бат. – Батецкий район Новгородской области
Беж. у. – Бежецкий уезд Тверской губернии
Беж. пят. – Бежецкая пятина
Бокс. – Бокситогорский район Ленинградской области
Бор. – Боровичский район Новгородской области
Бор. у. – Боровичский уезд Новгородской губернии
Валд. – Валдайский район Новгородской области
Валд. у. – Валдайский уезд Новгородской губернии
Вод. пят. – Водская пятина
Вол. – Волотовский район Новгородской области
Волос. – Волосовский район Ленинградской области
Волх. – Волховский район Ленинградской области
Гатч. – Гатчинский район Ленинградской области
Гд. – Гдовский район Псковской области
Дед. – Дедовичский район Псковской области
Дем. – Демянский район Новгородской области
Дем. у. – Демянский уезд Новгородской губернии
Дер. пят. – Деревская пятина
Дн. – Дновский район Псковской области
Кинг. – Кингисеппский район Ленинградской области
Кир. – Кировский район Ленинградской области
Кириш. – Киришский район Ленинградской области
Кр. – Крестецкий район Новгородской области

¹ При ссылках на СРНГ и Даль СЖВЯ сокращения приводятся в том виде, в каком они даны в этих словарях.

Кр. у. – Крестецкий уезд Новгородской губернии
Лен. обл. – Ленинградская область.
Лом. – Ломоносовский район Ленинградской области
Луж. – Лужский район Ленинградской области
Луж. у. – Лужский уезд Санктпетербургской губернии
Люб. – Любытинский район Новгородской области
Мал. – Маловишерский район Новгородской области
Мар. – Маревский район Новгородской области
Мош. – Мошенской район Новгородской области
Новг. – Новгородский район Новгородской области
Новг. губ. – Новгородская губерния
Новг. обл. – Новгородская область
Новг. у. – Новгородский уезд Новгородской губернии
Обон. пят. – Обонежская пятина
Ок. – Окуловский район Новгородской области
Парф. – Парфинский район Новгородской области
Петерб. губ. – Санктпетербургская губерния
Пл. – Плюсский район Псковской области
Под. – Поддорский район Новгородской области
Порх. – Порховский район Псковской области
Порх. у. – Порховский уезд Псковской губернии
Пск. губ. – Псковская губерния
Пск. обл. – Псковская область
Сланц. – Сланцевский район Ленинградской области
Сол. – Солецкий район Новгородской области
Ст. – Старорусский район Новгородской области
Ст. у. – Старорусский уезд Новгородской губернии
Стр.-Кр. – Стругокрасненский район Псковской области
Твер. губ. – Тверская губерния
Твер. обл. – Тверская область
Тихв. – Тихвинский район Ленинградской области
Тихв. у. – Тихвинский уезд Новгородской губернии
Тосн. – Тосненский район Ленинградской области
Хв. – Хвойнинский район Новгородской области
Холм. – Холмский район Новгородской области
Чуд. – Чудовский район Новгородской области
Шел. пят. – Шелонская пятина
Шим. – Шимский район Новгородской области

Прочее

- апел. – апеллятив
басс. – бассейн
буд. вр. – будущее время
букв. – буквальный
вар. – вариант
Вин. – винительный падеж
вол. – волость
геогр. – географическое название
гор. – город
губ. – губерния
Дат. – дательный падеж
дер. – деревня, деревни
диал. – диалектный
ед., ед. ч. – единственное число
ж. д. ст. – железнодорожная станция
жен. – женское (имя)
жен. р. – женский род
Им. – именительный падеж
лев. пр. – левый приток
литер. – литературный
личн. – личное (имя, наименование)
Мест. – местный падеж
мн., мн. ч. – множественное число
муж. – мужское (имя)
муж. р. – мужской род
надп. – надпись
наст. вр. – настоящее время
обл. – область
оз. – озеро
пог. – погост
пос. – поселок
поч. – починок
пр. – приток
преф. – префикс, префиксальный
пр. пр. – правый приток
прил. – прилагательное
прич. – причастие
прош. вр. – прошедшее время
пуст. – пустошь
р. – река
р. ц. – районный центр
р-н – район
Род. – родительный падеж
рр. – реки
руч. – ручей
рч. – речка
сел. – селение, село
собр. – собирательное
совр. – современный
ср. р. – средний род
суф. – суффикс, суффиксальный
сущ. – существительное
у. – уезд
уменьш. – уменьшительное
ур. – урочище
ус. – усадьба
устар. – устаревшее
христ. – христианский
хут. – хутор

Индекс топонимов

Полужирным курсивом выделены новгородские топонимы, имеющие соответствующую маркировку хотя бы на одной странице основного текста. Слова и основы, отмеченные знаком *, в индексах (включая индекс имен и обозначений лиц) не приведены.

Абижа, 48

Абрадово, 171, 218

Агафониха, 27, 371

Ажеское, 270

Ажово, 270

Акулина Большая, 319

Акулина Малая, 319

Алексеевская, 368

Алеховское, 371

Алфердов вымол, 119

Андрейцово, 371

Андромер, 62

Андронеж, 62

Аникиево, 209

Аркадиевский, 118

Аркажа, 119

Аркажи, 119

Аркажская слобода, 119

Аркажский, 118

Аркажь, 118

Артамоны, 11

Астрохонка, 331

Базловка, 142

Базловская Видогощь,
32, 142

Байкова Гора, 331

Бакачи, 196

Бакаше, 196

Баклов Бор, 185

Бакота, 196

Бакоты, 196

Бакочино, 195, 196

Балчино, 204

Баниженка, 283

Бардино, 358

Бардова, 357
Бардовка, 358
Бардово, 357, 358
Бардовская, 358
Бардовский, 358
Бардовщина, 358
Барды, 358
Барута, 111
Баруткинской, 111
Баруткины, 111
Баруты, 111
Батоног, 333
Бедунья, 192
Бежана, 316
Бежанцы, 317
Бежаничи, 317
Бежаново, 317
Бежаны, 316
Бежецк, 316
Бежицы, 316, 317
Бежичи, 316, 317
Бездедовичи, 89
Бездедьков, 90
Бездеж, 89
Бездежа, 89
Бездѣжа, 89
Бездѣжъ, 89
Безуевы, 192
Безуевичи, 192
Безуевка, 192
Безуино, 170, 192
Безуни, 371
Бекевичи, 275
Бекичево, 275
Бекшицево, 275
Беково, 275
Белое, 201
Белая, 201
Белоусов Бор, 297
Бидогоща, 133, 134

Бикичевыцы, 275
Бикичевичи, 275
Бикичевский Водос, 275
Бискупицы, 276
Бискупичи, 277, 283
Бислав, 63
Благыня, 95
Блазниха, 27
Бѣжуныцы, 317
Бѣжане, 316, 317
Бѣжаны, 316
Бѣжицы, 316
Бѣжицкой верх, 316
Бѣжицкѣ, 316
Бѣжицы, 316
Бѣжичи, 316, 317
Бѣжичѣ, 316
Бѣлечицы, 248
Бојана, 342
Бојанац, 342
Бојани, 342
Боголюбьи, 320
Богоскин, 137
Бокотерж, 79
Болково, 205
Болохово, 206
Болсуново, 206
Болтина, 205
Болтино, 86, 205
Болтово, 86, 205
Болхов, 188, 206
Болчина, 205
Болчино, 86, 204
Болчинский, 204
Болъсино, 204
Большечева Гора, 205
Большчево, 205
Большчово, 205
Большая Будогоща, 133

*Большая Корельская
Налоча*, 82
Большая Уторгош,
141, 142
Большие Видони, 104
Большие Невадицы, 88
Большие Озертицы, 304
Большие Светичи, 268
Большие Светлицы, 268
Большое Мроткино, 267
Большое Рамушево, 193
Большая, 367
Большой Хатраж, 79
*Большая-Пробойная
Славенская*, 367
Бор, 294, 296, 297
Бор Волоско, 353
Борже, 112
Борзово, 112
Борзоево, 112
Борисово, 197
Бориша, 119
Боркино, 344
Боркова, 344
Борковичи, 344
Борковка, 344
Борково, 344
Борковская, 344
Борковщина, 344
Боровая, 142
Боровитино, 296
Боровитиновое, 296
Боровитиха, 296
Боровицкий, 292
Боровицы, 229, 293
Боровичеви, 294
Боровичи, 229, 231,
292, 293, 294, 295,
296, 297, 298
Боровляниново, 298

Боровлянка, 297
 Боровое, 285, 296, 298
 Боровск, 297
 Боровское, 298
 Боровчанка, 297
Борочь, 111
Борутино, 110
 Борутиха, 111
 Борутица, 111
Борутицы, 110
 Боруцкий, 111
Боручье, 110, 111
 Борхова, 344
 Борховская, 345
 Борь, 287
 Борыни, 95
 Борыня, 95
 Борькова, 344
 Борютино, 111
 Ботаног, 333
 Бояна, 340
 Боянец, 342
Бояница, 341, 342
Бояницы, 341
 Боянич, 342
 Боянова, 340
 Бояново, 342
Бояница, 341, 342
Бояня, 340
 Бояры, 371
Братиловичи, 107, 244, 251, 280, 287, 307
Бракловицы, 107, 244, 250, 307
 Братилов, 251
 Братилова, 251
 Братиловичи, 307
 Братиловка, 251
Братилово, 251, 287
 Братловицы, 250
 Братловицы, 251, 307
Братогощ, 149
Братухново, 219
Брахово, 219
 Брилина Гора, 331
Бродовичи, 304
 Бронница, 229
 Бронницы, 229
 Брычиха, 371
 Будагощ, 134
 Будагоща, 134
 Будгоща, 63
Будешино, 226
Будешово, 226
 Будим, 247
 Будимац, 247
Будимерово, 38, 171
 Будимлија, 247
 Будимска, 247
 Будислово, 73
Будицино, 226
 Будовиж, 48
 Будоговици, 134
Будогощ, 26, 63, 74, 133, 134
Будомицы, 247
Будослово, 73
 Будятин вымол, 119
 Бувеще, 341, 342
 Буци, 301
 Буслава, 63
 Буславец, 63
 Буславка, 63
 Буславль, 63
Буславля, 63
 Буславцево, 63
 Буслова, 72
Бутки, 372
 Буткинич, 372
Бутова Гора, 271
Бутовичи, 270, 271
 Бутовка, 271
Бутово, 271
 Буяна, 340, 341, 342
 Буяница, 341
 Буяницы, 341
 Буянка Малая, 340
 Буянское болото, 341, 342
 Буяня, 340, 342
 Быдгощ, 134, 240
 Быдгоща, 63
 Быдовца, 133, 134
Быслав, 63
 Быславле, 40, 63
 Быславль, 63
 Быстреева, 206
Быстреево, 206
 Быстреевской, 206
Быстрешково, 206
 Быстриевка, 206
 Быстриевский, 206
 Бяковичи, 275
в Люботинах, 202
 в Любытинах, 200
 в Натцах в
 Заверьяжье, 121
 Верхний Залегощ, 141
 Вічмеро, 322
 Вагостици, 137
Вагошика, 137
Вайгои, 137
 Валдай, 289
Ваня, 120, 321
 Варесская, 365
 Варещкая, 365
 Варещкая, 365

Варница, 229
Варницы, 229
Варяжская, 354, 364
Вегоща, 129
Велбуже, 64, 106, 183
Велгошти, 130
Велебицкое, 249
Велебицы, 248, 249
Велеговши, 130
Велегощ, 129
Велегоща, 129
Велегощи, 19, 129, 159
Велема, 248
Велеми, 247
Велеми Верхние, 248
Велеми Нижние, 248
Велемичи, 247
Велемишки, 248
Велемье, 248
Велени, 104, 248
Веленица, 104
Веленицы, 104
Веленское, 104
Велены, 104
Велень, 105
Велигощи, 129
Великая Перевъжа, 92
Великодержково, 190
Великая, 359, 365, 367
Велмл, 105, 106
Велилы, 105, 106
Велшь, 105, 106, 107
Велшьский ям, 106
Велшя, 106, 107, 334
Велимичи, 246, 247, 255
Велиницы, 105
Велиоца, 129
Велъни, 104
Велъницы, 105
Вельгош, 129, 159

Вельгошика, 129
Вельгощ, 129
Вельгоща, 129
Вельмино, 247
Вельмичи, 247
Вельмово, 248
Вережская, 364
Веренда, 19
Верещин, 192
Верещина, 193
Верещино, 192
Верещинской, 193
Верещовка, 193
Верхние Будомицы, 247
Веряжа, 364
Веряжско, 364
Вечеслово, 73
Видемер, 45, 46
Видемле, 245
Виденеж, 64
Видимерье, 45
Видимир, 45, 46, 321
Видимирское, 39, 45,
46, 191, 245
Видовичи, 47, 48
Видовлицы, 245
Видогощ, 143
Видогоща, 39, 40,
142, 143
Видогощи, 136
Видогощская, 142
Видогощъ, 32, 47,
131, 142, 143
Видомир, 47
Видомире, 45
Видомирь, 45, 46
Видомлицы, 245
Видомль, 245
Видомлят, 245
Видони, 104

Видонково, 104
Видоня, 104
Вилгош, 130
Вилени, 104
Виленицы Новые, 104
Виленицы Старые, 104
Вильгоща, 129
Вильгощъ, 129
Виногощье, 140
Витанишки, 103
Витановци, 104
Витаны, 103
Витенеж, 64
Витка, 346
Витки, 251, 346
Виткин, 346
Витков, 346
Виткова, 346
Витковичи, 346
Витково, 346
Витковицзна, 346
Витов, 346
Витовка, 346
Витово, 346
Витогощ, 64, 136, 137
Витони, 103
Витонце Меньшое, 103
Витонь, 103
Витославлицы, 64,
237, 238
Вичамерове, 322
Вичемера, 322, 334
Вичемери, 322
Вичемира, 322
Владимир, 121
Влабычцы, 277
Власовичи, 354
Власово, 354
Власовщина, 354
Внучки, 371

- Вогостино**, 127, 137, 160
Вогостицы, 137, 235, 244
Вогоща, 127, 137,
155, 160
Водяной, 368
Воегоща, 137
Воегоща Верхняя, 137
Воегоща Нижняя, 137
Воегощенка, 137
Воегощь, 137
Воижитцы, 283
Воздвиженская, 362
Войбуцкая Гора, 326
Воигоща, 124
Воимеричи, 137
Воин, 272
Воинов, 272
Воиновичи, 272, 273
Воиново, 272
Воишь, 95, 272
Воиславле, 39, 40, 64
Воиславиц, 64
Войгож, 137
Воймерица, 239
Воймерицы, 239
Воймерици, 229, 239
Воймерици, 239
Воймирицы, 60, 229,
239
Воймирово, 239
Воймѣричи, 239
Войнич, 273
Войновка, 272
Войново, 272
Войновицина, 272
Войсковицы, 307
Волбовичи, 281
Волгоград, 120
Волдай, 317
Волдайца, 317
Волдайцы, 317, 328
Волдая, 317
Воленцы, 104
Волково, 371
Волок, 189, 190, 192
Волок Держков, 190,
191
Волок Хотславль, 61,
190
Волокодержков, 190
Волокодержковский,
189
Волокославинские, 62
Волокославинское, 62
Волокославский, 61, 62
Волоско, 353
Волоско Большое, 354
Волоско Малое, 354
Волосковичи, 353
Волосково, 353
Волосова, 352
Волосова Гора, 353
Волосовичи, 354
Волосовка, 354
Волосово, 275, 353
Волосовщина, 354
Волостово, 187
Волотовица, 281
Волоцкий, 190
Волочек Держков,
189, 190
Волочек на Держкове,
189
Волхов, 19
Вонигово, 283
Вонег, 283
Вонижцы, 137, 241,
283
Вонѣжица, 137, 241,
283
Вонѣжицы, 283
Воробейка, 132
Воронья, 368
Воскресенская, 368
Воскресенский в
Лучанех, 314
Всевиж, 65
Всевижь, 39
Всеславле, 64
Всеславль, 64, 70
Вутрогоща, 141
Вутрогоще, 141
Вховеж, 48, 64
Вховежи, 64
Вицагоща, 157
Вициж, 157
въ Вунемере, 56
въ Любытинахъ, 200
Выдобыч, 47
Выдовичи, 47
Выдогощь, 47, 142
Выдомерь, 47
Выдомирь, 46, 245,
246, 323
Выдомирь 1-я, 46
Выдомирь 2-я, 46
Выдумер, 246
Выдумерь, 47
Выдымирь, 47, 246
Выйка, 310
Вылгош, 130
Вычемер, 320, 322, 323
Вычемера, 320, 322
Вычерема, 320, 322, 334
Выиний волок, 190
Выиний Волочек, 190
Вья, 310
Вяргость, 156, 165, 318
Вяргось, 156
Вячеслово, 73

Гавриловец, 282
Ганежи, 54, 328
 Гатобужжи, 57
 Гатчина, 57
 Гвезденка, 330
 Гвездено, 330
 Гдов, 305
 Глотовская, 368
 Гнездино, 178
Годогица, 149
 Годыня, 95
 Гожевичи, 270
 Голубовицина, 371
 Гомысл, 328
 Гомысло, 328
Гомысль, 328
 Гонезжи, 39, 54
 Гора, 317
 Горадмица, 283
Гораздица, 283
 Гораздичі, 284
 Гораздово, 284
 Горазниці, 283
 Горазницы, 283
 Горбатица, 233
 Горбатицы, 233
 Горбуша, 174
Гореслава, 320, 324
 Гореславы, 324
 Горина, 183
 Горислав, 324
 Гориславец, 324
 Гориславка, 324
 Горислов, 324
 Горная Мста, 190
 Городец Радилов, 107
 Городецк, 129, 316
 Городецко в Бежицком
 Верху, 316
 Городок, 312
 Городолобле, 65
Городолюбское, 65
 Городец, 176
Горцы, 317
 Горынь, 90, 112, 183,
 339
 Горысловье, 324
Гославль, 54, 321
 Гославицина, 54
 Госніжичі, 54
Госиѣ, 54, 167, 334
 Гостів, 168
 Гостевицы, 65
 Гостево, 167
Гостелюбле, 40, 65,
 127, 167
 Гостемер, 242
 Гостемержа, 242
 Гостемеря, 242
 Гостемир, 242
 Гостемирец, 242
 Гостен, 167
 Гостехово, 167
Гостибицы, 249
 Гостивель, 65
Гостивицы, 65, 167
 Гостивицы, 65
Гостилицы, 167, 237,
 307
Гостило, 167, 307
Гостиловицы, 167, 307
 Гостилово, 167
 Гостилицово-Бережок,
 167
 Гостимерица, 242
 Гостимирово, 242
Гостиниж, 54
Гостиничи, 168, 184,
 308
 Гостино, 167, 168
 Гостины, 168
 Гостинь, 168
 Гостица, 184, 269
 Гостицово, 167
 Госткина, 167
 Госткино, 167
 Гостнѣж, 54, 167
 Гостов, 168
Гостовичи, 168
Гостовлѣ, 168
 Гостомичи, 308
 Гостомка, 308
 Гостомля, 308
 Гостомцы, 308
 Гостыничи, 184, 280,
 308, 324
 Гостыца, 184
Гостьмеричи, 242
 Гостьница, 168
 Гостьци, 167
 Гостюхино, 371
 Гостятино, 167
Готобужжи, 57
 Готубужжи Большие, 57
 Готубужжи Малые, 57
 Гочегоца, 154
 Гоца, 131, 168
 Гоце, 168
 Гоць, 168
 Гриб, 275
Гришкиничи, 280
 Грохотово, 371
 Грузина, 175
Грузино, 174, 175
 Грузины, 175
Грузовица, 273, 281
Грузовичи, 175, 273
Грузовка, 273
Грузово, 273
 Губа, 310

Губино, 310
 Гутчева, 57

Даньслава, 338
 Даньслаля, 338
 Дарахиничи, 227, 231
 Дарево-Гославица, 54
 Даславя, 338
Деигуници, 281
Демьяницы, 278
 Демьяницы Захонье, 278
 Держково, 191
 Десятское, 310
Дивогоца, 144
 Диговоца, 144
Диговоци, 144
 Димитровград, 120
 Дмитриевский-
 Кременицкий, 298
 Дмитровско-
 Кременичский, 298
Дмитрок, 321
Дмитрони, 371
 Днегощ, 152
Днегощ, 152
 Добрая Жена, 319
Добрило, 333
 Добрилово, 170
 Добриславица, 51
 Доброгостів, 149
 Доброгостици, 148, 245
Доброгостьци, 148,
 245, 326
 Доброгощ, 149
 Доброгоща, 149
 Доброгоще, 149
 Доброгощи, 149
 Доброе, 51

Доброе село, 51
Доброезжка, 81
Доброжирь, 65
 Доброкостьци, 148,
 160, 326
Добромysel, 61
 Добромьсл, 61
Добромьши, 61
 Добромьшил, 61
 Доброселье, 50, 51, 69
 Доброславка, 51
 Доброславль, 50, 51, 53,
 69
 Доброславовка, 51
 Доброславици, 51
Добросли, 50, 51, 53,
 69, 73
 Добрососна, 330
Добрости, 103, 321,
 330
 Добростица, 330
Добрыжье поле, 161
 Добрыня, 339
Добрыни, 340
 Добрынина, 339
Добрынино, 340
Добрынинское, 340
 Добрынка, 340
Добрыня, 340
 Добрычевичи, 306
 Добрычево, 306
 Долгославя, 44
Домагоца, 143
 Домагоць, 144
Домажирово, 38, 171
 Домовица, 299
 Домовицк, 299
 Домовиць, 299
Домовичи, 299, 300
 Домогоще, 143

Домославка, 45
Домославль, 39, 44
 Домославя, 45
 Домославское, 45
 Домословие, 45
 Домословье, 45
 Дорогани, 287
Дорогачиж, 55, 66, 145
Дорогини, 227
 Дорогинина, 227
Дорогинино, 49, 227,
 231
 Дорогиничи, 227
 Дорогинички, 227
 Дорогинь, 227
 Дорогинь Старый, 227
Дорогобуж, 49
 Дорогобужа, 49, 102
 Дорогобужь, 49
 Дорогобужь
 Смоленский, 49
 Дорогобыль, 243
Дорогожицы, 148
 Дорогожичь, 148
 Дорогожская, 147, 148
 Дорогони, 227
 Дорогостицы, 147
Дорогостицы, 146,
 147, 148, 160, 244
 Дорогоча, 196, 227
Дорогочино, 196, 227
 Дорогощ, 147
Дорогоща, 147
 Дорогоща-Вяткино, 147
 Дорогоща-Подгорье-
 Холм, 147
Дорогощи, 147, 160
 Дорогощинская, 147
 Дорогычинь, 227
 Дослава, 338

Дослана, 338
Досланя, 338
Драгобужде, 49
Драгобуш, 49
Драгобушка, 49, 244
Дрегли, 285
Дрогини, 49, 227, 244
Дрогичин, 227
Дрогобужь, 49
Дроздино, 96, 183
Дроздынё, 183
Дроздыни, 183
Дрябицы, 304
Дубовица, 233, 304
Дубовицы, 229, 233, 304
Дубовичи, 304
Дубовицина, 368
Дубое, 309
Дубошин, 368
Дубошкина, 368
Дубско, 309
Думова Гора, 116
Душилово, 170
Дюкин Бор, 185

Еваничи, 279
Еванково, 344
Евановичи, 266, 280
Еваново, 344
Еванцово, 344
Евашово, 344
Евиновичи, 280
Еглино, 141
Егрейка, 141
Едоўна, 81
Ежсевичи, 270
Елегино, 208
Елигово, 208, 259

Ельмовичи, 304
Ельчинское, 59
Епископля, 122
Епископская, 122
Ерошата, 371
Еришово, 349
Ерьшево, 349

Жабенский, 110
Жади́на Лука, 327
Жадино, 327
Жадково, 327
Жадовкино, 357
Жадово, 327
Жадох, 327
Жаратка, 332
Жарятицы, 333
Ждажерино, 212, 213
Ждани, 95
Жданово, 371
Жданье, 95
Жедобужжи, 49
Желегоца, 141
Желегоць, 141
Железная, 368
Жельтино, 202
Жеребуд, 213, 326
Жеребуж, 59
Жеребут, 326
Жеребутское, 326
Жеремеслка, 214
Жеремесла, 214
Жеремесля, 214
Жеремино, 333
Жересло, 53, 60, 213
Жеретино, 333
Жеримышел, 214
Жерино, 214

Жерково, 213
Жерославль, 52, 213
Жерядка, 332
Жерядки, 333
Жерятицы, 333
Жерятка, 332, 333
Жерятки, 213, 321, 332, 333
Жестки, 195
Жестово, 195
Жестылево, 195
Жетонег, 325
Жигороццо, 154
Жидобужжи, 49, 50, 57, 325
Жидовицы, 266
Жидовичи, 266
Жидовичи Большие, 266
Жидовочи, 266
Жилая Видогоць, 32, 142
Жилятицы, 333
Жинорежа, 79
Жирково, 213
Жиробуд, 213, 318, 325
Жировково, 357
Жирома, 333
Жирослав, 51, 250, 321
Жирославка, 52
Жирославле, 52
Жирославль, 52, 321
Жирославское, 52
Жирослево, 52
Жиросло, 53, 60, 73, 213
Жирослов, 51, 73, 250
Жирохлицкое, 250
Жиряне, 314
Жиряне Большие, 314
Жиряне Малые, 314
Жирятино, 333

- Жирятка**, 321, 332
Жирятки, 213, 332
Житобуж, 49
Житовоже, 50
Житомир, 50, 68
Житомири, 68
Житомирь, 68
Житонеж, 325
Житонежье, 325
Жолытино, 201
Жостово, 195
Жохлицкое, 250
Жуки, 11
Жупаница, 195
Жупанка, 195
Жупанова Верхняя, 195
Жупанова Нижняя, 195
Жупановка, 195
Жупаново, 194, 195
Жупаново Новое, 194
Жупаньевачка, 195
Жупанья, 195
- Завезжский**, 88
Завезжье, 88
Завидичи, 89
Завидова, 89
Завидовка, 89
Завидово, 89
Завижса, 88
Завижье, 88
Загора, 304
Загорици, 304
Загороденья, 305
Загородицы, 305
Загоридичи, 305
Загородици, 305
Загородская, 368
- Загорье*, 103, 278, 304
Зажупанка, 194
Зажупанье, 194
Залегоценка, 141
Залегоць, 141
Залъсьное, 309
Замошье, *словет в Юрьевичах Другое на ручейки*, 280
Замошье, *словет в Юрьевичах*, 280
Заозерицы, 303
Заозеричи, 303
Заозерье, 303
Запольская, 368
Зарубино, 200
Збуд, 90, 334
Збудів, 90
Збудин, 90
Збудки, 90
Збудово, 90
Збудско, 90
Збуж, 90
Збужа, 90
Збут, 90
Збыха, 219
Збышево, 218
Збышин, 219
Збышки, 219
Збышня, 219
Згоще, 155
Здажерино, 171, 212, 213, 242
Здажирина, 212
Здажерино, 213
Здвиженской, 362
Здятино, 194
Зеленоград, 120
Земтици у Вижок, 276
Зубино, 170
- Зубово*, 170
Зуево, 169
- Ивань**, 120
Ивангород, 120
Ивангородская, 120
Иваничи, 233
Иванково, 344
Ивановичи, 233
Иваново, 344
Иванцово, 344
Иваньградъ, 120
Ивань, 119, 120, 321
Ивань вымол, 119
Иваньгород, 120
Иваньье, 119
Ивань-озеро, 120
Иваньница, 282
Иваровка, 356
Ивашково, 67, 278
Ивашово, 344
Ивовица, 304
Ивовицы, 304
Ивовичи, 304
Иворова, 356
Иворовица, 282, 356
Иворовицы, 356
Иворовка, 356
Иворово, 356
Иворовское Сельцо, 356
Иворское, 356
Иглино, 141
Игнатицы, 116, 279
Игнатцова Кста, 59, 116
Игнатцово во Кстах, 116, 117

- Игначь крест**, 116, 117
Игнашево, 170
Игнашино, 170
Игнашовка, 116
Игрейка, 141
Иеславль, 125
Ижеславль, 125
Избоищи, 289
Илкинич, 279
Ильгощи, 109, 130
Ильи на Славне, 360, 361
Ильи на Холме, 361
Ильинич, 279
Ильина, 361
Ильмень, 77
Инобож, 140
Иногостицкая, 130, 140
Иногостицы, 159
Иногощ, 140, 152
Иногоща, 140
Иногоще, 140
Иногощенский, 140
Иногощо, 140
Инопаж, 140
Ирогощ, 140
Ирогоще, 140, 160
Ирогощи, 140, 141
Истомино, 371
- Казова Гора**, 231
Казовицы, 231
Казовичи, 231
Каковичи, 281
Каковьская отчина, 281
Каликинич, 273
Каликино, 273
- Каликово*, 273
Каликовщина, 273
Каменка, 289
Каменные Горы в Устьянах, 312
Каремера, 159
Каремеры, 159
Каремъра, 159
Кармазята, 371
Карпино, 329
Каряки, 225
Катагощи, 129
Катовичи, 261
Качегащи, 154
Качегоща, 154
Керегож, 158
Керегожь, 158
Керегощ, 158
Керегоща, 158
Керегощъ, 158, 334
Керемера, 158, 334
Київ, 210
Киев, 209, 210
Киев Двор, 209
Киева, 209, 210
Киева Малая, 209
Киевец, 210
Киевич, 209, 210
Киевка, 209, 210
Киевка Большая, 209
Киевка Малая, 209
Киево, 208, 209, 210
Киш, 210
Кишово, 209
Килова, 360
Киреваново, 360
Кирова, 360
Кировивановская, 360
Кировиванская, 360
Киясова Гора, 209
- Клидово**, 84
Клин, 70, 315, 379
Ключничъ Двор, 122
Къйково, 209
Къйково, 209
Княжъ Стан, 122
Княжа Гора, 122
Княже, 122
Княжево, 122
Княжее Село, 122
Княжий, 122
Княжий Бор, 122
Княжий Остров, 122
Княжичи, 233
Княжо, 122
Княжово, 122
Коегощ, 144
Коегоща, 144
Кожурь, 12
Козорогова, 368
Колбино, 289
Коломна, 305
Коломница, 305
Коломнич, 305
Коломно, 305
Колотило, 282
Колотиловица, 282
Конец в Хотошах, 103
Кончанская, 368
Конюхивичи, 356
Конюхова, 356
Конюхово, 356
Корегощ, 158
Корегоща, 158
Коремера, 159, 318, 334
Коремерки, 159
Коржава, 351
Коржева, 350
Коржево, 351
Коржиса, 351

Коржова, 350
Коровья, 368
Коромегоща, 139
Корпово-Радголье, 135
Косново, 198
Коснячко, 118
Костимерово, 242
Кострома, 308
Костромичи, 308
Костромичи за Черною, 308
Котбус, 57
Котережа, 261
Котовицы, 260, 261
Котовицы 1-я
 половина, 260
Котовицы 2-я
 половина, 260
Котовичи, 261
Котогоць, 129, 262
Которский, 157
Котоши, 102, 261
Котыши, 102
Кочебуж, 55
Кочебужа, 55, 154
Кочевицы, 262
Кочегоща, 154
Кочегоща, 55, 154
Кочемка, 186
Кочигово, 208, 259
Кошкин городок, 118
Кошнево, 199
Кошнятино, 199
Кредчевицы, 224
Креково, 225, 372
Кременицкий, 298
Кременичи, 233, 298
Кременичский, 298
Кремено, 299
Кремно, 299
Кремель, 299
Кремянка, 299
Крест, 302
Крестец, 302
Крестецкий ям, 302
Крестовая, 302
Крестца, 302
Крестцы, 116, 117, 302
Кресцовский, 302
Крехів, 225
Крехово, 225
Кречів, 223
Кречевицы, 223, 224
Крчевичи, 223, 224
Крчево, 222, 223
Крчевский, 222
Крчевской, 222
Крчивое, 224
Крчино, 224
Крчко, 224
Крчково, 224
Крчевский, 224
Крчно, 224
Крчново, 224
Кривцовичи, 224
Кривчевицы, 224
Крминичи, 298
Крогоща, 157
Крокова, 225
Кроковы, 225
Кромегоща, 139
Кромы, 135, 136, 139,
 333
Круна, 292
Крупская, 292
Крутуша, 174
Крэчаўшчына, 223
Крэчына, 224
Крючевицы, 224
Ксеновская Гора, 199
Ксново, 197, 198
Кснятынъ, 183
Кстечки, 117, 302
Кстици, 117
Кстово, 302
Ксты, 302
Кудря, 321
Кузанозеро, 322
Кузка, 321
Кузмадемьяна, 359
Кузмадемьяня, 359
Кузмодемьяня, 359
Кузнецы, 11
Кузозеро, 322
Кузома, 322
Кузрека, 322
Кузрозеро, 322
Кузручей, 322
Кузьма, 319, 321
Кузянозеро, 322
Кулаково, 264
Кулатино, 200
Кулешино, 200
Кулики, 371
Кулитино, 200
Кулотины Пороги, 200
Кулоты, 200
Кунино, 225
Курова, 360
Курьеваниха, 360
Курьевоново, 360
Кишентицы, 131, 278
Кыевъ, 210

Лавровица, 281
Ладомер, 43, 318
Ладомерка, 42
Ладомир, 43

Ладомири, 42
Ладомирка, 42
Ладомировка, 43
Ладомиры, 42
Ладъмирово, 43
Лазорева, 368
Ламерское, 43
Ламерье, 43, 44
Леготково, 109
Легошевский, 109
Легоши, 109
Легошкино, 109
Легошково, 109
Легощ, 108
Легоща, 44, 103, 108,
 130, 342
Легощ, 108, 110, 146
Легощ, 108
Лёховинская земля, 265
Леховицы, 264
Лжичи, 215
Либастец, 258, 283
Либоежа, 80
Либожеда, 327
Либожеда, 327
Липовичи, 279
Листовичи, 280
Литовиж, 48
Литовича, 271
Литовичи, 271, 327
Литомержские, 243, 288
Ловать, 19
Лопаска, 301
Лопасна, 301
Лопасня, 102, 301
Лопастино, 301
Лопастиха, 301
Лопастница, 301
Лопастницы, 204,
 280, 300, 301
Лопастичи, 300
Лопасткино, 301
Лопастный, 301
Лопость, 301
Лосытино, 289
Лубоежа, 80
Лубоѣжа, 81
Лубяная, 366
Лубяница, 366
Лубянка, 366
Лубянка Малая, 366
Луга, 19
Лугоща, 342
Лужане, 314
Лужани, 314
Лукинич, 279, 307
Лукина, 286, 360
Луковицы, 307
Лутова, 305
Лутовичи, 305
Лутовня, 305
Лутово, 305
Лух, 288
Луховицы, 288
Лучани Сергеево, 314
Лучаны, 314
Лучье Ржские, 119
Лѣбонѣга, 325
Льгов, 215
Льгово, 215
Любан, 203
Любаново, 203
Любань, 203
Любастница, 258, 282,
 283
Любастницы, 258
Любастова, 258
Любачево, 203
Любашово, 203
Любеговец, 161
Любегоща, 127, 149,
 160
Любегощи, 149, 162
Любешково, 203
Любжир, 324
Любивцово, 203
Любильцово, 203
Любимово, 203
Любино, 171, 203, 204
Любино поле, 204
Любинское, 204
Любитинская, 201, 202
Любитово, 203
Люблевка, 204
Люблево, 203
Люблино, 203, 204
Люблон, 203
Любобуж, 66
Любовижа, 48, 66
Любовижа, 66
Любово, 171, 204
Любозощ, 160
Любоежа, 80
Любоежсина, 80
Любоежский, 80
Любозят, 327, 328
Любозжир, 324
Любозжичи, 161
Любонег, 320, 325
Любоѣжа, 80, 81
Любонѣг, 325
Любонѣга, 320
Любосино, 203
Любосницы, 258, 282
Люботеж, 55
Люботин, 201, 202
Люботино, 202, 256
Люботинский, 200, 202
Люботины, 202
Любохово, 203

- Любочажка*, 55, 145
Любочажки, 55
Любочажье, 55, 66
Любочь, 202
Любошино, 203
Любошово, 203
Любощица, 258
Любощь, 258
Любухово, 203
Любыж, 161
Любытина, 201
Любытино, 200, 201, 289
Любытино-Олпатьево, 201
Любытинский Ильинский, 200
Любытский, 201
Любышино, 203
Любышово, 203
Любяни, 203
Любяница, 366
Любята, 171
Любятино, 170, 203, 256
Любятово, 170
Люгоща, 44, 342
Людгоща, 44, 342
Людемера, 321, 323
Людемеры, 321, 323
Люджерсицы, 213, 242
Люджирицы, 213, 242
Людигоща, 44
Людмирполь, 323
Людогощ, 342
Людогоща, 17, 138, 159, 242, 342
Людомирово, 323
Людьгоща, 44, 159, 342, 343
Людьжерсицы, 242
Лютинка, 99
Лютовицы, 237, 271
Лютовичи, 271
Лютовичи-Корытное, 271
Лягоща, 342
Лядимера, 323, 334
Ляскуны, 371
Ляхи, 265
Ляхичи, 265
Ляхов, 265
Ляхова, 265
Ляховицы, 229, 264
Ляховичи, 201, 229, 263, 264, 265, 280, 386, 388, 392, 394
Ляховка, 265
Ляхово, 265, 371
Ляховщина, 265
Ляшиково, 265
Ляиско, 265

Максатиха, 371
Малашка, 319
Малая Будогоща, 133
Малая Корельская Налюча, 82
Малая Налюча, 82
Малая Сухинкина, 227
Малая Уторгош, 142
Мало-Васильевский Бор, 297
Малое Мроткино, 267
Малое Рамушево, 193
Малые Видони, 104
Малые Ляховичи, 264
Малые Светлицы, 268

Маницына, 368
Маницыно, 368
Манкошево, 78
Манушкино, 317
Манушкинцы, 317
Манцово, 371
Маицы, 371
Марконницы, 266
Мароткино, 267
Марченки, 11
Маслогостицы, 149, 160
Матвеев вымол, 119
Матюха, 319
Межа, 17
Межник, 17
Межволочье, 191
Мелечаж, 66
Мелечажа, 66
Мелечажи, 66
Мелечажо, 66, 145
Ментихи, 114
Ментюхин, 113
Менухова, 113
Менюхов, 113
Менюша, 112
Менюши, 113
Менюшка, 113
Менякова, 113
Меребужской, 131
Меренеж, 59, 60, 131
Меренго, 59, 60, 318, 334
Мереножка, 60, 131
Мересаха, 60
Мересика, 60
Мереслан, 60
Мереслона, 60
Меробудицы, 241
Меробужский, 241

Меробужской, 67
Меробужь, 67
Мерогоща, 131, 243
Местоня, 104
Меца, 83
Миголоца, 136
Миголоци, 136
Миголоцская
пустынь, 136
Микитина, 359
Микулин, 118
Милебуж, 66
Милки, 188
Милкова, 188
Милково, 188
Милковская, 188
Милбудо, 66
Милогост, 136
Милогость, 123, 136, 165
Милогоць, 136
Милодеж, 55
Милодежи, 55
Милодежь, 55
Милодѣдъ, 55
Милож, 161
Миложа, 161
Милонѣж, 66
Милятин, 188
Милятино, 187
Милятичи, 188
Минково, 211
Миритиницы, 236
Миробудицы, 241
Мирогожская
Дуброва, 130
Мирогожский-
Покровский, 130
Мирогостово, 130
Мирогоща, 123, 125,
 130, 159

Мирогоще, 130
Мирогоць, 130
Мироежа, 81
Мирожье, 161
Мироѣдово, 81
Миронег, 59
Миронег, 60, 321
Миронегово, 59, 171
Миронез, 59, 60
Миронези, 59
Миронезский, 59
Миронезское, 59
Мироѣжа, 81
Мирони, 60
Миронѣ, 60, 321
Миронѣж, 60
Миронѣжская Лука,
 59
Мироноги, 59
Мироножка, 60
Миронушка, 60
Мирославь, 60
Мирославье, 60, 73
Мирославци, 61
Мирослово, 73
Мирохново, 219, 372
Мирохны, 219, 372
Мирошкино Вдовичи, 305
Мирславь, 60
Митробудицы, 241
Михайлова, 359
Михалица, 281, 359
Михалицы, 348, 359
Михалкинец, 282
Мнюхи, 114
Моглогость, 52, 137,
 138, 318
Моглогостье, 138
Моисеевичи, 279
Молвина, 256

Молвина Слободка, 256
Молвиничи, 256
Молвино, 256
Молвитино, 256
Молвня, 256
Молвотцы, 255
Молвотицкий
городок, 255
Молвотицы, 116,
 254, 255
Молвятицы, 255
Молвятицкий, 255
Молвятицы, 247, 255,
 280
Молвятичи, 235
Молодеж, 55
Молодежи, 55
Молодковичи, 348
Молотки, 348
Молоткова, 347
Молотково, 347
Молотковская, 348
Молотковцы, 348
Мордкино, 267
Моркиничи, 267
Морконецкой, 266
Морконицкий, 266
Морконицы, 266
Морконницы, 266, 268
Мордкино, 267
Морозовичи Старые,
 270
Морозовичи Новые, 270
Морозовичи на Усть-
Холовы, 270
Морозовичский, 270
Морозовский, 270
Морткино, 267
Морткиничи, 267,
 268, 280

Морткино, 267
Морткины, 267
Мосеичи, 279
Мродкино, 267
Мроткино, 267
Мстибово, 249
Мстон, 104
Мстонь, 104
Мстоня, 104
Мутежер, 324
Мишага, 285
Мъльвотицы, 255
Мыслевичи, 262
Мыслевица, 262
Мыслегостицкая губа,
149, 159
Мыслин, 262
Мыслина, 262
Мыслино, 262
Мыслов Рог, 262
Мыслова, 262
Мысловичи, 262
Мысловка, 262
Мыслово, 262
Мышлино, 262
Мышлячье, 111

На Демьяницах
Загорье, 278
На Демьяницах, 278
На Сенѣѣ, 70
На усть Любоежи на
Веряже, 80
Над Онѣгом, 325
Надпорожье, 175
Налуцкой, 82
Налуць, 82, 96
Налюча, 82

Налючи, 82, 83, 96
Налючской, 82
Намесково, 84
Наместово, 83
Намеща, 83
Намещи, 83
Настино, 121
Настовица, 121, 281
Нахотченье, 101
Начоце, 82
Начючий, 82
Наци, 22, 121, 281
Наци 1-е, 22, 121
Наци 2-е, 22, 121
Нацинская, 22, 121
Небиж, 91
Неболоцкая, 85
Неболочи, 85, 86
Неболчи, 85, 86, 87,
132, 206
Небут, 326
Небуть, 326
Небылица, 327
Небылицы, 327
Небылицынский, 327
Небытино, 326
Небытов, 327
Небыты, 327
Невадино, 87, 88
Невадицы, 88
Невадска, 88
Невадьево, 88
Неваж, 87
Неважа, 87
Неважи, 87
Неважино, 188
Неведино, 91
Невеж, 91
Невежа, 91
Невежецы, 90

Невежин, 37
Невежицы, 90
Неверы, 227, 329
Невеш, 91
Невеша, 91
Невздылицы, 179
Невидино, 91
Невиженка, 90
Невижи, 90, 91
Невий мох, 311
Невѣжи, 90
Невѣр, 321, 329
Невѣрино, 329
Невѣричи, 329
Невѣрка, 329
Невѣровичи, 329
Невѣрово, 329
Невѣры, 321, 329
Невяжа, 91
Негово, 67
Неговици, 67
Негодицы, 236, 263
Негорѣлицы, 237
Негостицы, 131
Негосто, 133, 318, 320
Негосто, 133
Негоша, 131, 132, 160
Негоша, 132
Негоща, 131, 132,
133, 160
Недажино, 188
Недашев, 189
Недашецы, 189
Недашки, 189
Недашковская, 189
Недзислово, 178
Недоблицы, 243, 244
Недоблицы, 244, 284
Недожад, 328
Недожадка, 328

Недожат, 328
Недожатка, 328
Недомек, 328
Недомысли, 87, 328
Недомысль, 87
Недошевичи, 189
Нежадово, 328
Нежатина Нива, 257
Нежатиный, 257
Нежатица, 257, 282
Нежатицы, 257, 282
Нежговицы, 131
Нежгостицы, 131,
 133, 159, 244, 253
Нежгостицы, 131,
 244, 253
Нежиковка, 191
Нежки, 191
Нежсков, 191
Нежсков Большой, 191
Нежсков Малый, 191
Нежсковка, 191
Нежсково, 191
Нежсковский, 191
Неждода, 328
Нездина, 178
Нездино, 178
Нездыле, 179
Незнин, 178
Некость, 133, 253,
 318, 320
Некуришиница, 217
Некуришино, 217
Некуришиница, 217
Некшино, 191, 192
Нелаи, 329
Нелая, 329
Нелюбшино, 218
Немецкий, 368
Немецкий вымол, 119
Немилия, 88
Немилково, 88
Немилов, 88
Немильна, 88
Немильня, 88
Немиля, 88
Немиров, 37
Немково, 189
Немовео, 189
Немокино, 189
Немокина, 189
Немышля, 87
Непѣжи, 90
Нерадовачка, 91
Нерадовка, 91
Нерадовска, 91
Нераж, 91
Неревицы, 304
Неревичи, 304
Неродино, 91
Нероды, 91
Нерож, 91
Нероновская, 371
Нестеровец, 282
Несуж, 85, 132, 148
Несужа, 85
Несужо, 85
Несуши, 85, 148
Несуци, 85
Нехотилова, 179, 180
Нехотилово, 179
Нехотицко, 180
Нехоткино, 180
Нехотово, 180
Нехочи, 180
Нехутово, 171, 179, 180
Неятинъ, 257
Нива, 77
Ниговщина, 131
Нижний Велегоць, 129
Нижней Вычемер, 322
Нижние Будомицы, 247
Нижний Залегоць, 141
Нижний Волок, 190
Низдина, 178
Никитина, 359
Никольский
Волокохотславль, 61
Никольской Гослав
волок, 61
Никулинец, 282
Ниншики, 212
Нинково, 211
Ниновка, 212
Ниново, 212
Нѣговичи, 67
Нѣжатино, 257
Нѣжитино, 257
Нѣжитици, 257
Нѣжитицы, 257
Нѣжковичи, 191
Нѣжсково, 191
Нѣмково, 189
Нѣмкова, 189
Новогожа, 151, 160
Новая, 368
Новинка, 368
Новогоши, 151
Новогошка, 151
Новогоща, 151
Новое Рамушево, 193
Новорахино, 220
Новоселица, 229
Новоселицы, 229
Новые Ладомири, 42
Новые Ладомири, 42
Новые Морозовичи, 270
Новые Раковицы, 253
Ногоша, 132

Ногоица, 131, 132
Норина, 183
Нугоица, 132
Нудогорица, 155
Нудогоица, 39, 155, 156
Нумерье, 56
Нунговский, 156
Нунгоша, 155
Нутная, 366
Нутниково, 367
Нягів, 67
Нягово, 67

Обжерино, 171, 213,
214, 242
Обжирова, 213, 214
Обжжа, 48
Обоедовская, 371
Обокиша, 332
Оболтино, 87
Оболчи, 87
Обольче, 87
Обонѣгова, 241
Обонѣженка, 283
Обрадово, 218, 241
Обрадовци, 218
Ожевица, 270
Ожевичи, 269, 270
Ожево, 270
Ожевское, 270
Ожедово, 226
Ожедово II-е, 226
Ожедово I-е, 226
Ожеедка, 225
Ожеедово, 225, 270,
372
Ожееды, 225, 321
Ожееды Малые, 225

Ожогин Волочек, 190
Озера, 287
Озерава, 303
Озеревичи, 302, 303
Озеро, 303
Озеровичи, 303
Озертицы, 276, 304
Озерца, 304
Озерцы, 304
Оклиж, 84
Оклюдцы, 84
Оклюжье, 84
Окольный, 368
Окораки, 225
Окораков, 225
Окороки, 225, 372
Окрадово, 79
Окуловка, 371
Олегова могила, 216
Олексиницы, 279
Олексино, 371
Олжичи, 215
*Олфимово Заборье в
Юрьевичах же*, 280
Ольгин, 216
Ольгин камень, 216
Ольгин Крест, 216
Ольгина, 170, 216
Ольгино, 216
Ольгино Сельцо, 216
Ольгины ворота, 216
Ольгины слуды, 216
Ольговичи, 235
Ольговка, 170, 215
Ольгово, 215
Ольговъ, 215
Ольжина Гора, 216
Ольжичи, 235
Омельяны, 371
Омигость, 156

Ондров Конец, 62
Ондромир, 62
Ондружица, 244
Онег, 241, 320, 321,
325
Онега, 156, 161, 320,
325
Онеги, 241, 321, 325
Онегино, 325
Онегость, 156, 161,
165, 318
Онежецкое, 241
Онежицы, 241, 325
Онежское, 241, 307
Онежье, 241
Онжадов, 327
Онжадово, 327
Онига, 156, 161
Онижец, 241
Онижицы, 241
Ониф, 325
Оничины, 371
Онѣг, 325
Онѣжцы, 241
Онѣг, 325
Опалишин, 218
Опалишино, 218
Оргош, 215
Оредеж, 19
Орешенки, 371
Оркажъ, 118
Осиновичи, 304
Осия, 313
Острогица, 61
Остромерское, 188
Остромерь, 188
Остромково, 61, 188
Остромы, 188
Остронезское, 61
Осье, 313

Осьяне, 313
 Осьянка, 313
 Отцовский, 368
Ощеркина, 350

Подгощи, 151
Павлова, 360
Падишино, 218
 Панин Крест, 217
 Панковка, 371
 Пархово, 176
 Пелеш на Менюше, 113
 Первомайский, 116
Перевеж, 92
 Перевежа, 92
Перевизжа, 92
 Перевизжье, 92
 Перевизская, 92
 Перевизский, 92
 Перевѣжа, 92
 Перевяж, 92
 Перевяжа, 92
 Перегощ, 155
 Перегощи, 155
 Перенѣж, 92
 Перенегово, 92
 Перенѣж, 92
Перенѣжье, 92
Перестражье, 92
 Перестряж, 92
 Перестряжка, 92
 Переяславль, 121, 218
 Перынь, 17
 Пестова, 28
 Пестовка, 28
 Пестово, 27, 28, 210
 Пестовцы, 28
Пестяница, 282

Песчаное, 276
 Петрилово, 170
**Петровичи у большого
камени**, 280
 Петровская, 368
 Петроград, 120
Пиногощи, 155
 Пиратичи, 217
 Пирогов, 155
Пирогоща, 155, 217
 Пирутино, 217
 Пирутино, 217
 Пирятин, 216
 Пирятина, 217
 Пирятиница, 217
 Пирятинка, 217
Пирятинно, 216, 217
 Пирятинская, 217
 Пирятинщина, 217
 Пископец, 276
 Пискупицы, 276
 Пискупицы, 233, 276
Пискупля, 122, 365
 Пицана, 287
 Плешевцы, 237
 Плотенская
 пробойная, 336
 Плотенский, 336
 Плотницкий, 336
 Пневича, 305
Пневичи, 305
 Пнево, 305
Погвизд, 330
 Погоскина, 137
 Под Омугом, 325
 Под Онегом, 325
 Подгощ, 151
 Подгоща, 151
Подгощи, 151
 Поджога, 151

Подхоченский, 101
 Подхоченье, 101
 Позняково, 371
 Покров Коноплино, 130
 Полнышево, 62
 Полота, 291
 Полюдичи, 33
 Полюдов кряж, 37
 Полюдова, 93
 Полюдовичи, 93
 Полюдовка, 93
 Полюдово, 33, 37, 93
 Полюдята, 93
 Полюжа, 33
Полюжье, 92, 93
 Поляне, 314
 Полянье, 314
Поляни, 314
Понѣино, 171, 192
 Порѣчье, 309
 Порог, 175
 Поруссия, 362
Порхачово, 177
Порхов, 176, 177
 Порхова, 176
 Порховицы, 177
 Порховка, 177
Порхово, 176, 177
 Порховский городок,
 175
 Порховцы, 177
 Порховъ, 176
 Порховъ, 176
Посадникова Гора, 122
Посаднича Гора, 122
Посадниче, 122
Посадниче, 122
 Почнице, 225
 Прибилів, 214
 Прибиловка, 214

Прибилци, 214
Прибуж, 85
Прибужье Новое, 85
Прибужье Старое, 85
Прибуш, 85
Прибылово, 214
Прибыльца, 214
Прибыльца, 214, 334
Прибыльцино, 214, 334
Прибыткино, 215
Прибытково, 215
Прибышино, 215
Пробойная, 336
Пробудово, 84
Пробужа, 84, 87
Пробужка, 84
Прожнево, 306
Пронегоша, 153
Прохово, 177
Проховцы, 177
Прошнево, 178
Прус, 364
Пруса, 364
Прусово, 364
Пруская, 354, 362
Прусское, 363
Прусское-Кирилово, 363
Пруссы, 364, 376
Пруснская Горка, 364
Прусня, 364
Пурова, 226
Пуста Тушимья, 246
Пусталъгов, 80
Пустомержа, 80
Пустомержа
 Большая, 80
Пустомержа Малая, 80
Пустоержа, 39, 79, 80
Пустопържа, 79
Пусторадово, 80

Пустые Онежицы, 241
Пырятин, 216
Пырятинка, 217
Пятишино, 228
Пятчина, 228
Пятчино, 228
Пятчицы, 228
Пятишино, 228

Рабитицы, 237, 275,
 276
Раглицы, 251
Рагодач, 135
Рагодовичи, 252
Рагостицы, 134
Рагостье, 134
Радеблик, 243
Радеблицкое, 243
Радеблицы, 243, 284,
 329
Радеблик, 243
Радеблицкое, 243
Радебуж, 59, 349
Радевоцы, 134
Радегостица, 134, 282
Радегостицы, 123,
 134, 243, 244, 282
Радегосцы, 134
Раджа, 328
Раджода, 327
Радило, 106, 333
Радилова, 107
Радиловичи, 107
Радилово, 107, 108
Радиловское, 107
Радилы, 107
Радиля Гора, 107
Радлицы, 251

Радлово, 107, 108
Радмировац, 68
Радобол, 328
Радовеж, 48, 57
Радовежи, 47
Радоговицкий 253
Радоговицы, 252
Радоговичи, 161, 244, 252
Радоговица, 161,
 244, 252
Радогост, 135
Радогоч, 135
Радогоша, 134, 160
Радогощ, 135
Радогощ Большая, 135
Радогощ Малая, 135
Радогоща, 33, 124,
 134, 135, 136
Радогоще, 134, 135
Радогощи, 33, 135
Радогощская Буда, 135
Радогощъ, 134, 135
Радожское, 161, 252
Радоковицкое, 253
Радоковицы, 251,
 252, 253, 254
Радоковичи, 161, 252
Радоловка, 108
Радомелье, 67, 68
Радомер, 67
Радомерка, 67
Радомерь, 67, 68
Радомирици, 68
Радонеж, 68
Радонежское, 68
Радонежъ, 68
Радоселье, 68
Радосельке, 68
Радослав, 73, 321
Радословле, 68, 321

Радохоч, 135
Радоц, 135
Радславль, 243
Радугошь, 33, 134
Радугощи, 135
Радугоць, 135
Радуево, 226
Радули, 107
Радулин, 108
Радулина, 108
Радуловачка, 108
Радуловачки, 108
Радуловичева, 108
Радулова, 108
Радулово, 108
Радуль, 108
Радуля, 107, 108
Радьславль, 58
Радятина, 348
Раковицкое, 253
Раковицы, 253
Раковическое, 253
Раковичи, 253
Рамушево, 193
Рамьшево, 193
Рамьшевский, 193
Рамышово, 193
Рамяшевский, 193
Расловичи, 58
Расловка, 58
Расловлево, 58
Расловль, 58, 73
Расловля, 58
Раслово, 58, 68, 73
Расловский, 58
Растов, 347
Ратилово, 251
Ратмарово, 69
Ратмер, 69

Ратмеровско-Богородский, 69
Ратмеровско-Троицко-Ильинский, 69
Ратмир, 69
Ратмировичи, 69
Ратмирово, 38, 69, 171
Ратча, 289, 333
Ратиша, 333
Ратьмиръ, 69
Ратьмиря дуброва, 69
Рахин, 220
Рахин мост, 220
Рахинка, 221
Рахино, 220
Рахино Новое, 220
Рахино Старое, 220
Рахино у моста, 220
Рахнов, 221
Рахново, 221
Рахов, 221
Рахова, 220
Раховец, 221
Раховица, 220
Раховичи, 220, 221
Рахово, 220, 221
Рашки, 221
Рашкин, 221
Рашков, 221
Рашкова, 221
Рашковичи, 221
Рашиково, 221
Рашиуча, 112
Реоц, 215
Редбуж, 58, 59
Редбужа, 59
Редбужи, 59
Редовица, 136
Редовоцинский, 136

Редогоц, 135, 136
Редогоца, 136
Редьля, 293
Редятина, 348
Речани, 313
Речаны, 313
Речицы, 313, 327
Рѣчани, 313
Робитицы, 275
Робичинская, 276
Робичици, 275, 276
Робичичи, 276
Робья Заробская, 201
Розавка, 367
Розатая, 367
Розатица, 341, 367
Розовка, 367
Рогоца, 215
Родивановщина, 371
Родигино, 207
Рожважа, 338
Рождественский, 118, 220
Розвадів, 339
Розвадов, 339
Розваж, 339
Розважа, 338, 339
Розважи, 339
Розважка, 339
Роздомирье, 69
Розогоць, 156
Ромашково, 194
Роскино, 347
Росково, 347
Рославлево, 58
Рославль, 58, 91, 93
Рословичи, 58
Рословка, 58
Рословль, 58
Ростиславль, 234

- Росткина***, 346
Ростков, 347
Ростково, 347
Ростов, 93, 347
Ростово, 52, 124, 347
Ростокина, 346
Ростокино, 347
Ростоково, 347
Ростъкин, 347
Ростъгоиць, 156
Ротки, 254
Ротковици, 253, 254
Ротковичи, 253, 254, 280
Ротково, 254
Ротковская, 254
Ротковицина, 254
Рохново, 221, 222
Рохновский Починок, 222
Рохновско-Чуркинская, 222
Рохновицина, 222
Роховец, 221, 222
Роховляк, 222
Рохово, 222
Рошково, 222
Рузогоиць, 156, 165
Руна, 304, 313
Руницы, 304
Руссковицы, 237
Русская, 275
Рядбуж, 58, 59, 349
Рядитина, 348
Рядовичи, 305
Рядовошь, 136
Рядятина, 59, 348
Рядятино, 349
- Саба***, 304, 313
Сабица, 304
Сабицы, 304, 313
Сабицы Большие, 304
Салагоиц, 150
Самокраж, 78
Самоклажа, 78
Самокража, 77, 78, 79
Самокражь, 77
Самокражье, 77, 78
Самокраи, 77
Самокрайское, 78
Самокражь, 77
Самостраж, 79, 92
Сандомир, 323
Сапошино, 331
Сарагожское, 157
Сбудово, 90
Светицы, 268, 269
Светицы Большие, 268
Светицы Малые, 268
Светицы Средние, 268
Светичи, 268, 269, 280
Светичское, 268
Светлая, 79
Светычи, 268
Свинорежи, 79
Свиноръжи, 79
Свиноръжка, 79
Свитичи, 269
Свѣтчи, 268, 269
Свѣтычи, 268, 269
Свобода, 148
Святогорша, 152
Сгоще, 155
Селлово, 170
Селище на Котереже, 79
Селнов, 69
Село Великое, 202
- Семеновский*, 66, 187, 220, 371
Семеновщина, 371
Сенег, 70, 320
Сенег-Покров, 71
Сенеж, 70, 71
Сенежицы, 70
Сенежское, 70
Сенежье, 70
Сенек, 70
Сенигов, 70
Сенѣ, 70, 320, 334
Сеньга, 70
Сеньга-Лазарьково, 70
Сеньго-Озеро, 71
Сеняга, 70
Сеняг-Ручей, 71
Сеняж, 70
Сергейково, 371
Сергѣвичи, 279
Серговичи, 279
Сергово, 279
Середогоиц, 153
Середогоиц над Мхом, 153
Середогоица, 153
Середогоици, 153
Сеслава, 69
Сеславино, 70
Сеславино Старое, 70
Сеславка, 70
Сеславле, 70
Сеславль, 64, 69, 70
Сеславское, 70
Синег, 71
Скнево, 197, 198
Скнетинской, 117
Скново, 197, 198
Скнятин, 118, 183, 199
Скнятина, 118, 199

- Скнятино, 118
 Скнятиново, 118
Скнятинский, 117, 199
Славгуце, 149
 Славенская, 336
 Славенца, 367
 Славков, 345
Славкова, 345
 Славковица, 345
Славковичи, 345
 Славковичка, 345
Славково, 345
 Славковские, 345
 Славная, 336, 368
 Славно, 17, 393
Славонѣжци, 241
 Славонѣжичи, 233
 Слобонѣжци, 241
 Смалеговка, 259
 Смерди, 238
 Смерды, 238
Смердье, 276
 Смогилевка, 259
 Смогелов, 259
 Смогеловичская
 Рудня, 259
 Смогеловка, 259
 Смолеж, 259
Смолиговицы, 259
 Смолиговичи, 259
 Смолиговка, 259, 382
 Смолиговская, 259
 Смоляги, 259
 Смоляж, 259
 Смулиговица, 260
 Смядино, 183
 Смядынь, 183
 Снагость, 157
Снѣгоц, 157
 Снѣгоце, 157
- Снятин, 199
 Собакинская, 371
 Собки, 332
 Собковцы, 332
 Собош, 331
 Собиша, 331
 Собишино, 331
Сокольница, 122
Сокольнице, 122
 Сологост, 150
 Сологоц, 150
 Солославль, 125, 150
Сопло Миронегова, 59
Сопши, 321, 331,
 332
Сопшева Гора, 331
 Сопши, 321, 331, 332
Сорогожа, 157
 Сорогожское, 157
 Сорогошина, 40, 158
 Сорогошино, 88, 158,
 215, 218
 Сослова, 69
 Спасопископец, 276, 283
 Спасо-Пископец, 276
Спасопископицы, 276
 Спасопискупец, 276
 Спасопискутицы, 276
 Спас-Радогожская, 135
 Старая Русса, 289
 Старое Рамулиево, 193
 Старое Рахино, 220
 Старой Юрьевич
 Заполье, 280
 Старые Ладомири, 42
 Старые Ладомири 1-е,
 42
 Старые Ладомири 2-е,
 42
 Старые Низковицы, 191
- Стехновица**, 281
Стогоца, 138, 155,
 160
 Стонѣзова, 138
Страхон, 331
 Страхоновка, 331
 Стрелно, словет в
 Юрьевичах же, 280
 Судимерка, 323
 Судимир, 323
 Судимирка, 323
 Судимиры, 323
 Сурогожа, 157
 Сурогоца, 40
 Суслава, 69
 Суслов, 69
 Суловец, 69
 Сухая Ветошь, 329
 Сухина, 228
 Сухина Верхняя, 228
 Сухина Нижняя, 228
Сухинино, 227
 Сухининское, 228
 Сухиничи, 228
Сухинкино, 227
Сухины, 227
Сухоѣжа, 81
 Суцево, 289
 Сицкерова, 350
 Сырогожа, 157
 Сырогожское, 157
 Сырогоца, 158
 Сядмер, 323
Сядмер, 323
 Сядмер, 323

Тагоца, 109, 155
Талица, 87
Тарасовец, 282
Татары, 116
Татин Бор, 185
Твердомир, 71
Твердислово, 73
Тельбовичи, 281
Теребань, 174
Теребеж, 173, 174
Теребень, 174
Тереблено, 314
Теребляны, 314
Теребня, 173
Теребовижа, 54, 71, 173
Тереболево, 173
Тереболь, 173
Тереболя, 173
Теребонежъе, 53
Теребони, 174
Теребонижъе, 39, 53, 71, 173
Теребош, 174
Теребоша, 174
Теребуни, 173, 174
Теребунов, 172
Теребуново, 172, 173
Теребуновский, 172
Теребуня, 173
Теребутинец, 173
Теребутица, 174
Теребуша, 174
Теребушево, 174
Теребушино, 174
Теребушика, 174
Теребушка Бесѣда, 174
Теребыни, 174
Теребышино, 174
Теребышово, 174
Теребякино, 173
Терегожъ, 158
Тереховичи, 279
Теригоца, 158
Терпилицы, 237
Техутицы, 258
Тешки, 258
Тешков, 258
Тешкова Гора, 258
Тешковка, 258
Тешово, 258
Тешово Большое, 258
Тешово Малое, 258
Тешово Русское, 258
Тешово Чухонское, 258
Тешовская Рудня, 258
Тигоци, 40, 146, 160
Тиханово, 371
Тихарево, 259
Тиховиж, 48
Тихорицы, 258, 284
Тихотин, 284
Тихотица, 282, 284
Тихотицы, 282, 284
Тихотка, 284
Тѣосца, 146
Тѣиковичи, 258
Тѣиково, 258
Тогоше, 155
Тогоца, 160
Торковичи, 269
Требино, 314
Требутици, 174
Трегоца, 153
Тресковицы, 237
Тригожци, 153
Тригорша, 153
Тригоща, 153
Трилюбци, 154
Трубников Бор, 185
Труфанова Гора, 331
Тужерино, 171, 212, 213
Тужерино, 212
Тужирово, 171, 212, 213, 242
Туковичи, 271, 280
Тургеш, 154
Тургоша, 154
Тургошь, 154, 269
Туриков, 269
Турицы, 269
Турковици, 269
Турковичи, 269
Турково, 269
Туров, 306
Туровицы, 269
Туровичи, 269
Турово, 269
Туровщина, 269
Туховежи, 47, 48, 93
Туховижа, 47
Туховижи, 47
Тухомичи, 246
Тухомлянка, 246
Тучино, 371
Тушемелька, 246
Тушемля, 246
Туткино, 171
Тутково, 171
Тягуце, 146, 160

- У Хомира**, 240
Угоца, 139
Угоци, 139
Угред, 226, 333
Угреды, 333
Удоўжа, 81
Уевица, 284
Уегоц, 139
Улюч, 83
Уніж, 283
Унемерь, 56
Унешковичи, 256
Унимерь, 56
Уницы, 19
Унѣжковичи
 Большие, 256
Уномерка, 56
Уномерь, 56
Уношковичи, 256
Уношковичи, 256
Усадища Хотыни, 99,
 260
Усадище, 99, 260
Усадищи, 99
Ускотина, 99, 261
Ускотины, 99
Ускотыня, 99
Устицы, 313
Устичь, 313
Усть-Хотина, 99
Устьяне, 311, 312
Устьяни, 312, 313
Устьянский, 312
Устьяны, 312, 313
Утіховичі, 93
Утішків, 93
Утеше, 93
Утешкино, 93
Утешково, 93
- Уторгои**, 123, 141,
 142, 152, 160
Уторгои Большой, 141
Уторгои Малый, 141
Уторгоц Большая, 141
Уторгоц Малая, 141
Утрогоц, 141
Утрогоца, 142
Утрогоще, 141
Утрогощь, 142, 160
Утуши, 93
Утушкино, 93
Ухомира, 239
Уша, 85
Ушковичи, 256
Уюгоца, 139
- Фатеж**, 71, 186
Фатуново, 102
Фатынка, 100
Фатыновка, 100
Фатынь, 100
Федорова, 359
Федос, 319
Филопова, 279
Филиповицы, 279
Филипович, 279
Филиповичи, 279
Филипповичи, 279
Филистова Гора, 331
Филистовичи, 279
Фларева, 196
Фларевичи, 197, 232,
 279
Фларево, 196, 197,
 232, 279
Фларёво, 196
Флоревичи, 197
- Фомеровица**, 240,
 244, 253
Фотивиж, 71, 182
Фотина, 71, 182
Фралевицы, 197
Фралево, 197
Фралевское, 197, 332
Фралково, 197
Фревкова, 357
Фролково, 197
Фролов, 196
Фроловичи, 279
Фроловка, 196
Фролово, 196, 197
Фроловский, 196
Фрякова, 357
Фудобишка, 57
Футино, 183
Футыно, 183
Футынский, 182, 357
Футынь, 71, 182, 183
- Хамировичи**, 240
Хатовижска, 71
Хатуни, 102
Хатунь, 102
Хатуча, 102
Хатыни, 100
Хларево, 196
Хмелево, 50
Ходгостицы, 129, 159,
 244
Ходиницы, 97
Ходобужска, 57
Ходулино, 99
Ходулиха, 99
Ходулово, 99
Ходулы, 99

Ходуново, 99
Ходуны, 99
Ходунь, 99
Ходуня, 99
Ходыбыльи, 284
Ходыбыльница, 284
Ходыни, 95, 96, 97, 98, 292
Ходыни Близкие, 97
Ходынино, 97, 98
Ходынищи, 97
Ходыничи, 97, 98
Ходынка, 97
Ходынская, 98
Ходынский, 98
Ходынское, 98
Ходынь, 96, 97
Ходыня, 96, 97
Холмичи, 233, 305
Холова, 302
Холодило, 172
Холоковичи, 271
Холопий городок, 276
Холопя, 365
Хомировичи, 239, 244, 253
Хотбыль, 284
Хотемка, 186
Хотемля, 186
Хотемча, 186
Хотеницы, 260
Хотеничи, 100, 260
Хотенка, 260
Хотено, 181
Хотеново, 100, 260
Хотенщицы, 260
Хотень, 95, 260
Хотережа, 79, 261
Хотеславичи, 62
Хотигоща, 129, 160
Хотигощи, 129
Хотим, 186
Хотимир, 180, 240
Хотимирицы, 240
Хотимирица, 240
Хотимичи, 186
Хотимль, 184, 186, 187
Хотимль Верхний, 186
Хотимль Высшая, 186
Хотимль Нижний, 186
Хотимля, 185
Хотимово, 185, 249
Хотимск, 186
Хотимская Плата, 186
Хотин, 182
Хотина, 71, 99, 182
Хотиничи, 182
Хотинка, 182
Хотино, 181
Хотино Верхнее, 181
Хотино Нижнее, 181
Хотиново, 182
Хотинщина, 182
Хотислав, 62
Хотиславичи, 62
Хоткова, 185
Хотмирово, 187, 240
Хотмирово Старое, 240
Хотмово, 185, 187
Хотне, 313
Хотнежа, 54
Хотнежа Большая, 55
Хотнежа Малая, 55
Хотнежицы, 55
Хотѣмирицы, 240
Хотѣмле, 185, 187
Хотнѣж, 55
Хотѣнки, 260
Хотѣнковичи, 100, 101, 260
Хотѣнково, 260
Хотѣново, 260
Хотня, 101, 180
Хотняж, 55
Хотняжи, 55
Хотобужси, 56, 57, 317
Хотобужцы, 56, 317
Хотобужцы-Озурково, 56, 317
Хотов, 261
Хотова, 71, 261
Хотова вежа, 71
Хотовиж, 71
Хотовижа, 71
Хотовижи, 39, 40, 48, 71, 182
Хотовижка, 66, 71
Хотовица, 261
Хотовичи, 182, 233, 260, 261
Хотовка, 261
Хотово, 179, 180, 261
Хотогоць, 262
Хотомле, 186
Хотомля, 186, 187
Хотомье, 186
Хотоши, 103
Хотоши-Загорье, 103
Хотоши, 102, 261
Хотславль, 62
Хотславль, 61, 75
Хотубожси, 56
Хотубожси Другая, 56
Хотуни, 101
Хотуниче, 102
Хотуничи, 102
Хотуново, 102
Хотунь, 100, 101, 102

Хотунь Большой, 183
Хотунь Малый, 183
Хотуня, 183
Хотути, 102
Хотутиново, 102
Хотутино, 171
Хотутичи, 102
Хотутово, 171
Хотуча, 102
Хотча Новая, 180
Хотчанъ, 313
Хотченье, 101
Хотчино, 57
Хотым, 184, 186
Хотымль, 186
Хотынец, 100
Хотынец Малый, 100
Хотыни, 99, 100, 260
Хотынино, 170
Хотыницы, 100
Хотыниччи, 100
Хотынка, 99, 100, 138
Хотыновиччи, 100
Хотыново, 100, 170
Хотынской, 100
Хотынь, 100, 184
Хотынька, 99
Хотыня, 99, 185, 260
Хотяша, 103
Хоцунь, 102
Хоцьки, 180
Хочево, 180
Хочемка, 186
Хочемля, 186, 187
Хочен, 101
Хочени, 101
Хочение, 101
Хочень, 101
Хоченье, 101
Хоченья, 101

Хоченя, 101, 313
Хочин, 101
Хочино, 196
Хочовицы, 262
Хочунец, 102
Хочуни, 102
Хочюзя, 102
Хочюнец, 102
Хочюнца, 102
Хочюня, 102, 105
Хочюта, 261
Хревкова, 356
Хревъкова, 357
Хременичи, 298
Хрестцовичи, 302
Хрестцовичский, 302
Хрестцовский, 302
Хрестцы, 302
Хрестъцы, 302
Христци, 302
Хрьстьцы, 302
Худобушка, 57
Хутань, 184
Хутино, 181, 182, 183, 184, 185
Хутиньская, 181
Хутово, 179, 180, 261
Хутомир, 180, 240
Хутонка, 184
Хутонька, 184
Хутчево, 57
Хутовый Бор, 184, 185
Хутынка, 184
Хутыно, 183, 184
Хутынский, 184, 357
Хутынский Бор, 184
Хутынцы, 184
Хутынь, 71, 180, 181, 182, 183, 184, 185
Хутыня, 184

Хуцьки, 180
Хуцьня, 180
Хучево, 180

Цехоща, 145, 160
Цюдинцева, 354

Чабуд, 72, 194, 326
Чабут, 326
Чагици, 145
Чагловка, 352
Чаглы, 352
Чагода, 146
Чагодоша, 146
Чагодоца, 145, 146
Чаголи, 352
Чагоша, 72, 145, 194, 326
Чагоща, 145
Чадогоць, 145, 146
Чамежа, 72
Чаніжска, 72
Чанеж, 72, 145, 194, 326
Чарягоца, 151
Часлівіці, 72
Часлова, 72
Часловица, 72, 282
Часть Раковиц, 253
Чаиенка, 87
Чебажир, 324
Чебожир, 324
Чеглова, 351
Чеглово, 351
Чегловский, 352
Чеглы, 352

Чеголь, 352
 Чегоща, 145
 Чедерская, 368
 Ченіж, 72
 Ченежа, 194
Ченежо, 72, 145
 Ченежская, 72
 Ченжа, 72
 Ченже-Кескозеро, 72
 Ченижская, 72
Ченятино, 194
 Черенчицы, 315
 Чересоца, 151
Черезборицы, 304
 Черемшевичи, 277
 Черемшевский, 277
Черенческо, 277
 Черенчинский, 315
 Черенчицы, 315
 Черенчицы, 280, 315
 Черенское, 309
 Череповицы, 237
Черная Хутьнь, 184
 Чернеги, 208
 Чернеговский, 208
 Чернецко, 277
Чернецово, 277
 Чернечевский, 277
 Чернигино, 207, 208
 Чернигов, 207
 Черниговка, 207
 Черниговка Большая, 207
 Черниговка Малая, 207
Чернигово, 207, 259
 Черниговский, 207
 Черниговский Шлюз, 207
 Черниговское, 207
 Черниж, 207
Чернитцкая, 277
Чернитцкое, 277
 Черницы, 365
 Черница, 365
 Черницка, 277
Черницкая, 277
Черницына, 277, 365
 Черничинская, 365
Чернобожье, 56
 Чернобуж, 56
 Чернобыш, 56
Черногост, 149
Черницы Большие, 277
 Черныж, 207
 Черньцовичский, 277
 Черньчевичский, 277
Черньчевичи, 277, 280
 Черньчицы, 315
 Чернягино, 208
 Чернягово, 208
Черняне, 314, 315
 Черняны, 314
Чернятино, 111, 200
 Чернятинская, 111
 Черняты, 111
Чернячи, 111
 Чеславин, 72
 Чеславово, 72
 Чеслова, 72, 73
Чесловле, 72, 73, 282
Честово, 228
Чехлово, 351
 Чиголи, 352
 Числавль, 72
 Числовские Городици, 72
 Чихлова, 351
Чоголино, 352
 Чонжа, 72
 Чорнигов, 207, 259
Чудини, 95, 355
Чудинково, 355
Чудино Сельцо, 355
Чудиново, 355
 Чудинское, 354
Чудинцева, 354
 Чудинцевское, 354
Чудинцово, 355
 Чудинчевский, 354
Чудкино, 355
Чудково, 355
 Чудля, 355
 Чудская, 354
 Чудско, 355, 391
 Чудской Конец, 355
Чурьеваново, 360
Чутково, 355
Чутятино, 355
Чухино, 355
 Чьглова, 351
 Чьрянцы, 315
Чюдинец, 355
 Чюдинщина, 354
 Чюдинцова, 354
 Чюдиньцева, 354
 Чюдиньчева, 354
Чютково, 355

Шахоца, 145
 Шелгуново, 371
 Шелонь, 19
Шеребут, 326
 Шерехов, 274
Шерехова, 274
 Шереховича, 274
Шереховичи, 273, 274, 280, 289

Шерехово, 274
Шереховская Буда, 274
Шереховской, 273
Шетиница, 366
Шигостово, 157
Шиловица, 281
Шилово, 371
Шнетин, 117, 199
Шотукиша Верхняя, 358
Шуйгина Гора, 331
Шумятица, 282

Щеглы, 352
Щегоща, 157
Щежерь, 157
Щерино, 350
Щеркино, 350
Щеркова, 349
Щетин Бор, 297
Щетиницы, 366
Щириково, 350
Щирино, 350
Щиркино, 350
Щиркова, 349
Щирово, 350
Щитная, 366
Щитогощь, 152
Щоркова, 350
Щурова, 368

Югостицы, 140, 160
Юрьевич ж Гостево,
280
Юрьевичи у часовни,
280

Явидово, 48
Якова, 359
Яковле, 119
Яковлева, 119, 359
Яковль, 119
Яковльская Нива, 119
Яковльское, 119
Яковля, 119, 358
Яковля курья, 119
Яколя, 359
Ялигово, 208, 259
Ям, 106
*Ямская Крестецкая
слободка*, 302
Ямская слобода, 302
Ямсковицы, 307
Яна, 344
Янева, 343
Яневича, 343
Яневичи, 343
Янево, 343
Яниво, 343
Янковичи, 343
Янковка, 343
Янково, 343
Янов, 343
Яновичи, 343
Яново, 343
Яновский, 343
Яновщина, 343
Янчево, 343
Янь, 343, 344
Яня, 344
Ярославль, 121, 234
Ярышева, 349
Ярышино, 349
Ярышевка, 349
Ярышево, 349
Ярышово, 349
Ясенский, 310

Вакосун, 196
Bakoczyn, 196
Bautzen, 226
Bedihošť, 134
Będzisław, 74
Běžanići, 317
Bezdědice, 90
Bezdedov, 90
Bezdez, 90
Bezdziedowicze, 89
Bietegast, 134
Biežanice, 317
Biežanów, 317
Biezdziadowo, 90
Biezdzedza, 90
Bisdede, 90
Biskupice, 277
Biskupovice, 277
Bogyiszló, 74
Bogyoszló, 74
Bojańczyk, 342
Bojanice, 342
Bojaniec, 342
Bojanja vas, 342
Bojanov, 342
Bojanovice, 342
Bojanowo Stare, 342
Bonislav, 74
Borkovo, 344
Borków, 344
Borkowo, 344
Borowna, 297
Borucin, 111
Borucińskie, 111
Boruckie, 111
Borucz, 111
Borutov, 111
Brachowycze, 219
Büden, 247
Budigast, 134

Budihošť, 134
Budihošť', 134
Budihostice, 134
Budim, 247
Budisava, 74
Budisavlje, 74
Budiszlo, 74
Budohostice, 134
Budomierz, 247
Budyšin, 226
Budzislav, 73, 74
Budziszewo, 226
Budziszów, 226
Budziszowice, 226
Butov, 271
Butovice, 271
Butovsko, 271
Butowka, 271
Butowo, 271
Bydgoszcz, 134
Bysławskie, 63

Č
Čábuz, 326
Čagošča, 145
Čagošť, 145
Čahostice, 145
Čáslav, 72, 73
Čáslavky, 73
Čáslavsko, 73
Čibuz, 326
Čihošť, 145
Chászló, 73
Chatbuesch, 57
Chateň, 100
Chatyn, 100
Chatyni, 100
Chcebuz, 57
Choceň, 101

Chocenice, 101
Chociebał, 57
Chociebałz, 57
Chociemino, 186
Chocierz, 240
Chocimów, 186, 262
Choćki, 180
Chodkowice, 180
Chodouň, 99
Chodouny, 99
Chomiak, 319
Choradz, 79
Chotča, 180
Chotěbałz, 57
Chotěbudice, 57
Chotěbuz, 57
Chotegošć, 129
Chotěměrice, 240
Chotěmice, 186
Chotěnice, 260
Chotěnov, 260
Chotěradz, 79
Chotiebądz, 262
Chotiměř, 240
Chotków, 262
Chotkowice, 180
Chotohošť', 129, 160
Chotouň, 102
Chotovice, 261
Chotów, 261, 262
Chotowa, 261
Chotowo, 261
Chotum, 186
Chotuň, 102
Chotehošć, 129
Chutcze, 180
Chutcze-Bachus, 180
Chutkowice, 180
Cieszków, 258
Cieszkowo, 258

Cislau, 73
Cocobądz, 57
Czasław, 72, 73
Cząstków, 228
Cząstkowo, 228
Czernigowska Polanica, 207
Czestków, 228
Czestkowo, 228
Czostków, 228

D
Damsłaff, 45
Daniborov brod, 338
Dargast, 148
Dargebende, 49
Dargobałz, 49
Dargogošć, 147, 148
Darsband, 49
Daržbałz, 49
Derzów, 191
Dobergast, 149
Dobergáz, 149
Döbern, 340
Döbrögöc, 149
Dobrogoszcze, 149
Dobrogoszcz, 128, 149
Dobrohošť', 149
Dobrohostov, 330
Dobrohostów, 149
Dobroslava, 51
Dobroslawicy, 51
Dobrostov, 330
Dobroszló, 51
Dobrynia, 340
Dobrynje, 340
Domoslavice, 45
Domowice, 299
Domozlo, 45

Dorohobuszka, 49
Dorohoszcza, 148
Dragobužď, 49
Dragoš, 148
Drahobudice, 49
Drahobuz, 49
Dragošć, 148

Gadegast, 129

Garasdi, 284
Garislow, 324
Geligovo, 208
Geresd, 284
Geszte, 168
Gloslupp, 65
Godowusch, 57
Golubie, 65
Gorasdmajor, 284
Goražda vis, 284
Goražde, 284
Gorezlawe, 324
Goroszló, 324
Goseljsko Jezero, 54
Goslauuis, 54
Goslav', 54
Goslawice, 54
Göslow, 324
Gösslaw, 324
Gostim, 309
Gostom, 308, 309
Gostomie, 309
Gostomka, 309
Gostomko, 309
Gostomkowo, 309
Goszcz, 168
Goszcza, 168
Gościlib, 65
Gothun, 102

Gottschdorf, 309
Gotzlow, 54
Granzin, 175
Grazlup, 65
Grężina, 175
Grężiny, 175
Groslupp, 65
Gütergoz, 142

Hadžića Selo, 319

Haroschi, 302
Haroschi, 302
Hetemér, 240
Holacha, 302
Horaždovice, 284
Hořeslav, 324
Horosci, 302
Hošt', 168
Hostivice, 65
Hostovice, 168
Hotemež, 240
Hotinja, 100
Hotunja, 262

Ialigow, 208

Ianovgorod, 121
Ielygowo, 208
Inogošt(a), 140
Inowlódź, 140
Iuanogorod, 121
Ivań, 120
Ivaneć, 120

Jaligów, 208
Jancewicze, 343
Janiewicze, 343
Janjevo, 343
Janowicze, 343
Jaroszyn, 349
Jaruszyn, 349
Jaryszewo, 349
Jeligowo, 208
Jelygowo, 208
Jutrogoszcz, 142

Kaenugardr, 211

Khyiav, 210
Kijaszków, 209
Kirhsee, 129
Klein Santerleben, 323
Kociemir, 240
Kocimów, 262
Kocobędz, 262
Kocybync, 57
Kojetice, 144
Kordigast, 129
Kotkuf, 262
Kotomierz, 240
Kotów, 262
Köttmannsdorf, 240
Kottmarsdorf, 240
Kotunja, 262
Koźmin, 186
Kreckow, 224
Kreców, 223
Krecowe, 224
Krecowska, 223
Kroměříž, 139
Kromežír, 139
Krümmel, 139
Krzecew, 223

Krzeczkowo, 224
Kujaba, 210
Kujave, 210
Kūyāba, 210
Kuyava, 210

Lademerova, 43
Ladomer, 43
Ladomirov, 43
Ladomirova, 43
Lgów, 215
Liblín, 204
Libnitz, 203
Liboviz, 66
Litovice, 271
Lubanowe, 203
Lubin, 204
Lubino, 204
Lublin, 204
Lubociesz, 55
Lubojedy, 80
Lubotyn, 202
Lübow, 204
Lubowidz, 66
Ludemer, 323
Ludemir, 323
Ludzimierz, 323

Male-Bystawskie, 63
Mallies, 136
Malo Radobilje, 243
Miǵlész, 136
Milhošt', 136
Milków, 188
Milków, 188
Milkowa, 188

Milkowo, 188
Milobądz, 66
Milobuz, 66
Milogošča, 136
Milogošě, 136
Milogoszcz, 136
Miloslava vrbst, 320
Mirosav, 61
Mirosavlje, 61
Miroslav, 60
Miroslaw, 60
Młotkowo, 348
Mölbis, 66
Molotków, 348
Molotkowicze, 348
Moltow, 348
Mšćín, 170
Mstów, 170
Mysłatycze, 112
Mysłków, 262
Mysłów, 262

Ňagov, 67
Naluže, 83
Nechutnov, 179
Nedabylye, 244
Nedabylice, 244
Nedasitze, 189
Negāsčius, 132
Negast, 133
Negošt', 133
Negovac, 67
Negovec, 67
Negova, 67
Nemanice, 368
Nemil, 88
Nemile, 88
Nemily, 88

Neradz, 91
Neved, 90
Nevegy, 90
Nevern, 329
Neversdorf, 329
Neversfelde, 329
Nevěza, 91
Nevězis, 91
Niebyła, 327
Niebylec, 327
Niebytówka, 327
Niechowice, 67
Niedasewice, 189
Niedaszkowska Sloboda, 189
Niegowce, 67
Niegowić, 67, 395
Niemehn, 88
Niemil, 88
Niemilów, 88
Nieradz, 91
Niewiadów, 91
Niewiadowo, 91
Niewiarów, 329
Nihowice, 67
Niniów Dolni, 212
Niniów Górni, 212
Niniškės, 212
Ninków, 211
Ninkowe, 211
Niveg, 90
Niżatycze, 257
Niziatycze, 257
Noryń, 183
Nuo-gastis, 132
Nyarád, 91
Nyárág(y), 91
Nyeligowo, 208
Nyived, 90

Obradci, 218
Obradovac, 218
Obradovci, 218
Obradovo, 218
Obrażda, 218
*Onogošt*⁹, 156
Onogošta, 156
Ostapiuk, 319
Ożewize, 270

Pereniža, 92
Piastów, 27, 210
Piastowo, 27, 210
Pístov, 27, 210
Pňevíce, 305
Pňovany, 305
Pňovice, 305
Podbraz, 151
Podrečany, 313
Podpoljane, 314
Pol'any, 314
Poljane, 314
Pogwizdów, 330
Pogwizdowa, 330
Pojzdów, 330
Porchowa, 177
Poreniža, 92
Pribilovići, 214
Pribiševas, 215
Pribudić, 85
Přibuz, 85
Přibýšice, 215
Priebus, 85
Probužna, 84
Prusi, 363
Pruski, 363
Przybyły, 214

Przybyszew, 215
Przybyszewo, 215
Przybyszów, 215
Przybyszówka, 215
Przybyszyn, 215

Raabs, 135
Rachin, 221
Rachynia, 221
Racimierz, 69
Raclaw, 68
Radbyl, 243
Radebeul, 243
Radegast, 135
Rädel, 107
Radensleben, 68
Radewiese, 58
*Radhošt*⁹, 135
Radias, 135
*Radiogošt*⁹, 135
*Radihošt*⁹, 135
Radiměř, 67
Radobil, 243
Radobilja, 243
Radobilje, 243
Radobyl, 243
Radobyl', 243
Radobyle, 243
Radogoš, 135
Radogošč, 135
Radogoszcz, 135, 136
Radohoszczyńska
 Buda, 135
*Radomer*⁹, 68
Radomierza, 68
Radomir, 68
Radomirka, 67
Radoslav, 68

Radoslavlja, 68
Radostaw, 68
Radowiz, 57
Raduiewo, 226
Radzimierz, 67
Rahmer See, 68
Rameszków, 194
Ramiżów, 194
Ramwald, 194
Raniżów, 194
Raszków, 221
Raszkowo, 221
Rathsleben, 68
*Ratimir*⁹, 69
Rečani, 313
Řečany, 313
Řičany, 313
Redgoszcz, 136
Rodegast, 135
Roschouwe, 222
Roskow, 222
Roškowce, 222
Roszki, 222
Roszkowiec, 222
Roszkowo, 222
Rottmersleben, 69
Rozvadze, 339
Rozwadów, 339
Rozwadówka, 339
Rozważ, 339
Rozważe, 339
Rudnia Niemylnia, 88
Rusibórz, 156

Sadlogoszcz, 150
Sądzimirz, 323
Sallgast, 141
Samoplesy, 79

Samosoly, 79
Sandomierz, 323
Santzemer, 323
Sechutice, 179
Sedlogoszcz, 150
Seslavky, 69
Sienihów, 70
Sknilow, 198
Sknilowek, 198
Sknilowska Stadnia, 198
Slavkovce, 345
Slavkovo, 345
Slawków, 345
Slawkowo, 345
Smoligów, 259, 260
Smoligowicze, 259
Smoligowiczy, 259
Smoligowska Rudnia,
 259
Smolikowska Rudnia,
 259
Soběš, 331
Sobieszyn, 331
Soboš, 331
Sobosów, 331
Sodlogoszcz, 150
Stóg Chomiakowski, 319
Strachanów, 331
Strachonowo, 331
Sudoměř, 323
Sudoměřice, 323
Surgoszcz, 158
Szczerków, 350
Szczyrkowo, 350

Techom'e, 246
Tęgorz, 146
Tradigist, 135

Třebiz, 71
Trébouň, 172
Triebun, 172
Trzebowidz, 71
Trzebunia, 173
Trzebuńka, 173
Tuchen, 246
Tucheband, 47
Tüchen, 246
Tuchom, 246
Tuchom', 246
Tuchomka, 246
Tuchomko, 246
Tuchoměřice, 47
Tuchomyšl, 47
Tuchoraz, 47
Tuchomskie, 246
Tuchonie, 246
Tuchořice, 259
Tuchorza, 259
Tuhobor, 146
Tuhohošt, 146
Tuhošt', 146
Turdumere, 71
Turkovice, 269
Turkovići, 269
Turkowice, 269
Tušimice, 246
Tuszyna, 246
Tuszymka, 246

Ugoszcz, 139
Úhošt', 139
Úhošt'any, 312
Ulucz, 83
Umiř, 56
Uněmiř, 56
Ušciądz, 157

Ušciąz, 157
Uscienice, 157
Ušcimów, 157
Ušciszwice, 157

Varaščina, 193
Vehlgast, 130
Velagošti, 130
Velebądz', 64
Velebor, 249
Velebudice, 64
Velebužd, 64
Velegošč, 130
Velemín, 248
Veleň, 105
Velenice, 105
Velihost', 130
Veliko Radobilje, 243
Velim, 247
Velim', 248
Velimje, 248
Velin, 248
Vidhošt', 143
Vidhostice, 143
Vidomirić, 47
Vřdoň, 104
Vřdonice, 104
Vielen, 248
Villebanse, 64
Vinogošt, 140
Vislava, 239
Vítanovice, 104
Vůtkov, 346
Vítonice, 103
Vítonja, 103
Vítoslav, 239
Vítoslavice, 238
Vlhošt', 130

Vojnag, 283
Volegošć, 130
Volgost, 130
Vyteniškiu, 103

W*alksfelde*, 130
Weczmer, 322
Welim, 248
Welin, 248
Wereszczyn, 193
Wereszczyna, 193
Wereszczyńska Wola, 193
Widogoszcz, 143
Widomla, 245
Wieleni, 105
Wielenin, 105
Wielenino, 105
Wieloborowice, 249
Wieluń, 105
Wierzch Ostapiuków, 319
Wierzchostaw, 156
Wilgoszcza, 130
Wilkoszcza, 130
Witaniow, 104
Witanojce, 104
Witanowice, 103
Witanowszczyzna, 103
Witków, 346
Witkowice, 346
Witkowo, 346
Witonia, 103
Witoniz, 64
Witoslak, 238
Witoslaw, 238, 239

Witów, 346
Witowo, 346
Witrogoszcz, 142
Wielgoszcz, 130
Włostów, 187
Włostowa, 187
Włostowo, 187
Wobbanz, 326
Wogastisburg, 139
Wojbądz, 326
Wojslawice, 64
Wojslawka, 64
Wolgast, 130
Wologoszcz, 130
Wolostec, 187
Wolostycz, 187
Woynesz, 283
Wydgoszcz, 143
Wydoń, 104
Wyłym, 248

Z*awidów*, 89
Zawidz, 89
Zbyska, 219
Zbysze, 219
Zbyszewo, 219
Żelgoszcz, 141
Żelgoszczek, 141
Żelgoszczówka, 141
Želigošt, 141
Želigošt', 141
Želigoszcz, 141
Žeromin, 333
Žeroslawka, 52
Žestov, 195

Županie, 195
Žyromino, 333

Β*ελιγώστης*, 130

Δ*ραγότζη*, 148

Κ*ίοβα*, 210
Κωστελουπ, 65

Μ*ικρογούζι*, 131
Μοροσκλαβον, 61

Ρ*αδοβόλη*, 243
Ραδομίρ, 68

Σ*ανταμέρι*, 324

Τ*ριβέρι*, 314

Ζ*ηλεούστ*, 141

Индекс имен и обозначений лиц

- Агофон Калика*, 273
Адрам, 62
Акулина, 319
Анастас, 121
Анастасий, 121
Анастасия, 121
Анастасо, 121
Андрей, 62, 259
Андрогость, 63
Андромах, 62
Андрон, 62
Андроник, 62
Аникей, 371
Аркадий, 119
Аркадь, 119
Артем, 201
Афанас, 121
Афанасий, 121, 175, 273
Афоня, 121
Африкан, 357
Африкант, 357
Ахромей, 357
- Б**
Бежан, 317
Баба, 36
бакуня, 196
Баран, 76
Барда, 358
Бардак, 358
Бардин, 358
Бардун, 358
Бардич, 358
Бардуниан, 358
Баруткины, 111
баян, 196
Бежан, 317
Бежанко, 317
Бездѣдъ, 89
Безуевая, 170
Безуи, 192
Бигич, 275
бискутъ, 276
бѣглянинъ, 316
бѣжанинъ, 316
бѣжичи, 316
бѣжлянинъ, 316
- бѣжъ*, 316
Бѣлына, 95
Боја, 341
Бојан, 341
Бојица, 341
Бобръ, 309
Боголюбъ, 320
бодричи, 288
Болко, 86
Болковъ, 86
Болкоша, 86
Болкошынъ, 86
Болкуновъ, 86
Болкунъ, 86
Болохъ, 206
Болсун, 206
Болсуновы, 206
Болт, 206
Болта, 86, 206
Болтины, 86, 206
Болх, 206
Болхъ, 206
Болч, 205

Борзик, 112
Борзой, 112
Борзун, 112
Борис и Глеб, 119, 197
Борисъ, 119
Борко, 344
Борков, 344
борковцы, 344
Боров, 294
борович, 297
боровитин, 296, 297
Боровитин, 296
Боровитинов, 296
боровичане, 296
боровичи, 287, 296, 297
Боровлевы, 294
боровляне, 297
боровлянин, 297
боровские, 289
боровчане, 297
боровчанин, 297
Борота, 111
Борута, 102, 110
Борутка, 111
Боруть, 110
Борыня, 95
Борько, 344
Боянь, 36, 341, 342
Брад, 218
Братил, 250
Братила, 250
братилю, 250
Братилю, 250, 307
братиловичи, 287, 306
Братиловичъ, 250
Братиль, 250, 307
Братонѣзь, 139
Братонѣжско, 139
братучед, 56
Братъша, 140, 332

Братята, 139
Брахъ, 219
Бретъ, 320
Брз, 112
Брзеј, 112, 206
Будим, 247
Будима, 247
Будимеров, 39
Будимеръ, 39
Будимир, 247
Будимиръ, 226
Будимко, 247
Будимъ,-а, 247
Будислав, 73
Будиславъ, 73, 226
Будиша, 226
Будогость, 26, 133
Будомиръ, 247
Будомъ,-а, 247, 249
Будославъ, 73
Будота, 36, 202, 256
Буслав, 63
Буславъ, 63
Бута, 271
Бутко, 271
Бутов, 271
Буть, 270
Бъдислав, 73
Бълтъ, 206
Бълчь, 204
Бърза, 112
Бързей, 112
Бързен, 112
Бързой, 112
Бързь, 41, 112
Быславъ, 63

Вадимиръ, 339
валдайцы, 289
Варфоломей, 357
Васильевич, 235, 269
Велеба, 248, 249
Велеборъ, 249
Велегост, 129
Велегость, 129
Велем, 247
Велен, 104
Велена, 104
Велиба, 248, 249
Велигост, 129
Велил, 106
Велиль,-о,-а, 106
Велим, 247
Велимиръ, 247
Велимъ,-а, 247, 249
Велѣнь, 104, 105, 248
Велько, 106
Вельмиръ, 248
Велян, 104
Вереща, 192
верещага, 193
Верещага, 193
Верхуслава, 156
Вечеслов, 73
Видан, 104
Видемиръ, 46, 245
Видим, 246
Видима, 246
Видимир, 46
Видимиръ, 43, 46, 75,
245
Видимиръ, 39, 45, 46,
321
Видимко, 246
Видимъ, 245
Видовъ, 47
Видогость, 47, 143

Видомиръ, 46, 47, 75, 245
Видомъ,-а, 245, 249
Видонъ, 104
Видонъко, 104
Видославъ, 47
Видъ, 47
Витан, 103
Витановичъ, 103
Витанъ, 103
Витко, 346
витковъци, 346
Витон, 103
Витонъ, 103
Витославичи 238
Витославичи, 238
Витославъ, 238
Витъ, 346
Витъко, 346
витковъци, 286
Владимир, 43
владыка, 277
Власий, 352
Власта, 187
Властимир, 187
Власто, 187
Власть, 353
Војимир, 239
Војин, 272
Војица, 272
Војко, 272
Војнег, 283
Водовиковиць, 236
Воегость, 137, 160
Воемир, 239
Воеславъ, 137
Вожикъ, 270
Вожко, 270
Воигость, 127, 127, 137, 155, 162, 163, 236, 244
Воимир, 239
Воимиричь, 288
Воимиръ, 239
Воимѣръ, 239
вои, 272
воин, 272
Воин, 272
Воинѣзь, 283
Воинов, 272
Воинъ, 95, 272
Воиславъ, 64, 137
Воинег, 283
Войнов, 272
Войняг, 283
Волк, 76
Володимириць, 236
Володимѣръ, 43, 46
Волос, 353
Волосовичъ, 353
Волость, 187
Волось, 352
Волоть, 282
Воронъць, 36
Врецько, 193
Всеволодиць, 236
Всеволодичъ, 236
Вукосав, 163
Выдома, 246
Вышата, 172
Вышатичъ, 236
Вышковиць, 236
выянинъ, 309
Выянинъ, 310
Въсеславъ, 64
Вънѣзь, 241
Вячемѣръ, 322
Вячеслав, 44, 323
Вячеслов, 73
Вячесловы, 73

Гаврила, 161
Гастовтъ, 65
Георгий, 62
глупыи, 42
Говиша, 332
Годыня, 95
Гораздъ, 283
Горбыня, 95
Гориславичъ, 324
Гориславичъ, 233, 234, 324
Гориславъ, 324
Горѣславъ, 324
Городолобъ, 65
городъчане, 310
горшаны, 289
горшечники, 289
Гославъ, 54
Гост, 168
Гостена, 167
Гостиборъ, 249
Гостибыль, 249
Гостивитъ, 65
Гостила, 167, 334
Гостиль,-о,-а, 106, 167, 307, 334
Гостильць, 167
Гостимер, 242
Гостимир, 242
Гостимѣръ, 126
Гостомъ, 308
Гостомысль, 126, 167
Гость, 167, 168, 308
гость, 168
Гостько, 167

Гостька, 167
Гостьо, 168
Гостята, 36, 167
Григорий, 192, 220,
269
Григоричь, 234
Григорь, 234
Григорь, 234
Григша, 332
Григша, 192
Грихно, 220
Груз, 175, 273
Груза, 175, 273
Грузов, 175, 273
Грузь, 273, 281
губляне, 310
гуцееды, 81
гъбничи, 288

Дабрыня, 340
Давид, 47
Давыд, 47, 115
Давыд Прибыша, 215
Дамиан, 359
Даниил, 338
Данила, 170
Даниловъ, 170
Данслав, 338
даньславцы, 338
Даньславъ, 338
Демша, 332
Демьянъ, 278
Держимиръ, 190
Держиславъ, 190
Держко, 190, 191
Деснивъ, 36
десятьщане, 310
Дивей, 144

Дмитрий, 88, 128,
189, 246, 296, 371
Дмитроня, 371
Дѣдила, 250
дѣдичь, 236
Добрила, 170, 334
Добрило, 106, 172, 333
Добровить, 67, 272
Доброгост, 149, 162
Доброгостий, 128,
149, 162
Доброгость, 127, 128
Доброгость, 127,
149, 161, 162, 163,
245, 253
Добромиръ, 43, 46
Добромысль, 36, 61
Доброслава, 51
Доброславъ, 51, 345
Доброст, 321, 330
Добрость, 330
Добрына, 95, 339
Добрынко, 340
Добрыня, 95, 209,
339, 340
Добрыцевичъ, 306
Добрычь, 306
Добрычевичъ, 234
Долгославъ, 44
долыня, 95
Дом, 299
Домагость, 127, 144,
162
Домажир, 36
Домажировичъ, 233
Домажиръ, 36, 212
Домарадъ, 299
Домаславъ, 44
Домаха, 299
Домаш, 299

Домец, 299
Доминик, 299
Домка, 299
Домко, 299
Домо, 299
доможир, 39
Доможир, 36, 39
доможирко, 39
доможирник, 39
Доможиров, 39
Доможировы, 39
Доможиръ, 39, 299
Домославъ, 44
дороганицы, 287
Дорогинин, 227
дороганичи, 287
Дорогобудъ, 49, 50, 147
Дорогожить, 148
Дорогомил, 147
Дорогони, 227
Дорогонѣзь, 147
Дорогонѣжичъ, 233,
234, 236
Дорогость, 147
Дорогоча, 196, 227
Драгаи, 148
Драгобуд, 49
Драголюб, 147
Драгомил, 147
Драгомил, 147
Драгослав, 147
Драгош, 148
дреговичи, 288
дубляне, 309
Дубоня, 368
Душила, 170
Държко, 190
Държько, 190, 191

Еванъ, 280, 344
Евиа, 332
Ежов, 270
Елена, 208
Емельян, 371
Емельяхно, 250
епископль, 121
Есифовичъ, 234

жабляне, 310
жабъняне, 310
Жадъко, 327
Жданъ, 84, 87, 95
Ждамиров, 213
Желигост, 141
Желегостъ, 141
Желъгостъ, 141
Жест, 195
Жестов, 195
Жестъ, 195
жид, 50, 266
Жидило, 106
жидъ, 266
Жизнобудъ, 49, 326
Жията, 333
Жиробудъ, 326
Жировитъ, 67, 154,
272, 326
Жирослав, 52
Жирославичъ, 52
Жирославъ, 52, 53,
154, 217, 250, 326,
333, 345, 357
Жирохъ, 172
Жирочка, 195
Жирята, 217, 332, 333
Жирятиничи, 332
Жирятъка, 332

Житобудъ, 49, 50,
57, 325, 326
Жост, 195
Жупан, 194
Жюпанко, 194
Жюпанъ, 194

Завид, 89
Завида, 89
Завидичъ, 236
Завидъ, 41, 48, 88
Завижая, 89
загородъци, 286
заожеричъ, 288
заозеричи, 287
Збуд, 90
земьць, 276
Земьць, 276
Злоба, 110
Злобин, 110
Злыгостев, 149
Зуб, 76
Зушковъ, 159
Зушкевичъ, 234
Зуйко, 172

Иван, 266, 280
Иван Постник, 115
Ивановичъ, 233
Иванъ, 119
Ивор, 356
Иворъ, 282, 356
избоищанинъ, 289
избоищянъ, 289
Избудъ, 90
Измиръ, 155

Изяславичъ, 234
Изяславъ, 125, 183,
234, 237
Илка, 279
Инозем, 140
Иносав, 140
Инослав, 140
Иоаннь, 343
Иоанъ, 343

Калика, 273
калика, 273
каменские, 289
Киевич, 209
киевичи, 211
киевляне, 211
Кир и Иван, 360
княжсий, 121
княжъ, 121
козоеды, 81
Кои, 144
Койка, 144
Койко, 144
Койна, 144
Койнак, 144
колбиньць, 289
Константинъ, 117
конъчане, 286
Конюхов, 356
коржа, 351
коржавище, 351
коржак, 351
коржсевище, 351
Коржъ, 350
Корибуд, 159
короед, 77
король, 106

король, 106
Коснила, 198
Коснятинъ, 118
костромитин, 288, 297
костромич, 288
костромичи, 288, 297
Костянтинъ, 118
которяне, 312
Коулотька, 200
Коча, 154
Кочев, 154
Кочева, 154
Кочень, 154
Кочиъ, 208
Кочур, 154
Коя, 144
Кречко, 223, 224
Кречков, 223
Кречь, 223, 224
Кривец, 224
Кривцов, 224
Кривъ, 172
Кривъць, 224
Крискентианъ, 278
Крискентия, 278
Крискентъ, 278
Крисценция, 278
Кромъжиръ, 212
Кръчко, 223
Кръчо, 223
Кръстяница, 278
Кряч, 223
Ксен, 199
Кснятинъ, 118, 183, 199
Кузьма, 197, 234
Кузьма и Дамиан, 197
Кузьминична, 235
Кузьминичъ, 235
Кузьминъ, 235
Кузьмич, 235

Кузьмичъ, 234, 235
Кулота, 200, 202, 256
Кулотиничъ, 234
Къснятинъ, 117, 198, 199
Късьнила, 198
Къи, 209
Къико, 209
кыяне, 211

Лавръ, 281
Лада, 43
Ладенок, 43
Ладень, 43
Ладимир, 43
Ладимиръ, 43
Ладимѣръ, 43, 44
Ладмѣръ, 75
Ладной, 43
Ладомѣръ, 42, 43, 44, 46, 75
Лазоръ, 357
Лазвъько, 357
Ларион, 196
Ларьян, 196
Легоста, 108
Легостаевы, 109
легостай, 109
Легостин, 109
Легостъ, 109
Леонид, 220
Леохно, 220, 250
лехитский, 265
Лихоча, 195
Лодыга, 36
лосытинские, 289
Лубоѣдъ, 80
Лугота, 202, 256

Лудиславъ, 44
Лука, 119, 279, 307, 360
Лудъславъ, 44
лукиницы, 286
лукинич, 286
Лукиничъ, 288, 307
лукинци, 286
Лукинъ, 360
луховитин, 288
Люба, 171
Любанъ, 203
Любегость, 162
Любля, 204
Любовидъ, 66
Любог, 161
Любогость, 161
Любостъ, 258
Любота, 202, 256
Любохно, 250
Любута, 284
Любъ, 171
любытинцы, 289
Любятя, 171
Любятъ, 171
Людигость, 163
людинъци, 286
Людмил, 342
Людмила, 342
Людогость, 342
Людьгостиничъ, 162, 342
Людьгость, 342
Лютовидъ, 48, 272
Лютой, 102, 271
Ляхове, 265
ляховецкый, 265
ляховинскый, 265
ляховицкый, 265
Ляхъ, 41, 265, 266

Ляшко, 265
ляшский, 265

Маланья, 319
Малашка, 319
Маль, 172
мальши, 42
Малята, 256
Мана, 368
Мане, 368
Манисав, 368
Манислав, 368
Манић, 368
Маниха, 368
Манихин, 368
Манища, 368
Маниша, 368
Манка, 368
Манко, 368
Мануха, 368
Мардарий, 267
Мартемьянь, 267, 268
Мартинианъ, 267
Мартинъ, 267
Мартирий, 267
Матвей, 319
Махно, 250
Менюх, 113
Менюхов, 113
Милгост, 136
Милета, 187
Милетко, 187
Милка, 188
Милко, 188
Милобудъ, 66, 67, 160
Милогост, 136
Милогость, 36, 160,
161, 162, 163

Милогъ, 162
Милонѣгъ, 66, 160
Милослава, 320
Милославъ, 160
Милость, 41, 258, 330
Миль, 36
Милько, 188
Милько, 188
Милюта, 187
Милютна, 187
Милята, 160, 187
Милятичь, 187
Милятиниць, 187
Миробудъ, 67, 241
Мирогость, 161, 217,
220
мироед, 81
Мирозаръ, 125
Миролюбъ, 125
Миронегъ, 125
Миронѣгъ, 59, 60,
130, 212
Мирослав, 60
Мирослава, 60, 239
Мирославъ, 44, 60, 125
Мирславъ, 44
Мирюта, 236
Мирята, 217, 236, 256
Мислигост, 150
Мисло, 262
Мисльо, 262
Митр, 241
Михаш, 62, 359
Михашловиць, 236
михайловиць, 359
Михослав, 62, 163
Мѣробудъ, 67, 241
Мѣстила, 170
Мѣстиловъ, 170
Моглогость, 318

Моеславъ, 44
Моиславъ, 44
Молва, 256
Молвянин, 256
Молибог, 138
молокоеды, 81
Молотько, 348
Молчан, 256
Мордка, 267
Морозъ, 270
Мортка, 267
Морткиничъ, 267
Мортъкиничъ, 267
москвитин, 288, 297
москвич, 288
москвичи, 288, 297
Мстиславичъ, 234
Мстиславъ, 234
Мужило, 251
Мутижиръ, 324
Мыслигость, 149
Мыслок, 262
Мысль, 168, 262
Мыслята, 111
Мыслятиниць, 112
Мъстонъ, 104
Мѣлва, 256

Надѣ, 83
Нажиръ, 36, 83, 212
Намѣсть, 83
Намѣстько, 172
Насиль, 83
Наславъ, 83
Наста, 121
Насте, 121
Настка, 121
Насто, 121

Настъ, 121, 281
Настя, 121
Небыль, 327
Небытов, 327
Невадь, 87
Невер, 37
Невера, 329
неверный, 329
Неверов, 37
неверок, 329
Невзоръ, 178
Невидъ, 85, 90, 91, 132
Невѣровици, 329
Невѣровичъ, 233
Невѣръ, 37, 329
Нег, 67
Негода, 263
Негодин, 263
Негодъ, 236
Негослав, 242
Негость, 132, 133, 253
негость, 133
негостья, 133
Негостев, 132
Недабил, 244
Недабыль, 244
Недамир, 244
Недаш, 188
Недашь, 188
Недовесков, 87
Недомолва, 87
Недомысль, 87
Недопузин, 87
Недорезов, 87
Недосека, 87
Недоступка, 87
Недошбин, 87
Недошив, 87
Недошивка, 87
Нежданъ, 37, 84, 87,
 180
Незван, 87
Незванов, 37, 87
Незда, 178
Нездил, -о, -а, 178
Нездила, 178, 179
Нездило, 178
Нездиловичъ, 179
Нездин, 178
Нездиничъ, 178
Нездыловъ, 179
Нездя, 178
Незнанов, 37
Неклюдов, 84
Некрасов, 37
Некрась, 36, 37, 85
Нелаев, 330
Нелюбин, 37
Нелюбиша, 172
Немлка, 88
Немилъ, 88, 180
Немого-Оболенский, 189
Немои, 189
Немоика, 189
Немой, 180, 189
Ненаш, 189
Ненашь, 180
Нерадьць, 91
Нерадь, 91
неревляне, 286
Неродъ, -а, 91
Неродов, 91
Несда, 178
Несдила, 184
Несдиль, -о, -а, 178
Несдичевая, 178
Несдичъ, 178, 233
Несдыла, 184
Несудъ, 85
Несуль, 85, 132, 178
Несьда, 85, 132, 178,
 179
Несьдиль, -о, -а, 178
Несьдичъ, 179
Несдыла, 179
Неугодъ, 41, 263
Неуклюд, 84
Нехорошь, 37, 84, 87
Никитич, 235
Никитична, 235
Никитичъ, 236
Никита, 359
Николай, 62
Никослав, 62, 163
Нин, 212
Нина, 211
Нинко, 211
Нино, 211
Нинонѣгъ, 212
Нинос, 212
Нинѣка, 211
Нинѣкиничъ, 211
Нинѣко, 211
Нѣговитъ, 67, 131, 272
Нѣгожиръ, 131
Нѣгорадь, 131, 195
Нѣгославъ, 195, 242
Нѣгосѣмъ, 131
Нѣгоцевичъ, 195, 236
Нѣгоць, 36, 195
Нѣгошька, 191
Нѣгъ, 168
Нѣгъша, 191
Нѣжата, 257, 282
Нѣжатиичъ, 69, 257
Нѣжатка, 257
Нѣжаткина, 257
Нѣжебуодиць, 236

Нѣжебудичь, 233,
234, 235, 236
Нѣжебудъ, 131, 234, 235
Нѣжебужичь, 235
Нѣжикъ, 191
Нѣжка, 191
новгородици, 287
Новомир, 46
новосел, 151
новъгородьци, 286
новъгорожане, 286
новъгорожянинъ, 286
Нудмир, 155
нутарь, 367
нутник, 367
нутыникъ, 367
Нѣзовить, 67
Нѣжата, 36
Нягой, 67
Нягиа, 191
Нягио, 191

Обидь, 48
Обидѣнь, 36
ободричи, 288
Оболта, 86, 87
Обрад, 218
Обрада, 218
Обрадац, 218
Обрадило, 218
Обрадин, 218
Обрадиць, 236
Обрадовичь, 218
Обрадъ, 218, 241
Обълта, 87
Огафан, 196
Огафон, 196
Ожеѣды, 321

озерици, 287, 303
озеричи, 287, 310, 315
озерчане, 303
озеряне, 315
Олег, 215
Олекса, 279
Олександровичь, 234
Олекша, 332
Олух, 76
Ольгов, 215
Ольгъ, 215
Омельян, 371
Ондръ, 62
ониполовичи, 286
Онѣ, 321
Оногость, 156
Оньковичь, 234
Орел, 76
Орогость, 162
Остронѣгъ, 61
Охромей, 357
оцера, 350

Павиа, 332
Парамон, 196
Парфений, 88
пентюх, 113
Перенѣгъ, 92, 155,
241, 339
Перун, 217
Пест, 28, 210
Пестов, 28
Пестовы, 28
Петрила, 170
Петрович, 235
Петряичь, 234
Пир, 217
Пирко, 217

пирник, 217
Пиро, 217
Пиров, 217
Пирр, 217
Пирутин, 217
Пирько, 217
пирянин, 217
пискуть, 276, 365
пищаничи, 287
Плоскына, 95
Плоскыня, 95
пльсковици, 236
пльсковичи, 287, 288
Погвиздъ, 330
Подлес, 151
Подлесов, 151
Подобед, 151
Подобедовы, 151
Подрез, 151
Позвиздъ, 330
Полюдов, 37
Полюдъ, 36, 37, 92
Понѣгъ, 192
порѣчане, 309
Пороман, 196
порусы, 362
Порх, 177
порхайка, 177
Порхан, 177
Порхачев, 177
Порхов, 177
порховка, 177
порховица, 177
порховичи, 287
Порхъ, 176, 177
Поршень, 177, 178
посадничий, 121
посадничь, 121
Потка, 346
Потко, 346

Пребѣд, 84
Прибило, 214
Прибудѣ, 85
Прибыла, 214
Прибыльца, 214
Прибыток, 215
Прибыша, 214
Прибышиничь, 215
Прокиа, 332
простынница, 95
простыня, 95
пруси, 363
Прусоя, 364
пруссы, 362, 363
Прусь, 364
пруссы, 362
Прожневичь, 306
Прыбыль, 214
Прыбыльскі, 214
псковитин, 288, 297
пскович, 288
псковичи, 288, 297
Пустобояров, 79
Пусторосль, 79
Пустоселов, 79
Пустоцвет, 79
Путьша, 332
Путьята, 172
Пърхъ, 176
Пяташа, 228
Пятъи, 228

Рабиичь, 276
Рагоза, 76
Радгость, 243
Радигость, 162
Радила, 107, 334
Радиль, -о, -а, 107

Радислав, 68
Радиславъ, 68
Радко, 252
Радмила, 243
Радобил, 243
Радобудѣ, 57, 59
Радобыль, 243, 329
Радовидъ, 57
Радогость, 124, 134, 161, 162, 163, 253
Радомиръ, 67
Радомѣръ, 67, 68
Радомъ, -а, 68, 249
Радонегов, 68
Радонѣзь, 68
Радославъ, 58, 68
Радславъ, 58
Радуј, 226
Радујко, 226
Радуи, 226
Радуї, 226
Радул, 108
Радула, 108
Радуле, 108
Радуль, 108
Радъко, 172, 252
Радъславъ, 58
Радъслаличь, 58
Радята, 348
Радятиничь, 349
Рамислов, 194
Рамсион, 194
Рамышь, 194
Раско, 347
Раславъ, 58
Растко, 347
Ратимиръ, 44
Ратимѣръ, 69
Ратиславъ, 58
Ратман, 69

Ратмир, 46, 69
ратчинские, 289
Ратъмиръ, 44, 69
Ратъмѣръ, 69
Ратъславъ, 58
Ратъша, 332, 334
Рах, 220
Раха, 220
Рахил, 221
Рахин, 221
Рахно, 221
Рахо, 220
Раховичь, 220, 221
Рахослав, 221
Рахут, 221
Рахъ, 220, 222
Рахъно, 222
Раи, 221
Раиан, 221
Раико, 221
Раинович, 221
Раио, 221
Раиун, 221
Раиута, 284
Раишко, 221, 222
ржевитин, 288
ржевич, 288
ржевичи, 288
Рикиничь, 236
Рѣкинничь, 236
робица, 276
робичичане, 275
робичичь, 276
робичиць, 276
Рогота, 256
Роде, 254
Родиг, 207
Родигин, 207
Родигъ, 259
Родий, 207, 254

Родион, 196, 207
Родионъ, 221, 254
Родислав, 254
Родиславъ, 58, 221, 254
Родослав, 68
Родславъ, 58, 254
Родъ, 254
Розвадиць, 339
Розвадь, 339
Роздамиръ, 69
Рознѣзь, 339
Романичь, 234
Романовиць, 236
Романъ, 221, 234
Романъ, 234
Рославъ, 58
Рослый, 58
Росляк, 58
Ростила, 347
Ростиславичъ, 234
Ростиславличъ, 234
Ростиславович, 235
Ростиславъ, 58, 221, 234, 347
Ростихъ, 347
Ростко, 347
ростовичи, 287, 290
ростовцы, 287, 290
ростовчане, 290
Росток, 347
Ростъславъ, 58
Ротко, 254
Рох, 222
Рошко, 222
Русомир, 163
рушане, 289, 291
ръжжевичи, 287
Рюриковичъ, 236
Рядко, 348
рядовитин, 288, 305

Рядогость, 136
Рядята, 256, 348

Саморуб, 77
самострел, 77
Сахно, 250
Сбуд, 90
Сбыслава, 219
Сбыславъ, 219
Сбышика, 218, 219
Сбышикиничь, 218
Света, 269
Светић, 269
Светко, 269
Свѣтлой, 268
Свѣтлый, 268
Светозар, 269
Светычские, 268
Свѣтик, 268
Свѣтило, 268
Свѣтлик, 268
Свѣтъ, 268
Сдила, 194
Сдилка, 194
Сдыла, 194
Сежиръ, 70, 179, 212
сеземець, 212
Селила, 170
Селята, 256
Семкиничь, 234
Середа, 153
Середней, 153
Середоха, 153
Сеслав, 69
Сеславъ, 69
Сѣславъ, 69
Симан, 196
Симон, 196

Синкиниць, 236
Скнула, 198
Скниль, 198
Скнятинъ, 117, 199
Скоромир, 46
Слава, 345
Славко, 345
славяне, 286
Славогость, 149
Славомир, 46
Славомиръ, 46
Славонѣжичъ, 233
Слаута, 102, 284
Славъко, 345
Смолиговъ, 259
Смолигъ, 41, 207, 259
Смоляга, 259
Сновид, 36
Сновидов, 36
Сновидъ, 48
Собина, 332
Собко, 332
сокольничий, 121
сокольничъ, 121
Солмиръ, 44
Сольмиръ, 44, 150
софьяне, 286
Спасимир, 46
Станимиръ, 44
Станиславъ, 192
Станьмиръ, 44
Станьшиа, 192
старорусцы, 289
Стежиръ, 212, 213
Степан, 220
Степан Зуб, 115
Степанъ, 281
Стехно, 220, 281
Стоинѣзь, 138
Страдославъ, 79

Страхимир, 331
Страхиња, 331
Страхонь, 331
Страхота, 202, 256,
331
Страхъ, 331
Страшко, 331
Стужъ, 36
Стуковичъ, 234
Судимиръ, 323
Суморок, 76
Сухина, 227
Сухына, 41, 227
сущевские, 289
Събудъ, 90
Събышкиниць, 218
Съновидъ, 36
Сыповичъ, 288
Сычевичъ, 234

т*веритин*, 288, 297
тверич, 288
тверичи, 288, 297
Тверьшиа, 332
Твърдиславъ, 73
Твърдомиръ, 71
Твърдята, 94, 256
Твърдячь, 94
Тереболя, 173
Теребонѣзь, 53
Теребунец, 173
Теребунъ, 172, 173
Терентий, 279
Терех, 279
Тихомиръ, 42
Тихонъ, 42
Тихъ, 42
Тихыи, 42

Тишько, 42
Тѣхонъ, 94
Тѣхонь, 94
Тѣхута, 258
Тѣхъно, 258
Тѣшяя, 258
Тѣшенъ, 258
Тѣшила, 258
Тѣшько, 258
Томило, 76
Точковичъ, 236
Требел, 173
Требло, 173
Требун, 172
Трилобъ, 154
туземец, 212
Тужъ, 271
Тур, 154, 269
Турик, 154, 269
Турисав, 154, 163
Турица, 306
Турко, 41, 154, 269
Туров, 154
Тур, 41, 269
Турков, 269
Турько, 269
Турьга, 154
Турый, 306
Туряк, 154
Тухол, 48
Тухом, -а, 246, 249
Тушем, 246
Тушим, 246
Тушимъ, -а, 246, 249
Тютъка, 171
Тютъко, 171

У*гость*, 139
уи, 284
Уика, 284
Уйко, 284
уличане, 286
Умковичъ, 234
Унѣгость, 156
Унѣмиръ, 56
Унѣмѣръ, 56
Утех, 93
Утеха, 93
Утеи, 93
Утѣхъ, 94
Утухъ, 93, 94
Утахо, 93

Ф*едор*, 359
Фелкс, 279
Филиксъ, 279
Филисть, 279
Фились, 279
Фларевичи, 232
Фларевичъ, 232
Фларевъ, 196, 232
Фларъ, 196
Фларъ, 196, 232, 279,
357
Флор, 196
Флоръ, 196, 279
Фоминиць, 236
Фоминична, 235
Фоминичъ, 234
Фомич, 235
Фрал, 197
Фраль, 197
Фраръ, 357
Фрелав, 357
Фрол, 196, 197

Фрол и Лавр, 197
Фроль, 279

Харлам Мордка, 267

хлебодеды, 81
Хода, 98
Ходин, 98
Ходина, 98
Ходота, 98
Ходула, 99
ходуница, 99
Ходунь, 95
Ходута, 98, 102
Ходутиничь, 98
Ходутины, 98
Ходыка, 98
Ходына, 98, 99
Ходынич, 98
ходынич, 97, 292
Ходыня, 98
Ходырь, 98
холмтяне, 290
Хонь, 94
Хонь, 94
Хорошь, 84, 87
Хот, 261
Хот(и)миръ, 240
Хот(ѣ)миръ, 240
Хота, 182
Хотен, 36, 260
Хотенков, 260
Хотимиръ, 187, 240
Хотимъ, 182, 186, 249
Хотимько, 186
Хотин, 182
Хотинъ, 100
Хотко, 261
Хотмиръ, 187

Хотѣбудъ, 57
Хотѣмиричь, 240
Хотѣмиръ, 187, 240
Хотѣмько, 186
Хотѣна, 260
Хотѣнь, 95, 102, 105,
172, 182, 260
Хотѣнько, 260
Хотѣславецъ, 61
Хотѣславко, 61, 62
Хотѣславъ, 61
Хото, 261
Хотобудъ, 57
Хотов, 261
Хотовить, 261
Хотович, 261
Хотовичъ, 233, 261
Хотомиръ, 187
Хотославъ, 62
Хотунъ, 100, 101, 102
Хотута, 171
Хотутъ, 171
Хотъ, 168, 182, 233,
261
Хотѣнь, 36, 41, 100, 101
Хотына, 100, 170,
182, 185
хоть, 182
Хоть, 182
Хотьвигъ, 261
Хотьжсъръ, 242
Хотьша, 332
Хочемиръ, 187
Хочень, 101, 102, 105
Хоцута, 262
Храрь, 196, 357
Хрол, 196
Хроленко, 196
Хрумкиничь, 234
Хрушкиничь, 234

Чагост, 145
Чагость, 72, 145
Чаславъ, 72, 145, 282
Чедомир, 56, 145
Ченей, 194
черениане, 309
черньчане, 309
Черната, 111
черница, 365
Черница, 365
черницинци, 365
Чернобаев, 56
Чернобесов, 56
Чернобровкин, 56
Черногуб, 56
Черногуз, 56
Чернята, 111, 172,
199
Чернятин, 111, 200
Чеславъ, 72
чудин, 354
Чудин, 355
чудинец, 354
Чудинцев, 355
Чудинъ, 95, 355
Чудиньць, 355
чудь, 354
чухна, 354
Чьгль, 351
чьръньць, 277
Чьръньць, 277
Чьрънята, 111
Чюдинъ, 355
Чюдинько, 355
чюдиньцевци, 354
Чюдиньць, 354
Чюдька, 355
Чюдько, 355

Шетициници, 366
Шило, 281
Шуба, 309
Шумята, 172, 282
Шюбиниць, 236
Шюбиничь, 234

Щеря, 350
Щерка, 350
Щерько, 350
щира, 350
Щирко, 350
Щирько, 350
щирый дурак, 350
Щит, 152
Щитко, 152
Щорко, 350
Щюка, 36

Явидъ, 49
Яков, 295
Яковлев, 119, 295
Яковъ, 119
Якуновичь, 236
Якша, 332
Ян, 343
Яна, 343
Янек, 343
Яни, 343
Янко, 343
Янь, 343, 344
Янька, 343
Янь, 343
Яромиръ, 42, 43, 140
Яропълкь, 140
Ярославичь, 234

Ярославличь, 234
Ярославъ, 42, 140, 234
Ярош, 349
Ярошевичь, 234
Ярыш, 349
Ярышев, 349
Ярышевичь, 349
Ярышевъ, 349
Ярышь, 42, 349
ясеняне, 310
Ясигъ, 207, 259

Afreki, 357
Anadrag, 244

Bądislav, 73, 133
Bądzieciech, 133
Bandegast, 133
Barz, 112
Barzy, 112
Bdihost, 133
Bdzigost, 133
Bed(i)host, 133
Bedgost, 133
Będomir, 133
Belcz, 205
Belczko, 205
Beltaczka, 86
Beltek, 86, 206
Beltowicz, 206
Bezded, 89
Bezďed, 89
Bezďeda, 89
Bezdruh, 244
Bezďzad, 89
Bezii, 192

Bezmet, 83
Bezuj, 139, 192
Bialowieżycy, 288
Bieżan, 317
Biezdziad, 89
Biezdziadko, 89
Biezuj, 192
Bodzepor, 155
Boguwiad, 47
Bojan, 341
Bojanek, 341
Bojata, 341
Bojek, 341
Bojiša, 341
Bolcz, 205
Boljeljut, 83
Bořek, 344
Borko, 344
Bórko, 344
Boróučeč, 297
borovicy, 297
Borut, 110
Bořut, 110
Boruta, 110
Bořuta, 110
Borutha, 110
Božepor, 155
Brach, 219
Brachek, 219
Brachosz, 219
Branimir, 153
Branislav, 153
Bratumił, 219
Brat(r)umila, 219
Briuila, 214
Bronisław, 126
Brżak, 112
brzezicy, 288
Brzoń, 112
Budeša, 226

Budihost, 133
Budiš, 226
Budiša, 226
Budislav, 73, 74
Bud(o)slaw, 63
Budyš, 226
Budzisz, 226
Buslaw, 63
But, 271
Bút, 271
Buta, 271
Búta, 271
Butny, 271
Buto, 271

Č
Čád(a), 145
Čadek, 145
Časlavjv, 73
Čedomil, 56, 145
Čedomir, 55, 145
Čěmysl, 145
Černata, 111
Černěj, 206
Čěslav, 72
Čestimir, 228
Četka, 180, 182
Chocen, 101
Chocerad, 79, 129
Chocian, 101, 260
Chociebor, 129
Chociemir, 129, 240
Chocieslaw, 62, 129
Chocimir, 240
Choćimir, 240
Chocimka, 185
Chocislav, 62
Chocslaw, 62
Chod, 98

Chodata, 98
Chodiša, 98
Chodko, 98
Chodula, 99
Chodun, 99
Chot, 261
Chót, 261
Chotan, 260
Chotěbor, 129
Chotěbud, 57, 129
Chotek, 180
Chotěmer, 240
Chotěmír, 240
Choteń, 260
Choteń, 180, 260
Chotěn, 260
Chotibąd, 57
Chotibądz, 129
Chotim, 185
Chotimer, 240
Chotimír, 129, 240
Chotimko, 185
Chotimkowicz, 185
Chotimь, 186
Chotislav, 62
Chotko, 180, 261
Chótko, 261
Chotohost, 160
Chotomír, 240
Chotuna, 100
Chotymín, 185
Chotymka, 185
Chotyna, 100
Chotynka, 100
Chotynko, 100
Chotomь, 186
Chuten, 179, 180, 182
Ciechna, 258
Ciechuta, 258
Cieszek, 258

Crnobrat, 56
Crnomir, 56
Crnomuž, 56
Čstomir, 228
Czada, 145
Czadera, 145
Czadkovic, 145
Czawuj, 139
Czicbor, 228
Czeslaw, 72, 228
Czestek, 228
Czstek, 228

D
Dargaš, 148
Dargoš, 148
Derš, 190
Deržka, 190
Diržek, 190
Diržka, 190
Diržko, 190
Divislav, 144
Dnoslav, 152
Dobrina, 340
Dobrodrug, 244
Dobrogošcius, 128
Dobrogost, 128, 149
Dobrogostii, 128
Dobrogostow, 128
Dobrogostowa, 128
Dobrogoszcz, 128
Dobrohost, 149
Dobrost, 147, 330
Dobrostь, 330
Dobrovid, 47
Dobrovít, 67
Dobrožit, 50
Doma, 299
Domahost, 144

Domaslav, 45
Domaslaw, 45
Domislav, 45
Domislaw, 45
Domoslav, 45
Dragač, 227
Dragoča, 227
Dragožit, 50
Dragožito, 148
Drahobud, 49, 66
Drahobyl, 284
Drahoš, 148
Drogac, 227
Drogač, 227
Drogost, 147
Drogosz, 148
Držek, 190
Držka, 190
Dziviigor, 144
Dziwiślaw, 144
Dzrzek, 190

Ehlig, 208

Fēlix, 279
Flor, 196, 279, 357
Frealāf, 357
Freygeirr, 279
Freygerdr, 357
Freyleif, 357

Gojmir, 54, 328
Gojślav, 54
Gorazd, 283

Gorazdo, 283
Gorazdowski, 283
Gorazdъ, 283
Gorislav, 324
Gorzewslaw, 324
Gorzyslaw, 324
Gośc, 168
Gościmiar, 242
Gościmier, 242
Goslav, 54
Goslaw, 54
Gosta, 168
Gostek, 168
Gostimer, 242
Gostimir, 242
Gostka, 168
Gostomysl, 167
Goszcz, 168
Goztibil, 249
Goztomiuzli, 167
Granza, 175
Grąza, 175
Gręza, 175
Grzymislaw, 126

Helgi, 215
Helwig, 208
Hoděj, 206
Hojislav, 54, 328
Horazděj, 283
Horěslav, 324
Hoslav, 54
Host, 168
Hosta, 167
Hostibor, 249
Hostivít, 65, 67, 272
Hostko, 167
Huciech, 93

Īvarr, 356
Izbor, 155
Izbud, 90, 155
Izvēst, 155

Jarěj, 207
Jariš, 349
Jaroš, 349
Jarost, 103, 109, 330
Jarosz, 42, 349
Jarš, 349
Jan, 343
Januh, 343
Janko, 343
Jaňa, 343
Jela, 208
Jelica, 208
Jelka, 208
Jurgebog, 62
Jurgi, 62
Jutrocha, 142
Jutroň, 142
Jutroš, 142
Jutrosz, 142
Jutrowoj, 142
Jutrowuj, 142

Kænir, 211
Karastus, 283
Kazne, 198
Kchrezko, 223
Kijaszkā, 209
Kociemir, 240
Koj, 144
Kojan, 144
Kojata, 144

Kojeslav, 144
Kojić, 144
Kojt, 144
Konstantinus, 117, 199
Koya, 144
Koyan, 144
Koyasz, 144
Koyek, 144
Křeč, 223
Křeček, 223
Krechowicz, 225
Krehan, 225
Křehký, 225
Křehlík, 225
Krek, 225
Krěško, 223
Kroměžír, 139
Krzecz, 225
krzeczac, 223
Krzek, 225
Krzeko, 225
Късьне, 198

L'ub, 204
L'uba, 204
L'uban, 203
L'ubina, 204
L'ublinъ, 204
L'ubohost, 150
L'ubota, 202
L'udimir, 323
L'udzimer, 323
L'utbor, 272
L'utobor, 272
L'utohost, 272
L'utslav, 272
Ladimar, 43
Ladomirowicz, 43

laskovicy, 288
Lewblinus, 204
Lhán, 109
Lhýš, 109
Liudigast, 342
Ljuban, 203
Ljudislav, 342
Ljudmil, 342
Ljudmir, 342
Ljutbor, 83
Ljutobor, 83
Ljutohněv, 83
Ljutohost, 83
Ljutomil, 83
Ljutomir, 83
Ljutomysl, 83
Ljutorad, 83
Ljutslav, 83
Luba, 204
Luban, 203
Lubań, 203
Lubgost, 150
Lubo, 204
Lubost, 258
Lubota, 202
Lubowid, 66
Ludmila, 342
Ludomer, 342
Ludomir, 342
Ludzimila, 342
Ludzimir, 323
Ludzislav, 342
Lutobor, 83, 272
Lutognew, 272
Lutogniew, 83
Lutomir, 83, 272
Lutosław, 83

Man, 343, 368
Mań, 343, 368
Maň, 343, 368
Maňa, 368
Mańc, 368
Manča, 368
Maniek, 368
Maník, 368
Mano, 368
Mierosław, 131
Milboh, 62
Mileg, 161
Milegost, 136
Milegostъ, 161
Milěj, 206
Milek, 188
Milek, 188
Mileta, 187
Milgost, 136
Milihost, 136
Milobađ, 66
Milobud, 66
Milodziad, 55
Milogost, 136
Milost, 103, 147
Milost, 109, 330
Milota, 187
Milota, 187
Milouj, 139
Mirengen, 59
Mirochna, 220
Mironěg, 59
Mironěgъ, 59
Mironěha, 59
Mironieg, 59, 130
Mironig, 59
Mirosław, 130
Mirosław, 60
Mirost, 330

Mlat, 348
Mlatec, 348
Mlateček, 348
Mlotan, 348
Mlotek, 348
Mlotek, 348
Mloto, 348
Model, 138
Modlęta, 138
Modlibog, 62, 138
Modliboh, 138
Modlik, 138
Modlo, 138
Modul, 138
Moltan, 348
Moltek, 348
Mohwic, 256
Mściwuj, 139
Msta, 170
Mstěn, 104
Mstidruh, 244
Mstoň, 104
Mysl, 262
Mysł, 262
Mysłata, 112
Mysłatycze, 112
Mysłěj, 206
Mysłek, 262
Mysłeta, 112
Mysłok, 262
Mysłów, 262

N*nasta*, 121
Nastka, 121
Nebylczye, 327
Nechuten, 179, 182
Nechval, 132

Nedabył, 243, 244,
284
Nedamer, 244
Nedamir, 244
Nedaš, 188
Nedaška, 188
Nedažir, 213
Nedomil, 328
Nedomysl, 87
Nedrah, 132
Něgoslav, 133
Nekmir, 192
Nelepa, 132
Nemil, 88
Nemilek, 88
Nemoj, 189
Nerad, 91
Neróda, 91
Nevěrŕ, 329
Něz, 191
Nězata, 257
Nezda, 178
Nezvolena, 105
Něžъсь, 191
Něžъko, 191
Niebył, 327
Niedabył, 244
Niedamir, 69
Niedasz, 188
Niedomysl, 87
Niegosław, 133
Niegost, 132
Niegowiad, 47, 67
Niegowit, 67
Niegrod, 132
Niemila, 88
Niemoj, 132, 189
Niepor, 155
Nieprzebąd, 84
Nierad, 91, 132

Niesąd, 85
Niewiad, 47
Niewiarek, 329
Niezda, 178
Nieżek, 191
Nina, 211
Ninc, 211
Ninek, 211
Ninieć, 211
Nino, 212
Ninota, 211
Nosisław, 163
Nowosiódł, 151
Nudvoj, 155

O*bezd*, 241
Obid, 241
Obida, 48
Obraad, 218, 241
Obradec, 218
Obyd, 48
Ogost, 241
Omysł, 87, 241
Onodrag, 244
Onogost, 156
Onomysl, 156
Opor, 155
Oslav, 87, 241
Ostrobod, 61
Ostup, 87
otucha, 48, 246
Ozrak, 87

P*etrumila*, 62
Piast, 210
Podgorzycy, 288

Podles, 151
Podsad, 151
Podsąd, 151
Podsadko, 151
Přebor, 92
Přebud, 84
Přemysl, 92
Přibíš, 215
Přibiša, 215
Pribud, 85
Příbydruh, 244
Pribyl, 214
Příbyl, 214
Pribyla, 214
Przybysław, 63
Příbyš, 215
Příbyša, 215
Proněk, 153
Prostěj, 206
Przebąd, 84
Przebor, 92
Przemysl, 92
Przezbąd, 84
Przybelo, 214
Przybyła, 214
Przybyło, 214
Przybysz, 215

R*ach*, 220
Rachovec, 221
Rachut, 221
Racimiar, 69
Racmierz, 69
Radbor, 243
Raděj, 206
Radela, 107
Radhost, 134
Radil, 107

Radobyl, 243, 244,
284
Radost, 109, 147,
258
Radslav, 58
Radslaw, 58
Raduj, 226
Radyl, 226
Radzil, 107
Radohost, 134
Rameš, 194
Ramiesz, 194
Ramiš, 194
Ramisch, 194
Ramisz, 194
Ramot, 194
Raš, 221
Rašek, 221
Raška, 221
Rasław, 58
Rašyk, 221
Raszko, 221
Ratmer, 69
Ratmír, 69
Ředhost, 348
Ředhost, 136
Ředivoj, 348
Roch, 222
Rochna, 222
Rochnec, 222
Rodek, 254
Rodko, 254
Ros, 347
Roš, 222
Rosa, 347
Rościgniew, 156
Rościslav, 347
Rosek, 347
Rošk, 222
Róška, 222

Rostek, 347
Rosti-, 347
Rostislav, 347
Roszek, 222
Rozbor, 156
Rozlib, 156
Rozmir, 156
Rozvad, 156, 339
Rozwad, 339
Rudolf, 126
Rudzislav, 126

S*algast*, 141
Samobor, 79
Samoděl, 79
Samosul, 79
Sbych, 219
Sbyljut, 83
Ščit, 152
Ščitek, 152
Seběbor, 70
Sebor, 70
Sechut, 70
Sędomir, 323
Sędzimir, 323
Sędzislav, 323
Sel'ub, 70
Semil, 70
Sěmovit, 67
Seslav, 69, 70
Sěslav, 69
Seslav, 69
Skořej, 206
Slavek, 345
Slávek, 345
Slavko, 345
Slavogost, 150
Slawek, 345

Slawko, 345
Smolęga, 259
Smolig, 259
Smoligowski, 259
Smolik, 259
Smolisz, 259
Snovid, 47
Soba, 332
Sobak, 332
Soběhrad, 332
Soběn, 332
Sobeš, 332
Soběslav, 70
Sobiebor, 332
Sobiech, 332
Sobieslaw, 332
Sobiesz, 332
Sobimisl, 332
Sobiš, 332
Sobisz, 332
Sobko, 332
Sobosko, 332
Sobosz, 332
Soboszko, 332
Sobuš, 332
Stamer, 138
Stamír, 138
Stanimer, 138
Stanislav, 138
Stanislaw, 126
Staslaw, 138
Stogněv, 138
Stojgněv, 138
Stojmír, 138
Stomír, 138
Strach, 331
Strachomir, 331
Strachota, 331
Stradomir, 92
Stradomъ, 79

Stradoslaw, 92
Straš, 331
Sudislav, 323
Sulimir, 150
Sulmír, 150
Suroslav, 158
Světibor, 269
Světislav, 269
Světl(ik), 269
Świecislav, 269
Szczezery, 157
Szczycięta, 152
Sъgorazdъ, 283

Tegoborski, 146
Tegomír, 146
Těšbko, 258
Tichař, 259, 284
Tichodrag, 146
Tichomil, 146
Tichomir, 146
Tihica, 284
Tihoran, 259, 284
Tihožit, 50
Tobrozť, 330
Tradigist, 135
Trěbak, 173
Trěbak, 173
Trěbal, 173
Trebebor, 53
Trebegoj, 53
Trěbek, 173
Trebel, 173
Trěbel, 173
Trebemer, 53
Trebenge, 53
Trěbeš, 174
Trebibrat, 53

Trěbik, 173
Trěbik, 173
Trebiněgъ, 53
Trěbiš, 174
Trěbišinъ, 174
Trěbivitъ, 54
Trebl, 173
Trebla, 173
Trebomirъ, 53
Trěboš, 174
Trěbouň, 172
Trěbún, 172
Trebuš, 174
Trěbuš, 174
Trebwit, 71
Trojslav, 153
Trojslava, 153
trzeba, 53
Trzebala, 173
Trzebek, 173
Trzebiebor, 53
Trzebiel, 173
Trzebiemiar, 53
Trzebiemir, 53
Trzebiemysł, 53
Trzebko, 173
Trzebol, 173
Trzebost, 53
Trzebosz, 174
Trzebowit, 71
Tuch, 48
Tuchom, 48, 246
Tuchoň, 48
Tuchota, 48
Tuček, 271
Tugomer, 146
Tuk, 271
Turdumere, 71
Turomer, 154, 163
Tuš, 48

Tušim, 48, 256
Tušnā. maitiš, 48
Tvrdomír, 71
Twardomír, 71

U*bor*, 93
Ubyslaw, 63
Uciech, 93, 139
Uhost, 93, 139
Ul'ub, 93
Umysl, 93, 139
Unegost, 56
Uněhost, 156
Uněj, 206
Uněmer, 56
Unewit, 56
Uniemir, 56
Unieslaw, 56
Ustoj, 93
Utěch, 93, 139
Utrosz, 142
Utuch, 93

V*ácemil*, 323
Vaclav, 44
Václav, 323
Varobyl, 284
Večemir, 323
Vedemer, 46
Velegost, 106, 129
Velek, 105
Velema, 247
Velen, 104, 105
Velena, 104
Velgost, 106
Velik, 105

Velim, 247
Veljan, 104
Veljana, 104
Vidha, 161
Vidhost, 143, 161
Vidomirъ, 143
Vidoň, 104
Vidoslavъ, 143
Viecemír, 322
Vitan, 103
Vitanъ, 103
Vitek, 346
Vítek, 346
Vitko, 346
Viton, 103
Vitoň, 103
Vitoň, 103
Vítoslav, 238
Vladimír, 43
Vladimírъ, 43
Vlast, 187
Vlasta, 187
Vlastek, 187
Vlastibor, 187
Vlastimír, 187
Vlastislav, 187
Voinj, 272
Vojen, 272
Vojín, 272
Vojmír, 239
Volen, 105
Vrchomil, 156
Vrchoslav, 156
Vřešć, 193
Vrtěžir, 324

W*elemir*, 249
Widogost, 143
Widzimek, 246
Widzinko, 246
Więcemiari, 323
Więcemil, 323
Więcemir, 323
Wieleba, 249
Wielebor, 249
Wielec, 105
Wielomysl, 106, 129
Wielgosz, 249
Wielislaw, 106, 129, 249
Wielko, 105
Wieloba, 249
Wielobor, 106, 129
Wiloň, 105
Wirciżyr, 324
Witak, 346
Witan, 103
Witek, 346
Witoň, 103
Witost, 103, 109, 258,
330
Włościbor, 187
Włościslav, 187
Włost, 187
Wojen, 272
Wojko, 272
Wojmir, 239
Wojnicz, 272
Wojnow, 272
Wrzeszcz, 193

Z*agorzycy*, 288, 304
Żalgost, 141
Závid, 48, 89
Zavidič, 89

Zawid, 89
Zbaq, 90
Zbud, 90
Zbylut, 83
Zbysław, 63
Zbyszek, 218
Zbyszko, 218
Zcorazt, 283
Zdziemir, 213
Zdziesław, 213
Zdziewit, 213
Zdziewuj, 139

Żelgościc, 141
Želiljut, 83
Žerosław, 213
Žest, 195
Žestok, 195
Žirosław, 52
Žirota, 333
Žirota, 333
Žitmirь, 50
Žitomirь, 50
Zlověd, 47
Župan, 194

Zurizlau, 158
Žyrosław, 52, 213

Ἀρδαγαστος, 134

Κωνσταντίνος, 117

Summary

«Archaic toponymy of Novgorod Land: (Old Slavic word buildings from personal names)» is a book devoted to detailed consideration of a great number of geographical names formed by Slavic population of the central areas of Novgorod lands since the first years of Slavic occupation of Ilmen-lake vicinities up to the wreck of the political independence of Novgorod. The main purpose of the research was to make systematic and consecutive analysis of word-building and etymological means of Novgorod toponymy so much unproductive and irregular in structure. For the first time we can see complete and detailed illumination of toponymy of Novgorod region which is region of great historical and cultural importance in Russian history.

The presented monograph is a first part of trilogy of investigation on Novgorod toponymic antiquities. Following books will be devoted to Old Slavic toponymic formations from appellative words, and to Pre-Slavic substrate Novgorod toponymy .

The given book consists of Introduction, seven chapters, Brief conclusions, List of literature and abbreviations, toponymical and anthroponomical indexes where all onomastical materials are fixed.

General Issues of formation of Novgorod lands and Novgorod dialects are represented in Introduction. The author gives us generalized stratification of Novgorod toponymy, makes review of sources of the research, there he declares goals and methodology of his investigation. Novgorod region is one where apparently better than in any other areas of Russia Slavic linguistic antiquities, including Slavic toponymical archaisms had been kept. We understand toponymical archaism as the placename with relict features of structure which to the end of XV century had lost productiveness in the dialects environment. Nowadays we can see those archaisms in modern place names as relicts of Old Slavic and old Russian epochs. We can find such kind of archa-

isms all over Slavia (we understand it as all lands occupied by Old Slavs), especially at the Western part of it. Geographical names based on personal names which disappeared from Novgorod dialects to XVI century and place names formed on lost pre-Slavic derivational models are the object of the present analysis.

Creation from personal names is one of the main tendency in Slavic toponymical antiquities of central areas of Novgorod lands. Placenames based on personal names are mainly names of settlements as far as hydronyms are usually appellatively motivated.

Novgorod placenames are considered on a wide common Slavic background with attraction of a plenty of toponymical and antroponymical parallels from the other regions of Slavia. We try to make distinct local identification of ancient and modern place names.

In Chapter I («Toponymy from personal names with suffix *-j-*») we show a concrete explanation of Novgorod place names which were formed with the archaic suffix *-j-*, which expresses possessive meaning. All such names had lost productiveness by XIV century. We have found such kinds of word buildings came from Old Slavic composite names (*Ламерье, Теробовижа, Уномерь, Сеславль, Сенежье*, etc.), from Old Novgorodian nicknames (*Самокража, Бокотерж*, etc.), from Old Slavic complete personal consist from root and prefix (*Налючи, Бездеж, Немия*, etc.), from Old Slavic complete anthroponyms (*Ходыни, Легоца*, etc.), from personal Christian names (*Игначь крест, Аркажи, Скнятин*, etc.).

Chapter II is devoted to the geographical names with elements *-гоиц/-гост-*, which are motivated with anthroponymy on *-гость* (*Будогоиць, Уторгои, Видогоица, Ходгостицы, Миголоици, Моглогость, Велькошка, Цехоица* etc.). Placenames in question, distinguished by the large originality, are concentrated in the Novgorod lands more dense, than in other regions of Slavia. Their distribution indicate the ways of initial slavic settling of investigated region.

Everywhere numerous toponymy with possessive suffixes *-ов/-ев-, -ин-*, researched in chapter III, kept productiveness as a word-formative type practically during all history of the Russian language. Therefore criteria of archaic character of the appropriate names is incorporated in toponymic stems, which are motivated with the Old Slavic names which have missed in the Novgorod territory up to XVI century (*Рамушево, Ксново, Киево, Пирятино, Безуино, Рахово, Любытино*, etc.).

In chapter IV the significant part of the ancient placenames on *-ичи/-ицы* is investigated which on initial sense are more often patronymic, less often possessive formations. On typology of antroponyms they are divided on some groups: placenames, arisen (through patronyms or direct) on base of Old Slavic complete personal names (*Витославлицы, Онежицы, Хомировичи, Недоблицы*, etc.), on base of Old Slavic hypocoristic names (*Видомлицы, Велимичи, Бракловицы, Велблицы, Уношковичи*, etc.), on the base of personal names that are equal to appellativa (*Ляховичи, Морконницы, Велимичи*, etc.), on base of appellativa with personal meaning

(*Рабитицы, Бикичевицы*, etc.), on the base of christian personal names it is usually with features of Old Novgorodian dialect phonetics (*Киентицы, Фларевичи, Филистовичи, Еваничи*, etc.). The Novgorod toponyms on *-ица*, formed from the personal names, which out of use (*Волотовица, Михалица, Ходыбылиця, Гораздица*, etc.) are separately treated.

Special old russian type makes so-called «catojconymic» toponymy on *-ичи/-ицы* which is analysed in chapter V. This toponymy is motivated either on denominations of the inhabitants in according to the former names of their settlements, or on denominations of initial settlers on appellativa with a landscape signs of a residence (*Боровичи, Креничи, Озертицы, Ельмовичи, Загорици*, etc.). Semantically «catojconymic» placenames on *-'яне* (*Устьяне, Речани, Черняне, Поляне*, etc.) with such toponyms are crossed.

Chapter VI is devoted to the analysis of the geographical names, which without any suffixation are descended from Old Slavic personal names (*Сониа/Сониш, Любонег, Кочевуд, Вычерема, Лядимера*, etc.). Such names mostly are appeared as hydronyms and land names, occurred as a result of metaphorical or metonymical fastening of personal names to one or another topographical objects.

In chapter VII urban toponymy of medieval Novgorod is considered in connecting with street-names (*Редятина, Даньславля, Розважа, Боркова*, etc.). The names of the Novgorod streets taken from the annals and the acts of XI–XV centuries in their overwhelming majority are descended from personal names, too.

Research does not touch upon Novgorod placenames which did not have lost their productiveness after XV century. This is toponymy on *-иха* (*Максатиха, Блазниха*, etc.), on *-щина* (*Санаковищина, Василевищина*, etc.), on *-и/-ы* (*Кулики, Бояры*, etc.), geographical names on *-ово/-ево, -ино* derivated from christian personal names etc. As a rule, such geographical names frequently can be met in many Russian areas, including in territories rather late (after XV century) Russian settling.

As a whole archaic toponymy of the Novgorod land based on Old Slavic and partly christian personal names, usually has onomastic correspondences in east Byelorussia, northwest Ukraine and in the areas where Western Slavs had spread. The facts of Novgorod onomastics testifies on arrival of the Slavs into Ilmen-lake basin mainly from the south (Ukrainian Volin and Galitsia). There are many formations among toponymic archaisms having Novgorod areals only that allows us to speak about early dialectal isolation of researched region.

Zusammenfassung

Das Buch «Archaische Toponymie des Nowgoroder Landes (Die altslawischen Bildungen von Personennamen)» ist der ausführlichen Betrachtung zahlreicher geographischer Benennungen gewidmet, die die slawischen Bevölkerung der zentralen Teile des Nowgoroder Landes von den ersten Jahrhunderten der slawischen Erschließung der Umgebungen von Ilmensee bis zum Zeitpunkt, als Nowgorod seine politische Unabhängigkeit verloren hat, hinterlassen haben. Das Forschungsziel besteht darin, die wortbildenden und historisch-etymologischen Positionen der Nowgoroder Toponymie, für deren Struktur Unproduktivität und Unregelmäßigkeit charakteristisch sind, systematisch und komplex zu analysieren. Die archaische slawische Toponymie des Nowgoroder Landes, die in einer der wichtigsten kulturell-historischen Regionen lokalisiert ist, bekommt hier eine ausführliche Beleuchtung. Die vorliegende Monographie stellt den ersten Teil der wissenschaftlichen Trilogie über die Nowgoroder toponymischen Altertümer dar. Ihre logische Fortsetzung werden zwei Monographien sein, wobei eine von denen den altslawischen toponymischen Bildungen von der appellativischen Lexik gewidmet sein wird, die andere die vorlawische substraten Toponymie des Nowgoroder Landes behandelt wird.

Dieser erste Band besteht aus einer Einleitung, sieben Kapiteln, einem Fazit, einem Literaturverzeichnis, einem Abkürzungsverzeichnis, sowie einem toponymischen und einem athronymischen Index, in denen das ganze zur Forschung herangezogene Material festgehalten ist.

In der Einleitung werden die Fragen der Entstehung des Nowgoroder Landes und der Nowgoroder Dialekte beleuchtet, das Ziel, die Aufgaben und die

Methodik des Forschungsvorhabens erläutert sowie eine zusammengefasste Stratifikation der Nowgoroder Toponymie und ein Überblick über die Quellen und die Literatur zum Thema gegeben. Das Nowgoroder Land ist eine Region, in der slawische sprachliche Altertümer einschließlich slawischer toponymischer Archaismen wahrscheinlich besser als in allen anderen Gebieten Rußlands erhalten geblieben sind. Der toponymische Archaismus kann als eine geographische Benennung mit teilweise Reliktcharakter, die die Produktivität auf der Basis der umgebenden Dialekte zum Ende XV. Jh. verlor und in dem gegenwärtigen toponymastischen System der Region als Relikt der urslawischen und altrussischen Epoche auftritt, beschrieben werden. Die Nowgoroder toponymischen Archaismen finden Übereinstimmungen im ganzen Slawien (dem Lebensraum der Slawen), kommen aber bei westlichen Slawen besonders oft vor. Analysiert werden geographische Benennungen, die vorwiegend durch die aus den Nowgoroder Dialekten zu XVI. Jh. verschwundenen persönlichen Namen motiviert sind, und auch geographische Namen, die nach den seit langem verlorenen gegangenen vorlawischen wortbildenden Modellen gebildet sind.

Die Bildungen von persönlichen Namen sind eine bedeutende Schicht der slawischen toponymischen Archaismen aus den zentralen Teilen des Nowgoroder Landes. Der Massencharakter solcher Benennungen geht mit einer hohen Realibilität ihrer wortbildenden und etymologischen Interpretationen einher, was die Qualität der Forschungsergebnisse erhöht und den beispielhaften Charakter der toponymischer Quelle für das sprachwissenschaftliche Studium und die Ethnographie des Nowgoroder Landes verstärkt. Die mit den Personennamen verbundenen geographischen Namen sind vorwiegend die Benennungen der Siedlungen, weil die Wassernamen in der Regel durch die Gattungslexik motiviert sind.

Die Nowgoroder Benennungen werden unter Berücksichtigung mehrerer allgemeinslawischer toponymischer und anthroponymischer Parallelen aus anderen Regionen in Ost-, Süd- und Westslawien untersucht. Bei der Auslegung der Benennungen werden ihre genaue Lokalisation und die Identifizierung der altertümlichen und gegenwärtigen toponymischen Varianten, die mit einem topographischen Objekt verbunden sind, gegeben.

Im Kapitel I («Die Toponymie von den Personennamen mit Suffix *-j- ») werden die Nowgoroder geographischen Benennungen ausführlich behandelt, die mit Hilfe des archaischen Suffixes *-j-, das die Bedeutung der Zugehörigkeit ausdrückte, entstanden sind. Alle solche Benennungen haben ihre Produktivität bis zum XIV. Jh. verloren. Im Nowgoroder Land haben wir entsprechende Bildungen ermittelt, und zwar von altlawischen Personennamenkomposita (*Ламерье, Тербовижа, Уномерь, Сеславль, Сенежье* etc.), von alten Nowgoroder Beinamenkomposita (*Самокража, Бокотерж* etc.), von altlawischen Vollnamen, die aus einer Wurzel und einem Präfix (*Налючи,*

Бездеж, Немия etc.) bestehen, von altslawischen Vollnamen, die aus einer Wurzel und einem Suffix (*Ходыни, Легоща* etc.) bestehen, von altslawischen hypokoristischen Namen (*Велилы, Витонь, Боручье* etc.), von altslawischen Personennamen, die Homonyme der appellativischen Lexeme sind (*Борже, Менюша* etc.) und von christlichen Personennamen (*Игнач крест, Аркажи, Скнятин* etc.).

Das Kapitel II ist den geographischen Namen mit den Elementen *-гощ/-гост-* gewidmet, die von Personennamen auf *-гость* motiviert sind (*Будогощ, Уторгощи, Видогоща, Ходгостицы, Миголощи, Моглогость, Велькошка, Цехоща* etc.). Diese geographischen Namen, die sich durch ihre Eigenart auszeichnen, konzentrieren sich im Nowgoroder Land dichter, als in anderen Regionen Slawiens. Ihre Lokalisation kann die Wege der ursprünglichen slawischen Besiedlung dieser Region zeigen.

Die zahlreiche slawische Toponymie mit possessiven Suffixen *-ов/-ев-, -ин-,* untersucht im Kapitel III, galt während der ganzen Geschichte der russischen Sprache als ein produktiver wortbildender Typ. Deshalb liegen die Merkmale von Archaismen als Kriterien den entsprechenden toponymischen Benennungen zugrunde, die durch die im Nowgoroder Gebiet bis zum XVI. Jh. verschwundenen altslawischen Personennamen motiviert sind (*Рамушево, Ксново, Киево, Пирятино, Безуино, Рахово, Любытино* etc.).

Im Kapitel IV wird die bedeutende Schicht der altertümlichen Benennungen auf *-ичи/-ицы* untersucht, die nach dem ursprünglichen Sinn oft Vaternamenbildungen und – seltener – Possessivbildungen sind. Nach der Typologie der Ausgangspersonennamen werden sie in folgende Gruppen eingeteilt: geographischen Namen, die (durch Patronym oder direkt) auf der Basis der altslawischen Vollnamen (*Витославлицы, Онежицы, Хомировичи, Недоблицы* etc.), auf der Basis der altslawischen hypokoristischen Namen (*Видомлицы, Велимичи, Бракловицы, Велебицы, Уношковици* etc.), auf der Basis der Personennamen von Appellativen (*Ляховичи, Морконници, Велимичи* etc.), auf der Basis der Appellativen mit einer persönlichen Bedeutung (*Рабитицы, Бикичевицы* etc.), auf der Basis der christlichen Personennamen – gewöhnlich mit den Zügen der alten Nowgoroder Dialektphonetik – (*Кишентицы, Фларевичи, Филистовичи, Еваничи* etc.) entstanden sind. Davon unterschieden werden die Nowgoroder Benennungen auf *-ица*, die von den nicht mehr gebräuchlichen persönlichen Namen (*Волотовица, Михалица, Ходыбылица, Гораздица* etc.) gebildet wurden.

Die besondere altrussische Art bildet die so genannte «katojkonymische» Toponymie auf *-ичи/-ицы*, die im Kapitel V. analysiert wird. Diese Toponymie ist entweder mit den Bezeichnungen der Bewohner nach den ehemaligen Benennungen ihrer Siedlungen, oder mit den Bezeichnungen ursprünglicher Ansiedler nach Appellativa mit Landschaftsmerkmal des Wohnortes (*Боровичи,*

Кременичи, Озертицы, Ельмовичи, Загорици etc.) motiviert. Mit solchen geographischen Namen überschneiden sich semantisch die «katojkonymischen» Benennungen auf *-'ане* (*Устьяне, Речани, Черняне, Поляне* etc.).

Das Kapitel VI ist der Analyse der geographischen Namen gewidmet, die ohne Suffixation von altslawischen Personennamen gebildet sind (*Сониша/Сониши, Любонег, Кочевуд, Вычерема, Лядимера* etc.). Solche Benennungen, die oft als Wassernamen und Flurnamen entstanden sind, traten daraufhin als Ergebnisse der metaphorischen oder metonymischen Übertragung der Personennamen auf ein topographisches Objekt auf.

Im Kapitel VII wird die Stadtoponymie des mittelalterlichen Nowgorod, die mit den Straßennamen verbunden ist (*Редятина, Даньславля, Розважа, Боркова* etc.) untersucht. Die Benennungen der Nowgoroder Straßen, deren Entstehung anhand der Chronik und der Akten der XI–XV. Jh. verfolgt wurde, sind auch meistens von Personennamen gebildet.

Nicht betrachtet wurden Nowgoroder geographische Benennungen, die ihre Produktivität seit dem XVI. Jh. nicht verloren oder sogar verstärkt haben. Dazu gehören Toponymien auf *-иха* (*Максатиха, Блазниха* etc.), auf *-щина* (*Санаковщина, Василевщина* etc.), auf *-и/-ы* (*Кулики, Бояры* etc.), Benennungen auf *-ово/-ево, -ино* von den gebräuchlichen christlichen Personennamen usw. In der Regel kommen diese geographischen Namen oft in vielen russischen Gebieten, auch in den Gebieten mit der späteren russischen Besiedlung (seit dem XVI. Jh.) vor.

Insgesamt findet die archaische Toponymie des Nowgoroder Landes, die durch altslawische und teilweise durch christliche Personennamen motiviert ist, viele onomastische Übereinstimmungen im östlichen Weißrußland, in der nordwestlichen Ukraine und in den Ansiedlungsgebieten westlicher Slawen. Die Tatsachen der Nowgoroder Onomastik sprechen dafür, dass die Slawen an dem Ilmensee nicht vom Westen, sondern vom Süden aus dem ukrainischen Volhynien und Galizien gekommen sind. Unter toponymischen Archaismen werden viele Bildungen ermittelt, die nur im Nowgoroder Land verbreitet sind, was uns den Schluss über eine Frühdialektabsonderung der untersuchten Region erlaubt.

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в 2000г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231
Электронная почта: info@ino-center.ru,
Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона, и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

Научное издание

Васильев Валерий Леонидович

**АРХАИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ
(Древнеславянские деантропонимные образования)**

Монография

Редактор Н. Н. Вихрова

Компьютерная верстка Е. В. Горбачева

Лицензия ЛР № 020815 от 21.09.1998.

Подписано в печать 20.05.2005. Тираж 500 экз. Заказ № 1497.

Физ. печ. л. 28,0. Уч.-изд. л. 29,25. Формат 60 * 90 ¹/₁₆. Гарнитура *Times New Roman*.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

Лицензия ПЛД № 56–39.

Отпечатано в ЗАО «Новгородский ТЕХНОПАРК».

173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41; тел. (816 2) 62-78-83